

ISSN 2219-5408

ПАЁМИ ДОНИШГОҲИ ОМУЗГОРӢ

Нашрияи Донишгоҳи давлатии омӯзгории
Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ

ВЕСТНИК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издание Таджикского государственного
педагогического университета имени Садриддина Аини

HERALD OF THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

Publication of the Tajik State Pedagogical University named
after Sadriiddin Aini

№ 6-2 (67), ноябр

Душанбе - 2015

ПАЁМИ ДОНИШГОҲИ ОМУЌГОРӢ

2015, № 6-2 (67), ноябр

Сармуҳаррир:

Салимӣ Н. Ю. – д.и.фил., академики АИ ҚТ

Муовини сармуҳаррир:

Муллоев А. – д.и.фил., профессор

Котиби масъул:

Абдуллоева Р. Ҳ. – н.и.пед., дотсент

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

Нуъмонов М. - д.и.пед, профессор

Маҷидова Б. - д.и.пед., профессор

Шарипова Д. Я. - д.и.пед., профессор

Пирумшоев Ҳ. - д.и.таър., профессор

Убайдуллоев Н. - д.и.таър., дотсент

Худойдодов А. - д.и.фил., дотсент

Ҷоматов С. С. - н.и.фил., дотсент

Ғазиева М. И. - н.и.фил., дотсент

ВЕСТНИК ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2015, № 6-2 (67), ноябрь

Главный редактор:

Салими Н. Ю. - д-р филол. наук, акад. АН РТ

Зам. главного редактора:

Муллоев А. - д-р филол. наук, профессор

Ответственный секретарь:

Абдуллаева Р. Х. - канд. пед. наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Нугманов М. - д-р пед. наук, профессор

Маҷидова Б. - д-р пед. наук, профессор

Шарипова Д. Я. - д-р пед. наук, профессор

Пирумшоев Ҳ. - д-р ист. наук, профессор

Убайдуллоев Н. - д-р ист. наук, доцент

Худойдодов А. - д-р филол. наук, доцент

Джаматов С. С. - канд. филол. наук, доцент

Ғазиева М. И. - канд. филол. наук, доцент

МУАССИС:

Донишгоҳи давлатии омӯзгории
Тоҷикистон ба номи С. Айни

Маҷалла дар Вазорати фарҳанги
Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 22 январи
соли 2014 таҳти № 0187/мҷ аз нав ба
кайд гирифта шудааст.

Маҷалла ба феҳристи маҷаллаву
нашрияҳои илмӣ тақризнависӣ, ки
Комиссияи олии аттестатсионӣ назди
Вазорати маориф ва илми
Федератсияи Россия барои интишори
натичаҳои асосии илмӣ рисолаҳои
номзадӣ ва докторӣ тавсия медиҳад,
дохил карда шудааст.

ISSN 2219-5408

Суроға: 734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон,
шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 121,
ДДОТ ба номи С. Айни

Тел.: (+992 37) 224-20-12

Факс: (+992 37) 224-13-83

Почтаи электронӣ:

vestnik.tgpu@gmail.com

Суроғаи интернетӣ: www.vestnik.tgpu.tj

Индекси обуна дар феҳристи
«Почтаи Тоҷик» - 77697

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Таджикский государственный
педагогический университет
имени С. Айни

Журнал перерегистрирован
Министерством культуры Республики
Таджикистан от 22 января 2014 года за
№ 0187/мч.

Журнал входит в перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и
изданий, рекомендуемых ВАК для
публикации основных научных резуль-
татов диссертаций на соискание учё-
ной степени кандидата и доктора наук.

ISSN 2219-5408

Адрес: 734003, Республика
Таджикистан, г. Душанбе, проспект
Рудаки 121, ТГПУ имени С. Айни

Тел.: (+992 37) 224-20-12

Факс: (+992 37) 224-13-83

Электронная почта:

vestnik.tgpu@gmail.com

Интернет-адрес: www.vestnik.tgpu.tj

Подписной индекс в каталоге
«Почтаи Тоҷик» - 77697

КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПРИОБЩЕНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Абдуллаева Р. Х., Базарова С. Ш.

*Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни
Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзаде*

Для современной высшей школы важной системой образования является подготовка высокообразованных, эрудированных специалистов с развитым культурно-эстетическим вкусом и художественно-эстетическими способностями. ВУЗ должен так формировать сознание будущих специалистов, чтобы они могли осмысливать свой жизненный путь во всей сложности трудовых, эстетических, культурных и художественных взаимосвязях.

ВУЗ не ставит задачу сделать каждого выпускника специалистом в области какого-либо художественного творчества, а выдвигает новые требования: формирование духовности и культуры; формирование культурно-эстетических потребностей и вкусов всех социальных и возрастных групп населения; формирование эстетического вкуса и оценочных критериев в контексте духовно-нравственных и культурно-эстетических идеалов и т.д. Исходя из этого, задачей высшей школы является подготовка таких специалистов, которые своими действиями, оценками, собственным миропониманием принимали бы участие в культурной жизни общества, а также жизни духовной как особой сферы. Однако, уровень профессионализма в области культурно-эстетического воспитания и качественные характеристики будущего специалиста: эстетическая культура, эстетический вкус, способность к культурно-эстетическому преобразованию окружающей действительности - не всегда отвечают требованиям современного общества, что обостряет актуальность вопросов культурно-эстетического воспитания студентов вузов. Именно ВУЗ должен научить молодое поколение стремиться к развитию, самосовершенствованию, преобразованию мира по законам красоты, не останавливаясь на достигнутом. Красота вдохновляет и духовно обогащает человека, способствует ощущению красоты, дает человеку возможность развиваться в моральном, духовном и культурном плане, обогащать свой внутренний мир. Воспитание должно основываться на общечеловеческих ценностях культуры и строиться в соответствии с непротиворечащими общечеловеческими ценностями и нормами национальных культур и особенностями, присущими определенному народу. Воспитание должно приобщать к различным пластам культуры этноса, общества, мира в целом, помогать человеку приспосабливаться к тем изменениям, которые постоянно происходят в нем самом и в окружающем его мире, находить способы минимизации отрицательных последствий инновации.

Вступление человечества в период перехода общества от индустриального к информационному повышает роль духовного фактора. Духовная сфера, являясь ядром социального генотипа человечества, приобретает решающее значение в его движении по пути дальнейшего прогресса общества (где важнейшим элементом выступает образование, превратившееся в глобальную проблему цивилизации), давая простор творческой деятельности, служит обновлению передачи индивидуально – личностной деятельности, направленной на совершенствование культурно – эстетического вкуса (сознания).

На современном этапе наблюдается методологический прорыв в понимании качественно нового этапа развития современной цивилизации, изучение на научной основе устойчивого развития общества, доказывающее, что доминантами сегодня становятся не материальные ценности, а человек гармонически развитый, духовно богатый, относящийся к сфере прекрасного.

Культура – важнейшая составляющая духовного облика личности. От их наличия и степени развития в человеке зависит его интеллигентность, творческая

направленность стремлений и деятельности, особая одухотворенность отношений к миру и другим людям.

Эстетика – это философская наука о прекрасном в действительности и в искусстве. Культура (возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание), исторически – определенный уровень развития общества, творческих сил, способностей человека.

Культурно–эстетическое воспитание – это целенаправленный педагогический процесс формирования и развития культурно– эстетического, эмоционально–чувствительного, ценностного создания личности и соответствующей ему деятельности под влиянием искусства и национальных традиций.

В настоящее время человечество вступило в период, где определённое место отводится культурно - эстетическому образованию, приобщению к творчеству. Это есть верный путь формирования человека высокой нравственности, культуры и красоты, прекрасного, так как прекрасное - это законченное выражение Добра.

Как известно, обучение и воспитание представляет собой диалектическое единство, и что это две стороны единого процесса подготовки будущего специалиста к активной трудовой и общественной деятельности. В современном понимании культурно-эстетическое образование означает передачу знаний, основ культурно-эстетического в труде, природе, общественных отношениях, в законах искусства. Культурно-эстетическое, как более широкое, чем искусство понятие, включает в себя и художественное понимание. Цель образования - вооружить человека знанием культурных, эстетических и художественных ценностей. Решая вопросы воспитания средствами искусства, функционирует также и объективная закономерность: единство обучения и воспитания.

В свете современной гуманистической парадигмы культурно–эстетическое воспитание представляется неотъемлемым элементом формирования личности, процессом, представляющим уровень её культурно–эстетического и профессионального развития. В основе культурно–эстетического воспитания лежит перевод ценностей материальной, духовной и художественной жизни общества в личный опыт, базирующийся специфические духовные силы, направленные на созидание многообразных конкретно–чувствительных ценностей, и прежде всего, красоты.

Человек, не знающий законов красоты и не имеющий представления о художественном, не в состоянии наслаждаться искусством и созидать художественные ценности. Поэтому от воспитательного процесса в вузе зависит успех подготовленности будущего специалиста.

Нет надобности доказывать, какое место в системе воспитания отводится искусству. Для успешного осуществления воспитательной работы необходимо определить задачи и цели культурно-эстетического воспитания. Задачей культурно-эстетического воспитания является воспитание человека средствами литературы, музыки, живописи, национальных традиций. Необходимо приобщать человека к пониманию, уметь ценить искусство, чувствовать потребность в нём. Оно должно быть направлено на самопознание, выбор жизненного пути, развитие эстетического прекрасного, а также оно является средством достижения цели, но не является самоцелью.

Формирование культурно-эстетического отношения к действительности, его познавательных и деятельностных сил - вот цель культурно-эстетического воспитания. Через искусство, познание его специфики, роли в жизни общества, законов создания образа студент получает возможность приобщаться к опыту духовной жизни человечества. За период пребывания в вузе у студентов должна сформироваться такая сторона культурно-эстетического отношения, как потребность в искусстве, красоте. Именно в ней художественное образование и художественное воспитание найдут своё конкретное выражение. Культурно-эстетическая и художественная потребность - это критерий, на основании которого можно судить о результативности воспитательной работы. Если молодые люди относятся к искусству как ценности, необходимой для дальнейшего совершенствования личности - можно считать задачу решённой.

Культурно-эстетическое начало - было, есть и будет присуще труду человека. «Человек, по натуре своей - художник, - отмечал М.Горький. - Он всюду так или иначе стремится вносить в свою жизнь красоту». Древнегреческий философ Пифагор, автор теоремы, говорил о том, что статую красит вид, а человека его деятельность. Мудрец Софокл, воспевал в своих стихах человека - труженика: «Много есть чудес на свете,

человек из всех чудесней». К примеру, Эзоп отмечал: «Истинное сокровище для людей - умение трудиться» [8, с. 129].

Процесс человеческого труда - результат рождения прекрасных предметов, созданных человеком, его руками. Способность творить красоту - это способность человека всесторонне познать предмет, сознательно ставить цель в своей деятельности, значимость создаваемого предмета для общества. Осознание человеком того, что созданные им предметы, являются продолжением создателя того или иного продукта, что человек способен обращаться с материалом по-разному, что только он, человек, делает тот или иной предмет по-своему замыслу, применяя к создаваемому предмету человеческую меру, пониманием человека «создаваемого продукта труда», должен отвечать как требованиям интересов людей, так и требованиям материала. В конечном счёте, отличаясь от животных, человек является творцом. А, человек творец - это человек, создающий необходимое, нужное.

Труд - это человеческая деятельность, производящая всё необходимое для жизни человека, зависящая от того, в какой степени оно удовлетворяет свои потребности. Отсюда значит, что жизнь человека зависит от его труда, труда творческого.

При ведении воспитательной работы самый лучший способ - ориентироваться на потребность человека в труде, на его чувство ответственности - мощный двигатель, который заставляет человека давать высокие результаты в работе, превзойти самого себя. «Кто работает с любовью, - отмечал Н. Г. Чернышевский, - тот вносит поэзию во всякую работу».

Многие передовые мыслители прошлого, целью воспитания считали не только воспитание человека-творца, человека-гражданина, а человека, который обязан быть счастливым.

Именно культурно-эстетическое воспитание оказывает деятельное воздействие на личность. Это воздействие опосредуется как объективными, так и субъективными факторами и осуществляется не при пассивном восприятии художественных ценностей, а при осознанном контакте с ними. Культурно-эстетическое воспитание несёт в себе огромный заряд. Высшим достижением интеллектуального влияния на личность является формирование представлений о совершенном образце, к которому человек должен стремиться. Эти представления закладываются уже на первичном, эмоциональном уровне в форме непосредственных оценок. На более высоком уровне они органически сочетаются с философской, идейной, мировоззренческой позицией человека.

Итак, высшая цель культурно - эстетического воспитания человека - это выработка потребности к самосовершенствованию и совершенствованию всего окружающего мира в русле гуманистических идеалов. Если эта цель внутренне принята, то путь к формированию целостной, гармонически развитой личности открыт и человек идёт по нему к пределам совершенства. Следовательно, на повестке дня встаёт вопрос о самосовершенствовании человека, его смысла жизни, акцентирования внимания на самоценность и цивилизационную решимость.

Для успешного ведения культурно-эстетического воспитания необходим поэтапный и систематический подход в связи с другими формами общественного сознания, носящий активно-деятельный характер.

Культурно-эстетическое воспитание в ВУЗе осуществляется в процессе обучения и воспитания. Культурно-эстетическое воспитание идёт рядом с наукой, даёт импульс для глубоких теоретических общений и открытий и позволяет студентам в процессе получения образования через естественный цикл изучить то общее, что объединяет человека и природу. Гуманитарные дисциплины обращены к человеку, его истории, они свидетельствуют о богатой духовной культуре людей, где язык считается сокровищницей духовных ценностей. Язык, мышление - это существенные силы человека. Язык выполняет двуединую функцию: служит средством общения и орудием мышления, что является результатом всей человеческой истории. Он также является воплощением культуры мышления, культуры человеческих чувств. Благодаря языку становится видимым, зримым внутреннее содержание человека, его культура. Язык не только «свойство» индивида, но и общества, как социальная форма движения матери. Язык необходим для самовыражения, для понимания мира и самого себя. Овладевая словом, человек приобщается к человеческой культуре, к творчеству.

Для осуществления задач культурно-эстетического воспитания велика роль литературы, истории, философии и других общественных дисциплин, которые способствуют познанию национальной культуры, языка, которые способствуют преемственности. Следует отметить, что возрождение и развитие таджикской национальной культуры и языка имеет ярко выраженную эстетическую основу.

Творческое усвоение лучших образцов культурно-эстетического наследия в их самобытной национальной форме, живое приобщение к духовно-нравственным ценностям древнего таджикского народа, глубокое восприятие их в контексте всей мировой культуры – это единственно возможный путь воспитания нового поколения национальной интеллигенции и реального подъема культурного уровня нации. Таким источником является «Авеста» - древнейший письменный памятник предков ираноязычных, и, в первую очередь, таджикского народа. «Авеста» - это собрание религиозных текстов зороастрийцев, который появился более 2700 лет назад. Зороастризм – самая древняя из мировых религий откровения. Изучение этого шедевра человеческой мысли дает возможность соприкоснуться и реконструировать взгляды, обычаи и традиции в соответствии с которыми была организована жизнь предков таджикского народа в те далекие времена. В ней отражены литература, философия и другие компоненты культуры на заре человеческого общества. «Авеста» оказала огромное воздействие на развитие культуры всех народов мира и тем самым обогатила мировую цивилизацию. Она представляет собой собрание религиозных текстов зороастрийцев. Зороастризм получил такое название на Западе потому, что его основателем был Заротуштра. Счастье человека Заротуштра видел в труде «где благочестивый человек воздвигает дом, наделённый огнём и молоком, женой, детьми и стадами... Там, где благочестивый человек возделывает побольше хлеба, трав, растений и съедобных плодов, где он орошает сухую почву слишком влажную и т.д. Счастье улыбается тому, кто постоянно трудится и стремиться к работе» [5, с. 38]. Во времена «Авесты» здоровая жизнь сопряжена с трудом человека на земле, «которое подобно солнцу прекрасно». Человек труженик, являясь не только частью природы, исполнителем роли правителей, но и создателем материальных благ, красоты. Прекрасное в «Авесте» - не отвлеченное, абстрактное понятие, но имеющее практическое значение [7, с. 45].

В «Авесте» говоря о красоте, наблюдается связь с чистотой, которая применяется не только к человеку, но и к природе в целом. В этом произведении выдвигается мысль о том, кто «отравляет, загрязняет природу, того ждет страшное наказание» [7, с. 46]. С представлениями красоты и чистоты связана категория света, который идет от солнца, и не является блеском или сиянием между Светом и Тьмой. Свет по авестийскому сознанию является миром основной красоты, он проникает во все сферы человеческой деятельности. Отсюда его широкое проникновение в архитектуру, живопись, декоративно-прикладное искусство. Особое место в «Авесте» отводится представлению о цветах, ярко воплотившиеся в архитектуре эпохи Ахеменидов, где господствовали яркость, весёлость, жизнерадостность. Исторический процесс борьбы человека с природой заставил людей ценить силу, могущество и в себе, и в природе.

В «Авесте» также раскрывается роль музыки в трудовой деятельности и быту. Народная музыка и песни становились гимнами в честь различных богов – Митры, Анахиты и др. Изучая «Авесту», как один из древнейших памятников истории таджикского народа, можно подробнее узнать образ жизни наших предков, их культурно-эстетические востребования и проследить преемственность обоснованных идей вплоть до современности. «Авеста» - всемирно духовное достояние, в котором основным критерием является добро. Так, академик М Диноршоев в интервью – диалоге «Культурологическое значение «Авесты» отмечал, что «Авестийский принцип – добрые мысли, добрые речи, добрые дела (кирдори нек, гуфтори нек, пиндори нек). Эти заповеди широко применяются в жизни таджикского народа, которые способствуют облагораживанию человеческих отношений, поступков и действий. М. Диноршоев отстаивал мнение о том, что все другие принципы культурно – эстетического учения «Авесты» сопряжены этим главным постулатом [5, с. 36].

В Средней Азии проблемой культурно-эстетического воспитания была проникнута вся классическая литература, представителями которой являются великие поэты, мыслители и учёные - Рудаки, Абунасер Фараби, Фирдауси, Носир Хисрав,

Абуали ибн Сино, Омар Хайям, Насриддин Туси, Хафиз, Руми, Джами, Ахмади Дониш и др.

Ученый Абу Наср Фароби утверждал, что «Труд – это красота любого предмета, которая состоит в оптимальной реализации его бытия и достижений максимального совершенства. Искусство труда он рассматривал как подражание, цель которого – пробуждение чувств и воображения. Благодаря своему воображению художник воплощает в единичных образах общие идеи» [8].

Культурно–эстетические идеи ученого–энциклопедиста, врача и философа, представителя восточного Аристотелизма Абу Али аль – Хусейн ибн Абдаллах ибн Сино, в значительной мере являются продолжением соответствующих концепций Фароби. Культурно–эстетический смысл выражения «действующая на воображение» заключается в том, что оно выступает различающим признаком, отделяющим поэтическую речь, от познавательных высказываний, ибо душа внимает ей, испытывая наслаждение и удивление от собственного труда» [8].

Так, А. Джами (1414-1492 гг.) считал труд основным смыслом жизни. Только труд делает человека достойным уважения и приносит ему счастье. А чтобы жить своим трудом, человеку необходимо владеть ремеслом, который облагораживает его труд.

*У ремесленника рука, что огрубела от трудов,
Словно напильник, оттачивающий неровности огрубевшей души,
Мозоли на руке (натёртые) в труде — это сладостный кубок
И счастлив тот, кто нашёл отраду в этом кубке.*

Человек, по мнению поэта, ценен не происхождением и богатством, а своим трудом. В труде Джами видел счастье и красоту человека, критерии его достоинства.

Как показывает накопленный педагогический опыт, положительный эффект культурно-эстетического образования достигается лишь в том случае, если воспитуемый не просто знакомится время от времени с теми или иными явлениями искусства, художественными идеями, образами, но оказывается погруженным в определённую среду, обеспечивающую воздействие на все сферы его чувственного мировосприятия и мировоззрения. В этих условиях особенно важно использование богатого опыта и идей культурно-эстетического воспитания, имеющихся в таджикской народной педагогике.

Ещё в начале X века, в период расцвета государства Саманидов, учёные - поэты занимались вопросом о сочинении ритмов и мелодий, о создании и усовершенствовании музыкальных инструментов, что свидетельствует о высокой музыкальной культуре Мавераннахра. Носир Хусрав сложил в своё время ряд музыкальных мелодий и, по преданию, смастерил таджикскую скрипку - гиджак.

Так, А. Джами, уделяя особое внимание культурно–эстетическому воспитанию молодого поколения в ряде своих произведений даёт ценные советы о средствах культурно–эстетического воспитания. Он говорил о значении художественного слова, о ценностях стихов, большое воспитательное значение придавал и музыке. Джами считал, что именно музыка является одним из важнейших средств эстетического воспитания, особенно молодежи.

Народная педагогика, подчеркивая важность культурно-эстетического воспитания, в качестве его факторов, указывает на материальную и духовную культуру народа, запечатлённую в искусстве быта, праздничных обрядах и обычаях, играх, труде, отношении к природе и Родине, и т.д. Причём она требует понимания, что таджикские народные танцы, исполнение народных песен «фалак» и музыкальное искусство таджиков должны быть близки по национальному духу и мелодичности звучания. Задача современного общества - обучать молодое поколение правильному пониманию прекрасного в жизни и быту, в особенностях поведения людей, совершенствовании их нравственных и благородных поступков.

Занимая в системе народного образования особое место, культурно- эстетическое воспитание отражало духовно-нравственные ценности народа, выработанные тысячелетиями и имеющие прикладное значение для воспитания современного подрастающего поколения, ориентируя на бережное отношение к нравственному наследию предшествующих поколений и использование его для разносторонней подготовки современной молодёжи к жизни, к труду.

Создание общей теории педагогической культуры невозможно без становления и развития эстетического воспитания. Каждый народ в процессе своего развития создаёт

определённый идеал человека, который наряду с морально-нравственными, физическими, умственными и трудовыми качествами, обладает культурно-эстетической красотой. Подобный эстетический идеал личности является конечной целью воспитания и самовоспитания культуры человека, требует постоянного совершенства, выступает в роли ценностного ориентира, стимулируя его развитие. Кроме того, труд отражает определённую экономическую формацию, дух времени, в нём сконцентрированы требования социально-экономического и культурного развития данного общества, класса; отражаются те или иные религиозные убеждения; уклад жизни; обычаи и традиции. Поэтому среди многочисленных сокровищ народной педагогической мудрости одно из центральных мест занимает идея эстетического совершенствования человеческой личности, её идеала, являющегося образцом для подражания. Эта идея первоначально - в самом примитивном виде - возникла в глубокой древности. Культурно-эстетическое воспитание в подлинно человеческом понимании стало возможным только вместе с возникновением самовоспитания. От простейших, обособленных, случайных педагогических действий оно переходит к усложняющейся педагогической деятельности. Сам труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным и более многосторонним. Все это повлекло за собой прогресс в воспитании, культуре и эстетике: постановка целей, самому себе и есть конкретное проявление. Что же касается более высоких целей, то они зародились в недрах ещё примитивных форм воспитания.

Таким образом, само понятие совершенства претерпевало историческую эволюцию вместе с прогрессом человечества. Идея гармонического совершенства личности, в том числе и стремление к культурно-эстетической красоте, была заложена в самой природе человека и в характере его деятельности. Народная педагогика уделяла особое внимание культурно-эстетическому воспитанию личности, формировала в подрастающем поколении любовь к красоте. Ни что иное, как окружающая среда, откладывает в душе человека отпечаток на всю последующую жизнь. И от того, что заложено в нем с самого рождения, зависит его дальнейшее нравственное, культурно-эстетическое развитие.

Таджикский народ всегда отличался своим трудолюбием, которое ассоциируется с культурно-эстетическим воспитанием. Труд был не только средством подготовки подрастающего поколения к жизни, но и условием его умственного, нравственного и физического развития. Приобретение трудового опыта было главным в обучении и воспитании. Сочетание трудового и культурно-эстетического воспитания проявлялось и в том, что таджики искусно и тонко изготавливали глиняную и деревянную посуду, отделяли окна и двери своих домов узорными рисунками, красиво разукрашивали потолки и стены красивым национальным орнаментом. Всё это положило начало становлению и развитию народных промыслов. Народ искал радость в труде. В подневольной работе радости, конечно, было мало, но культура и эстетика, вносимая в трудовой процесс, облегчала участь дехканина, делала его жизнь полнокровней.

В современном мире человек ценится превыше всего, в труде же проявляются его сила и красота. В этом виден источник вдохновения, заинтересованного отношения к труду человека. Труд помогает человеку лучше познать действительность, он помогает лучше познать и преобразовать природу. Именно в труде вырабатывается само понятие красоты. Человек может быть счастлив только тогда, когда научится находить в труде прекрасное. Эту красоту призван создать сам человек, и от чего сам он становится прекраснее. Особенность человека ещё и в том, что он, только он сам может создать красоту жизни в процессе использования закона красоты: выработать в себе потребность в творческой деятельности; стремление удовлетворить свои культурно-эстетические потребности в создании красивых и полезных предметов.

Закон красоты - это единство красоты и труда. Там, где срабатывает этот закон, в обществе достигается гармония во всем материальном и духовном. Важна в достижении вся гамма человеческих эмоций и чувств, которая совершенствуется в труде. Для этого необходимо воспитывать культуру жизни и труда, труда творческого, свободного. Проводя учебно-воспитательную работу с молодежью необходимо на современном этапе развивать культурно-эстетическое чувство, памятуя, о том, что культура и эстетика даёт нам жизнь.

Следует отметить, что сегодня, как никогда, следует акцентировать внимание на народное искусство, добрые традиции и обычаи, которые являются не только важными

факторами культурно–эстетического воспитания, но и сейчас служат помощниками в образовании и воспитании. Воспитание любви к национальному фольклору, национальной музыке, родной песне, родному слову и краю должно начинаться с самого рождения человека. Что касается образования, то в нём важно развитие чувства прекрасного, национальной гордости и патриотизма, совершенствование творческих способностей личности и т.д.

Литература:

1. Арипов М. А. Из истории педагогической мысли таджикского народа. Изд.«Ирфон», -4.1. - Душанбе, 1964.
2. Вансков В. В. Что такое искусство? -М., 1988.
3. Выгодский Л.С. Психология искусства.- М., 1966
4. Садохин А. П. Культурология. Теория и история культуры. – М.,2007. – 623с.
5. Проблемы языка, культуры, искусства и философии Востока // Материалы республиканской научной конференции, посвященной 2700-летию создания «Авесты».- Душанбе, 2001
6. Педагогический энциклопедический словарь / Под.ред. Б.М.Бим – Бад.- М.: Большая российская энциклопедия, 2003. – 528 с.
7. Эстетика (Словарь). – М., 1989.

КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ПРИОБЩЕНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается содержание современных культурно-эстетических знаний. Раскрываются вопросы развития-эстетического воспитания в педагогической деятельности, которая выдвигает новые требования; формирование духовности и культуры, эстетических потребностей и приобщение их к творчеству и национальной культуре; формирование культурно-эстетического вкуса и оценочных критериев в контексте духовно-нравственных и культурно-эстетических идеалов.

Ключевые слова: культурно-эстетическое воспитание, формирование, духовность, нравственность, красота, деятельность, идеал, потребность, целостность, духовно-культурные ценности.

CULTURAL-AESTHETIC EDUCATION AS AN INTRODUCTION TO CREATIVITY AND NATIONAL CULTURE

The article discusses the meaning of modern cultural - aesthetic knowledge. Here issues of cultural - aesthetic education in educational activities, which puts the new requirements, formation of spiritual and cultural, aesthetic needs and bringing them to creativity and national culture, the formation of cultural - aesthetic taste, and evaluation criteria in the context of moral and spiritual, cultural and aesthetic ideals are considered as well.

Keywords: cultural-aesthetic education, formation, spirituality, morality, beauty, activity, ideal, the need for integrity, spiritual and cultural values.

Сведения об авторах: Абдуллаева Розия Хакимовна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по международным отношениям Таджикского государственного педагогического университета им. Садриддина Айни, e-mail: roziahon@mail.ru

Базарова Саноат Шукуровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и методики Таджикского государственного института языков им. Сотима Улугзаде.

About authors: Abdullayeva Roziya Khakimovna, PhD of pedagogical sciences, docent, vice-rector on international relations, Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni, e-mail: roziahon@mail.ru

Bazarova Sanoat Shukurovna, doctor of pedagogical sciences, professor of pedagogy, psychology and methodics chair of the Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulughzoda

АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ЦЕННОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ

Холбобоева Х. Б., Шарипова Д. Я.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Проблемы обучения и воспитания относятся к числу тех, разработка которых в настоящее время настоятельно требует комплексного и системного подхода. Как известно, основы системного подхода применительно к общественным явлениям были разработаны К. Марксом, в области биологии – Ч. Дарвиным, в области химии – Д. М. Менделеевым.

Значительное влияние на развитие системного подхода оказала кибернетика, возникшая первоначально как наука об управлении в живых и механических системах. В настоящее время системный подход претендует на выделение его в особую теоретическую науку, которой дают разное название – «системология», или «общая теория систем» и др.

По мнению российского учёного В. Г. Афанасьева, общая теория систем оказала положительное влияние в разработке понятийного аппарата, в раскрытии формально-логических аспектов описания систем и их общих свойств, в использовании многих наук [3, с. 22-26].

К настоящему времени ещё не сложилось единой оценки научной ценности системного подхода.

По крайней мере, выделяются три тенденции:

- одна из них связана с рассмотрением системного подхода, как универсального принципа и поднятия его на уровень мировоззрения;
- другая тенденция - системный подход трактуется как единый для многих наук принцип, или методология познания;
- третья точка зрения в системном подходе просто технология исследования.

Системный подход, получив общенаучное признание и широкое распространение, разрабатывается в разных областях, направлениях и аспектах: теоретическом; методологическом; формально-логическом.

Наибольшее развитие и значение системный подход приобретает в теории и практике управления.

Несмотря на общее признание, которое получил системный подход в различных областях знаний, он *«пока ещё не имеет чётко сформулированных общих принципов и собственного лица»*. Это обнаруживается, прежде всего, в многозначности определений понятия «система», многообразии классификаций системных объектов.

Российский учёный Н. В. Садовский [8, с. 11-13] приводит около 40 определений понятия «система».

В. Г. Афанасьев [3] называет ряд ведущих признаков, посредством которых системы могут быть описаны как целостные образования:

- ♦ наличие интегративных качеств (системность), т.е. таких качеств, которыми обладает ни один из отдельно взятых элементов, образующих систему;
- ♦ наличие составных элементов, компонентов, частей, из которых образуется система;
- ♦ наличие структуры, т.е. определённых связей и отношений между частями и элементами;
- ♦ наличие функциональных характеристик системы в целом и отдельных её компонентов;
- ♦ наличие коммуникативных свойств системы, проявляемых в двух формах: в форме взаимодействия со средой и в форме взаимодействия данной системы с суб- и суперсистемами, т.е. системами более низкого и высокого порядка, по отношению к которым она выступает как часть (подсистема) или как целое;
- ♦ историчность, преемственность или связь прошлого, настоящего и будущего в системе и в её компонентах.

Кроме общих для всех систем признаков, в качестве специфических свойств биологических и особенно социальных систем выделяются такие признаки системы, как

«наличие целей и управление». Многие из перечисленных признаков положены в основу существующих классификаций системных объектов.

Имеется множество способов вычленения систем в зависимости от задаваемого критерия, на основе которого производится рассмотрение реальной действительности.

Педагогические системы – это системы динамические, так как, они функционируют в условиях изменчивости различных факторов внешнего окружения, а также перемены внутренних состояний системы, вызываемой этими факторами.

Так, в любой педагогической системе процесс обучения и воспитания протекает в условиях видоизменения педагогических целей и возникновения новых задач в области обучения и воспитания по мере развития и прогресса общества, постоянного обновления научной информации на основе, которой формируются учебные предметы, в условиях совершенствования старых и создания новых форм и методов обучения и воспитания, а также постоянного обновления контингента учащихся и педагогических кадров.

Педагогические системы возникают, создаются и действуют с определёнными целями, в которых выражается осознанная потребность общества в обучении и воспитании, т.е. в изменении психики детей, подростков и взрослых людей. Целевые характеристики системы выступают существенными признаками систем с активным поведением, которое предлагает преобразование окружения в соответствии с имеющимися потребностями и целями. Такие системы с активным поведением принято называть целеустремлёнными, или целенаправленными. К их числу относятся и педагогические системы.

Основное отличие всех целеустремлённых систем, включая и педагогические, от всех других состоит в том, что они по своей природе «много-многофункциональны». Это значит, что в одинаковых или разных окружениях сама система целиком или её подсистемы и элементы могут видоизменять цели, выполнять, разнообразными способами действий для достижения разных или одинаковых результатов. Благодаря вариативности в своих действиях и производимых ими результатов педагогические системы приобретают относительную независимость от внешней среды и окружения.

В рамках целеустремлённых и динамических систем педагогические системы следует относить к числу развивающихся. Таковыми они являются потому, что по мере общественного, социального и научно-технического прогресса совершенствуются, развиваются и сами педагогические системы в структурном, функциональном и историческом аспектах.

Педагогические системы функционируют и развиваются не стихийно. Происходящие в них изменения носят упорядоченный характер благодаря управлению. Упорядоченность структурно-функциональных компонентов, их интеграция и взаимодействие со средой могут обеспечиваться собственными органами и механизмами управления. В этом смысле педагогические системы выступают как системы самоуправления.

Таким образом, педагогические системы: реальные - (по происхождению); социальные - (по субстанциональному признаку); сложные - (по уровню сложности); открытые - (по характеру взаимодействия с внешней средой); динамические - (по признаку изменчивости); вероятностные - (по способу детерминации); целеустремлённые - (по наличию целей); самоуправляемые - (по признаку управляемости).

Все многочисленные подходы к определению понятия «система» можно объединить в две группы:

♦ К первой группе определений в качестве существенного признака всякой системы указывается целостность.

♦ К другой – система рассматривается как множество элементов вместе с отношениями между ними. В педагогике к этой группе определений представлена точка зрения российского учёного Н.В.Кузьминой для которой педагогическая система есть «множество взаимосвязанных структурных и функциональных компонентов, подчинённых целям воспитания, образования и обучения подрастающего поколения и взрослых людей [5, с. 67-69].

Однако следует иметь в виду принципиальное отличие множества от системы, которое состоит в том, что при формировании множества исходными являются элементы, тогда как для системы генетически первичным является признак целостности, или интегральности. Для системы элементы заранее не задаются, они выделяются и

выбираются в процессе чтения, причём каждый объект допускает возможность различных его сечений в соответствии с задаваемыми критериями.

Например, российский учёный П.К.Анохин подчёркивает, что для формирования системы является принципиальным не столько простое взаимодействие какого-либо множества элементов, сколько их взаимодействие получению интегрального, общего эффекта, результата, цели, ради которых и благодаря которым вовлекаемые элементы множества организуются в систему [2, с. 76-77].

Как уже упоминалось ранее, один и тот же системный объект может быть рассмотрен с разных сторон, он допускает множество оснований, принципов и критериев для его распределения на элементы. Выбор же задаваемого критерия определяется задачами, целями исследования, особым подходом или точкой зрения исследователя. При выделении системы должны быть одновременно заданы как системообразующий критерий, так и условия формирования системы.

Об эффективности обучения мы судим, прежде всего, по психолого-педагогическим результатам, по тем психическим изменениям и новообразованиям, которые формируются в процессе управляемой учебно-воспитательной деятельности у учащегося. Однако это общее указание на психолого-педагогический результат как на главный критерий эффективности обучения мало проясняет дело и не даёт психологические сдвиги, возникающие в результате обучения и воспитания. Содержательное определение критерия должно быть дополнено требованием измеримости.

Поскольку воспитание и обучение нормативно по своей природе, то психолого-педагогические результаты, которые первоначально фиксируются в целях обучения, должны быть заданы в конкретно-требуемых и взаимосвязанных психологических качествах с определением желательной степени их выраженности. Определить качественные и количественные параметры целей обучения и воспитания, т.е. предстоящего психолого-педагогического результата, это и есть задать нормы функционирования педагогической системы и отдельных её подсистем. Полнота и степень приближения к заданным нормам в психолого-педагогических результатах обучения и воспитания и будут выступать показателями его результативности и продуктивности.

Отсутствие задаваемого критерия или системообразующего признака, фактора, может приводить к подмене одной системы другой, состоящей из тех же элементов, но рассматриваемой с какой-либо иной точки зрения. Чтобы избежать возможности такой подмены и смешения систем, выбор однозначного системообразующего критерия следует считать центральным моментом системного подхода.

Соотнесение конечных или промежуточных психолого-педагогических результатов обучения и воспитания с произведёнными затратами разного рода – временными, материально-финансовыми, организационными, физическими, психологическими и др., даёт производный от результативности показатель – эффективность обучения и воспитания, который свидетельствует не столько об уровне достижения целей, сколько о трудоёмкости и экономичности выбранных способов воспитания и обучения. Понятие результативности и эффективности в сфере образования имеет свои эквиваленты в понятиях академической успеваемости и учебной успешности, о которой мы скажем подробнее в своей исследовательской работе, а пока мы говорим об исходном критерии оценки успешности обучения и воспитания – психолого-педагогическом результате.

Результативность или продуктивность является лишь одним из универсальных критериев оценки успешности функционирования любой социальной системы управления. Другим таким универсальным критерием оценки эффективности социального управления называют в различных источниках удовлетворённость работой членов социальной организации. Действует этот критерий и в сфере образования, но в специальном его содержании.

В составе мотивационно-целевой основы учения дополнительными критериями, кроме, уровня профессиональной направленности, являются уровень учебной мотивации, выражающей систему отношений к учению, выступающему в качестве средства достижения целей обучения, а также уровень отношений учащихся к различным учебным дисциплинам, представляющими предметное содержание дальнейшей учебной системы.

Все социальные системы функциональны по своей природе, ибо они стремятся к каким-либо определённым целям. Целеустремлёнными являются и педагогические системы. Все структуры преобразования в педагогической системе, состав, степень участия и вовлечённости в её деятельность различных элементов определяются, прежде всего, в какой мере эти элементы или объединения соответствуют получению заданного психологического результата – цели обучения или воспитания. Вот почему функциональный подход должен быть доминирующим при определении и выделении ведущего фактора или критерия, образующего любую социальную систему, в том числе и педагогическую.

Успеваемость представляет собой показатель, отражающий степень совпадения фактического и запланированного результата. Этот показатель определяется с помощью педагогической оценки, выраженной в числовой форме – в отметке.

«Отметка» – это условное выражение количественной оценки знаний, умений и навыков, обучаемых в цифрах или баллах.

Большое значение имеет объективная оценка, единый подход к определению качества знаний. Проблема эта не простая, особенно если учесть, что оценка знаний – тонкий и острый инструмент воздействия на учащегося. Высокая оценка знаний может и воодушевлять обучающегося к учению, но может и расхолаживать его в работе. Ещё сильнее воздействует неудовлетворённая оценка: она может и побуждает к усилению учебной работы, и убивает охоту к учению.

Вот почему последние годы возникают острые дискуссии, которые облекаются то в форму борьбы с так называемой процентоманией, т.е. завышением отметок, то принимают форму предложений о переводе из класса в класс независимо от качества знаний. В этой связи определённый интерес представляет та эволюция, которая прошла в стране проблема оценки знаний.

Однако за каждым намеренным завышением или занижением оценки может стоять разный смысл. Например, выставление положительной оценки слабому ученику может восприниматься как фактор психологической поддержки его в учебных продвижениях. Поэтому не все субъективные оценочные суждения следует рассматривать как ошибки.

Все названные содержательные критерии оценки эффективности обучения (*учебная мотивация, активность, самостоятельность, творчество, самоуправление*) относительно независимы, но вместе с тем взаимосвязаны многозначными отношениями. Это единство разнообразных содержательных критериев оценки психолого-педагогических результатов обучения находит своё выражение в таком интегральном формализованном и едином для всех учебных критериев, как академическая успеваемость или просто успеваемость.

Нам представляется, что таким общим критерием выделения структурных элементов системы, обуславливающих их взаимную близость и интеграцию, а также обеспечивающим коммуникативные свойства системы и её иерархическое строение, выступает управление. В качестве системообразующего фактора управления может быть принят потому, что, как справедливо подчёркивает В.Г.Афанасьев именно посредством управления реализуется цель, которая стоит перед социальной системой и которая предопределяет характер её функционирования и развития [3, с.45-47].

Выработка абстрактной модели управления имеет эвристическое и практическое значение, поскольку она способствует обеспечению оптимального управления в педагогических системах.

В настоящее время ряд учёных считают, что состав и последовательность процедур, из которых складывается процесс управления, один и тот же для всех самоуправляемых и целеустремлённых систем. При этом недооценка или пропуск любого из функциональных элементов ведёт к деформации всего процесса управления и снижению его эффективности.

Сами же функциональные звенья управления рассматриваются как особые, относительно самостоятельные виды деятельности, последовательные и взаимосвязанные друг с другом стадии, или этапы, полный состав которых образует единый управленческий цикл. Завершение одного цикла является началом нового, и таким образом обеспечивается «перманентность управленческого процесса, происходит реальное движение от низших к высшим качественным состояниям управляемой системы.

При наличии общности представлений многих авторов о циклическом характере процесса управления и универсальности архитектоники, схемы и технологии его протекания в современной литературе по управлению, тем не менее, ещё не сложилось единого взгляда на сущность и этапы управления.

Так, в своё время Л.И.Уманская рассматривала процесс управления как деятельность по реализации целей организации. В ряде работ, в частности В.А.Трапезникова [9, с. 25-27], управление сводится к организации или координации совместных действий членов организации. Под влиянием теории связей нередко процесс управления определяется как обеспечение оптимальных коммуникаций и каналов связей в функционирующей системе. Иногда процесс управления сводится к функциям контроля над состоянием системы или регулированию [10, с. 67-69].

Различиями в подходах к определению управления обуславливается и выделение разных по числу и содержанию основных компонентов в функциональном составе управления.

В современной педагогической литературе существует множество классифицированных схем функционального состава управления. Ограничимся лишь краткой характеристикой тех или иных, которые наиболее полно различаются по социальному управлению, а также в области психологии и педагогики.

Российский учёный Б.Ф.Ломов подчёркивая универсальность строения любого вида деятельности, в том числе и управленческого, выделяет в ней следующие основные функциональные блоки: мотив, цель, планирование; переработка информации; оперативный образ или концептуальная модель; принятие решения, действия; проверка результатов и коррекция действий.

В.Д.Шадриков в психологическую систему деятельности включает: мотивы, цели; программы; информационную основу; принятия решений; подсистему профессионально важных качеств [11, с. 50-54].

Перечисленные составляющие свойственны и управленческой деятельности, как любой другой профессиональной деятельности - психологический анализ функционального состава управленческой деятельности был проведён А.И.Китовым. Он выделяет в управлении три стадии: диагностическую или познавательную; творческую; организаторскую.

Диагностическая, или познавательная, стадия связана с формированием информационной модели или образа управленческой ситуации и объекта управления, которая выступает в качестве информационной основы для второй, творческой, стадии управления, представляющей собой этап принятия решений и формирования программы действий.

Третья, организационная, стадия связана с исполнением принятого решения и реализацией выработанной программы на практике.

Рассматривая процесс управления педагогическими системами как процесса решения множества педагогических задач по обучению детей и взрослых, Н.В.Кузьмина выделяет 5 (*пять*) основных функциональных компонентов, которые, отражаясь в структуре деятельности преподавателя, воспитателя, руководителя учебного подразделения, становятся основой управления учебной работой учащихся и формирования их личности [5, с. 45-48].

По нашему мнению, правильнее было бы трактовать конструктивное звено в управлении педагогическими системами как этап формирования и принятия педагогических решений по переводу учащихся из одного психологического состояния в другое, поскольку он связан с разработкой (конструированием) и выбором оптимальных способов обучения и воспитания. Этим восстановилась бы неоправданно выпавшая из общей схемы управления стадия принятия решений.

Аналогичным образом выделение из гностического компонента управления стадий формирования результатов и рассмотрение их в качестве относительно самостоятельных факторов управления позволило бы занять этим функциям своё законное место в общей функциональной архитектонике управления.

Введение функций контроля и оценки, столь характерных для обучения и воспитания, предполагает и включение в схему управления его замыкающей стадии, называемой как регулирование применительно к механическим системам и как коррекция применительно к практике работы с людьми.

Изучение особенностей коммуникативного поведения в типичных учебно-педагогических ситуациях общения, т.е. в семье и в школе, приобретает важное значение для решения задач по управлению взаимоотношением и взаимодействием субъектов учебно-воспитательного процесса, а также в практике повседневного общения людей друг с другом.

П.К.Анохин подчеркивает, что в большинстве случаев психолого-педагогическое состояние, возникающее в результате противодействия каких-либо факторов, блокирующих удовлетворение потребностей и мотивов, дезорганизующие индивидуальное сознание и поведение человека, имеют социальную природу и связаны с распадом и нарушением социальных связей личности, с изменением социального статуса и социальными утратами. Согласно В. С. Мерлину основными формами проявления эмоциональных реакций на результат противодействия каких-либо факторов, блокирующих удовлетворение потребностей и мотивов, является агрессия, досада на себя, обесценивание цели или задачи, тревожность, подавленность или депрессия [7, с. 8-10].

Если состояние реакции на результат противодействия каких-либо факторов, блокирующих удовлетворение потребностей и мотивов понимать как эмоциональный и коммуникативный отклик на социальную ситуацию, т.е. на ситуацию общения, а последняя всегда связана с отражением и пониманием людьми друг друга, то можно предположить о существовании связи между интеллектуальными характеристиками и формами его реакций, по отношению к которым познавательные процессы выполняют осведомительную и регулятивную функцию.

Поскольку результат противодействия каких-либо факторов, блокирующих удовлетворение потребностей и мотивов связана с дезорганизацией сознания, деятельности и коммуникативного поведения человека, то её характеристики могут выступать в качестве индикаторов адаптивных возможностей личности к социальному окружению.

Многими исследователями неоднократно подчёркивалось, что мера влияния родителей, педагога на учащихся зависит от того, как воспринимается, оценивается родитель или учитель и его коммуникативные поведения с детьми. На основе оценок и отношений детей к взрослым складывается его авторитет как форма добровольного высокого признания личности взрослого и его влияния на них.

Авторитет, являясь результатом его взаимоотношений, становится значительным фактором, определяющим эффективность педагогических воздействий. И хотя само по себе высказанное положение о заметной роли авторитета взрослого на организацию и результаты учебной работы учащихся не представляется вовсе новым, тем не менее, конкретных исследований, которые его доказывали бы экспериментально крайне мало.

Успеваемость представляет собой показатель, отражающий степень совпадения фактического и запланированного результата. Этот показатель определяется с помощью педагогической оценки, выраженной в числовой форме – в отметке. За каждой отметкой, выставленной учителем или преподавателем школьникам или студентам, стоят их знания и прилежание, т.е. отношение к ученику, их учебная и общественная активность, поведение. И хотя в общеобразовательной школе по директивным документам оценки поведения за знания, прилежание и поведение должны разводиться, в повседневной же педагогической практике такое разведение – является редкое. Очень часто оценка поведения становится оценкой знания и наоборот. Например, оценка за поведение и прилежание отличникам, как правило, завышается, а слабоуспевающим – занижается и, наоборот школьник плохого поведения вряд ли может рассчитывать на отличные оценки, даже если знания его этих высоких оценок заслуживает. Подобного рода смещения обратимого характера в оценочной деятельности педагогов скорее означают закономерность, чем редкое исключение. И это ещё раз свидетельствует о неотделимости условно выделенных нами содержательных (психологических) критериев оценки эффективности обучения и воспитания.

Отметки получили признание в школьной (вузовской) практике ещё и потому, что они являются удобным инструментом, с помощью которого можно оценивать и сравнивать не только индивидуальные достижения отдельных школьников, успехи отдельных учебных подразделений, школьных классов, учебных групп, но также учебных заведений в целом в региональном, республиканском масштабах. Хотя

необходимо отметить, что переход на кредитную систему обучения в вузах и некоторых школах, должна учитывать и определённые критерии оценки.

Отметка как показатель успеваемости и её уровня в большей мере фиксирует сам результат. Когда же хотят подчеркнуть ещё и способы учения, позволившие достигнуть тот или иной результат, - высокую или низкую успеваемость – применяют понятие учебной успешности.

Впервые понятия учебной успешности было введено российским учёным Б.Г.Ананьевым.

Оно учитывает: темпы; напряжённость; индивидуальное своеобразие, т.е. стиль учебной работы; степень прилежания и усилий, который прилагает обучаемый, чтобы прийти к определённым достижениям.

В данном отношении понятия академическая успеваемость и учебная успеваемость соотносимы с понятием результативности и эффективности, применяемым в общей теории управления.

Разнообразные по содержанию и форме критерии можно отнести к внутренним критериям оценки эффективности обучения в той или другой педагогической системе, такие как: профессиональная компетентность; профессиональная направленность; учебная активность; умственная самостоятельность; академическая успеваемость; учебная успеваемость.

Но, все педагогические системы между собой связаны и поэтому качество, и результаты работы одних отражаются на положении дел других, особенно тогда, когда они находятся в преемственных отношениях. Так плохая работа общеобразовательной (особенно начальной) школы вызывает множество проблем в системе высшего образования, а плохая работа вузов, выпускающая слабых специалистов, отражается в снижении уровня и эффективности производства, а, следовательно, на уровне и темпах социально-экономического развития всей страны.

Поэтому внутренние критерии оценки эффективности работы различных уровней учебных заведений должны дополняться, внешними. Так, для общеобразовательной школы такими внешними критериями могут быть адаптация школьника на первых этапах обучения начальной школы, его уровень знаний, умений и навыков – это устойчивость в последующих уровнях обучения общеобразовательной школы и т.д.

Мы назвали лишь самые общие критерии оценки эффективности обучения и воспитания. Однако в каждой педагогической системе на разных уровнях её функционирования эти обобщённые критерии могут дополняться и конкретизироваться более частными и разнообразными по содержанию критериями оценки локальных, промежуточных и конечных результатов обучения.

Сопоставляя эффективность учебной деятельности в процессе взаимоотношений родителей с детьми с разными по стилю способами воспитания, обнаруживается значительное преимущество демократического стиля по сравнению со всеми другими стилями воспитания. Все изложенные выше общеметодологические аспекты системного подхода к проблемам обучения и воспитания являются достаточным исходным основанием для нашего исследования.

Литература:

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. В 2-х т. М., 1980.
2. Анохин П. К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы. М., 1978.
3. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980.
4. Китовым А. И. Психология управления. М., 1979.
5. Кузьмина Н. В. Понятие «педагогическая система» и критерии её оценки // Методы системного педагогического исследования. Л., 1980.
6. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии и педагогики. М., 1984.
7. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.
8. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М., 1974.
9. Трапезникова В. А. Теория управления: развитие и проблемы. М., 1974.
10. Уманская Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980
11. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982.

АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ЦЕННОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ

В статье рассматриваются исследования названных авторов, которые показали, что процесс обучения имеет свои специфические закономерности, которые не могут быть учтены при формировании общей теории обучения человека на разных стадиях его психолого-педагогического развития. Создание такой общей психолого-педагогической теории обучения крайне необходимо в интересах научного обоснования широкомасштабных программ организации непрерывного образования в нашей стране.

Ключевые слова: исследование, закономерность, формировании общей теории обучения, обоснование, развитие.

THE ANALYSIS AND THE METHODOLOGICAL CHARACTERISTIC OF AN ESTIMATION OF SCIENTIFIC VALUE OF THE SYSTEM APPROACH TO A PROBLEM OF ESTIMATED ACTIVITY OF THE TEACHER

In this article researches of the named authors which have shown are considered, that training process has the specific laws which can be considered at formation of the general theory of training of the person at different stages of its psihologo-pedagogical development. Creation of such general psihologo-pedagogical theory of training is extremely necessary in interests of a scientific substantiation of large-scale programs of the organisation of continuous formation in our country.

Keywords: researches, laws, formation of the general theory of training, a substantiation, development.

Сведения об авторах: Холбобоева Хосият Бобомуродовна, аспирант кафедры общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: hosiya@mail.ru

Шарипова Дильбар Яхьяевна, доктор педагогических наук, заведующая кафедрой общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: dsaripova58@mail.ru

About authors: Kholboboeva Khosiyat Bobomurodovna, post-graduate student of the chair of General pedagogics, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: hosiya@mail.ru

Sharipova Dilbar Yahyaevna, doctor of the pedagogical sciences, head of the chair of General Pedagogy, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: dsaripova58@mail.ru

ОИЛА ВА МУШКИЛОТИ ОН ДАР ЧОМЕАИ МУОСИР

Умарова Г.

Донишқадаи давлатии санъати Тоҷикистон ба номи М. Турсунзода

Дар Тоҷикистон ҳамасола барои беҳбуд бахшидан ба тамоми соҳаҳои ҳаёти ҷамъияти таҳқиқот гузаронида мешавад. Мушоҳидаҳои солҳои охир нишон медиҳанд, ки барои солим гардонии оила ва рушди ҷомеаи солим Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон як қатор қонун, санад ва уҳдадорихои махсусро ба имзо расонид. Ба монанди Қонуни ҶТ «Дар бораи танзими анъана ва ҷашну маросимҳо» (8 июли соли 2007) ва Қонуни ҶТ «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд» (14-уми декабри соли 2011). Ин қонунҳо дар беҳтар гардонидани ҳаёти иҷтимоии мардум нақши боризе гузоштанд [2].

Ин ҷо бамаврид аст, таъкид намоем, ки дар шароити имрӯза соли 2015-ро Пешвои миллат Эмомалӣ Раҳмон «Соли оила» эълон намуданашон маҳз барои рушд ва такмил додани талаботҳои ҷомеаи муосир буд. Ҳамчунин бояд ёдовар гардид, ки вазъи саломатии оилаҳои ҷавон боиси нигарони гардидааст. Як нуктаро қайд кардан ба маврид аст: аз рӯи маълумоти оморӣ 28 ҳазор маъҷубон дар ҷумҳурии зиндагӣ мекунанд, ки аз нисф зиёди онҳо аз рӯи никоҳи хешу табории наздик таваллуд шуда, ба бисёр бемориҳои табоатнашаванда гирифтор гардидаанд. Аз ин рӯ баробари солимии оила ба солимии ҷомеа диққати ҷидди намудан зарур аст.

Барои солимии ҷомеа, пеш аз ҳама бояд оилаамонро солим нигоҳ дорем. Вале имрӯз бо воқеаҳои рӯ ба рӯ мешавем, ки он боиси нигаронист.

Ҳангоми сафари корӣ дар яке аз деҳаҳои хурдтарини кӯҳистон ба ҳодисае рӯ ба рӯ гардида, онро таҳқиқ намудем: Ба мо маълум шуд, ки танҳо соли 2014 дар деҳаи «Лангар»-и ҷамоати Урметан дувоздаҳ нафар худкушӣ кардаанд. Аз рӯйи пурсишҳои журналистӣ маълум гардид, ки 70% навахонадорон ҳешу табори наздиканд. Бештарашон бо фарзандони ҳолаву амаку аммаҳояшон оила бунёд кардаанд, ки ақаллан як пушт нагузаштааст. Сипас аз номувофиқ гардидани рӯзгори оиладорӣ, бародар бо бародар, хоҳар бо хоҳар, хоҳару додар бо ҳам қаҳрӣ ва чун бегонагон дар часпу талошанд.

Ин ҷо қайд кардан ба маврид аст, ки мо аз фарҳанги воломақоми тоҷикона то ба кучо дур мондаем? Ҳатто мардуми рус бародарзодаву хоҳарзодагони ҳешро «ҷиян» ва ё холабачаҳову амакбачаҳои ҳешро «бародари дуҷум»-и ҳеш меҳисобанд. Дар ин деҳа боз бо як оила дучор шудем, ки падарарӯсу модарарӯс аз хона келинро бо ибораи дигар ҷияни худро пеш кардаанд, ки оқибат шавҳараш худашро ба дарё партофтааст. Дар ҷумҳурии мо то соли 2016 чор ҳазор деҳаву шаҳрак ба қайд гирифта шудааст. Агар соле Худо накунад ақаллан як ҳодисаи нохуш рӯй диҳад, чӣ қадар бадбахтӣ мешавад? Ҳол он ки дар баъзе деҳаҳо ин нишондиҳандаҳо хеле зиёданд. Мушоҳидаҳо аз он дарак медиҳад, ки мо аз тарбияи фарҳангӣ, мактабӣ, маърифати оиладорӣ дур монда, мавқеъ ва аҳмияти тарбиявӣ хулро аз даст дода истодаем. Ва имрӯзу ҳама рӯз, инсоният ба тарбият ниёз дорад. Халқи тоҷик дорои фарҳанги бой буда, доир ба таълиму тарбия ҳикматҳои пандомези зиёде дорад, ки сари он андешидан аз манфиат ҳолӣ нест.

Аз ҷумла мегӯянд, ки «тарбия аз остона, яъне хона оғоз меёбад», ё худ «аспро маҷбур ба лаби об бурдан метавон, вале маҷбур об нӯшонидан наметавонӣ». Аз ин рӯ, мо - падарону модарон, мураббӣёну устодон уҳдадорем, ки фарзандро ба ҳештаншинӣ, худро дарёфтани дар ҷомеа мавқеи шоиста пайдо карда тавонистан, инсонии комил гардиданашон тарбият намоем.

Чуноне ки мардуми кишвари мо медонанд, Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, муҳтарам, Эмомалӣ Раҳмон аз рӯзи аввали роҳбарияшон оилаҳои тоҷикро бо ҳам оварда, баҳри накуаҳволии халқи азизамон заҳмат мекашанд. Дар ин бора ҳар як фарди тоҷик бо камоли эҳтиром ҳарф мезананд. Қадам ба қадам рӯзгори ба сар бурдамонро саҳифагардонӣ намоем, ғамхорӣ президентамонро дар бобати оилаву оиладорӣ эҳсос менамоем.

Як-ду мисол меорам: Ҳанӯз соли нофаҳмиҳои дохилӣ - соли 1992. Барои бартараф кардани майдони «Шаҳидон» ва «Озодӣ» аз ҳар ду гурӯҳ чанд нафарро даъват кардем ва «Фарзанди як оила» - ном барномаеро ба воситаи телевизиони тоҷик (имрӯз Шабакаи 1) бо иштироки шахсиятҳои шинохта ба монанди академикҳо Рачаб Амонов, Аҳрор Мухторов, олимони Зоҳид Аҳрорӣ, Соҳиб Табаров бо оилашон Ванда Виталдовна Яблонская, Соро Носирова ва дигарон таҳия намудем. Таъсири он барнома ба муҳити онвақта аз аввалин барнома маълум гардид ва шумораҳои минбаъда он бо унвони «Оила» 20 сол пахш гардид. Ин барномаро худи президенти азизамон дасгирӣ намуда, шахсони дар нимароҳи зиндагӣ монда ва бепарасторро аз ҳисоби маоши ҳеш ёрӣ мерасониданд. Худи мардум ғамхорӣ ҳамаҷузай роҳбари давлатро медиданд, шохид буданд.

Аз ҷумла, Аҳлиддини Азизови Амир, ки бе касу кӯй дар сағирхона калон шуда, ба донишгоҳ дохил мешавад, вале ҷои рафтани зистан надошт дар чорраҳаи бекаси дар чор раҳ ҳайронӣ нигарон танҳо монда буд. Аз ҳола аҳвол ва вазъияти ҳеш дар барномаи «Оила» иштирок карда, аз паси парда ҳикоят кард. Халқи инсонгарои мо пас аз дидани шунидани воқеаи Аҳлиддин, барои дастгирӣ намудан ба телевизион меоманд. Яке мехост ёро ба фарзандӣ қабул намояд, дигаре домод намуда, хонаву ҷой пешниҳод менамуданд. Моҳи ноябри соли 1997 соли хотирмон ва фаромӯшношудани дар ҳаёти Аҳлиддин гардид.

Президенти кишвар Аҳлидинро ба сарпарастии ҳеш гирифта, соҳиби хона намуданд ва калиди хонаро бо тамоми ҷиҳозаш ба Аҳлиддин супоридем, ки аз тариқи телевизион ҳама он намоишро диданд. Мардуми Тоҷикистон ин ғамхорӣ падаронаи Президенти кишварро дида, шукрона намуданд, ки давлату мамлакаташон чунин як сарвар дорад ва ягон нафар дар кучаи зиндагӣ бесоҳиб наменонад. Имрӯз ӯ оиладор соҳиби 5 фарзанд гардидааст. Ҳоло дар яке аз идораҳои бонуфуз қор ва фаъолият мекунад.

Ҷаҳониён чунин маърифати инсонпарастии тоҷиконро дар симои роҳбари мо дарк кардаанд, зеро он кас дар ҳар мулоқотҳои ҳеш бо намоёндагони аҳли ҷомеаи мамлакат таъкид карда, гуфтаанд:

«Вазифаи аввалиндараҷаи ҳар як роҳбар ва шахси масъул, ғаълоғони ҷомеаи кишвар, инчунин ҳодимони дин ва ҳар як фарди бо нангу номус аз он иборат аст, ки арзишҳои олиии фарҳанги милливу диниямон - некиву накукорӣ, адлу инсоф, хайру саховат ва дастгирии ятимону дармондагонро дар байни мардум, хусусан ҷавонон мунтазам тарғиб намоянд» [3].

Мавзӯи оила ва оилаҳои солим ҳамеша дар мадди назари сарвари давлат буд ва мебошад. Ҳаллу баррасии ин мавзӯи кори осон нест. Доир ба солимии оила ҳарф зада, солимии ҷомеаро бояд дар мадди назар бигирем. Зеро оила давлати хурдест дар давлати бузург ва он дар сурати солим ва муттаҳид будан рушд меёбад. Лозим ба ёдоварист, ки Президенти мамлакатамон Эмомалӣ Раҳмон дар Паёми ҳеш (соли 2015) ишора карданд, ки навхонадорон пеш аз оиладорӣ аз муоинаи тиббӣ бигзаранд, ин фикри хеле хуб аст. Ин ҷо аз назари олимон, махсусан биохимикҳову биофизикҳо, дар лабораторияҳо мувофиқат будани ҳуни навхонадоронро санҷидан аз манфиат ҳолӣ нест. Ин масъала хеле нозук аст. Президент дар асоси илм ва татқиқотҳои илмиву сотсиологӣ ва бо назардошти нигоҳи мутахассисон ва мушовирони ҳеш ин масъаларо рӯи қор овардаанд.

Мо бояд фарҳанг ва маърифати оиладорӣ падарону модарони ҳешро эҷодкорона идома диҳем, то фазои ваҳдат ва ягонагиро сохтмон дода битавонем. Аз манмани шайтон ва камини он дар қанор бошем. Хонандаи азиз, мабодо ҳангоми роҳ рафтандар поятон Худо накунаду як хор бихалад, ҷӣ қадар кӯшиш мекунед, то аз он хор раҳо ёбед. Ба гуфти Мавлоноӣ Рум сӯзан меҷӯем, бо сӯзан он хорро мекобем, бо об тар карда, онро берун меорем. Агар сухани ноҷои мо ба пойи дил бихалад, онро ҷӣ гуна сӯзан зада, берун меоварем?

Дар ин бобат хеле хуб Мавлоноӣ Рум фармудаанд:

Оташи тарқи ҳаво дар хор зан,

Даст андар ёри некӯкор зан.

Яъне аз андешаи хато, хор дар дил задан, дур шуда, «ҳаво»-и манманиро аз худ дур намуда, ба якто гардидану яктопараст будан бикӯшем. Дар оиладорӣ зану шавҳар ману туро ба иборати «мо» табдил диҳанд, ба мақсад мувофиқ мегардад.

Зеро оила донишгоҳест, ки устодони он бобову биби бофарҳанг, падару модари хушрафтор, писару духтари тарбиятёфта, ҳолаву амак ва аз тағоҳои ғамхор иборат мебошад.

Дар оила бояд яке ба дигаре барои ободгарӣ, созандагӣ, хизмат бикунанд. Чунки маҳз дар оила яке ба дигаре така намуда, қору рафтори ҳамдигарро такрор мекунеанд. Агар зану шавҳар ба ҳамдигар эҳтиромона муносибат намуда, нисбат ба фарзандон ширингуфтор бошанд, натиҷаи неки онро дар зиндагӣ дармеёбанд.

Олими равоншинос М. Давлатов мефармояд: «Падару модар пайваста меҳру шафқат нишон медиҳанд, кӯдакон бошанд, ҳар ҷи бештар кӯшиш ба ҳарҷ медиҳанд, ки уҳдадорҳои худашонро ба ҷо оварда, бо риояи иззату эҳтиром онҳоро хушҳол намоянд» [1, с. 28].

Дар бораи никоҳи ҳешовандони наздик ҳарф зада, дар бораи ширхорагии баъзе фарзандонро низ бояд фаромӯш насозем. Он кӯдаконе, ки аз як зан-модар шир хӯрдаанд, ҳатто фарзанди ҳамсоя бошад ҳам, ба ҳамдигар ҳаққи ҳамхона, яъне оила бунёд карданро, ба фикри ман, надоранд. Ҳамчунин бояд ба расму оини ниёгонамон бомаърифатона назар намоем. Маҳз ба ин масъала ва мушкилоти он олимона ва нуқтасанҷона муносибат намуда, оқилонаву хирадмадона, ин масъаларо баррасӣ бояд намоем, зеро ин ҷо масъалаи асосӣ - саломатии оила ва саломатии ҷомеа ба миён меояд.

Имрӯз мо дар замони хеле пеш рафта қору зиндагӣ мекунем, ки самти асосии тараққиёти ҷомеаи ҷаҳонӣ аз бисёр ҷиҳат аз муносибати байни ҳамдигарии инсон ва маърифати ӯ вобаста аст.

Имрӯз ҳаёт ба мо бозгӯи менамояд, ки хушёриву зиракиро аз даст надихем то аз фитнаҳои ҷомеаи муосир дур бошем. Баъзан баъзе ҷавонон ба умқи маънии ин ё он қор сарфаҳм норафта, мақсади фитнагареро дарк нокарда, дониставу надониста пайравӣ мекунеанд. Дар ана ҳамин ҳолатҳо маърифати таълиму тарбия ва фарҳанги дар оила гирифташон ба онҳо чун сипар кӯмак мерасонад, то ба ҳар гуна гурӯҳҳои номатлуб шомил нагарданд. Ҳарчанд оила давлати хурд аст, вале бояд таъкид намуд, ки давлати бузург аз он манша мегирад. Ва ҳар як аъзоёни он уҳдадоранд, ки барои пайдории оила ва давлати ҳеш саҳм бигузоранд. Барои сиёҳро аз сафед фарқ карда тавоништан ба якдигар кӯмак бирасонанд. Махсусан қормандони ВАО одобу ахлоқро чун сарвати

бебаҳои инсонӣ дар навиштаҳояшон нишон дода, хушёрона, барои қилро аз хамир чудо намудан ба давлат ва халқи худ ёрӣ расонанд. Чунки вазъи ҷомеа ҳамеша дар тағйирёбист. Аз ин рӯ бояд ҳаматарафа фарҳанги ниёғони тамаддунсози худро биомӯзем ва онро дар асоси илми пеш рафтаи муосир амалӣ намоем, то тафаккуру ҷаҳонбиниямон мутобиқи замону ҷомеаи ҷаҳон рушд намояд.

Масъалаи оилаву оиладорӣ пахлуҳои зиёде дорад. Масалан, дар баъзе деҳаҳои водии Зарафшон духтараконро аз синни хурди мактабхонӣ, синфҳои 5-6 сар карда номзад мекунанд Акнун фикр кунед, хушу ёди ин наврас ба хондан дода мешавад ё ба эссе-месс-бозиву мактубҳои ошиқонанависӣ. Хонишу дониш як тараф менамояд. Ҳамчунин аз хурдсолӣ гаҳворабахш мекунанд, ки ин нигоҳи тамоман кӯҳнашудаву нодаркор аст. Фаъолон, масъулони мактабу маъриф ин корхоро медонанд, вале баъзан канораҷӯӣ мекунанд. Чунин номзад намуданҳои бармаҳал оқибат ба худкушиҳои зиёде меоварад. Мисли никоҳи хешу табори наздик ин мавзӯ ҳам муҳим аст.

Мушкилоти дигар он аст, ки бисёр ҷавонон ҳоло мустақилияти иҷтимоиро ба даст наоварда хонадор мешаванд. Аз ҷумла донишҷӯён. Тасаввур кунед. Донишҷӯи боғайрат дар талоши илм аст. Ёро хонадор мекунанд. Дар фикр меафтад, оиларо таъмин намояд, маблағе пайдо намуда, рӯзгорро гузаронад, ё хонданро идома бидиҳад. Ҳамин тавр ӯ аз донишандӯзӣ қафо менамояд ва илму маърифат аз ҷустуҷӯиву навсозӣ ва навоарӣ дур мешавад ва ин рафтор илмо, маорифро, ҷомеаро ба қафо мекашад.

Дар атрофи мавзӯи матраҳ гардида, чандин мисолҳо овардан мумкин аст. Аз ҷумла дар бораи тундгарову даромехтан ба ҳар гуна гурӯҳҳои номатлуби террористиву экстремистӣ, сигоркашӣ, носкашӣ, истеъмоли маводи муҳодир, ки ҷисми инсонро мешиканаду ёро нобуд месозад, баҳсҳои зиёде карда, ба роҳи дурусти зиндагӣ раҳнамун кардан зарур аст, то ҷавонон аз ин гуна ҳаводис дур бошанд, лағжандаи амалҳои номатлуб нагарданд ва дар зиндагӣ пояндаву устуворона қадам гузоранд. Ин мушкилотҳо моро водор мекунад, ки диққати ҷавононро ба илму донишандӯзӣ ва касбу хунаромӯзӣ ҷалб намуда, шуури онҳоро мустаҳкам намоем ва дар рӯҳияи соҳиби иродаи қавӣ, бомаърифат будан тарбият намоем.

«Дар хотир бояд дошт, ки танҳо миллати босавод метавонад насли соҳибмаърифату донишманд ва кадрҳои арзандаи давронро ба воя расонад ва дар ҷомеаи мутамаддин мақоми арзандаи худро пайдо намояд» [4, с. 24].

Хулоса, мо бояд сари ин мушкилиҳо биандешем, то имрӯзу фардои оилаву ҷомеаи хешро сиҳату саломат нигоҳ дошта битавонем. Ҳаёт бозгӯи он аст, ки инсон маҳз бо донишафзоӣ рӯзгораш бо хайру баракат ва сираташ комил мегардад. Ин хулқи нақӯӣ, фарҳанг ва маънавиёти волоро фарзандони мо маҳз дар оила ноил мегиранд, сипас ба ҳар қору пайкори хеш андешамандона рафтор намуда, боиси ибрати дигарон мешаванд ва барои созандагиву ободгарии хонадони хеш мусоидат менамоянд.

Адабиёт:

1. Давлатов М. Оила ва рушди шахсияти фарзандон. - Душанбе, 2014.
2. Қонуни ҶТ «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд». – Душанбе, 2011.
3. Минбари халқ. – 2013. - №27. – 4 июл.
4. Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, 20 январ соли 2016. – Душанбе: Шарқи озод, 2016.
5. Умарова Г. Ток-шоу дар телевизиони Тоҷикистон. – Душанбе: Деваштич, 2009.

ПРОБЛЕМА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В данной статье рассматриваются проблемы современной семьи, в частности - молодой. Автор акцентирует внимание на увеличении рождаемости детей с ограниченными возможностями и отмечает, что следствием этого является создание семей с близкими родственниками, и которое, в результате, приводит к межсемейным конфликтам и становится причиной суицида в стране. Соискатель считает, что этот фактор является результатом низкого уровня образования и отдаления населения от культурного наследия предков. Для искоренения проблем современной семьи, отмечается в статье, необходимо проводить комплексные меры по её укреплению.

Ключевые слова: семья, взаимоуважение, любовь, общество, суицид, телевидение, конфликт.

FAMILY AND IT'S PROBLEMS IN MODERN SOCIETY

In this article there considered problems of modern families, especially the young ones. The author focuses on the birth of children with disabilities, the quantity of which rapidly encreasing. According author, this is due to the fact that people prefer to establish family with their own relatives, as a result there often happens conflicts, that lead to suicide. Results of investigation shows, that these problems occurs due to the low level of education and not thaking into considerence the rich heritage of parents. Thus, in order to solve the problems, author recommends conducting complex arrangements.

Keywords: family, mutual respect, love, society, suicide, television, conflict.

Сведения об авторе: Умарова Гавхар, кандидат филологических наук, доцент Таджикского государственного института искусства имени М. Турсунзаде, e-mail: mino-577@mail.ru

About author: Umarova Gavhar, PhD of philology, Associate Professor, State Institute of Arts of Tajikistan namen's after Mirzo Tursunzoda, e-mail: mino-577@mail.ru

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ ВОСПИТАНИЯ НА ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Шерматов Д. С., Мисокова Ф. С.

*Таджикский государственный медицинский университет имени Абуали ибни Сино
Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни*

Важным условием успешного экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования является личность студента, его общая и педагогическая культура, душевные качества, гомилетичная и деонтологичная способность. «Только личность может влиять на развитие и определение личности, только характером можно воспитать характер» - отметил в свое время К. Д. Ушинский. Яркая, положительно ориентированная личность, высокая нравственность, добродетель, порядочность, справедливость, принципиальность воспитателя гораздо сильнее влияют на молодого человека, чем любые устные указания и требования [1, 2].

Видное место в системе экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования занимают средства воспитания, достояние материальной и духовной культуры (художественная и научная литература, средства массовой информации, предметы изобразительного искусства, кино, театр), формы и виды воспитательной работы (собрания, конференции, игры, спортивная деятельность и др.), которые используются в процессе воспитательной работы.

В системе экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования важное место должны занимать такие средства воспитания, как праздники, вечера отдыха, конкурсы и др. Организаторы этих и подобных мероприятий должны заботиться об их воспитательной целесообразности, педагогической направленности. Включение студентов в процесс подготовки и проведения досуговых, развлекательных мероприятий - это также своеобразная школа воспитания и становления профессионализма будущих специалистов. Важно, чтобы подобные мероприятия имели надежное морально-духовное и экологическое основание, базировались на принципах общечеловеческой и национальной культуры. Нет нужды, угождая так называемой массовой культуре низкого качества, организовывать сомнительные мероприятия, которые могут негативно влиять на утверждение моральных национальных ценностей.

В процессе экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования часто возникает проблема со средствами воздействия, которые отрицательно действуют на личность молодого человека: низкопробные фильмы, телевизионные передачи, худшие образцы явлений массовой культуры, недостойное поведение отдельных людей и др. Изолировать человека от такого негативного влияния практически невозможно. Поэтому выход видится в том, чтобы, во-первых, формировать у каждой личности как можно раньше стойкие убеждения в целесообразности действовать в соответствии с рациональными моральными нормами, которые бы оказывали сопротивление, неприятие негативных воздействий; во-вторых, в

отношении конкретных негативных действий формировать критическое отношение к ним.

Экологическое образования бакалавров в условиях кредитной системы образования не является обособленным участком воздействия на личность. Оно диалектически связано со всей системой воспитания человека. Поэтому в этой деятельности необходимо использовать общепедагогические методы воспитания. Метод воспитания - это способ влияния воспитателя на сознание, волю и поведение питомца с целью формирования у него желаемых качеств, всестороннего гармоничного развития личности. Это достаточно сложный инструмент воздействия на личность. Ошибочно видеть в методах воспитания своеобразные рецепты для достижения цели.

Общие методы экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования традиционно классифицируются в зависимости от их функциональной направленности. На этой основе выделяют следующие три группы методов:

- формирование мировоззрения и духовно-аксиологичных ориентаций;
- методы организации деятельности и формирования поведения;
- методы стимулирования и коррективки поведения и деятельности личности.

Одним из важных средств экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования является систематическое обучение на занятиях.

Экологические занятия, как одна из форм организации экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования, обладают своей совершенно определенной и очень важной функцией. Разносторонняя работа с бакалаврами в повседневной жизнедеятельности (регулярные наблюдения в уголке природы и на участке, создание и поддержание необходимых условий жизни для растений и животных местной фауны) предоставляет им возможность накапливать определенные чувственные взгляды на природу ближайшего окружения. Экологические занятия, как принципиально иная форма обучения, обладают и другими возможностями: преобразование, расширение, углубление, объединение и систематизация чувственных представлений студентов.

Экологическое занятие имеет определённую дидактическую цель и чёткую структуру:

- название отражает тематику и круг природоведческих знаний, выбранных для обсуждения;
- программное содержание - это конкретно сформулированные воспитательно-образовательные и развивающие задачи, которые преподаватель решает с бакалаврами;
- учебный материал и форма занятия позволяет заранее продумать создание оптимальных условий для учебной деятельности: место проведения, оборудование, средства наглядности и др.;
- ход занятия - последовательное описание всех его этапов, видов деятельности, материала, вопросов, заданий и пр.

С. Н. Николаева выделяет следующие основные *типы экологических занятий*, принципиально отличающихся друг от друга дидактической целью, поставленными задачами, логикой построения, ходом организации и формой проведения: первично-ознакомительные занятия, углубленно-познавательные, обобщающие и комплексные.

На занятиях первично-ознакомительного типа отводится значительная доля первоначальным экологическим сведениям о разных сторонах деятельности человека и жизни природы.

Обучение бакалавров на таких занятиях осуществляется с применением рассматривания картин и бесед. Нередко их компонентами становятся также чтение литературы, рассматривание иллюстраций, просмотр видеofilьмов или слайдов, рассказ преподавателя.

Занятия данного типа проводятся, когда возникает необходимость закрепить, уточнить, расширить конкретные представления бакалавров, полученные в повседневной жизни, особенно в результате длительных наблюдений за ростом и развитием живых объектов, за сезонными явлениями природы, знакомство студентов с рядом однородных предметов природы.

Занятия углубленно-познавательного типа активно содействуют интеллектуальному развитию. Студенты обучаются умению устанавливать причинно-следственные связи, логично рассуждать, делать выводы. Всё это обеспечивает

интенсивное развитие экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования.

На занятиях обобщающего типа преподаватель ставит целью выделение ряда существенных и характерных признаков для группы известных объектов и на их основе формирует обобщённое представление. Важным компонентом этих занятий является работа с календарём природы, который студенты вместе с преподавателем заполняют каждый месяц в течение одной недели.

Комплексные занятия в рамках одной темы решают разные задачи развития экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования и строятся на разных видах деятельности. Первая часть занятий решает познавательные задачи и развивает интеллектуальные способности. Вторая часть занятий предполагает иные программные задачи и другой вид деятельности для студентов. Третья часть – это, например, художественное творчество, практическая деятельность. Такие комплексные занятия, если они правильно организованы, по времени могут выходить за рамки обычного занятия – смена деятельности не вызовет усталости и скуки. В ходе их проведения преподаватель может использовать музыку, фильмы, применить веселую игру.

Таким образом, экологические занятия оказывают положительное воздействие на экологическое образование бакалавров в условиях кредитной системы образования, способствуют их интенсивному интеллектуальному и личностному развитию, планомерно готовят их к обучению в вузе. Несомненна их роль в экологическом образовании бакалавров в условиях кредитной системы образования: чувственные представления бакалавров, получаемые повседневно качественно преобразуются, будут расширены, углублены, объединены и систематизированы.

Основные критерии выбора подходов экологического образования бакалавров в условиях кредитной системы образования должны:

1) обеспечивать возможности для усвоения системы межпредметно-экологических идей, экологических, эколого-правовых и нравственно-экологических понятий, знаний, практических умений и навыков, соответствующих ценностей и взглядов, обуславливающих становление и развитие у студентов экологической ответственности как важнейшего личностного качества.

2) обеспечить научный подход к рассмотрению и анализу современных экологических проблем на основе междисциплинарного и устойчивого развития.

3) сформировать у студентов новые, экологически ответственные модели поведения и деятельности в окружающей природной среде, направленные на внедрение в их повседневную практику взаимодействия с природой.

4) вовлечь студентов в процесс активного обучения, предоставить возможность для проявления самостоятельности, инициативности, ответственности и способности принимать экологически ответственные решения.

5) развить готовность и способности студентов постоянно открывать и исследовать окружающую природу, обеспечить их реальный вклад в поддержание её экологически благоприятного состояния.

6) обеспечивать прямые контакты студентов с природной средой, их эмоционально насыщенное общение с природой.

Методы экологического образования должны побудить студентов к познавательной активности, к самостоятельной постановке вопросов об окружающей природной среде, к поиску ответов на эти вопросы. Помимо этого, методы экологического образования должны позволить студентам почувствовать комплексность и системность окружающей среды.

В целом для достижения целей экологического образования применим практически весь педагогический инструментарий – технологии, формы, методы обучения, воспитания и развития личности студента. Каждая технология, форма обучения, метод имеют в своей структуре возможности для воспитания ответственного отношения к природе [3, 4].

В экологическом образовании бакалавров в условиях кредитной системы образования видятся следующие особенности:

- необходимость существования системы экологических ценностей для личности и общества;

- нераздельность экологического пространства, находящей выражение в тесной взаимосвязи всех государств, несмотря на самостоятельность их экономических, политических и военных устремлений;
- осознание экологических ценностей и потребностей, взаимосвязи экологических и экономических результатов деятельности, формирование активной эколого-направленной жизненной позиции;
- способность разрешать противоречия между обществом, экономикой и природой путём их гармонизации;
- изучение правового регулирования действий человека по отношению к окружающей среде;
- воспитание особого интереса к региональным и местным экологическим проблемам.

Литература:

1. Абдуллаев З. Экологическое отношение и экологическое сознание. //Философские науки. - 1991, № 2, с. 186-190.
2. Агаджанян Н. А., Торшин В. И. Экология человека. Избранные лекции. - М, 1994.
3. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения. – М.: Педагогика, 1995. – 236 с.
4. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М.: Педагогика, 1989. -192 с.

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ ВОСПИТАНИЯ НА ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БАКАЛАВРОВ В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В данной работе рассматривается влияние средства воспитания на экологическому образованию бакалавров в условиях кредитной системы образования. Видное место в этом образовании занимают средства воспитания, достояние материальной и духовной культуры, формы и виды воспитательной работы, которые используются в процессе воспитательной работы.

Ключевые слова: воспитание, образование, занятие по экологии, программа, бакалавр, подход, проблема.

INFLUENCE OF EDUCATION FUNDS FOR ENVIRONMENTAL EDUCATION BACHELORS IN CONDITIONS OF CREDIT SYSTEM OF EDUCATION

In such work considers the impact of education funds for environmental education bachelors in conditions of credit system of education. Visible spot in this formation occupy the means of education, wealth of material and spiritual culture, forms and types of educational work, which are used in the process of educational work.

Keywords: training, education system, environmental class, program, bachelor, approach the problem.

Сведения об авторах: Шерматов Дустназар Саидович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедры медицинской и биологической физики с основами информатики Таджикского государственного медицинского университета им. Абуали ибни Сино, e-mail: erkin_sermatov@list.ru

Мисокова Фируза Сайдалиевна, ассистент кафедры основ информационных технологий Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айнаи, e-mail: misokova@list.ru

About the authors: Shermatov Dustnazar, doctor of physical and mathematical sciences, professor, Head of the Department of Medical and Biological Physics of the basics of computer science, Avicenna Tajik State Medical University, e-mail: erkin_sermatov@list.ru

Misokova Firuza, an assistant of the chair of basis of information technologies, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: misokova@list.ru

РОЛЬ ИГРЫ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Раджабова Ф. О.

Педагогический колледж имени Х. Махсумовой ТГПУ имени С. Айни

Игра как более важным и доступным видом деятельности для детей, способствует им перерабатывать впечатлений, которые они получают от окружающей среды. Характерные черты мышления и воображения детей, их активность и эмоциональность очень ярко проявляются именно в игре.

В процессе развития и воспитания личности детей особое место занимает игра. Именно игра создает необходимые условия, которые дают возможность каждому ребёнку чувствовать себя особым субъектом и предпринимать определенные меры для развития своей личности. На наш взгляд, роль игры в процессе жизненного самоопределения, формирование коммуникативной личности и обеспечение стабильной эмоциональности младших школьников очень велико. Игра также способствует детей младшего школьного возраста постепенно включаться в общественных процессах и развивать свою личность.

Мыслить, выбирать разных ролей, подбирать необходимых материалов, развивать сюжеты характеризуют особенности творческого развития детей младшего школьного возраста. Основным фактором, позволяющих появлению данных компонентов игры является воспитания. Развивать творческих способностей детей позволяет развивать их наблюдательную способность.

Необходимо отметить, что переход детей от дошкольного возраста к младшему школьному возрасту приводит к утрачиванию развивающее значение игры и появлению новых аспектов игры, как учение и трудовой деятельности. Если игра в дошкольном возрасте доставляла только удовольствие, то в школьном возрасте имеет определенных целей.

Мы считаем, что для школьников младшего возраста особый интерес представляют игры, применяемые в процессе обучения. Использование данных игр позволяет детям проверить и развивать свои потенциальные возможности, в том числе, путем участия в различных соревнованиях с другими учениками. Участвуя в таких играх, младшие школьники развивают свою настойчивость, самоутвержденность, более усиленно стремятся к достижению новых успехов и достижений. Такие игры особенно способствуют совершенствованию мыслительных способностей младших школьников, в том числе их действия по оценке шансов на успех, выбору альтернативных вариантов решения задач и т.д.

Исследованием вопросов о сущности и значение игры посвящены научные труды зарубежных педагогов-психологов, как Выготский Л.С., Гальперин П.Я., Данилова В.Л., Запорожец А.В., Усова А.Н., Эльконин Д.Б., Лисин М.И., таджикских ученых Лутфуллоев М., Шарифзода Ф., Каримова И.Х., Маджидова Б.М., Кадирова Б.Р., Нарзуллоева М. и т.д.

Во многих научных работах содержится разные подходы о сущности и значение детской игры. Например, Лисин М.И. рассматривает природы сущности детской игры, как формы общения. Выготский Л.С. объяснял игру как неиссякаемый источник развития личности, сфера определяющая «зону ближайшего развития» [3]. Эльконин Д.Б. считает, что детская игра - это формы деятельности, в том числе усвоения деятельности взрослых. По мнению Пиаже Ж., детская игра является проявление и условия умственного развития. Сухомлинский В.Л. отмечал, что «...духовная жизнь ребенка полноценна лишь тогда, когда он живет в мире игры, сказки, музыки, фантазии, творчества» [8].

Мы считаем, что детская игра является ведущей силой как у детей дошкольного возраста, так и у младших школьников. Выготский Л.С. отмечал, что в школьном возрасте игра и занятия, игра и труд образуют два основных русла, по которым протекает деятельность школьников [3].

На наш взгляд, игровая деятельность младших школьников проявляется в двух временных измерениях: в настоящем и будущем. В настоящее время, игра предоставляет ребенку временную и быстро проходящую радость, также способствует удовлетворению его важных потребностей. В будущее игра будет направлена либо на прогнозирование

возможных жизненных ситуаций, либо на совершенствование качественных и умственных способностей ребенка, которые необходимы для выполнения профессиональных, социальных, креативных и других задач.

Сухомлинский В.Л. отмечал, что в жизни ребенка важное и особое место занимает игра. С помощью игры перед детьми раскрывается мир, а также их творческих способностей личности. Без игры невозможно достигаться эффективного умственного развития детей. Сухомлинский В.Л. также писал, что «игра - это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий об окружающем мире. Игра - это искра, зажигающая огонек пытливости и любознательности» [8].

Но практика показывает, что в жизни тех коллективах, где дети школьного возраста составляют большинство, роль и значение игры постепенно уменьшается. На наш взгляд, одна из причин такой ситуации является недостаточное внимание к вопросам разработке теории игры школьников.

Макаренко А.М. высоко оценил роль игры в процессе обучения и воспитания младших школьников. Он писал, что «одним из важнейших путей воспитания я считаю игру» [7]. По словам Макаренко А.М. серьезная ответственная и деловая игра должна занимать большое место в жизни детского коллектива. И поэтому, все педагоги, обязаны уметь играть.

Мы считаем, что в игре самое важное не является результат, а процесс переживаний, который связано с игровыми действиями. К игре именно маленькие дети относятся серьезнее, чем взрослых людей. В процессе игры дети смеются, также сильно переживают и иногда страдают. Эти особенности детской игры означает, что в нем имеется большие воспитательные возможности. В процессе управления детской игры учитель имеет возможность программировать некоторые позитивные чувства играющих детей.

На наш взгляд, с помощью игры можно совершенствовать только, те действия, цели которых очень важны для ребенка по их собственному внутреннему содержанию. В этом заключается специфическая особенность игровых действий.

Необходимо отметить, что если игровые действия для ребенка являются незначимыми, но у ребенка есть возможность не участвуя в процессе игры, не вступая в игровое состояние, а может только механическим путем исполнять игровых ролей, но не переживая связанных с ней чувств. Без воли и желания ребенка невозможно заставить его включиться в игру.

Креативная способность ребенка и использование различных детских игрушек позволяют ребенку успешно изучить и принимать некоторые элементы и виды человеческой деятельности. Ребенок, который мало играет, медленно развивается, потому что «ребенок всегда выше своего среднего возраста, выше своего обычного повседневного поведения; он в игре как бы на голову выше самого себя» [2].

На наш взгляд, игра является методом, через которого можно познать действительности. Направляясь внутренними силами, игра создает условия для ребенка, чтобы он в короткие сроки овладел первоочередными, но очень широкими основами человеческой культуры. Именно игра, требует от ребенка, активно проявлять сообразительность, находчивость, творчества, индивидуальность и т.д. Советский писатель Василий Белов в своей книге «Лад» высказал мысль: «Каждый ребенок хочет играть, то есть жить творчески».

Исследование процесса развития младших школьников показывает, что у них более эффективно развиваются все психические процессы именно в процессе игры, чем в других видах деятельности. Под влиянием игры психика детей настолько существенно изменяется, что у некоторых психологов (Выготский Л.С., Леонтьев А.Н., Запорожец Д.Б. и др.) формировался взгляд на игру как на ведущую деятельность в дошкольный период, а также не исчезающую деятельность в младший школьный возраст.

По словам, Леонтьева А.Н. в процессе игрой деятельности формируются и развиваются новые, прогрессивные образования и возникает сильный познавательный мотив, который являются предпосылкой возникновения стимула к учебе [6].

Анализ показывает, что с переходом ребенка в начальную школу, его игровая деятельность не заканчивается, а наоборот, она включает в себя всю деятельность младшего школьника. Выготский Л.С. отмечал, что «в школьном возрасте, игра не

умирает, а проникает в отношении действительности. Она имеет свое внутреннее продолжение в школьном обучении и труде...» [3].

Мы считаем, что деятельность младшего школьника в целом единства и неразделима. Данное единство возникает на основе воображаемой, условной ситуации, в которой происходит процесс развития детского творчества. Познавательная, трудовая и творческая активность младшего школьника синтезируется в игре. Возникновение любых новых знаний или умение, побуждает ребенка, чтобы он действовал с ним. Такое действия имеет игровой характер, который является наиболее близкий и понятный для младших школьников из их прежнего опыта.

Амонашвили Ш.А. пишет: «самое интенсивное развитие многих функций происходит до 7-9 лет ребенка, и поэтому потребность в игре в этом возрасте особенно сильна, а игра превращается в вид деятельности, управляющий развитием. В ней формируются личностные качества ребенка, его отношение к действительности, к людям» [1].

По мнению некоторых психологов, детские игры не являются креативной деятельностью, потому что в них не создается ничего нового. Из этого следует, что, если рассматривать детскую игру с теми же мерками, что и к деятельности взрослого человека, тогда термин «креативность» действительно неуместен. Но если подойти к решению вопроса с точки зрения развития ребенка, тогда, данный термин является верным.

В процессе своих исследований Выготский Л.С. у детей дошкольного возраста заметил появление замысла, что означает переход к креативной деятельности. Ребенок в раннем детстве идет от действия к мысли, и это проявляется во всех видах деятельности, и, прежде всего в игре. Появление замысла связано с развитием творческого воображения [3].

Детская игра имеет креативный характер так, как дети не копируют жизнь, а, подражая тому, что видят, комбинируют свои представления. В этом процессе ребенок передает свое отношение к изображаемому, свои мысли и чувства. На этой основе возникают игры с искусством, но младший школьник не является актером. Ребенок играет, прежде всего, для себя, а не для других, он не разучивает существующих ролей, а создает ее по ходу игры. Вхождение ребенка в образ позволяет, что у него живо работали мысль, углублялись чувства.

Мнению о творческом характере детской игры поддерживают многие деятели искусства. Например, Станиславский К.С. советовал актерам, чтобы они учились у детей, игру которых отличает «вера и правда». Известный кинорежиссер Рошаль Г.Л. писал: «Всякая детская игра - это всегда мир иллюзий. В этом мире иллюзий ребенок, однако, никогда не теряет своего реального «я». Скача на лошади - стуле, ребенок не думает, что стул под ним - это действительно конь, или стол, на который он карабкается как на гору, - гора. В своей игре он похож на актера (недаром искусство актера называют игрой)... Итак, детская игра может быть названа игрой театральной, а иллюзия детской игры - театральной иллюзией» [2].

Но на наш взгляд, креативность просто так не появляется, оно воспитывается, развивается в результате длительной систематической работы учителей. Постепенное обогащение содержания игры отражает развитию игрового творчества младших школьников. Развитие замысла и средств изображения задуманного непосредственно зависит от богатства и характера содержания игры. Характерная черта игры выражается в том, что в нем постепенно развивается целенаправленность действий. Например, у четырехлетних детей часто возникает интерес к действию и в результате цель иногда забывается. Пятилетнему ребенку можно научить осознанно, выбирать игру, ставить цель, задачи и распределять роли. У ребенка 5-7 летнего возраста возникает интерес к некоторым событиям жизни, к некоторым видам труда взрослых людей; появляются любимые герои книг, кинофильмов, которым он стремится подражать. В этом случаи замыслы игр становятся более устойчивыми и в некоторых случаях на длительное время завладевают воображением.

Детская игра имеет длительную перспективу, что свидетельствует о новом, более высоком этапе развития игрового творчества. Развитие игрового творчества сказывается и в том, как в содержании игры комбинируются различные впечатления жизни.

Драматизаций в детских играх помогают ребенку более глубоко понять идею произведения и хорошо почувствовать его художественное значение, а так же способствует развитию речи и внимание. Игры - драматизации для младших школьников выступает как спектакль.

На наш взгляд, именно под влиянием воспитания и обучения дети могут развивать свое игровое творчество, потому что, его развитие зависит от получения необходимых знаний, умений, а также воспитания. Учитель имеет возможность заменить индивидуальные черты ребенка, которые проявляются в процессе игровых действий. Практика показывает, что один ребенок одновременно может воспринимать разный уровень игрового творчества и это зависит от вида и содержание игры, выполняемых ролей, а так же от взаимоотношения ребенка с товарищами.

Необходимо отметить, что игра является фактором формирования у детей радости и удовольствия. В игровых действиях ребенок, подражая взрослым, выполняет их роли, в некоторых случаях, креативно развивает сюжет и по-своему использует игровые материалы. Основой возникновения творческих игр являются развития следующих процессов: наблюдения, память, мышления, воспитания чувств, развития воображения и т.д.

Таким образом, игровое действие младших школьников находятся в постоянном изменении, обновлении и модернизации. В каждом периоде времени появляются новые игры на актуальные сюжеты, которые интересны младшим школьникам. Виды и сюжеты этих игр в определенном уровне являются стабильным, и постоянно меняется их динамика и диалектика.

В заключение отметим, что формирование и развитие творческих способностей младших школьников достигается в результате совместного использования таких средств воспитания, как игра, обучение, трудовое воспитание и т.д.

Литература:

1. Амонашвили Ш.А. Воспитательная и образовательная функция оценки учения школьников. - М.: Педагогика, 1984. - 297 с.
2. Андреев В.И. Педагогика: Учеб. курс для творческого саморазвития. - 2-е изд. - Казань: Центр инновационных технологий, 2000. - 608 с.
3. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка: Вопросы психологии. - М.: Педагогика, 1966. - 541 с.
4. Дьяченко О.М., Лаврентьева Г.В. Психическое развитие дошкольников. - М.: Педагогика, 1984. - 128 с. (Библиотека для родителей).
5. Ермакова Е.С. Генезис гибкости мыслительной деятельности в детском возрасте // Психологический журнал. - 1997.- Т. 18, №3.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., Изд-во АПН РСФСР, 1959. - 586 с.
7. Макаренко А. С. Докладная записка члену правления коммуны имени Ф. Дзержинского. - В кн.: Сочинения. М., 1958, т.VII, с. 420.
8. Сухомлинский В.А. Духовный мир школьника подросткового и юношеского возраста. - М.: Педагогика, 1961. - 223 с.
9. Теплов Б. М. Психологические вопросы художественного воспитания. - В кн.: Вопросы художественного воспитания. - М.: Педагогика, 1947. - 387с.

РОЛЬ ИГРЫ В РАЗВИТИИ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Игра, как способ познания действительности, есть одно из главных условий развития детского воображения. Она формирует познавательную активность и саморегуляцию, позволяет развивать внимание и память, создает условия для становления абстрактного мышления. Игра для младших школьников - любимая форма деятельности. В игре, осваиваются игровые роли, дети обогащают свой социальный опыт, учатся адаптироваться в незнакомых ситуациях.

В статье раскрыта природа и сущность детской игры, рассмотрены разные подходы исследователей к детской игре, а также определены роль и значение игры в развитие творческих способностей младших школьников.

Ключевые слова: игра, творческое развитие, младший школьник, ребенок, игровая деятельность, игровое творчество, личность ребенка.

ROLE GAME OF DEVELOPMENT OF THE CREATIVE ABILITIES YOUNGER SCHOOLBOY

The play, as way of the cognition to reality, there is one of the main of the conditions of the development of the baby imagination. She forms the cognitive activity and itself regulation, allows developing attention and memory, creates the condition for formation of the abstract thinking. The play for younger schoolboy - loved form to activity. In play, are mastered playing dug, children enrich its social experience, learns be adapted in unacquainted situation.

In article is revealed nature and essence of the baby play are considered different approaches of the researchers to baby play, as well as is revealed role and importance game of development of the creative abilities younger schoolboy.

Keywords: the play, creative development, younger schoolboy, child, playing activity, playing creative activity, personality child.

Сведения об авторе: Раджабова Фируза Олмахмадовна, преподаватель кафедры педагогики и психологии Педагогического колледжа им. Х. Махсумовой при ТГПУ им. С. Айни, e-mail: firuza.rajabova@mail.ru

About author: Rajabova Firuza Olmahmadovna, teacher of the chair of Pedagogy and Psychology, Pedagogical College named after Kh. Mahsumova, Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Ayni, e-mail: firuza.rajabova@mail.ru

НАҚШИ ДИЛБАСТАГӢ ДАР ТАШАККУЛИ ҲУВИЯТИ НАВЧАВОНОН

Юҳой Дориюш

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Ҳувият ва омилҳои таъсиргузор бар он яке аз масоили муҳим дар даврони навҷавонӣ аст, ки мавриди зиёд зери таҳқиқ ва пажӯҳиш қарор гирифтааст. А.Шерзод дар бораи афроде, ки ба ҳувият даст ёфтаанд, мегӯяд: «Равиши иртиботи ин афрод ба ҷаҳон дорои таваҷҷуҳи зиёде аст, онҳо мутафаккир ва даруннигар ҳастанд. Замоне, ки таҳти таъсири мавқеияти руҳӣ қарор мегиранд, аз назари шинохтӣ амалқарди хубе доранд. Агар дар маърази тағйироти ногаҳонӣ қарор гиранд, худро намебозанд [1, с. 32-57]. Навҷавононе, ки ҳувият касб кардаанд, бештар эҳсоси иззати нафс мекунанд, ё тафаккури интиқодии бештареро доранд ва дар рушди ахлоқӣ пешрафтатар ҳастанд. Аммо афроде, ки ҳувияти муносибе надоранд, таваҷҷуҳи устувор надоранд. Маъмулан бисёре аз онҳо тафаккури «бароям муҳим нест» - ро ихтиёр мекунанд ва то ҳадди зиёде гирифтори масоили иҷтимоии номуносиби назари қонуншиканӣ, гирифтори роҳи нохуб ва ғайра мешаванд.

Аз сӯи дигар, афроде, ки ба ҳувият муваффақ нестанд, агар ба мавқеияте мувоҷеҳ шаванд, арзишҳои волидайн дар онҳо таъсире нашофта бошанд, ба шиддат эҳсоси тарс ва таҳдид мекунанд. Ҷамҷунин, онҳо, ки на иқтишоф ва на аҳд доранд, ҳеч мақсади муайяне дар зиндагӣ надоранд ва густурдатарин доманаи осебшиносиро нишон медиҳанд.

Яке аз омилҳои таъсиргузори муҳим бар шаклгирии ҳувият навъи равобитаи отифии доираи хонавода, бахусус модар аст. Ба ибораи дигар, навзод инсонест, ки дар хонавода рушду нумӯъ кунад ва рафторҳои иҷтимоӣ ва арзишхоро аз худ мекунад. Вай меомӯзад, ки чи гуна бо дигарон таоммул кунад, бинобар ин навъи сабки дилбастагӣ ва иртиботи отифии даруни хонаводагӣ метавонад заминасози навъи шаклгирии ҳувият дар оянда бошад. Аз он ҷо, ки хонавода ва навъе аз иртиботи отифии даруни он дар давраи навҷавонӣ омилҳои бисёр муҳим дар шаклгирии ҳувияти навҷавон аст, волидайн метавонад бо рӯҷӯ ба равиши тарбиятии худ, бо биниш ва нигоҳи огоҳонатаре дар мавриди рафтор бо кӯдак пайдо намоянд, то аз гароиши нохоста ба равиши тарбияти номуносиб худдорӣ кунанд ва бо шинохти комилтар дар тарбияи фарзанд иқдом намояд. Ҷамҷунин, лозим ба ёдоварӣ аст, ки дар давраи бӯҳрони навҷавонӣ, таваҷҷуҳ ба ҳувияти муносиб амри бисёр зарурӣ аст. Бо таваҷҷуҳ ба матолиби дар боло ёдшудаи перомуни ин ки навъе сабки дилбастагӣ метавонад омилҳои таъсиргузор бар ҳувиятҳои навҷавонон бошад ва заминаи рафтори ояндаро дар фард ба вуҷуд меоварад, ҷоиз аст, ки сабки дилбастагиро барои ҳувият мавриди таваҷҷуҳ қарор диҳем. Бо таваҷҷуҳ ба

матилиби фавк ва ба далели заруратҳои зикршуда ин пажӯҳиш дар мақсади посух гӯе ба ин суол аст, ки чӣ робитае байни сабкҳои дилбастагӣ ва навъҳои хувият дар навҷавонон вучуд дорад? Натоиҷи ин пажӯҳиш метавонад барои масъулон ва мушовирони масоили тарбиятӣ ва ҳонавода, ҳамчунин омӯзгорону мураббӣён мавриди истифода қарор гирад ва мучиби эҷоди таҳқиқоти ҳар чӣ бештар ва густадартар дар ин замина шавад.

Маълум аст, ки масъалаи «Инсонии комил» дар осори классикони тоҷику форс аз қабилӣ раисушуаро Рӯдакӣ, Фирдавӣ, Ибни Сино, Ҳайём, Носири Хусрав, Низоми Ганҷавӣ, Саной ва дигарон мавқеи хоса дорад. Дар замони муосир омӯзиши масъалаи хувияти шахс дар Тоҷикистон бештар аз тарафи олимони соҳаи фалсафа мушоҳида мешавад. Ё. Ниёзӣ дар рисоли худ «Моделҳои худшиносии инсон ё рушди шахсияти солим» [2, с.110-149] масъалаи омӯзиши хувияти шахсро аз тарафи файласуфони муосир чунин ба қалам додаст: намунаи «Инсонии соҳибистеъдод» (Султон Наврӯзов), намунаи «Инсонии Куръонӣ» (Шерзод Абдулло), намунаи «Инсонии ориёӣ» (Муҳаммадали Музаффарӣ), намунаи «Инсонии Чамшедӣ» (Комил Бекзода).

Хусусиятҳои робитаи сабкҳои дилбастагӣ бо хувият дар навҷавонон. Мақсади мо муайян намудани робитаи байни сабкҳои дилбастагӣ ва навъҳои хувият дар навҷавонон буда, кӯшиш намудем, ки то аз ин тариқ ба баррасии мушкилоте, ки дар заминаи ҷиғунагии ба вучуд омадани робитаи байни сабкҳои дилбастагӣ ва хувият вучуд дорад, бипардозем. Барои расидан ба ин ҳадаф чунин вазифаҳо дар назди худ гузошта шудааст:

- таҳлили шаклгирии сабкҳои дилбастагӣ дар навҷавонон;
- баррасии масоили рушди хувият ва хусусиятҳои он дар навҷавонон;
- таҳлили равобитаи сабкҳои дилбастагӣ бо хувият дар навҷавонон;
- таҳқиқи амалии равобитаи сабкҳои дилбастагӣ бо хувият дар навҷавонон.

Таҳқиқи мавҷуда бар ҳазфи ҳадаф аз навъи қорбурд ва тарзи равиши таҳқиқ ва иҷрои он паймоишӣ аст, ки иттилоот ба василаи равиши майдонӣ ҷамъоварӣ мешавад. Барои баррасии адабиёти мавзӯии пажӯҳиш, мутолеоти китобхонагӣ, ба таври умда аз китобҳо, мақолаҳо ва манобеи англисӣ ва форсӣ, сомонаҳои интернетӣ ва манобеи иттилоотии китобхонаҳо истифода шудааст.

Натиҷаи ин пажӯҳиш метавонад барои масъулон, омӯзгорон ва мушовирони масоили тарбиятӣ, равошносон ва ҳонаводаҳо, ҳавзаҳои дигари назари ҳавзаҳои омӯзиши мавриди истифода қарор гирад ва мучиби эҷоди таҳқиқоти ҳар чӣ бештар дар ин замина шавад.

Сабкҳои дилбастагӣ дар навҷавонон, дилбастагӣ ба унвони як ниёзи нахустини омодагиҳои зистии лозимро дар заминаи рафторҳои дилбастагӣ дар ду сӯи ин робита (яъне кӯдак ва модар) фароҳам месозад. Дар ҳоле, ки мутағайирҳои зиштшинохтӣ, арзишҳои ҳаётӣ ва таомули созанда робитаи модар – кӯдак дар хидмати шаклгирӣ ва тақвияти дилбастагии амн фаъолият мекунад, фароҳам омадани шароите, ки бар асоси он омодагиҳои зисти дар ду сӯи робита вайрон шавад ва муҳимтар аз он, арзиши ҳаётӣ ва рафторҳои дилбастагии амн коҳиш ёбад, ҳамвора душвор ва нодир хоҳад буд.

Назарияи дилбастагӣ аввалин бор ба василаи Болбӣ ва ба манзури тавсиф ва тавзеҳи ин ки чаро ва чи тавр кӯдак ба таври ҳаяҷонӣ ва отифӣ ба мароқибот пайванд меёбад, матраҳ шуда, сабкҳои дилбастагиро баён мекунад. Кӯдак маҷмӯае аз рафторҳои фитриро нишон медиҳад, ки паёмади он ҳифзи ҷисм бо чеҳраи аслии дилбастагӣ аст, ки боис мешавад бақои кӯдак дар баробари хатарҳои эҳтимолӣ ҳифз шавад [5, с. 40-57]. Бино бар гуфтаи Оинсурс Болби ҷандин навъи сабки дилбастагиро дар навҷавонон мавҷуд аст. Бадтар Оинсурс муваффақ ба навоварӣ дар озмоишу ташҳиси анвои равобитаи кӯдак бо парастор гашт ва се сабки дилбастагиро ҷудо намуд: амн, рондашавандагӣ ва музтариб – дусӯғаро.

Болбӣ таъкид кардааст, ки низоми дилбастагӣ аз гаҳвора то марғ фаъол аст ва низ муддаӣ шуд, ки дилбастагӣ яке таҳаввули ҳамешаги ва доимие аст ва агарчи рафтори дилбастагӣ дар даврони кӯдакӣ возеҳтар ва равшантар аст, аммо дар қорраҳои зиндагӣ, баҳусус дар даврони бӯҳрони синну соли ва ҳатто дар бузург соли низ таъсир мегузорад. Ҳамчунин аз назари вай таҷрибаи аввалия касбшуда тавассути кӯдак дар низоме ба номи шеваи дарунковӣ, дарунсози мешавад, ки ин шева на танҳо ҳокими як модели барои иртиботи иҷтимоии ояндаи фард қарор дорад, балки қонунҳои нонавиштааст, барои ин ки чи гуна таҷрибакунанда ибрази вучуд кунад ва бо авотиғи парешони худ қанор ояд.

Болбӣ фароянди шаклгирии дилбастагии навзод ва модарро ташреҳ карда нишон дод, ки чӣ гуна системаи эҳсосот ва рафторҳои дилбастагии навзодро ба модар наздик

ва аз хатар дур месозад ва ҷудой аз модар изтироб ва дармондагирии кӯдакро дар пай хоҳад дошт. Ҳассосият, посухгӯӣ ва ҳузури фаъоли модар ва дастрасии муназам ба навзод шакли аслии дилбастагии амнро дар ӯ ба вучуд меоварад. Аз ин пайгоҳи амн, ки тазминкунандаи эътимоди кӯдак ба дигарон ва худ мебошад, рафтори иктишофи тақвият мешавад ва воқуниши иҷтимоӣ густириш меёбад. Вақте модар бетафовут ё дуркунанда бошад, мушаххасҳои дилбастагӣ бар меҳвари камбуди эътимод ба худ ва дигарон шакл мегирад. Барои ин асоси дилбастагӣ маҳсули таҷрибаҳои воқеии фард дар мавриди ҳассосият, посухгӯ будан ва ҳузури фаъол ва муназами модар дар миёни солҳои навзоди, кӯдакӣ ва навҷавонӣ мебошад. Дар ҷорҷубай равобити бузургсолӣ аксар муҳаққиқон бар аҳамияти дилбастагӣ ба манзалаи яке аз ҷанбаҳои иртиботӣ ва бар истимрори таҳаввули он иттифоқи назар доранд [5, с. 50-57].

Болбӣ бар робитаи байни таҷрибаҳои фард бо волидон ва зарфияти тавонмандии вай дар барқарорӣ пайвандҳои отифӣ дар оянда тасреҳ кардааст. Дастовардҳои аз ин таҷриба бадастомада ва шабоҳатҳои бисёр байни мушаххасҳо, сабки дилбастагии навзод ва пайвандҳои отифии бузургсолиро аҳд карданд. Мушаххасҳои сабкҳои дилбастагӣ, ки дар ҷаҳорҷубӣ кӯдак-модар истиқрор меёбад, таинкунандаи моҳияти тасаввурот ва таҷрибаҳои фард дар оянда аст. Дар ин миён навъи сабкҳои дилбастагӣ дар давраи навҷавонӣ ва ба сабаби таъсири шеваҳои вобастагӣ бар рафтор дар ин давра ба мавозоте, ки муҳарикоти стрессҳои ин давра ба фаъол шудани системаи дилбастагӣ тамом мешавад даврае муҳиме доништа мешавад.

Дилбастагӣ - пайванди отифии амиқ аст, ки ба афроди хос дар зиндагӣ барқарор мекунам, тавре ки боис шуд, вақте бо онҳо таъомул сурат мегирад, эҳсоси шодӣ ва нишот кунем ва ба ҳангоми стресс аз ин ки дар канормон ҳастанд эҳсоси оромиш дошта бошем. Чӣ хеле, ки дар боло қайд кардем Болбӣ се намуди дилбастагиро ҷудо кардааст:

1. **Дилбастагии амн.** Дар ин навъи дилбастагӣ фард аз пайвандҳои отифие, ки вучуд дорад, ба унвони пойгоҳи амн барои ковиши муҳит истифода мекунад ва ба ҳангоми стресс ба унвони як пуштибон барои фард аст. Ҳамчунин, вақте фард танҳо мемонад, даст ба талош ва тақопӯ мезанад, то дубора иртиботи қаблӣро боз биёбад.

2. **Дилбастагии дуркунанда.** Дар ин навъи дилбастагӣ фард нисбат ба пайванд ва таомули отифӣ, ки барқарор мекунад, ба навъи безъятиноӣ аст ва аз ин ки ин иртибот қанда шавад нороҳат намешавад ва аз пайванди дубора истиқбол намекунад. Аз он ҷо, ки эътимод ба худ ба унвони яке аз мабной дарунравонии фарди дилбастаи амн аст, ба вай ин тавоноиро мебахшад, ки дар робитаи байнифардӣ бо маҳорат итминон ва оромиши бештар ба таомул бипардозад. Аз сӯи дигар, эътимоди фардии амн ба дигарон низ, ки ҷузъи мукаммали эътимод ба худ аст, вайро дар ҷалби кӯмаки дигарон ёрӣ мекунад. Дилбастагии амн, тавоноии ба ақиб баргаштан ва воқуниш нишон додан ба рафтор ва вазъияти равонии дигареро афзоиш медиҳад. Ҳангоме ки дар робитаи асосии амният вучуд дошта бошад, афрод бештар метавонад дасти ниёз ба сӯи дигарон дароз карда, аз онҳо ҳимоят кунанд ва бо воқунишҳо ва стессҳо ба гунаи мусбат мувоҷеҳ шавад.

3. **Дилбастагии музтариб** – **дусӯғаро.** Дар ин дилбастагӣ фард бештарини ноамниро нишон медиҳад, анвои рафторҳои раҳгумӣ ва муттазодро ба иҷро дар меоварад ва дар навъи иртибот ва пайванд, ки барқарор мегардад, бе ҳадаф аст.

Ҷон Болбӣ аввалин бор ин дидгоҳро дар мавриди пайванди дубора-мароқибаткунанда матраҳ кард, ки аз тадқиқоти Лорнез дар мавриди нақшпазирии ҷуҷаҳои ғозҳои илҳом гирифтааст. Вай муътақид буд, ки бачаи инсон ҳам монанди бачаи ҳайвонот аз як ришта рафторҳои фитрӣ бархурдор аст, ки ба нигоҳ доштани волидон наздики ӯ кумак мекунад ва эҳтимоли маҳфуз мондани навзод аз хатарро афзоиш медиҳад. Тамос бо волидайн зимнан тазмин мекунад, ки навзод тағзия хоҳад шуд. Аммо Болбӣ ишора кард, ки тағзияи мабонии дилбастагӣ нест дар ивази пайванди дилбастагии ҳудаш мабной зистии қудратмандӣ дорад ва метавон онро дар сайри тақомули бештар шинохт, ки бақои гунае дар он аҳамияти бештарӣ дорад [5, с. 130-132].

Ба ҳамон навъ, ки зикр шуд, назарияи дилбастагӣ аввалин бор тавассути Болби матраҳ шуд, аммо баъд аз ӯ равоншинос Оинсурс дар ин мавзӯё навоарӣ ворид кард. Баъдҳо афроди назари Уис, Гарик Потрик ва Шивер ва дигарон ба мутолеоте перомуни сабкҳои дилбастагӣ пардохтаанд.

Равоншиносон дар мавриди решаҳо ё авомили таъинкунандаи дилбастагӣ ду назари мухталиф доранд: назари аввал бар дурнамои рафтори шинохтӣ ва назари

дуввум бар чашмандозии ёдгирӣ така доранд. Ба ақидаи Болбӣ кирдоришиносӣ алоқаманд ба равонковии пояҳои зисти рафтори дилбастагӣ аст ва дар сурате, ки аз дидгоҳи такомули мутолеа шавад, қобили дарк хоҳад буд. Барои ин ки навъи инсон ба хилофи тӯлонӣ будани давраи нопухтагӣ ва осебпазирӣ битавонад зинда бимонад, модар ва кӯдак тамоили зотӣ доранд, ки ба якдигар дилбаста шаванд. Ин дилбастагии мутақобил мӯҷиб мешавад, ки кӯдак аз газанди осебҳои муҳталиф хифз бошад. Болбӣ муътақид аст, ки ба таври зисти равобити навзод бо волид ба сурати як риштаи нишонаҳои фардӣ оғоз мешавад, ки волидро ба тарафи навзод мекашонанд ва ба мурури замон пайванди отифии самимӣ эҷод мешавад, ки тавоноҳои чадидаи шинохтӣ ва ҳаяҷони аз он ҳимоят мекунад.

Ба ақидаи биёре аз муҳаққиқон, ки дар заминаи рушд ва шаклгирии дилбастагӣ пажӯҳишҳо анҷом додаанд, дилбастагӣ дар чаҳор марҳила эҷод мешавад, ки иборат аст аз:

1. **Марҳилаи пешдилбастагӣ (аз таваллуд то 6 ҳафта).** Дар ин марҳила кӯдак анвои олами фардӣ-чанг задан, лабханд задан ба навзод кумак мекунад, то ба соири инсонҳо тамос барқарор кунад. Вақте ки модар посух медиҳад, навзод онҳоро тарғиб мекунад, то наздики вай бимонад, зеро вақте онҳоро баланд мекунад, навозиш мекунад, тасалли медиҳанд, навзод дар ин син метавонад бӯ ва садои модари хешро ташхис диҳад, аммо ҳанӯз ба модар дилбаста нест, зеро аҳамият намедиҳад, ки ба фард ноошноие ба сар бибарад.

2. **Дилбастагӣ дар ҳоли анҷом (аз 6-ҳафтагӣ то 8-моҳагӣ).** Дар тӯли ин марҳила тифл ба мароқибаткунандаи ошно ба сурате посух медиҳад, ки аз муносибат бо ашхоси бегона фарқ дорад. Аммо дар сурате, ки модар аз ӯ чӯдо шавад, ҳанӯз эътироз намекунад. Бинобар ин, дилбастагӣ дар ҳоли анҷом аст, аммо ба таври комил шакл нагирифтааст ва дар замони чӯдои эътирози комиле шакл намегирад.

3. **Дилбастагии ошкор (аз 8-моҳагӣ то 2-солагӣ).** Дар ин марҳила дилбастагӣ ба мароқибаткунандаи ошно ошкор мешавад ва кӯдак дар ҳангоми чӯдои аз волидайн изтироби чӯдои нишон медиҳад, ки ин эътироз баъд аз 6 моҳагӣ дар ҳамаи кӯдакон ба вучуд меояд ва то ҳудуди 15 моҳагӣ идома меёбад. Дар ин син кӯдак нисбат ба ноҳузурии волид комилан ва ба сурати ошкор эътирозоти худро ба шеваҳои гуногун нишон медиҳад.

4. **Ташкили робитаи мутақобил (аз 2-солагӣ ба баъд).** Дар поёнии соли дуюм кӯдак соҳиби рушди зеҳни ва рушди сареи забон мешавад, ки ба онҳо кӯмак мекунад, рафту омади волидайнро дарк намояд ва онро пешбинӣ кунанд. Дар натиҷа эътироз ба чӯдои дар ин син ба далели ошкор шудани ин тавоноҳои чадидаи коҳиш меёбад ва кӯдак ба ҷои обзӯрҳои мисли қонеъсозӣ ва хоҳиш қардан барои ҳузури волидайн истифода мекунад.

Муҳаққиқон дар заминаи равоншиносии кӯдак ба ин натиҷа расидаанд, ки модар маъмулан аввалин фардеаст, ки мавзӯи дилбастагии хос қарор мегирад. Тақрибан 65 дар сади маворид, дилбастагӣ мутаваҷҷеҳи модар аст. Бо ин ҳама 5 дар сад мавриди аввалин дилбастагӣ мутаваҷҷеҳи падар ё падарбузург мешавад ва 30 дар сад маврид волидайн аввалин дилбастагӣ ба таври ҳамзамон модар ва шахси дигарро дарбар мегирад, ба илова теъдоди дилбастагӣҳо басуръат шароит афзоиш меёбад.

Барои рушди дилбастагӣ ва шаклгирии сабқҳои он омилҳои зерин таъсир мерасонанд:

- **Кайфияти парасторӣ.** Пажӯҳишҳо нишон додан, ки мувоҷиҳат бо отифа ва посухҳои фаврӣ, муназзам ва муносиби модарон метавонанд омилҳои бисёри муҳим ва таъсиргузор дар кайфият ва навъи шаклгирии сабқҳои дилбастагӣ бошад;

- **Шароити ҳонаводагӣ.** Шароите, ки бар ҳонавода ҳоким аст, аз ҷумла суботи отифи, ҳаяҷони ва иқтисодии ҳонавода метавонад омилҳои бисёри таъсиргузор дар ниҳояти ҷиғунагии шаклгирии дилбастагӣ бошад;

- **Фурсати дилбастагӣ.** Манзур аз фурсати дилбастагӣ ин аст, ки як кӯдак бояд фурсати барқарорӣ робитаи отифӣ бо волиди худро дошта бошад, дар ғайри ин сурат, мушкилоте дар дилбастагӣ ба вучуд хоҳад омад;

- **Вижагиҳои кӯдак.** Бо далели он ки дилбастагӣ ҳосил таомулҳои дучониба аст, вижагиҳои кӯдак низ ба навъи барқарорӣ робита кӯмак мекунад ва таъсир дорад ва дар воқеъ сиришти кӯдак дар навъи шаклгирии дилбастагии кӯдак таъсири фаровоне дорад.

Тибқи назарияи дилбастагӣ, тавоноие така бар мазоҳири дилбастагӣ берунӣ ё дарунишуда муҳимтарин натиҷаи амниятии дилбастагӣ аст, ки дар ба даст овардани

маҳоратҳои танзими авотиф ва маҳоратҳои фардӣ ва иҷтимоӣ кӯмак мекунад. Ба ин далел, ки аз як сӯ, таъомул ба мазохири дилбастагӣ, ки дар дастрасӣ ва посухгӯи ниёзҳои фард ҳастанд, амалкарди беҳтари системаи дилбастагиро осон карда, эҳсоси дилбастагии амнро афзоиш медиҳад. Аз сӯи дигар, таомул ба афроди муҳиме, ки ба ниёзҳои дилбастагии фард посухгӯ набоянд, боиси эҳсоси ноамни дар хусуси хусну нияти дигарон ва эҳсоси шубҳа дар бораи таъсири наздикичӯи мешавад. Дар аснои ин, таомулҳои ранҷовар, парешонӣ ба дурустии мудирӣ, намешавад ва эҳсоси дилбастагии амн ба даст намеояд.

Дар ниҳоят, бо таваҷҷуҳ ба назарияи дилбастагӣ, асоси амни ҳар фард дар хусуси дилбастагии ӯ дар кӯдакӣ гузошта мешавад. Дар пайи он, дилбастагии амн асоси амнро барои афрод муҳайё месозад, ки ба воситаи он афрод метавонанд дунёшонро кашф кунанд. Аз сӯи дигар, дарк ва фаҳми осори нисбии кайфияти дилбастагӣ метавонад дар мавқеҳои омӯзишӣ, болинӣ ва дармонӣ барои мушовирон, равоншиносон ва дармонгарон муфид бошад. Болбӣ мӯътақид аст, ки дилбастагӣ дар тӯли замон дороии суботи нисбӣ аст, ба ин маънӣ, ки навъҳои равобонӣ баъди фардро бо ҳамсолон, дӯстон, ҳамчунсон ва ғайри ҳамчунсон пешбинӣ мекунад ва дар рушди солим ва таъмини беҳдошт ва равонии фард аҳамияти вижае дорад.

Ҳамон тавре ки дилбастагӣ ба кӯдак иҷозаи иқтишоф ва ҷустуҷӯ дар муҳитро медиҳад, дар навҷавонӣ низ дилбастагии ин коркардро доро мебошад. Навҷавононе, ки ба волидайнӣ худ ба унвони пойгоҳи асли дилбаста ҳастанд, сатҳи ҷадида аз истиқлолро аз волидайнашон касб мекунад ва дар миёни ин пойгоҳи амн ба ковиш дар нақшҳои иҷтимоӣ ва интиҳобҳои мухталиф мепардозанд ва ба хоҳири масъулиятпазирӣ, посухгӯӣ ва пазиро будани волидонашон беҳтар хувияти худро шакл медиҳанд. Илова бар ин, баъзе аз вижаҳои наҷавонони дорои сабки дилбастагии амн метавонанд ба онҳо кӯмак кунанд, то ба пойгоҳи хувиятӣ муваффақ даст ёбанд.

Адабиёт:

1. Абдуллозода Шерзод. Фалсафаи одамият. - Душанбе, 2003.
2. Ёрмуҳаммади Ниёзӣ. Моделҳои худшиносии инсон ё рушди шахсияти солим. - Душанбе, 2009.
3. Муҳаммадалӣ Музаффарӣ. Инсон ҳамчун объекти омӯзиш. - Душанбе, 2002.
4. Наврӯзов С. Человеческие способности соотношение социальных и биологических аспектов. - Душанбе, 1991.
5. Чон Болби. Заминаи равоншиносии Ҳилгорд. (тарҷумаи Бароҳани Муҳаммад Тақӣ). Техрон, 1390.

РОЛЬ ЧУВСТВА ПРИВЯЗАННОСТИ В РАЗВИТИИ САМОСОЗНАНИИ ЮНОШЕСТВА

Автор указывает, что двусторонние отношения доброжелательности к своевременным и систематическим ответам и отношения матерей могут быть очень важным и эффективным фактором в типах формирования чувства привязанности. Чувства привязанности означает, что у каждого ребенка должны быть хорошие отношения с его/ее родителями. Иначе вызов появится в склонности к родителям, которые затрагивают развитие ребенка.

Ключевые слова: привязанность, доверие, чувство, юношеский возраст, жена-родитель.

THE ROLE OF FEELING OF ATTACHMENT IN THE DEVELOPMENT OF YOUTH SELF-CONSCIENCE

The author points out that bilateral relationship of goodwill toward timely and systematic answers and mothers' relationship may be a very important and effective factor in the formation types of feeling of attachment. Feeling of attachment means that each child must have a good relationship with his/her parents. Otherwise a challenge will appear in inclination toward parents that affect the development of the child.

Keywords: affection, trust, feeling, juvenile age, a female parent.

Сведения об авторе: Юхайи Дарйоуш, аспирант кафедры общей психологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: uhai-doruys@mail.ru

About author: Youhaei Daryoush, post-graduate student of general psychology chair, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: uhai-doruys@mail.ru

МАКТАБИ ХУНАРИИ СУННАТӢ ВА АҶАМИЯТИ ТАЪЛИМИВУ ТАРБИЯВИИ ОН

Рафиева Ф.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Мактаби хунарии суннатӣ дар фарҳанг ва маорифи тоҷик асрҳои зиёд вазифаи пешбарандаи таҷрибаи хунари ва афкори эҷодии халқро иҷро мекунад. Вазифаи асосии он аз насл ба насл додани таҷрибаи бойи гузаштагон мебошад.

Дар замони муосир низ талабот ва эҳтиёҷ ба ин мактаби хунару эҷодкорӣ бештар мегардад. Нақши умдаи мактаби хунари на танҳо дар ҳифзи мероси гаронбаҳои ғайримоддӣ, балки дар рушди эҷоди иҷтимоӣ, маданиятноки, ифтихор аз миллат, худшиносӣ ва фатҳи қуллаҳои баланди фаъолияти хунари, тарбияи ҷавонон бо воситаи маълумоти хунари ва инкишофи маълумот бо воситаи санъат мебошад.

Ифтихори ҳар як миллат таърих, фарҳанг, санъат, расму оин, либос, маданият, симоҳои таърихиаш буда, дар вазъи кунунӣ ҷаҳонишавӣ низ маҳз бо ин нишонаҳову арзишҳо муаррифӣ мешавад. Арзишҳои миллӣ тӯли асрҳову солҳо тақомул ёфта, тавассути хизматҳову заҳматҳои шахсиятҳои таърихӣ устодон ҳифзшуда, ифтихори насли имрӯзи ҷомеа гардидааст.

Дар даврони соҳибистиклолии Тоҷикистони азиз рушди фарҳангу маориф дар маркази сиёсати давлату ҳукумат қарор дорад. Ҳанӯз дар солҳои аввали Истиклолият, Сарвари давлат дар Иҷлосияи Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (7 апрели соли 1995) гуфта буданд: «Фақат миллате, ки барои рушду тақомули илму маориф ва фарҳанг ғамхорӣ зоҳир мекунад, ба давлатдорӣ сазовор аст. Мо бояд ба инкишофи мероси фарҳангӣ, таърихӣ, фолклорӣ, этнографӣ ва дигар суннатҳои мардумӣ тавачҷуҳи хосса зоҳир намоем. Миллати тоҷик дар натиҷаи пайравӣ аз анъанаҳои миллӣ, урфу одатҳои наҷиби мардумӣ соҳиби ҳурмат ва эҳтироми оламиён гардидааст».

Дар яке аз табрикоти худ ба муносибати Иди Наврӯз (соли 2005) низ чунин гуфтаанд: «Таърихи халқи ҳешро доништан, ба мероси фарҳангӣ соҳибӣ кардан, зеро парчами анъанаву суннатҳои неки инсонпарварона ва дигар фазилатҳои аҷиб муттаҳид кардани ҳамаи сокинони кишвар мақсаду мароми мо мебошад».

Бо ин мақсад баҳри муайян намудани дурнамои рушди фарҳанг ва санъати касбӣ бо супориши Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон як қатор барномаҳои давлатӣ ба монанди: «Барномаи давлатии рушди хунароҳои бадеии халқӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2009-2015» (№513, аз 31 октябри 2008) қабул гардида, амалӣ гардиданд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун узви комилҳуқуқи Созмони Миллали Муттаҳид соли 2010 ба Конвенсияи байналмиллалии ЮНЕСКО «Дар бораи ҳифзи мероси фарҳангӣ-маънавии мардум» (ғайримоддӣ) (2003) ҳамроҳ гардида, мақоми олии қонунбарори мамлакат 16 июни соли 2013 ин санади муҳимро ба тасвиб расонид.

Ба шарофати соҳибистиклолии Тоҷикистон, бо амри Президенти кишвар дар бораи таҷлили идҳои нави фарҳангӣ баҳри ҳифзу рушди мусиқии волои классикӣ-Шашмақом (12 май) ва мусиқии касбии суннатӣ – Фалак (10 октябр) ҳамасола шаклҳои гуногуни форумҳои мусиқииносии баргузор мегарданд.

Дар педагогикаи миллӣ низ мафҳумҳои ба тарбияи миллӣ вобаста: ифтихори миллӣ, одоби миллӣ, ватандӯстӣ, ифтихор аз гузаштагон, эҳёи урфу одатҳо, анъанаҳо ва ғайра тадриҷан мавриди омӯзиши таълиму тарбия қарор доранд.

Халқи тоҷик дар бобати таълим ва тарбия анъанаҳои бою қадима дорад. Китоби муқаддаси «Авасто», ки зиёда аз 2700 сол дорад, пур аз ганҷи панду ахлоқ аст. «Қобуснома»-и Унсурмаолии Кайковус низ аҷамияти волои тарбиявист барои насли имрӯзу фардои тоҷик.

Имрӯз панду ҳикматҳои ахлоқии А. Рӯдакӣ, А. Фирдавӣ, Абӯалӣ Ибни Сино, Н. Хусрав, С. Насафӣ, А. Ҷомӣ, А. Дониш ва дигар бузургон тавоноии ҳешро дар ҷодаи тарбияи инсонии комил гум накардаанд.

Таълимоти исломӣ, ки дар китоби муқаддаси «Қуръон» сабт шудааст, инсонро ба кори неку амали шоиста ҳидоят мекунад.

Дар шароити кунунӣ мактаби хунарии суннатӣ яке аз қисмҳои асосии маълумоти хунарии Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, моҳияти асли-миллии ҳешро давом дода истодааст, он ҳам чун пойдевори маълумот ииловагӣ хизмат мекунад.

Дар шароити кунунии иқтисодӣ-иҷтимоӣ низ раванди маълумот дар самти фарҳанг ва санъати Тоҷикистон ба ислоҳоти фаврӣ эҳтиёҷ дорад, зеро он бештар ба стандарти европой ва америкой така мекунад. Ҳол он ки фарҳанг ва санъати тоҷик бо хусусиятҳои этникӣ миллии худ ба ин равияҳои аҷнабӣ ҳам бегонаанду ҳам шояд ҳамгирой хатой маҳз бошад.

Имрӯз низ баъди соҳибистиқлол гардидани Тоҷикистони азиз, ки дунявӣ асту дар миқёси Осиёи Марказӣ муаррифғари миллату аҷлоди хеш аст, маҳз анъанаҳои гузаштаи хешро бо усули анъанавӣ ҳифз ва такмил медиҳад.

Дар ду даҳсолаи охир, дар илми педагогикаи муосири тоҷик педагогикаи халқӣ ҷои асосиро ишғол мекунад, он дар асоси меъёрҳои қоидаву мафҳумҳои назарияи тарбияи миллии рушд мекунад.

Олимони барҷастаи соҳаи педагогикаи тоҷик М. Лутфуллоев, И. Каримова, Ф. Шарифзода, Б. Раҳимов, А. Раҳмонов ва дигарон оиди масъалаҳои назариявии педагогикаи халқӣ қорҳои бузурги илмиро ба иҷро расониданд. Таҳқиқи амиқи мактаби ҳунарии суннатӣ аз ҷониби олимони санъатшиносони тоҷик - М. Ашрафӣ, Ф. Кароматов, Н. Нурҷонов, А. Раҷабов, Ф. Азизӣ, С. Раҳимов, С. Сулаймонӣ А. Низомов ва дигарон низ аз нимаи дуҷуми асри ХХ оғоз шудааст.

Хушбахтона, ин мавзӯ бештар диққати аҳли улумро ҷалб намуда истодааст. Ин бесабаб нест, зеро ҳифз ва омӯзиши таърихи пурғановати халқи тоҷик ва ёдгориҳои он дар меҳвари асосии тарбияи миллии қарор дорад.

Дар раванди таҳқиқи педагогикаи миллии бо назарияҳои нави илмӣ на танҳо олимони педагогҳо, балки олимони санъатшинос, фарҳангшинос ва мусиқшиносон низ таҳқиқотҳои назаррас бурда истодаанд.

Саҳми мусиқшиносии тоҷик Фароғат Азизӣ дар таҳқиқи илмии усули устод ва шогирд ва таҳқиқи осори илмии номбардори санъати классики тоҷик, олими бузург, танбурнавози беҳамто, ки бо усули устод-шогирд қомебиҳои илмӣ ба даст овард, Фазлиддин Шаҳобов ва офаридани як қатор асарҳои илмӣ «Мақом ва Фалак», «Шашмақом ва рага», «Низомии таърихӣ-таълимии мусиқии суннати тоҷик», «Донишгоҳӣ устод-шогирд ва нақши он дар мусиқии Шарқ», «Татбиқи устод шогирд-омили асосии рушди системаи таълимии мусиқӣ» ва ғайра хеле қалон аст.

Дар асарҳои олимони Б. Раҳимов ва А. Нуров «Педагогикаи этникӣ ва халқии мардуми тоҷик» нақши педагогикаи миллии дар худшиносии ҳудӯҳои миллии хеле амиқ таҳлил қардашудааст. Дар асар нақши ҳамбастагии ахлоқ ва тарбия, илм ва амал возеҳу равшан баён ёфтааст. Саҳми ин олимони дар таҳлил ва таҳқиқи эпоси «Гӯруғлӣ», ҷиҳатҳои тарбиявии он, назаррас аст. Эшон исбот қардаанд, ки эпос дорои хусусияти тарбияи миллии буда, яке аз меросҳои бузурги ғайримоддӣ фарҳангии халқи тоҷик маҳсуб меёбад. Олимони тоҷик Н. Нурҷонов, А. Нуров, Б. Раҳимов, С. Раҳимов, Ф. Азизӣ, М. Ашрафӣ, Ф. Кароматов ва дигарон исбот намуданд, ки мактаби ҳунарии суннатӣ дар фарҳанг ва санъати тоҷик маҳз бо усули таълимии устод-шогирд ҳифз ва рушд меёбад.

Усули таълимии мазкур ҳамчун усули анъанавӣ асоси педагогикаи халқиро ташкил дода, аз тарафи дигар сабаби «дарозумрии он» низ гардидааст.

Таҷрибаи имрӯзаи маълумоти ҳунари исботгари он аст, ки усули таълимии ҳамаи намӯҳҳои мактабҳои анъанавии ҳунари усули устод-шогирд мебошад. Дар рушди фарҳанги тоҷик маҳз ин усул нақши бориздошта, эҳтиёҷоти омма рӯз аз рӯз ба он зиёд шуда истодааст, зеро ҳуди халқофарандаи ин тарзи омӯзиш мебошад.

Усули устод-шогирд дар шароити кунунии Тоҷикистони соҳибистиқлол низ дар аксар мактабҳо, қоллечҳо, Консерваторияи миллии, Донишгоҳи санъат, баъдтар (с.2013) дар Донишгоҳи санъати тасвири ва дизайн бомуваффақият ба роҳ монда шудааст, натиҷаи назаррас низ дода истодааст.

Дар сектори ғайридавлатӣ бошад, он дар оилаҳои ҳунармандон мавҷудияти хешро идома медиҳад. Қайд намудан бамаврид аст, ки маҳз оила дар ҳифз ва ниғаҳдошти усули устод-шогирд нақши арзанда дорад.

Бояд қайд қард, ки дар қатори мактабҳои ҳунарии суннати магистралӣ-географияе, ки дар ҷодаи илм маълуму машҳуранд, дар фарҳанги халқи тоҷик асрҳои аср мактабҳои ҳунарии маҳаллӣ низ фаъолият бурда, дар тарбияи насли наврас саҳми босазо меғуздоранд. Солҳои охир бо дастгирии ҳукумати давлат ташкили қорхонаҳои ҳурди ҳунармандӣ ва марказҳои ҳунармандӣ ағзуда истодааст. Ин иқдом имқоният медиҳад, ки ҳунармандон таълими ҳудро васеъ ба роҳ монанд, ҳунарҳои нодирро эҳё

кунанд, наврасон ва чавонон берун аз соатҳои дарсии мактаби ҳунаромӯзанд, бо ин васила мавқеи худро дар ҷомеа барқарор намоянд.

Муסיқашиноси бузурги тоҷик Фароғат Азизӣ дар асараш қайд мекунад: «Дар даврони шӯравӣ, бо вучуди азнавсозӣ ва ташаккул, системаи устод-шогирд дар лонаи асосӣ ва аслии хеш - оила ҳифз шуда, рушди доимӣ дорад» [3, с. 310].

Мактаби оилавии ҳунармандӣ, ки дар он устодон-калонсолон ба фарзандон таҷрибаи бои ҳунарии хешро меомӯзонанд, анъанаи неки гузаштагон-меҳнатдӯстию захираҳои, мардонагӣю диловариро низ посдорӣ мекунанд.

Шогирд бо баробари соҳибҳунар гаштан, соҳиби ҳислатҳои неки инсонӣ мегардад, дар шуур ва ниҳодаш эҳтиром ба гузаштагон, Ватан, волидон наздикон пайдо шуда, ҳиссиётгаш ба ҳаёту зиндагӣ дучанд мегардад. Ҳунарманд шуғл, мақсад ва мароми муайян дорад, медонад, ки меҳнати ӯ барои некуаҳволӣ ва пешбурди зиндагӣиаш равона мегардад. Аз ҳама асосаш ӯ вазифадор аст, ҳунарашро ба насли ояндааш омӯзнад. «Ҳунар давлати поянда ва чашмаи зояндааст» ҳунарманд бо ҳунари волояш аз ҳеҷ кас вобаста намешавад, ҳам зиндагӣашро пеш мебарад, ҳам дар ҷомеа мавқеъ ёфта, соҳиб эҳтиром мегардад.

Усто Ҷӯрқбой, сандуқсози истаравшанӣ, чунин ақида дорад: «Ҳунарро ҳурмат кардан хоҳӣ, ӯро хор намекунӣ, хор кардан нахоҳӣ ба фарзандат омӯз, то ӯ низ ба фарзандаш омӯзнад. Ин аст рисолати асосии ҳунарманд. Ҳунар пир дорад, пираш - Коваи оҳангар».

Ҳунару ҳунармандӣ аз насл ба насл дар оила рушд ёбад ҳам, лекин он бояд дар муассисаҳои давлатӣ-илмӣ нақшаҳои таълим дода шавад.

Оид ба таҷрибаи устодон китобҳои дарсӣ таълиф бояд дод. Албатта дар соҳаи санъат рисолаҳои муסיқӣ мавҷуданд, бо вучуди ин дар ин самт бояд ислоҳоти ҷиддӣ гузаронида шавад.

Дар тамоми марҳилаи рушд системаи устод-шогирд-даҳонӣ (аз даҳонбадаҳон) таълим дода мешавад.

Ба ақидаи санъатшиносон Ф. Азизӣ, С. Раҳимов - дар таълими даҳонии усули устод-шогирд тамоми ҷузъиёти аломатҳои таълим ҷой дорад. Шогирд дорои хотираи қавӣ бошад (1), боистеъдод бошад (2), зебоиро дарк кунад (3), лаёқати эҷодкорӣ дошта бошад (4), зирак ва пуртоқат бошад (5). Ин усул аз давраи тамаддуни ориёӣ сурат мегирад. Дар он замон низ вазифаи мукаддаси инсон - ҳифз ва рушди ҳунар махсуб меёфт, ба шогирдони боистеъдод тавачҷуҳи хосса зоҳир мекарданд. Дар ҳама давру замон ҳунар хусусиятҳои эҷодӣ ва ҷустуҷӯи дорад. Ҳунарманд низ доимо дар ҷустуҷӯ, такмил ва рушди ҳунараш мебошад.

Барои омӯзиши касбу ҳунар аз одитарин амалиёт - тарзи гирифтани олоти меҳнат, истифода бурдан, интиҳоб намудан, нақши зебо офаридан, мазмуни онро дарк намудан, пурсабру бодикқат будан ва ғайраро доништан лозим аст.

Муסיқашиноси маъруф Ф. Азизӣ дар он ақида аст, ки дар санъати муסיқии тоҷик асрҳои асрусули таълимии устод-шогирд тавонистан ӯнаи мақом ва фалакро ниғаҳ дорад. Шашмақом ва фалак дар айни замон низ бо ин усул рушд ва тақомул меёбад.

Боз рӯ меорем ба «Қобуснома»-и Унсурмаолии Қайковус дар боби «Дар одоби ҳунёгарӣ», ҳунарманд бояд тамоми одоб ва услуби ҳунармандиро риоя кунад. Дар боби «Ба фарзанд» омадааст:

«Фарзанди мардумони хоссаро беҳаз ҳунару адабу фарҳангнест ва фарзандони оммаро мерос беҳазпешанест, ҳарчанд пешанакори кӯдакони мӯхташамон аст, ҳунар дигар асту пеша дигар...» [6, с. 34].

Мактаби ҳунари донишгоҳи иҷтимоист, зеро он дар тарбияи иҷтимоии шахсият саҳмгузор аст. Дар айни замон дар Тоҷикистон чунин намудҳои мактабҳои суннатии маҳаллӣ фаъолият дорад:

- мактабҳои суннатии оилавӣ;
- мактабҳои суннатии бачагона;
- мактабҳои суннатии маҳаллӣ;
- мактабҳои суннатии маҳаллии ба номи устод гузошташуда;
- маълумоти иловагии таълимӣ;
- мактаби ибтидоӣ-касбӣ;
- мактаби бачагонаи санъат.

Мактабҳои ҳунарии муסיқии оилавӣ дар Шарқ аз рӯи асарҳои муҳаққиқон-педагогҳо муайян карда шудааст, ки усули устод-шогирд дар оила ибтидо гирифта,

новобаста аз синну сол вазифа ва масъулият ба дӯши устод вогузор мегардад, ки таълимдиҳанда устод, таълимгиранда шогирд маҳсуб меёбад.

Ба ақидаи эшон, мактаби хунарии суннатӣ маҳз дар усули таълимии устод-шогирд таҷассум меёбад. Усуле, ки қарнҳову солҳо пайдо шуда, такмил ёфтааст, дар тамоми намуди хунар ва санъати тоҷик рушд меёбад. Мактаби хунари дар асоси принципҳои таълимӣ пурра ҷавобгӯ набошад ҳам, вале ҷиҳатҳову хусусиятҳои таълиму тарбияро дар бар мегирад, дар меҳвари асосӣ - педагогикаи халқӣ қарор дорад.

Ба мактабҳои хунарии маҳаллӣ аз рӯи намудҳои хунариҳои кулолигарӣ, кандакорӣ, сӯзанидорӣ, заргарӣ, сабадбофӣ, оҳангарӣ, танурсозӣ, гулдӯзӣ, тӯрбофӣ, шеърхонӣ, гӯяндагӣ ва ғайра дохил мешавад. Дар ҳама шаҳру навоҳии Ҷумҳурии Тоҷикистон хунармандони номӣ ва оилаҳои хунарманд хеле зиёданд. Қариб аксар оилаҳои тоҷик ба хунару хунармандӣ машғуланд. Бахусус шугли асосӣ ва дӯстдоштаи занони тоҷик хунармандӣ маҳсуб меёбад. Анъанавист, ки ҳар зан-модар духтарашро соҳибхунар дидан меҳада ба ӯ аз хурдӣ хунар меомӯзонад.

Пӯшида нест, ки масъалаи тарбияи ҷавонон аҳли ҷомеаро бетараф гузошта наметавонад. Ҷавонон дар ҳама давраи замон нерӯи азим, бақои умр ва ояндаи ҷомеа ба шумор мераванд. Хунармандӣ, ки шугли аҷдодии тоҷикон мебошад, пас новобаста аз он, ки ҷавон соҳибмаълумот аст, бояд хунарманд низ бошад.

Ҳамин тариқ, суннатҳои мардумӣ, ки аз гузашта ба насли имрӯз боқӣ мондааст, ҷароғест, ки аҷдодонамон фурузониданду то ба имрӯз шуълавару хомӯшнаванда аст, оинаест, ки гузаштаро бо имрӯзу имрӯзро бо фардо мепайвандад, дар ҳар давраи замон инсоният ба он муҳтоҷ аст. Суннат арзиши миллии буда, мактаби ахлоқ аст, ки сабақ омӯختан дар ин дабистон аз манфиат холи нест. Дар суннати мардумӣ падидаҳои хуби тарбиявӣ ахлоқӣ маҳфузанд, ки барои тарбияи насли имрӯра хеле муфиданд, онҳо дар пешрафти маънавияти мардум кӯмак намуда, пояи арзиши миллиро нигоҳ дошта, фарҳанги ғании миллатро ба ҷаҳониён муаррифӣ месозанд.

Адабиёт:

1. Абӯалӣ ибни Сино. Пирӯзинома. - Душанбе, 1980.
2. Азизӣ Ф. А. Силаи традиция // Муз. Жизнь. - М., 2009. - № 3. - С. 41-43.
3. Азизӣ Ф. А. Устод-шогирд. Донишнома (Энциклопедия)-и Шашмақом. - Душанбе, 2009. - С. 310.
4. Афзалов Х., Раҳимов Б. Таърихи педагогикаи халқи тоҷик. - Душанбе, 1994.
5. Нуров А. Арзишҳои миллии умумибашарӣ, заминаҳои пайдоиши инкишоф ва нақши онҳо дар тарбияи инсон. - Душанбе: Ирфон, 2003.
6. Унсурмаолӣ Кайковус. Қобуснома. - Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2007.
7. Эмомалӣ Раҳмон. Ватандӯстӣ ва худшиносии миллии. - Душанбе, 1999.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА И ЕЁ РОЛЬ В УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Автор статьи раскрывает роль художественно-эстетической школы и отмечает, что в настоящее время этот вопрос является актуальным и важным. В статье анализируются научные труды ученых и педагогов Таджикистана, касающиеся роли художественно-эстетической школы в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: художественно-эстетическая школа, эстетическое воспитание, воспитательный процесс, национальная культура, приобщение к искусству.

ARTISTIC AND AESTHETIC SCHOOL AND ITS ROLE IN THE EDUCATIONAL PROCESS

The author reveals the role of art-aesthetic school, and notes that currently this issue is relevant and important. The article analyzes the scientific works of scientists and teachers of the Republic of Tajikistan on the role of artistic and aesthetic schools in the educational process.

Keywords: artistic-aesthetic school, aesthetic education, educational process, national culture, introduction to art.

Сведения об авторе: Рафиева Фатима, соискатель кафедры общей педагогики Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни

About author: Rafieva Fatima, researcher of the chair of general pedagogy, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ОРФОГРАФИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

Боронова С. Б.

Таджикский государственный институт языков имени Сотима Улугзода

Проблеме эффективности занятий по орфографии уделяется особое внимание в вузах Таджикистана. Это – одна из главных задач, стоящих перед преподавателями национальных групп в вузах, так как занятие было и остается основной формой учебного процесса.

Обучение студентов русской орфографии в вузе имеет целью обеспечение одной их важнейших сторон устной речи – произносительной. От фонетической грамотности до составления предложения, текстов зависит не только эстетическая, но и смысловая сторона речи, так как отклонения от норм произношения ведут к смысловым ошибкам в письменной речи. Поэтому отработка произносительных навыков обучающихся на занятиях русского языка должна постоянно быть в центре внимания преподавателя.

В силу того что наши студенты одновременно говорят по - таджикски и немного по – русски, наблюдается перенесение письменных навыков таджикской речи на русское правописание. Для овладения русской письменностью очень важно развитие у студентов прежде всего артикуляционно – акустических навыков.

От уровня профессиональной подготовки преподавателя, от умения правильно, творчески подходить к решению образовательных и методических задач, от постоянного стремления пополнять свои знания и совершенствовать свое педагогическое мастерство зависит эффективность каждого занятия и всего обучения и воспитания в целом.

Каковы же пути эффективности занятий по орфографии? Чтобы определить эти пути, придётся отметить и типичные недочёты занятий по орфографии, снижающие качество и результативность последних.

Одним из недостатков является их излишняя грамматизация, увлечение теорией в ущерб развитию письменных умений и навыков. Студент запоминает правило, учит его наизусть, но не может использовать его в письменной речи. Отсюда знание студентов в теоритическом плане, но неумение их использовать на практике. В связи с этим практическая направленность – это основная задача обучения орфографии – овладением им как средством письменного общения. Теоритические положения (правила, законы языка) должны носить инструктивный характер и занимать немного времени, а применение их в практике письменной деятельности должно быть в центре внимания. Этому прежде всего призвана способствовать система упражнений, расположенных в такой последовательности, когда каждое предыдущее упражнение подготавливает студентов к выполнению последующего, более повышенной трудности, являющегося более высокой степенью подготовки к выходу самостоятельной письменной речи. Вместе с тем нередко приходится наблюдать, как выполняются подряд однотипные упражнения аналитического характера, а до письменных упражнений не доходит – не остаётся времени.

Другим решающим фактором, обеспечивающим продуктивность занятия, является его целенаправленность, то есть определение главной цели занятия и предельное подчинение ей всех элементов занятия.

Каждый этап занятия, вид работы, используемые методы, приемы и средства обучения, даже каждое отдельное упражнение, задание, речевая ситуация должны быть направлены на достижение цели занятия. Например:

Занятие на тему: «Правописание звуков (**ц**) и (**с**)» на первом курсе в национальной группе. Цели занятия могут быть определены так: научить различать (**ц**) и (**с**) на слух, правильно произносить слова с этими звуками, уметь правильно писать их.

Педагогические условия влияют на каждый вид работы на этом занятии, которое должно быть направлено на достижение указанных целей. А виды работ могут быть:

1. Прослушивание слов с (**ц**) и (**с**) *цвет – свет, цветёт – светит и т. д.* – с одновременным объяснением значения слов и наблюдением разницы в их написании(на доске вывешен баннер с этими словами);
2. Воспроизведение правильного произношения слов
3. Чтение слов с буквами (**ц**) и (**с**) (даётся другой лексический материал);

4. Ответы на вопросы, предусматривающие употребления звуков (ц) и (с);

5. Запись слов под диктовку подчёркиванием, комментированием.

Целенаправленности занятия способствует осознание студентами того, зачем и чему они учатся – это главная цель педагогического аспекта. В связи с этим целесообразно сформулировать цели и задачи занятия, подчеркнуть важность изучаемой темы в овладении орфографическим навыком, русским языком. В конце занятия следует получить ответы на вопросы: Что вы сегодня нового узнали на занятии? В чем мотивация этого занятия?

Педагогическая мотивация этого занятия (слушание, записи, воспроизведение её, чтение с (ц) и (с), введение их в разговорную практику) может быть иллюстрацией ещё к одному важному требованию – установлению правильной последовательности этапов занятия.

С фактором целенаправленности занятия взаимосвязана идея мотивации в обучении – понимания студентами того, чему их учат и ради чего учат.

Ясно осознав, что следует усвоить за год или в течение одного занятия, студенты смогут наметить перспективы в получении знаний, а затем применении их на практике, в жизни.

Мотивация учения невозможна без воспитания интереса к предмету. Формирование интереса к орфографии осуществляется прежде всего через показ его выразительных средств, благозвучия, богатства лексики и фразеологии. Интерес к изучению орфографии можно воспитать путём объяснения её значимости как межнационального письменного общения.

Большую роль в воспитании интереса к предмету оказывает и умелый подбор текстового материала.

Одним из недостатков в построении занятий орфографии является неправильный подход к учету особенностей родного языка студентов. Это злоупотребление родным языком или полное его игнорирование.

Родной язык может быть использован при семантизации слов с абстрактным значением, при переводе грамматических терминов, при сопоставлении с родным языком студентов и в исключительных случаях – при объяснении сложных понятий. Как например, можно семантизировать слово думать, ловкий, мотив, не прибегая к родному языку студентов?

Приведём один пример сопоставления с родным языком студентов, эффективность которого была экспериментально подтверждена. *Это сопоставление справочника правописания некоторых наречий.*

На конце пишется		
А	О	У
Добела – то сафед шудан Дочиста – пок-покиза Досыта – то сер шудан Изредка – баъзан Некуда – чое нест, ки Некогда – вақт нест Никогда – хеч вақт Сообща – ҳамроҳ Сначала – аввал	Внезапно – якбора Заодно – якчоя Заново – аз нав Засветло – рӯзона Налево – ба тарафи чап Направо – ба тарафи рост Поздно – дер Смело – часуруна Скоро – ба зудӣ	Всюду – хама чо Насилу – ба зӯр Неподалёку – дар наздики Понемногу – андак-андак Поровну – баробар По-прежнему – пештара барин По-моему – ба фикри ман Сразу - якбора
И		Ь
Вдали – дур Вблизи – дар наздики Издали – аз дур Изнутри – аз дарун Посреди – дар миёнаи Сзади – дар пушти Спереди – дар пеш По-русски – ба забони русӣ		Вскачь – тозон – тозон Вдаль – дур Наизусть – аз ёд Настежь – хушода Навзничь – пуштнокӣ Опять – боз Сплошь – сар то сар Теперь – холо Чуть – чуть - андак

Продуктивность занятия несовместима с нерабочими паузами. Их не должно быть на занятии. Потеря даже одной минуты на занятии является растратой времени, так как по одной минуте теряет каждый студент.

И наконец, эффективным может считаться только то занятие, на котором слились воедино образовательные и воспитательные задачи. Это и есть педагогические условия продуктивного обучения.

На занятиях орфографии живое слово преподавателя должно доходить до ума и сердца каждого студента, должно волновать его и будить в нем светлые чувства, формировать высокие идеалы.

Преподаватели в беседах показывают, что изучение русского языка помогает человеку общаться с любым человеком нашего общества, полнее и отчетливее осмысливать происходящее в мире события, понимать сущность научно – технического и культурного прогресса, правильно выбрать свое место в жизни.

Средствами преподавания орфографии и русского языка в общем решается важнейшая задача нравственного воспитания – формирование активной жизненной позиции, сознательного отношения к общественному долгу.

Преподаватель, его эрудиция, профессиональное мастерство и творческий подход к бесконечно сложному и многогранному процессу формирования молодого человека решает успех всего дела обучения и воспитания.

Литература:

1. Бакеева Н.З., Методика преподавания русского языка в национальной школе. Л.: Просвещение, 1986.
2. Митрофанова О.Д. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 2001.
3. Основные направления реформы общеобразовательной школы. Т., 2013
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 2003.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ОРФОГРАФИИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ

В статье рассматриваются некоторые проблемы эффективности обучения орфографии в национальных группах вуза. Претворяя в жизнь идеи реформы общеобразовательной и профессиональной методологии о повышении качества обучения и воспитания, преподаватели русского языка в национальных группах направляют все усилия на совершенствование основной организационной формы учебного процесса – современного, интегрированного занятия. Показано несколько примеров, которые повышают эффективность обучения орфографии.

Ключевые слова: продуктивность, эффективность, педагогические условия, национальные группы, эрудиция, творческий подход, мотивация, анализ.

PEDAGOGICAL TERMS OF EFFICIENCY OF PRACTICAL EMPLOYMENTS ON ORTHOGRAPHY IN NATIONAL GROUPS

In the article some are examined problem of efficiency of educating of orthography in the national groups of institution of higher learning. Making reality of the ideas of reform of general and professional methodology at upgrading of educating and education, the teachers of Russian in national groups send all efforts to perfection of basic organizational form of educational process - modern, integrated employment. A few examples that promote efficiency of educating of orthography are shown.

Keywords: the productivity, efficiency, pedagogical terms, national groups, erudition, creative approach, motivation.

Сведения об авторе: Боронова Светлана Бурхоновна, старший преподаватель кафедры русского языка Таджикского государственного института языков имени С. Улугзода, e-mail: pilavseva77@mail.ru

About author: Boronova Svetlana Burkhonovna, senior teacher of Russian language chair of Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulughzoda, email: pilavseva77@mail.ru

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К АНАЛИЗУ И СИНТЕЗУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ В ОРГАНИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рахматуллова М. Н.

Худжандский государственный университет им. Б. Гафурова

При профессионально-педагогической подготовке будущих учителей важное место занимает уровень их готовности в плане информированности, ибо в современных условиях информация становится мощным средством человеческой деятельности. Исходя, из этого будущих учителей следует готовить к работе с педагогической информацией. Педагогическая информация отражает педагогические знания, умения и навыки, которые связаны с объектом профессионально-педагогической деятельности. Педагогическая информация дает информацию о педагогических фактах, явлениях, процессах и системах. Без соответствующей и адекватной информации нельзя решать ту или иную задачу, в том числе педагогическую задачу.

Информатизация общества в целом и профессиональной деятельности, в том числе является важным атрибутом современной жизни. Современные информационные технологии и направлены на решение данной задачи. Поэтому будущего учителя следует готовить на таком уровне, чтобы он мог осуществить поиск и находку ценной, нужной информации для решения тех или иных педагогических задач. Он должен четко и ясно представить себе различие между устаревшей и новой информацией. В современных условиях интенсивного развития всех сторон жизни обновление и оптимизация информации протекает также интенсивно.

Поэтому будущий учитель должен быть ориентирован на это, и все время он должен быть в курсе инновационных событий своей профессиональной деятельности. И вот здесь самую главную роль играет знание и умение анализа и синтеза педагогических фактов, явлений, процессов, элементов и систем. Это является своего рода инструментом, орудием средством поиска, получения, передачи, усвоения, презентации, информации. За годы учёбы в ВУЗе будущий учитель научиться работать с различными источниками педагогической информации, которые в будущем ему помогают в осуществлении профессионально-педагогического самообразования. Если будущий учитель не может осуществить профессионально-педагогическое самообразование, не может работать, оперировать, анализировать педагогической информацией, то соответственно он не может стать компетентным, высококвалифицированным учителем. Ибо только такой учитель в будущем может и должен работать в школе. Школа будущего ориентирована на работу учителя с информационными технологиями. Впрочем школа не исключение, поскольку информатизация всех элементов и сторон жизни общества не может обходиться без них. Причем следует готовить будущих учителей к работе с многообразными и различными источниками педагогической информации. Будущий учитель ориентируется работать как с готовой информацией, так и с неготовой, когда он самостоятельно должен осуществить поиск информации. Что же может быть источником педагогической информации? «... архивные материалы по вопросам народного образования; памятники древней письменности, древние рукописи по вопросам воспитания и обучения; официальные материалы (законы, проекты циркуляры, отчеты, доклады и др.); учебники учебные пособия, программы и другие материалы, характеризующие работу школы; сочинения выдающихся педагогов; общая и педагогическая пресса различные труды по гражданской истории, истории философии, истории культуры, истории литературы, художественные произведения, рисующие школу, семейное воспитание и т.п., а так же мемуары и художественные произведения, особенно тех авторов, педагогические взгляды которых освещаются в истории педагогики (например, Ф. Рабле, Ж. Ж. Руссо, Л. Н. Толстого) [1, с. 25].

Вместе с тем в качестве источника педагогической информации выступают педагогическая документация.

«Речь идет о протоколах и стенограммах педагогических комиссий, педагогических конференций, заседаний комитетов родителей и друзей школы, отчетах об учебно-воспитательной деятельности школы, инспекционных отчетах, отчетах о деятельности детских и молодежных организаций, дневники учеников и студентов и т.п. Сюда можно отнести записи о ходе уроков и других воспитательных процессов в школе

и вне школьной деятельности. Ценный материал представляет собой школьная статистика, документация об успеваемости учащихся и студентов и их характеристика» [2, с. 113].

Как видим источники педагогической информации, в самом деле, многообразен и разнообразен. Они являются продуктом умственной деятельности официальных и неофициальных лиц, так или иначе имеющее отношение к педагогической деятельности. Уровень их качество, достоверности, объективности и ценности также разнообразен. Посредством анализа данной педагогической информации педагог берет для себя, для решения тех иных педагогических задач необходимую и нужную информации.

Педагогический анализ предполагает знания и умения оперировать педагогической информацией с целью ее рационального применения для решения педагогических задач в процессе педагогической деятельности. Анализ предполагает абстрагирование, конкретизацию, детализацию, выделение главного от второстепенного, выделение в информации сущностного аспекта, а также аспектов касающихся форм проявления данной сущности. Ко всем этим умственным операциям при помощи, которых будущий учитель оперирует педагогическими понятиями следует, готовит их всесторонне и систематически.

Итак, модель работы с педагогической информацией имеет следующее изображение.

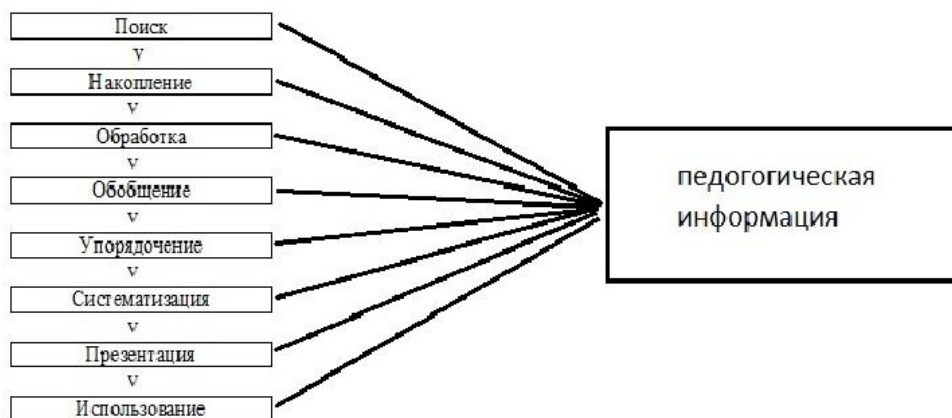

Рис. №1. Модель работы с педагогической информацией

Вопрос о компетентном использовании методов научно-педагогического исследования актуален не только для ученого педагога, но и для рядовых учителей, без овладения которыми немислимо оперирование педагогической информацией. В своей реальной педагогической деятельности учитель, так или иначе, должен и сам добиваться необходимую педагогическую информацию, поскольку он далеко не всегда работает с готовой информацией. Он может получить готовую педагогическую информацию для решения общих педагогических задач, однако для решения специфических педагогических задач, ему приходится самостоятельно добывать нужную ему информацию. Чем же отличаются общие педагогические задачи от специфических? Рассмотрим это на примере возрастных и индивидуальных особенностей школьников. О возрастных и индивидуальных особенностях школьников имеется официальная, достоверная педагогическая информация в соответствующих источниках. Это является общая педагогическая информация. А учитель работает с конкретными школьниками, которые имеют соответствующие возрастные и индивидуальные особенности. Для того, чтобы точно и адекватно определить особенности своих учеников учителю необходимо соответствующая педагогическая информация, которую он должен добывать сам, за него это никто не делает. А информация это ему необходимо для рациональной организации процессов воспитания и обучения данных учеников. И тут необходимы знания и умения использования методов и следования. Посредством эмпирических методов исследования, таких как педагогическое наблюдение, беседа, анкетирование, изучение педагогической документации он изучает и исследует необходимое ему явления и процессы, анализирует их глубоко и всесторонне и принимает соответствующие решения.

Вместе с тем выявляет свои ошибки и недостатки допущенных в ходе обучения и воспитания учеников. Впрочем, он исправляет не только свои ошибки и недостатки, но и ошибки и недостатки учеников. Корректировка ошибок и недостатков учителя и учеников тут в какой-то степени взаимосвязаны. Поскольку обучение и воспитание не является ровным и гладким процессом и соответственно они сопровождаются определенными недостатками. Задачи тут как раз и заключается в поиске ошибок и способов их рациональной коррекции. Всё это требует знание и умение добиваться информации о них, знания и умения анализировать их, и в целом оптимизировать процессы обучения и воспитания. Причем этот процесс имеет диалектический характер. Он требует систематичности и последовательности. Отсюда и непрерывность, отсюда и объективная необходимость внедрения и формирования знания и умения внедрения системы непрерывного педагогического самообразования у будущих учителей. Как эмпирические, так и теоретические методы исследования связаны с применением анализа и синтеза явлений. В нашем случае педагогических явлений. Но не только явление является объектом и предметом исследования, но и сущность. Эмпирические методы научного исследования ориентированы на изучение педагогического явления, когда как теоретические методы направлены на раскрытие сущности. Сущность процесса обучения, сущность процесса воспитания, сущность целостного педагогического процесса являются объектом и предметом теоретических методов исследования по педагогике. Изучение педагогического явления представляет собой изучение конкретного, когда как исследование сущности представляет собой изучения абстрактного. Поэтому в процессе исследования следует идти не только от простого к сложному, но и от конкретного к абстрактному, от исследования педагогических явлений к исследованию сущности педагогических явлений.

Для проведения опытно-экспериментальной работы нами были созданы две группы: контрольная и экспериментальная. Эти группы были созданы на базе художественно графического факультета и факультета иностранных языков Худжандского Государственного Университета имени академика Б. Гафурова. В контрольной группе обучения проводилось на основе традиционной системы, когда как на экспериментальной группе занятия проводились на основе разработанной нами методики применения методов педагогического анализа и синтеза. Данная методика использовалось при теоретических и практических занятиях по курсу педагогики и в ходе педагогической практики опытно-экспериментальная работа проводилась в ходе изучения следующих разделов курса педагогики: «Введение в учительскую специальность», «Теория воспитания», «Дидактика», «История образование и педагогическая мысль».

Главная цель опытно-экспериментальной работы заключалась в формировании у будущих учителей знаний и умений анализа педагогического факта, педагогического явления, педагогического процесса и педагогической системы, а также на основе результатов педагогического анализа применение педагогического синтеза – организации учебно-воспитательного процесса. Мы исходили из того, что оптимизация использования педагогического анализа и синтеза способствует поднять на качественно новый уровень готовность будущих учителей к организации учебно-воспитательного процесса.

Педагогический анализ позволяет выявить положительное и отрицательное, успехи и недостатки, также способствует выявлению главного, основного, на, что следует обратить пристальное внимание. И исходя из этого корректировать своё поведение в ходе учебно-воспитательного процесса, что является прерогативой педагогического синтеза. Особую значимость в ходе опытно-экспериментальной работе придавалось вопросу об использовании методов научно-педагогического исследования. Методы педагогического анализа и синтеза как бы аккумулируют, оптимизируют значимость и действенность других методов исследования. Всё это позволяет будущему учителю рационально применять полученную педагогическую информацию. В ходе всего педагогического эксперимента в экспериментальной группы акцент делалось на знания, умения и навыки работы с педагогической информацией, поскольку педагогическая информация является важным звеном, влияющий на качество учебно-воспитательной деятельности. Уровень информированности будущего учителя и его знания и умения применять информацию в своей практической деятельности является далеко не последним фактором повышения качество обучения и воспитания

школьников. Педагогическая информация должна иметь чёткую структуру и системный характер. Всё это было учтено в ходе формирования культуры оптимального конспектирования у будущих учителей экспериментальной группы.

Таблица №1

№	Воспитание в первобытном обществе			
1	Главный атрибут данного этапа	Общественная собственность		Общественное воспитание
2	Происхождение воспитания	Связь с трудовой деятельностью (выживание и размножение)		
3	Школа	«Дома молодежи»		
4	Разделение труда	Мужской труд: изготовлении орудий труда, охота и т. д.		Женский труд: пищи, одежды и т. д.
	Разделение воспитания	Парни – мужское воспитание		Девочки – женское воспитание
5	Возрастные группы	Дети и подростки	Полноценные и полноправные участники жизни и труда	Пожилые люди, старики
6	Процесс воспитания	Воспитатели	Содержание воспитания	
		Опытные люди	Знания, умения, навыки выполнения трудовой деятельности	
7	Переход от первой возрастной группы ко второй	Молодежь	Инициация «Посвящения» (экзамен)	Полноценные, полноправные участники жизни и труда

№	Воспитание в период разложения первобытного общества			
1	Главные атрибуты данного этапа	Частная собственность		Семейное воспитание
2	Следствие	Разделения воспитания		Семейное воспитание воспитатели: отец и мать
		Воспитание детей знатных людей	Воспитание детей бедных людей	
3	Разделение труда	Умственный труд для знатных детей		Физический труд для простых людей
4	Следствие	Умственное воспитание для детей знатных людей		Физическое воспитание для детей простых людей
5	Школа	Только для детей знатных людей		Дети простых людей воспитывались, только участвуя в трудовой деятельности

Итак, данная таблица состоит из 12 пунктов, каждый из которых дает соответствующую информацию. Данная историко-педагогическая информация отражает исторические факты о происхождении воспитания, его связи с трудовой деятельностью общества, соответственно она дает информацию о способах передачи социального опыта взрослым поколением подрастающему поколению для подготовки их к жизни и труду.

Каждая социально-экономическая формация, каждая историческая эпоха имеет свои особенности как в процессе организации материально трудовой деятельности, так и в процессе организации духовно трудовой деятельности, к числу которых и относится воспитание, подготовка подрастающего поколения к жизни и труду, формирование сознания и поведения подрастающего поколения. В каждой социально-экономической формации, в каждой исторической эпохе система образования, организуется исходя из существующих материальных и духовных условий жизни людей. Они выступают в диалектическом единстве. На это как на главный атрибут формы существования человеческого общества было акцентировано внимание студентов экспериментальной группы. Такой подход позволяет изучать процесс происхождения воспитания, школы, педагогической мысли в их динамике, в их развитии, что является

главным требованием диалектического подхода. Таким образом, студенты экспериментальной группы изучали специфические особенности не только первобытного общества, но и рабовладельческого общества, феодального общества, эпохи Возрождения, капиталистического общества, социалистического общества и современного этапа – рыночной экономики. Следует отметить, что наряду с социально-экономическими формациями, их системы образования, школы и педагогической мысли, отдельно также изучается эпохи разложения первобытного общества, эпохи Возрождения эпохи рыночной экономики, поскольку каждый из них хотя и входит в ту или иную социально-экономическую формацию всё же имеют и свои отличительные особенности в системе образования школы и педагогической мысли.

Литература:

1. Константинов Н. А. и др. История педагогики. – М.: Просвещение, 1982. – 447 с.
2. Скалкова Я и коллектив Методология и методы педагогического исследования. Пер. с чешск. – М.: Педагогика, 1989. – 224 с.
3. Соколова М. А. и др. Сравнительная педагогика Курс лекций. (спецкурс) для студентов пед. ис-тов / М. А. Соколова, Е. Н. Кузьмина, М. А. Родионов. – М.: Просвещение, 1978. – 192 с.

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К АНАЛИЗУ И СИНТЕЗУ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЮ В ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях оптимизация учебно-воспитательного процесса во многом зависима от качества информатизации общества. В этом плане большую роль играет педагогическая информация. В рассматриваемой статье автор показывает пути и способы работы с историко-педагогической информацией, с педагогической информацией и передовым педагогическим опытом на основе применения методов педагогического анализа и синтеза. В статье представлена модель работы с педагогической информацией, которая показывает основные этапы работы с педагогической информацией, а также презентируется таблица – модель, отражающая сущность, причинно – следственной характер генезиса воспитания в первобытном обществе. Такие модели играют важную роль при акцентрации внимания будущих учителей, но главное в той или иной педагогической информации.

Ключевые слова: педагогический анализ и синтез, педагогическая информация, информатизация общества, передовой педагогический опыт, эмпирические методы,

PREPARATION OF THE FUTURE TEACHERS FOR THE ANALYSIS AND SYNTHESIS OF THE PEDAGOGICAL INFORMATION AND THEIR RESEARCH IN THE ORGANIZATION OF PEDAGOGICAL ACTIVITY

In modern conditions optimization of teaching and educational process is in many respects dependent on quality of information of a society. In this plan the sick role is played by the pedagogical information. In considered article the author shows ways and modes of work with history-pedagogical information, with pedagogical information and the advanced pedagogical experience on the basis of application of methods of the pedagogical analysis and synthesis. In article the model of work with the pedagogical information which shows the basic stages of work with the pedagogical information, and also presented the table - model reflecting essence, causally - investigatory character of genesis of education in a primitive society is presented. Such models play the important role at accentration attention of the future teachers but the main thing in this or that pedagogical information.

Keywords: the pedagogical analysis and synthesis, the pedagogical information, information of a society, the advanced pedagogical experience, empirical methods.

Сведения об авторе: Рахматуллоева Мукаддас Набиджановна, соискатель кафедры общей педагогики Худжандского государственного педагогического университета имени Б. Гафурова, e-mail: rahmatulloeva_86@mail.ru

About author: Rahmatulloeva Mukaddas Nabidzhanovna, researcher of the chair of general pedagogy, Khujand State University named after B. Gafurov, e-mail: rahmatulloeva_86@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ С ЦЕЛЬЮ ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЧЕРТ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Сайфуллаев Х. Г., Сайфуллоева З.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Модернизация образования в Республике Таджикистан в значительной степени опирается на технологический подход, на активное внедрение в практику инновационных технологий обучения. Технологический подход рассматривается как способ осуществления управленческих функций педагога, направленных на организацию образовательного процесса в целях повышения качества современного образования. Качество образования определяется не только объективными по отношению к нему, но и субъективными факторами, среди которых ведущую роль играет мотивация учения (И.И. Варганова, С.Л. Волкова, О.Т. Гордеева, Е.П. Ильин, А.К. Маркова, И.Б. Минаева, Ю.О. Прибылова, Х. Хекхаузен, Г.И. Щукина и др.).

М.И.Махмутов следующим образом раскрывает смысл понятия педагогической технологии: «Технологию можно представить как более или менее жестко запрограммированный (алгоритмизированный) процесс взаимодействия преподавателя и учащихся, гарантирующий достижение поставленной цели» [5, с.70].

В данном определении педагогической технологии особое внимание обращается на структуру взаимодействия учителя и учащихся - этим определяются, собственно, и способы воздействия на учащихся, и результаты этого воздействия.

Технологический подход применяется как способ осуществления управленческой функции учителя, связанной с организацией, проектированием, мотивацией и контролем качества обучения студентов.

Концептуальную основу педагогических технологий составляют научные позиции, согласно которым эти технологии обучения рассматриваются как средства реализации обучающей и развивающей функций. При этом развитие мотивации учения имеет приоритетное значение в повышении качества образования современных студентов, так как, во-первых, мотивация является одним из показателей качества образования и ведущим фактором повышения уровня обученности у студентов; во-вторых, мотивация выступает как актуальная управленческая функция преподавателя, реализуемая с помощью технологического подхода к организации учебного процесса.

По свидетельствам социологов в настоящее время наше общество перешло на абсолютно новую ступень своего развития. Сегодняшнее общество - это общество информационное. Постоянное общественное развитие предъявляет все новые и новые требования к современной личности. Постоянно ускоряющийся ритм и динамика жизни, огромные информационные потоки, различного рода проблемы и требующие немедленного решения, комплексные задачи требуют развития новых качеств личности: мобильности личности, креативности, способности самоменеджмента, самоконтроля и саморегуляции.

Современные педагогические технологии обучения представляют собой способы системной организации процесса обучения, обеспечивающие достижение прогнозируемого результата. К этим способам можно отнести: 1) поэтапное решение системы учебных задач в рамках выделенной дидактической единицы (урок, блок уроков, учебная тема, учебный предмет); 2) усиление развивающих функций каждого этапа процесса обучения, активности и самостоятельности студента, их сотрудничество и субъект-субъектное взаимодействие с преподавателем; 3) объективная или субъективная новизна форм, методов и приемов, стимулирующих повышение уровня мотивации учебной деятельности. В теории и практике обучения наиболее распространенные инновационные технологии обучения – это информационно-коммуникационные (ИКТ), дифференцированное и групповое обучения, игровые, модульные, проектные, исследовательские. Все они обеспечивают развивающий характер обучения и содержат стимулы, мотивирующие развитие познавательного интереса, социальных и личностных мотивов обучения студентов.

На современном этапе освоение иностранного языка идет параллельно с информатизацией, овладением информационными технологиями, а, следовательно, значимость компьютерной лингводидактики возрастает. По нашему мнению,

педагогическая технология с применением интерактивного метода, подразумевающего аудиторные групповые интерактивные занятия (ролевые игры, деловые игры, моделирование, тренинги, case study, сократические диалоги и др.) и компьютерную лингводидактику, расширяет личностный потенциал студентов, дает им больше возможностей для успешного овладения иностранным языком, способствует рациональному использованию времени занятий.

Проектная деятельность как одна из технологий учебной деятельности при обучении двум иностранным языкам способна, по мнению современных отечественных и зарубежных дидактов, «сделать учебный процесс для студента лично-значимым, в котором он может полностью раскрыть свой творческий потенциал, проявить свои исследовательские способности, фантазию, креативность, активность, самостоятельность» [7, с.8].

Проект представляет собой самостоятельно планируемую и реализуемую студентами работу, в которой речевое общение органично вплетается в интеллектуально-эмоциональный контекст другой деятельности. Новизна подхода в том, что студентам даётся возможность самим конструировать содержание общения, начиная с первого занятия. Успех проекта во многом зависит от умений преподавателя создавать условия, стимулирующие формирование и развитие креативных, когнитивных, коммуникативных, организационно-деятельностных умений [7, с. 5]. В обучении иностранным языкам проблемность означает, что студенты используют язык для выполнения заданий, которые характеризуются новизной результата и новыми способами его достижения.

Инновационный потенциал индивидуального или парного проекта-анализа в следующем: максимальный учёт индивидуально-психологических особенностей студентов; высокая мотивационная направленность, т.к. студенты имеют возможность работать над тем, что их волнует; сохранение индивидуального темпа работы; ориентация главным образом на самообучение и самоконтроль; применение анализа, как метода научного исследования; сочетание построения исследовательской деятельности с её самооценкой; максимальное развитие рефлексии как осмысленного представления о собственном учении [10, с. 26].

В письменном анализе проектной работы студент перечисляет и подвергает рассмотрению все необходимые действия в ходе проведения исследования и оформления его результатов. В анализе также даётся детальное описание некоторых составляющих операций. Причём описанию подлежат и языковые явления и средства, которые студент использует в своей работе, потому что успешное обучение и выполнение проектной деятельности возможно, только тогда, когда студент имеет представление обо всех её элементах и составляющих в целом. Проект-анализ предусматривает рассмотрение проектной работы на трёх этапах: 1-ый этап – подготовительный, 2-ой этап - практический, 3-ий этап – самооценка результатов исследования [10, с. 27].

Сущность интерактивного обучения подразумевает: переживание обучающимися конкретного опыта, осмысление полученного опыта, обобщение (рефлексию), применение полученных навыков на практике [4, с. 67]. Пространство ролевых игр, тренинга и компьютерных занятий является оптимальным в русле интерактивного метода обучения иностранному языку. Ролевые игры и тренинг представляют собой сложно организованную деятельность, включающую интерактивную функцию, то есть возможность создавать на основе индивидуальных вкладов каждого студента динамику развития предмета (переход от старых знаний к созданию новых).

Педагогическая технология с применением интерактивного метода развивается в русле личностно-ориентированного обучения, так как дает уникальные возможности не только по формированию иноязычной компетенции, но и по развитию личностных качеств и формированию «полноценного человека» [1, с. 149]. Эффективность обучения с применением интерактивного метода определяется личностью студента, степенью ее мотивации, степенью приближения учебного процесса к условиям управляемого овладения языком в естественной иноязычной ситуации, то есть системой интерактивных занятий, проводимых в разных формах [4, с. 22].

Педагогическая технология формирования черт вторичной языковой личности у студентов в языковом вузе соответствует критериям технологичности. Согласно А.Н.Щукину «в структуре вторичной языковой личности можно выделить три уровня:

1) вербально-семантический (знание системы языка и умение ею пользоваться в различных ситуациях общения); 2) когнитивный (знание понятий, идей, представлений, складывающихся в картину мира); 3) прагматический (возможность реализовать свои цели, мотивы, интересы, оценки в процессе речевой деятельности)» [11, с. 107]. Сущностной характеристикой педагогической технологии формирования коммуникативной компетенции студентов педагогического вуза является осознанная самостоятельная деятельность обучающихся как в интеллектуальном, так и в эмоционально-личностном плане.

Эффективное применение педагогической технологии в обучении иностранным языкам существенно для формирования у обучающихся черт вторичной языковой личности. Потому что языками можно владеть по-разному. Например, высокообразованный носитель определенного национального языка может прекрасно владеть всеми четырьмя видами речевой деятельности: говорением, аудированием, чтением и письмом. Другой же, менее образованный носитель того же самого языка может великолепно владеть говорением и аудированием, но в силу своего низкого образовательного уровня оставаться, тем не менее, ограниченным в письме и понимании прочитанного.

Следовательно, можно полагать, что уровень образования не имеет влияния на саму естественность языковой личности. «Родной язык» двуязычной личности представляет собой более сложный вопрос для разъяснения. Ведь, чтобы стать двуязычным, т.е. сформировать естественную языковую личность на L2, человеку необходимо начать изучать L2 еще в раннем детстве [12, с. 81]. Желательно в возрасте не старше 12 лет, что значит изучать L2 в ущерб L1. Однако, таким образом процесс изучения L2 будет даваться легко, и в результате у индивида сформируется вторая естественная языковая личность, подобная языковой личности L1.

Если же человек приступает к изучению L2, став взрослым человеком, его вторая языковая личность останется навсегда «незавершенной» или искусственной («не своей») в плане восприятия носителями языка L2 [12, с. 79].

В методике преподавания иностранных языков в вузе главенствующее положение заняли проблемы формирования языковой личности нового типа (Г.И. Богин, Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева и другие). Определение требуемых качеств личности посредством исследования и учета потребностей общения, выработка методик их формирования в процессе обучения иностранным языкам выдвигаются как первоочередные цели образовательного процесса в этой области [3, с. 4]. Ведущий методист А.Н.Щукин наряду с общепринятыми целями обучения иностранному языку (практическая, общеобразовательная, воспитательная, развивающая), выделяет стратегическую цель, которая является отражением социального заказа общества по отношению к обучающимся. Суть стратегической цели заключается в формировании в процессе обучения языку вторичной языковой личности, т.е. такого уровня владения языком, который присущ носителю языка (языковой личности) с точки зрения возможностей в процессе общения отражать средствами языка окружающую действительность (картину мира) и достигать определенных целей в этом мире [11, с. 107]. Термин вторичная языковая личность был введен в научный оборот Ю.Н. Карауловым (1987) и восходит к понятию языковая личность, впервые использованному В.В. Виноградовым (1930). Затем понятие языковой личности детально разработано в трудах Г.И. Богина, И.И. Халеевой, В.П. Фурмановой и др.

На современном этапе стало актуальным утверждение Гальсковой Н.Д. «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков - вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации [2, с. 166]. Вторичная языковая личность у человека, владеющего иностранным языком, формируется под влиянием первичной языковой личности, сформированной родным языком человека.

Если под языковой личностью подразумевается носитель языка, то под вторичной языковой личностью - владеющий языком, который для него является иностранным. В структуре вторичной языковой личности можно выделить три уровня: 1) вербально-семантический (знание системы языка и умение ею пользоваться в различных ситуациях общения); 2) когнитивный (знание понятий, идей, представлений, складывающихся в

картину мира); 3) прагматический (возможность реализовать свои цели, мотивы, интересы, оценки в процессе речевой деятельности).

Таким образом, «стратегическая цель обучения направлена на формирование у обучающихся черт вторичной языковой личности, а их сформированность позволяет участвовать в межкультурном общении на уровне носителя языка и повышать уровень такого общения как в процессе занятий с преподавателем, так и в процессе самоподготовки» [11, с. 107]. Эти процессы затрагивают все компоненты учебного процесса в вузах, готовящих специалистов, для которых ИЯ является профессией, в нашем случае – учителя ИЯ.

Для успешного изучения иностранного языка необходимо позволить себе сформировать внутри себя вторую так сказать иностранную личность, которая и будет отвечать за коммуникативный процесс на этом языке. То есть человек не просто знает, как переводится на другой язык то, или иное слово, он чувствует на уровне интуиции, в каком контексте и в каком значении уместнее всего употребить данное слово. То же правило действует и для грамматических конструкций. Зачастую они просто непередаваемы с одного языка на другой. Перенос грамматической конструкции из одного языка на другой не работает почти никогда. В таком случае недостаточно просто богатого словарного запаса, необходимо знание культуры носителей языка, а также практика в различных ситуациях. Человек, который посвящает свою жизнь изучению иностранного языка, меняется. К примеру, зачастую, переводчики немецкого языка, которые много работают с иностранцами, даже внешне выглядят более европейски, чем ее соотечественницы. Серьезное изучение иностранного языка неизбежно ведет к тому, что происходит процесс вживания в новую личность, начинаешь волей-неволей перенимать культуру страны изучаемого языка, впитывая в себя новые, незнакомые ранее понятия.

Педагогические технологии с целью формирования у учащихся черт вторичной языковой личности нашли свое отражение в следующих формах интерактивных занятий: обучающие игры (ролевые игры, моделирование, деловые игры.); изучение и закрепление нового информативного материала (тренинг, case study, сократический диалог, навигация web-среды, поиск информации в Интернет, e-mail-проекты, интерактивные мультимедийные учебные пособия); разрешение проблем («мозговой штурм», «большой круг»); текущий и итоговый контроль уровней сформированности иноязычной компетенции (компьютерные тесты).

Существенным представляются мотивационные условия при обучении двумя иностранными языками, предполагающие готовность учителя и обучающихся взаимодействовать с целью формирования у учащихся черт вторичной языковой личности. Данные условия способствовали обучению обучающихся самоконтролю, самоанализу.

Мотивация студентов повышалась за счёт вовлечения их в единое мировое информационное пространство, широкого применения медиа на занятиях [1, с.190], разнообразия форм обучения, предполагавших выполнение таких заданий как: фоторепортаж, выпуск газетного номера, съемка короткометражного видео и т.д. При сотрудничестве с исследователями из ДААД и ОЕАД Михаела Вертманн, Элизабет Пфлугер, Юдит Дюрнбергер и др. мы организовывали средствами медиа аутентичную опосредованную коммуникацию через виртуальные путешествия в страну изучаемого языка, осмотр достопримечательностей, изучение реалий, традиций, культуры государства, занятий-телемостов. После проведения таких видео занятий мы отметили возросшую мотивацию обучающихся к овладению средствами мультимедиа коммуникации технологии.

Важная роль в формировании у обучающихся черт вторичной языковой личности отводилась процессам самосовершенствования и самопознания [9, с. 76]. С этой целью была разработана серия практических заданий и самостоятельных работ, при проведении которых применялись следующие методы и приемы: диагностика, самодиагностика, самоанализ, игровые упражнения, творческие задачи. Для расширения представлений обучающихся о себе, с целью формирования черт вторичной языковой личности, мы использовали метод языкового портфолио, который является средством неформального оценивания достижений обучающихся по предмету, стимулом к самосовершенствованию в межкультурной коммуникации на межличностном уровне.

Деятельность учителя (его цели, потребности и мотивы, действия, средства и условия их применения и т.д.) должна соотноситься, соответствовать деятельности школьника (его целям, возможностям, потребностям, интересам, мотивам, поступкам и т.д.). Только на такой основе учитель отбирает и применяет средства педагогического воздействия [11, с.218]. Структурирование взаимодействия учителя и учащихся и применение педагогических средств выражают ключевые характеристики педагогической технологии - гарантированное достижение целей.

Наличие указанных признаков определяет свойства педагогической технологии. Технология должна быть целостной - это означает, что она должна отвечать всем выделенным признакам. Только в этом случае технология будет совершенной, завершенной и эффективной [6, с. 51].

Другим важным свойством педагогической технологии является ее оптимальность. Термин оптимальный (от лат. слова *optimus* - наилучший) означает "наиболее соответствующий определенным условиям и задачам". Ю.К. Бабанский выделил несколько критериев оптимальности педагогического процесса. Применяя эти критерии, можно утверждать, что педагогическая технология будет оптимальной, если:

- ее применение способствует достижению каждым школьником уровня обученности, развитости и воспитанности в зоне его ближайшего развития;
- ее применение не превышает научно обоснованных затрат времени учителя и учащихся, то есть дает максимально возможные в данных условиях результаты за промежутки времени, определенные стандартом образования и уставом школы [1, с. 149].

Важно обратить внимание и на такие свойства технологии, как ее результативность и применимость. Результат применения технологии - это изменения в развитии, обученности и воспитанности учащегося, происшедшие под доминирующим влиянием данной технологии за определенное время [6, с. 35]. Очевидно, что две технологии могут быть сравнимы по их результативности и другим свойствам.

Поскольку у каждого человека в его многочисленных социальных функциях представление о достигнутом результате будет индивидуальным, целью обучения иностранным языкам становится не перечень конкретных умений, а формирование такой языковой личности, которой иностранный язык нужен будет «для жизни», для «общения в реальных ситуациях» [8, с. 22] и которая будет в состоянии осуществлять эффективное общение с представителями других культур. Критерием эффективности реального общения является его продуктивность, достижение взаимовыгодных результатов.

Таким образом, педагогические технологии, способствуют раскрыть особенности содержательного и практического взаимодействия преподавателя и студента с двумя иностранными языками в процессе формирования у обучающихся черт вторичной языковой личности на основе компетентностного, личностно-ориентированного и деятельностного подходов и следующих принципов: целенаправленности, системности и последовательности, научности, эффективности, сознательности и активности. Данный тип условий обеспечивает регулярность контроля над процессом формирования у обучающихся черт вторичной языковой личности.

Литература:

1. Алиев С.Н. Общая методика обучения иностранным языкам (на тадж.яз.)/ Учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков педагогических университетов. - Душанбе: ТГПУ, 2013. -336 с.
2. Гальскова Н.Д. Теоретические основы образовательной политики в области подготовки учащихся по иностранным языкам (система школьного образования): дис. ... д-ра пед.наук. – Москва, 1999. - 475 с.
3. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции у студентов в процессе обучения иностранным языкам: автореф. дис. ... канд.пед.наук / Г. Р. Елизарова. - С-П, 2001. - 16 с.
4. Козлова Н.В. Методика использования интерактивных приемов в обучении немецкому языку студентов языковых вузов: дис. ... канд.пед.наук. – Горно-Алтайск, 2008. – 213 с.
5. Махмутов М. И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории. М.: Педагогика, 1975. С.68-115.
6. Питюков В.Ю. Основы педагогической технологии. -М., 2006. -192 с.

7. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е.С. Полат // ИЯШ. - 2000. - № 2. - С. 3-10. - № 3. - С. 3-9.
8. Сафонова В.В. Иностраный язык в двуязычном образовании российских школьников (в школах с углубленным изучением иностранных языков) // Иностран. языки в школе. – 1997. – №1. – С. 22.
9. Стаканова Е. В. Психологические особенности смысловой саморегуляции студентов при изучении иностранного языка как смыслообразующего контекста: дис.... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. -190 с.
10. Хуторской А.В. Анализ образовательных результатов школы // Школа индивидуального развития «Мыслитель»: Опыт и перспективы. – М., 1997. – С. 26-30.
11. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. -М.: Филоматис, 2006. - 480 с.
12. Bickes H., Pauli U. Erst- und Zweitspracherwerb. -W.Fink, 2009. -120 S.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ С ЦЕЛЮ ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЧЕРТ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье речь идет о структуре взаимодействия учителя и учащихся - этим определяются, собственно, и способы воздействия на учащихся, и результаты этого воздействия. Технологический подход применяется как способ осуществления управленческой функции учителя, связанной с организацией, проектированием, мотивацией и контролем качества обучения студентов. Педагогическая технология формирования черт вторичной языковой личности у студентов в языковом вузе соответствует критериям технологичности. Важная роль при этом отводилась процессам самосовершенствования и самопознания. С этой целью была разработана серия практических заданий и самостоятельных работ, при проведении которых применялись следующие методы и приемы: диагностика, самодиагностика, самоанализ, игровые упражнения, творческие задачи.

Ключевые слова: межличностное взаимодействие, воздействие, технологический подход, мотивация, педагогическая технология, самоанализ, самопознание.

PEDAGOGICAL TECHNOLOGY IN TRAINING TO FOREIGN LANGUAGES ON PURPOSE FORMATION AT TRAINED LINES OF THE SECONDARY LANGUAGE PERSON

In article it is a question of structure of interaction of the teacher and pupils - it defines, actually, and ways of influence on pupils, and results of this influence. The technological approach is applied as a way of realisation of administrative function of the teacher connected with the organisation, designing, motivation and quality assurance of training of students. The pedagogical technology of formation of lines of the secondary language person at students in language high school corresponds to criteria of adaptability to manufacture. The important role was thus taken away to self-improvement and self-knowledge processes. A series of practical tasks and independent works has been with that end in view developed, at carrying out.

Keywords: interpersonal interaction, influence, the technological approach, motivation, pedagogical technology, introspection, self-knowledge.

Сведения об авторах: Сайфуллаев Хайрулло Габдуллаевич, доктор педагогических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: sayfi_48@yahoo.de

Сайфуллоева Зарина, кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: zarina_sayf@yahoo.com

About authors: Sayfullaev Khayrullo Gabdullaevich, doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of German and its Methodologz of Teaching, Tajik State Pedagogigal University named after Sadriddin Aini, e-mail: sayfi_48@yahoo.de

Sayfulloeva Zarina, PhD in Politics sciences, associate professor, head of chair of German and its Methodologz of Teaching, Tajik State Pedagogigal University named after Sadriddin Aini, e-mail: zarina_sayf@yahoo.com

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК СПОСОБНОСТЬ ОБУЧАЮЩЕГО К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ОБУЧАЕМЫМИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Сайфуллоева З.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

В условиях демократического преобразования в обществе высшая школа должна создать качественно новую образовательную систему, способную обеспечить реальное взаимодействие специалистов в глобальном пространстве, включающем в себя конгломерат культур. Становление такой системы во многом зависит от установления закономерностей межкультурного взаимодействия и формирования таких качеств личности студентов вузов, которые позволят им плодотворно работать и жить в условиях XXI века.

Сегодня необходимо наибольшее внимание обращать на межличностное взаимодействие студентов, на их поведение в профессиональной сфере, в том числе в преподавании иностранного языка. В современной педагогической науке существуют понятия гуманитаризации и гуманизации учебно-воспитательного процесса. Под гуманитаризацией понимается система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и таким образом на формирование личностной зрелости обучаемых. Понятие гуманизации образования является более емким и предполагает воспитание в человеке человека, развитие его духовности, эмпатии, чувства красоты, образного, эмоционального отношения к миру. На основании идей гуманизации содержание образования должно обеспечить свободное и всестороннее развитие личности, деятельное участие индивида в жизни общества. Особая роль в гуманизации отводится высшим учебным заведениям, которые «формируют интеллект общества во всех формах деятельности» [3, с. 22].

Во многом развитие языкового поликультурного образования обязано появлению социокультурного подхода к отбору содержания обучения ИЯ. Согласно определению А.Н.Щукина «социокультурный подход к обучению языку предполагает в процессе занятий тесное взаимодействие языка и культуры его носителей. Результатом же обучения является формирование как коммуникативной, так и социокультурной компетенции, обеспечивающих использование языка в условиях определенного культурного контекста на основе диалога культур». Согласно точки зрения А.Н.Щукина «для социокультурного подхода в преподавании языка характерны две тенденции интерпретации фактов языка и культуры в учебных целях: 1) от фактов языка к фактам культуры; 2) от фактов культуры к фактам языка» [10, с.103].

Идеи личностно ориентированного образования, которые носят гуманистический характер и предполагают индивидуальный подход преподавателя к каждому обучающемуся, помощь ему в осознании себя личностью, стимулируют самостановление, самоутверждение и самореализацию учащегося, находят отражение в исследованиях И.Л.Бим, Е.В. Бондаревской, Т.О. Вдовиной, И.А. Зимней, В.В. Серикова, Е.Г. Чирковской, А.В. Хуторского, И.С. Якиманской и др.

Проблемы взаимопонимания между преподавателями и обучающимися, различные аспекты педагогического общения в разное время были в центре внимания А.А. Бодалева, К.Н. Вентцеля, А.Б. Добровича, В.А. Кан-Калика, Н.В. Кузьминой, А.А. Леонтьева, Н.Д. Никандрова, Л.П. Стрелковой и др.

Чтобы учащиеся воспринимали язык как средство межкультурного взаимодействия, необходимо искать способы включения их в активный диалог культур, чтобы они на практике могли познавать особенности функционирования языка в новой для них культуре [5, с. 48]. Развитие способности к межкультурному общению связано с развитием у учащегося способности соотносить свою культуру с культурой страны изучаемого языка, т. е. с эмпатической компетенцией, сформированность которой выражается в умении и желании видеть и понимать различие и общность в культурах, в мировосприятии их носителей.

Актуальность исследования проблемы взаимодействия обучающего с обучаемыми для развития полилингвальной языковой личности никогда не вызывало и не вызывает сомнения. Обостренный интерес к этой проблеме обосновывается как с точки зрения

характера становления, развития двуязычного и многоязычного индивида, так и с позиции описания и характеристики двуязычного (многоязычного) общества. Особенно в суверенном Таджикистане важность исследования этой проблемы в первую очередь определяется тем, что в республике повысился интерес к изучению иностранных языков, изменилось отношение к изучению культур других народов. Граждане Таджикистана, приобщаясь к мировой культуре через прямое овладение иностранными языками, испытывают на себе их влияние. Такое влияние особенно проявляется сейчас в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации при установлении контактов с отечественными предпринимателями, фирмами и организациями, с зарубежными партнерами в различных сферах деятельности человека. В таджикском делопроизводстве стали использоваться такие слова, как «интернет», «пейджер», «дилер», «презентация», «маркетинг», «шоумен», «имидж», «риел-тор», «сервер», «дисконтная карта» и др.

Феномен «межкультурная коммуникация» в специальной литературе определяется различным образом. С точки зрения И.Н.Халеевой, в работе межкультурная коммуникация фактически предстает «как процесс вербального и невербального общения между носителями разных культур и языков, а также рассматривается как взаимодействие людей разных культур, говорящих на различных языках» [9, с. 10].

И.Л.Плужник определяет межкультурную коммуникацию как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [6, с. 49]. В монографии процесс межкультурной коммуникации «представляет собой взаимодействие культур на основе символов, отражающих семиотический код — языковые и неязыковые знаки» [6, с.95].

С точки зрения В.В.Сафоновой, межкультурная коммуникация предстает «функционально обусловленным коммуникативным взаимодействием людей, которые выступают носителями разных культурных сообществ в силу осознания ими или другими людьми принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным и этническим сообществам, а также социальным субкультурам» [7, с. 132].

Межкультурная коммуникация может осуществляться либо на групповом уровне, либо на индивидуальном. Но на обоих уровнях основным субъектом межкультурной коммуникации выступает человек. При этом поведение каждого человека определяется ценностями и нормами той культуры, в которую он включен [8, с.28]. В связи с этим каждый участник межкультурной коммуникации располагает своей собственной системой правил, обусловленных его социокультурной принадлежностью. Поэтому при непосредственном общении представители разных культур стоят перед необходимостью преодоления не только языковых различий, но и различий социокультурного и этнического характера.

Чтобы поддерживать разнообразие и многоуровневые контакты и формы общения, необходимо не только знание соответствующего языка, но и знание норм и правил иноязычной культуры [1, с. 163]. Каждый участник международных контактов быстро осознает, что одного владения иностранным языком недостаточно для полноценного межкультурного взаимопонимания, что требуется знание самого процесса общения, чтобы прогнозировать возможности неверного понимания партнеров и избежать его. Человеческое взаимопонимание становится одной из важнейших сторон развития современного общества.

Для осуществления продуктивного межкультурного общения, опирающегося на учет его лингвистических и психологических особенностей, языковая личность должна обладать межкультурной компетенцией. Это компетенция особой природы. Она не имеет аналогов с коммуникативной компетенцией носителя языка и может быть присуща только межкультурному коммуниканту — языковой личности, познавшей посредством изучения языков, как особенности разных культур, так и особенности их (культур) взаимодействия. Межкультурная компетенция — это такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности [7, с. 38].

Межкультурная компетенция обладает комплексной структурой и соотносится с иноязычной коммуникативной компетенцией весьма сложным образом. Формирование межкультурной компетенции происходит не только в интеллектуально-когнитивной

области, но затрагивает психические и эмоциональные процессы формирования отношений к жизненным явлениям [8, с. 34]. Такое положение обуславливает интегрированный характер заданий, направленных на формирование и развитие компетенции исследуемого типа. Результативность заданий, в свою очередь, обеспечивается применением специфических принципов их создания и отбора, учитывающих как особенности феномена культуры, так и особенности феномена межкультурного общения.

В связи с этим, представляется важным способности к применению межкультурной компетенции в различных ситуациях общения, т.е. в формировании межкультурной компетентности студентов. При этом эффективное формирование межкультурной коммуникативной компетентности студентов в процессе обучения иностранным языкам в поликультурных условиях обеспечивается методикой преподавания, учитывающей:

- особую природу компетенции этого рода,
- ее структуру,
- специфические принципы ее формирования,
- особенности содержания обучения и предлагающей адекватную природе, структуре и принципам формирования межкультурной коммуникативной компетентности систему заданий [2, с. 36].

Существенным представляется межкультурное сотрудничество как специфическое функционально обусловленное взаимодействие представителей различных культур, которое подразумевает взаимное влияние, вызывающее определенные изменения в состоянии участников, ведущее к взаимопониманию, при условии осознания культурных различий и понимания «инаковости», «чужеродности» партнера [6, с. 28].

В ситуации, когда во взаимодействие вступают представители разных этнических культур (в нашем случае, этнические группы из Гиссара, Согда, Рашта, Хатлона, Бадахшана; узбекские этнические группы: ферганцы, ургутцы, лакайцы, карлуки, кунграты и др.; киргизы, туркмены и татары могут учиться в одной учебной группе), сотрудничество осложнено такими коммуникативными факторами, как язык, контекст (ситуация), стиль коммуникации, невербальное поведение; психологическими факторами – восприятие, оценка, атрибуция, стереотипизация, идентификация, эмпатия и рефлексия.

Согласно идеям Н.В.Евдокимовой «формирование полилингвальной языковой личности характеризуется целым рядом особенностей, которые определяются числом участников, их социальным статусом, коммуникативной установкой, особенностями пространства и времени коммуникации» [2, с. 28]. В качестве идеального образца межличностной коммуникации рассматривается неформальная беседа двух человек, в которой имеет место частая смена тематики, доминирование одной стороны в силу ее большей активности и подчинение другой, смена коммуникативной установки, возможность вернуться к прежней тематике, необязательность заключительного этапа, так как беседа может быть прервана случайными обстоятельствами и т.д. [5, с. 96].

Примечательным для участия в межкультурном общении и решения профессиональных задач для будущих учителей с двумя иностранными языками является различного рода *стажерская практика*. Кафедры немецкого языка ТГПУ, ТГИЯ, и ХГУ осуществляют международное сотрудничество с высшими учебными заведениями многих стран мира (США, Германии, Австрии, Франции и др.) и участвует в международных образовательных программах «ТЕМПУС», «ФУЛБРАЙТ», «АСПРЯЛ/АКСЕЛС», «ГИП-ДААД», а также в работе различных семинаров, конференций, симпозиумов, выставках, как в РТ, так и за рубежом.

Студенты различных вузов Германии, Австрии, Франции и США на факультетах таджикской филологии и романо-германских языков ТГПУ, ТГИЯ и ХГУ обучаются таджикскому языку как иностранному, что является прекрасной возможностью для студентов, изучающих иностранные языки совершенствовать ИЯ, узнать о жизни и культуре в Таджикистане. Каждый год студенты факультетов ИЯ вузов РТ имеют возможность выехать по программе CCUSA в США, Au-Pair во Францию, ДААД в Германию для трудоустройства, языковой стажировки или с последующим продолжением обучения в вузах Европы и США. Например, в разные годы студенты немецкого отделения ТГПУ имени С.Айни продолжали учебу в Бамбергском университете: Амакиев Юсуф, Караханов Мамадрасул, Рахимов Навруз, Самиев Шерафкан, Гайратшоев Сохибназар, Шорахматов Парвиз; в Берлинском университете

имени Гумбольдта: Джумаева Мусаддас, Бурханов Шерзод, Гуломова Зухро. Продолжение учебы в США: Шоимардонова Фарзона, Абдуллоева Азиза и др.

Важнейшим принципом факультетов английского языка и романо-германских языков ТГПУ, ТГЯЯ и ХГУ для формирования межкультурной коммуникативной компетентности студентов является *соизучение языков и культур* [26: 42] тех народов, которые пользуются этими языками как средством общения (немецко-английское и французско-английское и т.д.). Языки неотделимы от того мира, где они живут и функционируют, поэтому они и должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

В августе 2012 года группа студентов немецкого отделения ТГПУ имени С.Айни: *Абдуллоева Азиза, Навруз Шерали, Умедов Шарифчон, Муслихиддини Искандар, Мирзоев Эрач*; ХГУ имени Б.Гафурова: *Абдуллоева Шабнам, Шокирова Зебо, Шокирова Манзура, Ромин Марачаб, Нуруллохучаева Мухтарама*; ТГКУ им. Н. Хусрава: *Курбонова Таманно* под руководством доцента кафедры немецкого языка ХГУ имени Б.Гафурова Шарипова Абдухамида выезжала в Германию в г. Фрайбург в рамках проекта ТЕМПУС ПроТренинг «Педагогическое образование и Европейская система перевода учебных пунктов (ECTS)». Германская сторона подготовила для таджикских студентов интересную программу. Все дни были расписаны по часам. Германские студенты очень тепло встретили таджикских коллег, организовав интересные экскурсии в музеи и замки. В течение двух недель проводились теоретические и практические занятия, состоялись таджикско-немецкие круглые столы и презентации, языковые игры, на которых студенты узнавали о культуре других народов. Отрадно было наблюдать, что таджикские и немецкие студенты были очень веселые, жизнерадостные, открытые к общению, всегда в постоянном движении. По истечению проекта студенты обменялись научной литературой, книгами, адресами, фотографиями.

Таким образом, внедрение принципов межличностного взаимодействия преподавателей и обучающихся в формировании межкультурной коммуникативной компетентности студентов для развития полилингвальной языковой личности возможно при наличии высокой профессиональной компетенции преподавателя; реализации им демократического стиля общения со студентами; применении таких форм работы в группах малой комплектации, которые поддерживают диалогическое общение; а также при постоянном повышении профессиональной компетенции студентов; развитии их коммуникативных способностей, интеллектуального и творческого потенциала, который в самом общем плане понимается как сотрудничество, сотворчество преподавателя и студентов в процессе обучения иностранному языку для развития полилингвальной языковой личности в поликультурных условиях педагогического вуза.

Литература:

1. Алиев С. Н. Общая методика обучения иностранным языкам (на тадж.яз.) / Учебное пособие для студентов факультетов иностранных языков педагогических университетов. - Душанбе: ТГПУ, 2013. -336 с.
2. Евдокимова Н.В. Концепция формирования многоязычной компетенции студентов неязыковых специальностей: автореф. дис... д-ра пед. наук. –Ставрополь, 2009. - С. 36.
3. Каримова И. Х. Теоретические основы гуманизации гуманитарного образования учащихся таджикских школ: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. -Душанбе, 2000. - 46 с.
4. Негматов С. Э. Поликультурное и полилингвальное образование в Республике Таджикистан. – Душанбе, Изд-во «Сифат», 2015. - 160 с.
5. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование: Готовим к диалогу культур. Пособие для учителей. - М., 2003. - 184 с.
6. Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки. Дис. ... д-ра пед. наук. -Тюмень, 2003. - 326 с.
7. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. – Воронеж: Истоки, 1996. – 238 с.
8. Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: автореф. дис. ... д-ра пед. наук.-М., 1994. -58 с.

9. Халеева И.И. Европа без языковых барьеров в концепции культуры мира // Материалы Второй международной конференции ЮНЕСКОЕВРОЛИН-ГВАУНИ, 29-31 мая 1995. М., 1996. - С.9-11.
10. Шукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учебное пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. -М.: Филоматис, 2006. - 480 с.

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК СПОСОБНОСТЬ ОБУЧАЮЩЕГО К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ОБУЧАЕМЫМИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье речь идет о внедрении принципов межличностного взаимодействия преподавателей и обучающихся в формировании межкультурной коммуникативной компетентности студентов для развития полилингвальной языковой личности, которое возможно при наличии высокой профессиональной компетенции преподавателя, реализации им демократического стиля общения со студентами, при развитии коммуникативных способностей студентов, их интеллектуального и творческого потенциала, который в самом общем плане понимается как сотрудничество, сотворчество преподавателя и студентов в процессе обучения иностранному языку для развития полилингвальной языковой личности в поликультурных условиях педагогического вуза.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, стажерская практика, языковая личность, профессиональная компетенция, диалогическое общение, сотрудничество.

TECHNOLOGY OF FORMATION OF INTERCULTURAL COMMUNICATIVE COMPETENCE AS ABILITY TRAINING TO INTERACTION WITH TRAINEES FOR DEVELOPMENT OF POLILINGUAL OF THE LANGUAGE PERSON

In article it is a question of introduction of principles of interpersonal interaction of teachers and trained in formations of intercultural communicative competence of students for development of polylingual the language person which is possible in the presence of the high professional competence of the teacher, realisation of democratic style of dialogue by it with students, at development of communicative abilities of students, their intellectual and creative potential which in the general plan is understood as cooperation, coauthorship of the teacher and students in the course of training to a foreign language for development of polylingual the language person in polycultural conditions of pedagogical high school.

Keywords: communicative competence, student practice, the language person, the professional competence, dialogical dialogue, cooperation.

Сведения об авторе: Сайфуллоева Зарина, кандидат политических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: zarina_sayf@yahoo.com

About author: Sayfulloeva Zarina, PhD in Politics sciences, associate professor, head of chair of German and its Methodologz of Teaching, Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, e-mail: zarina_sayf@yahoo.com

ИСТИЛОҲОТИ МАРБУТ БА ДАРАХТОНИ МЕВАДОР ДАР ШЕВАИ ЧАНУБӢ ВА ЧАНУБИ ШАРҚИИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Хоркашев С., Юсупова С.

*Институти забон, адабиёт, шарқшиносӣ ва мероси хаттии АИ ҶТ
Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни*

Истилоҳоте, ки барои баёни анвои растаниҳо дар шаклҳои сода, сохта ва мураккаб ба вучуд омадаанд, дар ташаккули фонди асосии луғавӣ ва дар ин замина таркиби луғавии шева нақши муҳим доранд. Растаниҳо як ҷузъи асосии табиат буда, бо ҳаёти мардумон алоқаи ногусастанӣ пайдо кардаанд. Ба ҳайати растаниҳо тамоми анвои дарахтон, гулу буттаҳо, гиёҳон дохиланд. Халқ онҳоро барои масоили гуногуни рӯзгорашон: хӯрок, сохтмон, табобат, киштукор, сохтани асбоби рӯзгор, олоти меҳнат ва дар номгузориҳои деҳаю гузарҳо, чарогоҳу маконҳои хурди дамгирию истироҳатгоҳҳо ва ғайра истифода мебаранд. Забоншиноси тоҷик Шамсуллои И. доир ба вожаҳои ҷуғрофии минтақаи Қаротегин таҳқиқоте анҷом дода, зикр менамояд, ки «қисми зиёди топонимҳои Қаротегин маҳсули ҳуди забони тоҷикӣ мебошанд, ки онҳо дар асоси унсурҳои забони ҳозираи тоҷик, шеваҳои маҳаллӣ ва забони адабиёти классикӣ сар задаанд. Пайдоиши топонимҳои тоҷикӣ, асосан, ба номи одамон, касбу кори аҳолӣ, номи *дарахтон*, ҳайвоноту наботот ва ғайра вобаста аст» [5, с. 24], ки гувоҳи гуфтаҳои болост. Иҷтимоӣ растаниҳоро аз рӯи аломату хусусият, монандию манфиатрасонӣ ва мисли ин, дар қолибҳои гуногуни калимасозии забон сохтаанд, ки ҷиҳати ғановати луғати шева мусоидат кардаанд. Истилоҳоти марбут ба растаниҳоро дар шеваҳои чанубӣ ва чануби шарқии забони тоҷикӣ дар маҷмӯъ ба чор гурӯҳ ҷудо кардан мумкин аст:

1. Номи анвои дарахтони мевадиханда.
2. Номи анвои дарахтони бемева.
3. Номи анвои зироатҳои полезию ғалла.
4. Номи анвои алафу гиёҳ ва буттаҳо.

Муаллифи «Шеваи чанубии забони тоҷикӣ» дарахтонро ба ду гурӯҳ: мевадор ва бемева табақабандӣ кардаанд, ки бешубҳа мантиқӣ аст. Дар сохтани анвои дарахтони мевадиханда калимаҳои содаи ҳамин гурӯҳ нақши асосӣ доранд. Маҳз ба воситаи вожаҳои сода аксарияти истилоҳот баён мешаванд, ки хусусияти умумихалқӣ доранд. Ҳар дарахт номи муайян дошта бошад ҳам, калимаҳои мавҷуданд, ки барои ҳамаи дарахтон умумианд. Ин калимаҳо ба тарзи шинондан, парвариши ниҳол, сабзидан, беморӣ, пухтан, ҳосил бастанӣ дарахтон марбут аст. Маълум аст, ки дарахтон аз дона ё қаламчаҳояшон ба вучуд меоянд. Ин аст, ки онҳо навда, шоҳу барг ва меваю дона доранд. Барои ифодаи онҳо калимаҳои зиёд истифода мешавад. Дарахтони зардолу, шафтолу, себ, нок ва ҳоказо дар дохили меваҳояшон дона доранд, ки дар шева онро бо камее тағири савтӣ *дун//дуна* [3, с. 97] меноманд. Бо ин вожа на танҳо донаи дарахтони номбурда, балки калимаҳои дигаре сохта шудааст, ки ба анвои растаниҳои гуногун далолат мекунад ва бо калимаю ибораҳо баён мешаванд: **ғаладуна; ангури бедуна // ангъри бедуна; дунай харбуза; дунай зардолу; дунайқаду; дунай тарбъз; дунай дъмағз; дунай бодъм** ва ғайраҳо. Ин калима ба ҳайси нумератив (сар, бех) истифода шуда, дар сохтани вожаҳои дигар соҳаҳои зиндагии мардум (донабирён // дуна бърён, донушурак, йак дуна ҳазор дуна ва ғ.) фаъол аст.

Дар баробари аз донаҳои дарахтон ниҳол гирифтани роҳи дигар ниҳол кардан низ ҳаст. Дарахтоне, ҳастанд, ки бо нияти ниҳол кардан навдаи онҳоро бурида, барои реша гирифтани як нӯги онро ба замин гӯр мекунад. Барои баёни ин мафҳум бо истифода аз роҳи калимасозии монандӣ (анадогия) дар қолабиисму пасванди **-ча** калимаи **қаламча** сохтанд, ки ба қалам шабоҳат дорад ва аҳамияти умуми халқӣ дорад. Аз «*дона//дуна*», «**қаламча**»-ҳова аз ҳамаи растаниҳо дар фасли баҳор муғча медамад, ки онро ҳомилони шеваҳо бо чанд вожа баён мекунад: **ғъмча //ғънча; пундък//пъндък** ғунча, муғча, шукуфа. Бо истифода аз калимаи сохтаи **пъндък** вожаи **пундъкпайванд // пъндъкпайванд** (муғчапайванд) ба вучуд омадааст. Барои ифодаи ин маънӣ боз вожаҳои **найчапайванд//**

найчапайван (як усули пайванд) ва меваи дарахти пайванд шударо бо вожаи сохтаи **пайванди** □ (Қх.) дар қолаби исму пасванди **-и** баён менамоянд. Ба фикри мо, асоси калимаи **ғъмча//ғънча // хъмча // хъмчъ**кresaи **хъм// хум** (хом) буда, бо пасванди **-ак/ък** илҳоқ гардида, чандин маъноҳоро далолат мекунад, ки онҳоро омоним гуфтан мумкин аст: **хомак//хумақ** (Вқ.,Қ.,Шк.)1. чорук, навъи пойафзоле; 2. кӯдаки пеш аз муҳлат таваллудшуда; 3. харбузай хом (норасида, нопухта), сабча. Ҳамчунин, бо пасванди **-а**, миёнванди **-о-** ва дигар вожаҳо ҳамнишини шуда, калимаҳои зиёде сохтааст, ки дар ғайи гардонидани лексикаи шеваи мусоидат кардаанд: **хомқаймоқ; хомқалам //хомтоқ; хомов // хомова** оби беҳаракат; **хомохом //хумохум** хомохом, нопухта **хомпаз; хомпийоз// хумпийоз** навъи таом; **хомтоқ** ва ғайраҳо. Калимаи **хъмча** дар баробари **навдаи тари бутта ё дарахтро** ифода кардан ба маънии **халачӯб** омада бо ибораҳо ҳам истилоҳ сохтааст: **хъмйи говруна** говруна; **хъмйи говхайкун**. Аммо калимаи **пундък// пъндък**, ки муродифи вожаи **ғъмча//ғънча** (ба маънии ғунча) мебошад, дар санскрит ба шакли «pindi» омада, «навъи дарахт» маънидод шудааст, ки решаи таъриҳӣ доштани калимаи мазкур гувоҳӣ медиҳанд.

Яке аз калимаҳои, ки барои растаниҳои ин гурӯҳ хусусияти умумӣ дорад, вожаи мураккаби тобеъ **дъснийол//дъснийол, дъснийол** мебошад ва дарахтеро, ки кас бо дасти худ шинонда парвариш мекунад, номбар мекунад. Муаллифи «Шеваи чануби забони тоҷикӣ» доир ба ин масъала чунин баён менамоянд, ки «пеш аз хама чунин факт ба назар мерасад, ки дар шеваи чанубӣ чанде воҳидҳои луғавӣ мустаъмал аст, ки сарфи назар аз навъҳои гуногуни дарахтони мевадор ба ҳамаи онҳо дахл дорад. Чунончи: дъстнийол-дастнийол дарахте, ки бо даст шинонда парвариш шудааст; дарахтони боғчаи назди ҳавлӣ» [6, с. 185]. Дар забони форсии миёна айнан калимаи асосии ин воҳиди луғавӣ **nihāl** “ниҳол” [7, с. 197] истифода мешудааст.

Маълум аст, ки дарахтон баъд аз муғча кардан барг ва шоху навда мекунад. Ин аст, ки дар шева чихати ифодаи анвои барг, ки барои ҳамаи растаниҳо муштарак мебошанд, калимаҳои навъи мураккаби тобеъ, дар қолаби калимаҳои мураккаби ғайриизофии **майдабарг; парамбарг//пахрамбарг** (пахнбарг) ва **тахбарг** (баргҳои поёнии ниҳол) ба вучуд омадааст, ки ин калимаҳо дар асоси хусусиятҳои зоҳирии онҳо (ҳаҷму андоза) сохта шудаанд. Вожаҳои ифодакунандаи шоху навда калимаҳои **шоха; къндок; саршоқ** (болоинавда); **навча // навча** мебошанд. Дар байни инҳо калимаи **къндок** ниёз ба шарҳ дорад. Дар шева калимаи **кънда//кунда** қисм-қисм буридаи дарахт мавҷуд аст, ки бо истифода аз ин асос ва пасванди **-оқ** калимаи **къндок** ба вучуд омада, маънии «кундача ё навда»-ро гирифта аст. Дар асоси калимаи **кънда** истилоҳоти дигар сохта шудааст, ки маъноҳои гуногун доранд: **къндаарча** (кундаи дарахти арча); **къндабед** (кундаи дарахти бед); **къндайи зъвун** (қисми ақиби забон); **къндайи чъвоз**(кундаи чувоз); **къндайи чарх** (кундае, ки ба он чархи осӣёб пайваста мешавад); **къндайи чирог** (пояи чарог; қисми поёнии чарог); **къндайи сина** (қафаси сина). Ба маънои маҷозӣ калимаи **кънда** маънии «авлод»-ро ифода мекунад, ки аз рӯи ин маънӣ ба вожаи **мънда** мувофиқат мекунад. Вожаи **мънда** ҳам ҳамон **кънда** аст, ки дар минтақаи Қаротегин ва шимоли Кӯлоб бо истифода мешавад ва маънии каллак, дарахти шоххояш буридашударо далолат мекунад. Бо асоси **мънда** дар шеваи чануби шарқӣ калимаи **мънда**ла «кӯтоҳқад» [2, с. 130] сохта шудааст, муродифи вожаи **фъндък** дар ин шевамебошад. Калимаи **кънда** дар забони форсӣ низ истифодамешавад, ки ба панҷ маънӣ дар «Фарҳанги рӯзи сухан» шарҳ ёфтааст ва ду маъниаш бо шеваҳои мавриди таҳқиқ мувофиқат мекунад: «**кунда** 1.танаи дарахт, ки реша дар хок дорад ва боло танаву шоху барги он қатъ шудааст. 2.қитъаи чӯбе, ки қассобон гӯштро рӯйи он тика-тика мекунад» [1, с. 979].

Чихати ифодаи маънии «ҳар гуна меваи хому нимпаз», ки барои растаниҳо умумӣ аст, дар шеваҳои чанубӣ ва чануби шарқӣ калимаҳои сода, сохта (бо пасвандҳои **-ак// -ък**) ва мураккаби тобеъ мустаъмал аст: **ғура; ғурък // ғърък; кърък; чъшмак//чъшмък; кълела//калела; бачаҳърак** истифодамешаванд.

Барои баёни маҳз “ғӯраи себ” дар шеваи чанубӣ калимаи мураккаби **севғура, севғула** роиҷ аст. Дар робита ба интишори вожаи “ғура” профессор Ғ. Ҷӯраев ибдоли ҳуруф карда, меғӯяд, ки “дар гурӯҳи лаҳҷаҳои Ленинобод зардолуи нопухтаро “ғӯра” меғӯянд. Дар нисбати меваҳои дигар бошад, ин калимаро кор намефармоянд. Вале воҳиди луғавии “гур”, ки бо “ғӯра” муносибати шаклӣ дорад, бо мафҳуми умуман хом, нопухта алоқаманд мебошад” [6, с. 186]. Муҳаққиқ Сангинова Р. ақида дорад, ки “дар баҳши боғдорӣ ва коркарди анвои мева дар лаҳҷаи Конибодом унсурҳои ба кор

мераванд, ки аз тангнои интишори ин лаҳча ё дигар лаҳчаҳои ҳамгурӯҳ берун баромада наметавонанд. Барои мисол мегирем истилоҳоти “ғӯра, навнихол, чигда, олмурӯт, ношпотӣ, хазонак”. Лексемаи ғӯра дар маънии “меваи хому нопухта” истифода мешавад. Дар ҳамин ифода дар лаҳчаи чанубӣ вожаи “ғурик//ғурък” роиҷ аст. Воқеан, муодилаҳои ғӯра ва ғурик (ғурък) аз нигоҳи баромад аз як асосанд. Тафовут танҳо дар тобиши услубиву маъноии шакли ғӯра ба мушоҳида мерасад, ки он дар лаҳчаи Конибодом дар нисбати зардолуи хому норасид қорбаст мешаваду бас. Дар шеваи чанубӣ муродифи дигари вожаи ғӯра истилоҳи кърък аст. Лекин кърък на танҳо нисбат ба зардолуи хом, балки дар мафҳуми умуман меваи норасид ва хому нопухта истеъмоли меёбад. Аз ин рӯ, маънии ин нисбатан васеътар аст” [4, с. 99-100]. Ба ин ақида, ки истилоҳоти ғӯра, навнихол, чигда, ношпотӣ, хазонак аз “тангнои интишори ин лаҳча (Конибодом –Х.С.) ё дигар лаҳчаҳои ҳамгурӯҳ берун баромада наметавонанд” розӣ шудан наметавонем, зеро дар шеваи чанубӣ ва чануби шарқӣ ҳам бо ҳамин маъно дар муомилотанд ва ин, ки калимаи ғӯра пасванди шаклсозӣ –ақ мегирад, масъаларо тағйир намедиҳад. Роҷеъ ба истифодаи морфемаи курак, курък, кърк, кърък ҳаминро хотирнишон кардан лозим аст, ки ҳамаи онҳо як маъно надоранд. Ин калимаҳо дар ду гурӯҳ, ки маънои муҳолиф доранд истифода мешаванд. Аввал курак, курък ҳамон маънои мазкури “хом, нопухта, норасида, ғӯра”, ки барои ҳамаи растаниҳои мевадиханда умумӣ аст ва гурӯҳи дуюм кърк,кърък ба маънии “давраи барои ҷӯҷабарорӣ хобидани мурғ” мебошад. Аз рӯи ин маъниҳо баромади калимаҳо ҳам фарқ мекунад. Ба маънии аввал, аз асоси “кур” (нобино) бо пасванди –ақ //–ък ба вучуд омада, маҷозан нопухта, ходро ифода мекунад. Ин фикрро ҷумлаи “ҳаво ҳамуқа курак кардай, ки пеши по-т-а намебинӣ” [6, с. 185] тасдиқ менамояд, ки дар ин ҷо курак маънии “аз қасрати туман диданашавандагии пеши по” аст.

Доир ба ин масъала баёни ин, ки “кӯр дар таркиби мазкур (мақсад: курганак-Х.С.) ба маънии пинҳон, пӯшида фаҳмида мешавад, яъне аз рӯи он ки саракҳои гандум, ҷав ва ғайра ба дарун хобонда мешаванд, гӯё калимаи кур раво доништа шудааст” фикри ҷолибест, аз тарафи муаллифони асари мазкур. Вожаи курак аз рӯи маънои мазкур боз маҷозан барои ифодаи “гули ношуқуфта” ва “қашқа, пахтаи ношуқуфта” ҳам мустаъмал аст. Тибқи маънои дуюм аз калимаи тақлиди овозии кър-кър, ки мурғон ҳангоми давраи ҷӯҷабарориашон садо мекунанд, бо пасванди –ақ //–ък сохта шудааст ва ин аст, ки онҳо омоним мебошанд. Аз рӯи маънои дуюм хусусияти сермаъноӣ зоҳир карда, на танҳо барои мурғон, балки барои ифодаи маънии “давраи тӯли морон, аспҳо” ва семантикаи “таҳҷой” дар шакли курак // кърък // курък низ истифода мешавад.

Баъд аз нимпаз шудан меваҳо мепазанд, ки ин ҳолатро ҳам бо калимаи умумистеъмолии мева ифода карда, номи анвои меваро аз ин реша бо пасванди –ги сохтаанд. Калимаҳои зерин ҳам дар қолаби калимаҳои сохта ва мураккаб маъноҳои умумиро роҷеъ ба мевачот баён мекунанд: бърпъштак (меваи пухтагузашта, мавизакшуда); мавизак//майизак (меваи дар шохи дарахт хушкшуда); шънгъл (хӯша ё шохчаи мевадори дарахт: гелос, олуча ё зардолу), гучум; дубаҳра//дъбаҳра//дъбара (дарахте, ки ҳар сол ду маротиба ҳосил медиҳад). Калимаи бърпъштак аз асосҳои бар (ҳосил), пушт (боло; дар ин ҷо шоҳу барг) ва пасванди –ақ ба вучуд омада, ба дарахтоне ишора мешавад, ки ҳосили онҳо дар шоҳҳояшон боқӣ мондаанд. Вожаи банот ба маънии сурхи баланд истифода шуда, дар таркиби иборати фразеологии “банот партофтан” семантикаи ранг гирифта, пухтани мевачотро далолат мекунад. Дар китоби “Шеваи чанубии забони тоҷикӣ” калимаи лош//лошак баррасӣ шудааст, ки бо маънии матни мо мувофиқ аст: “лош//лошак – меваи пасмонда, ё харбузаву тарбузе, ки баъди ғундоштани ҳосил дар шоҳҳои дарахт ва ё полиз боқӣ мондаанд. Бо ҷузъи лошак калимаи мураккаби лошакчинӣ ба вучуд омадааст, ки протсеси амали муайян, чидани ҳосили пасмондаро ифода менамояд: севойи калхоз-а лош карестийан, мо лошакчинӣ мерем (Ғк.) ” [6, с. 183].

Барои ифодаи бемориҳои растаниҳои мевадиханда калимаҳои махсус истифода мешаванд. Ҷиҳати ифодаи бемории мевае, ки пеш аз пухтан зард шуда мерезад, вожаи навъи мураккаби бодрезък; меваи ба офати табиӣ гирифташуда, меваи хоми тарбодзада калимаи мураккаби ғуръкрез роиҷ бошад, дар баёни навъи касалии дарахт, тамоку ва зироатҳои ползӣ морфемаи лексикӣ ширинча // шъринча маъмул аст, ки дар қолаби воҷасозии сифат+пасванд сохта шудааст. Калимаҳои пирчув (танай хушки дарахту растаниҳо); пуслоқ (//пъслоқ (пўстлоқ) ҳам вожаҳои мебошанд, ки барои ифодаи

маъноҳои номбаршудаи дарахтони мевадиханда умумӣ мебошанд, яъне ба ҳамаи анвои дарахтон марбутанд.

Дар баробари истилоҳоти умумии марбут ба дарахтони мевадиханда калимаю ибораҳои, ки анвои гуногуни меваҳои ифода мекунанд, ниҳоят зиёданд, ки дар ҳаҷми ин мақолаи кӯтоҳ баррасии онҳо ғайриимкон аст.

Дар маҷмӯи истилоҳоти таҳлилшуда дар шеваҳои ҷанубӣ ва ҷануби шарқӣ барои баёни масоили марбут ба дарахтони мевадиханда хусусияти умумӣ дошта, дар ҳаёти ҳаррӯзаи мардумон истифода мешаванд.

Адабиёт:

1. Анварӣ С. Фарҳанги рӯзи сухан. Техрон, 1383.
2. Розенфельд А.З. Таджикско-русский диалектный словарь. –Л.: 1982.
3. Саймиддинов Д. Вожасозии форсии миёна. Душанбе, 2007.
4. Сангинова Р. Истилоҳоти соҳаи боғдорӣ дар лаҳҷаи Конибодом//Суханпарвар (маҷмуаи илмӣ). - Душанбе, 2005.
5. Шамсуллои И. Назаре ба вожаҳои ҷуғрофӣ. –Душанбе, 1993.
6. Ҷӯраев Ф. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ. 1980,
7. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX): -М.: Сов. энциклопедия, 1969. Ҷ. 1. ва Ҷ. 2. 1904 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ ПЛОДНОСЯЩИХ ДЕРЕВЬЕВ В ЮЖНЫХ И ЮЖНО-ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

В состав лексических южных говоров входят различные слои лексических единиц, среди них термины, которые относятся к различным видам деревьев. В этой статье автором изучены термины, относящиеся к плодоносящим и неплодоносящим деревьям. Статья написана на основе многочисленных материалов самого автора.

Ключевые слова: лексические единицы, виды деревьев, диалект, суффикс, словообразование.

TERMS INITIATION INTO FERTILE TREES IN THE SOUTHERN AND SOUTH-EASTERN DIALECTS OF THE TAJIK LANGUAGE

Lexical structure of southern dialect contains different groups of lexical units; there are terms that related to different kinds of trees among them, which play the most important role. The article explores mainly trees that divided into fruitless and fruit-bearing trees. The article is compiled and written by the author based on numerous materials.

Keywords: lexical units, kinds of trees, dialect, suffix, word-formation.

Сведения об авторах: Хоркашев Сахидод, доктор филологических наук, директор Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, e-mail: saxidod@list.ru

Юсупова Сурайё, аспирант Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, преподаватель кафедры таджикского языка Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: surayojon88@mail.ru

About authors: Khorkashev Sakhidod, Doctor of Philology, Director of the Institute of Language, Literature, Oriental Studies and Manuscript, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, e-mail: saxidod@list.ru

Yusupova Surayo, post-graduate student of the Institute of Language, Literature, Oriental Studies and Manuscript, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, teacher of the Chair of Tajik language, Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, e-mail: surayojon88@mail.ru

СИСТЕМНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРЕДМЕТНО-ПРИЗНАКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Самадова Р. А.

Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова

Язык в силу своего объективного характера представляет собой систему систем, инвариантную относительно теоретических конструктов, научная ценность которых тем выше, чем точнее они отражают объективные характеристики языка. Системность языка как его фундаментальная характеристика обуславливает необходимость сформировать в языковом сознании хотя бы контуры структуры изучаемого языка, причем не только в плане формальном, но, в первую очередь, в плане содержательном. Думается, что конкретное знание содержательной стороны языка заключается в корректной семантизации форм и моделей как единиц выражения соответствующей функционально-семантической категории, в определении их места в общей стратификации описания в зависимости от комплекса их характеристик, в выявлении нюанса или спектра значений, зависящих от аспектов системной семантической дифференциации и интеграции предметно-признаковой информации в различных структурных построениях. Системный характер нашего языкового сознания предопределяет конкретную организацию языкового содержания, которая, являясь специфической, национальной для каждого конкретного языка - в зависимости от его грамматической устроенности, - вместе с тем носит объективный характер.

Способность языка отражать внеязыковую действительность обусловлена этим же объективным характером, как самой этой действительности, так и языка. Это предопределяет наличие общих для носителей разных языков понятийных категорий. Проявляются эти понятийные категории в национально-детерминированных, специфических для каждого конкретного языка функционально-семантических полях, или категориях как наиболее крупных содержательных единицах, реализующихся в виде сочетаний словоформ, образующих синтаксические построения.

Содержательный аспект языковых построений в таджикском (Я1) и русском (Я2) языках обеспечивается лексическим составом, а выявление денотативной структуры предложения как конкретной базы реализации на языковом уровне категории отношения наиболее корректно связан с определенной тема-рематической структурой и отражен в фундаментальной характеристике языка. Ему присущи:

- объективный характер;
- способность отражать в языковом сознании внеязыковую действительность в обобщенном, типизированном виде;
- материальная природа, представленная словарным составом каждого конкретного языка;
- системный характер языкового сознания;
- коммуникативность как первичная функция.

Опосредованный процесс отражения в языковом сознании объективной действительности предопределяет наличие в Я1 и Я2 двух типов категорий: отражательных и интерпретационных (категория аспектуальности).

Языковые содержательные категории сопоставляемых языков целесообразно рассматривать в единстве свойственных им языковой функционально-семантической и интерпретационной целеустановки. Она позволяет содержательно объединить в компактные системы разрозненные, так называемые тема-рематические структуры, располагающие целым рядом средств связи, позволяющих выполнить разнообразные задания. В том числе: «Выразить оптимальным образом (например, при переходе от семантического представления предложения к синтаксическому) заданное содержание – смысл и разного рода акценты, контрасты, меняющиеся фокусировки и прочее» [1]. Средством решения именно этой задачи в обоих языках является изменение синтаксического статуса имени того или иного компонента СЛ с целью его актуализации или деактуализации в денотативной иерархии членов предложения. Этот механизм позволяет построить систему типов управления и актуализировать, сделав смысловой темой имя главного компонента денотативной (понятийной) структуры в зависимости от коммуникативной целеустановки. Выявить и осмыслить эти механизмы

необходимо в целях реализации того же процесса ЛК СЛ Я1 и Я2 на научной основе, при котором мы рассматриваем форму как способ существования в СЛ языковой материи – лексики, а лексику – как материальную субстанцию, принимающую при вхождении в синтаксические построения ту или иную форму. «На входе» материал в Я1 и Я2 классифицируется по морфологическим показателям [2, с. 5] (для имен – падеж и предлог в Я2, предлог, послелог, изафет в Я1). Затем он пропускается в классификационный фильтр синтаксических функций, распределяясь по функциональным типам, и «на выходе» показывает набор функций и позиций для каждой формы в каждом из ее структурно-семантических значений:

а) гулгаште дар бог	-	аллея в саду
б) гулгаште ба сӯи даръё	-	аллея к реке
в) гулгаште дар лаби бахр	-	аллея у моря
г) гулгаште то бог	-	аллея до сада
д) гулгаште қад-қади бог	-	аллеи по саду
е) гулгаште дар паси бог	-	аллея за садом

В приведенных примерах эта общая взаимосвязь и лингвистический фон отражаются в специфическом соотношении систем логико-семантической и синтаксической сочетаемости в структуре СЛ Я1 и Я2.

Как известно, функционирование языковых единиц в Я1 и Я2 предполагает актуализацию их потенций. Эта потенция обеспечивает внутреннюю организацию языковой системы СЛ и связаны с распределением единиц языка по уровням и регулирует взаимодействие уровней в рамках функционально-семантических полей. Функционально-семантические поля являются пространством для комбинации разноуровневых средств языка, взаимодействующих между собой для выражения определенной семантической функции.

Особенно важно отметить, как учитывается способ представления значения в Я1 и Я2, связанный с определенным формальным выражением.

Чтобы проиллюстрировать неодинаковый статус средств выражения атрибутивных отношений в Я1 и Я2, сравним употребление предложных групп в

	Я1	
гулгаште дар бог	-	Се + дар + Со
гулгаште ба сӯи даръё -	-	Се + ба сӯи + Со
гулгаште дар лаби бахр	-	Се + дар лаби + Со
гулгаште қад қади бог-	-	Се + қад қади + Со
гулгаште дар паси бог -	-	Се + дар паси + Со
гулгаште то бог	-	Се + то + Со
	Я2	
аллея в саду	-	Си.п. + в + Ср.п.
аллея к реке	-	Си.п. + к + Сд.п.
аллея у моря	-	Си.п. + у + Ср.п.
аллеи по саду	-	Си.п. + по + Сд.п.
аллея за садом	-	Си.п. + за + Ст.п.
аллея до сада	-	Си.п. + до + Ср.п.

СЛ Я1 и Я2 показывают, каким путем сочетательные потенции компонентов локализованы на различных уровнях системы, почему различаются разные уровни потенций компонентов и для чего это необходимо.

Понятийно-смысловая связь в структуре СЛ Я1 и Я2 характеризуется тем, что каждый из компонентов значения вместе с определяемым словом является членом одного понятийно-смыслового ряда, т.е. ряда близких слов, связанных между собой общим элементом понятия.

Так, например, семантику предметно-признаковых информаций, выраженных атрибутивными СЛ Я1 и Я2, можно дифференцировать следующим образом:

- местонахождение предмета в пространстве;
- направление (нахождения) предмета в пространстве;
- местонахождение предмета в пространстве;
- исходная точка нахождения предмета в пространстве;

- д) разнонаправленность предмета в пространстве;
- е) особое пространство, предназначенное для нахождения предмета.

В каждом случае понятийное содержание зависит от наличия того или другого аргумента. Под аргументами понимаются члены структуры, зависимые от логического центра СЛ Я1 и Я2, который (центр – основной компонент) требует определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключает других с иными семантическими признаками.

Закономерности семантической структуры СЛ Я1 и Я2, регулируя связь аргументов с классами партнеров, дифференцируют компоненты по смыслу и определенным семантическим признакам. Отбор подходящих контекстных партнеров и исключение недопустимых осуществляется на основе семантической совместимости или несовместимости семантических признаков обоих партнеров. С лингвистической точки зрения они в свою очередь экстралингвистически мотивированы явлениями действительности и имеют ряд условий. Ими являются:

- а) определение (первоначально) наличия конкретного числа открытых семантических позиций (количественная валентность);
- б) точная субкатегоризация, т.е. установление комбинаторных отношений синтаксических категорий (качественно-синтаксическая валентность);
- в) создание пространства отношений для семантической совместимости компонентов (качественно-семантическая валентность);
- г) определение характера семантико-синтаксической зависимости предложных объектов;
- д) включение корректного отношения управления между компонентами;
- е) рациональная интеграция значений не только в плане поверхностной структуры СЛ, но и его глубинных структур;
- ж) учет иерархии валентностных отношений между компонентами структуры, так как «валентностная структура и составляет инструмент и главную идею синтаксиса зависимостей» [3, с. 330];
- з) признание лингводидактического факта о том, что в основе синтаксической реализации компонентов лежит логико-семантическое отношение;
- и) предупреждение и устранение некорректных семантико-синтаксических сочетаний, что возможно лишь при знании соответствующих лингвистических закономерностей.

При таком условии сочетания семантические отношения между обоими уровнями могут быть описаны в виде определенных правил перехода из одного уровня в другой и правил их подчинения. Эти правила должны определить, какие аргументы и при каких условиях могут и должны выступать в функции субъекта или атрибута, представляющих взаимодополняющие и взаимообусловленные субмодели, не налагающиеся изоморфно друг на друга.

Статус зависимых компонентов в названных СЛ Я1 требует классифицировать их иначе, когда в поверхностной структуре имеет место устранение различий в формах их выражения. Ср.: Со + дар + Со. В связи с тем, что число и характер необходимых членов структуры подобных СЛ Я1 и Я2 строго фиксированы, то нам остается обратить пристальное внимание лишь на два критерия отграничения валентно-связанных обстоятельственных определений:

1) первичное – деление на необходимые и ненужные компоненты: первые связаны с актуализацией значения предметности в главном компоненте и признакового – в зависимом, и потому структурно необходимы. Вторые компоненты количественно неограничены и потому почти в каждом СЛ могут свободно варьироваться;

2) вторичное – деление на облигаторные и факультативные компоненты, которые закреплены в позиционном плане имен существительных с нулевым окончанием, что весьма усложняет процесс определения их статуса в структуре СЛ.

В то же время они определяют отношение (сочетательных) потенциалов компонентов к структуре СЛ двуаспектно. С одной стороны, потенция компонентов СЛ в Я1 и Я2 – как любое другое явление на семантическом и синтаксическом уровне языковой системы – имеет только опосредованное отношение к структуре (через всю языковую систему), относится к (внутрисистемным) предпосылкам успешного словоупотребления. С другой стороны, на основе закономерностей ЛК СЛ различаются определенные типы или структуры предметно-признаковой информации, которые в различных планах (см.

примеры а, б, в, г, д, е) дифференцируют предполагаемые семантические инвариантные свойства СЛ.

Структурно-морфологические расхождения, существующие в примерах, учет которых способствует определению характера связей в Я1 и Я2, не ограничиваются лишь именными словоформами. Они прослеживаются и в других формах связи, которые нередко выходят за пределы синтетических форм. Самое примечательное из них связано с предложно-падежными (в Я2) и предложно-послеложными или изафетными (в Я1) выражениями, которые передают определительно-пространственную семантику различного спектра и конкретизируют признак с точки зрения поляризации между именем и именем. Для того, чтобы раскрыть семантические различия в реализациях предметно-признаковой информации в структуре СЛ Я1 и Я2 (в примерах а, б, в, г, д, е), требуются понятия, отражающие семантические критерии, с помощью которых представляется возможность дифференцировать атрибуты даже при одном и том же главном (существительном «аллея»). Это вторые аспекты (дар бог – в саду, ба сӯи дарё – к реке, дар лаби баҳр – у моря и др.) – предложные группы – обстоятельственные определения (направления, местонахождения, разнонаправленного местонахождения, исходного направления предмета, особого места предмета в пространстве).

Этим структурам СЛ Я1 и Я2 соответствуют и структуры логических суждений в логике отношений, так как предлоги сигнализируют не только о различных оттенках значений в конструкциях, но и о самом значении в структуре. Примеры показывают, что существительное «аллея» в синтактико-семантической структуре СЛ Я2 имеет два значения: как фиксатор смысла (главный компонент) - постоянно-исходную форму И. п. (грамматическое значение) – и семантическое значение (предметность). А аргументы – атрибуты в формах Р.п., Д. п., Т.п., П.п. и других имеют возможность каждый в отдельности выразить обстоятельственно-определяющее отношение различного спектра значения.

Согласно логико-семантической интерпретации значений, каждый спектр значения в СЛ Я1 и Я2 раскрывается не непосредственно, а – при уравнивании иерархии форм СЛ – уже в синтаксически обусловленном членении.

Эти формы обеспечивают управление одного компонента другим, координацию отношения компонентов, материальное выражение сочетающихся между собой имен, дифференциацию значения предметности в главном компоненте и интеграцию признакового значения в зависимом. Они достаточно целостно и серийно представляют рефлекс морфологических систем Я1 и Я2, порожденных идентичными процессами, отражающими типологические закономерности, «призванные обслуживать прогрессирующее мышление» [4, с. 147].

Следовательно, процессы грамматикализации свободных слов в Я2 показывают, что «... как носитель определенного комплекса значений падеж занимает свое место в парадигме, которая, таким образом, являет собою законченную целостность многозначных грамматических единиц (падежей) с распределенными между ними комплексами значений одного и того же уровня абстракции. Отношение одной из этих единиц (одного падежа) ко всем остальным (другим падежам) есть отношение участка системы к системе в целом, а отношения между отдельными падежами есть внутрисистемные отношения таких участков друг к другу. У разных падежей могут сближаться или совпадать отдельные их значения, но комплексы значений в целом у разных падежей не совпадают никогда» [5, с. 208].

При рассмотрении падежа в Я2 на синтаксическом уровне на передний план выдвигаются собственно синтаксические признаки системно-структурной организации падежных конструкций. Проводимый анализ должен строиться на многомерной характеристике, охватывающей морфологическую основу падежа, синтаксическую позицию падежной формы, лексическое значение слова, минимальный контекст, место данной конструкции в более широкой системе конструкций. Следовательно, принимается во внимание все то, что в данном случае входит в соотношение исходной системы и её многоаспектной среды.

Для выявления этих более тонких различий конкретно могут быть предложены следующие операциональные критерии:

- эти различия можно объяснить с позиций логики отношений;

- валентно-связанные одинаковые с точки зрения поверхностной структуры компоненты СЛ Я1 $Co + пр + Co$, в отличие от подобных структур Я2, могут соединяться друг с другом при помощи предлога в пределах одного и того же СЛ, так как законы позиционной потенции компонента ограничивают этот процесс;

- компоненты семантической системной структуры СЛ Я1 типа $Co + пр + Co$ денотативно (понятийно) тождественны; в их основе лежит значение предметности, при этом они обладают более тонкими семантическими особенностями движения в сферу признакового значения;

- позиция предлога в структуре СЛ Я1 и Я2 также является критерием отграничения валентно-связанных обстоятельственных определений, поскольку предлог синтаксически связан (управлением) с подчиняющим компонентом, он семантически уточняет отношение компонентов и потому имеет необходимый синтаксический статус валентностно-детерминированного члена структуры СЛ.

Круг проблем, касающихся корректной семантизации форм и моделей как единиц выражения соответствующей функционально-семантической категории значения, определяет роль семантизации компонентов в общей стратификации описания функционально-семантической структуры СЛ, в дифференциации значений в определительном комплексе «предмет + признак», в интеграции понятий и признаков в структуре различных определительных моделей класса Я1 и Я2. В ходе анализа определительных СЛ названного класса Я1 и Я2 выявляется зависимость конкретного нюанса или спектра значений, а также всего комплекса признаков характеристик в биноме «С + пр + С» от системной семантической дифференциации и интеграции компонентов СЛ при выражении предметно-признаковой информации в их (СЛ) структуре. Структура СЛ Я1 и Я2 предстает не в виде статической совокупности элементов и их свойств, а в виде динамического механизма, составляющие которого получают качественную определенность лишь как действующие исполнители соответствующих функций. Именно коммуникативный контекст как база дифференциации и интеграции лексико-семантических единиц структуры СЛ Я1 и Я2 является основной сферой реализации функций всех элементов языка, распределенных по множеству иерархически соотнесенных функционально-семантических подсистем. Данный подход как бы перекидывает мост от теоретической грамматики Я1 и Я2 к практической.

Другая принципиальная линия – это трактовка грамматических явлений Я1 и Я2 в качестве двусторонних сущностей, различающих материальную форму и семантическое содержание. Продолжая традиции русского и отечественного языкознания, доказываем ограниченность менталистского подхода к правилам «сложения смыслов» и указываем на многоаспектную семантическую насыщенность всех звеньев грамматического строя Я1 и Я2, в которых сосредоточена ценностная функционально-семантическая ориентированность на конкретное значение, заложенное в структуре СЛ. Отсюда вытекает важное для практики ЛК СЛ требование к формированию грамматических правил, функциональная и семантическая ориентированность которых при интеграции компонентов СЛ должна быть нацелена на конкретную предметно-признаковую модель.

Описывая СЛ Я1 и Я2 как иерархически организованную систему формирования мыслей и обмена ими, различаем шесть функционально-семантических уровней организации языковых единиц: логический, лексический, семантический, структурный, функциональный, грамматический. С функционально-грамматической точки зрения основными уровнями организаций структуры СЛ при дифференциации и интеграции компонентов СЛ обоих языков служат уровень слова и уровень предложения, поскольку посредством слов называются объекты и их отношения, а посредством предложений строятся сообщения о них. Что касается контекста, то он представлен в качестве платформы для функционального выхода СЛ и его элементов в широкие сферы коммуникации.

В этом ряду взаимосвязанных понятий (грамматическая форма, оппозиция семантических форм, парадигма грамматических форм и лексико-структурная категория) особое внимание уделяется системной семантической оппозиции компонентов СЛ как основа формирования лексико-семантической структуры СЛ – системе выражения обобщенного определительного значения в биноме «предмет + признак» посредством семантико-функционального соотнесения компонентов бинома.

При этом системная дифференциация семантики компонентов СЛ, а затем и их интеграция в структуре последних представляет собой частный случай более общего явления, а именно оппозиционного существования двух адекватно мыслимых (на основе их общего предметного значения) компонентов в биноме «С + С», процесса, сопровождающего функционирование данной оппозиции в сфере широкого употребления.

Другим положением, касающимся общего представления категориального строя СЛ Я1 и Я2, является последовательно проводимое разделение семантико-грамматических форм компонентов на собственные и отраженные. Так, грамматическая форма, представленная СЛ Я1 «гулгашт ба сӯи дарё - аллея к реке», передавая характеристику предметного денотата, осмысливается как собственная, потому что даже немаркированность как главного, так и зависимого компонентов теми или иными грамматическими показателями не становятся препятствием для сочетания компонентов «гулгашт» и «дарё». А тот же грамматикализованный денотат «гулгаште», характеризующий предмет в СЛ «гулгаште дар соҳили дарё - сквер на набережной» квалифицируется в качестве «отраженной» (грамматическая форма главного слова принимает суффикс неопределенности – е). Такое деление форм компонентов СЛ, обнаруживающее коренные функциональные различия между ними, важно не только для морфологии, но и для синтаксиса, поскольку помогает более строго очертить круг атрибутивных значений в структуре СЛ сопоставляемых языков.

В этом свете сопоставляются в Я1 и Я2 два типа классификаций слов-компонентов: лексико-грамматическая трехсторонняя (семантическая, формальная, функциональная) и синтактико-дистрибутивная односторонняя. Такое сопоставление дает возможность выдвинуть идею о более общем грамматическом делении словарного состава СЛ на три составных части: номинативную, объединяемую лексической парадигмой номинации (существительное + пр + существительное), дополняющую (причастия, прилагательные) и служебную (слова релятивных функций и грамматические средства связи). Все это, дополняя существующие грамматические классификации слов и средств их связи в структуре СЛ класса С + пр + С, раскрывает интересный аспект системности лексики в них и дает критерий оценки целесообразности выделения той или иной группы функционально-семантических средств связи определительных отношений в структуре, а также дифференциации и интеграции семантики компонентов в различных структурных моделях СЛ Я1 и Я2.

Оперирование определениями и аргументами для полного семантического представления информационной признаковой конфигурации СЛ сопоставляемых языков сближает этот процесс с аналогичными построениями порождающей семантики. Однако в силу различной целевой направленности моделирования СЛ в Я1 и Я2, а также из-за различий в их морфологической структуре, в каждом из сопоставляемых языков обнаруживается своеобразная информационная система, связанная с выбором грамматического средства, обеспечиваемого этапом семантического анализа.

Организация подобного процесса интеграции не исключает, а, напротив, предполагает семантико-синтаксическое развитие структуры СЛ Я1 и Я2. При этом отмечается непосредственное влияние лексико-грамматического фактора на процессы дифференциации и интеграции структуры СЛ, на характер и объем их функций.

Признание подвижности как мыслительных, так и языковых категорий в структуре СЛ Я1 и Я2 и неравномерность процесса их изменения с логической необходимостью приводят к заключению о внутренней неоднородности, расчлененности категорий мышления, а также о возможности несоответствия каким-либо мыслительным фактам отдельных разрядов определенных языковых категорий в пределах зависимостных категорий мышления.

Следовательно, при подобном учете разнонаправленного подхода к ЛК и интеграции компонентов семантико-синтаксической структуры СЛ, а на их базе и структуры предложения», в поле зрения оказываются стратегии и тактика законов их сочетания, постулаты и максимы, которым следует подчиниться для достижения:

- структурно-семантической согласованности в выражаемой предметно-признаковой информации;
- необходимой ситуативной и контекстуальной реализации бинома «предмет + признак»;

- условий презентации различных (простых или сложных, распространенных и нераспространенных) структур СЛ в коммуникации;
- норм комбинирования отношений между компонентами в цепочке смысловых блоков;
- коммуникативного взаимодействия участников общения;
- регулирования способов интеграции предметно-признаковой информации в структуре различных СЛ, а также и предложений.

Именно эта множественность критериев ЛК СЛ предопределяет условия выражения предметно-признаковой информации и других интенций в широкой гамме определительных отношений, передавая тональность определительной характеристике, как отдельного предмета (лица), так и целой определительной модели предложения. Во всяком случае, это вопросы наиболее адекватного удовлетворения потребности ЛК, как СЛ, так и предложений, выражающих атрибутивные отношения.

Синтаксическое и семантическое сочетания, имея каждое свое собственное функциональное назначение, обладают в Я1 и Я2 также специфическими приемами регламентации:

а) синтаксическая потенция слова-компонента, хотя и составляет низкий уровень по отношению к семантической потенции, но отчетливо обнаруживает в себе своеобразие общего механизма ЛК СЛ, так как устанавливает:

- иерархически мыслимые конструктивные связи, обеспечивающие отношения между компонентами и внешнее выражение этих связей;
- функциональные назначения используемых в СЛ словесных форм.

б) семантическая потенция слова-компонента составляет высший уровень по отношению к синтаксической потенции, так как обеспечивает:

- смысловое оформление СЛ в данном контексте его употребления;
- движение специфических приемов регламентации общего механизма концептуальных связей;
- детерминацию лексико-грамматических форм всех без исключения слов, используемых во всех позициях, т.е. объясняет закономерности и причину обусловленности употребления тех или иных сем в структуре СЛ;

- в иерархии выражения конструктивных связей единственную ее вершину;
- движение логического механизма связи СЛ и его слагаемых частей.

в) грамматическая форма компонентов СЛ служит способом определения и выявления конструктивных связей между компонентами СЛ, которые носят взаимонаправленный и однонаправленный характер.

При взаимонаправленной подчинительной связи управление (семантическая координация) налицо: каждый член СЛ может быть главным и в то же время зависимым, так как оба компонента в союзе одинаково способны выразить атрибутивные значения лишь с изменением статуса компонентов в выражении определительных отношений и их нюанса, одинаково способствуя управлению (китоби хониш - книга чтения и хониши китоб – чтение книги).

Однонаправленная подчинительная связь обеспечивает зависимость одной словесной формы от другой и позиционно, и грамматически. Её можно характеризовать как некую соотносительную связь, хотя на синтаксическом уровне СЛ имеется один конструктивно-грамматический центр в лице главного компонента «китоб – книга» (китоб барои хониш – книга для чтения). От семантически правильного употребления главного компонента и определения позиции других компонентов зависят условия употребления и остальных членов предложения. Здесь в обоих языках один из структурных элементов СЛ (т.е. лексический эквивалент логического субъекта) принимает на синтаксическом уровне предложения решающее участие в выражении соотношенности функционального содержания предложения с действительностью и служит функциональной основой СЛ в предложении.

СЛ Я1 и Я2 на актуальном уровне своего членения на предмет и его признак характеризуются тем, что содержат:

а) субъективное указание на степень достоверности содержания приписываемого предмету признака;

б) оценку содержания признака по характеру отражаемых в предложении (посредством СЛ) объективных связей и отношений.

На этой основе выделяется, наряду с регулярными и относительными связями, также и абсолютное грамматическое сочетание компонентов, фиксированное в формах словесных единиц, вступающих в функционально-семантическое поле атрибутивных связей и определительные отношений. Приводимый языковой материал дает возможность проиллюстрировать убедительными фактами функциональную специфику разных типов оппозиционного сочетания компонентов, и в этом сочетании подчеркнуть наличие частных значений: простая достоверность, проблематичная достоверность и категорическая достоверность.

Эти частные значения, фиксируемые специальными языковыми средствами, составляют разновидности предметно-признаковой информации:

- простая достоверность – это признаковая (маркированная) разновидность атрибутивного комплекса, для интерпретации которой используются аналитические (*китоб барои хониш* – книга для чтения) и синтетические (*китоби хониш* – книга чтения) формы выражения;

- проблематичная достоверность, своим значением указывающая на предполагаемую связь предмета и его признака, выражается, как и простая достоверность, посредством аналитических и синтетических образований;

- категоричная достоверность отличается соединением иерархических вершин: первая – в образе главного компонента СЛ, вторая – в лице атрибута ремы (*муҳаббат ба Ватан* – любовь к Отчизне / *адабиёт доир ба мантиқ* – литература по логике).

Если структурно-семантическое единство СЛ в Я1 и Я2 определяется существующей между значениями внутренней связью, вызванной какими-либо внеязыковыми причинами, этот сдвиг детерминируется способностью отдельных семантических элементов к трансформациям и перемещениям. Это выявляет основные виды лексико-семантических отношений в системе оппозиций при функциональных переносах предметно-признаковых значений. Момент зарождения рассматриваемого процесса, его развитие и близость к завершению характеризуют различные виды семантических соотношений значений. Ср.: *миз барои нақша* – стол для чертежа и *нақша барои миз* – чертеж для стола и т.д. Сущность этого своеобразия в том, что оба значения имеют некий общий семантический компонент, занимающий периферийное положение либо в одном из значений, либо в обоих одновременно. Тенденции, действующие в этом процессе, определяются семантическим «весом» этого общего компонента, им же определяется степень расхождения значений.

Литература:

1. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – М. – 2005. – 624 с.
2. Виноградов, В.В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка. – В кн.: Мысли о современном русском языке / В. В. Виноградов. – М., 1969.
3. Караулов, Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. / Ю. Н. Караулов. – М., 1981.
4. Климов, Г.А. Принципы контенсивной типологии. / Г. А. Климов. – М., 1983.
5. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы. – М., 1966.
6. Падучева, Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. / Е. В. Падучева. – М., 1985.
7. Шведова, Н.Ю. Дихотомия «присловные – неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения. / Н. Ю. Шведова. – М., 1978.

СИСТЕМНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРЕДМЕТНО-ПРИЗНАКОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕДЛОЖНО-ИМЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются вопросы лингвистического конструирования предложно-падежных словосочетаний в таджикском и русском языках. Введение понятий системы, её упорядоченности, исторический подход при рассмотрении структурных особенностей и системы языка способствовали возникновению синхронного описания языков, которое совпало с вовлечением в орбиту лингвистики множество различных проблем, требовавших своего описания для целей упорядочения закономерности их образования во всех расширяющихся сферах коммуникации. Решение этих задач, стремление показать функционирование системы

языков и отдельных её элементов вызвали необходимость сопоставительного исследования языков.

Рассматриваются языковые содержательные категории сопоставляемых языков в единстве свойственных им языковой функционально-семантической и интерпретационной целеустановки. Она позволила содержательно объединить в компактные системы разрозненные, так называемые тема-рематические структуры, располагающие целым рядом средств связи, позволяющих выполнить разнообразные задания.

Ключевые слова: предложно-именные словосочетания, семантическая дифференциация и интеграция, предметно-признаковая информация, функционально-семантическое поле, тема-рематическая структура.

SYSTEM SEMANTIC DIFFERENTIATION AND INTEGRATION OF SUBJECT-INDICATIVE INFORMATION IN PREPOSITIONAL –NOMINA WORD-COMBINATIONS IN TAJIK AND RUSSIAN LANGUAGES

This article issues dealt with of linguistic construction of prepositional - case word combinations in Tajik and Russian languages. Introduction of system phenomenon, its order, historical approach, in consideration of structural peculiarities and language system have promoted a synchronic language description to appear which coincides with including many different problems to the orbit of linguistics which have demanded their description for ordering their principles of their forming in all widening spheres of communication. Solution of these tasks, tendency to show the functioning of the languages system and its separate elements caused the necessity of comparative investigation of languages.

The author of the article considers the language contenting categories of comparing languages in unity of their inherent language functional-semantic and interpretational guideline. It let so called odd theme-rhematic structures to be united in compact systems which set down in all rank of means of communication, allowing to fulfill different tasks.

Keywords: prepositional –nomina word-combinations, semantic differentiation and integration, subjective –indicative information, functional semantic field, theme-rhematic structure.

Сведения об авторе: Самадова Раъно Ахунбабаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры РУПР русского языка Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова, e-mail: uchzaphgu@mail.ru

About autor: Samadova Rano Akhunbabaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Developing Oral and Written Speech (DOWS) of Russian language, Khujand State University named after academician B.G.Gafurov, e-mail: uchzaphgu@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ С ПОНЯТИЕМ «ЖИЛИЩЕ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЮЖНЫХ ГОВОРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Джурев Г.

Таджикский государственный педагогический университет им. С.Айни

Лексика южных таджикских говоров, как и любых народных говоров, богата словами, отражающими своеобразие ландшафта, природных условий той или иной местности, особенности хозяйственной деятельности, быта и уклада жизни населения. Лексика южных говоров состоит как из предметной, так и не предметной лексики. Первая называет предметы, реалии, явления, относящиеся к различным областям материальной культуры (жилищу, пище и т.д.), занятиям (земледелию, ремеслам и др.), семейному быту. Сюда же относятся названия животных, растений, природных явлений, названия животных, растений, природных явлений, термины родства, названия болезней и средств лечения, обрядов и обычаев, бытующих среди населения, и многое другое. Именно в предметной лексике наиболее многочисленны лексические диалектизмы.

Непредметную лексику составляют слова, называющие признаки предметов, явлений, действий, а также глагольная лексика и служебные слова. Описание семантических пластов южноговорной лексики относительно полно дано в таджикском варианте монографии [10, с. 100-204].

В настоящей статье характеризуются группу микросистемной лексики, обозначающие понятие жилища в южных говорах таджикского языка.

Лексика, связанная с жилищем, отражает хозяйственный уклад жизни населения рассматриваемых районов, что обусловлено причинами социально-этнического и природно-географического характера.

Одним из основных терминов, который обозначает дом как совокупность жилища, надворных (хозяйственных) построек, двора и примыкающих к дому земельных угодий, является слово **бъна-буна**, имеющее в южных говорах значения «дом» (в приведенном выше смысле) и «хозяйство» (сельскохозяйственная производственная единица, в дореволюционный период-податная единица). Ареал распространения термина **бъна** широк: он бытует не только в южных, но и в юго-восточных таджикских говорах: известен в памирских языках. В диалектной речи употребляется в значении, идентичном словам **хонавода**, **хонавор**-семейство; нередко **бъна**, **хонавода** и **хочаги** используются как синонимы: йагун хочаги бъйойа къшлоқ-да, **бъна** меган (с-к. Даштижум)-какое-либо хозяйство появится в кишлаке,-его называют «бъна»; мо дъсад хонавор ҳамичо-да-йем (с-к. Сарихасор) - нас здесь двести семей (семейств); пай сол тоқахучаги кардем (кр. Кадучи)-мы пять лет жили единоличным хозяйством; ййо таҳчойи-ан, се-та бъна ҳастан (в-кр. Тавильдара)-они местные, их три семьи (хозяйства); йа бъна, ай дъмби замбър оворайем; и кишлоқ-ънда шаш бъна бъд (в-кр. Хичборак) -одна семья,-мы занимаемся пчелами, (а) в этом кишлаке шесть хозяйств было: колхози мо сад бъна дора (с-к. Ховалинг)-в нашем колхозе сто дворов.

Слово основного словарного фонда **хона-хуна**-дом, жилой дом, комната распространено в южных говорах повсеместно. В названиях помещений специального назначения оно, как правило, продуктивно выступает в качестве второго компонента сложных наименований: **ганчурхона**-кладовая, **хезумхона**-сарой для дров: **лалхуна**-сарай для кизяков (топлива); **руғанхона**-кладовая для хранения масла и других продуктов.

В южных говорах встречаются следующие наименования дворовых построек и помещений различного назначения, количество которых в личных хозяйствах Каратегина [7, с. 52], как и Куляба, Гиссара, колеблется от трех до двенадцати: хона-жилое повешение: долон-долун-крытая веранда при входе в сени: **һичра-һъчра** (кр., к.), **ичра** (рог.), **учра** (бд.¹ Кухилал, Цордж)-комната для гостей (в самом доме, либо отдельно в некотором отделении от него). Обычно в такой комнате для гостей принимаются мужчины, и в этом смысле название ее **һичра** соответствует ныне устаревшему в литературном языке термину **хонйберун** - мужская половина дома, где принимали гостей [8, с. 64].

В каратегинских и кулябских говорах **һичра-һучра** служит также для называния небольших кладовых в доме, обычно смежных с жилым помещением. В гиссарско-кулябских говорах **һичра-һичра** в значении «кладовая» неизвестно, употребительно оно в них только в первом упомянутом значении «(убранная) комната для гостей»: одам бъсйор омад, гъчо-да-чо-ш карди?- **һъчра**-да чо кардум (г-к. Файзабад)-много людей пришло. Где ты их разместила? –в комнате для гостей разместила. Термин **һъчра** в данном значении стал использоваться в южных говорах приблизительно с конца 30-х годов текущего столетия, поскольку, как свидетельствуют этнографы, комната для гостей с таким названием является в Горном Таджикистане относительным новшеством: строить их стали незадолго до Великой Отечественной войны, а широкое распространение они получили (следовательно, и наименование их) в послевоенные 40-е и последующие годы [7, с. 56].

Вместе с тем, употребляется в южных говорах и общетаджикское слово **мехмонхона**-гостиная в различных фонетических вариантах: **мимунхуна**, **мемунхуна**, **мимхуна**. Однако в отличие от слова **һъчра**, обозначающего комнату для гостей в собственном доме-усадьбе, **мехмонхона** служит обозначением городской или районной гостиницы.

В бадахшанских и частично в вахиинско-каратегинских, южнокулябских говорах бытует термин **кушхона** - комната для гостей. Как правило, это было некогда единственное в кишлаке общественное помещение (обычно при мечети), где размещали

¹ Материал бадахшанской лексики почерпнут из работы Розенфельд А. З. Бадахшанские говоры... (Розенфельд 1971), а также добыт автором раздела опросным путем.

приезжих гостей [7, с. 40]. В значении общественной комнаты для гостей слово **кушхона** было зафиксировано Р. Л. Неменовой в бассейне р. Варзоб в кишлаке Роги Боло, заселенном каратегинцами.¹

Одним из терминов, обозначающих общественные помещения, является слово **аловхона-аловхона**-общественный «дом огня», где зимними вечерами собиралось на трапезу вокруг очага, усаживаясь на места согласно возрасту, мужское население кишлака, поочередно принося топливо и домашнюю еду: здесь находили также приют путники и приезжие (Таджики...1970, 111-113; 1976, 207-209). Последнее обстоятельство дало основание некоторым исследователям усмотреть в слове **аловхона** значение «странноприемный дом», синонимичное распространенному в прежние времена слову **мусофирхона** [6, с. 238].

Названия хозяйственных построек одного и того же назначения иногда различаются по говорам. Так, сарай для кизяков (в форме кирпича или лепешки) в кулябских говорах носит название **лалхона** (с-к.), **лархона** (з-к., ю-к., рог), в каратегинских-**таххона**, **тапакхона**. Наименования кладовой **ганчур** и **ганчурхона** также различаются по говорам: первое распространено в каратегинских, вахиинско-каратегинских говорах и в селениях Даштиджум и Ёхсуи Боло (с-к.); второе-в северокулябском и гиссарско-кулябском ареале, особенно в группе файзабадских кишлаков. В бадахшанских говорах в этом значении употребительно слово **ганчина**.

В ряде южных говоров **ганчур** и **ганчурхона** обозначают помещение (кладовая) для хранения продуктов про запас или различной утвари. В этом случае **ганчур** и **ганчурхона** выступают как синонимы общетаджикского **анборхона-амбор**, склад, хранилище: гандъма таф медодан ганчури калон-да медохтан-у санг мемундан (в-кр. Лангар)- пшеницу клали, ссыпали в большой амбар (кладовую) и закладывали камнем: пештар хар чиз гур-чер мемунданд ганчурънда (в-кр. Сарикендджа)- в прежние времена всякое тряпье складывали в кладовой. В памятниках классической литературы **ганчур**-казначей; владелец казны, сокровищ: хранитель казны [9, с. 253]. Переосмысление этого слова в таджикской диалектной речи привело к необходимости прибавлять уточняющий его новую семантику компонент - хона.

Прочие слова-термины данной тематической группы представляют собой названия частей жилища, а также внутренних его деталей и предметов.

Традиционная, обычно односкатная земляная крыша имеет наименование **бонг-бънг** (лит.бом). Его фонетические варианты **бънг-бунг** более широко распространены в кулябских и каратегинских говорах. В гиссарско-кулябских используются варианты бунг-бонг, в бадахшанских-**бом-бум-бонг**.

В Гиссаре и Кулябе, особенно в западной его части, двускатный навес над земляной кровлей дома или хозяйственной постройки, крытый камышом и предохраняющий кровлю от размыва дождями [1, с. 21-22; 7, с. 35-36], имеет несколько вариантов наименования: **чъптора /чувтора/чаптара/чавтара/чубтора**. Варианты **чъптора –чувтора** распространены в кулябских говорах, особенно в западнокулябских; реже эти названия встречаются в северокулябских говорах: варианты **чаптара-чавтра** отмечены в западнокулябских и гиссарско-кулябских говорах (среднее течение р. Вахш) [4, с. 215].

Промежуток между двускатной камышовой крышей-навесом «чъптора» и плоской земляной кровлей «бонг», используемый обычно как склад для сена, повсеместно в южных говорах называют **болохона**, а двускатные навесики над светодымовым отверстием в потолке жилого помещения-**харрузан**, **харпуштак-харпушта** (кр. Кадара, Закиробод [7, с. 33; с-к. Ховалинг и др.]. Компонент **хар**-здесь, по-видимому, указывает на форму двускатного навесика, напоминающего спину осла. Вариант **харпушта** отмечен в яванских селениях: **харпушта** бакуватарай ай шифир-а (Чалолов, 1976 67)- двускатный камышовый навес прочнее шифера.

Засвидетельствован также термин **харипуш** (кр. Кадара)- дом с одной главной потолочной балкой перекрытия, называемой харий [7, с. 33].²

¹Полевые материалы Неменовой Р. Л., собранные в 1962 году во время Варзобской этнографической экспедиции.

²**Харй** как самостоятельный термин-«главная балка», «прогон потолка (кровли)», так и в составе сложных –**яккахари**, **кушхари**-распространен в строительной лексике севернее Каратегина-в Фергане (Писарчик, 1954, 270, 297) и в верховьях Зеравшана: **хонаи миёнахари** (Ягноб), **хонаибохари** (Матча)- жилая комната с одной продольной балкой перекрытия (Давыдов 1973, 79).

Распространенным повсеместно термином **рузан** обозначается светодымовое отверстие в потолке, обычно над очагом (именуемым в южных говорах чахлак) или над водостокom (ташноу).

Повсеместно в кулябских и каратегинских говорах бытует термин **кос**-потолок: засвидетельствовано также слово **сархона** (с-к. Геш) в этом же значении: парвоштърък ба дъли хъдшу да сархонай хона елча мекъна (с-к. Геш)- ласточка по своему желанию въёт под потолком свое гнездо. В бадахшанских говорах в значении «потолок» употребляется слово **чъхт-чихт**. Обычно слово **кос** в значении «потолок» (в южных говорах оно обозначает ещё «небо») выступает в сочетании **тори кос** (тор-верх, верхушка): чъшмо-ш да тори кос-ай (с-к. Ховалинг)-он (установился) в потолок.

Представляют интерес диалектные названия деталей кровли и перекрытия дома. Например, **нигаса-нъгаса** (с-к., ю-к.), **нигас-нъгас** (г-к.)- края крыши, застрехи, концы балок потолка, выступающие над стенами на 30-40 см в виде карниза, предохраняющего стены от размыва дождями: нъгасай хона-м чукидай (г-к.) (Махмудов 1964, 78)- застрехи в моем доме погнулись. Аналогичными по значению являются распространенные в Каратегине и Кулябе слова **пориса-пореса** (к., кр.), **полиса** (кр. Навде), **сарпореса** (в-кр. Сарикенджа), **сарипоса** (ю-к. Догистон), **полисагузор**.

Круг значений терминов **нигаса**, **полиса** постепенно расширился. Например, **нигаса** означает также промежуток между жилым помещением и хозяйственными постройками (хлевом и др.) [2, с. 160]. По-видимому, более поздними образованиями являются и слова типа **сарпореса**-карниз (крыши).

Деревянные детали жилища (комнат, веранды) также носят диалектные названия, указывающие на назначение этих деталей: **пъл-пул** (букв. «мост»)- большая наружная балка на верху стены дома или веранды, куда упираются концы открытых балочек потолка: **пъли акиб** (букв. «задний мост»)- балка задней стены; **пъли мина** (букв. «крайний мост»)- крайняя балка наружного края веранды. Прочие названия балок: **равчуу** (в-кр. Сарикенджа), **зейрав-заррав-зирав** (кр. к.)-балка; **марза** (бд. Нижгор)- поперечная потолчная балка; **порса** (бд. Цордж)- потолочные балки: **овашк** (кр., к.)- деревянные подбалки с отверстием посередине, накладываемые на колонны; **дъстак** (к. повсеместно)- потолчная балка, см., например: хунаи мо-хунаи дъвоздадъстакай (с-к. Ховалинг)- наш дом с потолком на двенадцать балок: дъстака ай дърахти еар еар, чормаг мебъран (с-к. Муминабад)- потолчные балки вытёсывают из тополя, орешины; **къландък** (кр., к.)- горбыльки, жердочки между потолочными балками, укладываемые ровной стороной кверху; **кумок**-промежутки между балками «дъстак». Термин **къландък** в ряде селений (ю-к. Догистон; с-к. Дороби, Баланди Даштиджум) имеет дополнительное значение «застреха» (то же, что и пореса).

Дифференцированы названия деревянных опор глинобитных построек, особенно жилищ: **сътъмб-сътъм** (кр., к., рог), **стън** (бд.) (лит. сутун)- столб; **тоқастън-тоқасутун** (бд. Ямг)- два передних столба в доме. Столбы, стоящие вплотную к стене или вмазанные в нее с внутренней стороны помещения, поддерживающие стены и подпирающие потолочные балки, называются **сътъмби танай девол** (кр., к., рог), **сътъмби қадди девол** (кр. Бедак), **часпук** (бд.).

Центральный главный столб в жилище, почитаемый обитателями дома и всеми входящими в дом, имеет в южных говорах также несколько наименований-(сътъмби) **саломга**, **шасътъмб** (кр., к., рог), **сутунисартакйа**, **шастък** (бд.), например: йаке саломга баста бъдъм (с-к. Муллоқони)-одну (веревку) я привязал к главному столбу.

Для южных говоров характерны также особые диалектные названия для обозначения углов дома –**қиғач** (к., кр.), **бърч** (бд., частично в-кр.)-внутренний угол дома: да қиғачи хуна шиштай (с-к. Ховалинг) – он, оказывается, сидит в углу комнаты; у қиғачи хуна-ра шикоф каа гърехт (кр. Навдонак)-она (мышь), продырявив щель в углу дома, убежала. Слово қиғач может употребляться в функции адверба: газвор-а ита **қиғач** бъбър (г-к. Анатурушаки таджик)- отрежь ткань наискоско (углом).

Слово **бълинг** (к.) «угол» в разных значениях, например, **бълинги лата** (с-к. Ховалинг)-угол платка, широко употребляется также и в значении «угол дома комнаты»: хаами гърифта фъридум-ш-а, ай и бълинги хона у бълинг-ъш-да рафта задак (г-к. Туда)-так я его швырнул, из этого угла комнаты в тот угол покатился.

Особые названия имеют отдельные элементы планировки внутреннего пространства жилого помещения: **пога** (повсеместно), **погаидар**, **таи пога**-нечто вроде прихожей, углубление в полу у входной двери, где входящие обычно оставляют обувь:

декун-декън-дукон (повсеместно) имеет несколько значений, связанных с жилищем: а) возвышенная часть пола (начиная от прихожей); б) возвышенная глинобитная площадка пола (соотв. лит. суфа), где сидят, спят; в) пол (вся площадь пола в доме): харчи шава, руйи дукони хъд-ъш шава (г-к. Анатурушаки таджик)- все, что случается, пусть случается в собственных стенах (букв. на своем полу) (погов.); г) глинобитные нары (отдельные части которых характеризуются различным устройством и расположением их по отношению к входной двери, очагу и друг другу) [7, с. 63, 70, 76, 77].

Отдельные части нары имеет различные названия. В 50х годах текущего столетия в отдельных селениях Каратегина они ещё входили в активный словарный запас их жителей, поскольку дома старинной планировки были там не редкостью. В Кулябе, где старинные дома уже в конце-40-х годов оставались лишь в высокогорных селениях (Сарихасор, верховья Ёхсу, Даштиджум), названия частей нары употребляются редко. Думается, что приводимые ниже наименования частей глинобитных нары в каратегинских и кулябских говорах носят реликтовый характер: **дукони пеш**, (руи) **дукони боло –дукони бологи** (кр. Кадара, Яхч, Шулхоб)- более высокая часть площадки «дукон»; **дукони та** (х)- нижняя часть площадки; **дукони сари дегдон**-нары с очагом, **дукони пасидар-нары** за дверью, по одну сторону от входа.

Наименования очагов в южных таджикских говорах связаны с их традиционными разновидностями, встречающимися в селениях Горного Таджикистана.

2.Повсеместно распространен термин **дегдон** (дег «котел»)-дон-суфф.

места)-очаг (для приготовления пищи и выпечки хлеба, с широкой топкой спереди и открытый сверху); употребительны также его варианты **дегдун** (кр., к.), **дейдон** (с-к. Шугноу), **декдон** (рог).

В верхнем Каратегине, в северной высокогорной части Куляба, где до 40-50-х гг. сохранялись дома старинной постройки, очаг-**дегдон** служил и для обогрева.

В южных говорах имеется также ряд составных наименований очага: **дегдони калон-дегдони льмб** (в-кр.)- большой очаг; **дегдуни нонбанди**-очаг для хлебопечения; по видам хлебных изделий различались также **дегдони гирдачабанди**-очаг для выпечки толстых лепешек, **дегдони чапотибанди**-очаг для лепешек из тонко раскатанного теста и др.

Распространен также термин **дегдунча**-очаг меньших размеров для варки пищи и выпечки небольших лепешек.

Наименования очагов различаются также в соответствии с их устройством: **почъкй** (с-к.) и **келигй** (в-кр. Каракенджа)- временные очаги из камней во дворе; **дегдончай гардонак**, **учоки гардонак** (кр.Хакими, Казнок, Яхч и др. сел. Среднего и Нижнего Каратегина)- переносный очаг.

Отдельные части большого очага-дегдона имеют свои названия: **пичаи**¹ **дегдун** (с-к.) – боковая площадка очага: гугирд пичаи дегдонча мондагй бъд (з-к. Дарай Мургон)-спички были положены сбоку у очага (на боковую сторону): **рафаг** (в-кр.); **айри** (бд. Мулодж, Нуд)- чуланза очагом для посуды. Варзобские каратегинцы сел. Зидди глинобитное возвышение для очага называют **поьи дегдун**, а часть нары, примыкающих к очагу-**сари дегдон**. В гиссарско-кулябских говорах-«кулоби» также распространен термин **пичаи дегдон**.

В бадахшанских говорах имеются специальные названия, связанные с очагом «дегдон»: **лангар-лангархона**-священная часть очага для ритуального окуривания; **лангари пир**-место у очага для духовного наставника и почетного гостя; **пузики** (бд. Муловодж. Нуд. Яхшволь)- священная часть очага: перемычка в верхней части очага [5, с. 109, 125].

2. Слово **чахлак** (кр., к.)-**чалък** (рог)- очаг-яма в полу жилого помещения или веранды для выпечки лепешек и обогрева (термин распространен достаточно широко). В бадахшанских говорах подобный очаг-яма называется **чалък –чалук**, **чагардй** – яма справа от очага для кипячения чая [5, с. 86, 87].

Слово **чагдун**-очаг в земле для выпечки хлеба распространено во всех кулябских, рогских говорах. В селениях Нижнего Каратегина и гиссарско-кулябских говорах такой

¹**Пича**-косички в женской причёске спереди по обеим сторонам от пробора до уха; возможно, по аналогии название **пича** применено и к боковым площадкам очага.

очаг называют также общеизвестным танур: крышка для такого очага называется **това** (с-к. Зираки), **шилък** (ю-к.).

Разнообразны в южных говорах названия деталей двери: **палдарӣ** (в-кр. Оксой), **бардарӣ** (с-к. Даштиджум), **пахликдарӣ** (в-кр. Тавилдара), **бозикӣ** (бд. Андароб), **пахлударӣ** (бд. Ямг), **палударӣ** (бд. Удит, Яхшволь)- косяк двери; **погадарӣ** (кр., г-к. Гули Сурх), **тадарӣ** (кр. Тегерми, к., бд.), **санчикдарӣ** (в-кр, Тавилдара)- нижняя часть дверной рамы; порог; **пъландарӣ** (бд. Яхшволь), **тордарӣ** (кр., к.)- верхняя часть дверной рамы; притолока.

Названия стен дома и их частей: **девол** (кр., к.)- **дебол** (в-кр. Хаит)- **дивол** (г-к. Окбури)- стена; **лойдевол** (кр., к.)-глинобитная стена; наряду с **лойдевол** в вахиинско-каратегинских говорах в том же значении употребителен аналогичный литературному термин **похсадевол**. О стене особой кладки говорят **шашдевола** (кр.)-в шесть рядов (слоев) глины (о способе кладки). Тонкую прослойку между массивными слоями глинобитной стены называют **мойра** (кр., к.), **локӣ** (кр. Навде), **кърчов** (в-кр. Джиргатаь), а о глинобитных стенах с такими прослойками, характерных для жилищ Верхнего Каратегина, говорят **мойрадор** (в-кр., частино с-к. и з-к.). Стены из сухих комьев глины-**похсадевол** (в-кр., с-к.), **кесакдевол** (кр., к.), **кълухдевол** (повсеместно); стена из осколков камня- **къръмбдевол** (кр.); стена из сырцового кирпича- **хиш(т)девол** (повсеместно): стена из камня- **сангдевол** (кр., к.) (в высокогорных кишлаках в качестве строительного материала использовался обычно камень).

Особые наименования отмечены в южных говорах для обозначения оград, заборов, а также настилов, предохраняющих их от размыва: **сафил-сафел** (кр., к.)-дувал вокруг двора, усадьбы: гирд-ъш сафил, пеш-ъш агарот (с-к. Дараи Мири)- вокруг негодувал, перед ним огород [2, с. 162]; **сарпъчала-сарпачала** (в-кр., кр., с-к., з-к.): **лумбуз** – **лумбаз** (в-кр. Нушор)- настил из ветвей и хвороста, покрытых слоем земли и обмазанных глиной с мякиной.

Плеть, ограда из ветвей кустарников повсеместно в южных говорах именуется **шъғ-шиғ**. Отсюда **шъғ гирифтан** (г-к.)- обносить оградой: шъғ гърифтум гирди вото-ра (г-к. Яван)- я обнес оградой огород (Чалолов 1967, 69); **шъғ бастан**-плести плеть: **шъғбанди** –плетение горады: дъсто-шун намереса ба шъғбандна (с-к. Муллокони)-у них руки не доходят до плетения оград [2, с. 120, 166]. В отдельных кулябских и каратегинских селениях плетневые ограды имеют особые названия: **чавра**, **ганг** (кр. Навде): в бадахшанских говорах они называются **тафора** (сел. Мулводж, Шамбеде, Яхшволь [5, с. 140].

Условные сокращения:

- в-кр - вахиино-каратегинский
- г-к - гиссарско-кулябский
- з-к - западно-кулябский
- к - кулябский
- к-р - каратегинский
- с-к - северно-кулябский
- ю-к - южно-кулябский

Литература:

1. Андреев М. С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (материалы). Сталинабад-Ташкент, 1930.
2. Неменова Р.Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956.
3. Махудов М. Баъзе намунаҳо аз лексикаи шеваи тоҷикони райони Ҳисор // Ахбороти АФ РСС Тоҷикистон. Шӯбаи фанҳоиҷамъиятӣ. – 1964. - 2/37/. - С. 74-84.
4. Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления к нурекским водохранилищем. - В кн.: «Жилище народов Средней Азии и Казахстана». М., 1982.
5. Розенфельд А.З. Бадахшанские говоры таджикского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
6. Сӯфиев А. Лексикаи шеваи Кангурт ва баъзе хусусиятҳои он // Уч. зап. Кулябского госпединститута. Вып. 4. Куляб, 1958. - С. 225-255.
7. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 2 / Под ред. Н.А.Кислякова, А.К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1970.
8. Таджикско - русский словарь. М., 1954.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ.1. М., 1969.
10. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ, ҷ.1 / Фонетика ва лексика /. Душанбе: Дониш, 1980.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ С ПОНЯТИЕМ «ЖИЛИЩЕ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЮЖНЫХ ГОВОРОВ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются слова и термины, связанные с жилищем, отражающие хозяйственный уклад жизни людей, населяющих районы южного Таджикистана. Особое внимание автор уделяет термину хона (дом), с которым образуется ряд сложных слов, обозначающих различные виды помещений, используемых человеком в целях проживания.

Ключевые слова: семантика, поле, слово, основной, словарный фонд.

SEMANTIC FIELDS WITH CONCEPT OF HOUSING IN THE LEXICAL SYSTEM OF THE SOUTHERN DIALECTS OF THE TAJIK LANGUAGE

This article dealt with words and terms related with housing reflecting the life of people of the south of Tajikistan. The great attention is paid to the role of the word of “khona (house)” which many compound words denoting various kind of people house are related with them as well.

Keywords: semantics, field, word, main, lexical stock.

Сведения об авторе: Джураев Гафар, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

About author: Juraev Gafar, Doctor of philological sciences, Professor of the Chair of Theory and Practice of Linguistics, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОВТОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКА

Джураев Г., Гафуров Н.

*Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни
Курган-Тюбинский государственный университет имени Н. Хусрава*

Повтор как изобразительно-выразительное средство считается одним из лингвостилистических элементов, придающим художественному языку особую выразительность. Общеизвестно, что приём повтора веками используется литераторами в таджикско-персидской литературе для художественного украшения речи, предания ей красочности, модальных отблесков и большей экспрессивности. Способствуя усилению выразительности и изобразительности речи, повтор придает реальности ясность и убедительность.

В действительности, до последних десятилетий в науке о поэтическом мастерстве словесный художественный приём - повтор был известен лишь как средство художественного украшения речи.

Примечательно, что указанный словесный приём последние годы стал также объектом изучения лингвистов. Повтор активно рассматривается как важная лексико-грамматическая тема научных исследований. Было установлено, что к повтору также относятся конкретные функции в области лексикологии, словообразования, грамматики и стилистики. Публикации отдельных статей и некоторых работ ряда авторов, в которых прямо или косвенно были изучены те или иные аспекты единицы повтора, где до определенной степени освещена лингвистическая сущность повтора. Публикации отдельных статей и некоторых диссертаций ряда авторов (Расторгуева В.С.1954; М.Турсунов 1957; Ниязмухаммадов.Б, Ниязи Ш., Каримов А. 1962; Чалилов Х. 1964; Ниёзмухаммадов Б., Рустамов Ш. 1968, 72-75; Шукурова М. 1973, 1977, 1978, 1981, 1985; Саидов Р.1975; Точиев Д. 1979; Зикриёв Ф. 1981, 1986, 1991, 1997; Исмоилов Ш, Қахҳоров М 1988), в которых прямо или косвенно были изучены те или иные аспекты единицы повтора, где до определенной степени освещена лингвистическая сущность повтора.

Следует отметить, что единственная диссертация, написанная на тему «Повтор в таджикском языке», принадлежит лингвисту М. Шукуровой, которая была защищена в 1978 г., но, к сожалению, не опубликована до настоящего времени.

Повтор как универсальный единицы языка в лингвистическом плане рассматривается в лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом аспектах.

По типу выражения мысли лексический повтор делится на следующие виды: а) полный или точный повтор; б) неполный повтор; в) звукоподражательный повтор; г) изобразительный повтор; д) тавтологический повтор.

Лексический повтор является таким типом повтора, в котором слова повторяются полностью или частично. Например: **калон-калон** – *крупный, много*, **охиста-охиста** – *эле-эле*, **баланд-баланд** – *громко-громко*, **кам-кам** – *мало-помалу*, **тез-тез** – *быстро-быстро*, **суп-сурх** – *самый красный*, **лӯб-лӯнда** – *совсем круглый*, **чай-пой** – *чай и тому подобное*, **мева-чева** – *фрукты и т.п.*, **шалдар-шулдур** – *журчание, шум воды*,

В данной статье в кратце рассматриваются некоторые лексические особенности полного повтора.

Полный повтор образуется путем точного повторения слова, без формального изменения. Посредством полного повтора выражаются такие лексические и грамматические значения, как множество или малое количество предмета, его объём, размер, количество и степень проявления признака, продолжительность и многократность протекания движения и действия, временные промежутки и мгновения, пространственная обширность очевидности действия. Например: **паст-паст** – *потихоньку*, **хурд-хурд** – *мало-помалу*, **зарра-зарра** – *по крупинке, по частичке*, **дона-дона** – *по кусочку, понемногу*, **гурс-гурс** – *звуки шагов и топота*, **нарм-нарм** – *мягко, нежно, тихонько, медленно*; **нав-нав** – *всё новый и новый*, **гурӯх-гурӯх** – *группами*, **қитъа-қитъа** – *участками*, **анбор-анбор** – *складами*, **гулдур-гулдур** – *отдаленно громкое звучание*, **шилдир-шилдир** – *звук журчащей воды*, **курта-курта** – *рубашками*, **дарун-дарун** – *скрытно, затаенно*, **ду-ду** – *по два*, **ҳазор-ҳазор** – *по тысячи*, **майда-майда** – *понемногу*, **омад-омад** – *приход, прибытие*, **кӯх-кӯх** – *горами*, **гуп-гуп** – *ёканье (о сердце)*, **дуруст-дуруст** – *как следует*, **қатор-қатор** – *целыми рядами* т.п. Примеры во фразах: **Дар сахро ҳеч ҷонзоде наменамад, танҳо зоғҳои ало гурӯх-гурӯх шуда, барфбозӣ карда мегаштанд (С.А.)** *В степи не было видно ни одного живого существа, лишь пёрстые вороны группами развелись на снегу.*

Мисли Турсунзода бо пайгоми сулҳ,

Қитъа-қитъа ҳалқа бар дар мезанад (Л.)

Словно Турсанзаде с посланием о мире

По всем континентам стучится в двери.

Ба ҳавлии мо **факер-факер** (сатил-сатил) олуца, себ, бештар аз ҳама ангур меомад (Р.А.) *В наш дом ведрами привозили вишню, яблоки, а большего всего виноград.*

Корвони зиндагӣ **охиста-охиста** ба пеш сафар мекарду аз умри мо низ солҳову моҳҳоро бо худ мебурд (О) *Караван жизни медленно продвигался вперед, унося с собой наши месяцы и годы.*

Офтобаки баҳорон **нарм-нарм** нур мепошид (СШ)

Весеннее солнышко нежно рассыпало лучи.

Ду-ду, се-се, чор-чор ба назди падарам одамон даромада, чанд дақиқа ба ӯ нигоҳ карда баромада мерафтанд (Р.А.) – *Люди по двое, по трое, по четверо, заходили к моему отцу и несколько минут поглядев на него уходили.*

Нами выделены следующие типы полного повтора: полный непосредственный повтор и полный опосредованный повтор.

Полного повтора в своём очереди можно выделить на полный **непосредственный** повтор и полный **опосредованный** повтор.

К полному непосредственному повтору относится такой повтор, в котором происходит точное повторение слов: **Аз рӯи ситораҳое, ки гоҳ-гоҳ ва ҷо-ҷо аз зери абр намоён мешуданд, маълум мешуд, ки саҳар наздик расидааст (С.А.)** – *По звездам, временами и местами показывавшимся из-за облаков, было видно, что наступает утро.*

Кардам ба кӯхсорон чун ошиқон назора,

Мерехт **зарра-зарра** аз чашми ман шарора (М.Т.)

Словно влюбленные взглянул я на горы,

Сыпались крупинками с глаз моих искорки.

Дар он анбор **даста-даста** калид, зоғнӯл, бел, қайчии боғ... болои ҳам мехобиданд (С.У.) *На том складе грудями друг на друге лежали ключи, кирки, лопаты, садовые ножницы... . Кам-кам хонда ва навишта метавонам, - чавоб дод Ҷӯрабек (С. А.) - Немного могу читать и писать, - ответил Джурабек.*

Сурудаш дар дилам чун накши рӯи гандумаш боқист,

Ба ёд орам, шавад дил **пора-пора** (Л.)

Песнь её в сердце моем хранится как образ ее тёмнолицый

В миг вспоминания сердце разрывается на части.

Сӯҳбату **чақ-чақи** аробакашон

Гарм дар гирди тоза гулхан буд (М.Т.)

Беседы и разговоры арбакешов

Велись тепло вокруг свежего костра.

Андак-андак илм ёбад нафс, чун олий бувад,

Катра-катра чамъ гардад в-он гаҳе дарё шавад (Н. Хусрав)

Понемногу, коль познает душа науку, будет возвышена

Капля за каплей – образуется река.

Полный непосредственный повтор образуется также при повторе однозначных слов, при этом главное слово, занимающее центральную позицию, выражает взаимоподчеркнутость. Примеры во фразах: -Тӯҳмат, таксир, тӯҳмат!...- гӯён Пирзода мехост узр гӯяд (С.А.) *Говоря, - клевета, почтенный, клевета!... Пирзода хотел извиниться.* Мо то ба хона омадан на танҳо суханони ўро, ҳатто худи ўро ҳам аз ёд баровардем (С.А.) *Пока мы дошли до дома, забыли не только его слова, даже его самого.* Оё кам аст дар байни онҳо бюрократ? Зиёд, аз ҳад зиёд (ҶТ) – *Разве мало среди нас бюрократов? Много, слишком много.*

Полный (точный) опосредованный повтор образуется при помощи ряда грамматических средств, в частности, *предлогов, суффиксов, вспомогательных глаголов, изафетных связей*: **рӯ ба рӯ** – *лицом к лицу*, **сар то сар** - *с начала до конца, от края до края*, **рӯз ба рӯз** – *день за днем*, **пай дар пай** – *друг за другом*, **хона ба хона** – *по домам*, **дар ба дар** - *из дома в дом; повсюду*, **сол аз сол** – *от года в год*, **сол ба сол** - *с каждым годом*, **моҳ ба моҳ** - *с каждым месяцем*, **гир-гиркунон** - *кружась*, **дав-даво**н - *бегом*, **рӯй-рӯякӣ** – *поверхностно*, **гар-гаркунон** – *полоская рот или горла*, **шилдир-шилдиркунон** – *издавая звук журчание*, **марди мардон** - *самый отважный*, **зани занон** - *самая женственная*, **хуби хубон** - *самый лучший*, **муаллими муаллимон** - *наилучший учитель*, **шахри шахрҳо** - *главный город*, **гарми гарм** - *самый теплый*, **солҳои сол** - *годами*, **охири охирон** - *в конце концов* и т.д.

Полный повтор, образованный при помощи предлогов. Предлоги, как грамматическое средство, является одним из факторов формирования взаимозависимости (относительно глагола) слов. При помощи их применения в предложении четко проявляются и развиваются различные отношения между словами. Данное явление особо присуще таджикскому языку, в нем, как в аналитическом языке (структурно таджикский язык, исходит к аналитическому), разного рода семантические и грамматические отношения чаще выражаются через предлоги и послелогов, повтор, интонацию, порядок слов, аффиксы и т.д.

Безусловно, в научных трудах по таджикскому языкознанию встречается немало примечательных высказываний и мнений относительно повторяемости предлогов. Например, в учебнике для вузов отмечено, что предлоги, повторяясь с однородными обстоятельствами места и времени, добавляют подчёркивание (Забони адабии..1995, 164). Д.Таджиев тоже придерживается данного мнения: «Вовремя повторения предлогов и послелогов наблюдается синтаксический оттенок подчеркивания» (Тоциев 1979, 15).

Следовательно, с помощью предлогов формируется большая группа точных повторов, которые создают подчеркивание значения. Выражаемость подобного типа повтора чаще связано с лингвостилистическим аспектом. Было замечено, что в таджикском языке часто существительные, следуя с предлогами, образуют подобные повторы. В данном случае в большей степени выражаются и подчеркиваются грамматические значения определяемости, образа действия, места, времени и т.д.:

а) значение определения и описания: Либосҳои **ранга ба ранга**: бекасабу шохӣ, махмалу атласи мардум дар офтоб барқ мезаданд (Ф.Н.) - *Разноцветная одежда людей - из бекасаба (вид ткани) и шелка, бархата и атласа сверкала на солнце.* Тоза ба тоза, ранг ба ранг гулҳо бичинем - *Совсем свежие и разноцветные собираем цветы.* Ғӯзаҳо... дар натиҷаи мехнатҳои пай дар пай шоху пахлӯ дода, кӯрак баста буданд (С.А.) – *На кустах хлопчатника в результате непрерывного труда появились ветви и коробочки.* Тоза-тоза, нав ба нав эҷод кун, - Ҳар як эҷоди туро ман ошиқам (О.А.) *Вновь и вновь, твори всё новое и новое, - я влюблен в каждое твоё творение.*

б) значение образа и способа совершения действия, проявление поведения и состояния и настроения субъекта предложения (речи): Вай **худ ба худ** зери лаб меғуррид

ва маълум буд, ки аз чизе дар изтироб аст (ГМ) *Он сам по себе негромко бурчал и было ясно, что был чем-то встревожен.* - «Хуб, - гуфт Қорӣ Ишкамба худ ба худ, - бар хилофи ҳамаи умедҳои ман ин муайян аст, ки соат 12 шудааст ва аз мудир хабаре нест» (С.А.) - - «Хорошо, - сказал Кори Ишкамба про себя, - вопреки всем моим надеждам, очевидно, что время 12 час, а о заведующем никаких вестей». Дар айвони масҷиди чомаи арк муллоён қатор андар қатор нишаста буданд (С.А.) – *На террасе соборной мечети арка муллы сидели рядами.*

в) значение времени: Шумораи магазинҳо моҳ ба моҳ ва сол ба сол зиёд мешавад (Р.Ҷ.) – *Число магазинов растет с каждым месяцем, и с каждым годом.* Кудаконим палсу пеш ба дунё омада, кӯчақ буданду азоби ману шавҳарам рӯз то рӯз зӯр мегашт (Оила, № 31, 03) – *Мои дети рождались один за другим, и мои с мужем мучения увеличивались изо дня в день.* – Дӯстдорандағони меҳнатро, - сол то сол бахтиёр кунанд (М. Т.) - – *Пусть из года в год радуют трудолюбивых людей.* Онҳо он қоғазҳоро дам ба дам гирифта, ба рӯи онҳо бо қалам баъзе ишораҳо мекарданд (С.У.) – *Временами беря те бумаги, они делали на них заметки;* Ба тафси бадан ва дарди устухонҳоям тоқат наоварда, сония ба сония аз паҳлӯ ба паҳлӯ мегардидам (С.А.) – *Не вынося жар своего тела и боль костей, я ежесекундно ворочился с бока на бок.*

Пои хонандагон соат ба соат

Намешуд канда з-ин қасри саодат (М.Т.)

С каждым часом продолжалось

Посещение читателями двorca счастья.

г) значение места (пространства): Сайёд – бародари аз ту чор сол калонат дар ба дари савобталабҳо мегашт (ТС) - *Сайёд – твой брат, что на четыре года старше тебя, просил милостину в домах добрых людей.* Як асо ва портфели чиямоқӣ дар даст лик-лик кӯча ба кӯча, хона ба хона ва идора ба идора мегашт (Из газеты) - *Держа какую-то трость и залатанный со всех сторон портфель, он пошатываясь, бродил по улицам, домам и конторам.* Сар то сари ин хона пур аз чарх ва ҳаллоҷӣ аст (С. А.) - *Повсюду в этом доме были прялки и трепалки.* Ҷ сандалича, бигизу сӯзан, муму ресмонро ба ҳалта андохта, маҳалла ба маҳалла гашта, пойафзоли кӯҳнаи мардумро дарбеҳ мекард (Р.Ҷ.) – *Положив в мешок скамейечку, шило и иглу, воск и нити, ходил по кварталам и чинил людям обувь.*

Чаҳон сар ба сар подшоҳӣ тuroст,

Даду дом бо мурғу моҳӣ тuroст (Фирдоуси)

Во всем мире будет царство твоё,

Твоими будут птицы и рыбы и зверье.

Полный опосредованный повтор, образованный при помощи суффикса – он принимает модель деепричастия, в основном встречается при выражении двух значений:

а) обозначает образ и способ совершения действия: Раҳими қанд зери лаб гур-гуркунон «искит, мурданӣ» гӯён ўро дашном дода монд (С.А.) - *Рахим канд тихо ворча, обругал его со словами «отброс, скряга».* Ба ҳамин ҳол ҳаши-ҳашиқунон нафас қашида, то сари кӯчаи бозори собун, ки дар наздикии бозори алаф буд, расид (С.А.) - *В таком состоянии тяжело дыша, добрался до начала улицы мыльных лавок, который был рядом с лавками сена.* Оби чўйчаи ин дара шилдир-шилдиркунон чорӣ мекард (АС) – *Вода ручейка в этом ущелье протекала журча.* Ҷ якбора қоҳ-қоҳзанон ханда қард (СШ) – *Он вдруг с хохотом засмеялся.* Гунчишқҳо, парастуҳо чақ-чақкунон дар осмони софи лочувардӣ парафшонанд (С.У.) – *Воробы, ласточки чирикают махали крыльями в чистом лазурном небе.*

б) обозначает состояние совершения действия: Машқобҳо яхи ҳавзҳоро шикаста, лағж-лағжон аз зинаҳо боло мебароманд ва ба зӯр об мекашиданд (Ҷ.И.) – *Полившики выломал лед в пруду, поскалзывая поднимались по ступенькам и с трудом брали воду.* Мадина дав-давои рафта, як сатил об овард (АС) - *Мадина бегом принесла ведро воды.* – *Ланг-лангон Темури бедодгар, - Дар мазори поки Фирдавсӣ расид (Л.) - – Хромая деспотичный Темура, - Дошел до святой гробницы Фирдоуси.*

Полный опосредованный повтор, образованный при помощи суффикса – она обозначает образ и способ совершения действия: Акнун кӯр-кӯрона ва бе нақшаи муайян қор қарда мешавад (СШ) - *Теперь, работа ведётся слепо и без определенного плана.* Авфқунӣ ва ҳимматбаландии кӯр-кӯрона низ чандон ба мафиати чамбият нест (ҲЛ) – *Слепая амнистия и великодушные тоже не совсем в интересах общества.*

Полный опосредованный повтор, образованный при помощи суффиксов –ак(як) – акӣ(якӣ) и обозначающий образ и состояние совершаемого действия: Аз афташ, шумо

китобро рӯй-рӯякӣ хондаед, ки мазмуни онро гуфта надодед (АС) - *Судя по всему, вы читали книгу поверхностно, раз не рассказали ее содержания*; Дар ин дафъа нимаи чаҳ-чаҳакон гузаштанд ва нимаи дигарашон истодаанд, дар навбати чорум ҳеҷ кас гузашта натавонист ва ҳамаашон афтоданд (С.А.) - *В этот раз, половина попрыгивающих прошла, а другая половина стояла, в четвертый раз, никто не смог пройти и все повалились*. Тирезаҳои майда-майдаҷаки дилгиркунанда, сақфу пойгоҳи танг, дари ҷӯбини дутабақои пастақак ба ёди кас хонаҳои афсонавиеро ёд меоварад (О.) - *Маленькие скучные окошки, низкие потолки и узкие коридоры, деревянные двухстворчатые невысокие двери напоминали сказочные дома*.

Полный опосредованный повтор, образованный от глагольных оснований при помощи соединительного гласного - о -: кашокаш - *потасовка*, даводав - *беготня*, гирогир - *облава*, нӯшонӯш - *распитие* и т.д. Часто при соединении суффикса -ӣ в конце подобных повторов, образуются абстрактные существительные: кашокашӣ - *передряга*, даводавӣ - *беготня*, хлопоты, занозанӣ - *побоище* и т.п. Аз ин кашокашу гирогирҳо ҳеҷ сӯде нест (О.) – *От этих потасовок и облав нет никакой пользы*.

М. Шукурова тажже упоминая подобный метод формирования повторов, подчеркивает: «Этот тип повторов образуют абстрактные существительные: кушокушӣ - *бойня*, резня, сӯзосӯзӣ - *душевные терзания*, даводав - *беготня*, пахшопахш - *давка*, толкотня и т.д.» (примеров употребления в тексте не приведено) – (Шукурова 1985, 17). Очевидно, что в словах, приведенных М. Шукуровой в качестве примера, нет необходимости искать наречий, все эти слова являются существительными.

Полный опосредованный повтор, образованный при помощи соединительного элемента – ма –: кашмакаш - *потасовка*, хелмахел - *различный, разнообразный, гапмагап - разговоривая, басмабас – споря, наспор* и т.д. Примеры во фразах: *Ҳеҷ кас ба шумо басмабас омада наметавонад. Мо гапмагап то хона омаданамонро надониста мондем (Из газеты) - Никто не может преспорить вас. Мы не заметили как, разговоривая, дошли до дома. «Моҳии тиллоро суғурта карданду дар ҳавзи шолӣ ғарқаш намуданд» ё худ қиссаи кашмакашҳои ноҷо дар атрофи саҳҳомии «Моҳипарвари Панҷакент» (СМ) - «Застраховав золотую рыбку, утопили ее в рисовой запруде» или рассказ о неуместных потасовках вокруг акционерного общества «Пенджикентское Рыбоводство».* Дугонаам аз ин фурушгоҳи наву сермол барои худаш ва фарзандонаш куртаҳои хелмахел харид (О) – *Моя подруга купила из новой, полной товаров торговой точки разные вещи для себя и своих детей*.

Полный опосредованный повтор, образованный при помощи соединительного элемента – ба – , обозначающий последовательность происхождения действия: даст ба даст – рука об руку, боғ ба боғ – от сада к саду, дашт ба дашт – по стенам, шаҳр ба шаҳр – по городам, дар ба дар – от двери к двери и т.д.

Полный (точный) изобразительный повтор возникает в результате зрительного представления, визуального восприятия. Следует отметить, что изобразительные слова имеют определенное отличие от звукоподражательных слов. М. Фазылов, Ш. Исмаилов и М. Каххаров верно отметили по данному случаю: «Даже в учебниках и научно-исследовательских работах эти слова не разделены между собой» (Фазылов 1958: Исмаилов, Каххаров 1988). По нашему мнению в этом нет сомнений. Даже в статьях главной и единственной исследовательницы темы повтора - М. Шукуровой звукоподражательные и изобразительные слова интерпретируются как одна лексическая единица.

Безусловно, как уже упоминалось вышеуказанными исследователями, полные изобразительные повторы являются своего рода отражением, изображением или выражением внешнего образа явлений и предметов, а не подражанием или имитированием свойств явлений природы, поведения, состояния человека, животных, птиц и т.д. Синтаксические функции обоих типов повтора, как мы рассмотрим далее, являются взаимосхожими, но с точки зрения выражения смысла отличаются друг от друга. Наконец, звукоподражательные слова образуются по слуховому восприятию, а изобразительные по зрительному: **ялт-ялт** - *прерывистое сверканье, мельканье*, **ялтар-ялтар** – *блеск, прерывистое сияние*, **милт-милт** – *мигание, мерцание*, **чиғда-чиғда** - *разорванный в клочья, изодранный*, **лахт-лахт** – *сгустками, комочками*, **рах-рах** - *линейчатый, в линейку* и т.д. Предложение во фразах: *Ордену медалҳо дар шуълаи чароғи электрикӣ ялт-ялт чило медоданд (Ф.Н.) – На свете электрической лампочки прерывисто блестели ордена и медали.* Баландтарин ситораҳо хам ба назар милт-милт

тобишу чило медоданд (Ф.Н.) - *Самые высокие звезды казалось тоже мерцали.* Кафшхой ялтур-ялтури ту пӯшидагӣ ба ҳавлиат рафта бе пошна мемонад (Р.Ҷ.) – *Дойдя до твоего двора, надетые тобой блестящие туфли останутся без каблучков.* Ин чома аз зӯри тарошакафонӣ ва борбардорӣ тамоман дарида чигида-чигида шуд (С.А.) - *Из-за усиленной рубки полен и поднимания тяжестей этот халат был полностью изодран.* Зебӣ дар идораи мактаб дар пеши столи хатнависӣ худро ба рӯи дафтари рах-рах хам карда чизе менавишт (Ф.Н.) - *За столом в конторе школы склонившись над тетрадью в линейку, Зеби что-то писала.*

Полный звукоподражательный повтор также является одним из способов образования новых слов (значений).

Звукоподражательные слова появляются в результате копирования и имитации звука (голоса) различных явлений природы, для обозначения физиологического и эмоционального состояния человека и животных, жизненных ситуаций, занятия, труда, быта, обычая, нрава и т.д. Например: **так-так** - *тук-тук, стук, дукур-дукур* - *стук (копыт)*, **пик-пик** - *звукоподражание прысканию при смехе*, **гулдур-гулдур** - *грохотанье; гул*, **дангар-дангар** - *звон, лязг (металлических предметов)*, **шар-шар** - *шум падающей воды*, **гарч-гарч** – *скрип, хруст*, **фаш-фаш** - *пыхтение*, **гуп-гуп** - *ёканье*, **шилдир-шилдир** - *журчание воды*, **фир-фир** – *звук кружения предмета*, **шибир-шибир** - *шум (дождя)*, *журчание*, **патар-патар** - *трепетание, биение*, **чах-чах** - *трель, щебет*, **ак-ак** – *лай собаки*, **гурс-гурс** - *звуки шагов и топота*, **тап-тап** - *хлопанье, шлёпанье* и т.д.

Такой тип повтора также образуется при буквальном дублировании звукового состава. Относительно данного типа повтора сделаны некоторые заметки в учебнике для вузов (Грамматика, 1956, Забони адабӣ, 1973) и отдельной статье (Исмаилов, Каххаров 1988, №, 27).

В частности упоминается, что «звукоподражательные слова употребляются в обозначении подражания звуку людей, а также имитации голосов животных, птиц и присмыкающихся, соприкосновения двух предметов, физиологических явлений живого организма» (Исмаилов, Каххаров, 1988, №6, 26).

Несомненно, звукоподражательные повторы в основном выражают понятия свойственные предметам. Наряду с этим они отражают душевное состояние человека и категории обстоятельства, различные акустические признаки обозначаемого предмета и явления природы, людей, животных, птиц, движения транспортных средств и т.п. Примеры во фразах: **Так-так** кардам, чег задам, фарёд кашидам (С.А.) – *Я стучал, звал, кричал.* Гоҳ ба дараҷае баланд мезад (дили Қорӣ Ишқамба – Г.Д., Н.Г.), ки садои **дукур-дукурашро** худи ӯ мешунид (С.А.) – *Иногда так громко билось (сердце Кори Ишқамбы – Г.Д., Н.Г.), что звук его биения он и сам слышал.* Аз ин гуна каҳдудвор **кӯр-кӯр** сӯхтан яқбора дар гирифта аланга аланга зада рафта бехтар аст (С.А.) – *Чем гореть как дымящееся сено лучше сразу вспыхнуть и гореть пламенем.* Ман ба **чак-чақи** меҳмонон гӯш дода, зимнан бозҳоро гӯш мекардам (Р.А.) – *Прислушиваясь к разговорам гостей, в тоже время я слушал соколов.*

Чакидан дошт **чак-чак** шираи тоқ,
Тапидан дошт аз гармӣ дили хок (М.Т.)

*Покапывал сок виноградной лозы,
Постукивало от жары сердце земли.*

Ғич-ғичи тирӯ кундаи чувоз оромӣ ва сукунатро аёнтар месозад (С. У.) – *Скрип оси и колоды маслбойки отчетливо слышен на фоне тишины и покоя.*

Такой тип повтора обозначает звук, возникающий при воздействии на предмет, состояние людей, голоса животных, а также особенности звуковых явлений предмета: Садои **так-тақи** дарвозаро шунида, модари Хаёт – Гулшан дар дил гуфт... (Ш.Х.) – *Услышав стук в ворота, мать Хаята – Гулшан сказала про себя... .* Ҳазлу шӯҳӣ торафт авҷ мегирифт, садои **каҳ-қаҳи** ханда баландтар мешуд (Ю.А.) – *Шутки и веселья постепенно увеличивались, громче становился звук хохота.* Сағ ғазаб пайдо карда буд ва **гур-гур** мекард (С.А.) – *Собака начала злиться и рычала.*

Таким образом, посредством полного повтора выражаются такие лексические и грамматические значения, как множество или незначительность предмета, объем, мера и степень их проявления, длительность многократность состояния и действия, временные отрезки и мгновения, а также пространственная ясность совершения действия.

Условные сокращения:

С.А. - Садриддин Айни	Л. - Лоик
М.Т. - Мирзо Турсунзода	АС - Адабиёт ва санъат (газета)
Ҷ.И. - Ҷалол Икромӣ	СШ - Садои шарк (журнал)
Р.Ҷ. - Раҳим Ҷалил	ТС - Тоҷикистони Советӣ (газета)
С.У. - Сотим Улуғзода	ГМ - Газетаи муаллимон (газета)
Ю.А. - Юсуф Ақобиров	О. А. - Озод Аминзода
Р.А. - Раҷаб Амонов	ҶТ - Ҷавонони Тоҷикистон (газета)
Ф.Н. - Фотеҳ Ниёзи	О - Оила (газета)

Литература:

1. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик, ҷ.2. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – Душанбе: Дониш, 1986. - 371 с.
2. Забони адабии ҳозираи тоҷик. қ.1. Лексикология, фонетика ва морфология (Китоби дарсӣ барои факултети филологияи мактабҳои олии). – Душанбе: Ирфон, 1973. - 450 с.
3. Зикриёев Ф.К. Тарзу роҳҳои сохта шудани ҷумлаҳои мураккаби пайвасти бепайвандак. – Масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1984.
4. Исмоилов Ш, Қаҳҳоров М. Оид ба таълими калимаҳои тақлидӣ // Мактаби советӣ. - № 6. – 1988. - С. 25-28.
5. Тоҷиев Д. Дар бораи такрори пешоянду пасояндҳо дар забони адабии тоҷик // Мактаби советӣ. - №1. – 1979. – С. 15-19.
6. Фазылов М.Ф. Изобразительные слова в таджикском языке.Изд-во АН Таджикистан, Сталинабад, 1958. - 187 с.
7. Шукурова М. Повторы в таджикском языке. АКД. - Душанбе, 1972. - 21 с.
8. Шукурова М. Як навъи калимасозӣ дар забони адабии тоҷик // Мактаби советӣ. - 1985. - № 6. - С. 15-18.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОВТОРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКА

Повтор как универсальная единица языка в лингвистическом плане рассматривается в лексико-семантическом, грамматическом и стилистическом аспектах. По типу выражения мысли лексический повтор делится на полный или точный, неполный, звукоподражательный, изобразительный и тавтологический. В статье проанализированы особенности полного повтора.

Ключевые слова: повтор, полный повтор, неполный повтор, непосредственный повтор, опосредственный повтор, единица языка.

UNIVERSAL FEATURES OF THE REPLETION AS THE MEANS OF THE LANGUAGE EXPRESSIVENESS

Repetition as universal of the language unit in the linguistic plan are reviewed in the lexical and semantics, grammatical and stylistics aspects. According to the expression of the thought the lexical repetition is divided into complete, incomplete, onomatopoe(t)ic, graphic, tautological. This article is dealt with the peculiarities of complete repetition.

Keywords: repetition, complete repetition, incomplete repetition, direct repetition, indirect repetition, language unit.

Сведения об авторах: Джураев Гафар, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни

Гафуров Нуриддин, ст. преподаватель кафедры таджикского языка Кургантюбинского государственного университета им. Н. Хусрава

About authors: Juraev Gafar, Doctor of philological sciences, Professor of the Chair of Theory and practice of linguistics, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

Gafurov Nuriddin, Senior lecturer, Chair of Tajik language, Kurgantube State University named after Nosiri Khusrav

ТАМОЮЛИ ТАБДИЛИ АЛИФБОИ РУСӢ БА ЛОТИНӢ ДАР РУСИЯ

Ваҳҳобов Т.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров

Барои ҳамаҷониба арзёбӣ кардан ва баҳои воқеӣ додан ба сиёсати лотиникунонии алифбоҳои халқҳои собиқ ИҶШС ва дар мадди аввал мардуми дар гузашта алифбои арабиасосдошта моро зарур аст, ки оид ба масъалаи лотиникунонии алифбои русӣ ба таври мушаххас таваққуф намоем. Зеро таҳлили ин мавзӯё афсонаи тарафдорони алифбои лотиниро оид ба «алифбои инқилобӣ, байналмилалӣ, пролетарӣ, октябр» ва амсоли онҳо аз байн хоҳад бурд. Сониян, асрори дигар, ки марбути дар нимроҳ боздоштани амали табдили алифбои русӣ ба лотинӣ мебошад, зимни таҳлилу арзёбии ин мавзӯё ошкор гардида, матлаби зарурати ба алифбои нисбатан осон ва бар илова «инқилобӣ, пролетарӣ» таъвиз намудани «алифбои феодалию динию сақил» ба ҳадафу мақсуди хеш намоён мешавад. Зеро мувофиқи назариёти тарафдорони алифбои лотинӣ мебоист ҳамаи забонҳо аз алифбои собиқаю аҷдодии худ даст кашида, ба алифбои лотиниасос мегузаштанд. Вале дар асл ин ҳадаф дар мавриди на ҳама забонҳо амалӣ гардид ва саволе ҳамеша касро ором намегузорад, ки чаро табдили алифбои русӣ ба лотинӣ дар нимроҳ боз дошта шуд? Инчунин, кас дар хайрат менад, ки барои чӣ гурҷиҳою арманиҳо барои табдили алифбои миллии худ ба алифбои «инқилобӣ, байналмилалӣ, октябр» ва ғайраҳо амалеро ба харҷ нарасониданд? Айни ҳамин матлабро дар мавриди беларусҳою украинҳо матраҳ кардан ҷоиз аст. Шояд тарафдорони имрӯзаи сиёсати табдили алифбои арабиасос ба лотинӣ иброз намоянд, ки арманҳо, гурҷиҳо, беларусҳо, украинҳо ва русҳо дорои алифбои миллии худ буданд. Аз ин рӯ, онҳо аз табдили алифбои хеш худдорӣ намуданд. Ба ин посух мо зиддият надорем, вале амали табдили алифбои арабиасосро нисбати мардуми тоҷик ва мардуми дорои алифбои арабиасос чӣ гуна арзёбӣ намоем? Магар алифбои арабиасоси форсӣ-тоҷикӣ, ки дар тӯли беш аз ҳазор сол дар хизмати мардуми мо қарор дошт ва ба савтиёти забони мо тавбаам гардида буд, алифбою хатти миллии ҳисоб намешуд? Барилова, дар микёси дунё забони форсӣ-тоҷикӣ ба гурӯҳи забонҳои ангуштшуморе мансуб аст, ки дорои ёдгориҳои хаттии беҳамтои қадимию бостонӣ мебошад. Ба назар чунин мерасад, ки ҳадафи асосии сиёсати лотиникунонӣ дар ИҶШС маҳз барои аз байн бурдани алифбоҳои арабиасос равона гардида будааст.

Ҳамин тавр, лотиникунонӣ бӯҳрони азиме буд, ки пас аз Инқилоби Октябр арзи вучуд намуд ва дар шоҳроҳи инқилоби маданӣ, алифбоҳои зиёди арабиасосро ба коми худ кашид. Ин бӯҳрон дар навбати худ ба марзу буми Русия ва алифбои русӣ низ бетаъсир намонд. Тибқи эътирофи комиссари Комиссарияти халқии маданияти РСФСР А.Луначарский, охири солҳои 20 ва аввалҳои 30 дар Русия ҳам ҳаракати табдили алифбои русӣ ба лотинӣ арзи вучуд намуд, ки сабаби асосии он дар муваффақиятҳои беназири лотиникунонии алифбоҳои собиқаи мардуми шӯравӣ ташреҳ намудан ба мақсад мувофиқ аст [1, с. 23].

Яке аз тарафдорони наҳзати алифбои лотиниасос, умуман ва алифбои лотиниасоси русӣ, аз ҷумла Н.Яковлев иброз менамояд, ки «марзу буми таъмили алифбои русӣ имрӯз дар байни кишварҳои шарқи шӯравӣ, ки алифбои нави лотинии инқилобии октябро қабул кардаанд ва кишварҳои Аврупои Ғарбӣ, ки дорои алифбоҳои милли-буржуазии лотиниасос мебошанд, чун садду монеа хизмат мекунад. Аз ин рӯ, дар давраи эъмори сотсиализм истифодаи алифбои русӣ дар Иттиҳоди Шӯравӣ чун ифодакунандаи суннати кӯҳан, яъне як намуди монеаи хаттӣ, ки гурӯҳи аксарияти мардуми Иттиҳоро ҳам аз Шарқи инқилобӣ ва ҳам аз оммаи заҳматкаш ва пролетариати Аврупо ҷудо мекунад, мувофиқи мақсад нест» [3, с. 35]. Иловатан, алифбои русӣ дар шуури халқҳою миллатҳои шӯравии собиқ мутеи Русия ба сиёсати русикунонии мардуми ғайрирус алоқамандӣ дорад. «Аз ин лиҳоз, - менависад Н.Яковлев, - дар марҳилаи татбиқи барномаи умумии такомули инқилобии кишвар, эъмори сотсиализм, сохтмони маданияти сотсиалистӣ ҳамин алифбои тағйирхӯрда ва миллии рус табақаи фаъол ва пешқадами ҷомеаи шӯравиро... қонё карда наметавонад» [3, с. 36].

Н.Яковлев мисли ҳамаи тарафдорони «содик»-и алифбои лотиниасос ҳамагуна тағйиру такмили алифбои русиро рад ва инкор менамояд ва эътиқоди комил дорад, ки «дар ин марҳила (яъне сохтмони сотсиализм - Т.В.) танҳо аз байн бурдани алифбои

кухнаи русӣ ва табдили он ба алифбои нави лотинӣ талаботро конеъ карда метавонад... Мо бояд алифбои нави сотсиалистӣ эҷод кунем, ки мутобиқи алифбои байналмилалӣ бошад» [3, с. 36].

Тарафдорони табдили алифбои русӣ ба лотинӣ муътақиданд, ки табдили алифбои русӣ ба лотинӣ фавран ба якнавоии алифбои халқҳои шӯравӣ мусоидат мекунад. Аз ин лиҳоз, ҳалли масъалаи гузариши алифбои русӣ ба лотинӣ ногузир аст.

Тибқи назардошти ҷонибдорони алифбои лотинӣ таҳияи алифбои интернатсионалӣ дар ИҶШС ва таъмими он дар кишвари шӯроҳо дар эҷоди алифбои воҳиди интернатсионалӣ дар ҷаҳон хоҳад буд. Аз назари сиёсӣ алифбои воҳид инъикоси ваҳдати ҳамаи халқҳои ИҶШС ва ҳамбастагии пролетарии маданияти гуногуншакл дар хат ба ҳисоб меравад [3, с. 36].

Тарафдорони табдили алифбои русӣ мисли ҳампешагони шарқии хеш муътақид бар он буданд, ки «алифбои ҳозираи русӣ ва имлои он ба сатҳи улуми лингвистикаи марксистӣ ва дастовардҳои педагогикаи марксистӣ мутобиқат намекунад» [3, с. 38].

Тавре ки аз иқтибосоти боло бармеояд, тарафдорони алифбои лотиниасоси русӣ мисли тарафдорони табдили алифбои арабиасос ҳама айбро ба дӯши алифбои собиқа бор мекунанд ва иброн мебаранд, ки роҳи ягона ҳалли масъалаи табдили онҳост. Ба пиндори эшон маҳз таъбири алифбои русӣ ба лотинӣ имкон медиҳад, ки ба ҳар як овоз як ҳарфи мушаххас эҷод карда шавад. Ҳамин иддао дар консепсияи тарафдорони алифбои лотиниасоси тоҷикӣ низ мақоми асосиро ишғол мекунад ва ин қаробати назар бори дигар собит месозад, ки ҳамаи тарафдорони алифбои лотиниасос аз як гиребон сар баровардаю баҳри як маром мубориза мебаранд.

Тарафдорони алифбои лотиниасос тақозо менамоянд, ки «бояд гузариш ба алифбои лотинӣ ба плани умумӣ (генералии) азнавсозӣ ва индустриякунонии ИҶШС шомил гардонада шавад» [3, с. 43].

Муҳофизони алифбои русӣ кӯшиши зиёдеро ба харҷ медиҳанд, то ки лотиничиён бар ғалати худ қоил шаванд. Вале амали онҳо аз ҷониби тарафдорони «алифбои байналмилалӣ» ҳамчун зухуроти доираи «зиёиёни буржуазии иртиқой» баррасӣ гардидааст. Ба пиндори ҷонибдорони алифбои русӣ «гузаштан ба алифбои нав анъанаи маданӣ, адабӣ ва таърихӣ беш аз 200-соларо гусаста, бемуболиға онро дастнорас мегардонад» [3, с. 43].

Ҷонибдорони алифбои лотинӣ иброн мебаранд, ки «шикастани анъанаи феодалӣ-помещикӣ ва маданияти буржуазӣ ба мо имкон медиҳад, ки равнақи маданияти миллии русро бо тамоюли пролетариат таъмин намоем» [3, с. 43].

Таҳлили гуфтаҳои фавқ касро ба фикре меорад, ки чаро дар ҳама марзу бум ҷонибдорони алифбои лотинӣ як ақидаро пуштибонӣ мекунанд ва қариб оид ба ҳамаи масъалаҳои марбути баҳс пиндору гуфтори онҳо якнавоист. Мо дар зер ба таври умумӣ афкори эшонро зикр менамоем:

а) алифбои гузашта имконият надорад, ки ҳамаи овозҳои забонро ифода кунад;

б) алифбои собиқа воситаи инъикоси маданияту адабиёти буржуазӣ, феодалӣ ва помещикӣ аст;

в) алифбои лотинӣ алифбои интернатсионалӣ, инқилобӣ ва пролетарӣ ба шумор меравад;

г) муқобилони алифбои лотинӣ душманони ашаддӣ сохти нав, пролетариат ва инқилобу сотсиализманд;

ғ) фақат ва танҳо афкори тарафдорони алифбои лотинӣ воқеӣ буда, назарияи муқобилони онҳо заминаи илмӣ надорад;

д) алифбои лотинӣ ин алифбои байналмилалист ва дар саросари шӯравӣ ба пирӯзӣ хоҳад расид;

е) тарафдорони алифбои гузаштаи мардум ҷонибдорони ҷаҳолат, бесаводӣ, дин ба шумор мераванд ва ғайраҳо.

Пас, маълум мегардад, ки тарафдорони алифбои лотинӣ ва афкори эшон аз як сарчашма об мебаранд ва аз як марказ таҳти роҳбарии назорат қарор доранд ва ин марказу сарчашма бевосита дар сатҳи мақомоти болоии давлати шӯравӣ амал мекунад.

Дар анҷом ҳаминро бояд тазаққур дод, ки соли 1929 бо ташаббуси раёсати илмӣ Комиссариати халқии маорифи РСФСР (ҶШФСР) дар ҳайати **Комиссияи ислоҳоти имлои забони русӣ** зеркомиссияи коркарди масъалаи лотиникунонии алифбои русӣ таъсис мегардад, ки ба он профессор Н.Ф.Яковлев роҳбарӣ мекард. Ба ин гурӯҳ олимони шинохта, профессорон М.И.Шелкунов, А.М.Пешковский, Н.М.Коринский,

Л.И.Жирков ва дигарон шомил буданд, ки аввалин чаласаи он 29 ноябри соли 1929 доир гардида буд [2, с. 208].

Ҳанӯз дар давраи ҳаёт будани В.И.Ленин, А.В.Луначарский оид ба масъалаи табдили алифбои русӣ ба лотинӣ бо ӯ ҳамсуҳбат шуда буд. В.И.Ленин дар суҳбат А.В.Луначарскийро дар мавриди ҳалли масъалаи табдили алифбои русӣ ба лотинӣ ба эҳтиёткорию дурандешӣ даъват намуда, иброз медорад, ки «агар мо бо ачала ба чорӣ қардани алифбои нав оғоз намоем ё алифбои лотиниасосро саросемавор дар амал татбиқ кунем, ба ҳатою камбудӣ рӯ ба рӯ хоҳем шуд ва мунаққидон метавонанд маро ба гуноҳи ҷоҳилӣ айбдор созанд» [1, с. 22].

Бо таъбири дигар гӯем, В.И.Ленин муқобили табдили алифбои русӣ ба лотинӣ будааст. Вале ба васияти В.И.Ленин нигоҳ накарда, баъд аз марги вай қувваи ҷодуомези «алифбои инқилобию пролетарӣ» як гурӯҳ зиёӣни русро низ моту маҳбут сохт ва онҳо бори дигар масъалаи табдили алифбои русиро мавриди баҳс қарор доданд. Боиси хурсандист, ки тарафдорони алифбои лотиниасоси русӣ шаҳди пирӯзиро наҷашиданд ва эшон дарқ қарданд, ки ваъзу тавсифҳои инқилобию арғувонии «алифбои октябру байналмилалӣ» марбути лаҳзаи муайян асту бас. Ҷои таассуф аст, ки дар ҳамин давра на ҳамаи халқҳо эҳсос қарданд, ки табдили алифбои бобой дар оянда боиси дур рафтани аз суннатҳои халқию миллӣ, ёдгориҳои илмию бадеии ниёгон, харобшавии вазъи маданияи соҳибони забон ва аз сарчашмаи пурғанои худ дур шудани забони мардум оварда мерасонад.

Адабиёт:

1. Луначарский А. Латинизация русской письменности/ А.Луначарский // Культура и письменность Востока. Кн.IV. –Баку, 1930. – С. 22-27.
2. Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. Кн. IV.–Баку, 1930. - С. 208.
3. Яковлев Н. За латинизацию русского алфавита/ Н.Яковлев//Культура и письменность Востока. Кн. VI.–Баку, 1930. - С. 35-44

К ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМЫ ЛАТИНИЗАЦИИ РУССКОЙ ГРАФИКИ

В статье рассматривается вопрос о реформе русской графики на латинскую в начале 20-х годов XX в. В этот период был поставлен вопрос реформирования различных график языков народов СССР, прежде всего, переход на латинскую графику народности, использовавших арабскую графику. Представители русской интеллигенции поставили вопрос реформы русской графики на латинскую, но не довели до конца, признавая ошибочность такого действия.

Ключевые слова: культурная революция, латинская графика, арабская графика, реформа график, пролетарский алфавит, русская графика и др.

CHANGE OF RUSSIAN ALPHABET INTO LATIN

The article deals with the reform of Russian alphabet into Latin in the early 20th of the 20th century. It was during these years that the reforms of alphabet of different nationalities of the peoples of the USSR took place. Prior to Latin alphabet, peoples have used Arabic based alphabet. The representatives of Russian intelligentsia also tried to change the Russian alphabet into Latin, but had not finished with it having recognized the fallacy of such action.

Keywords: cultural revolution, Latin alphabet, Arabic alphabet, the reform of alphabets, proletarian alphabet, Russian alphabet and other.

Сведения об авторе: Вахобов Толиб, доктор филологических наук, профессор кафедры таджикского языка Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова

About author: Vahobov Tolib, Doctor of philological sciences, the Professor of Tajik language department of Khujand State University named after academician B. Gafurov

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗАФЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

Назифова З.

Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни

Фразеологические единицы (ФЕ), стержневым компонентом, у которых считается существительное, являются субстантивными.

Данные ФЕ оформляют огромную группу. «Они много и многообразно отображают имеющиеся в языковой системе структурные модели именных словосочетаний» [1, с. 75].

«Именные (субстантивные) ФЕ по грамматической структуре и составу компонента совпадают с надлежащими свободными именными словосочетаниями, но выделяются от последних фразеологическими особенностями.

Они состоят из двух, а зачастую и из наибольшего числа компонентов, представленных словами, относящимися к именным частям речи» [2, с. 39]. Характер вещественной оболочки фразеологизма как тип словосочетания или же предложения находится в зависимости от специфичности его содержания. При предоставленном случае, если природой фразеологического смысла обосновано типовое возмозможность вещественной оболочки фразеологизма, то характером грамматических категорий ориентируется роль ее грамматически основного члена. Именными (субстантивными) фразеологизмами в таджикском языке считаются изафетные фразеологизмы.

Диалектные изафетные фразеологические единицы обычно имеют структуру атрибутивных словосочетаний: **абруи сиёх** - чернобровая, лаби ангубин, ангубинлаб - медные губы, **хонаи гам** - гамхона-обитатель скорб, **боғи гул-гулбоғ**-цветник роз, **устоди бузург**- бузургустод- великий учитель, **марди фарзона** - фарзонамард

Характерно, что основная часть диалектных изафетных фразеологизмов, главным образом, по структуре соответствует подобным фразеологизмам литературного языка, включающим в своем составе предлоги и послелоги.

Изафетные фразеологические единицы по количеству компонентов составляют две группы:

- 1) двухкомпонентные фразеологизмы;
- 2) многокомпонентные фразеологизмы.

Двухкомпонентные изафетные фразеологизмы состоят из двух простых компонентов без служебных слов: старый - old - **пир**, букв: «старый человек»;

Среди изафетных фразеологизмов встречаются двухкомпонентные единицы с первичными предлогами: **хикояхо аз «Фуломон»**- story from «Фуломон»- рассказы из «Рабы»

Многокомпонентные изафетные фразеологические единицы образуются из так называемой «изафетной цепи». По своей структуре многокомпонентные изафетные фразеологизмы – это беспредложные трехкомпонентные конструкции: **каждуми таги чодар** - mask «скрытый враг», букв: «скорпион под ковром».

По морфологической структуре изафетные фразеологические единицы подразделяются на следующие группы: существительное + изафет + существительное: прилагательное + изафет + прилагательное: **зӯри бехуда** «pointless- бесполезное усердие», букв.: «бесполезная сила»; существительное + изафет + прилагательное: **одами дамдузд** «неразговорчивый человек», букв: «молчаливый человек»; предлог + существительное + изафет + наречие: **мусичаи бегунох** - inoffensive «безобидный», букв: «с пустым сердцем»; существительное + изафет + предлог + причастие: **каланфури тез** «вспыльчивый (о человеке)», букв: «острый перец»; существительное + изафет + причастие: **гови бешир** «ненужный», существительное + изафет + существительное + причастие: мехри дил мурдаги «печальный», букв: «умершее сердце птицы»;

прилагательное + изафет + существительное + изафет + существительное: «ненависть», букв: **одами дилсиёх** «темное сердце»; существительное + изафет + предлог + существительное: саги дар занчир «замкнутый человек», букв местоимение + изафет + прилагательное: **каси ката** «высокопоставленное лицо», букв.: «большой человек

Беспредложные изафетные фразеологические единицы могут выступать в роли подлежащего, обстоятельства и дополнения:

а) в роли подлежащего: **гови бешир** ; букв: «корова без молока».

б) в роли обстоятельства: чашми офтоб накушода - на рассвете иду на сенокос, букв: « [пока] не открывается глаза солнца, иду на сенокос».

Изафетные фразеологизмы с простыми предлогами выполняют функцию обстоятельства

а) обстоятельство образа действия: б) обстоятельство меры и степени: в) обстоятельство причины.

Многочленные изафетные фразеологизмы без предлогов главным образом выполняют функцию подлежащего: гунчишки сари дарахт «бездельник, бродяга».

Лексический состав изафетных фразеологических единиц составляют диалектные, таджикские общелитературные, заимствованные арабские, тюркские и русские (окказиональные) слова.

Арабские слова в составе изафетных фразеологизмов под влиянием диалектных фонетических особенностей подверглись изменениям: азоб, азоби саг «тяжелая жизнь», букв.: «мучение собаки»;

Русские окказиональные слова в составе новообразованных изафетных фразеологизмов: резинка «резина»

Следует отметить, что среди именных фразеологизмов засвидетельствованы ряд единиц без изафетной связи: дили торик «вредный», букв.: «темное сердце»; чашмгушна «жадный», букв.: «голодные глаза»;

Ряд подобных фразеологизмов не выполняют какую-либо синтаксическую функцию членов предложения, они могут выступать в роли модальных слов.

Изафетные фразеологические единицы по своему морфологическому составу в подавляющем большинстве случаев, как показывает материал, представляют собой сочетание существительного с существительным или существительного с прилагательным.

В составе подобных фразеологизмов опорный компонент выражается различными лексико-грамматическими разрядами существительных:

а) названиями домашних и диких животных: **шери нар** «сильный мужик», букв: «лев-самец»;

б) абстрактными существительными: **гапи бемаза** «неправильно, нелогично», букв: «невкусный разговор»;

Таким образом, в таджикском литературном языке засвидетельствованы следующие структурные типы изафетных фразеологических единиц:

а) двучленные изафетные фразеологизмы без предлогов;

б) двучленные изафетные фразеологизмы с предлогами;

в) многочленные изафетные фразеологизмы без предлогов;

г) многочленные изафетные фразеологизмы с предлогами.

Широкую синтаксическую функцию могут выполнять двучленные беспредложные фразеологизмы, употребляющиеся в функциях подлежащего, дополнения и обстоятельства.

Двучленные изафетные фразеологизмы с предлогами в большинстве случаев выполняют функции обстоятельств.

Система изафетных фразеологизмов, засвидетельствованных в таджикском языке, имеет ряд диалектных фонетических и грамматических черт, отличающих их от изафетных фразеологизмов современного таджикского литературного языка. Часть фразеологических оборотов в форме изафетных конструкций, засвидетельствованных нами в диалектной речи, имели широкое употребление в языке классической литературы.

Значительное количество диалектных изафетных фразеологизмов не встречается в опубликованных фразеологических словарях и не употребляется в современном таджикском литературном языке: **хоки кўча** «бесценный»;

В таджикском языке нами отмечены ряд фразеологизмов со структурой атрибутивных словосочетаний без изафета. Находясь в препозиции, атрибутивный компонент в вышеназванных фразеологизмах является стержневым компонентом. Кроме копулятивных и изафетных фразеологических единиц, исследователи разных языков выделяют еще так называемые «одновершинные» фразеологические единицы, состоящие из сочетания служебных слов и именной части речи. В таджикском языке

также встречаются устойчивые образования, структурно представляющие собой сочетание имени с предлогом. Например: **аз рости** «чистосердечно»:

Роль субстантивных ФЕ, имеющих в собственной базе изафетную систему, т. е. систему, оформленную изафетом **-и**, считается одним из продуктивных типов ФЕ. Слово **изафет** (тадж. «бандаки изофӣ») образовано от арабского слова «**аль-идафату**» в смысле «добавление». Данный термин означает конкретные типы атрибутивных систем в некоторых иранских и тюркских языках. Так, к примеру, в иранистике термин «изафет» означает слияние определяемого с постпозитивным определением при поддержке энклитического показателя, присоединяемого к определяемому и восходящего к условному местоимению «который». «Зависимые составляющие объединяются с существительными при помощи изафета, послелога и примыкания. Эти сочетания означают определительное, обстоятельственное, вспомогательное и личное отношение» [3, с. 372].

С.В. Хушенова определяет что, структурный образ изафетных фразеологических единиц считается одним из более продуктивных, вследствие такого, что в базе его лежит изафетная система. На основе данной системы кроме свободных словосочетаний появляются многочисленные устойчивые обороты, закрепившиеся за предметом или же появлением как его систематическое обозначение [4, с. 19].

Изафетные ФЕ с точки зрения строения предполагают собой устойчивые обороты, восходящие к свободным изафетным словосочетаниям. Анализ структуры изафетных ФЕ демонстрирует, что их составные части, т. е. их составляющие, объединены и практически соотносятся с членами начальной изафетной системы. Следовательно при данном любой структурный элемент восходящий к знаменательному и незнаменательному слову, возможно рассматривать в составе изафетного фразеологизма в качестве его отдельного компонента.

При определении изафетных субстантивных ФЕ особенное внимание уделяется языковой сути самой системы как особенного структурного появления таджикского языка. Сущность изафетной системы более четко была определена В.С. Расторугуевой: «имена существительные и прилагательные, соединённые изафетом (определительные сочетания), предполагают собой в предложении одно неразделимое единое - синтагму, объединённую единством выхода и отделинную от иных слов паузой. Внутри изафетного сочетания паузу создавать невозможно.

Определительное изафетное хитросплетение практически получает в предложении это же синтаксическое оформление, как и отдельное слово, потому что все составляющие (предлоги, послелог -ро, а еще местоименные энклитики и показатель единичности -е) относятся к нему в целом как единиценеделимой»[5,с.279].

Одним из ключевых структурных средств в построении именных ФЕ считается изафет – и- в таджикском языке. Данная изафетная синтаксическая

Частица осуществляет объединение минимальное количество двух самостоятельных слов в едином грамматическом целом, проявляя форму словосочетаний.

Чрезвычайно роскошная семантика актуальной изафетной связи выражает любые облики атрибутивных отношений: «**одами хунук**» (букв. «некрасивый») в смысле «человек, с некрасивой внешностью и др. В изафетных субстантивных ФЕ изафетная вязка -и, грядущая за опорным компонентом, - подобный же знаковый вещество, как и её иные члены. Они, т. е. знаменательные составляющие и изафетная вязка, в целом делают знаковую оболочку изафетного субстантивного ФЕ. Изафетные ФЕ с точки зрения их лексико-структурного состава состоят в ведущем из двух знаменательных компонентов, оформленных изафетной связкой: «**оби чашм**» (букв.составляющих «оташ» - «огонь» и «дил» - «сердце»).

Изафетные фразеологизмы имеют все возможности, находится, в качестве первого и второго члена изафетной системы. К примеру, «дарди дил» в смысле «горе» выступает в качестве первого члена изафетной системы.

Примерами изафетных ФЕ антропоцентрической направленности таджикского языка функционируют выражения: «**боми чахон**» в смысле «самое высокое место»; «**нури дида**» в смысле «любимый», «свет очей» и др.

Изафетные субстантивные фразеологические сочетания в большинстве случаев отображают в таджикской языковой системе модели изафетных систем. Второй

составляющей данных словосочетаний выражается существительными, прилагательными, причастиями. Удельный вес более высок у существительных, выражающих всевозможные конкретные мнения : «**шарораи умед**» (букв. «**искра надежды**») в смысле «**повод к надежде, маленький шанс**».

В качестве второго компонента изафетных субстантивных ФЕ часто выступают всевозможные типы прилагательных, между которых более употребительны высококачественные прилагательные: «**бори гарон**» (букв. «**тяжёлая ноша**») в смысле «**тягота**»; «**нафаси хунук**» (букв. «**холодный вздох**») в смысле «**недоброе пожелание**».

Таким образом, примеры и с условными прилагательными: «**дили сангин**» (букв. «**каменное сердце**») в смысле «**бесчувственный**»;

Этим образом, притяжательные (изафетные) определения в зависимости от значения сочетающихся слов-конструкций имеют все возможности обозначить владение, понимание, отношение, разделительность, конкретизацию текста широкого смысла и т. д., что наиболее актуализируя вопрос о самой атрибутивности, потому что это понятие семантическое.

Сложность его квалификации произведено в том, что модели атрибутивных сочетаний очень многообразны и нередко понятие атрибутивности объединяется только к представлению о члене предложения [7].

Многочисленной группой субстантивных ФЕ английского и таджикского языков считается группа со структурой ФЕ (N + N) («существительное» + «существительное»). В английском языке для именных ФЕ, определяющих человека, свойственен «атрибутивно-препозитивный образ с примыканием с группой субстантивно-именной, в которой зависимый элемент выражен существительным без какого-нибудь морфологического оформления» [8, с. 32]. Like a lamb - как овечка - **мусичаи беозор худро нишон додан** безропотно, покорно, out of allknowledge.

Специфичной чертой, отмеченной в английском языке, считается использование имени личного в качестве и стержневого, и зависимого компонента. англ. «**King Log**», англ. «**Jack Horner**», англ. «**Teddy Boy**» предоставленного структурного на подобии подвергаются лексическому варьированию первого компонента: англ. «**Mamma's (mother's) darling**»; не считая такого, имеют все возможности присутствовать узуально-контекстуальные варианты конфигурации первого компонента по числу: англ. «**Ladies' (lady's) man**».

Особо нужно отметить подгруппу английского языка (N's + N) («существительное в притяжательном падеже» + «существительное»): «**a cat's eye**», «**a horse's neck**», «**crow's feet**», «**the lion's mouth**», «**dog's nose**».

Между грамматических разновидностей ФЕ английского языка часто возможно встречать переустройства системы (N's + N) в (N + of + N): «**a box of tricks (a tricks' box)**» в смысле «проказник, шалун», «**a mummy's boy (a boy of mummy)**» в смысле «любимчик матери».

Конкретная соотнесённость с концептуально-образными значениями и отвлечёнными мнениями считается свойственной особенностью для большинства субстантивных ФЕ таджикского языка. В роли второго компонента наблюдаются использования «конкретных имён существительных» [9, с. 282]: «**дарди дил**» (букв. «**боль сердца**») в смысле «**чаяния**», «**магзи чигар**» (букв. «**сердцевина печени**») в смысле «душа, внутренний мир».

Именные (субстантивные) фразеологизмы таджикского языка возможно поделить на 3 модели.

1. «Абстрактное существительное» + «абстрактное существительное». Более употребительными в таджикском языке считаются именные (субстантивные) ФЕ с абстрактными существительными: «**дарди ишк**» (букв. «**боль любви**») в смысле «**любовный недуг**», «**несчастье**» и т. д.

2. Конкретное существительное «уважение», «**чони одам**» (букв. «**душа человека**») в смысле «**душа - человек**», «**дарди сар**» (букв. «**боль головы**») в смысле «**забота**».

ФЕ с абстрактными и определенными существительными, как и иные разновидности именных ФЕ, характеризуются стабильностью состава компонентов.

В субстантивных ФЕ имя существительное выступает как стержень и подчиняет другие части речи. Впрочем ФЕ предоставленной группы в таджикском языке присущи лексико-структурные варианты: «**захми (оташи, дарди) дил**» (букв. «**рана сердца**») в

смысле «душевная боль», «грусть», «печаль», «недуг», «обида», «оташи хотир» (букв. «огонь») в смысле «боль», «грусть», «печаль», «недуг», «обида».

В таджикском языке встречаются ФЕ, где вторую составляющую составляют числительные: «овораи ду дунё» (букв. «бродяга двух миров») в смысле «конченный человек, бродяга».

Подтипом предоставленной модели считается группа фразеологизмов английского и таджикского языков, состоящих из имени существительного и предложно-падежной формы иного имени существительного.

Все похожие фразеологизмы в лексико-грамматическом отношении соотнесены с именованном существительным, во всех ФЕ зависимые составляющие неизменяемы, а опорные образуют всевозможные падежные формы (N + Prep + N) («существительное» + «предлог» + «существительное англ. “англ. “a babe in arms” в смысле «сущий младенец» (о неопытном и доверчивом человеке).

В английских ФЕ атрибутивно-предложного на подобии с постпозицией и примыканием синтаксическая ассоциация между компонентами не содержит морфологического выражения и исполняется обычным порядком слов, который в данном случае имеет фиксированный характер: **cost a pretty penny – обойтись в копейку**, **cover one's tracks – заметать следы**, **“a cuckoo in the nest”, “a heart off lint (stone)”, “a heartfoak”, “a man of his hands”, “a man of his word”**.

В английском языке второй элемент ФЕ имеет возможность быть расширен: (N + Prep + Adj + N), или же (Adj + N + Prep + N), или же (Pr + N + Prep + N). Для английского языка свойственно внедрение следующих предлогов: **“of”, “in”, “a1”, “on”**. При образовании данных ФЕ чаще всего применяется предлог **“of”**: **“a light of one's eyes”, “the eye of day”, “the apple of an eye”**, Предлог **“of”** функционирует выражению определительных или же определительно-объектных отношений между стержневым и зависимым компонентами: **“a baby of the family”**.

При применении предлога **“in”** стержневой составляющую - существительное - означает вещь, оказавшийся в определительно-пространственных отношениях с тем, что именуется подневольный составляющую: **“a girl in the street”**. Другие поводы применяются изредка **“on”**: **“Johnny on the spot”** в смысле «человек, который всякий раз готов действовать»; **“at”**: **“the man at the wheel”**. Второе существительное этих ФЕ в английском языке имеет возможность быть расширено.

Двучленные ФЕ английского языка, семантически направленные на описание человека, имеют все шансы владеть оба компонента в единственном числе: **“Damon and Pythias”**, Мохира ва Макнуна в смысле «неразлучные друзья, единомышленники» - или же оба компонента во множественном числе: **“stocks and stones”** в смысле «неодушевленные предметы, нечуткие люди».

В английском и таджикском языках часто встречаются имена личные в качестве обоих компонент ФЕ: англ. **“Susan and Joan - «Хасан ва Хусейн»** Между ФЕ антропоцентрической направлении предоставленная система возымела большее распространение в английском языке. Временами в английском имеет возможность наблюдаться варьирование предлога, к примеру: англ. **“a stick or a stone - a stick and a stone”**, **Фотима ва Тохир, ФотимаиТохир**.

Таким образом, не обращая внимания на все обнаруженные различия ФЕ с системой «существительное» + «существительное», она довольно обширно представлена в английском и таджикском языках.

Литература:

1. Мачидов Х. Фразеологияи забони хозираи тоҷик. - Душанбе: УДТ, 1982.
2. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. - М.: Наука, 1981.
3. Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик - Ибораҳо ва Синтаксиси ҷумлаҳои сода. - Душанбе: Дониш, 1986. - Чилди 1., Чилди 2.
4. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. - Душанбе: Дониш, 1977.
5. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. - Душанбе, 1995.
6. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. - Душанбе: Дониш, 1971.

7. Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: дис. д-ра филол. наук. - Казань, 1993.
8. Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка: дис. ... д-ра филол. наук. - Душанбе, 1995.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗАФЕТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

В данной статье автор исследует изафетные фразеологические единицы, которые в свою очередь называются субстантивными фразеологическими единицами. Одним из ключевых структурных средств в построении именных ФЕ считается изафет –и- в таджикском языке. Данная изафетная синтаксическая частица осуществляет объединение минимальное количество двух самостоятельных слов в едином грамматическом целом, проявляя форму словосочетаний.

Ключевые слова: фразеология, субстантивные, фразеологическая единица, предлог, слова, синтаксис, грамматика.

STRUCTURAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF THE IZAFET (“I”) PHRASEOLOGICAL UNITS WITH IN ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES

In this article, the author analyzes izafet phraseological units which are considered substantivized phraseological units as well. One of the key of the structural funds in the construction registered phraseological units is considered ezafet in Tajik language. This izafet syntax particle carries the minimum number of two separate words in a single grammatical whole, showing the form of phrases.

Keywords: phraseology, substantive, phraseological unit, excuse the word, syntax, grammar.

Сведения об авторе: Назифова Зулайхо, начальник международного отдела Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, e-mail: nazipova77@mail.ru

About author: Nazifova Zulaykho, head of international department, Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, e-mail: nazipova77@mail.ru

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ОЗНАЧАЮЩИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЧАСТНОГО С ОБЩИМ И ИХ ПРИЗНАКИ

Расулов С. М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Поэзия XIX и начала XX века в истории таджикского литературного языка занимает особое место, а литература данного периода сыграла значимую роль в развитии таджикского литературного языка. Поэтому, анализ и интерпретация языковых особенностей на основе различных языковых единиц представляет в современной науке о языке определенную научную значимость. Изучение и исследование словосочетаний в этом плане относится к тем задачам, которые считаются наиболее важными и значимыми наряду с другими проблемами истории таджикского литературного языка. Исходя из этого, в данной статье мы попытаемся рассмотреть некоторые особенности субстантивных словосочетаний в творчестве Накибхона Туграла и его современников, а именно двух разновидностей словосочетаний, которые по определенным особенностям близки друг к другу и в целом данные словосочетания означают взаимоотношения определяемого с определением в зависимости от их семантического соотношения. К таким субстантивным словосочетаниям можно отнести словосочетания, которые означают взаимоотношения частного к общему и словосочетания, которые означают отношения признака к владельцу качества и признака [См.: 1, с. 34 - 40].

Словосочетания, которые означают взаимоотношения частного к общему типа «панчаидастон» (пальцы рук), «зулфи Зулайхо» (локоны Зулейха). например в следующем словосочетании применяется словосочетание «зулфи чонон» (локоны любимой):

Бувад Туграл асири **зулфи чонон**,
Ба Туграл ҳарчӣ ояд, ё насиб аст¹.
Туграл всегда пленник локонов любимой,
Все что случится с Тугралом, то все от судьбы.

В других примерах мы можем проследить такие словосочетания как «**сояи мижгон**» (тень ресниц), «**риштаи охи дил**» (ниточки вдоха сердца) «**бахяи домон**» (заплата подола платья).

Сояи мижгони ӯ сӯзани чайбам нашуд,
Риштаи охи дилам бахяи домони кист?
Не стали тени ее ресниц мне иголкой воротника,
Ниточки вдоха сердца для заплаты подола нужны?

Следует отметить, что в словосочетаниях типа «сояи мижгон» (тень ресниц) словоопределение не является составной частью определяемого, а всего лишь зависимым свойством от каких либо внешних факторов, так как слово «тень» в отношении ресниц применяется только в том случае когда под воздействием света появляется отражение данного объекта. Следовательно, такая категория словосочетаний можно отнести к отдельной группе или подгруппе словосочетаний, в которых взаимоотношения определения с определяемым зависит от наличия определенных внешних факторов.

Словосочетание «шохи Тубо» (ветки райского дерева) указывает на религиозное понятие дараhti Тубо, райское дерево которое упоминается в священном Коране.

Гар хиромад сарви озодат ба гулгашти чаман,
Шохи тубо бишканад, аз по дарояд норван,
Если твой стан как кипарис войдет в цветник и сад
Сломаются ветки райского дерева, и упадет карагач.

Хун шавад мушк аз хатат дар **нофи оҳуи** Хутан,
Гул дарад аз оразат **чайби қабову пирахан**,
Превратится в крови мускус в пупке газели Хотана,
Цветы сорвут от зависти к тебе свои воротники и платья.

В вышеприведенных бейтах словосочетания «нофиоху» (пупок газели), «**чайби қабову пирахан**» (карман одежды м платья) и данное словосочетание является осложненной формой двух по структуре простых словосочетаний как «чайбикабо» (карман длинной одежды), «чайбипрахан» (карман платья) непосредственно относятся к группе словосочетаний, в которых определение означает того объекта или свойства, которые являются составными компонентами определяемого.

К таким словосочетаниям можно отнести словосочетания более сложной конструкции типа «**сафҳаи чузви дили мо**» (странички нашего сердца) как в следующем бейте:

Сафҳаи чузви дили моро, ки бешероза аст,
Лутф бошад, бигзарӣ гар аз сари нисёни мо.
Страницы наших сердец без узоров и без вышивки,
О, прости нас, что мы так не способны и забывчивы.

Как мы видим в составе таких словосочетаний достаточно последовательно и логично употребляются слова, которые как семантически, так и стилистически и концептуально тесно взаимосвязаны друг с другом, как в предыдущем бейте «**сафҳаи чузви дили мо**» (странички нашего сердца), все приведенные слова концептуально относятся к тому предмету, которому автор уподобляет описываемое в поэтическом контексте понятие, например в приведенном бейте поэт сравнивает сердце с книгой, которой в семантическом и концептуальном плане очень близки слова «**сафҳа**» (страницы книги), «**чузв**» (часть книги, печатный лист книги). Такое соотношение составных компонентов в данной группе словосочетаний составляет основную функциональную особенность [1; 4; 5; 6]. Таким образом, семантические и стилистические, а также концептуальные соотношения прослеживаются по всему поэтическому контексту как Накибхона Туграла, так и его современников. Такое словесное оформление проводится во всех поэтических жанрах и видах творчества поэтов исследуемой эпохи, как и в нижеследующих бейтах.

¹Примеры в данной статье приводятся из книги поэта: Туграла Ахрорӣ. Навоӣи кибриё. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.

Эй нохудо, ту **лангари киштї** зи сабр кун,
Баҳри муҳити ишқ ачаб бекарона аст.
Набвад ба **сози пардаи** ушшоқ зеру бам,
Оҳанги сози нағмаи мо 3-ин тарона аст.
О, кормчий, якорь корабля закаляй терпением,
Так как море любви слишком обширное.
Нельзя расписать ноту по мелодии любви,
Мотив нашей мелодии взят из этой песни.

Словосочетания «**лангари киштї**» (якорь корабля), «**сози парда**» (мотив тона) означают взаимоотношения частного к общему, например, слово «якорь» является составным компонентом корабля и таким образом является частью общего. Таким образом, данная группа словосочетаний также составляют значительную часть субстантивных словосочетаний в поэзии Накибхона Туграла и его современников. Также можно рассмотреть такие конструкции словосочетаний в стихах различного жанра и разной тематики. Например, «**рухсорай Лайлї**» (лик Лейли) также означает взаимоотношения частного к общему:

Агар хонї хате аз мусхафи **рухсорай Лайлї**,
Нисори равзаи **Мачнун** намон акди савобашро.
Если сможешь рассмотреть строки красоты в лице Лейли,
Молись во имя **Маджнуна**, посвящай ему все воздаяния.

В следующем бейте словосочетание «**чашмисоқї**» также образовано на основе взаимоотношения частного «чашм» (глаза) к общему «**соқї**» (виночерпий).

Надонам, соғари ишрат киро саршор мегардад,
Ки имшаб **чашми соқї** чун қадах бедор мегардад!
Не знаю чей бокал счастья будет полон до краев,
Этой ночью виночерпий раскроет очи как бокал.

В других бейтах словосочетание «**дасти Сулаймон**» (руки Саломона) также образовано на основе вышеназванных взаимоотношений компонентов словосочетания.

Кай шавад бе лутфи ӯ чамъияти деуу парї?
Хосият танҳо на дар **дасти Сулаймон** асту бас!
Не быть сообществу дивов и ангелов без воли творца,
Не думайте, что все только в руках Соломона.

Или

Дил ба кӯи ёр мебошад, вале ҳар дам чу мӯр
Он тафохурҳо, ки дар **дасти Сулаймон** мекунад.
Сердце желает любимую, но иногда как муравей
Гордится, будто велит руками Соломона.

Также в такой модели словосочетаний мы можем заметить имена самого поэта или автора, где взаимоотношения частного к общему рассматривается с применением слов, обозначающих части тела.

Гар равї чун шона андар чаъди зулфаш мӯ ба мӯ,
Чуз **дили Туграл** намеёбї дигар дар чанбараш!
Если как гребешок причесывать волосок к волоску,
Ничего не находишь кроме сердца Туграла в оковах.

В другом бейте вместе имени назван просто лирический герой как «**ошиқ**» (возлюбленный) в словосочетании «**дили ошиқ**» (сердце возлюбленного).

Офарин бар мисраи **Бедил**, ки, Туграл, гуфтааст:
«Хайф бошад чуз **дили ошиқ** ба дасти ёр гул!»
О Туграл, хвала **Бедилу**, за то, что он сказал,
«Как жаль, если в руках любимой нет сердца как букет».

Таким образом, словосочетания данной группы как в поэзии Накибхона Туграла, так и в творчестве его современников применяются в различных структурных и семантико-стилистических разновидностях.

Ко второй категории словосочетаний данной группы можно отнести подгруппу словосочетаний, которые означают отношения признака к владельцу качества и признака типа «тезии бод» (скорость ветра), «сафедишир» (белизна молока), «торикиишаб» (темнота ночи). В творчестве Туграла, а также и его современников данная группа словосочетаний встречаются сравнительно чаще, чем предыдущая форма словосочетаний, в которых мы видим взаимоотношение частного к общему.

Например, в творчестве Туграла мы видим следующие бейты, в которых встречаются словосочетания типа «хуни бода» (кровь вина в значении красное вино), «сурхишафак» (покраснение заката), «сурхиилаълилаб» (покраснение рубиновых губ):

Чашмат аз хуни бода баста хино,
Боц аз **сурхии шафак** гирад.
Очи твои покраснели как хна от хмельного вина,
Будто они изымают подати с румяных щек заката.

Или в словосочетание «сурхии лаъли лаб» (красный цвет алых губ) слово «сурхй» будучи образованной формой от слова «сурх» (красный) и суффикса «-й» означает красноту рубиновых губ любимой. Данное слово является образованным именем существительным от имени прилагательного «сурх» при помощи суффикса «-й».

Например:

То дамир ū зи қиёмат сад ақиқ андар Яман
Хуни ҳасрат мехурад аз **сурхии лаъли лабаш**.
До наступления судного дня яхонты в Йемени,
Обливают кровью сердца, увидев ее алые губы.

Или в другом бейте словосочетание «сурхиибираитанбулилаб» (покраснение губ - алые окружностью губы) относится к данной группе словосочетаний и структуру данного словосочетания можно рассмотреть также как «лабисурх», «лабибираитанбулисурх».

Сурхии бираи танбули лабатро дида,
Хуни ҳасрат хурад аз рашк ақиқи яманй!
Увидев твои алые губы яхонты Йемена,
Обливают сердца кровью от ревности и зависти

Также в других бейтах и поэтических строках Накибхона Туграла можно обнаружить и другие разновидности структурного и стилистико-семантического характера словосочетаний данной группы типа «гармиибозор» (бурление базара, как многолюдный базар, высокая потребность к чему либо).

Баски бошад чинси моро **гармии бозори гам**,
Гӯиё дукконе аз санги шарар дорем мо.
Если даже в нашей плоти накал горести и печали
Будто мы в нашем ларке имеем огненные камни.

Вах, чй накди косидем имрӯз дар дуккони дахр,
Чинси моро ҳеч гоҳе **гармии бозор** нест.
О, настолько мы обречены на произвол судьбы,
Что в нашей плоти нет теплоты и нет страсти.

Весьма интересным представляется тот факт, что словосочетание «гармиибозор» очень часто встречается в газелях Накибхона Туграла, и скорее всего данное словосочетание применяется как фразеологическое словосочетание. Например, словосочетание «гармиибозоритаъсир» (бурление рынка, усиление влияния чего-либо) в следующем бейте приводится в значении сильное влияние.

Арақ гул мекунад субхи умед аз шоми навмедй,
Бувад аз мухри шабнам **гармии бозори таъсираш**.
Расцветет утро надежды за вечером безадежности,
Роса оживляет и поддерживает в теплоте цветник.

В другом бейте Накибхона Туграла словосочетание «гармиибозоришаб» применяется в значении темной ночи, в которой долго и усердно будет гореть свеча, которая символически означает возлюбленного:

Гарчи бошад чинси ūро **гармии бозори шаб**,
Гайри чон кандан аз ин савдо набошад суди шамъ.
Если в плоти его осыплено тепло ночной жизни,
Свече кроме страданий нет других хлопот и тревог.

В следующем бейте данное фразеологическое словосочетание приводится в форме четырехкомпонентного словосочетания «гармиибозоринозуадо» (бурление кокетства и капризов).

Ба **гармии бозори нозу адо**,
Ба гулгунии чехра аз тоби май,
Во имя теплых кокетств и капризов,

Во имя румяных щек от вина.

Словосочетание «гармиимехриадам» (накал страсти - страсть к извечному) НакибхонТуграл применяет в следующем бейте в значении теплоты вечной любви, от которой страдает возлюбленный, как в следующем бейте:

Аз вучуди хеш дорам **гармии мехри адам**,
Шабнами моро чй сон дар боги имкон рехтанд?
Тепло вечной любви в теле возникло, что в нем я,
Роса нашей сущности как осыпана в наш цветник.

В другом бейте приводится словосочетание «мастиичашм» (опьянение взгляда – пьяные очи, опьяневшие глаза) в значении сверкающих от страсти глаз, красивых и одурманивающих глаз любимой:

Наргиси бебоки у майхона дорад дар багал,
Мастии чашмаш на аз кайфийяти чоми мул аст.
Ее смелые глаза, опьяневшие, будто они полны вином,
Но ее опьяневшие глаза не от хмельного горького вина.

Слово «гармй» (тепло, теплота), как и слово «сурхй» (краснота, покраснение) является образованным словом от простой формы имени прилагательного «гарм» (теплый) при помощи суффикса «-й», которое образует от имени прилагательного имена существительные.

Надонам **гармии хуне**, ки дорад ранги таъсираш,
Ки чавхар гул кунад ойинасон аз оби шамшераш.
Может быть, теплота крови излучает цвет красоты,
Отцветает эссенция как зеркало от блеска меча.

Таким образом, в творчестве НакибхонаТуграла и его современников мы можем обнаружить субстантивные словосочетания разной формы с различными значениями и семантико-стилистическими характеристиками. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что поэтическое наследие НакибхонаТуграла как и творчество его современников и предыдущих поэтов богат различными формами субстантивных словосочетаний, и их анализ и исследование вполне способствует в развитии и обогащении современного литературного языка и предоставляет возможности применять данные структурные единицы в современном обиходе как разговорной, так и письменной речи.

Литература:

1. Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои содда. Китоби 2. – Душанбе, 1986. – 371 с.
2. Косимова М.Н. Доир ба ибора дар забони тоҷики //Ганҷисухан (Сборник научных трудов). – Душанбе: Маорифвафарханг, 2013. - С. 104 – 125.
3. Таджиев Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке//Осоримунтахаб. – Душанбе: Деваштич, 2005. – С. 158. - С. 151 – 211.
4. Косимова М.Н. Мухтасар оид ба ибораҳои изофии номи // Ганҷи сухан. – Душанбе, 2013. – С. 46 – 54.
5. Камолов Х.М. Изафетные словосочетания в «Та’рихиТабари» Бал’ъами». Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык). /ХуршедМахмадисокович Камолов. – Душанбе, 2007. - 22 с.
6. Мирзоев А. Масъалаҳои ибора дар забони тоҷики. – Душанбе: Деваштич, 2002. 320 с.
7. Таджиев Д.Т. Об определительных словосочетаниях типа «Ахмада китобаш», «гапакамаш» //Ученые записки Таджикского государственного университета: Серия гуманитарных наук. Том 2. -Душанбе, 1954. - С.34 - 43.
8. Ганҷи Зарафшон. – Душанбе: Адиб, 1991. 544 с.
9. Гулшани адаб. Чилди 5. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 460 с.
10. Тугралаи Ахрорӣ. Навоӣи кибриӣ. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ОЗНАЧАЮЩИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЧАСТНОГО С ОБЩИМ И ИХ ПРИЗНАКИ

В данной статье рассмотрены особенности определенной разновидности изафетных словосочетаний таджикского языка, которые обозначают взаимоотношения частного к общему как составные компоненты словосочетания на материалах поэтического наследия таджикского

мастера слова конца XIX и начала XX вв. Накибхона Туграла. Отмечается, что изафетные словосочетания данной группы в таджикском языке составляют значительную часть по сравнению с другими видами словосочетаний. Данная модель изафетных словосочетаний представляет совокупность взаимоотношений определения и определяемого, которые относятся к именам существительным и образуют субстантивные словосочетания таджикского языка.

Ключевые слова: субстантивные словосочетания, состав словосочетания, структура, синтаксис, изафет, имя существительное, компоненты, основная часть, частное к общему, определение, определяемое.

THE SUBSTANTIVE PHRASES DENOTING S OT RELATIONSHIP PRIVATE TO THE GENERAL AND THEIR SIGNS

In this article features of a certain version the izafet of phrases of the Tajik language which denote relationship private to the general as compound components of the phrase on materials of poetic heritage of the Tajik master of the word of the end of XIX and the beginnings of the XX centuries of Nakibkhon Tugral are considered. It is noted that izafet phrases of this group in the Tajik language make considerable part in comparison with other types of phrases. This model the izafet of phrases represents set of relationship of definition and defined which treat nouns and form substantive phrases of the Tajik language.

Keywords: substantive phrases, structure of the phrase, structure, syntax, izafet, a noun, components, the main part, private to the general, definition, defined.

Сведения об авторе: Расулов Сухайли Мирқозиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: toygonm@mail.ru

About author: Rasulov Suhayli Mirqozievich, PhD in philology, docent of chair of Tajik Language and Literature Method of Teaching, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: toygonm@mail.ru

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ СЛОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Махадова Г. Х.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

В 80-90-е годы в таджикском литературном языке, особенно, в лексике произошли серьезные изменения. Так изменения, можно сказать, что с принятием закона о языке, охватили все языковые сферы. Так, в круг лексики вошло много-много новых слов русской и иностранной терминологии были исключены из словарной лексики. И это правильно, таджикский язык был обращён в подлинность своего происхождения; было возрождено много слов, имеющих истинно таджикский, согдийский пехлевийский корни и они были предоставлены на всеобщее пользование.

Наряду с этим для перевода и редактирования многих терминологий научно-технического характера и других сфер народного хозяйства, появилась необходимость обратиться к арабскому языку и фарси. В конце-концов, многих слова и терминологии были приняты из указанных языков. Необходимо отметить, что после приобретения независимости Таджикистаном и после 18-лет действия «Закона о языке» во многих организациях, учреждениях, предприятиях и учебных заведениях научно-техническая терминология приведена в должный порядок, в различных сферах науки и культуры составлены отраслевые и переводческие словари. Особенно в связи с изменениями в сфере экономики, финансов и торговли и предпринимательства, политико-экономических и культурных отношений с другими мировыми государствами, в соответствии с внутренними особенностями, были приняты слова, которые соответствуют целям и организаций, предприятий, международных и местных компаний. Так, как примеру: ШСХК «Барки Точик» КВД «Точикгаз», Ташкилоти Умумичахони савдо (ТСУ), «Азия-Плюс» ВАО предприятие ЧДМ «Ориён» Бунёди Сорос, банк «Тоҷикбонкбизнес» фабрика «Кабоол-Точик-Текстлайз» [2, с. 5].

Новые слова в языке, которые отражают основные направления широкой массы и очень используются в средствах массовой информации, можно объединить под следующей тематикой: а) политика - в большинстве общественно-политические слова, которые в основном заимствованы; б) экономика - много экономической заимствованной терминологии; в) сфера образования; г) техническая и др.

Общественно-политическая лексика. В связи с изменением общественно-политического строя, появилась и новые слова, которых не было 20-30 лет назад. Лексика, обозначающая общественно-политические понятия, очень широко используются и доступно большому кругу населения. Другая особенность общественно-политической лексики заключается в том, что с их помощью производится оценка общественно-политических событий, и в этом выражается её ценность. Именно эта особенность отличает её от словарей других сфер. Новые общественно-политические слова по сравнению с другими новыми словами быстро входят в обиход и широко употребляются как в устной, так и в письменной речи. Большинство новых слов образуются за счет моделей таджикского языка или с помощью грамматической лексики таджикского языка. И если, с одной стороны, употребляются характерные слова таджикского языка, то с другой стороны используются и заимствованные слова. Примеры общественно-политической лексики: *президент, Маҷлиси Олӣ, низоми муносибатҳои байналмилалӣ (система международных отношений), сиёсати давлати (госполитика), дастовардҳои сиёсӣ (политические достижения), фарҳанги нави граждони миллати тоҷик, мақомоти фарҳанги маҳалли ҳокимияти давлатӣ (органы местной государственной власти), эҳтироми миллатҳои мазҳабҳо (уважение наций и партий) ҳадафи стратегии сиёсати давлат (стратегическая перспектива государственной политики). Тоҷикон маъракаи интихоботи президенти Амрикоро назорат мекунад. [1, с. 2] -Таджики контролируют предвыборную кампанию президента Америки.*

Лексика сферы экономики. Примеры: *бозоргонӣ (коммерция), воридот (импорт), содирот (экспорт), ширкат (компания), фирма, сахмгузор (делающий вклад), соҳибкор (предприниматель), сармоягузор (инвестор), хусусигардонӣ (приватизация), қарз (долг, кредит), асъор (валюта), бизнес, менеҷмент, евро, вом, (долг), вомбарг (облигация), вомдех (кредитор), вомдорӣ (задолженность), варишкоста (баркром; потерпевший крах), боҷгир (сборщик налогов), боҷгоҳ (гумрук-таможня), боҷдор (таможенник) [3, с. 45-56] и др.*

На основе указанной лексики образовалось очень много устойчивых словосочетаний, которые отражают экономическую сферу деятельности, экономическую среду и нынешние экономические отношения: *иктисоди бозоргонӣ (рыночная экономика), бозори дохилӣ (внутренний рынок), шартномаи тарафайн (двусторонний договор), иқтисосҳои информатики (информационные профессии), менеҷменти байналмилалӣ (международный менеджмент), муносибатҳои иқтисодии байналмилалӣ (международные экономические отношения), асосҳои иқтисодии дипломатияи байналмилалӣ (экономические основы международной дипломатии), пардохти қўмакпулиҳои иҷтимоӣ, бонки рушди Осиё (банк развития Азии), хусусигардонии моликият (приватизация) - (имущество), иншооти азими иқтисодӣ (большое экономическое сооружение) и др. Например: «Чумхурии Тоҷикистон доир ба татбиқи қарори Ассамблеяи генералии Созмони Милалӣ Муттаҳид Дахсолаи байналхалқии амалиёти «Об барои ҳаёт» дахсолаи 2005-2015 лоиҳа таҳия намуда ва ба иҷлосияи навбатии Маҷлиси Олии Чумхурии Тоҷикистон (моҳи февралӣ 2004) пешниҳод менамоянд» - Республика Таджикистан о претворении решения Генеральной Ассамблеи ООН Действие международного десятилетия «Вода для жизни за 2005-2015 годы составляет проект и предоставил для утверждения очередное заседание Маҷлиси Оли Республики Таджикистан. Бонки рушди Осиё барои навунии системаи энергетикаи Осиёи маркази ба Чумхуриҳои Тоҷикистон ва Узбекистон 90 миллион доллари ИМА ҷудо намуд. Лоиҳаи мазкур барои беҳтар намудани қисми системаи интиқоли барқ дар минтақаи равона қардаи шуда, қадамест бахри сохтани бозори яқлукти барқ. Фуруши қувваи зиёдаи барқ хама кишварҳои минтақаро аз камчини он халос хоҳад кард. Қарзи мазкур тули 25 сол пардохта мешавад. Ҳамчунин Бонки аврупои таҷдид ва инкишоф бо лоиҳаи мазкур 49 миллион доллари ИМА ҷудо менамояд. Агентии ҳамкорихои байналхалқии ИМА бошад, қўмаки техникаи хоҳанд расонд [2, с. 4]. -Банк развития Азии для обновления энергетической системы Центральной Азии выделил в долг 90 миллионов долларов США*

республикам Таджикистан и Узбекистан. Данный проект направлен на улучшение работы системы передачи энергии в регионе и является шагом вперёд для создания единого энергетического рынка. Продажа лишней электроэнергии может избавить регионы от недостатка электроэнергии. Данный кредит должен погашаться в течение 25 лет. А также Европейский банк восстановления и развития выделяет данному проекту 49 миллионов долларов США Агентство международного сотрудничества США намерено оказать техническую помощь.

Лексика сферы образования. В области образования также произошли определённые изменения: Были образованы новые типы школ, учебные заведения открытого типа, договорная система обучения (платная), открыты гимназии, лицеи, межгосударственные высшие учебные заведения и соответственно с ними появились новые слова. Примеры: *факулта (факультет), донишгоҳ (университет), донишкада (институт), мактаби тахсилоти хамағони (общеобразовательная школа), озмун-олимпиада (конкурс-олимпиада), квота танзими сохторҳои мактабҳои оли (систематизирование структуры высших школ), мактабҳои байналмиллаӣ (межнациональные школы), стандарти давлатии маълумоти умумӣ, миёна ва касбӣ (государственный стандарт общего среднего образования), бакалавр, магистратура мактаб-гимназия (школа – гимназия), тахсилоти шартномавӣ (пулакӣ-договорное обучение), тендер, мактабҳои хусусӣ (частные школы), компютеркунонии мактабҳои оли ва миёна (компьютеризация высших и средних школ) и др. Например: «Роҳбарияти гимназия барои омӯзиши забонҳои тоҷикӣ, рус ва англисӣ ҳамаи шароитро фароҳам овардааст. Барномаҳои таълимӣ ва стандартҳои тахсилот ба баланд бардоштани сифати дониши ва ҳисси масъулиятиносии хонандагон равона карда мешавад» [1, с. 2].- Руководство гимназии создало все условия для изучения таджикского, русского и английского языков. Учебные программы и стандарты направлены на повышение знаний и чувства ответственности.*

Лексика в области техники. Данная группа отличается от других лексических групп новых слов и новых значений тем, что в ней не функционируют старые слова (архаизмы) и они могут быть использованы, так как они не способны обозначить новые научно-технические достижения.

Наименование большинства технических нововведений (в том числе рационализаторство, изобретения) выражаются в основном за счёт заимствованных слов моделей. В отдельных случаях они выражаются с помощью сформированных моделей чисто таджикского языка. Нами они разделены на три подгруппы: а) заимствованные; б) производные заимствованные неологизмы; в) собственно-таджикские слова.

Таким образом, в состав лексики таджикского языка введены новые слова и терминологии, благодаря чему с каждым годом лексика языка еще больше развивается и становится разнообразным.

Литература:

1. Минбари Халқ: рӯзнама, № 2. - 2011.
2. Тоҷикистон: рӯзнама, № 4. 2010.
3. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду ҷилд). Ҷилди 1. А.-Н.-Д.: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. -950 с.
4. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз ду ҷилд). Ҷилди 2. О.-Я. -Д.: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. -945 с.
5. Ҳусейнов Х., Шукурова К. Луғати терминҳои забоншиносӣ. - Д.: Маориф, 1983. - 256 с.
6. Хоча Д. Ташаккул ва таҳаввули илми забоншиносии форсу тоҷик дар асрҳои миёна. Д. Хоча – Д.: Диловар - ДДМТ, 1998. - 152 с.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НОВЫХ СЛОВ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье речь идёт о тематической классификации новых слов в таджикском языке. Автор статьи разделил все новые слова таджикского языка под следующей тематикой: а) политика - в большинстве общественно-политические слова, которые в основном заимствованы; б) экономика - много экономической заимствованной терминологии; в) сфера образования; г) техническая и др.

Ключевые слова: слово, новые слова, классификация, тема, язык, таджикский язык, тематика, политика, экономика, образования, техника.

THEMATIC CLASSIFICATION OF THE NEW WORDS IN THE TAJIK LANGUAGE

The article dealt with thematic classification of the new words in the Tajik language. The author of this article divided all new words of the Tajik language into the following thematic groups: a) policy, mainly this group includes economic and political words, and most of them are borrowings; б) economy, most words of this group is borrowings; в) education; г) technical and etc.

Keywords: word, new words, classification, theme, language, Tajik language, thematic, policy, economy, education, techniques.

Сведения об авторе: Махадова Гулнисо Худоёровна, аспирант кафедры английского языка и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни

About author: Makhadova Gulniso Khudoyorovna, post-graduate student of the Chair of the English Language and Comparative Typology, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

КОНЦЕПТ «ТРУД» И ОРУДИЙ ТРУДА В ТАДЖИКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Кудратова Г. Б.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Для того, чтобы слово обрело статус концепта, нужно, чтобы оно стало общеупотребительным, т.е. национальным, активно включалось в состав фразеологических единиц, пословиц и поговорок, приобрело номинативную плотность. Безусловно, одним из таких концептов является труд.

Концепт «труд» актуализирует общечеловеческие ценности наиболее ярко по сравнению с другими концептами и в русском и в английском языках, так как труд неотъемлемая сторона жизнедеятельности человека.

«Национально-культурное наполнение концепта «труд» в британской языковой картине мира» рассматривает функционирование в речи концептуальных признаков с целью определения его национально-культурного наполнения, анализа фразеологического фонда английского языка для выявления связанных с трудом стереотипов и оценки труда в британском социуме.

Русские языковеды С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Ю. Н. Петелина, занимающиеся исследованиями английского языка, представляет взгляд на структуру концепта в лингвокультурологическом контексте как структуру, состоящую из понятийной, ценностной и образных составляющих.

Понятийная сторона концепта представляет собой дефинитивное описание его компонентов и уточняющих эти компоненты признаков [1, с. 11].

Образный компонент невербален по мнению Карасик В.И. и Слышкина Г.Г. Согласно их исследованиям при упоминании слова *work* сразу представляется субъект или некая машина, выполняющие определенные действия с целью достижения какого-либо результата в виде материального или интеллектуального продукта - это и есть образ трудовой деятельности, который формируется у носителей, в данном случае, британской культуры [1, с. 35].

Ценностные характеристики концепта отражены в семантике лексических единиц и фразеологизмов. Например, фразеологические единицы **By doing nothing we learn to do ill. Never put off till tomorrow what you can do today** указывают на ценности англичан, где труд поощряется, а безделье порицается. Также оценочные характеристики выявляются анализом предикативов, употребляемых с существительным *work*: **work is hard/ harassing/ difficult/ stern/ dangerous/ dull/ dreary/ melancholy/ tiresome/ monotonous/ important**; и обстоятельств образа действия, сочетающихся с глаголом *work*: **work without ceasing/ day and night/ wholeheartedly/ frantically/ extremely hard/ industriously/ tirelessly**. Из приведенных примеров четко видно отношение англичан к труду: при всей его тяжести, они трудятся не покладая рук.

Так В. Н. Телия а своём лингвокультурологическом анализе выделяет некоторые критерии характеристики, которыми могут быть концепту как универсалии культуры. Основываясь на его работах, лингвисты, говоря о составляющих концепта труд в

английском языке, отмечают, что труд - явление, имеющее временные параметры, что для англичан важны сроки, в которые работа должна быть выполнена [2, с. 19].

Неотъемлемым атрибутом труда является характеризующая его степень трудоемкости / тяжести, в чём лежит сущность труда. В работах лингвистов выделяются концептуальные признаки с положительной оценкой труда. Труд характеризуется как явление, поддерживающее жизнь, дает удовлетворение и счастье, а отсутствие труда - отрицательное явление.

С другой стороны, можно вычленить концептуальные признаки с отрицательной оценкой труда такими, как - труд опасен для здоровья, труд усложняет жизнь. Трудовая деятельность в ряде работ лингвистов рассматривается не только как социально обусловленное, но и гендерно маркированное явление. Дифференциация сфер деятельности проходит по гендерному признаку.

Лингвисты характеризуют концепт труда с точки зрения наличия у него трех компонентов: процесс деятельности, субъект труда и результат труда.

В состав компонента «процесс труда» входят наличие / отсутствие труда; качество труда; тяжесть/интенсивность труда. В этой группе труд в основном раскрывается в противопоставлении с ленью.

Здесь лингвисты выделяют такие требования к труду, соответствующие всему британскому обществу, как меньше слов, больше дела, необходимо делать дело в положенное время, вовремя лучше не откладывать работу, абсолютно ничего не делать - плохо, дело - самое главное, при желании человек может выполнить любую работу, необходимо чередовать работу и отдых.

Рассматривая компонент отношения к качеству труда, английские лингвисты подчёркивают такие модели, укоренившиеся в менталитете носителей английского языка, как - спешка снижает качество, в труде следует полагаться только на себя, следует работать добросовестно.

Показателем мастерства работника является результат труда, болтуны порицаются как лентяи, работник должен уметь обращаться с инструментом, заработок зависит от работника.

Компонент «результат труда» реализован достаточно полно по мнению лингвистов в английской языковой культуре. Так выделяются сложившиеся утверждения, как, что для получения результата необходимо приложить усилия, результат зависит от начала, результат зависит от качества работы, кто не старается, тот ничего не имеет, нужно доводить дело до конца, качество пропорционально знанию и опыту.

Лингвисты отмечают существование характерных для английской языковой культуры стереотипов относительно труда: труд - это тяжело; что плохо начато, плохо закончится; лентяи болтливы; хорошие работники немногословны.

В английском менталитете сложилась положительная оценка явления «труд». Данный факт объясняется основной функцией труда - дидактической, показывающей положительную роль труда.

Труд в языковом сознании британцев обладает такими прототипическими чертами, как работа, прибыль и время. Труд для англичан - это прежде всего работа.

Социолингвокультурный концепт "труд" представляет собой сложное ментальное образование, в составе которого в русском языковом сознании выделяются следующие компоненты: образный - человек (или другое живое существо), напряженно выполняющий необходимые для жизни действия, обычно физические; понятийный - целенаправленная деятельность, требующая умственного или физического напряжения, направленная на производство чего-либо или на достижение результата и противопоставляемая безделью, отдыху и игре; ценностный - положительная оценка желаний и отрицательная оценка нежелания трудиться, положительная оценка умения и отрицательная оценка неумения трудиться, отрицательная оценка принудительного и безрезультатного труда.

Концепт «труд» имеет особый статус. Труд играл важную роль в формировании характера. Ценность труда обеспечивалась и религиозным компонентом культуры. Труд осмысливается как нравственное деяние, средство спасения души и рассматривался как проявление духовной жизни, причем трудолюбие было характерным выражением духовности.

Трудовая деятельность для русского человека была достижением красоты и гармонии. В деревнях на всех этапах исторического развития общества не мыслится без труда. Для крестьянина смыслом жизни, единственно возможной ее формой был труд. «Оторвите крестьянина от земли, добейтесь, чтобы он забыл «крестьянство», - и нет этого народа, нет народного мирозерцания...» [3, с. 207].

Таким образом, трудовая деятельность рассматривается в таджикской культуре как нечто обычное, повседневное, труд понимается не как заслуга или обязанность, а как обычное условие жизни. Труд для таджикской лингвокультурной общности стал важнейшим фактором, определяющим ее мировидение и миропонимание.

Концепт «труд» присутствует в таджикской и английской концептосфере на протяжении многих сотен лет, способствует выражению принципов их культуры.

Поэтому мы, вслед за Ю.С.Степановым, считаем, что концепт «труд» можно отнести к концептам-константам, имеющим в культуре статус базовых, т.е. наиболее важных, влияющих на развитие других концептов и всей концептосферы в целом [4, с. 43].

Содержание концепта «труд» имеет различное наполнение в зависимости от того, в каком значении он воспринимается: как средство к существованию или как естественная потребность. Идеал трудолюбивого человека, отраженный в паремиологическом фонде исследованных языков, является важной составляющей языковой картины мира.

Наше исследование посвящено вопросу концептуализации фрагмента действительности, соотносимого с понятием «трудовая деятельность», в сознании общества и языковой личности. Концепт «труд» представлен в сознании социума и индивида картиной мира в трех аспектах: языковой, концептуальной и культурологической. Во второй главе нашего исследования мы проведем сравнительный анализ таджикских, русских и английских пословиц и поговорок, содержащих концепт «труд», при этом нами были вычленены определённые группы, по которым и были рассортированы пословицы и поговорки, в которых реализуется то или иное значение концепта «труд».

В выявленной нами классификации самую многочисленную группу в русском языке составляют пословицы, выражающие положительное или отрицательное отношение к труду.

Нами были отобраны пословицы, выражающие мысль о малой награде за вложенный труд.

Следующей довольно многочисленной группой является ряд пословиц, указывающих на зависимость результатов труда от качества вложенных усилий.

Труд - это усилие; это источник не только материального, но и морального удовлетворения. Подчеркивается, что красота и сила человека в труде; что только в труде формируется и проявляется талант и вдохновение человека.

Однако также были отдельно выделены пословицы и поговорки, характеризующие труд, как источник материального достатка.

Так же были объединены в общую группу пословицы о необходимости отношения к труду с полной мерой ответственности

Нами был выделен целый спектр пословиц и поговорок, которые оцениваются роль орудия труда в трудовом процессе. Можно выделить следующие группы с различным семантическим значением:

- роль орудий труда в достижении цели, где отмечается, что без наличия соответствующих производительных средств нет процесса труда;

- орудия труда создают сам трудовой процесс и без них нет трудовой деятельности;

- в некоторых пословицах и поговорках подчёркивают, что состояние орудий труда является показателем отношения человека к труду;

- целый ряд пословиц выражает желание избежать чёрной работы.

В относительно немногих пословицах обращено внимание на желание иметь успешный результат без приложения усилий.

Содержательные пословичные выражения обнаружены и выделены нами в группу «Этапы трудового процесса».

В пословицах часто предметом порицания становится лень в работе, что составило довольно обширную группу.

Подчёркивается также зерно добра в выполнении трудового процесса, а лень противопоставляется ему как явление, относящееся к пороку. Однако были обнаружены пословицы и поговорки, в которых в то же время не осуждают отсутствие рвения к работе.

Для большого количества пословиц характерно выражение значения «Зависимости результата от профессионализма мастера», слаженности работы при наличии соответствующих умений.

Нами были собраны в отдельную группу пословицы и поговорки со специфичным значением «Мастер-профессионал никогда не имеет продуктов своего труда».

Классифицируя трудовую деятельность как необратимый процесс, некоторые пословицы говорят о невозможности исправить уже сделанное.

В нашей эмпирической части представлен также анализ русских пословиц и поговорок с точки зрения гендерного аспекта для выявления отношения к труду через понятия мужчина и женщина с учётом действий, которые они производят.

Литература:

1. Карасик В. И., Слышкин Г. Г., Карасик В. И. и др. Лингвокультурный концепт как единица исследования. [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И. А. Стернина. Воронежский государственный психолингвистики: Сборник статей. – М.-Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. - М., 1986. - 112 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. Изд. 2-е. - М., 1972.
4. Степанов Ю. С. Слово: Из статьи для словаря концептов: Концептуарий русской культуры / А.Ф. Лосев // Philologica, 1994.

КОНЦЕПТ «ТРУД» И ОРУДИЙ ТРУДА В ТАДЖИКСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Концепт «труд» присутствует в таджикской и английской концептосфере на протяжении многих сотен лет, способствует выражению принципов их культуры. Автор статьи считает, что концепт «труд» можно отнести к концептам-константам, имеющим в культуре статус базовых, т.е. наиболее важных, влияющих на развитие других концептов и всей концептосферы в целом.

Ключевые слова: орудие труда, классификация слов, образование нового слова, глагол, семантический модель.

THE CONCEPT OF "WORK" AND INSTRUMENTS OF LABOR IN THE TAJIK AND ENGLISH LINGUISTIC CULTURES

The concept of "work" is present in Tajik and English conceptual sphere for many hundreds of years, it promotes the expression of their culture principles. The author considers that the concept of "work" can be attributed to the concept constants, having the status of basic culture, ie, most important, it is affecting the development of other concepts and the whole concept sphere as a whole.

Keywords: instrument of labor, classification of words, the formation of a new word, a verb, semantic model.

Сведения об авторе: Кудратова Гулафруз Бахтиёровна, соискатель кафедры английского языка и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни

About author: Kudratova Gulafruz Bakhtiyorovna, researcher of the chair of English language and comparative typology, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИДИОМАТИКИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Бурханова С.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Идиома - оборот речи, значение которого не определяется отдельными значениями входящих в него слов, например, *бить баклуши, скатертью дорога* и т.д.

Ю. С. Маслов, вслед за В. В. Виноградовым, считает, что «идиома» - это общее понятие для фразеологических сращений и фразеологических единств, и первые для него - идиомы с немотивированным значением, а вторые - с мотивированным значением [5, с. 118]. П. А. Лекант [4, с. 370] и Е. И. Диброва [4, с. 63] также для общего обозначения понятий фразеологических сращений и единств используют в своих работах термин «идиома».

В свою очередь, Б. Н. Головин видит в идиомах самостоятельный тип фразеологических оборотов, выделяемый наряду с фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями [2, с. 110].

Е. И. Диброва рассматривает идиомы (сращения и единства по В. В. Виноградову) как «устойчивые структурно-семантические объединения, значение которых неразложимо на значения слов-компонентов, их составляющих, и которые функционируют в предложении как эквивалент отдельного слова (т. е. выступают как один член предложения)» [4, с. 359-360].

Согласно П. А. Леканта, «идиомы - устойчивые объединения, значение которых неразложимо на значения слов компонентов, их составляющих; они функционируют в предложении как эквивалент отдельного слова» (вешать лапшу на уши, дать стрекоча) [4, с. 62].

Исходя из определений Е. И. Дибровой и П. А. Леканта, идиомы обладают высокой степенью спаянности компонентов. Об этом свидетельствуют и другие исследователи, например, А. А. Гируцкий и Б. Н. Головин.

Идиомы, по мнению А. А. Гируцкого, не допускают буквального пословного понимания фразеологизма, т. к. один из его компонентов обязательно выпал из современного словоупотребления [3, с. 168].

Б. Н. Головин, изучая данное понятие, писал, что идиомы - «абсолютно неделимые сочетания слов, фразеологическое значение идиомы никак не «пояснено», не мотивированно лексическими значениями ее элементов - отдельных слов; к тому же некоторые слова в идиомах не осознаются, их значения забыты: английский *twiddle one's thumbs; fritter away [waste] one's time* - русский *баклуши бить*; английский *drag smth. out; spin smth. out; fuss (mess) about; dawdle; waste one's time; harp on the same string* - русский *волюнку тянуть, тянуть канитель...*» [2, с. 110].

Неоднократное использование начальной формы мотивировки идиомы в различном ее разрешении наблюдается нередко среди многозначных идиом. Ср.: a sealed book (*букв.* 'запечатанная книга') 1) 'нечто непонятное', 2) 'нечто неведомое'; In the saddle (*букв.* 'в седле') 1) 'у власти', 2) 'в полной готовности к действию'; to have many strings to (one's) bow (*букв.* 'иметь не одну тетиву на своем луке') 1) 'иметь много интересов', 2) 'иметь много способностей' (или специальностей), 3) 'иметь дополнительные средства'; to feed the fishes (*букв.* 'кормить рыб') 1) 'страдать рвотой от морской болезни', 2) 'утонуть', и т. п.

К тому же, идиома может употребляться также в более обобщенном и более специализированном значении, что также создает почву для ее полисемии. Например: to swing a lead 1) 'уклоняться от выполнения своих обязанностей', 2) 'симулировать болезнь'; to stand the racket 1) 'нести ответственность (отвечать за последствия)', 2) 'нести расходы'; to make a dead set (at smb., smth.) 1) 'нападать, осаждать', 2) 'проявлять враждебность, критиковать', 3) 'преследовать своим поклонением, восхищением и т. п.

Идиоматика содержит в своем составе идиомы или идиоматизмы, т.е. устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта, т. е. его экспрессивно-оценочных, эмотивных, образных или других компонентов. Идиоматика включает как фразеологические единства: *burn one's fingers*- *обжечься на чем-либо*; *all is not gold that glitters* (посл.) - *не все то золото, что блестит*), так и фразеологические сращения (*kick the bucket* (разг.)- *загнаться, умереть*;- *протянуть*

ноги; send to smb. to Coventry- бойкотировать кого-л., прекратить общение с кем-л. и др.), образность которых может восстанавливаться диахронически.

Общая концепция *идиоматики*, содержащаяся в очерке Л. П. Смита, находит более глубокий смысл в ряде работ русских, английских и американских авторов.

Если для сравнения взять вводную статью, Дж. Болла к своему учебно-справочному пособию по идиоматике английской разговорной речи, в ней он указывает семь видов языковых явлений, входящих в понятие идиоматики, определяя которую как «употребление обычных слов в необычном смысле» [6, с. 65].

Эти типы приводятся ниже:

а) Широко принятое грамматическое применение слов. Например, когда нужно спросить об имени, говорится: «Who is it? - Кто это?», когда откликаются на стук в дверь, говорится: «Who's there? » – Кто там?. Сюда же относит Болл и формы глагола в конструкциях типа «It's time we went home» - *Время отправляться домой*, «When you come tomorrow I'll pay you back the money I owe you»- *Когда вы придете завтра, я верну вам деньги, которые я вам был должен*, ; ибо went - приходил - форма прошедшего времени, come - *приходить* форма настоящего времени, но оба глагола в этих случаях «относятся к будущему времени». Несоответствие между приведенным выше определением идиомы и этими случаями заключается в том, что в определении речь идет об употреблении слов, а примеры показывают своеобразие словоформ. Но к приводимому далее примеру «Had you come earlier, you would have seen her» - *Придя пораньше, ты бы увидел ее*; формула Болла применима еще менее, потому что здесь речь может идти не об особом значении какого-то слова или словоформы, но об особом грамматическом содержании конструкции. Общие для всех этих примеров черты - их регулярный характер, подмена их конкретного лексического наполнения и в связи с этим возможность их подведения под определенное грамматическое правило - делают неоправданным причисление их к идиоматическим явлениям языка. В противном случае, любые омоформы могут быть расценены как «идиомы», причем какое из их значений следует признавать «неидиоматическим», останется неизвестным, ибо каждое из них отделяется от других на основании определенных условий употребления данной словоформы. В результате отмечаемый Боллом первый тип явлений, входящих, по его мнению, в понятие идиоматики, делает это понятие равным понятию грамматической специфики языка. Странно, что Болл мирится с этим, когда ранее он сам критикует определение идиомы как «формы выражения, свойственной определенному языку» на том основании, что нельзя быть уверенным в том, что идиома, которую мы считаем типично английской, не может быть найдена в других языках.

б) Отклонения от строгих грамматических правил. Например: “It's me (him, them); “Off to bed now, there's good children”; It's ages since we met”, “Between you and I (not me!); He is a friend of mine (not «of me») – «Это я (он они); «Они хорошие дети, ложитесь спать сейчас же»; «Сколько лет, сколько зим», «Между тобой и мной (используется местоимение «я», а не «меня») и т.п.

Как отмечает Болл, эти подобные случаи характерны, для разговорной речи, следовательно, все проявления свободного стиля речи и сам разговорный ее тип в целом должны рассматриваться как факт идиоматики данного языка. Примеры Болла неоднородны по своей сущности, между ними есть только то общее, что они содержат расхождение ожидаемой и употребляемой словоформы; но в одних случаях налицо подмена словоформы, в других - застывшее словосочетание, содержащее грамматическую деформацию. И в этой группе случаев идиоматика получает столь обширное толкование, что теряет свою качественную определенность и незаметно для автора становится равнозначной грамматической стилистике.

в) Аллюзивные выражения, которые Болл определяет только как такие, которые «кажутся имеющими прямой смысл, но идиоматически означают нечто совсем иное, так что, как правило, их значение невозможно угадать». Например: That will do (=that is enough); What are they up to? (What-and I suspect it is something mischievous-are they doing?); You are for it if he catches you (=You'll be punished...); We're all at sea (=We can't understand what is happening, or what is being said)- *Достаточно (хватит); Чем они собираются заниматься? (Вот и я подозреваю, что это что-то нехорошее, что они собираются делать) Ну ты и попался, если он тебя поймает (=ты будешь наказан...); Мы в тупике (=мы не можем понять, что происходит или что было сказано) и т.п.*

Здесь у Болла случаи с конструктивно связанным значением (that will do) соседствуют со случаями семантически неделимых сочетаний (to be all at sea и др.). Кстати сказать, понятие «аллюзивного выражения мысли» не относится к одному ряду и не сравнимо с двумя предшествующими разновидностями идиоматики, выдвигаемыми Боллом, так как оно фактически должно было бы вобрать их в себя. Если Болл считает, что “when you come” подразумевает собой будущее время, а выражает настоящее, или что “It’s me” подразумевает собой не дополнение “me”, а предикатив “I”, то факт такого подразумевания вполне оправдывал бы определение подобных случаев как «аллюзивных выражений». Разница между всеми этими случаями лишь та, что в одних из них «подразумевается» грамматическое значение словоформы или конструкции, а в других – лексическое значение словоформы или словосочетания.

г) «Условные предложения разного рода» (типа now then ‘ну’, now and then ‘время от времени’, How do you do ‘здравствуйте’).

«Удвоенное выражение» одной и той же идеи (типа part and parcel ‘составная, неотъемлемая часть’, to all intents and purposes ‘во всех отношениях, в сущности’ и т.п.

д) «Фразовые» глаголы (to make out ‘понимать’, to put up with ‘мириться ладить’ и т.п.).

е) Метафорические выражения (to beat about the bush ‘ходить вокруг да около’ и т.п.). Все они «аллюзивны» и их смысл, в большей степени, не может быть «угадан», если его не знать заранее. Поэтому, если есть какое-то принципиальное, типологическое отличие всех этих идиоматических образований от тех, которые Болл называет «аллюзивными выражениями», то оно осталось абсолютно не раскрытым здесь.

Литература:

1. Амосова Н.Н. О целостном значении идиомы // Исследование по английской филологии. №2.Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.-С. 15-65.
2. Головин Б. Н. Введение в языкознание//Учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов. – М.: «Высшая школа», 1977. – 311 с.
3. Гируцкий А. А. Введение в языкознание. Учебное пособие.- М., 2003. – 288 с.
4. Лекант, Диброва, Касаткин 2002 - Современный русский язык. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / Сост.: Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. и др. – М.: Дрофа, 2002. - 560 с.
5. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. Учебник для филологических специальностей вузов – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.
6. В.Дж.Болл-W. J. Ball. Colloquial Idiom. London-New York-Toronto, 1958.-222pp.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИДИОМАТИКИ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматриваются вопросы изучения идиоматики с точки зрения разных лингвистов, которые сходятся в том, что идиомы, входящие в состав идиоматики по своей природе многозначны и обладают высокой степенью спаянности.

Ключевые слова: идиома, идиоматика, многозначность, спаянность, способ, выражение, степень.

WAYS OF EXPRESSING OF IDIOMATICS IN LINGUISTICS

The article dealt with issues related to the study of idiomatics from the point of view of different linguists which come to the idea that Idioms in the structure of idiomatics are polisemy and have got high degree of connection.

Keywords: idiom, idiomatic, polisemy, connection, way, expression, degree.

Сведения об авторе: Бурханова Светлана, аспирант кафедры английского языка и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айнаи, e-mail: svetlana.unru@gmail.com

About author: Burhanova Svetlana, post-graduate student, chair of English language and Comparative Typology, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: svetlana.unru@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НАКИБХОНА ТУГРАЛА

Расулов С. М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

В таджикском литературном языке процесс образования именных словосочетаний происходит различными и наряду с этим специфическими способами и поэтому об одном виде субстантивных словосочетаний в таджикском литературном языке, составные компоненты которых являются только имена существительные можно остановиться на шестнадцать разновидностей. [3, 4, 6, 7]. В данной статье мы попытаемся рассмотреть некоторые языковые особенности четырех разновидностей субстантивной модели словосочетаний. Прежде всего необходимо отметить о словосочетаниях, которые означают взаимоотношения субъекта с организацией или сферы деятельности типа «коркуни завод» (сотрудник завода), «сарваримуассиса» (руководитель учреждения). В следующем бейте мы видим, что словосочетания типа «гуломидаргах» (придворные слуги) означает взаимоотношения субъекта со сферой деятельности.

Азбас гуломи даргаҳаш гаштанд яксар содиқон,
Туғрал гуломи содиқ аст, гулшан бувад маъвои ӯ.¹
Из-за того, что придворными слугами стали все преданные,
Туғрал также преданный слуга и цветник его обиталище.

Также можно встретить такой модели словосочетаний с метафорическими значениями как словосочетание «чокаритабассум» (слуга улыбки – подстрочный перевод) в следующем бейте:

Дар музди мақдами ӯ чон тухфа менамоём,
Пайгоми васл орад гар чокари табассум.
У ног любимой расстилаю свою душу в дар,
Если вести радости приносят улыбки ее губ.

Или в другом бейте мы видим, что поэт применяет словосочетание «амирикишварихусн» (эмир // правитель страны красоты), которое относится к данной модели субстантивных словосочетаний и единственно по составу компонентов относится к трехкомпонентным словосочетаниям.

Амири кишвари хуснию нест монандат,
Ҳар он ки рӯи туро дид, беқарор шавад.
Ты правитель страны красоты и нет тебе подобных,
И кто увидит твой лик сразу теряет покой и лад.

В следующем бейте словосочетание «нозириавроқ» означает определенную специальность или занятие типа вдумчивый читатель, корректирующий тексты специалист.

Он ки дар ин фикр накӯсайрбуд,
Нозири авроқ Абулхайр буд.
Тот, кто прекрасно в этом вопросы мыслит,
Он ест и вдумчивый читатель Абулхайр.

В поэтическом контексте как Накибхона Туграла, так и его современников мы можем обнаружить такие словосочетания, которые относятся к терминам-словосочетаниям отдельных отраслей и сфер культуры и социальной жизни. Например, словосочетание «муршидихаробот» (духовный наставник обиталище дервишей) является термином суфийской сферы и означает суфийские и религиозные понятия и прежде всего применяется в значении творца миров, как в следующем бейте:

Дода то маро рухсат муршиди хароботам,
Ғайри миллати ушшоқ кай ғами милал дорам?!
Мне позволит наставник обиталище дервишей,
Кроме сообщества возлюбленных не о ком мне думать.

¹Примеры в данной статье приводятся из книги поэта: Туғралаи Ахрорӣ. Навоӣи кибриӣ. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.

Как мы видим в вышеприведенном бейте словосочетание «муршидхаробот» состоит из двух арабских заимствованных слов «муршид» (ведущий, наставник) и «харобот» (развалина, в суфийской литературе означает обиталище дервишей), а в словосочетании «пирихаробот» слово «муршид» заменен исконно таджикском словом «пир» (старина, наставник, ведущий, мастер) и это можно заметить в следующем бейте:

Ба пири харобот гӯям сано,
Ки набвад ба чуз ӯ дигар раҳнамо.
Скажу слава наставнику обиталища дервишей,
Так как кроме него нет другого наставника.

Таким образом, словосочетания «муршидхаробот» и «пирихаробот» (наставник обиталища дервишей) являются суфийскими терминами и как отмечает Е.Э. Бертельс эти словосочетания в качестве суфийских терминов употребляются в творчестве большинство поэтов средневековья [1, с. 431-486]. Такой модели словосочетания также встречаются и в других бейтах творчества поэтов данного периода и примеры к ним можно проследить в творчестве Накибхона Туграла, типа «саррофидукуниишк» (менялы ларька любви), «саррофиишк» (менялы /оценщик любви), «хайётиазал» (творец /рисовальщик день бытия) как в следующих бейтах:

Саррофи дукони ишқ моро
Дар бўтаи гам гудоз карда.
Оценщик ценностей ларька любви нас,
Забросил в огонь печали и тоски.

Саррофи ишқ накди дили Туграли маро
Рӯзи азал ба бўтаи меҳнат гудоз кард.
Оценщик ценностей ларька любви в день сотворения,
Закалял сердце Туграла в печи труда, тягот и боли.

Хайёти азал карда чу аз баҳяи рангин
Шерозаи домони чаман оби равонро.
Рисовальщик день бытия разноцветными заплатками,
В подоле цветника сшил вышивку водой, бегущей ручейки.

К другой категории словосочетаний можно отнести словосочетания, которые означают взаимоотношения составных компонентов с учетом общей относительности к чему-либо, например, муносибатибайниТоҷикистонваТуркменистон (отношение между Таджикистаном и Туркменистаном), мочароибайниСадафвамодалараш (споры между Садаф и ее матери), мулокотиШамшодваНаргис (общение между Шамшод и Наргис) и т.п. [3; 4; 7].

Туграл, ба касби накҳати гесӯи ӯ магар
Шӯрест байни боди сабо, байни сар саро?!
О, Туграл, чтобы стяжать аромат ее локонов,
Споры идут между ветром и деревьями цветника.

Ба фатвои муҳаббат дар сулуки ишқ кай бошад
Миёни ошику маъшук гуфтори забониро.
С позволением пристрастия в пути любви
Нет нужды в общении между влюбленными.

Как мы видим в данной конструкции субстантивных словосочетаний, в основном слова «байни» и «миёни» в значении «между», «среди» в качестве предлога выступают, где иногда их можно заменить предлогом «бо» (с), но не всегда данный предлог способен заменить эти слова, особенно в поэтическом контексте [3; 4; 6; 7]. Например, в следующем бейте слово «миён» невозможно заменить предлогом «бо», так как если заменить данным предлогом меняется конструкция данного словосочетания и оно не будет тогда отнесено к изафетным словосочетаниям, а особенно меняется значение данного словосочетания и здесь предлог «бо» не может выполнять такую структурно-семантическую и стилистическую функцию, которую выполняет предлог «миёни» (между):

Бувад кунун зи сафои замири анвари худ
Миёни ошику маъшук тарҷумон коғаз.
И вот теперь из-за прозрачности плоти своей,
Бумага стала переводчиком между влюбленными.

К другой группе словосочетаний можно отнести словосочетания, выражающие временные отношения составных компонентов со значением времени. В таких словосочетаниях чаще применяются имена существительные со значениями времени, сезона и периода, такие как рузисешанбе (в день вторника), нисфишаб (полночи), вақтихоб (время сна). В следующих бейтах Накибхон Туграл применяет слова «руз» (день), «дам» (пора, момент, время) и данные слова в составе почти всех словосочетаниях означают время, как в следующих бейтах:

Рӯзи ид аст, нишин дар бари ман як соат,
Вақфи наззора кунам дидаи қурбониرو.
Сегодня праздник и сядь рядом со мной хоть на час,
Чтобы обращая к тебе свой взор, успокоил душу свою.

То дами рӯзи қиёмат модари айёмро
Чун ту фарзанде набошад хоназоди офтоб.
До судного дня природа наша мать не сможет
Иметь еще рожденного солнцем дитя как ты.

Словосочетание «рузиқиёмат» (день суда) является религиозным и суфийским термином и во многих текстах как прозаического, так и поэтического содержания употребляется в таком же значении, хотя в некоторых случаях поэтического изложения данное словосочетание может выполнять некоторые другие семантико-стилистические значения.

Другое словосочетание «рӯзиазал» (изначальный день сотворения) также применяется в качестве религиозного и суфийского термина, как в следующих бейтах:

Зоҳидо, аз қисмати рӯзи азал
Муғ маро, масҷид туро афтодааст.
О, аскет еще с первого дня сотворения,
Маг был в моей судьбе, а мечет в твоей.

Саррофи ишқ накди дили Туграли маро
Рузи азал ба бўтаи меҳнат гудоз кард.
Оценщик ценностей ларька любви в день сотворения,
Закалял сердце Туграла в печи труда, тягот и боли.

Таким образом, словосочетания данной модели в творчестве Накибхона Туграла и его современников употребляются достаточно продуктивно в различных значениях и структурно-стилистических функциях. Например, по такой модели как словосочетание «рузиазал» можно встретить другие словосочетания типа «субҳишрат» (утро веселя и радости), которое означает время, как в следующих бейтах:

Ҳар кучо шавқи туам соғаркаши омол буд,
Субҳи ишрат сарбаланду шоми ғам помол буд.
Любовь к тебе вела за собой меня вином пристрастия,
И у ног зарей веселя, топтались ночи печалей и боли.

Дар пайи ҳар субҳи ишрат шоми кулфат тавъам аст,
Нест андар боғи имкон як гуле бе неши хор.
За каждым утром веселья следует вечера печали и унынья,
И нет в саду мирских возможностей цветка без колючки.

Словосочетания, которые означают пространственные взаимоотношения или отношение составных компонентов в пространстве и со значением пространства и места, например, мизимехмонхона (стол в гостиной), лои куча (грязь улицы), Сафари Душанбе (поездка в Душанбе) [3; 5]. Интересным представляется тот факт, что пространственные отношения, которые представлены в газелях Накибхона Туграла и его современников, прежде всего описаны посредством образов и воображений, так как большинство из них являются символическими понятиями, типа «бустониҳусн» (цветник красоты), «ишратободичаман» (место пиршества в цветнике), «саччодаичаман» (молитвенный ковер цветника – красиво расцветающий цветник) и т.д. в следующих примерах мы можем обнаружить словосочетания данной конструкции, которые имеют бесконечную разновидность символического описания окружающей среды и человеческих взаимоотношений. Например, в следующем бейте словосочетание «гулгаштичаман» означает самую расцветающую часть цветника, где можно рассмотреть обилие цветов, но наряду с этим поэт имеет ввиду место, где много

красавиц и среди которых любимая поэта лучше всех других красавиц и многие другие с завистью смотрят на нее и даже горлинка поразила красотой любимой поэта:

Дӣ ба гулгашти чаман нахлaш хиром овард бор,
Кумрӣ бо ёди қадаш имрӯз ку-ку мезанад.
Вчера в цветнике стан красавицы украшала всюду,
И сегодня поет горлинка, восхваляя стан красавицы.

Также и в следующих бейтах можно рассмотреть такую же ситуацию, где применены многие компоненты словосочетаний в качестве символов, а также словосочетания образованы в целях обозначения абстрактных представлений и означивания других поэтических воображений. Именно поэтому еще раз можно напомнить об актуальности данной исследовательской темы. В следующих бейтах мы можем проследить символические понятия и другие средства выражения воображения поэтов:

Қоматаш дар бўстони хусн дидам чилвагар,
Дар миёни навниҳолони чаман мумтоз буд.
Когда увидел грациозный стан красавицы в цветнике
Она была неповторимой и единственной среди всех.

В поэтическом контексте Накибхона Туграла и его современников можно рассмотреть также и другие модели данной группы словосочетаний, где цветы уподоблены поэтом красавицам, которые посещают такие места как сады, цветники и другие развлекательные места. Как в следующих бейтах Накибхона Туграла:

Баски дар зулфи шохидони чаман
Зада машшота обуранги баҳор.
И вот локоны красоток цветников,
Расчесаны и окрашены весной.

В вышеприведенном бейте мы видим, что поэт красавицу называет красотой цветника и при этом сравнивает с другими цветами, которые окружают ее. В связи с этим необходимо отметить, что обычно поэт уподобляет себя со свечой, которая по ночам горит в мечетях или на могилах, тогда, когда свою любимую уподобляет красивым цветкам, которые полны красотой, радостью и веселием. Как видим в следующих бейтах:

Баски саргарми гири яям,
Аз ғамаш то сахар чу шамъи мазор.
Я увлечен плачем всю ночь и до утра,
Из-за тоски к ней я как свеча на могиле.

В некоторых бейтах Накибхона Туграла и его современников можно обнаружить словосочетания, с основным компонентом «чаман» (цветник) и эти словосочетания относятся к поэтическим конструкциям, которые свойственны поэтическим контекстам. К таким словосочетаниям можно отнести такие как «ишратободичаман» (место пиршества и веселья в цветнике), «гулгаштичаман» (бульвар по цветнику), которые встречаются в следующих бейтах.

Дам ба дам ойинасон дар ишратободи чаман
Шохиди гулҳои рангин чилвагар дорад баҳор.
Время от времени отражая красоту природы,
Зеркало весны сияет красотой разных цветов.

Чун ба ҳангом хиромӣ ту ба гулгашти чаман,
Чашми нарғис ба тамошои ҷамолат шуда боз.
Когда ты идешь грациозно по цветнику,
Нарцисс раскрывает глаза, чтобы смотреть на тебя.

Или в другом бейте также применяется словосочетание «гулгаштичаман» и можно сказать, что в творчестве персидско-таджикских классиков можно часто встретить данное словосочетание, которое уже выступает в роли суфийского термина, постепенно переходящее в круг фразеологических единиц.

Ба гулгашти чаман ҳар ғаҳ ниқоб аз руҳ барандозад,
Арақ бар рӯи гул гул мекунад аз шӯҳии рангаш.
Когда красавица раскроет свой лик, прогуливаясь по цветнику,
Цветы обливаются потом из-за ее красоты и изящности.

Таким образом, в творчестве Накибхона Туграла и его современников можно наблюдать данные группы изафетных словосочетаний с разными структурно-семантическими и стилистическими особенностями. Анализ составных компонентов данной категории словосочетаний также показывает, что как основные, так и зависимые слова в составе словосочетаний относятся к разным группам имен существительных с различными лексико-семантическими особенностями.

Литература:

1. Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – 524 с.
2. Винокур Г.О. Понятие поэтического языка// Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - С. 388-393.
3. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. Китоби 2. – Душанбе, 1986. – 371 с.
4. Камолов Х.М. Изафетные словосочетания в «Таърихи табари» Бал'ъами»: автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (таджикский язык). /Хуршед Махмадисокович Камолов. – Душанбе, 2007. – С. 5-6. (22 с.).
5. Қосимова М. Н. Мухтасар оид ба ибораҳои изофии номӣ // Ганҷи сухан. Маҷмӯаи мақолаҳо. - Душанбе, 2013. - С. 46 - 82.
6. Мирзоев А. Масъалаҳои ибора дар забони тоҷикӣ. – Душанбе: Деваштич, 2002. 320 с.
7. Таджиев Д.Т. Об определительных словосочетаниях типа «Ахмада китобаш», «гапакамаш» //Ученые записки Таджикского государственного университета: Серия гуманитарных наук. Том 2. -Душанбе, 1954. - С.34 - 43.
8. Туграла Аҳрорӣ. Навоӣи кибриё. Куллиёти ашъор. – Душанбе: Адиб, 2014. - 440 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НАКИБКХОНА ТУГРАЛА

В статье рассматриваются вопросы структурно-семантических особенностей субстантивных изафетных словосочетаний таджикского языка в творчестве Накибхона Туграла и его современников. При рассмотрении данного вопроса также проводится анализ и интерпретация взаимоотношений составных компонентов данной группы словосочетаний в поэтическом контексте. Отмечается, что в творчестве Накибхона Туграла и его современников можно наблюдать субстантивных словосочетаний с разными структурно-семантическими и стилистическими особенностями и как показывает исследование как основные, так и зависимые компоненты данной модели словосочетаний относятся к различным группам имен существительных.

Ключевые слова: язык, поэзия, словосочетание, структура, синтаксис, изафет, имя существительное, компоненты, изафет, определение, определяемое, соотношение слов.

LANGUAGE FEATURES OF SUBSTANTIVE PHRASES IN NAKIBKHON TUGRAL'S CREATIVITY

In article questions of structural-semantic features substantive the izafet of phrases of the Tajik language in creativity Nakibkhon Tugral and his contemporaries are considered. By consideration of the matter the analysis and interpretation of relationship of compound components of this group of phrases in a poetic context is also carried out. It is noted that in creativity of Nakibkhon Tugral and his contemporaries it is possible to observe substantive phrases with different structural-semantic and stylistic features and as shows research as the main and dependent components of this model of phrases belong to various groups of nouns.

Keywords: language, poetry, the phrase, structure, syntax, izafet, the noun, components, izafet, the definition defined a ratio of words.

Сведения об авторе: Расулов Сухайли Мирқозиевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: toygonm@mail.ru

About author: Rasulov Suhayli Mirqozievich, PhD in philology, docent of chair of Tajik Language and Literature Method of Teaching, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: toygonm@mail.ru

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Назифова З.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

В настоящее время изучение иностранных языков широко распространено в нашей стране. Хорошее знание языка невозможно без знания его фразеологии. Фразеология - чрезвычайно сложное явление, изучение которого требует своих методов исследования, а также использования данных других наук - лексикологии, стилистики, истории языка и т.д.

Фразеологический фонд изменяется, пополняется и обновляется, и, естественно, в него входят и новые фразеологизмы с именами собственными.

В жизни общества появляются новые имена, возникают новые ассоциативные связи, которые дают жизнь новым фразеологическим единицам.

Фразеологические единицы - устойчивые по составу и структуре, неделимые и целостные по значению, выполняющие функцию отдельной единицы.

Фразеологические единицы заполняют лакулы в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. (Кунин А.В. Курс фразеологии английского языка)

В зависимости от степени мотивированности значения фразеологизма значениями слов, входящих в его состав, и от степени их спаянности выделяют следующие типы фразеологизмов [4].

1. Фразеологические сращения. Устойчивые, лексически неделимые обороты, значения которых никак не выводятся из значений составляющих их слов, не мотивированы ими: валять дурака, собаку съесть, тертый калач. К этой группе относятся также фразеологизмы, содержащие устаревшие слова (не видно ни зги, бить баклуши) и устаревшие формы слов (скрепя сердце).

2. Фразеологические единицы. Устойчивые, лексически неделимые обороты, значения которых мотивированы значениями составляющих их слов, но не выводятся непосредственно из них, а возникают на основе образного переосмысления. В большинстве случаев фразеологическому единству соответствуют свободное словосочетание, которое, будучи ассоциативно переосмысленным, и послужило основой метаморфической фразеологии (плыть по течению, ни рыба ни мясо).

3. Фразеологические сочетания. Устойчивые сочетания слов, которые включают в свой состав как компонент со свободным значением, так и компонент с несвободными (фразеологически связанным) значением.

Помимо указанных типов к фразеологизмам иногда причисляют так называемые фразеологические выражения - пословицы, поговорки и 2 крылатые слова». Они тоже воспроизводятся в речи «в готовом виде», имеют постоянный состав, но при этом членятся на составляющие их слова, каждое из которых обладает собственным лексическим значением.

Фразеологизмы классифицируются на основании того, с какой частью речи по значению и синтаксической роли в предложении соотносится весь фразеологизм: глагольные (бросаться словами, точить лясы - «разговаривать, болтать»); именные (хождение по мукам - «мучение»); адъективные (кровь с молоком - «красивый, здоровый»); наречные (непочатый край - «много»).

Номинативные фразеологические единицы являются оборотами, выполняющими функцию называния, т.е. обозначения, явлений, действий, состояний, качеств и т.п. Фразеологическим единицам свойственна функция осложненной номинации. В образных фразеологических образованиях по-разному переплетаются экспрессивность, образность, интенсивность, эмотивность, оценочность. Наиболее общим свойством является экспрессивность. Обороты этого типа называют экспрессивами.

В состав номинативных фразеологических единиц входят фразеологизмы различных структурных типов: обороты с одной знаменательной лексемой и одной или двумя незнаменательными лексемами, фраземами, т.е. обороты со структурой словосочетания, и обороты со структурой придаточного предложения, как с

определенным словом, так и без него. В состав одновершинных фразеологических единиц входят в основном адвербиальные и адъективные обороты.

В данной исследовании большое внимание уделяется лишь двум группам фразеологических единиц: субстантивным и адъективным, рассмотрим их синтаксические и морфологические свойства.

Проведем границу между словосочетаниями в русском языке и словосочетаниями в английском языке.

Лексемы, соединяясь друг с другом, строят словосочетания, или фраземы.

В русском языке словосочетания - это сочетание двух или более самостоятельных слов, связанных между собой грамматически и по смыслу. Они формируются в предложении и выделяются из него. По характеру связи между словами словосочетания делятся на подчинительные и сочинительные.

Тот же самый принцип деления фразеологических единиц (или словосочетания) сохраняется и в английском языке.

Словосочетание в английском языке обычно рассматривается как сочетание полнозначных слов, служащее в составе предложения сложным названием предметов, явлений и отношений окружающего мира [4].

Выделяют фразеологический уровень как уровень, непосредственно лежащий над уровнем слов.

При этом нужно учесть фундаментальный закон структурного соотношения сегментных уровней языка, состоящих в том, что единица каждого вышележащего уровня строится из одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня. Следовательно, искомая уровнеобразующая единица, расположенная выше, чем слово, должна строиться одним или несколькими словами и при этом выполнять некоторую функцию, более высокую, чем функция слова, взятого как элемент словарного состава (т.е. как единица лексематического уровня со своей номинативной функцией). Такую единицу мы находим в лице члена предложения - элемента языка, строящегося одним или несколькими словами с денотативной (контекстно-конкретизированной) функцией. Данную единицу, придерживаясь избранной эмической терминологии, мы называем «денотемой». Что касается фразеологических единиц как таковых, то, будучи включенной в состав предложения, они оказываются не чем иным, как разновидностью денотемы.

Как известно, среди словосочетаний различаются, с одной стороны, устойчивые словосочетания (фразеологические единицы), а с другой стороны, свободные («синтаксические») словосочетания. Фразеологические единицы составляют специальный предмет изучения фразеологического раздела лексикологии, а свободные словосочетания изучаются в нижнем разделе синтаксиса. Однако грамматика не проходит мимо фразеологических единиц, сопоставляя их по внутренним грамматическим свойствам и отношениям со свободными сочетаниями.

Основными словосочетаниями в английском языке, реализуемые соединением полнозначных слов, формируются одной или несколькими синтагмами вокруг субстантивного, глагольного, адъективного и адвербиального центров. При этом адъективные и адвербиальные сочетания, как правило, включаются в субстантивные и глагольные в качестве их фразовых составляющих. (the previous night; the others, far responsible; to turn the mind to the suggested subject и т.д.).

Учитывая характер номинативной функции, выполняемой словосочетанием, следует выделить знаменательные сочетания в базовую часть фразеологического уровня. Это так, потому что фразеологические единицы выполняют функцию «полиноминативности», отличаясь этим от «монономинативности» слова в собственном уровне смысле. Именно полиноминативность словосочетания дает основание современным лингвистам выделять само учение о словосочетании в отдельный раздел синтаксиса, называемый иногда «малым синтаксисом», в отличие от «большого синтаксиса» вышележащего уровня сегментов.

Известно, что в языке имеется некоторое количество устойчивых предложений в виде элементов «готовой цитации». Эти предложения, наряду с устойчивыми фразеологическими единицами, составляют предмет фразеологии [4, 3].

Многим компонентам субстантивных фразеологических единиц с подчинительной структурой свойственно нормативное образование единственного и множественного числа существительных в зависимости от единичного или множественности

обозначаемых предметов, явлений: a devil's advocate (devil's advocates) - злостный критикан, злопыхатель; a white elephant (white elephant) - обременительное или разорительное имущество, обуза; подарок, от которого не знаешь как избавиться.

Обычно флексией множественного числа оформлено одно существительное даже при наличии двух существительных в фразеологических единицах: we found ourselves regular knights of the road, before we knew where we were (W. Thankeraу).

Однако встречаются случаи, когда два существительных стоят во множественном числе: backwards and forwards – взад и вперед.

You know that I am plain Roebuck Ramsden when other men who have done less have handles to their names. (G.B. Shaw).

He who sows the wind, shall reap the whirl wind - кто сеет ветер пожнет бурю (библ.).

В составе субстантивных фразеологических единиц с подчинительной структурой имеются существительные, употребляющиеся только во множественном числе, тогда как эти же существительные в качестве отдельных лексем могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе.

Фразеологические единицы с существительными во множественном числе разделяются на следующие группы:

1. Фразеологические единицы, отражающие объективно существующую множественность и не допускающие единичности: birds of a feather - люди одного склада, один другого стоит;

2. Фразеологические единицы, традиционно обозначающие только множественность, хотя объективно существует и единичность: dead marines (men или soldiers) - пустые бутылки;

3. Фразеологические единицы, обозначающие единичность, являющуюся объединением отдельных единиц: a month of Sundays - долгий срок; the nest of singing birds - «гнездо певчих птиц»;

4. Фразеологические единицы, обозначающие единичность, но выраженную существительным во множественном числе: donkey's years - долгое время, целая вечность; palmy days - пора расцвета, процветания;

5. Фразеологические единицы, обозначающие единичность, тесно связанную с множественностью: a break in the clouds - «просвет в тучах»; new wine in old bottles (библ.) - молодое вино в ветхих мехах; новое содержание в старой форме;

6. Фразеологические единицы, обозначающие неисчислимое понятие, тесно связанное с множественностью: milk for babes - что-либо легкое для понимания.

Множественное значение существительного является важным составным элементом буквального значения компонентов, на основании которого возникло фразеологическое значение оборота (the merry dancers (редк.) - северное сияние) [3].

Множественное значение существительного также важно и для тех фразеологических единиц, которые возникли, минуя стадию переменного словосочетания: angels on horseback - устрицы, завернутые в ломтики ветчины (закуска).

Изменение прилагательного в субстантивных фразеологических единицах с подчинительной структурой встречаются сравнительно редко.

Во многих атрибутивно - именных сочетаниях подобное изменение является невозможным, например, в оборотах best man - шафер, свидетель; the last straw - последняя капля (переполнившая чашу).

Однако в некоторых случаях субстантивных оборотах типа «прилагательное + существительное» прилагательные могут употребляться в сравнительной и превосходной степенях. Подобное употребление встречается даже у Диккенса. an old hand - опытный человек. You are an older hand at this, than I thought you, Turpman (СН. Dickens).

Литература:

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии - М.: Просвещение, 1963. - 321 с.
2. Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. М., 1979
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2005. - 239 с.
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А.А. Шахматов, 1864-1920: Сб. статей и материалов. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. - 474 с.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБСТАНТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье автор исследует морфологические особенности субстантивных фразеологических единиц в английском и русском языках с точки зрения иностранных ученых. Анализируя несколько путей образования субстантивных ФЕ, она сравнивает их с адекватными и адвербиальными.

Ключевые слова: существительное, прилагательное, морфология, словосочетание, фразеология, лексика, синтаксис.

MORPHOLOGICAL FEATURES OF SUBSTANTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The author examines the morphological features of substantive phraseological units in English and Russian from foreign scientists' point of view. Analyzing several ways of phraseological units forming, she compares them with adequate and adverbial.

Keywords: noun, adjective, morphology, phrase, phraseology, word combinations, syntax.

Сведения об авторе: Назифова Зулайхо, начальник международного отдела Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: nazipova77@mail.ru

About author: Nazifova Zulaykho, head of the international department, Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, e-mail: nazipova77@mail.ru

МЕЖЯЗЫКОВАЯ КОМПРЕССИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Махмудова М.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Компрессия как усечение, или редукция, проявляется на всех языковых уровнях и может быть фонетической, морфологической и синтаксической.

Общим во всех случаях является то, что компрессии подвергаются семантически избыточные элементы. Явление компрессии связано с переходом единиц на другой уровень осуществляемым орфографически, синтаксически или обоими способам одновременно, способствующими приобретению новых функциональных характеристик данными единицами. Термин “компрессия” близок термину “комплексная конденсация”, предложенному одним из основателей Пражской функциональной школы В. Матезиусом. Сравнивая функционирование чешского и английского языков, ученный обратил внимание на тот факт, что там где в чешском употребляется сложное предложение с каким-либо придаточным, в английском то же содержание передаётся именной фразой, причастным оборотом, инфинитивом или герундием. Как позднее отмечал И. Вахек, под комплексной конденсацией В. Матезиус понимал “введение в предложение именного элемента или фразы, позволяющей обходиться без придаточного предложения, использование которого в другом случае было бы обязательным [2, с. 5]. Исходя из вышеуказанного ученным мы имеем какое-то право наименовать компрессию внутриязыковой и межязыковой т.е. во первом каждый язык английский, таджикский, русский, китайский и т.д...., редуцируется сегментами своего языка, а в втором этот процесс происходит сегментами двух разных языков т.е. таджикские сложноподчинённые подвергаются компрессии английским языком.

Компрессии сложноподчинённых предложений таджикского языка передающиеся посредством неличных форм английского языка осуществляемое посредством Инфинитива, Герундия и Причастия, т.е. неопределённых форм глагола указывает на возможности выражения сложноподчинённых предложений путём экономии и креативности языка [2, с.13].

Например: 1. Чавононе, ки милтиқхояшонро ба даст гирифта буданд, часта хеста аз хона баромада давон-давон ба кӯча рафтанд. (С. Айнӣ, Фуломон). Молодые люди, которые держали свои ружья, встали и вышли из дома и побежали в сторону улицы =Чавонони милтиқхояшонро ба даст гирифтагӣ часта хеста, аз хона баромада, давон-

давон ба кӯча рафтанд. (Ба ибораи сифати феълӣ табдил додани чумлаи пайрави муайянкунанда дар забони тоҷикӣ The young men holding guns got up and ran to the street.

Е.2. Ӯ маро Ҳомид-Саша меномид, то зехни ман ҳам нақоҳад. (Р. Ҷалил, Ҳикояҳо). Чтобы не обидеть меня, он называл меня Хамид-Саша. = Ӯ барои нақоҳидани зехни ман маро Ҳомид-Саша меномид. (Ба ибораи масдарӣ табдил додани чумлаи пайрави сабаб). Not to offend me he called me Homid –Sasha

В приведённых примерах можно видеть, как внутриязыковая и межязыковая компрессия имеет место в таджикском языке . Условно назовём вид и тип компрессии(редукции) по такой схеме

№	Предложение	Вид компрессии (редукции)	Тип компрессии (редукции)
1.	1.1 Чавонони милтиқҳояшонро ба даст гирифтагӣ часта хеста, аз хона баромада, давон-давон ба кӯча рафтанд. 1.2 The young men holding guns got up and ran to the street.	1.1 внутриязыковая 1.2 межязыковая	Participle reduction
2.	2. Ҳар кас, ки бештар кор кунад, вай ҳамон қадар музд мегирад. (С.Айнӣ «Дохунда») 2.1 Кто много работает, тот и много зарабатывает. 2.1. To work more is to get more for everyone.	2. межязыковая	2. infinitive reduction
3.	3. Ҳар кас, ки бештар кор кунад, вай ҳамон қадар музд мегирад. (С.Айнӣ «Дохунда») 3.1. Working more means getting more for everyone	3. межязыковая	3. gerund reduction

Причастное редуцирование (participle reduction) часто используется в передаче сложноподчинённых предложений в таджикской художественной литературе. В данной статье я приведу примеры межязыковых редуцированных предложений из художественной литературы на английский посредством причастия (participle reduction)

Какие типы сложноподчинённых предложений подвергаются феномену редуцирования посредством причастия с таджикского языка на английский? Рассмотрим нижестоящие примеры из худ. лит.

Ех.1. Subject clause: 1. Ҳар кас, ки ба дасташ қалам гирифта чизе менависад ё дар пеши халқ баромада нутқ мекунад, вай бояд кӯшиш кунад, ки забони асари он ба хонандагон ва шунавандагон фаҳмо бошад. (С.Улуғзода «Субҳи чавонии мо») Каждый, кто пишет или выступает, с речью перед народом должен потрудиться, что язык его произведений был ясным для читателей и слушателей. Everyone taking a pen and writing something or making a speech before people should try to be clear to the readers and listeners.

Ех.2. (Adjective clause) Зани фаранчинок ба таги дар омада касеро, ки дар поёни меҳмонхона нишаста буд, имо карда ба берун баровард. (С.Айнӣ, Дохунда) (муайянкунанда бо пуркунанда) Женщина одетая в паранджи подошла к дверям и обратилась к мужчине сидевшему внизу гостиной, чтобы он вышел. The woman wearing yasmak (paranja) came to the door and called out a person sitting at the down of the sitting-room.

Ех.3. (Adverb. clause of manner). Падарам, дар ҳолате ки аз дидори дӯсташ шод буд ба модарам гуфт. С. Улуғзода, Субҳи чавонии мо). Папа от радости, что увидел друга, сказал маме. Having been happy from his friend's presence, my father said to my Mom.

Ех.4. (adv. clause of time) Баъд аз он ки Қозичон-Махдум ба район қозӣ шуда, аз шаҳр рафт, додари маро Дониёлхӯча ном бародари калонии ӯ ба дастёрии худ гирифт. (С.Айнӣ, Ёддоштҳо) Когда Козиджон –Махдум став районным судьёй уехал в город, его старший брат Дониёлходжа взял моего брата в помощники. Having been appointed

as a judge to the district Qozijon –Makhdum left the town, and my brother was taken to help by his elder brother named Donielkhuja

Ex.5 (adv. clause of cause) Азбаски ӯ фанҳо ва илмҳои гуногунро медонист, ҳамзамононаш ба ӯ «Зуфунун» лақаб дода буданд. (С.Айнӣ, Ёддоштҳо) Так как он знал многие предметы и науки, друзья прозвали его “Зуфунун” Having known different subjects he was called “Zufunun”

Ex.6 (adv. Clause of purpose) Фавран аз асп фаромада ба тарафи ӯ давид, то ки бо дӯсти деринаи худ мулоқоти гарму ҷӯшон кунад. (С.Айнӣ, Марги судхӯр) Чтобы тепло встретится с своим другом, он быстро спустился с лошади и побежал к нему. Getting of the horse quickly, he went to his friend to greet him warmly.

Ex.7 (Conditional) Агар рухсат ва асбоб дихед, ман ба сохтанаш тайерам. (С.Айнӣ, Ёддоштҳо) Если дадите разрешение к инструментам, я готов это сделать. Permitted to the instruments, I am ready to make it.

Ex.8 (Concession) Вай ҳар чанд дард аз ҷонаш гузашта бошад ҳам, дод нагуфт. (С.Айнӣ, Ятим) Хотя ему очень больно, он не крикнул. Though having felt a severe pain, he didn't shout.

Ex.9 (result) Вай чунон тез мерафт, ки ба назарам ким чи хел ҳайвони тездав барин менамуд. (С.Улуғзода, Субҳи ҷавонии мо) Он шёл так быстро, что был подобен скоростному животному. Walking so fast, he looked like a fast animal.

Нижестоящая таблица ярко указывает на типы предложений, которые можно подвергнуть феномену редуцирования посредством Participle условно с таджикского языка на английский язык и назвать этот тип редуцирование participle reduction

Чумлаҳои мураккаби тобеъ	Complex sentences	infinitive	gerund	Participle
1. Мубтадо	Subject			+
2. Хабар	Predicative			-
3. Пурқунанда	Object			-
4. Муайянқунанда	Adjective			+
5. Хол				-
6. Микдори дараҷа				
7. Тарзи амал	Manner			+
8. Монандӣ	Comparison			
9. Замон	Time			+
10. Макон	Place			
11. Сабаб	Cause			+
12. Мақсад	Purpose			+
13. Шартӣ	Conditional			+
14. Хилофӣ	Concession			+
15. Натиҷа	Result			+

Из приведённых примеров можно увидеть, что межязыковое причастное редуцирование широко применяется в передачи сложноподчинённых предложений и в художественной литературе.

Литература:

1. Айнӣ С. Дохунда. - Душанбе: Ирфон, 1984. - 432 с.
2. Айнӣ С. Марги судхур (Смерть ростовщика) - Душанбе: Ирфон, 1970. - 348 с
3. Айнӣ С. Фуломон (Рабы) Душанбе, Ирфон, 1977. - 424 с
4. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. - М.: Логос, 2001. - 304
5. Дюндик Б.П. Компрессия придаточных предложений в современном английском языке. / Автореферат дисс. канд. филол. наук. - М., 1971
6. Иванов В.Б., Семенова Е.В., Хушқадамова Х.О. Учебник таджикского языка для стран СНГ часть 1- М...; КЛЮЧ-С, 2009. - 231с
7. Ниёзмухаммадов Б. Забони адабии ҳозираи тоҷик - Душанбе: Маориф, 1970
8. Каушанская В.Л. и др Грамматика английского языка - М...; Айрис Пресс, 2008
9. Качалова К.Н., Е.Е. Израилевич Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами - М...; Лад Ком, 2012

10. Малинович Ю.М. Некоторые случаи синтаксической редукции на уровне предложения. //Тезисы докладов. - М.,1968.
11. Azar, Betty Schramfer Understanding and using English Grammar-USA: Longman Pearson Education, 1999.
12. Alexander L.G. English Grammar Practice for Intermediate Students- U.K: Longman Group UK limited, 1990.
13. Lehman Ch. Towards a typology of clause linkage // <http://www.christianlehmann.eu/publ/linkage.pdf>
14. Улугзада С. Субҳи ҷавонии мо (Заря нашей молодости) -Душанбе: Нашр.давл.точик, 1957. -549 с.

МЕЖЯЗЫКОВАЯ КОМПРЕССИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЧАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье анализируется межязыковая компрессия сложноподчинённых предложений посредством причастия в современной таджикской художественной прозе. Автор статьи приходит к выводу, что языковая компрессия происходит не только внутри одного языка, но в то же время межязыковая компрессия способствует передачи языковых единиц. На примере языковой компрессии современной таджикской прозы посредством причастия, автор подчёркивает, как сложноподчинённые предложения подвергаются данному языковому феномену.

Ключевые слова: компрессия, межязыковая, внутриязыковая, причастие, редуцирование, сложноподчинённые предложения, экономия языка.

INTERLANGUAGE COMPRESSION OF COMPLEX SENTENCES BY MEANS OF PARTICIPLE IN MODERN TAJIK FICTION

The article analyzes the problems of interlanguage compression of complex sentences of Tajik modern fiction by means of participle. The author comes to the conclusion that compression occurs not only in a one language but among the languages. On the examples of Tajik modern fiction language compression by means of participle the author emphasizes that the complex sentences of Tajik language are subject to this linguistic phenomenon.

Keywords: compression, interlinguas, intralingua, communion, reducing, complex sentence, saving the language.

Сведения об авторе: Махмудова Мавлуда, соискатель кафедры английского языка и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: today_paper@mail.ru

About author: Mahmudova Mavluda, applicant of the Department of English and comparative typology, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini

ЯВЛЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Бурханова С.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Говоря об идиоме, которая сложившись как таковая, сохраняла бы всегда и неизменно только одно, а именно первоначальное свое целостное значение, не могло бы существовать полисемия идиом. Ведь всякая полисемия есть результат накопления значений в одной и той же лексической единице, вызываемого неоднократным ее переосмыслением. Между тем, полисемия идиом - довольно распространенное явление.

Полисемия идиомы создает недостаточность ее внутреннего, самостоятельного контекстуального указания. Тот указательный, минимум, который совпадает с самим составом идиомы, оказывается в таких случаях формально ослабленным, нуждающимся в поддержке извне - либо из речевой ситуации, либо от каких-то элементов включающего данную идиому предложения или конструктивных условий ее употребления.

Например, идиома *to have a dig at (smth.)* при переменном дополнении неодушевленного предмета (отвечает на вопрос что?) означает 'взяться за (какое-либо дело) попробовать свои силы (в каком-либо деле)', а при переменном дополнении одушевленного предмета (отвечает на вопрос кто?) имеет значение 'пройтись на (чей-либо) счет, уколоть (кого-либо) и т. п. и т. д.

Осуществление одного из нескольких целостных значений полисемичной идиомы зависит, следовательно, от контекста или от речевой ситуации.

Так, например, идиома *flesh and blood* имеет несколько значений: 1) 'живое существо', 2) 'собственной персоной', 3) 'живая плоть', 4) 'полный жизни', 5) 'неотъемлемая часть', 6) 'собственное детище'. Ср. некоторые контексты: *Even his mad love for his daughter, Fleur, is a love for a piece of beautiful flesh and blood which is his* (R. Fox, N. P., 31),

Даже несмотря на то, что в предложении есть слово *daughter*, оно могло бы иметь в идиоме перевод 'собственное детище', данное контекстуальное значение идет к идиоме от слова *piece*, и идиома имеет перевод 'живая плоть'.

... *the bronze horse, if miraculously transformed into flesh and blood, would not have been the kind of horse that is chosen to carry field marshals* (F. A. Philbrick, U. E., 165).

Значение идиомы 'живое существо' зависит здесь от указательного минимума *bronze horse transformed into*.

У полисемии идиомы есть одно внешнее сходное с ней явление, которое следует различать,- это: омонимия фраземы и идиомы. Ср., например: *deaf nut* 'гнилой орех' (фразема), 'обреченное, на неуспех предприятие' (идиома); *war baby* 'ребенок, рожденный не от мужа-фронтовика' (фразема), 'явление, характерное для военного времени' (идиома); *cocked hat* 'треуголка' (фразема), 'письмо, сложенное треугольником' (идиома); *to weigh anchor* 'поднять якорь' (фразема), 'начать или возобновить работу' (идиома); *to hang fire* 'дать осечку' (т.е. не дать вспышки); (фразема), 'мешкать, тянуть' (идиома); *stool pigeon* 'приманный: голубь' (фразема, *охотн..*), 'provokator' (идиома), и т. п.

Такая ситуация возникает тогда, когда существующая в языке фразема подвергается образному переосмыслению в целом.

Таким образом, возвращаясь к случаям настоящей полисемии идиом, следует сделать вывод, что сам факт ее существования говорит о том, что семантическая традиционность идиомы есть лишь значительно большая ее семантическая инерция по сравнению с инерцией слов, но не есть ее неизменяемость.

Говоря о целостности значения идиомы имеем ее содержание – не прямо выраженным, а суггестивным (подразумеваемым), из этого может возникнуть предположение, что целостное значение - это просто образное значение, традиционно закрепленное в данной единице постоянного контекста. В свою очередь, это не так. Термин «целостное значение» идиомы не есть просто иное название для ее общей образности, хотя направленность подавляющего большинства идиом может иметь образную основу.

Различия между целостным значением единицы постоянного контекста и общей метафоричностью единицы переменного контекста сводятся к следующему.

Во-первых, целостное значение идиомы строится на основе ослабления лексических значений ее компонентов; образность переменного сочетания слов возникает из максимально интенсивной реализации значений его членов.

Во-вторых, в идиоме значительным и актуальным является не сам образ, ею выражаемый (который может быть во многих случаях затемненным или утраченным), а обычное соединение данных слов для выражения данного значения; в переменном образном сочетании важен именно образ как средство передачи содержания мысли.

В-третьих, вместо сложно-нечленимой семантемы идиомы в переменном образном сочетании налицо двуплановая сложно-членимая семантема: основное и вторичное (или формально выраженное и актуальное) его значения связаны друг с другом параллельной связью (одно выражается через другое).

В-четвертых, целостное значение идиомы традиционно; образность переменного сочетания тем эффективнее, чем оно неожиданнее и свежее (конечно, в рамках объективной доступности для адресата речи).

В-пятых, образность для идиомы сведена на положение наиболее распространенного принципа исходной направленности; так как не исключена

возможность появления целостного значения и в итоге потери первоначального прямого смысла словосочетания (ср. *brown study* 'мрачное раздумье', *at the first blush* 'с первого взгляда'; *to bid beads* 'молиться', где *beads* сохраняет ныне утраченное значение 'молитвы', а *bid* устар. 'заявлять, просить', и т. п.). Образность в переменном сочетании есть активный способ повышения эмоционального заряда высказывания, образующийся и действующий одновременно в момент речи.

Наконец, в-шестых, целостное значение принадлежит единице языка, образность - единице речи.

От целостного значения следует отличать и тот дополнительный или аллюзивный смысл, который может возникать как в словосочетаниях, так и в предложениях переменного характера. Этот дополнительный смысл представляет собой, семантическое добавление, не отменяющее и не заменяющее собой основное содержание данного сочетания слов, а наслаивающееся на него в качестве невысказанного вывода. Материалом для этого вывода служит указание на какие-либо признаки того, о чем идет речь. К примеру, вместо того, чтобы напрямую сообщить, что собеседники перестали разговаривать и заснули, Теккерей сообщает: *And presently the voices of the two speakers were hushed, or were replaced by the gentle but unromantic music of the nose* (W. M. Thackeray, V. F, I, 43).

Итак, целостное значение есть единственное актуальное значение обладающего им словосочетания; дополнительный смысл лишь сопровождает непосредственное содержание соответствующего сочетания слов, хотя и является целью сообщения. Через целостное значение объясняется иное, по сравнению с непосредственно выраженным значением - содержание мысли; через прибавочное значение - оно лишь обогащается. Целостному значению свойственна сложная нечленимость; прибавочному значению - двуплановость содержания.

Семантическая двуплановость образного сочетания слов и сочетания с прибавочным значением не одинакова по характеру связи между основным и вторичным значениями. В образном переменном сочетании налицо параллельная связь между ними («это как то», «это как часть того»); в сочетании с прибавочным значением между ними существует последовательная связь («это как вывод из того»). В целостном значении двуплановости вообще нет. Она может лишь искусственно создаваться при обыгрывании лексических значений компонентов идиомы.

Литература:

1. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970.
2. Амосова Н. Н. О целостном значении идиомы // Исследование по английской филологии. - Л.: Изд-во ЛГУ, №2. 1961. - С. 25-55.
3. Бабкин А. М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре // Современная русская лексикография. - Л., 1977. - С. 4-17.
4. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. – 148 с.

ЯВЛЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ ИДИОМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье речь идет о явлении полисемии идиомы в английском языке. При написании статьи автор использовал огромное количество литературы относящейся к теме.

Ключевые слова: идиомы, полисемия, явление, язык, английский язык, тема, количество.

THE PHENOMENON OF POLYSEMY IN ENGLISH LANGUAGE

This article dealt with phenomenon of polisemy of Idioms in English language. Having writing the article, the author has used many literature regarding the theme.

Keywords: Idiom, polisemy, phenomenon, language, English language, theme, number.

Сведения об авторе: Бурханова Светлана, аспирант кафедры английского языка и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: svetlana.unru@gmail.com

About author: Burhanova Svetlana, post-graduate student, chair of English language and Comparative Typology, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: svetlana.unru@gmail.com

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФЕ
В СОПОСТАВЛЯЕМЫХ ЯЗЫКАХ

Азимова М. Н.

Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова

В число наиболее важных проблем исследования фразеологии входит анализ фразеологизмов в аспекте семантической организации фразеологизмов и систематизация, и классификация фразеологической системы языка по данному принципу. Как воспроизводимая, устойчивая единица, каждая ФЕ системно организована из определенного набора семантических признаков. В соответствии с общностью характеристики семантических признаков (интегральных и дифференциальных), отражающих специфические семантические свойства фразеологизмов, фразеологические единицы объединяются в более крупные семантические классы, группы, виды и типы, идентифицируя иерархические отношения в системе фразеологии языка. Семантические признаки становятся основой общности и взаимной соотнесенности ФЕ, в зависимости от которых фразеологические единицы включаются в состав определенной фразео-семантической группы. В настоящей работе они называются лексико-семантическими группами или микросистемами, при необходимости подразделяющимися на лексико-семантические подгруппы и т.д. Они многообразны, их анализ предпринят во многих исследованиях (Арсентьева 1989; Амосова Н. 1962; Гатиатулина 1968; Гоголицына 1979; Куркова 1980; Вовк 1976; Покровская 1977; Ковалева 1979; Райхштейн 1980; Маджидов Х. 1968 и др.).

О тематическом многообразии ФЕ свидетельствует тематическая классификация ФЕ, которую предлагает в своей работе «Фразеология английского языка» Смит П.Л., Следует отметить, что работа его носит скорее практический, чем теоретический характер. Автор не уделяет сколько-нибудь внимания исследованию структурно-семантических особенностей ФЕ. Для него устойчивые сочетания, определяемые им как «идиомы», представляют интерес главным образом постольку, поскольку они являются «словесными аномалиями, нарушающими или законы грамматики или законы логики» [7, с. 13]. Предпринятая Смитом классификация ФЕ не предоставляет возможность анализировать структурно-семантическую организацию фразеологизмов, раскрыть их смысловую структуру. Если исходить из замечания самого Смита, а он во многих местах своей книги ссылается на свою недостаточную компетентность в решении лингвистических вопросов, по всей видимости, автор не ставил перед собой задачи охарактеризовать внутреннюю структуру фразеологизмов. В предисловии к своему труду автор отмечает, что он «скорее лексикограф, чем филолог, если лексикологом может быть назван тот, кто занимается компиляцией из словарей, составленных другими» [7, с. 15]. Предлагая свою классификацию, автор стремился показать богатство и разнообразие английской фразеологии, выявив источники происхождения и пути проникновения ФЕ в общенародный язык, попытался определить некоторые смысловые сдвиги и изменения в структуре ФЕ в процессе этого перехода. Следует отдать дань автору, что он собрал огромный материал, проявляет удивительное чутье в осмыслении и определении семантических и функционально-стилистических оттенков значения фразеологизмов английского языка, многие из которых не потеряло свое значение и к настоящему времени.

Систематизация основного материала производится автором в соответствии с теми источниками, из которых черпал фразеологический материал английский язык и в соответствии с источником пополнения английского языка фразеологизмами проводит их классификацию. Так, им выделяются идиомы, взятые из языка **моряков и рыбаков** (*to swim against the current, to lower one's flag, to break the ice, to fish in troubled waters*), солдат (*to beat a retreat, at the sword's point, to be under arms*), **охотников** (*to go to the dogs, to turn tail, to hunt down, to hound on*) и т.д. Он отмечает идиомы, связанные с различными домашними и дикими животными (*a black sheep, to take the bull by the horns, all cats are grey in the dark, the lion's share*), **птицами** (*to walk upon eggs, birds of a feather flock together*), с явлениями природы (*a cloud of witness, to get the wind up, as right as rain*); идиомы, связанные с **сельским хозяйством** (*a place in the sun, to run to seed, a man of straw*), **кухней**

(*you cannot make your pie and have it, to make one's bread by, to eat dirt*), с **жилищем и хозяйством** (*on the carpet, a new broom, to draw a curtain*), с **частями человеческого тела** (*to keep one's head, from head to foot, to show one's nose*), **медициной** (*to kill or cure, to gild the pill, to swallow the pill*), **правом и юриспруденцией** (*to make out one's case, to laugh out of court, to plead guilty*), **живописью** (*to tone down, a blot on the landscape, the devil is not so back as he is painted*), **театром** (*to be in (out) of character, to ring down the curtain, to play to the gallery*), с **различными видами спорта** (*to let fly, to the top of one's bent, to knock out*) и многие другие.

В обоих сопоставляемых языках в системе ФЕ выделяются многочисленные группы фразеологизмов, основу тематической классификации которых составляют другие семантические признаки. Типичные микросистемы на основе тематической общности составляют ФЕ, приводимые нами ниже на основе лексико-тематического анализа фразеологизмов, составляющих часть фразеологического семантического поля «Человек». В.Н. Телия отмечает: «Основной массив идиом «сосредоточен» на характеристике свойств лица, на социальных диспозициях лица, на ментальных состояниях и на чувствах; обозначение объектов, нуждающихся в четкой идентификации (предметы, вещи), по роду их профессиональных занятий или обозначение через отношение к другим лицам, а также собственно физических состояний или акций крайне не характерно для идиом, хотя продуктивно обозначение качественных и количественных признаков, физических акций и состояний, которые не идентифицируют, а квалифицируют их» [8, с. 176].

Наш анализ во многом носит предварительный характер и преследует цель начертить общую схему анализа, применяя метод систематизации и классификации фразеологизмов по тематическому принципу. В дальнейшем в работе нами предпринимается подробный системный анализ компаративных ФЕ, образных сравнительных оборотов и глагольных соматических фразеологизмов, включая их общую функциональную характеристику как в семантическом, так и в структурном и стилистическом аспектах.

По внутренним соотношениям семантических признаков семантическое поле фразеологизмов «Человек» частично включает ниже приводимые наиболее типичные микросистемы в таджикском литературном языке:

- **ФЕ, выражающие физическое состояние человека:** *одами шалтар*- усталый человек; *мондагиро надонистан* - не знать усталости; *саг барин монда шудан*– уставать, как собака; *мондагии худро баровардан* - в значении отдохнуть, передохнуть: *Фисаширо (биниаширо) пок карда наметавонад* — хилый; *ба пой базӯр рост истодан*- едва держаться на ногах; *аз по афтидан* - становиться хилым и беспомощным; *аз пой афтодан* - не находить силы ходить, уставать и заболеть; *пой ба лаби гӯр расидан*, - а) в знач. становиться дряхлым стариком; доживать остаток дней, приближаться к смерти; *пой дар рикоби асти хаҳлиҳодан* - разгневаться, рассердиться; *аз пой ва забон мондан*- быть при смерти; *пой гирифта*н - становиться на ноги, поправиться, *мондагию хастагии худро баровардан* (букв.: взять свою усталость) – отдохнуть; *азбиниаши гирб, хонаши мебарояд* - хилый, слабый; *хунаши хӯшид* – разгневаться; кровь кипит.

Лекин барои онҳо муяссар нашуд, ки барӯи ин бистар ёзида, мондагиҳои худашонро бароранд (С.Айнӣ, Гуломон, с. 240) Однако им не удалось улечься в постель и отдохнуть. (С. Айнӣ, Рабы, стр. 248). *Акнун хуб кӯшиши карда, мондагиҳоятро гир.* (С.Айнӣ, Асарҳои мунтахаб, ч.б. с. 92) Теперь постарайся хорошенько отдохнуть. (С.Айнӣ, Избранные произведения, т.б., с. 81). *Сад раҳ дар интизорат то пушти дар давидам - Поям зи кор афтод, он гаҳ ба сар давидам.* (Лохутӣ, Куллиёт, х. 11,с.36). Стократный путь прошел я, чтобы достичь тебя. Растратив силы, я дошел до твоей двери. (А. Лахути, Полн. Собр. Соч. Т. 11, ст. 30). *Ман очиз шудам, лекин аз по наафтидам.*(Тожикистон советӣ, 28.4.1986). Я полностью терял силы, но не сбился с пути. *Акнун ки поям ба лаби гӯр расидааст, мехоҳам, дарди диламро ба шумо, чавони қобил, кушоям.* (С.Айнӣ, Ёддоштҳо. к, 3., 113). Теперь, когда солнце моей жизни клонится к закату, я хотел бы открыть боль моей души вам, милый молодой человек.(С.Айнӣ, Бухара. Т.3., с. 108) *ба давою ишзои соҳибхона ва зани ҳамсоя, ки шири шутур ба ман оварда мехӯронд, дар байни чанд рӯзи дигар пой гирифта ба кӯча мебаромадагӣ шудам.* В результате лечения и еды, которую приносили хозяйка и жена соседа, кормившая меня верблюжьим молоком, через несколько дней я выздоровел и вышел на улицу. Х.Ирфон. «Ду ёр аз ду диёр». (Душанбе, «Ирфон», 1972). - *Хуни мазлумҳоба хӯш омад, - Фулгулу наъраву хурӯш омад.*

(П. Сулаймонӣ. Асарҳои мунтахаб. ҷ.1., - С.24). - Кровь угнетенных закипела. - Их ярость бурно закипела. (П. Сулаймони. Избранные сочинения. Т.1, - С.28).

-Ощущение избытка сил: *кӯхро талқон кардан* – горы ворочат; *go it boots; get up and get; draw the bow up the ear; move heaven and earth; die game; grasp the nettle; a heart of oar. Mrs. Sunbury and her son went it hammer and tongs, and when poor Samuel tried to intervene they both told roughly to shut up.*

"I'll" - the sheriff said "never let anything grow under his feet (O.Conor).

...There's only one thing you can do and that is to make the best of a bad job.

-ФЕ, выражающие психическое состояние, настроение и состояние субъекта: *хун гиристан, хун гирия кардан* - рыдать, горестно плакать; *бо хуни хигар* – в знач. с трудом: *хуни хигар хердан* - в знач. мучиться, страдать: *хунобаи дил хӯрдан* - безмерные страдания и мучения подвергаться мучениям: *ба (дар) иазаб омадан* - в знач. рассердиться, разгневаться; *иазаби худро ба сари касе рехтан* - сердиться на кого-то, испытывая гнев; *аз иазаби худ фаромадан* - погасить гнев, огонь своей ярости, *иазаби худро фуру бурдан* - сдерживать свой гнев; *моту мабхутшудан* - удивляться, восхищаться; *ба пои чап аз хоб хестан (бо дасти чап хестан)* - встать с левой (т.е. не с той) ноги, быть в (мрачном/дурном, раздражённом) настроении; *дил иаши кардан* – взволноваться; *худро ба даст гирифта натавонистан* – (букв.: не в состоянии взять себя в руки) - терять самообладание; *дили касе хун (абгор) шудан* - горевать, плакать, рыдать; *дили касе вайрон (ганда/ шудан* - рассердиться, дойти до плачевного состояния; *дили касе ро гург тала (пора) кардан* - в значениях: а) беспокоиться; б) становиться нервным; в) душевно переживать; г) подозревать кого-л. в злом деянии или дурном поступке; *дилу гурда доштан* - быть отважным, храбрым; *дар дил дарде доштан* - в значениях: а) иметь тайное намерение; б) уйти с головой в горе и страдание. *Ба ӯ маслиҳатмедоданд, ки аз банкарӯи ӯ бозӣ наҷӯяд, ачаб нест, ки шикастамонад ва пулҳояш, ки «боҳазорон хуни хигар ун шудааст, сезанд»* (С. Айни, «Марги судхӯр», с. 112) Ему давали совет, чтобы остерегался банка, а то банк может разориться, и с трудом накопленные им деньги сгорают. (С. Айни, «Смерть ростовщика», с. 118).

-ФЕ, выражающие действия субъекта:

Корро лат додан - мешать работе; *офтобро бо доман пӯшидан шудан (пӯшидан хостан)* - отрицать или скрывать истину; *бо дасту панха ба кор часпидан* - усердно работать; *корро сахт гирифтан* - а) предъявлять большие требования к работе, не допускать небрежностей; б) работать от души; *оши касе ро додан* - проучить в назидание, всыпать; *думи худро хода карда гурехтан* - пускаться наутек, удирать: *Соле, ки Аскарӣ Сурх омад, амир думашро хода карда гурехт.* (С.Улугзода. Навобод). В тот год, когда пришла Красная Армия, эмир поспешно сбежал... (С.Улугзаде. Навабад.) ... *беандешагиҳои Иброҳим корро лат дод, вагарна ман ба дарун истода бисёр кор мекардам.* (С.Айни . Дохунда, 114) ...необдуманность Ибрагима помешала работе, а то бы я, будучи внутри, многое бы успел. *Комиссияи омадагӣ корро сахт гирифт.* («Ҳагигати Ленинобад») - Прибывшая комиссия серьезно взялась за работу.

-ФЕ, характеризующие поведение субъекта:

аз қошу қавоқ барфу борон (аз қавоқи касе барфу борон) меборад - в значениях: а) быть разгневанным, сердитым; б) быть угрюмым, в плохом настроении; *чу нохуну гӯшт пайваст будан* - быть неотделимыми друг от друга, крепко повязанными; *дасти касе ро гирифтан* - а) помогать кому - то; б) удовлетворять нужду кого - то; в) помочь кому - то в работе; г) оберегать кого - то от какой - либо работы; *дасти надомат ба (бар) сар задан* - а) пожалеть; б) вынести порицание себе; *даст ба гиребон шудан* - а) устроить драку, побоище; б) спорить, вести дискуссию; *дасти расо доштан* - иметь силу и экономическую возможность; *дасти худро оташкову мӯйро хорӯб кардан (сохтан)* - выполнять какое-нибудь задание (работу) от души и с полной отдачей; *ба болои даст бардошта гаштан* - носить кого-то на руках, баловать, выполнять все прихоти; *гулӯи касе ро равиан кардан* - дать взятку кому-л., подмазать; *ба ариши аёло баровардан* - излишне восхвалять; *шуши касе ба даҳономад* - сильно уставать, плохо себя чувствовать, обессилеть, *нони (касе) равианин*: а) жить беззаботно; аналогично русскому «жить как птица небесная»; б) появление незаконных доходов; *Чӣ бало зад, ки аз қавоқи ҳамаатон барф меборад?* (П.Толис. Ҳикояҳо.) Какая беда, что вы все сердитые? (П.Толис. Рассказы).

- ФЕ, характеризующие материальное положение человека:

бечорагӣ карда гаитан – жить в крайне тяжёлом положении, жить в бедности и лишениях, заниматься унижительной работой; *бечорагии худро карда гаитан; аз бечорагии худ мондан* - не заниматься своим делом; *аз болои хунари худ нон хӯрдан* - жить своим ремеслом; *ҳолтанг шудан* - попасть в затруднительное положение; *ба пулдор (пулнок) кабобу ба бенул дуди кабоб*; а). Богатый всегда сытый, бедный всегда голодный; б). Бедный всегда нуждается. *Худо маро ба давлат муносиб диду дод, «бедавлат агар киши кунад, об наёбад, «бадавлатро киштаву нокишта баробар» гуфтаанд* (С. Айни. «Дохунда»); с). Бог предпочёл меня, дав мне богатство, а бедняк всегда прикован к нужде (С. Айни «Дохунда»).

Основой тематической классификации ФЕ английского языка становится принцип основного значения глагола, являющегося стержневым словом в переменных словосочетаниях и соответствующих ФЕ. Боликова Ж.А. в своей диссертационной работе "Образования ФЕ на основе переменных словосочетаний" дает классификацию глаголов – стержневых слов переменных словосочетаний (ПС) - и ФЕ и по принципу их семантической соотнесенности выделяет 9 групп переменных словосочетаний, легших в основу соответствующих ФЕ:

I. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы перемещения в пространстве: *climb, come, drive, fly, rush, start* и др.;

II. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы положения и размещения в пространстве: *cast, draw, keep, lie, place, put, stand, stay, throw* и др.;

III. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы разрушения: *break, burn, cut* и др.;

IV. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы обладания: *catch, get, have, keep, ("have aboneinone's throat", "have longhands")*;

V. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы физического восприятия: *feel, look, see, taste*;

VI. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы активного воздействия на объект: *build, do, kill, make, press, strike ("makeaholeinone'spocket")*;

VII. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы внешнего и внутреннего проявления чувств: *bow, kiss, tremble, laugh*;

VIII. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы начала или конца действия: *begin, end, stop, start, finish*;

IX. группа ПС, стержневыми компонентами в которой являются глаголы различной семантики: *buy, cook, die, play, pour, shake, work, sleep*;

В дальнейшем исследовании в целях системной характеристики лексико-тематических групп мы предпринимаем анализ компаративных, соматических фразеологических единиц и образных сравнительных фразеологических оборотов. Структурный, семантический и функционально-стилистический анализ перечисленных лексико-тематических групп показывает, насколько богаты и разнообразны возможности тематических групп ФЕ в сопоставляемых языках.

Литература:

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии: АДД / Н. Н. Амосова. – М., 1962. - 47 с.
2. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: АДД. / Е. Ф. Арсентьева. – М., 1993. -34 с.
3. Гатиатуллина, З.З. Сравнительное исследование фразеологических единиц с компонентом – глаголом движения (На мат-ле английского, немецкого и шведского языков): – автореферат дисс... д-ра филол. наук. / З. З. Гатиатуллина. – М., 1968. – 57 с.
4. Мачидов, Х. Хусусиятҳои лексикӣ-семантикии воҳидҳои фразеологии феълии забони адабии ҳозираи тоҷик.: диссертация кандидата филол.наук. / Х. Мачидов. -Душанбе, 1968.
5. Маджидов, Х. К. вопросу об определении содержания фразеологической семантики в таджикском языке / Х. Маджидов. // Вестник Тадж.госуниверситета. -1990. - №1,-С.48-58
6. Райхштейн, А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии: Учеб. Пособие / А. Д. Райхштейн. - М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.
7. Смит, Л.П. Фразеология английского языка. /Л. П. Смит. - М.: Учпедгиз, 1959. – 208 с.
8. Телия, В.Н. Что такое фразеология? / В.Н.Телия. - М.: Наука, 1966. – 86 с.

ЛЕКСИКО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена лексико-тематической организации фразеологических единиц (ФЕ) в двух сопоставляемых языках: таджикского и английского. Автор отмечает, что проведенный анализ носит во многом предварительный характер и поэтому по внутренним соотношениям семантических признаков семантическое поле фразеологизмов «Человек» частично может быть разделено на наиболее типичные микросистемы в таджикском литературном языке. Подобный анализ показывает, насколько богаты и разнообразны возможности тематических групп ФЕ в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: лексико-тематическая, фразеологизм, семантический признак, стержневой компонент, структурный и функционально-стилистический анализ.

LEXICO-THEMATICAL ORGANIZATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

This article studies lexico-thematic organization of Phraseological units in two compared languages: Tajik and English. The author indicates, that the analysis is mainly preliminary and therefore in accordance with inner semantic features the semantic Phraseological field denoting "Human Being" can be partially divided into typical Microsystems in the Tajik language. Such analysis proves the richness and variety of the capacity of thematic groups of Phraseological units in two languages.

Keywords: lexico-thematic, phraseologisms, semantic-feature, basic components, structural and functional stylistic analysis.

Сведения об авторе: Азимова Матлюба Нуритдиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры фонетики и лексикологии английского языка Худжандского государственного университета имени Б. Гафурова, e-mail: azimova.matluba.n@mail.com

About author: Azimova Matluba Nuritdinovna, Doctor of Philology, professor of phonetics and lexicology Department of Khujand State University named after B. Gafurov, e-mail: azimova.matluba.n@mail.com

ВЛИЯНИЕ ПРЕДЛОГОВ НА ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТАДЖИКСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

Бобокалонова Р.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Одной из особенностей употребления глагола с предлогами в тексте произведений таджикской прозы конца XIX и начала XX века является влияние различных предлогов на изменение семантического значения глагола в таких глагольных сочетаниях. Более тщательный анализ такого лексико-семантического явления показывает, что оно более широко встречается в произведениях Содикходжаи Гулшани, который писал в традиционном стиле и, которые имеет глубокие исторические корни. Такая особенность сочетания предлога с глаголом широко применялась в произведениях таджикских писателей и поэтов средневековья, поэтому следы такого лексико-семантического явления следует искать в текстах произведений авторов более раннего периода развития таджикской литературы.

В научных работах О.И. Смирновой [7], Б. Сиёева [4, 5, 6], М. Давлатовой [2], М. Касеми [3], Р. Шодиева [9], Ж. Гулназаровой [1] и других, посвященных особенностям глаголов в произведениях таджикско-персидской классической литературы, не отмечается зависимость изменения семантики глагола при их сочетании с различными предлогами. Лишь в работе иранского исследователя М. Мукарраби подчеркивается, что в различных конструкциях предлоги могут повлиять на значение сочетаемых с ними лексем [13].

Диахронический анализ употребления предлогов с глаголами в таджикском языке показывает, что такая способность влияния предлога на изменение значения глагола наблюдается ещё в более древнем периоде развития языка. Р. Шодиев, к примеру,

указывает, что предлоги являются одним из источников образования префиксальных глаголов таджикского языка, которые тесно связаны с лексическим значением глагола. Эти глагольные приставки, которые называются превербами, исторически происходят из предлогов [9, с. 74]. Превербы-приставки, связываясь с глаголами, придают им новые значения. В языке фарси дари широко употреблялись префиксальные глаголы, источником которых являлись исторические предлоги. Например, предлог *андар/дар* – «в, внутри» в среднеперсидском языке уже применяется как глагольная приставка, которая образует новые глаголы. В начальном периоде развития новоперсидского языка такая тенденция широко распространена: так, в тексте «Шахнаме» Фирдоуси встречается ряд глаголов: *омадан* «приходить, приезжать» - *андар омадан* «входить»; *овардан* «принести» - *андар овардан* «внести, ввести»; *уфтодан* «падать» - *андар уфтодан* «нападать» и др. [9, с. 81].

Многочисленные глаголы образовались с превербом, происшедшим от предлога *бар* «над», приобретая новые значения, отличающиеся от значения корневого глагола: *баромадан* «выходить; всходить, взбираться», *баровардан* «извлекать; выгонять», *барозидан* «украшать», *барпаридан* «взлететь; извиваться», *баррафтан* «надвигаться», *бартофтан* «вить», *барангехтан* «разжигать», *барандохтан* «выкинуть; уничтожить», *барафзудан* «умножить», *барафкандан* «отбросить», *барафрехтан* «возвысить», *барафшондан* «осыпать», *барафрӯхтан* «озарять», *барбастан* «связывать; закрывать», *барбурдан* «водружать; поднять», *баргаиштан* «возвращаться», *баргузаиштан* «миновать; превзойти», *баргирифтан* «брать; поднимать; отстранить; признать; начинать», *баргузидан* «предпочитать», *баргумоштан* «назначить», *баргуфтан* «высказать», *баргоиштан* «возвращать», *барзадан* «засучивать», *бармолидан* «отвернуть; засучить» и т.д.

Как в классических, так и в современных толковых словарях персидского и таджикского языка при толковании значений глаголов в качестве примера различных значений интерпретируемых лексем обычно приводятся глагольные конструкции с предлогами, однако не указывается влияние разных предлогов на изменение значения глагола. Так, в толковом словаре таджикского языка приводятся различные значения глагола *боздоиштан*: 1. препятствовать; 2. назначать; 3. удерживать, задерживать [8, с. 195], однако не указано, что в формировании этих значений основную роль играют предлоги «зи», «дар», «ба», «аз».

Глагол *гузор(и)дан* 1. в конструкциях с различными предлогами приобретает следующие значения: 1. *гузоридан+бар*: ставить; 2. *гузоридан+дар*: оставлять; 3. *гузоридан+ба*: поручать; 4. *гузоридан+ба*: преодолевать [8, 280]. Значения глагола *гузоридан* 2. при сочетании с предлогами: 1. *гузоридан* без предлога: исполнять; 2. *гузоридан+барои*: сказать, объявить; 3. *гузоридан+аз*: передавать от кого-л. [8, с. 280-281].

Глагол *афтодан/афтидан* в конструкциях с различными предлогами: 1. *афтодан+аз*: падать сверху вниз; 2. *афтодан+ба*: впадать; 3. *афтодан+аз*: литься; *афтодан+дар*: совершаться; 3. *афтодан+ба*: входить, просочиться; 4. *афтодан+дар*: нападать, наступать; *афтодан+аз* (по): ослабевать, обессилеть, разорваться [8, с. 103].

В предложных конструкциях различные значения приобретает также глагол *баромадан*: 1. *баромадан+бар*: подниматься; 2. *баромадан+зи*: появляться; 3. *баромадан+аз*: выходить, выезжать; 4. *баромадан+дар*: всходить; *баромадан+ба*: конфликтовать, питать неприязнь к кому-л.; 5. *баромадан+ба*: сталкиваться [8, с. 150]; 6. *баромадан+бар*: всходить, взбираться; 7. *баромадан+то*: доходить.

В текстах произведений прозы более раннего периода засвидетельствованы различные семантические значения и оттенки глаголов в зависимости от их сочетания с предлогами в таких конструкциях:

Овардан - принести, привести; *овардан ба/бар* - побуждать к чему-л., заставлять, вынуждать: *Хоҷа Абӯсаҳро ба ин ки овард, ки оби хеиш бибурд?* [11, с. 229]; *Ва Зардушт ўро ба ин оварда буд.* (10, 662); *Ўро он ҳариру парниёни нарм ва он тароифҳо... бар он овард, ки оҳанги Туркистон кунад* [10, с. 682].

Пардохтан – уплачивать, выплачивать; *пардохтан+аз*: освобождаться, заканчивать (дело): *Чун аз қиссаи Нуҳ бипардохт, аввал қиссаи Од ёд кард.* (Тафсири

Табари, 1179); **пардохтан+ба** – заниматься, обращаться к чему-л.: *Падарат андар хатаре бузург уфтодааст, беш ба шумо напардозад.* (164).

Под влиянием определенного предлога в таких конструкциях иногда глагол может приобрести противоположные значения:

Гурехтан – бежать; **гурехтан+дар**: искать покровительство: *Чун Бӯалӣ бидид, ҳазимат шуд ва дар рӯд гурехт* [11, с. 261]; **гурехтан+аз**: убегать: *Аммо он ки вай душман аст ва аз ӯ бибояд гурехтан* (Ҳай ибни Яқзон, 17).

Рӯй додан – совершаться, случаться; 1. **рӯй додан+аз**: отвернуться от кого-л., чего-л.: *Чун эшон з-он чоҳ рӯйро бидоданд, аз мо ба ӯ вайҳ мебурданд* (перевод Корана, 61); 2. **рӯй додан+ба**: поворачиваться к кому-л., обращаться: *Ва дар боби лашкар поймардиҳо ӯ мекард, то ҷумла рӯй бад-ӯ доданд* [11, с. 173].

Таким образом, изменение значений глаголов в предложных конструкциях зависит от предлогов, которые применяются в этих конструкциях. Сочетание разных предлогов с глаголами придает глаголам различные лексико-семантические и стилистические окраски и широко употребляется в текстах произведений не только авторов XIX-XX вв., а имеет традиционный характер.

Литература:

1. Гулназарова Ж. Луғати феълҳои «Баҳористон»-и Абдуррахмони Ҷомӣ. – Душанбе: Дақиқӣ, 2014. – 95 с.
2. Давлатова М. Глагольная лексика и глагольное словообразование в «Зайн-ал-ахбар» Гардези (XI в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1969. – 23 с.
3. Касеми М. Глагольная лексика в памятниках раннего периода новоперсидского (таджикского) языка. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе, 2000. – 26 с.
4. Сиёев Б. Аналитические формы глагола в языке «Таърихи Табари» Балъами // Изв. АН Тадж. ССР, ООН, 1961, №4. – С. 20-35.
5. Сиёев Б. Глагольные особенности таджикско-персидского литературного языка IX-X вв. (на материале «Таърихи Табари» Балъами): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1964. – 22 с.
6. Сиёев Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1968. – 163 с.
7. Смирнова О. И. Сложные глаголы с истодан и мондан в таджикском языке и их исторические корни // Советское востоковедение, вып. 5, 1948. – С. 297-304.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Т. 1. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 951 с.
9. Шодиев Р. Феъл дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ (маъно ва сохтор). – Душанбе: Зиннат, 2012. – 152 с.
10. Bal'ami A. Ta'rix-i Bal'ami. 2 t. – Tehrān, 1353.
11. Beyhaqi A. Ta'rix-i Beyhaqi. – Mašhad, 1357.
12. Ghazālī A. Kimiyā-i sa'ādat. 2 t. – Tehrān, 1361.
13. Muqarrabi M. Tarkib dar zābān-i fārsi. – Tehrān, 1372. – 170.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДЛОГОВ НА ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКЕ ТЕКСТОВ ТАДЖИКСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

В прозаических произведениях традиционного стиля таджикской литературы конца XIX в. и начала XX в. прослеживается влияние предлогов на изменение значений глаголов, которое имеет регулярный характер. Данное явление имеет традиционный характер, ибо встречается в произведениях более раннего периода истории таджикского литературного языка. В статье рассматриваются особенности сочетания предлогов с глаголами в классических текстах средневековых авторов и их влияние на изменения семантики этих глаголов.

Ключевые слова: предлог, глагол, значение глагола, изменение значения, прозаические тексты, таджикский литературный язык, классический текст.

THE INFLUENCE OF PREPOSITIONS TO THE MEANING OF THE VERB IN THE LANGUAGE OF THE TAJIK CLASSIC PROSE

The influence of the prepositions to the meaning of the verb can be seen in the prose works of traditional style of the Tajik literature of the end of XIX and the beginning of the XX which has got regular character. The research of this phenomenon demonstrates that it has traditional character or comes across in the works of the earlier period of the history of the Tajik literature language. The

peculiarities of the combination of prepositions with verbs in the classical texts of the middle age authors and their influences to the changes of the meaning of these verbs as well.

Keywords: preposition, verb, meaning of the verb, the change of meaning, prose texts, Tajik literary language, classic text.

Сведения об авторе: Бобокалонова Р., старший преподаватель кафедры методики преподавания таджикского языка и литературы Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: b.rano@bk.ru

About author: Bobokalonova R., senior lecturer of the chair of method of teaching of the Tajik language and literature, Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Aini, e-mail: b.rano@bk.ru

УДК – 4 Т2
ББК – 81.2Т
С-20

ЧУМЛАҲОИ МУРАККАБИ ФРАЗЕОЛОГИИ ТОҶИКӢ ВА ТАҶВИЛИ ОНҲО БА ЗАБОНИ РУСӢ

Саидхоҷаева М. Н.

Донишқадаи иқтисод ва савдои Донишгоҳи давлатии тичорати Тоҷикистон

Дар давраҳои аввали таҳқиқи илми таъбиршиносӣ (фразеология) сухан бештар аз ибораҳои фразеологӣ мерафт, ки яке аз аломатҳои он бо калима муродиф буданаш аст. Аз назари мо, чанде пештар дар доираи вожашиносӣ (лексикология) таҳқиқ шудани воҳидҳои фразеологӣ низ дар ҳамин буд. Вале бо амиқрафти қорҳои таҳқиқӣ доираи таъбиршиносӣ фарохтар шуда, ба он таркибҳо, ҷумлаҳо ва қолабҳои мухталиф, ки ба меъёрҳои асосии фразеологизм ҷавобгӯянд, ворид гаштанд.

Як зумраи воҳидҳои фразеологӣ ҷумлаҳои фразеологӣ мебошад, ки аз ҷониби қулли забоншиносон ба сифати як намуди воҳиди фразеологӣ пазируфта шудаанд. Ин гуфтаҳо ба илми таъбиршиносони тоҷик низ тааллуқ дорад. Профессор Х. Маҷидов, ки аз поягузори таъбиршиносии тоҷик ба шумор меояд, дар асари монографии худ нигоштааст: «Азбаски ҷиҳати муҳими воҳидҳои фразеологӣ, инчунин ҷумлаҳои фразеологӣ ҳам маъноӣ яклукти онҳост, ғӯянда ё нависанда ба сохти онҳо, ки гоҳо хеле мураккаб буда метавонад, диққат намедихад. Маҳз аз ҳамин сабаб ҷумлаҳои фразеологӣ дар шакли мучаррад, берун аз матн ифодакунандаи мафҳумҳои алоҳида мебошанду бас. Ҳамин ки ин гуна воҳидҳои фразеологӣ дар матни муайян, дар алоқамандӣ бо ҷумлаҳои дигар ба қор бурда шаванд, структураи як андоза мураккаби онҳо ғӯё аз нав барқарор мешавад. Дар ин маврид ҷумлаи фразеологӣ на фақат аз ҷиҳати сохт, балки аз рӯи ифодаи фикри том ва оҳангу интонатсия низ аз ҷумлаҳои дигари матн фарқ намекунад» [2, с. 44]. Аз ин иқтибос ду хулосаи муҳим бармеояд:

1) дар ҷумлаҳои фразеологӣ ҳам ба мисли хели дигари воҳидҳои фразеологӣ яклуктии маъно ба назар гирифта мешавад; 2) ҷумлаҳои фразеологӣ аз ҷиҳати сохтор («структура») «аз ҷумлаҳои дигари матн фарқ намекунанд». Пас, хоҳем, ки аз хусусиятҳои сохтории ҷумлаҳои фразеологӣ (ҶФ) огоҳ шавем, онҳоро ҳарҷониба таҳқиқ қардан лозим аст.

Нуктаи назари мо, ба ҷиҳатҳои маъноӣ ва сохтории ҷумлаҳои фразеологӣ дар пайравии гуфтаҳо ва сарчашмаҳои болост. Ба андешаи мо, ҷумлаҳои фразеологӣ се манбаи пайдоиш доранд.

1. Онҳо аз ибтидо дар қолаби ҷумла гуфта шудаанд. Тафаккури мардумӣ, ҳофизаи миллӣ онҳоро ба воситаи забони шифоҳӣ ба забони асарҳои бадеӣ, сипас, забони адабӣ ворид қардааст, амсоли «қанд зан», «ба ҳазор даро», «чашми бад нарасад», «ҳалолат бод», «Худо нахоҳад», «аз қудратат гардам, Худо», «аз хирс мӯе», «аз бало ҳазар» ва ғайра.

2. Онҳо заминаи иборагӣ доранд. Муҳтавои ибора бар мафҳум аст, дар ин замина мафҳум ба туфайли воситаҳои наҳвӣ ба қолаби ҷумла даромада, фикри томро ифода менамояд, амсоли: «димоғе касе сӯхтан»-«димоғи падарам аз ин ишораи ноҷо сӯхт»,

«дили касе пур будан»-«дилам пур шуд», «кафтари дубома» (бевафо)-«кафтари дубома нашав», «пеш аз тӯй нақора задан» «пеш аз тӯй нақора назан» ва монанди инҳо.

3.Мақол ва зарбулмасал, ки дар шакли чумлаҳои сода ва мураккаб ифода гариданд. Моҳияти ин падида аз гуфтаҳои забоншиноси варзида профессор Б.Камолитдинов низ бармеояд, ки «бунёди пайдоиши воҳидҳои фразеологӣ таркибу ибора ва чумлаҳои хушобуранг ва ҷаззоб аст, ки дар натиҷа писанди умум гардида, дар забонҳо такрор ба такрор корбаст шудан хосияти рехтагӣ пайдо мекунанд ва дар қатори ибораю чумлаҳои рехта дар ҳазинаи забон ҷой мегиранд» [1, с. 6]. Роҳи ташаккули мақол ва зарбулмасалҳо низ ҳамин аст.

Чумлаҳои фразеологиро аз рӯи сохтор ба хелҳои маъмулӣ сода ва мураккаб ҷудо кардан мумкин аст. Мусалламан манбаи асосии воҳидҳои фразеологӣ забони зиндаи халқ аст, ки ин андеша ба чумлаҳои фразеологӣ низ тааллуқ дорад.

Романи «Шӯроб» [6, 7] дар таърихи адабиёти муосири тоҷик бо халқияти баланди худ маъруф аст. Дар он теъдоди зиёди персонажҳо-меҳнаткашон амал мекунанд, табиист, ки забони онҳо низ комилан аз воҳидҳои гуфтугӯии халқӣ иборатанд. Ин хислат, аз як тараф, чун падидаи ғайзбахш халқияти забони асарро таъмин менамоянд, аз ҷониби дигар, таҳвили он ба забони миллатҳои дигар кори тарҷумонро мушкул мегардонад.

Чунон ки маълум аст, чумла воситаи ифодаи фикр аст. Тафаккур хосияти миллӣ дорад, натиҷаи он-чумла инъикоси бевоситаи олами ҳастӣ ва ҳодисоту воқеоти гуногунҷабҳаи ҳаёти воқеӣ, урфу одатҳои миллӣ мебошад, ки аз ҷаҳоншиносӣ ва андешаву ҳулосаҳои мардум рӯи кор меояд. Мушкилии тарҷума бар он аст, ки чумлаҳои фразеологӣ ҳамеша дар заминаи маҷоз созмон меёбанд, аз ҷониби дигар, онҳо ҳамеша саршори ҳиссиёти мухталиф бо шаклу мазмуни худ мебошанд, ки на ҳамеша дар забони миллатҳои дигар ба мушоҳида меоянд.

Ҳамаи он хусусиятҳо, ки дар ташаккули чумлаҳои фразеологӣ, аз он чумла, зарбулмасалҳои халқӣ нақш доранд, ба чумлаҳои мураккаби фразеологӣ (ҚМФ) пайваст хосанд ва дар тарҷума беаҳамият нестанд, балки барои ҳарчи ба матни асл наздик намудани тарҷума ба назар гирифта мешаванд. Масалан, дар мисолҳои зер ҳам маъно ва ҳам қолаби баён ба пуррагӣ нигоҳ дошта шудааст, ҳарчанд онҳо чун дуо хосияти миллӣ доранд: Қадам расид, боло нарасад, – даст ба рӯй кашид [6, с. 119]. // – Ноги ваши достигли этого места, пусть несчастье не достигнет его, – провёл руками по лицу Эсанпай [5, с. 83]; – Хайр духтарчон, сиҳат омадӣ – саломат рав, – аз оби дида кардани худ беҳабар монд модар... [7, с. 169]. // – До свидания, доченька, здоровой пришла – здоровой иди [5, с. 117].

Бача не, тилло! – дар навбати худ таъриф менамуд пиразан. – Илоҳӣ калон шаву рӯз бин, соҳиби хонаву дар шав. Ба муроду мақсадат рас [6, с. 29]. // – Не мальчик, а золото, – твердила она своему мужу. – Дай ему бог вырасти и стать хозяином в доме... Дай бог, чтобы все желания его исполнились [5, с. 13].

Бо вучуди ин, албатта, комилан ба пуррагӣ чи аз ҷиҳати бадеият ва чи аз лиҳози мазмун ба забони дигар таҳвил кардани чумлаҳои мураккаби фразеологӣ имкон надорад. Чунончи, бадеияти «сиҳат омадӣ – саломат рав» ба ҷуз мутазоди «омадан – рафтан» («омадӣ – рав»), боз бар вожаҳои муродифии қофияноки «сиҳат – саломат» аст, ки он дар матни русӣ оварда нашудааст. Ё ин ки дар тарҷума аз ҷиҳати ифодаи мазмун ҳам номукаммалиҳо ба назар мерасанд. Масалан, дар мисоли боло «рӯз дидан» («рӯз бин») маънои зиндагонии осударо дорад, ки он дар тарҷума фуруғузур шудааст. Инчунин мазмуни дуои «соҳиби хонаву дар шав» – ро «дай бог стать хозяином в доме» айнан «Худо туро сарвари хонадон кунад» нест, балки «Худо туро лоиқи оилаву манзил кунад» мебошад. Маълум мешавад, ки имкони ба пуррагӣ таҳвил кардани мазмуни дуоҳо на ҳамеша вучуд дорад, вале аз муқоисаи тарҷумаи як мисол дар қаринаҳо имкон медиҳад, ки мутарҷим пуррагии мазмуни матни таҳвилро афзал мешуморад. Чунончи, чумлаи мураккаби фразеологӣ «замин сахту осмон баланд» [6, с. 69, 108, 127] се навъ тарҷума гаштааст:

1) «до неба высоко, до бога далеко» [5, с. 45]; 2) «бог далеко, а небо высоко» [5, с. 75]; 3) «земля тверда, небо высоко» [5, с. 171]. Мутарҷим дар мавриди сеюми қаринаи ба тоҷикӣ муодилоро беҳтар донистааст, зеро мазмуни таъбир – вазъи ноилоч,

ки ҳалли он на дар замину на дар осмон аст, ҳаминро такозо дорад, ки он дар фарҳанги фразеологӣ тоҷикӣ тавассути иқтибос аз романи «Шӯроб» тавзеҳ ёфтааст [8, с. 153, 464].

Қариб ҳамаи ҷумлаҳои мураккаби пайвасти фразеологӣ, ки бо сифати зарбулмасал арзёбӣ мешаванд, аз ду ҷумлаи сода иборат буда, бо ҳам дар муносибати мухталифи семантикӣ қарор доранд.

1. Муносибати ҳаммаъноӣ – ду ҷумлаи содаи фразеологӣ ҳаммаъно (муродиф) буда, бо ёрии воситаҳои алоқаи пайваст (пайвандакҳои пайвасткунанда ё интонатсия) як воҳиди бутун – ҷумлаи мураккаби пайвасти фразеологиро ташкил менамоянд. Теъдоди чунин ҷумлаҳо зиёд нестанд, ҷумлаи содаи дуҷумлаи бори маъноӣ иловагиро намекашад, танҳо барои тақвияти фикр оварда мешавад, аз ин рӯ, тарҷумаи онҳо ба ҳар навъ сураат мегирад:

1) Айнан – бо риояи сохту мазмуни матн: «кулол дар мундӣ об мехӯраду бофанда кафангадо» – аҳли ҳунар аз чизи сохтаи худ бебаҳра аст [6, с. 53; 5, с. 7]. – «Гончар утоляет жажду из черепка, а ткач собирает милостыню себе на саван»: Чунонки дар зарбулмасали он замон гуфта мешуд: «кулол дар мундӣ об мехӯраду бофанда кафангадо» хонаи ӯ ҳатто аз чизу чораҳое, ки худи ӯ месохт, таъмин набуд [6, с. 22]. // «Гончар утоляет жажду из черепка, а ткач собирает милостыню себе на саван», – в доме Хакимшаха не имелось даже тех предметов домашнего обихода, которые он сам выделял [5, с. 7].

2) Ҷузъан – аз ду ҷумлаи ҳаммаъноӣ яке баргардон мешавад: «тир аз камон частаю, хишт аз қолиб кӯчида буд» – кор аз кор гузашт, акнун пушаймонӣ, афсӯсу надорад ва чораҷӯӣ суд надорад [5, с. 154; 7, с. 191] – «стрела вылетела из лука»: Аммо ҳарчанд тир аз камон частаю хишт аз қолиб кӯчида буд, ӯ кӯшид, ки аз ин ҳолати ногувор як навъ карда халос хӯрад [6, с. 228]. // И хотя стрела вылетела из лука, Буров, как мог, старался выпутаться из неприятного положения, в которое попал [5, с. 153].

3) Тағйири мазмуни яке аз ҷумлаҳои содаи фразеологӣ. – «харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд» – 1. фарзандон бо падару модар, 2. хешон ба ҳамдигар монанд мешаванд, ҳую хислати ҳамдигарро доранд [8, с. 154, 256]. «Харбуза аз харбуза бӯй мегирад», дар қолаби мақоли маъмули тоҷикии «ангур аз ангур ранг мегирад» омадааст, валетарҷума асоси воқеӣ надорад: Нафсуламри гап, харбуза аз полаку себ аз дарахташ дур намефарояд, хислати халқи худамро дорад: ба таърифи дигарҳо гузарад, булбули гӯё, аз худаш, ки сухан шуд, мани бечора гунгам, ягон – ягон меғунгам (7, с. 234). // Сказать по совести, верно говорят, что дыня от дыни запахом набирается, а яблоко от яблони падает не далеко [5, с. 384].

4) Тафсири мазмуни ҷумлаҳои содаи фразеологӣ – «гӯши ман девори қиёмату пушти ман кунда (табар) – и қассоб» – ба гап ё илтимоси касе гӯш накардан, парвоя накардан, аҳамияте надодан [8, с. 153, 867]; ба забони русӣ мазмунан – «старуха стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть» тарҷума шудааст: Аммо пиразани яқрав, ба иборати «гӯши ману девори қиёмату пушти ман кундаи қассоб», ба гапи ҳеч кас надаромада менишаст [7, с. 455], // ... а старушка стояла на своём, никого не желала слушать, ничего не хотела видеть [5, с. 562]. Ҷумлаи мураккаби фразеологӣ «розе нест, ки ошкоро нашавад ва сирре нест, фош нагардад» [7, с. 151] низ ба усули тафсир таҳвил гаштааст: Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным [5, с. 320].

2. Муносибати хилофӣ – дар қисмати аз ҳама зиёди ҷумлаҳои мураккаби пайвасти фразеологӣ ҷумлаҳои сода дар муносибати хилофӣ қарор доранд, ки ҳамин хилофат дар ҳамаи тарҷумаҳои русӣ чун санги маҳақ идрок мегардад ва дар ҳамин замина усулҳои мухталифи таҳвил ба қор бурда шудааст. Чунончи:

• Бо усули муодил, ки шакли русии таъбир низ дорои бадеияти комил – вазну кофия мебошад: Аз нағз расад шарофат, аз бад расад касофат [6, с. 391]. // Один вор – всему миру разор [5, с. 508].

• Бо роҳи тарҷумаи бевосита – усули мутобиқ бо қорбасти воситаҳои бадеии сухан. Чунончи, «гӯр сӯзаду дег чӯшад» ду навъ тарҷума шуда, дар қаринаи сонӣ вазн ва ҳамсадоии калима ба назар гирифта шудааст: Барои онҳо гӯр сӯзаду дег чӯшад [6, с. 137]. // Как говорится: пусть горит могила, лишь бы котёл закипел... [5, с. 95]. Аммо дар мавриди дигар ба забони русӣ муодили суфтаи қофиянок сохта шудааст: Барои капиталистон гӯр сӯзаду дег чӯшад, – гуфт Тагир [7, с. 396]. // Капиталисту сгори хоть целый свет, лишь бы он был согрет, – подхватил Тагир [5, с. 512].

Дар мисолҳои зер харчанд калимаҳои охири ҷумлаҳои русӣ ҳамкӯфия нестанд, бо вучуди ин онҳо бо ҳам як андоза ҳамсадоҷанд: Бечиз нест, ки тут дар мушт, пӯстин дар пушт гуфтаанд... [6,с.53] // (киноя аз ғайримуқаррарӣ хунук омадани мавсими баҳор). Не без причини гуворитса в народе: «спелый тутовник в руке, а тёплая шуба на спине» [5,с.31].

Ба мисли ҳамин: Пештар бедарак занҳоро мӯяш дарозу аклаш кӯтоҳ намегуфтаанд (6,с.338). // Недаром гуворитса: «у бабы волос длинен, а ум короток» [5,с.463].

Дар забони тоҷикӣ ҷумлаҳои мураккаби пайвасти фразеологгии хилофӣ дар заминаи ду ҷуфти вожаҳои антонимӣ сураат мегиранд. Дар таҳвил асосан ҳамин хусусият нигоҳ дошта мешавад. Дар таҳвил мучазии баён ҳар қадар риоя гардад, нақши воҳидҳои луғавии антонимӣ ҳамон қадар гӯётар ба назар мерасад, ки мо онро дар тарҷумаҳои як зарбулмасал ҳам дида метавонем: ҷунончи, дар мисоли аввал тарҷума тафсил ёфтааст, дар мисоли дуюм, бошад, мучаз аст: 1.Тоҷикон дузд яктою гумонбар садто мегӯянд, маъзур медоред, – Аверченко нафасе ба андеша афтод [6,с.212]. // Вор-то один гуворят таҷики, а подозрение падает на сто человек [5,с.365]. 2.Дар урфият мегӯянд, ки дузд яктою гумонбар садто [6,с.139]. // Вор, гуворят, один, а подозрение падает на сто [5,с.311].

Ихчамии ифода бо ду ҷуфти воҳиди луғавии антонимӣ дар тарҷумаҳои дигар низ ба мушоҳида меояд: Пураш рафту камаш монд [7,с.444]// Одно я могу тебе сказать: больше прошло, меньше осталось [5,с.553].Шиками гург сер шавад ҳам, чашмаш гурӯсна, мегӯянд [6,с.106]. // Хоть у волка брюхо сыто, глаза голодны, как гуворитса [5,с.74].Мол равад ҳам, ҷон наравад, гуфтаанд. Одам саломат бошад, молу чизи дунёро меёбад [7,с.120].// Гуворят, добро теряй, но жизнь сохрани, – сказан он потом. – Было бы здоровье, добро наживётся [5,с.295]. Бедарак нагуфтаанд, ки қалтак ба гӯшт мерасад, нафрат ба устухон [7,с.290]. // Палка, гуворят, до мяса доходит, слово – до костей [5,с.507].

Дар иддае аз ЧМФ – и хилофӣ таваҷҷуҳ ба мазмуни матн дода мешавад, чихати бадеии ифода дар нақши дуюм қарор дорад. Инро идрок намуда мутарҷим онҳоро ду нав тарҷума кардааст:

а) таъбир мазмунаи тарҷума шудааст, амсоли: ... набошад, монанди ман пушаймон мешаваду суд намекунад [3,с.40,70]. //Иначе будете каяться, как я, да не поможет [5,с.522] ... ба қафо нигарист ва Ҳасанкӯсаро дид, ки хар ҳамону полонаш дигар, чома беқасаб, мӯза ва тӯппии нав пӯшида буд [7,с.111]. // Вот уж воистину: тот же осёл, да в другой сбруе- в новом бекасабовом халате, в новенькой тюбетейке и новых, отражавших солнце, сапогах ... [5,с.287]; элак бахонаю дидор ғанимат, духтарашонро дидагистӣ? [7,с.254]// Решето только повод для свидания, гуворят [5,с.399].

б) мазмуни таъбир шарҳ ёфтааст: Шумо улфат не, кулфат ҳастед [6,с.89]. // Какие вы к черту друзья,вы ублюдки, тусы проклятые [5,с.60]. Ҷунонки мебинем, маъноӣ «шумо... кулфат ҳастед», бо калимаҳои бадзотҳо («ублюдки») ва буздилони лаънатӣ («тусы проклятые») шарҳ дода шудааст.

Ба мисли ҳамин таъбири «ба чалпаки ҷаззадор печонда партоед, саге бӯ намекунад» (киноя аз безебию дилнокашӣ) бо ибораи «тамоман безеб» («вовсе безобразная») ифода гардидааст: Сохту суммоти бе ин ҳам қарехангези ӯ, ҷунонки мегуфтанд, турфа намуди Худо шуда буду ба қавли як ангишткани шӯтқарӣ акнун ӯро ба чалпаки ҷаззадор печонида партоед, саге бӯ намекунад [6,с.172]. // Без того не очень привлекательная, она стала вовсе безобразной [5,с.119].

3.Муносибати қиёсӣ. Дар ЧМФ – и пайвасти ҷумлаҳои сода дар муносибати қиёсӣ қарор доранд, яъне мазмуни ҷумлаҳои содаи таркиби ҷумлаи мураккаб дар қиёс ифода меёбанд, ба ду навъ: 1) қиёси бевосита; 2) қиёс дар заминаи муқобилгузории ҳодисаву воқеаҳои мавриди назар. Масалан, дар ҷумлаи зер қиёси далелҳо бевосита – бидуни муқобилгузорӣ сураат гирифта, ҳамин хусусият дар тарҷума низ маҳфуз мондааст. Ҷумлаи зер маҳсули қалами худи нависанда буда, аз чихати ҳам маъно ва ҳам бадеият дар сатҳи баланд гуфта шудааст. Таҳвили онро ба забони русӣ низ бояд муваффақона шуморид, зеро маъно дар қолаби мучаз бо ёрии вожаи полисемӣ («течёт») бо маъноҳои ҳам аслӣ («вода течёт») ва ҳам маҷозӣ («деньги текут») чун санъати таҷнис қорбасти шудааст, аммо он баръаксаи матни тоҷикӣ ба қӯфия молик нест.Об ба сой менигарад,

пул ба бой,– гуфтааст кадом маҳмадоно [6,с.74]. // Верно сказано: «Вода в овраг течёт, а деньги в карман бая» [5,с.48].

Аз тафтиши маводи фарҳангномаи фразеологӣ бармеояд, ки ЧМФ – и «умр кӯтоҳ асту шуҳрат безавол» низ ба худи нависанда мансуб аст. Дар он «шуҳрат» ба маънои хотираи нек қорбасти шудааст, яъне умр тезгузар аст, вале хотираи нек солҳои зиёд боқӣ мемонад. Заминаи ин қиёс муқобилгузорист. Ин маъниро мутарҷим хуб идрок намуда муваффақона таҳвил кардааст.

Чумлаи тоҷикӣ баръакси мисоли пешина қофия надорад, дар тарҷумаи ин вазифаро калимаҳои наздикталаффузи «коротка» ва «вечна» адо кардаанд: Умр кӯтоҳ асту шуҳрат безавол, гуфтаанд [7,с.451]. // Жизнь коротка, говорят, память вечна [5,с.559].

Дар тарҷума ба забони рус ҳодисаи ба тарзи луғавӣ баргардон кардани зарбулмасал ҳам ба назар мерасад, ки дар ин маврид, албатта, муносибатҳои маъноии чумлаҳои содаи таркиби ЧМП аз эътибор соқит аст: Ў (Даря – М.С.) агарчи нармак – нармак пой мениҳод, ба сӯи қулбаи худ монанди мурғи аз қафас озодшуда парида мерафт. Бечиз ҳам нагуфтаанд, ки дил мекашад по меравад [6,с.181]. // Даря ускорила шаг. Всем сердцем, она стремилась домой [5,с.125].

Дар байни чумлаҳои содаи ЧМФ муносибатҳои дигари маъноӣ низ ба мушоҳида меояд, аз чумла, муносибатҳои паиҳамзамонӣ, сабаб – натиҷагӣ, ҷудой, вале теъдоди ҷунин мисолҳо нисбатан кам аст.

Дар тарҷумаи ЧМФ нуқсонҳо ба назар мерасанд, ки бештар аз дарк накардан ва ё носоҳеҳ фаҳмидани маъноӣ таъбир руҳ додаанд. Масалан, зарбулмасали «сад касро месӯзаду як касро месозад» маъноӣ қаллоб, фиребгарро дорад, яъне қораш қаллобист, вале барои фиреби назари мардум, ки ўро нақӯкор шуморанд, аҳёнан ба қасон некӣ ҳам карда мемонад. Вале тарҷума содалавҳона сурат гирифтааст, ки дар замири ҳикмати надорад:– Савдогар гӯй, писарам, – абрӯвони сермӯяшро маънидор боло кашид пирамард.– Сад касро месӯзаду як касро месозад [6,с.200]. //– Одно слово- купец,– произнёс старик. Сотню людей разорит, лишь бы самому разбогатеть [5,с.137]. Тарҷумаро боз ба тоҷикӣ баргардонем, ҷунин мешавад: садҳо одамонро хонахароб мекунад, то ки худ бой шавад, аммо ҷунонки тазаккур ёфт, мазмуни таъбир дигар аст.

Дар мисоли зер нодуруст идрок намудани мазмуни зарбулмасали «тарра ба тухмаш мекашад кавар ба бешаш» – ҳар қас манфиати худро пеш мегузорад ҳарчанд он бар зарари дигарон аст – боиси аз баёни ҳикматнок дур шудани матни тарҷума гаштааст: тарра ба тухмаш мекашад кавар ба бешаш. Як ҷавонзанро аборт мекунам гуфта, ба хона оварда, сахл монд, ки кушад [7,с.386]. // Осторожность головной боли не причиняет, а потом сказал:– Аборт взялась делать моя ведьма, какой – то молодой женщине. Привела её в дом, чуть не убила [5,с.503].

Тарҷумон дар таҳвили матни поён низ аз асли мақсад дур рафтааст. Дар асар сухан аз номи қаҳрамон дар бораи очизӣ ва беҳуқуқии қоргарони қони ангишт меравад, ки ҳатто таъмини одитарин ҷораҳои беҳатарии қоргоҳи худро талаб карда наметавонанд. Дар тарҷумаи риштаи сухан ба дигар ҷониб: мо фақат Худо мегӯему мегирем (ғиря мекунем – М.С.) кашаида шудааст:– Мо мартаба надорем, ки ба онҳо дӯғ занем, қудрат надорем, ки ба дуруст кардани қон онҳоро маҷбур кунем. Зорӣ дорему зӯрӣ не,– гуфт қасе бо овози ҳасратомез [6,с.69]. // Нет у нас ни чинов, ни силы, чтобы заставить хозяев создать в шахте сносные условия. Мы только можем молиться да плакать [5,с.45].

Дар мисоли зер ҳам мазмуни таъбир таҳриф ёфтааст: «аввал бубин ҷойи худ, баъд бимон пойи худ», яъне ҳар қорро санҷида қардан лозим аст, пеш аз оғози қор оқибати онро бояд андешид. Дар тарҷумаи ин тавр омадааст: аввал бояд бидид, ки ту кистӣ, танҳо баъд қадам бояд монд. Муқоиса кунед: аввал бубин ҷойи худ баъд бимон пойи худ – мегӯянд» [6,с.32]. // ... люди забыли о том, что нужно сперва посмотреть ктоты, только потом делать шаг [5,с.16].

Дар таҳвили таъбири «лучӣ ба хона мешинонаду гушнагӣ ба кӯча медавонад» ҳоҷат ба ивази «лучӣ» ба «пойлуч» («босый») набуд, сухан аз белибоси меравад, ки дар забони русӣ вожаҳои «голый», «ногой», «обножённий» мавҷуд аст. Баръакс, агар «голый сидит дома, голодный носится по улицам» тарҷумаи мешуд, калимаҳои «голый» ва «голодный» бо ҳам дар таносуби маънӣ қарор мегирифтанд: Лучӣ ба хона мешинонаду гушнагӣ ба кӯча медавонад – гуфта нашунидед, дӯстам,– ҳасрат намуд

каротегинии бечора [6,с.256]. // Босой сидит дома, голодный носится по улицам, – ответил каратегинец поговоркой [5,с.70].

Ҳамин тариқа, ҷумлаҳои мураккаби фразеологӣ як навъи ВФ-и олиташкил буда, дар онҳо афкори андарзӣ дар қолаби ихчам, пурмаъно ва муассир ифода меёбад. Он аз се манбаъ сарчашма мегирад: аз забони халқ дар қолаби ҷумлаҳои хуллас дар заминаи ибораҳои фразеологӣ, аз ҳисоби мақол ва зарбулмасалҳои халқӣ.

ҶМФ аз лиҳози сохтор бо ҷумлаҳои синтаксисӣ умумият доранд: сода ва мураккаб, ҷумлаҳои мураккаб ба навъи пайваст ва тобеъ, ҷумлаҳои фразеологӣ мураккаби тобеъ, дар навбати худ, дорои хелҳои гуногуни пайрав ҳастанд. Вале ҶМФ аз ҷиҳати мазмун махсусиятҳо доранд, аз он ҷумла, ба маънои маҷозӣ асос меёбад, маънои яқлукт доранд, аз санъати сухан воситаҳои тасвири бадеӣ, вазн, кофия, таносуби калимаву овозҳо ва ғайра бархурдоранд, ки ин хосият онҳоро пурмаъно ва муассир мегардонад.

Дар баргардони матни тоҷикӣ ба русӣ ҳамаи усулҳои таҳвил ба кор бурда шудаанд, ки аз рӯи теъдоди мисолҳо ва мавқеи бориз доштан дар низоми зер қарор доранд: усулҳои 1) тарҷума, 2) муодил, 3) шарҳ, 4) мутобиқ. Чунонки аз таҳлили мисолҳо бармеояд, дар қорбурди ҳамаи ин усулҳои таҳвил аз ҷониби мутарҷим кӯшиши ба забони асл наздик кардани қаринаи русӣ ба назар мерасад, дар ҳамин росто, албатта, табиат ва хусусияти забонҳо ба эътибор гирифта шудаанд.

Адабиёт:

1. Камолиддинов Б. Як ғалатизабониматбуот // Ганҷи забон. – 2015. – 1(4). - 30 январ.
2. Мачидов Ҳ. М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1982. – 103 с.
3. Мирзоева М. М. Воҳидҳои фразеологӣ асарҳои С.Айнӣ ва усулҳои тарҷумаи онҳо ба забони русӣ. – Душанбе: Матбуот, 2008. - 160 с.
4. Муллоджанова З. А. Стиль оригинала и перевод (Изд-е второе, переработанное и дополненное). – Душанбе, 2014. - 191с.
5. Раҳим Джалил. Шураб. Роман в 3-х книгах. - Душанбе: Ирфон, 1973.- 575 с.
6. Раҳим Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд. Ҷилди якум. Китоби 1. Романи «Шӯроб». – Душанбе: Адиб, 1988.- 304 с.
7. Раҳим Ҷалил. Асарҳои мунтахаб. Иборат аз се ҷилд. Ҷилдҳои 2-3. Романи «Шӯроб». – Душанбе: Адиб, 1988. - 464 с.
8. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик / Тартибдиҳанда М. Фозилов. Ҷилди якум. - Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1963. - 952 с.

СЛОЖНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена проблеме таджикских фразеологических предложений и их передачи на русский язык. Фразеологические предложения исследованы по трем источникам – исконные фразеологические предложения, фразеологические предложения, производные от фразеологических словосочетаний и созданные на базе пословиц и поговорок. Наибольшее внимание в статье придано сложным фразеологическим предложениям. Смысловые и структурные особенности сложносочиненных фразеологических предложений проанализированы с точки зрения различных семантических отношений простых предложений, составляющих сложные предложения способом передачи таджикских примеров на русский язык путём определения их аналогии, соответствия, перевода и комментария в двух языках.

Статья является определённым вкладом в исследовании таджикской паремологии. В рамках сложных фразеологических предложений показаны ряд несоответствий в переводе таджикских пословиц и поговорок на русский язык.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, структура фразеологизмов, простые фразеологические предложения, сложные фразеологические предложения, семантические отношения простых предложений.

COMPLEX PHRASEOLOGICAL SENTENCES AND THE WAYS OF TRANSFERRING THEM INTO RUSSIAN

The article deals with the problem of Tajik idiomatic sentences and transmitting them to the Russian language. Phraseological sentences studied by three sources - primordial phraseological sentences, phraseological sentences derived from idiomatic phrases and created on the basis of proverbs and sayings. The greatest attention is given to the phraseological complex sentences. Semantic

and structural features of the complex idiomatic sentences analyzed in terms of the different semantic relations of simple sentences, making up complex sentences, mode of transmission of the Tajik example into the Russian language by defining their analogy, compliance, translation and commentary in two languages.

This article is a contribution to the study of certain Tajik paremiology. Within the framework of complex idiomatic sentences it is shown a number of discrepancies in the translation of the Tajik proverbs and sayings into the Russian language.

Keywords: phraseology, phraseological units, phraseological structure, simple phraseological sentences, complex phraseological sentences, semantic relationships of simple sentences.

Сведения об авторе: Саидходжаева Мусаббехон Насимходжаевна, преподаватель кафедры таджикского и русского языков Института экономики и торговли Таджикского государственного университета коммерции, e-mail: musabbiyakhon72@mail.ru

About author: Saidkhojaeva Musabbekhon Nasimkhojaevna, lecturer of Russian and Tajik languages' Department of the Institute of Economy and Trade of Tajik State University of Commerce, e-mail: musabbiyakhon72@mail.ru

РАВАНДҲОИ НАВИ ГЛОБАЛИЗАТСИОНӢ: ЗАБОН ВА ГЕНДЕР

Маҳмадҷонов О. О., Муҳамедова З. Ш.

*Донишгоҳи давлатии омӯзгори Тоҷикистон ба номи С. Айни
Донишқадаи идоракунии давлатии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон*

Ҷумҳурии Тоҷикистон пас аз ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ ва гомҳои нахустини худ барои бунёди ҷомеаи демократӣ, дунявӣ ва ҳуқуқбунёду озод ба мушкilotи зиёде рӯ ба рӯ гардид. Ин мушкilot, пеш аз ҳама, дар интиҳоби роҳу равиши дурусту муайянкунандаи дурнамои сиёсати давлат, мамлакат барои ояндаи наздиктарини эъмори ҷомеаи мутамаддине буд, ки ба сиёсати онрӯзаи ҷомеаи тоҷик, ҳамчун узви комилҳуқуқи ҷомеаи башарӣ халале ворид насозад. Дар ин давраи тақдирсоз моро лозим омад, ки дар баробари пеш гирифтани роҳу равиши мусолимадомез бо нерухое, ки ҷомеаи онрӯзаи тоҷикро ба ҷунбиш ва ҳаракат оварда буданд, истодагарӣ карда тавонем ва якпорчагии кишвари тозаистиқлолро ҳифз карда тавонем. Мутаассифона, ҷархи таърих ба нафъи мардуми мо давр нахӯрд ва дар ҷомеаи онрӯзаи мо ҷунин ҳолат сурат нагирифт ва кишвари моро ба нокомиҳо рӯ ба рӯ намуд, ки то имрӯз хисороти он мавҷро мо ҷуброн карда истодаем.

Имсол мо 25-умин маротиба соҳибистиқлолии кишварамонро ҷашн мегирем ва ин 25 сол барои таърих муддати на он қадар тӯлонӣ аст, вале барои мо, фардони ҷомеа, соҳибватанон замонест, ки имкон дорем, ки ба гузаштаи начандон дури кишвари худ назар андозем ва бурду бохт ва комёбию нокомии онро аз диди имрӯз ва дар баробари равандҳои сиёсӣ иқтисодӣ, фарҳангиву идеологии ҷомеаи башарӣ баррасӣ намоем.

Албатта, ин чиз мусаллам аст, ки бо вучуди ҳодисаву воқеаҳои нохуши солҳои сипаригашта, дар ҷомеаи мо ақли солим боло гирифт ва дар ҳамин давраи мушкилтарини истиқлолиятҳои ҷомеаи тоҷик фарде ба роҳбарии кишвар интиҳоб гардид, ки бо диди нав, нигоҳи тоза, назари неқ ба ояндаи кишвар назар андӯхт ва аз қадамҳои нахустин талош ба он варзид, ки мардуми кишварро ҷамъ оварад ва пеш аз ҳама, якпорчагии мардуми кишвар ва марзи мамлакатро устувор намояд. Дар ҳамин давраи тақдирсози кишвар, ки бо пошхӯрии сохти давлатдорӣ абарқудрати шӯравӣ ва идеологияи он рост омад, ба ҷомеаи мо ҳамчун узви ин сохтори пошхӯрдаи шӯравӣ мавҷи равандҳои нав, ҷунбишҳои тоза ворид гардиданд.

Ҳамзамон бо ин ҳаракатҳо ҷанбаҳои нави мафҳумҳои роҳ ёфтанд, ки дар мафкураи мардумони мо ва идеологияи замони шӯравӣ бо рангу фаҳмишҳои мухталиф ҷой доштанд. Мо дар ин бобат мафҳуми равандҳои дар назар дорем, ки бо равандҳои ҷомеаҳои пешрафта ва мутамаддини ҷаҳонӣ аз кутби дигар ба зиндагӣ ва қору фаъолияти ҳаррӯзаи мардуми мо дохил гаштанд. Дар замони ҳокимияти шӯроҳо мафҳумҳои «миллатгаро», «миллатдӯст», «мансабҳо», «худшиносии миллӣ» то андозае хусусияти манфӣ пайдо намуда буданд ва имрӯз ин истилоҳҳо боз бо ранги нав ва ҷилои тоза рӯи қор омаданд. Бояд имрӯзҳо ҷанбаҳои мусбати ин мафҳумҳо аз ҷониби

пажӯҳишгарон ҳамачониба зери таҳқиқ гирифта шаванд ва барои ҷавонон – наслҳои ояндаи ҷомеаи тозаистиклоли мо шаклҳои дурусту фаҳмо ва усулу равишҳои пешниҳод карда шаванд, ки ба фарҳангу маънавияти ҷомеаи мо созгор ва қобили қабул бошанд. Ба ҷавонон талқин ва роҳнамои карда шавад, ки шахс, фарди соҳибмиллат бояд миллати худ, ватани худ, сарзамини худро дӯст дорад ва ба рамзҳои давлати худ, муқаддасоти фарҳангии худ арҷ гузорад, онҳоро омӯзад ва ба дигарон омӯзонад. Дар баробари ин ба фарҳанги дигари миллатҳо, расму русум, анъаноти дигар мардумон эҳтиром гузорад. Аз он фарҳангҳо чанбаҳои пешрафта, ҷолиб ва қобили қабулашро иқтибос намояд ва дар ҷаҳорҷӯбаи расму русум, суннат ва фарҳанги хеш онро тақмил диҳад ва онҳо ба ҷомеаи пешкаш намояд.

Имрӯз раванди глобализация ва ё ҷаҳонишавӣ ба воситаи технологияи нави пурқудрати муосир – компьютер ва Интернет – шабакаи ҷаҳонӣ ба тамоми бахшҳои фаъолияти зиндагии роҳ ёфтааст, албатта ҳар як падидаи иҷтимоӣ – фарҳангӣ бо ду қутб ба ҷомеаи роҳ меёбад, якеаш мусбат, манфиатбахши ҷомеа ва дигараш манфӣ тақонбахши ҷомеа. Моро лозим аст, ки дар ҷорҳои сарнавиштсози миллати роҳи дурусту солиро интихоб карда тавонем ва аз амвоҷи равандҳои ҷаҳони глобализитсия бидуни хисорае раҳӣ ёбем.

Аз ин рӯ, моро лозим аст, ки ҳамқадами замони худ бошем ва аз тамоми таҳаввулот ва тағйироте, ки дар ҷомеаи ҷаҳонӣ рух медиҳад бохабар бошем, андешаи озодонаи худро дошта бошем ва аз он ҳаракатҳо барои худ ва ҷомеаи худ чизи судманде гирифта тавонем ва ё ин равандҳоро ба нафъи ҷомеаи худ ва ба хизмати ҷомеаи худ равона карда тавонем.

Яке аз равандҳои ҷаҳонӣ, ки дар солҳои охир ба ҷомеаи соҳибистиклоли мо ворид гардид, ин ҳаракати гендерӣ ва дар баробари он мафҳуми гендер ва гендершиносӣ мебошад. Ин мафҳум ва ин раванд ба ҷомеаи бегона ва ё нав набуд. Ин ҳаракат дар ҷомеаи мо мавҷуд буд, вале бо номи дигар ва тарзу равиши дигар ва доираи истифодааш низ то андозае танг буд, яъне дар ҷаҳорҷӯбаи илми забон омӯхта мешуд.

Забон ҳодисаи ҷамъиятӣ аст ва ҳар як падидаи наво, ки дар ҷомеаи рух медиҳад, ҳатман дар забон таҷассум меёбад ва тавассути забон барои ҷомеаи пешниҳод мегардад. Муносибати гендерӣ низ падидаи иҷтимоӣ аст, ки дар ҷомеаи инсонӣ зухур кардааст ва ҳамчун илм дар ҷомеаи инсонӣ омӯхта мешавад, ки яке аз бахшҳои ин раванди тозаҷодии илм дар ҷомеаи инсонӣ бо унвони лингвистикаи иҷтимоӣ (социолингвистика) ёд мешавад.

Гендер ё муносибати гендерӣ масъалаест, ки аз замони қадим дар ҷомеаи башарӣ вучуд дорад ва дар ҳаёти ҷамъият ва афкори мардум бозтоби худро ёфтааст. Ҳамзамон бояд зикр намуд, ки муҳаққиқон ба ин масъала ҳамчун ба яке аз чанбаҳои социолингвистика – забоншиносии иҷтимоӣ тайи чанд соли охир рӯ овардаанд. Ин таваҷҷӯҳ ба фаъолиятҳои феминистии ҷаҳон робита дошта, дар васати назҳати баробарии иҷтимоӣ ҷӯстани қонун дар баробари мардон инкишоф ёфтааст.

Дуруст аст, ки таърихан дар забони тоҷикӣ ҷинсият ҳамчун категорияи грамматикӣ мавҷуд буд ва баъдтар дар даврони манбаъҳои рушди инкишофи забонҳои эронӣ ва минҷумла, забони тоҷикӣ ин хусусиятро аз даст дод. Имрӯз мо дар забонҳои мустаъмали ба забони тоҷикӣ хеш – забонҳои мардуми Бадахшон ифодашавии ин категорияи грамматикӣ ба хубӣ дида метавонем. Ҳарчанд ки ин категорияи грамматикӣ дар аксарияти забонҳои эронӣ – ҳам шарқиву ҳам ғарбӣ аз байн рафтааст ва мо хушбахтона, ҳифз шудани ин хусусияти муҳими грамматикӣ дар забонҳои имрӯзаи помири мушоҳида карда метавонем, ки аз ҷониби муҳаққиқон ҳамачониба таҳқиқ шудааст [4, с. 61-69; 3, с. 24-44]. Дар забони муосири тоҷикӣ ифодашавии ин хусусияти грамматикӣ мунтаҳо дар исмҳои хос махсусан, антропонимия ва топонимияи он зоҳир мегардад.

Омӯзиши топонимҳо дар радиои гендершиносӣ яке аз қисматҳои камтадқиқшуда ва нисбатан ҷавони илми забоншиносии кунунии тоҷик ба шумор меравад. Бо вучуди ин, муҳаққиқони тоҷик дар солҳои охир қўшидаанд, ки ба ин масъала аз чанбаҳои гуногуни он даст зананд ва тадқиқотҳои номшиносии минтақаҳои алоҳидаи Тоҷикистон ва ҳамчунин кишварҳои ҳамҷавори мо – Афғонистону Эрон исботи гуфтаҳои болоянд. Олимон ба таври мушаххас номҳои ҷуғрофӣ як минтақаро омӯхта ва ё ба таври умумӣ ҷузъи дар баробари таҳқиқи шеваю лаҳҷа, таърихи этнография, баррасии хусусиятҳои лексикӣ осори таърихӣ ба ин масъала дахл намудаанд.

Бояд зикр шавад, ки имрӯз дар баробари таҳаввулоти куллии сиёсӣ ва иқтисодии фароғири ҷомеа нигоҳи олимон, муҳаққиқон ба ҷанбаҳои гуногуни забоншиносии тоҷик ва аз ҷумла номшиносӣ аз диди нав, мувофиқи шароити нав ба мушоҳида мерасад. Дар баробари ин тавачҷӯҳи забоншиносонро масъалаҳои наве, ки аз ҷониби ҷомеаи имрӯза ба миён омадаанд, аз қабилӣ баррасии гендер дар забон ҷалб намудаанд.

Инсон барои танзими ғайриқонунии ҳамоҳангсозии робитаҳои объектҳои марбути таъсирашро нишонӣ мегузорад ва дар ин раванд мисли дигар ҷанбаҳои забон дар худ нақши ҳаёти иҷтимоии мардумро равшан менамояд. Дар он алалхусус, нақши фарҳанг, шуури иҷтимоии халқ, анъанаҳои расму оинҳо, ҳулоса хусусиятҳои этносотсиалии мардум ба назар мерасанд.

Табиист, ки дар номгузориҳои маҳалҳои бо ғайриқонунии марду зан вобаста хусусиятҳои иҷтимоии ҷинсияти забоншиносӣ дар робита бо ҷанбаҳои этносотсиалии мардуми маҳал бараъло инъикос ёфтааст. Баррасии номвожаҳои ҷуғрофӣ, ки дар онҳо бозтоби ҷанбаҳои забоншиносии ҷинсиат мушоҳида мешавад, мазмуни пажӯҳишҳои гендер дар топонимикаро ташкид медиҳад.

Масъалаи мазкур ба таври фишурда ва ё умумӣ дар қисматҳои нави забоншиносии тоҷик, аз қабилӣ антропонимика ва топонимикаи статистикӣ (антропотопостатистика) ва лингвистикаи иҷтимоӣ (социолингвистика) аз ҷониби муҳаққиқони ҷавон мавриди таҳлилу омӯзиш қарор ёфта истодааст. Ҳамчунин бояд таъкид кард, ки дар таҳқиқоти маъруф оид ба топонимикаи тоҷик танҳо ба зоҳири масъала – ифодаи ҷинсияти лингвистии номҳо тавачҷӯҳ гардидааст, вале аз баррасии иллатҳои иҷтимоии гендер дар номгузориҳои сарфи назар шудааст.

Топонимика низ ҳамчун инъикосгари падидаҳои иҷтимоӣ дар масири таърих қарор дорад ва дар худ ҷанбаҳои гуногуни ҳаёти мардумро инъикос намудааст. Аз ин рӯ, мо тасмим гирифтаем, ки ба таври фишурда муносибати номшиносӣ ва бозтоби масъалаҳои гендериро дар мисоли антропонимикаи қисмати шимолии водии Ҳисор ва дар қиёс бо номвожаҳои ҷуғрофӣ баъзе аз маҳалҳои сукунати Тоҷикистон баррасӣ намоем.

Чун номвожаҳои ҷуғрофӣ таҷассумгари ҳодисаҳои воқеаҳои таърихӣ, дигаргуниҳои соҳти ҷомеа буда, бо ҳаёти рӯзмарраи инсон зич алоқаманданд, пас дар онҳо нақши ҳаёти марду занро ҳамчун узви ин ҷомеа низ пайдо кардан мумкин аст. Бо ин мақсад мо дар мисоли беш аз 5000 топоними аз минтақаҳои водии Ҳисор гирдовардамон муайян намудем, ки аз онҳо дар ҳудуди 400 адад номвожаҳои ҷуғрофӣ мебошанд, ки мансуби исмҳои мардонаи занона ва ифодагари ҳодисаҳои воқеаҳо, шугли мардум, ғайриқонунии рӯзмарра ва ҳаёти онҳо мебошанд ва бо истилоҳи антропотопонимҳо ёд мешаванд. Ин гурӯҳи топонимҳоро аз рӯи ифодашон ба ду бахш ҷудо намудем:

а) антропотопонимҳое, ки исми мардон ва мавзъҳои қору ғайриқонунии мардонро ифода мекунанд;

б) антропотопонимҳое, ки ба исми занон ва объектҳои қору ғайриқонунии занон марбутанд.

1. Антропотопонимҳои мансуб ба исми мардон

Антропотопонимҳое, ки ба исми мардон ва объектҳои қору ғайриқонунии онҳо алоқаманданд. Ин гуна номвожаҳои ҷуғрофӣ дар инзоми маводи гирдовардаи мо хеле зиёд ба мушоҳида мерасанд ва онҳоро бо назардошти доираи густаришашон ва нақши исми шахс дар ташаккули онҳо ба таври зайл тақсимбандӣ намудан мумкин аст:

1. Антропотопонимҳои сода, яъне номвожаҳои ҷуғрофӣ, ки дар асоси исмҳои ҳоси мардона ба вучуд омадаанд: Каримдод (дараи хурд), Хол (деҳа), Чингиз (дара), Исҳоқӣ (замин), Шоавдуллоӣ (замин), Муллопар (дахана), Шовалӣ (хамбӣ //пастхамӣ), Шодӣ (дашт), Неъматбой (деҳа) ва ғ.

2. Антропотопонимҳои ибораӣ. Ин навъи антропотопонимҳо дар заминаи қолабҳои ибораҳои забони муосири тоҷик сурат гирифтаанд ва бо назардошти хусусиятҳои мушаххаси онҳо ба ҷунин навъҳо ҷудо мешаванд:

а) антропонимҳо: Хучайи Ғазза (зиёратгоҳ), Хучайи Ғъдон (мазорҷой), Ҳазрати Мавлавӣ (қабристон), Ҳочаи Оби Гарм (осоишгоҳ), Ҳочайи Амбиё (шаҳрак);

б) антропотопоним ва истилоҳи ҷуғрофӣ «замин»: Замини Сайиди Қодир, Замини Давлати Шариф, Замини Кали Сафар, Замини Азимбойино, Замини Ҳочихо;

в) антропоним ва истилоҳи «дара»: Дарии Лъфтило //Лутфулло, Дарии Азиз, Дарии Маҳмудсолах, Дарии Ҳочидев, Дарии Қоки Одина;

г) антропоним ва истилоҳи «нов» (яғн.-дара, дараи хурд): Нови Хучаамин, Нови Қозӣ, Нови Шомирзо, Нови Маҳмурод;

ғ) антропоним ва истилоҳи «дашт»: Дашти Сиддик, Дашти Хучии Суфӣ, Дашти Қозӣ, Дашти Хучаи Мирзо, Дашти Муллоноур;

д) антропоним ва истилоҳи «чашма»: Чашми Муллоноур, Чашми Ашур, Чашми Тоҳирӣ, Чашми Миралӣ, Чашми Хочийо ва ғ.

Дар доираи антропогидронимияи ин мавзеъ дар баробари калимаи тоҷикии «чашма» муодили яғнобӣ (суғдӣ) – и он «хок» ва ё турки «булоқ» низ мавҷуд аст, ки яққоя бо исми одамон ташаккул ёфтаанд. Ин номвожаҳои чуғрофӣ миёни мардум камистеъмол бошанд ҳам, дар истифода мебошанд. Ба монанди Хоки Алӣ (чашма), Булоқи Лолакул (чашма, дара) ва ғайра.

Ҳамчунин як қатор истилоҳҳои чуғрофӣ, аз қабилӣ боғ, мазор, гузар, қутан, айлоқ ва ғайра бо антропонимҳои мардона омада антропотопонимҳое сохтаанд, ки онҳо ба шуғли мардон ва фаъолияти зиндагии ҳаррузаи онҳо мутаалиқ мебошанд.

Бояд зикр намуд, уи чунин антропотопонимҳо дар низоми топонимҳои ин маҳал ба соҳибияти шахс ба замин, маҳал, қой, манзил далолат мекунанд ва танҳо бо исмиҳои мардона ифода гардидаанд. Ин навъи топонимҳо дар минтақа маъмуланд ва ба муносибати мардон ва шуғли фаъолияти онҳоро ба объектҳои чуғрофӣ нишон медиҳанд. Дар зухуроти антропотопонимҳо нақши занон низ кам нест, вале дар минтақаи мавриди таҳқиқ мо мисоли зиёдеро дар ин доираи номвожаҳо пайдо карда натавонистем, ки бо исми онҳо алоқаманд бошад.

2. Антропотопонимҳои мансуб ба исми занон

Антропотопонимҳое, ки ба исми занон ва объектҳои қору фаъолияти онҳо марбутанд, аз шумораи умумии антропотопонимҳои водии Ҳисор танҳо 15 – тоашро ташкил медиҳанд. Албатта ин шаходати он аст, ки ҳодисаю воқеаҳои ба ҳаёту фаъолияти занон вобаста тақозо намуда, ки як идда мавзеъҳои ин водӣ бо исми занон номгузорӣ шаванд, аз қабилӣ Дани //Даҳани Ширбону (номи дара), Боғи Моҳтърма (номи боғ), Санги Арӯс (зиёратгоҳ), Кӯҳи Момокампирак (номи дара), Нови Кампири Қок (дараи хурд), Чарии Бибипаридагӣ (кампирипаридагӣ).

Баррасӣ ва муқоисаи топонимия ва микротопонимияи водии Ҳисор бо минтақаҳои дигари ҷумҳурӣ аз ҷумла, ҳудуди водии Кӯлоб нишон медиҳад, ки вазъияту ҳолати инъикоси номҳои мардона ва занона дар доираи антропотопонимияи ин маҳалҳо бисёр фарқкунанда ва омӯзанда аст. Аз шумораи зиёди топонимҳои гирдомадаи ин минтақаи Кӯлоби бостонӣ танҳо панҷ мисолро зикр кардан мумкин аст, ки бо исми занон ба вучуд омадаанд. Нақши коста ва ночизи номҳои занонаро дар ташаккули антропотопонимияи минтақаи Кӯлоб баррасӣ карда, сабаби онро муҳаққиқон чунин натиҷагирӣ ва арзёбӣ менамоянд: «Шояд як омилаш он бошад, ки дар минтақа аксаран мардон ба фаъолияти хоҷагидорӣ машғуланд ва ё дар гузашта ва баъзан ҳоло низ кам гирфтани номи занон дар баъзе мавридҳо, умуман, аз нигоҳи дину шарият камтар ба назаррасии фаъолияти занон дар бахшҳои мухталифи хоҷагии халқ нисбат ба мардон мусоидат намудааст. Яъне баъзе анъанаҳои пешина ва баъзан ҳозира низ як сабаби камтар истифодашавии номҳои занона дар ташаккулёбии топонимияи маҳал шудаанд» [1, с.194].

Чи тавре ки мутахассисони забоншиносии феминистӣ таъкид мекунанд, кам будани антропонимҳои занона дар доираи топонимия ва микротопонимияи маҳал нишонаи нақши костаи онҳо дар ҷомеаи мазкур ба шумор меравад. Яъне, ҳуди занон ва ҳаёту фаъолияти онҳо дар ҷомеаи чандон сазовори ситоиш нест, ки бо исми онҳо ҷое ном бурда шавад ва ё номгузорӣ карда шавад. Дар ин маврид донишмандони ҷомеашинос чунин андешаро пеш меоранд, ки ҳодисаи хеле ками номгузориҳо бо исми занон нишонаи нақши тобеона, мутеонаи зан дар ҷомеаи буда, ин ҷиҳати масъалаи мазкур таҳқиқу омӯзиши ҳамаҷониба ва махсусро интизор аст. Мо дар заминаи баррасии маводи топонимии маҳалҳои мухталифи кишвар метавонем илова намоем, ки хусусияти асосии ин тавр сурат гирифтани номгузориҳои мавзеъҳо дар Осиёи Марказӣ нишонаи нақши хеле ночизи занон дар масири таърих буда, бо урфу одат, расму русум ва анъана, фарҳанг ва дину оини мардуми ин минтақа робитаи ногусастанӣ дорад.

Воқеан, ин гуна нақши антропотопонимҳоро на танҳо дар заминаи маводи топонимии минтақаҳо, балки дар номвожаҳои чуғрофӣ асарҳои бадеӣ низ ба мушоҳида гирифтани мумкин аст. Аз шумораи умумии номвожаҳои чуғрофӣ асарҳои устод Садриддин Айнӣ [7, с. 103-130], ки дар маҷмӯъ 950 адад мебошанд, теъдоди 90 –

тоаш дар заминаи номҳои мансуби мардон ва танҳо 9 – тоаш дар асоси номи занон ба вучуд омадаанд. Номвожаҳои чуғрофии марбути исми занонаи осори устод Айнӣ инҳоянд: Гузари Арӯсон, Мазори Чилдухтарон, Гузари Модари Хон, Мадрасаи Модари Хон, Мадрасаи Бибихоним ва ғ.

Агар топонимияи дигар манотиқи Тоҷикистонро низ ба қиёс гирем, метавонем бубинем, ки инъикоси номҳои занон дар топонимия ва микротопонимияи маҳалҳо он қадар зиёд нест. Аз 300 номвожаи чуғрофии водии Зарафшон (ш. Панҷакент ва атрофи он) 48-тоаш антропоними мардона ва танҳо 3- тоаш ба номи занона дорад.

Қобили тавачҷӯҳ он аст, ки дар манотиқи дигари ҷумҳурӣ, аз ҷумла дар Бадахшон, ки доираи ғаболияти зан дар ҳаёти иҷтимоиву фарҳангии он ҷо хеле фарох ва озодтар ба назар мерасад, номгузориҳои маҳалҳо бо исми занон бештар ба ҷашм мерасад. Ба андешаи мо, омили асосии пайдоиши ин падидаи иҷтимоӣ ва барои забоншиносӣ хеле муҳим аз эътиқоду суннатҳои қадимаи мардуми Бадахшон сарчашма мегирад.

Таносуби топонимия ва микротопонимияи водии Ҳисор нишон медиҳад, ки шумораи номвожаҳои марбут ба номҳои занон ҳам дар маҳалҳо ва ҳам дар осори таърихӣ хеле ночиз буда, дар ҳудуди 0.04-0.1 дарсади шумораи умумии топонимҳои минтақа ба шумор мераванд ва мувофиқан антропонимҳои мардона 8-10 дарсадро дар ин водӣ ташкил медиҳанд. Ба таври дигар гӯем, аз ҳар 1000 топоним 8-10-тоаш антропотопоними мардона ва танҳо 0,4-тоаш антропотопоними занона мебошад.

Омӯзиши топонимҳои мансуби номҳои мардона далели онанд, ки дар ҳаёти ҷомеаи тоҷикон таърихан нақши мард ҳамчун соҳибмулк, доранда, фарди ғаболи ҷомеа маъмул будааст. Воқеан, ғаболияти мардҳо дар тамоми бахшҳои зиндагӣ ва аз ҷумла, дар забон назаррас ва барҷаста таҷассум гардидааст, ки ин ба суннатҳои бостонӣ ва мазҳабии мардуми мо, фарҳангу тарзи ҳаёти тоҷикон саҳт алоқаманд аст.

Номвожаҳои чуғрофии дорои антропоними занона ба таври умумӣ баёнгари ҳодисаю воқеаҳои таърихии марбути занон буда ва ё хусусиятҳои услубӣ – ташбеҳӣ доранд, ки зухуроти онҳо баъзан характери тасодуфӣ низ пайдо намудааст.

Як қисми номвожаҳои чуғрофии марбути занон ягон ҳодисаи сарнавиштсоз ва ё мудҳишро, ки ба тақдири зан вобастагӣ дорад ва он дар эҳсосоту хотираи мардум нақш бастааст, инъикос менамоянд. Чанде дигар аз ин номҳо ифодагари покию ифғати занон ва ё орзуву омили онҳо ҷиҳати ёфтани фарзанд буда, характери ахлоқӣ – тарбиявӣ мегиранд. Як идда топонимҳои ин гурӯҳ ҳодисаҳои табиӣро ифода кардаанд, ки дар тафаккури мардум бо образи занон алоқаманд мебошанд.

Дар номгузориҳои аксари маҳаллу минтақаҳои Тоҷикистон номи занро таърихан танҳо дар робита бо воқеоти хеле пуртаъсиру ақсуламали бузургдошта ба забон меовардаанд. Чунин анъана ба психологияву фарҳанг ва суннатҳои қадимии халқҳои Осиёи Миёна робитаи ногусастанӣ дорад.

Ҳамин тавр, омӯзишу таҳқиқи ҳамаҷонибаи ин падидаи иҷтимоӣ забоншиносӣ барои равшанӣ андохтан ба ҷанбаҳои тозаҷод ва омӯхтанашудаи сотсиолингвистика - лингвистикаи гендерӣ мусоидат намояд, аз ҷониби дигар, барои маълум кардани заминаҳои психоллингвистии проблема дар ҷомеа кӯмаки амалӣ мерасонад. Аз ин ҷиҳат зикр намудани андешаҳои муҳаққиқи варзидаи забоншиносии иҷтимоии асри гузаштаи аврупоӣ бамаврид аст, ки гуфтааст: «Ягон ҷанбаи ҳаёти иҷтимоии ҷомеа аз тафаккури мутаазод (фарқкунанда), ки тамоми воқеиятро ба категорияҳои «занона» ва «мардона» ҷудо менамоянд, оғӣ нест» [8, с. 15].

Адабиёт:

1. Алимӣ Ҷ. Ташаккул ва таҳаввули топонимияи минтақаи Кӯлоб. – Душанбе, 1995. – 196 с.
2. Алимӣ Ҷ. Топонимияи Кулябского региона (лингвистическое исследование): АДД. – Душанбе, 1996. – 47 с.
3. Карамшоев Д. Выражение категории рода имени с помощью перегласовки в языках шугнанской группы // Памироведение (вопросы филологии). – Душанбе, 1975. – С. 24 -25.
4. Карамшоев Д. Грамматический род абстрактных имён в шугнано - рушанской группе //Забонҳои помири ва фольклор. – Душанбе, 1972. – С. 61 - 64.
5. Карамшоев Д. Выражение категории рода имени с помощью перегласовки в языках шугнанской группы // Памироведение (вопросы филологии). – Душанбе, 1975. – С. 24 -25.

6. Карамшоев Д., Бахтибеков. Т. Выражении категории рода имени с помощью перегласовки в языках шугнанской группы //Памироведение (вопросы филологии). Душанбе, 1975. – С. 61 - 64.
7. Шодиев М. Лингвистический анализ топонимов произведений С.Айни. Рис. номз.илм.фил. – Д., 1994. – 200 с.
8. Эпштейн М. Мужчина и женщина по-английски, 2004 [Электронный ресурс]. – URL: <http://studynlp.narod.ru/pt132.html>.-URL: (Дата обращения: 02.03.16).

НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЯЗЫК И ГЕНДЕР

Гендерный вопрос существовал столетиями и отражается в общественной жизни людей. Это внимание было обращено к мировому феминизму и развивалось наряду с борьбой женщин за социальное равенство. Статья посвящена грамматическим особенностям современного таджикского языка на примере антропонимов и топонимов-географических названий Гиссарской долины.

Ключевые слова: гендер, язык, топонимы, антропонимы, Гиссарская долина, гендерная лингвистика.

NEW PROCESSES OF GLOBALIZATION: LANGUAGE AND GENDER

The gender issue exists for centuries and is reflected in the social life of people. This attention was related to global feminism and developed along with the struggle of women for social equality. Article devoted to the reflection of the grammatical features in modern Tajik language as anthroponym and toponym-names of geographical in Hissar valley.

Keywords: gender, language, place names, antroponymy, Gissar and gender linguistics.

Сведения об авторах: Махмаджонов О. О., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: m.olim@rambler.ru

Мухамедова З. Ш., старший преподаватель кафедры языков Института государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, e-mail: zainab_10@mail.ru

About authors: Mahmadjonov O. O., doctor of philological Sciences, Professor of the Chair of Theory and Practice of Linguistics, Tajik State Pedagogical University named after Sadriiddin Aini, e-mail: m.olim@rambler.ru

Mukhamedova Z. Sh., senior lecturer of Department of languages, Institute of public administration under the President of the Republic of Tajikistan, e-mail: m.olim@rambler.ru

ЗАБОНИ ХАЛҚ – МАНБАИ РУШДИ ИСТИЛОҲОТ

Исмоилов Ш.

Донишгоҳи давлатии забонҳои Тоҷикистон ба номи С.Улугзода

Масъалаи танзими имлои забони тоҷикӣ ва қабули истилоҳот ба забони меъёрӣ дар айни замон яке аз мавзӯҳои бисёр муҳими забоншиносӣ ҳисоб меёбад. Зеро як омили боло рафтани сатҳи саводу ташаккули нутқи мадания мардум, пеш аз ҳама, ба донишдони қонуну қоидаҳои имло ва дар талаффузу навишт дуруст риоя намудани меъёрҳои муқаррарии он алоқаманд бошад, омили дигар, маҳз ба интихоби бамаврид ва хуб шинохта гирифтани истилоҳоти умдаву зубдаи суҳанзеб дар забон вобастагӣ дорад. Ана ҳамин ҳақиқати воқеӣ дар авали солҳои сиюми аари ХХ зарурияти тасҳеҳ ва ҳаллу фасли ин ду масъалаи хеле нозуқро дар забоншиносии тоҷик ба миён овард. Яке аз онҳое, ки дар тафсиру ташреҳи ин мавзӯҳо бештар ва боҷаҳд фаъолият мекард, усто Абдусалом Пирмуҳаммадзода Деҳотӣ буд.

Абдусалом Деҳотӣ бо ҳисси чуқури ҷибиллӣ дуруст дарк мекард, ки то имлои забони модарӣ ба ифоқа наояд ва то дар забон истилоҳоти мувофиқу муносиб рӯи қор наоянд, забони адабии мо, ки вобаста ба соҳти нави ҷомеа, шароити навини иқтисодиву сисёсӣ шакли нав пайдо карда истода буд, вазифаи муқаддаси худ - аз бухрони бесаводӣ раҳонидани ворисонашро, ки мардум акнун ба мактабҳои маҳви бесаводӣ ҷалб гардида, ба фаъолияти васеи давлатдорӣ иҷтимоӣ бештар кашида мешуданд, ба иҷро расонида наметавонад. Дигар ин, ки содаю умумихалқӣ будани

забони адабӣ, пеш аз ҳама, мувофиқи фаҳми ҳамагон кор фармудани меъёрҳои имлову истилоҳоти забурито тақозо менамояд. Мутаассифона, дар ин бобат саъйи аҳли зиё ва ғамхории мутасаддиёни ин амри хайр дар Ҷумҳурии қариб эҳсос карда намешуд. Ҳол он ки дар ҳамагон солҳо омӯзгорони мо, махсусан устодони бетачриба ва навкор, ки акнун ба таълиму тадрис пардохта буданд, дар ин бобат ба дастурҳои зарурӣ ва машварату маслиҳати аҳли таҳассус эҳтиёҷи зиёд доштанд. Устод Дехотӣ ин вазъиятро мушаххас ин тавр ба қалам медиҳад: «Дар масъалаҳои сода кардани забон ва мувофиқи талаффуз ва фаҳми омма кор фармудани истилоҳот низ ҳаракати қаноатбахш дида намешавад» [1, с. 313].

Баъдтар, аниқтараш дар аввали солҳои чилуми а.ХХ ҳукумати Тоҷикистон ба масъалаи имло ва истилоҳоти забони тоҷикӣ ҷиддӣ диққат дод. Ин буд, ки соли 1941 Совети Комиссарони Ҳалқи Ҷумҳурии комиссияи доимии имло ва истилоҳоти забони тоҷикиро таъсис дод. Ба ҳайати комиссия дар қатори А.Мирзоев, Л.Бузургзода, Ш.Ниёзӣ,

С. Арзуманов., Б. Ниёзмұхаммадов Ҳ. Каримов ва дигарон Абдусалом Дехотӣ низ дохил гардид. Бо саъю талоши ин чанд тан аз аҳли таҳассус луғати имлои забони тоҷикӣ тартиб дода шуд, ки дар бобати мурабтаб сохтану дастраси омма намудани он хизмати устод Дехотӣ басо қалон ва шоистаи тақдир аст.

Абдусалом Дехотӣ, ки табиати модарзодии забоншиносӣ дошт ва нисбат ба тақдирӣ миллату забони миллии тоҷик бетараф буда наметавонист, ба ҳалли ин масъалаҳои ҳалталаби замон часуруна ва олимона даст мезад. Забоншиносии ӯ танҳо бо доништану риоя намудани меъёрҳои луғат ва қоидаҳои сарфу наҳви забони тоҷикӣ анҷом намеёфт, балки аз ибтидои фаъолияти эҷодии худ то охири чун як ташаббускори фаъол дар роҳи аз нав тартиб додани меъёрҳои муқаррарии услубиёту луғат, имлову истилоҳоти имрӯзаи забонамон саҳми муносиб гирифтааст.

Ба масъалаи имло рӯ овардани А.Дехотӣ аз он ҷиҳат буд, ки пас аз гузаштани тоҷикон ба алифбои лотинӣ (1929-1930) дар матбуоту нашриёт як навъ барҳам-дарҳамӣ, бенизомӣ ва бесарусомонӣ ба амал омада, мардум дар навишти ин ё он овоз, бандак, адот ва калимаю ибора сари як ақида қарор надоштанд. Ҳатто баъзеҳо пайвандҳои у (ву) ва ю-ро аз калимаҳо ҷудо менавиштанд. Зиёда аз ин, дар таълифоти як қисм адибон ҷузъҳои калимаҳои сохтаву мураккаби навъи ҳамкор, боғбон, зардолу аз якдигар ҷудо зикр меёфтанд, ки ҳамаи ин, аз як тараф, ҳалли дурусти қоидаҳои имлои забони тоҷикиро мушкил месохт, аз тарафи дигар, ба таълими нормативии мавзӯҳои забони адабӣ дар мактаб низ имкон намедод. Ана дар ҳамаи гуна вазъияти носолим қуввае лозим буд, ки ҳамаи ин бесомониро ба сомон орад. Ҳамаи гуна қувва дар шахсияти устод С.Айнӣ ва шогирдони ӯ-Дехотиву Азизӣ ва дигарон амал мекард. Дехотӣ соли 1930 доир ба паҳлуҳои мухталифи имло чандин мақола навишта, дар яке аз онҳо таъкидан гуфта буд: «Чанд вақт боз дар китоб ва газетаҳо бандакҳои пеш: ӯ, ву, ю-ро аз калимаҳо ҷудо менависанд. Чунончи чой у нон у ош; себ у зардолу .. Ин гуна навиштан ҳеҷ маъно надорад. Аз тарафи дигар, ҷумларо даққазан мекунад... Сониян, исмиҳои сохта, монанди зардолу, боғбон, ҳамкор ва ғайраро зард олу, гуфта ҷудо нанавишта, балки як карда нависем...» [1, с. 309].

Масъалаи ҳаллу фасли имло ва истилоҳоти забони тоҷикӣ аз назари устод Дехотӣ ҳеҷ гоҳ дур намонд. Ӯ пайваста ин ду мавзӯи муҳимро меомӯخت ва дар мавриди зарурӣ муҳимтарин дарҳости худро роҷеъ ба паҳлуҳои мухталифи ин ду масъала мушаххасан дар саҳафоти матбуот дарҷ мекард. Ҳамаинро ба асос мегирифт, ки дар сурати риоя нашудани қоидаҳои имло - аз ҳам ҷудо овардани ҷузъҳои калимаҳои мураккаб маънои дилхоҳ пайдо намешавад, ё ин ки калима маънои тамоман дигар мегирад. Ё худ, агар истилоҳот бемавқеъ ё нодуруст интиҳоб гарданд, салосат ва нафосату хусусиятҳои миллии забон коста хоҳанд шуд. Бинобар он, ҳар он чизе, ки дар матбуот ва нашриёт рӯи чоп меояд, бояд ба қоидаҳои навишти забони адабӣ ҷавоб дода тавонад. Чунки матбуот як омили асосии саводнок намудани аҳли меҳнат ва боло бардоштани сатҳи фарҳангу маънавияти ҷомеа аст. Ба ин масъала, пеш аз ҳама, аҳли савод- олимони, адибон, рӯзноманигорон мебоянд ҷиддӣ диққат диҳанд. Ба ин маънӣ, хеле баъд, аниқтараш соли 1962 А. Дедотӣ дар мақолаи «Омӯхтани мероси адабӣ шуғли булҳавасӣ нест» чанд камбудии муҳаққиқи адабиёт Н.Сатториро, ки порчае аз «Ахлоқи Муҳсинӣ» -и Ҳусайн Воизи Кошифиро дар рӯзномаи «Маориф ва маданият» нашр карда буд, нишон дода, ин тавр менависад: «Дар мисраи 31-уми порчаи—мисол овардашуда, ки:

Марҳамате кун, ки чигарҳастаанд

мебошад ва сухан дар ҳаққи раъият меравад, ду калимаи охириро бо ҳам пайваста, ба шакли «чигархастаанд» навиштан лозим буд, чунки дар сурати ҷудо навиштан маънии ғалат ҳам ҳосил мешавад. Бо ин қайд кардан меҳоме, ки ба дурустии имло риоя кардан ҳам яке аз шартҳои зарурии қори илмӣ аст» [1, с. 106].

Соли 1930 дар Душанбе анҷумани забоншиносони Тоҷикистон даъват карда шуд. Анҷуман натиҷаи конференсияи алифбои нав, ки соли 1928 дар Тошкент ва конференсияи илмии тоҷикони Ўзбекистонро, ки соли 1929 дар Самарқанд баргузор гардида буд, ҷамъбаст кард. Мутаасифона, қарорҳои ин анҷумани бисёр бонӯфӯз, ки ба масъалаҳои муҳими алифбо, имло, истилоҳ ва умуман масоили муҳталифи забони адабии китобӣ дахл доштанд, пурра дастраси омма гардонидани нашуданд. Аз ин ҷиҳат, дар ибтидои қор дар таълими қоидаҳои имло ва истилоҳоти забони тоҷикӣ дар мактаб душвориҳои зиёд пеш омад. Зеро алҳол муаллимони дар хусуси омӯзиши имлоӣ ҳатто овозҳои алоҳида ва вожаҳои соҳавӣ, хурд бошад ҳам, ягон дастури муқаррарӣ, ки тавонад мушкилоти эшонро осон созад, дар ихтиёр надоштанд. Аз ин ҷост, ки дар интиҳоби истилоҳот ва тадриси масоили имло ҳам дар як фикр ва дар як ақида набуданд. Ходимони матбуоту нашриёт ҳам дар навишти овозҳои алоҳида, ин ё он истилоҳ ва калимаю ибора баъзан андешаи муҳталиф доштанд. «Ҳоло бештари ин муаллимони мактабҳои миёна ва ибтидоӣ (Ман муаллимони Самарқандро мисол мегирам...) ба ҷои у (ӯ)- вови маҷхули ҳозира у (ӯ)- вови маҷхули пештарро таълим медиҳанд... То имрӯз қорқунони матбуоти мо ҳам ба масъалаи имло диққат намекунанд» - гуфтани А.Дехотӣ [1, с. 315] ба ҳамин муносибат буд. Ҳамаи ин водор сохт, ки устод Дехотӣ ҳамчун донишманди соҳаи забон «Дар бораи имло, алифбо, истилоҳ ва забони адабии тоҷик» ном мақолае навишта, дар он муҳтасар бошад ҳам, ҷойҳои зарурии қарори анҷумани якуми забоншиносони Тоҷикистонро тавзеҳ диҳад. Дар ин тавзеҳот, ки мазмунан хеле муфассал таълиф ёфтааст, А.Дехотӣ ғайр аз имло боз ба ду масъалаи дигар низ диққати ҷиддӣ додааст:

Якум, ба аниқ муайян намудани ҷойи ҳар як овоз дар тартиби алфавит, аломати шартии овозҳо дар ҳат ва шаклҳои хурду қалони ҳарфҳои алоҳида.

Дуюм, ба шинохти истилоҳот ва дуруст интиҳоб намудани онҳо мувофиқ ба талаботи меъёрҳои солими забони адабӣ.

Воқеан, дар бобати қабули истилоҳот дар байни аҳли савод ягонагӣ дар бунёди андеша вуҷуд надошт. Аз ҷумла, як гурӯҳ тарафдори он буданд, ки истилоҳот, чи тавре ки дар забони халқ ба қор меравад, ҳамон тавр ба забони меъёрӣ қабул карда шаванд. Ин чунин маънӣ дошт, ки агар мардум **комсомолро** дар шакли **камсамол** ва **коммунистро** дар шакли **каммунист** истеъмол кунанд, мо низ бояд онҳоро бе ҳеҷ тағйирот дар нутқи ҳатӣ истифода намоем. Ба ин ақида розӣ шудан мумкин набуд. Абдусалом Дехотӣ нуқсонҳои ин назарияро дар вақташ дуруст дарк карда, чунин нигоштааст: «Ба фикри ман, «истилоҳотро аз забони халқ гирем» - гуфтаи дуруст нест, чаро ки мувофиқи гуфтаи халқ **аэропланро айропилон, большевикро болшивек** бояд нависем. Дар ин сурат истилоҳот хунук менамоянд» [1, с. 315]. Ин зикри устод Дехотӣ ба он вачҳ буд, ки дар ҳақиқат, истилоҳоти сиёсӣ ва соҳаи техникаро дар он шакле, ки халқи аввал қор мефармояд, истифода кардан нашомад. Зеро қисми зиёди мафҳумҳои сиёсӣ дар забони тоҷикӣ муродифи сазовор надоранд, то ин ки бо роҳи тарҷума меъёри адабии талаффузу навишти онҳо таъмин гардад, дигар ин ки, дуруст нигоҳ дошта шудани истилоҳоти ин соҳа дар забони тоҷикӣ омили хубест барои таъмини умумияти бахши истилоҳшиносии он бо ҳам забонҳои миллӣ дар доираи собиқ Иттиҳоди Ҷамоҳири Шуравӣ ва берун аз он. Номҳои бахши техникаву технология бошанд, бештар бо предмети худ ба мо омадаанд. Аз ин ру, дар сурати асл ба қор бурдани онҳоро на танҳо шароити нави зиндагӣ, балки рафти таҳаввулотҳои забони тоҷикӣ дар ҷомеаи нав тақозо мекард. Ҳаминро ба ҳисоб гирифта А. Дехотӣ қайдҳо менамояд, ки «Бояд мо истилоҳоти сиёсӣ ва техникавиро аз забони аврупоӣ гирем. Масалан, онҳо кооператив, трамвай, комсомол, паровоз мегӯянд...» [1, с. 315]. Вале, ҳамин ки гап дар хусуси калимаю истилоҳи дигар соҳа равад, ӯ чунин пешниҳод мекунад:

«...луғат ва истилоҳи дигарро аз забони кӯҳистонӣ гирем, хубтар мешавад. Чунончи, мо кафш-ро кауш, масхиро-маҳсӣ, фирболро- ғалбер, ҳавзро-ҳауз, чирогро - чароғ, лаблабура- лавлаву, наботро-наво, баста (сахт)-ро - қуюқ, равонро-суюқ, чурғотро- чирғот мегӯем, ки ин тамоман нодуруст аст. Аммо онҳо ҳамон ҳолати аслии калима (кафш, масхӣ, равон, баста, чурғот ва ғайра)-ро қор мефармоянд» [1, с. 315]. Зимни ин дархост, чунон ки гуфта шуд, устод А.Дехотӣ, пеш аз ҳам, тозагӣ ва ба

таъсири беруна кам дучор омадани лаҳҷаҳои мардуми кӯҳистонро ба назар гирифта, дар ҷои дигар ҳамин ақидаи худро ин тавр асоснок мекунад: «...Баъзе калимаҳои, ки тоҷикони шаҳри қор мефармоянд, тамоман ўзбекӣ аст. Чунончи, дар Истаравшан «қотик»-ро ба ҷои рӯи шир истеъмол мекунанд. Масалан, дар адабиёти халқи Самарқанд:

Таги чимлик нону **қаймоқ**,

Келин ойим бодомкавок.

Дар адабиёти кӯҳистон:

Баҳор омад дарахтон себу себча..

Пагоҳи меҳӯрем **сарширу** кулча...

Нигоҳ кунед, ки дар кӯҳистон «қаймоқ»-ро «саршир» қор мефармудаанд, ки маънои ҳақиқии ин калимаро мефаҳмонад» [1, с. 315].

Чи тавре ки маълум мешавад, Абдусалом Дехотӣ ба забони зиндаи халқ, махсусан ба шоҳаҳои шевагии он, таваҷҷӯҳи зиёд дошт ва дар ҳар мавриди муносиб аз захираи луғавии онҳо моҳирона гулчинӣ кардану ба меъри забони адабӣ даровардани калимаю истилоҳоти заруриро дастур меод. Ана ҳамин дастури А.Дехотӣ ва дигар ҳамкорону ҳамфикрони ӯ буд, ки анҷумани забоншиносони тоҷик дар бобати қабули калима ва истилоҳоти алоҳида ба забони адабӣ чунин қарор қабул кард: «...дар илмҳои табиӣ (монанди ҳайвонот ва наботот) ва ҳамчунин дар хоҷагӣ, дар луғат ва қор ном ва истилоҳоте ҳастанд, ки ҳанӯз ба забони тоҷикӣ (ин ҷо забони адабии тоҷик дар назар дошта шудааст - Ш.И.) надаромада бошанд ҳам, дар забони зиндаи халқ, мавҷуданд. Инҳоро ба зудӣ гун дошта, ба майдон баромада, аз ҳозир сар карда ба қадри имкон ва зарурат дар истилоҳоти илмӣ ва адабӣ қор фармудан лозим аст» [1, с. 321].

Дар бобати қабули истилоҳот устод Дехотӣ ҳамеша тарафтори аз ҳисоби вожаҳои худӣ такмил додани забони адабии тоҷик буд. Ӯ истифодаи унсурҳои бегонаро дар ин бахши забон раво намедид, чунки захираи луғавии худӣ забони тоҷикӣ ҳоло имконияти ба ихтиёри омма воғузоштани истилоҳоти дарқори аз даст надодааст. Дар ин ҳусус чунин мегӯяд: «Калимаю истилоҳоти тоҷикӣ ва ҳамафаҳм истида чаро мо истилоҳоти ўзбекӣ ва арабиро истеъмол мекунем? мусаллас (секунча), мураббаъ (ҷаҳокунча), мукааб (шашкунча), хатут носиф (ҳатҳои насфқунанда), ашқоли муттасовӣ (шаклҳои баробар) гуфтан- дуруст нест? Ё ки зоҳир шуданро (намоён шудан), ифодаро (фаҳмондан), шубобро (ҷавонӣ), шуурро (донистан), муғтанемро (ғанимат донисташуда) ва ҳадияи оморро (боғи умед) навиштан чаро дуруст набошад?»

Бояд арз кунем, ки дар бобати шинохтану ба истифода додани вожаҳои истилоҳазеб мо ба дунболи устод А. Дехотӣ гом бардошта, сари он ақида қарор дорем, ки истилоҳоти мо бояд рӯҳи тоҷикӣ дошта бошанд, ҳусусиятҳои забони миллии тоҷикро дар худ бо ҳама ҷузъиёт таҷассум карда тавонанд. Вале чи мегӯед, ки имрӯз ҳам дар бахши кишоварзӣ ва қорводорӣ истилоҳоти **қилтик** (ҳоракҳои сӯзанмонанди хӯшаи ҷаву гандум), бурдоқӣ (фарбех, фермаи бурдоқипарварӣ), ҳайвоноти қалони шохдор (гов, говазн) барин унсурҳои номуносибии иқтибосӣ ва тарҷумаи таҳтуллафзиро дучор меоем, ки муродифоти тоҷикии онҳо **сук** (бар ивази қилтик), **парворӣ** (бар ивази бурдоқӣ), **гов** ё **говазн** (бар ивази ҳайвони қалони шохдор) дар захираи луғавии ғуишҳои маҳаллӣ ҳоло мавриди истифода қарор доранд. Ё худ дар соҳаи тибб истилоҳи **фарқ** (фарқи сар) маъмул аст, ки тоҷикӣ нест, вале синоними тоҷикии он – **тор** (торак) чун диалектизми лексикӣ дар доираи интишори лаҳҷаҳои ҷанубӣ маҳфуз мебошад.

Ба ин тарик, шиносии пурраи устод А. Дехотӣ ба захираи бою рангини луғати забони модарӣ, ба қонуну қоидаҳои сарфу наҳв ва услубиёти он имкон дод, ки ӯ аз ҳисоби элементҳои барҷастаю ҳамабоби забони мардумӣ ба танзими имло ва шинохта гирифтани вожаҳои мардумпоянд дар забони адабии ҳозираи тоҷик машғул шавад. Ӯ ҳусни гуфторро дар интиҳоби дурусти истилоҳоти солиму оммафаҳм меид.

Адабиёт:

1. Дехотӣ А. Куллиёт, ҷ. 5. - Душанбе, 1966. - 472 с.
2. Хонларӣ Парвиз Нотил. Дастури таърихи забони форсӣ (ҷопи аввал).- еҳрон, 1372.–651 с.

НАРОДНЫЙ ЯЗЫК - ОСНОВА РАЗВИТИЯ ТЕРМИНОВ

В данной статье речь идёт о взглядах известного ученого и писателя Абдусалома Дехоти на правописание и выбор терминов из числа широко употребляемых (противопоставленных) диалектизмов в таджикском литературном языке.

Ключевые слова: термины, правописание, А. Дехоти, таджикский язык, диалект.

FOLK LANGUAGE - A BASIS OF DEVELOPMENT OF TERMS

In this article we are talking about the look of a prominent scientist and writer Abdusaloma Dehoti spelling and select terms from among the widely used (opposing) dialectics in the Tajik literary language.

Keywords: the terms, spelling, A. Dehoti, Tajik language, dialect.

Сведения об авторе: Исмоилов Шамсулло, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой таджикского языка и теории языкознания Таджикского государственного института языков имени С. Улугзода, e-mail: mseddiq@mail.ru

About author: Ismoilov Shamsullo, Doctor of Philology, Professor, head of chair of Tajik language and linguistics theory, Tajik State Institute of Languages named after S. Ulugzoda, e-mail: mseddiq@mail.ru

ТОПОСУБСТРАТҲО ДАР ТОПОНИМИЯИ ТОҶИКИСТОН

Исмоилов Ш.

Донишгоҳи давлатии забонҳои Тоҷикистон ба номи С.Улугзода

Тадқиқи номҳои ҷуғрофӣ аз мавқеи решашиносӣ тақозо мекунад, ки иртиботи номҳо ҳамчун як қабати ғайрифаъоли луғати забон бо исмҳои ом, ба истисно аз он ки он исмҳо дар муомилоти умум ҳолиё гардиш меҳӯранд ё на, пайваста зери мушоҳида қарор дошта бошад. Зеро танҳо ба ҳамин васила метавонем аз бунёд ва асолати таърихӣ онҳо сухани пазиро ва ҷавобгӯ ба талаботи аҳли тадқиқ ба миён бикашем. Ба ин маънӣ А. К. Матвеев мегӯяд: «Дар мавриди пажӯҳиши топонимҳо аз нигоҳи забоншиносӣ месазад, ки топонимҳо бо ашқоли гуногунашон бо исмҳои ом ва муодилҳои мутафарриқи он исмҳо, ки на танҳо дар доираи интишори як забон, балки дар ҳалқаи густариши забонҳои бо ҳам хеш ва ҳатто бегона амал мекунанд, ба муқоиса гирифта шаванд [6, с. 131]. Ин андеша воқеан ҷолиб аст. Вале бояд бигӯем, ки бе истифода аз методи синхрониву диахронии тадқиқ ин усули коргирӣ наметавонад чунин як натиҷае ба бор биёрад, ки мақбули умум буда бошад. Бавежа дар баррасӣ аз топонимияи Тоҷикистон, ки дар он вожаҳои архаистӣ ё пасмонда аз забонҳои матрук хеле зиёданд. Аз ин хотир, ҳар гуна тадқиқоте, ки ба бозбинӣ аз асли маънӣ ва сохтори грамматикӣ номҳои ҷуғрофӣ ин кишвар бахшида мешавад - хоҳ хурд бошад, хоҳ бузург, мебояд мӯҳтавои он дар чорҷӯбаи ҳамин шеваи нигориш ғунҷоиш ёбад.

Инак, дар дасти мо вожаҳои **роғ** ва **марғ**. Ин ду вожа аз зумраи субстратҳои авестоианд, ки ханӯз дар марҳилаи аввали ташаккулу таҳаввули забонҳои эронӣ ба ҳайси топоасос дар номҳои ҷуғрофӣ мақоми устувор пайдо карда буданд.

Иҳсон Баҳромӣ дар ҷилди сеюми «Фарҳанги вожаҳои Авесто» аз топоними **гаўя** сухан оварда, Райи имрӯза (дар ҷануби шаҳри Техрон)-ро муодили савтии он маънӣ мекунад ва ҳам меафзояд, ки **гаўя** ҷойгаҳи тавлиди модари Ошур Зардушт аст [1, с. 1206].

Бояд гуфт, ки дар луғатнигорӣ, хосса луғате, ки ба гирд овардани вожаҳои қадимаи эронӣ иртибот мегирад ва он аз мадраки бунёди ва софу полудаи китоби «Авесто» поя дорад, фародаст овардани маънӣ аз асоси калимот ва тафсиру ташреҳи асосҳо аз нигоҳи решашиносӣ аз масоили мубрам маҳсуб мешавад. Вале аз ҷист, ки дар «Фарҳанги вожаҳои Авесто» мураттиб дар мавриди ёд аз вожаи **гаўя** аз ин масъалаи муҳим назар пӯшида, аз асолати он дар маънӣ сухан намекушояд.

Дигар масъалаи мавриди шубҳа ин ҷо аз асоси **гаўя** донишҷӯи ойконими имрӯзаи Рай аст. Чаро ки дар муқоисаи шаклҳои имрӯзии вожаҳо бо шаклҳои қадима танҳо зимни коргирӣ аз фонетикаи таърихӣ ва методи диахронии тадқиқ метавонем натиҷаи дуруст ба даст дароварда бошем. Аммо ин равиш дар вожаномаи Иҳсон Баҳромӣ истисно аст. Агар бо як назари сатҳӣ ойконими авестоии **гаўя**-ро бо Роға (Тавилдара) -и кунунӣ муқобил гузорем, шабоҳати савтӣ миёни онҳо бештар метобад, дар қиёс бо **гаўя** бо Рай.

Вожаи **гаўя** ба баъд дар давраи нав ба гунаи **роғ** густариш ёфта, дар номҳои ҷуғрофӣ мавқеъ гирифт ва дар луғатҳои тафсири низ маънии он мавриди тасвир қарор

дода шуд, ки «сабззор, марғзор, доманаи фарохи сабзу хуррами кӯх» аст [9, с. 146; 10, с. 362].

Аз тафсилоти луғот бармеояд, ки **роғ** дар асл моҳияти оронимӣ (ороним-номи дашт, кӯху кӯтал, талу теппа ва ғ.) дошта, дар иртибот ба муҳити табиӣи худи мавзеъ зухур кардааст. Маънии ойконимӣ (ойконим-номи мавзеъҳои зист)-и он баъдтар дар заминаи мафҳуми оронимӣ ба бурун омада.

Минтақаи интишори топоасоси **роғ** дар Тоҷикистон асосан топонимияи қисмати марказии ҷумҳурист. Инро аз мақолаи А.З.Розенфельд «Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории» [5, с. 86] ва рисолаи А.Л.Хромов «Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана» [12, с. 35] низ метавон натиҷа кард. Водии Рашт, ки поре аз хоки ин марзи ҷуғрофист, ҳеҷ имкон надорад, ки дар топонимияи он вожаи **роғ** маҳфуз набуда бошад. А.З.Розенфельд инро ба мушоҳида гирифта, нигошта, ки «Зухуроти як қисм топонимҳои Қаротегин ба ду вожаи қадимаи эронӣ - **роғ** ва **марғ** иртибот мегирад» [5, с. 78]. Маводи андӯхтаи мо собит месозад, ки **роғ** дар топонимияи навоҳии водии Рашт фаровон буда, дар чанд қолаби номсозӣ фаъолият менамояд.

Инак, он қолабҳо:

1. **Роғ** чун топоасос анҷомаҳои **-а-ва-ун** (-он) қабул мекунад: Роға (Тавилдара), Роғун: Роғуни Боло, Роғуни Пойун (Нуробод) -номи деҳаҳо.

2. **Роғ** ба сифати тополексема пешванди қадимаи **ни** - (эр.қадим - ni) (Kant 1950,86) мегирад, ки он ба поён, пастӣ ё дар ҷои паст воқеъ будани мавзеъ ишора менамояд: Нироғ (Нуробод)-номи дашт.

Пешванди **ни**- дар топонимияи Рашт қаринаи овозии **ми**- низ дорад: Мироғ (Нуробод)- номи деҳа. Шакли **ми**-дар топонимия Ванчу Дарвоз низ роиҷ аст (Офаридеов 1991, 126).

3. **Роғ** дар таркиби номҳои мураккаб танҳо ба вазифаи ҷузъи дуюм воқеъ мегардад: Висроғ, Пъштароғ (Тавилдара), Кишроғ (Нуробод), Камолироғ (Тоҷикобод)- номи деҳаҳо, Со(р)роғ (Нуробод), Камчроғ (Ғарм)-номи даштҳо.

Топоасоси **роғ** ба ҳайси ҷузъи дуюми топонимҳои мураккабсохт дар номҳои ҷуғрофӣи дигар навоҳии Тоҷикистон низ ба мушоҳида мерасад: Кумроғ (Тағнов), Ускроғ, Роғ (Ванч)- деҳаҳо, Хъмроғӣ (Ванч)- номи дашт.

4. **Роғ** якҷоя бо унсурҳои туркӣ ба сифати компоненти дуюм омада, зухуроти топонимҳои мураккаби омехтаро таъмин месозад: Қизроғ (Ғарм), Каскатроғ (Тавилдара) -номи деҳаҳо.

Чунон ки дида мешавад, дар ҳама маврид бандубаст ва қолабҳои сохтори топонимҳо бо асоси **роғ** аз меъёрҳои калимасозии забони тоҷикӣ ва соири забонҳои эрониву гурӯҳи ҳиндуаврупоӣи забонҳо дар маҷмӯъ берун нест.

Худуди интишори топонимҳое, ки бунлод аз вожаи **роғ** гирифтаанд, дар водии Рашт аниқ аст: қисми поёнии водӣ ва ду соҳили рӯди Хингоб. Дар тарафи рости рӯди Сурхоб аз топоасоси **роғ** осори хеле кам ба гайд гирифта шуд.

Вожаи **роғ** ҳамчун унсури фаъолу дорои имконияти муҳобиривӣ дар забони муосири тоҷик ва ҳам ғӯиши саканаи водии Рашт мустақиман гардиш намехӯрад, лекин дар ҷараёни нутқи мутантан ва дар мавриди ба тасвир кашидани манзара ва муҳити табиат дар нигоришоти аҳли суҳан ва дар суҳангӯии аҳли зиё тавбаъ бо исми **боғ** дар як таркиб ба гунаи **боғу роғ** истифода мешавад.

Сарнавишти таърихӣи вожагон дар забон ба гунаи тақдирӣ инсонхост дар зиндагӣ, ки гоҳо якранг ва шабеҳи якдигар сурат мегирад. Ин падидаест қонунӣ, ки зимни қонунҳои мутадовил ва амалгари дохили худ забон ба зухур меояд. Ҳамин гуна як ҳамрангӣ дар асолат ба сари калимоти **роғ-у марғ** низ бор гардид. Марғ дар ҷилди дуюми вожаномаи Иҳсон Баҳромӣ дар шакли **мегеъа** [1, с. 1129] оварда шуда, ки дар топонимияи Рашт дар се қолаби грамматикӣ мондагӯ аст:

1). Дар шакли холис (сода): Марғ (Тоҷикобод), Марғ (Тавилдара)- номи деҳаҳо.

2). Аз роҳи вожасозӣ бо форманти **-дун** (дон), **-зор**, **-ак**: Мър(ғ)дун (Нуробод), Марғак (Тавилдара)-деҳаҳо, Ма(р)ғзорак (Ғарм)- ҳамворӣ.

3). Дар қолаби ибора. Дар таркиби ибора **марғ** дар ду вазифа амал мекунад: муайянкунанда ва ҳам муайяншаванда мешавад: Сари Ма(р)ғзор, Марғзори Сир (Нуробод). Дар ин ду ойконим ҳиссаҳои **сар** ва **сир** ниёз ба тафсирдоранд: **сар** «аввал, ибтидо, боло, баландӣ», **сир** «пиёзи ёбой, сирпиёз» (чеснок).

Ойконими якум дар иртибот ба муҳит чуғрофиву ландшафти мавзеъ ва дуҷумӣ зимни фаровониву анбӯҳии як навъ гиёҳи худрӯй дар мавзеъ ба зухур омадааст.

Вожаи **марғ** ба сифати топоасос дар Тоҷикистон маъруф аст. Аҳли тадқиқ берун аз марзи ин кишвар ҳам дар номҳои чуғрофӣ фаровон будани онро эътироф кардаанд [5, с. 89; 12, с. 44]. Ин далели он аст, ки **марғ** аз вожагони қадимист ва дар вақташ дар паҳноӣ густариши тамоми забонҳои эронӣ интишор дошт. Зеро унсурҳои қадимаи номсоз одатан чунин хусусият доранд, ки дар ҳудуди қадимии ҳама забонҳои ҳамгурӯҳ таърихан пареш хӯрдаанд.

Воҳиди луғавии **марғ** дар «Фарҳанги вожаҳои Авесто» маънӣ нашудааст. Аммо дар давраи нав дар мафҳуми «навъе аз гиёҳ, ки ба анбӯҳӣ рӯяд, бағоят сабзу нозук бошад; алаф, марғзор, чаманзор, алафзор» [8, с. 645; 11, с. 251] дар нигоштаи аҳли қалам бақор рафтааст. Муҳити табиӣ топонимии водии Рашт бо ин лексема низ тафсилоти луғатро тақвият мебахшад.

Дар форсии қадим **марғ** шакли **marga** ва дар форсии миёна гунаи **marǰ** пайдо кард. Дар паштунӣ **marga** ҳоло маънои алаферо дорад, ки ба асп дода мешавад» [7, с. 166].

Ба чуз номҳои чуғрофӣ **марғ** дар нутқи ҷорӣ тоҷикон ба ҳамон гунаи бунёди имрӯз дар гардиш нест. Вай ҳастии худро танҳо тавассути формати **-зор** тавониста, ки дар шакли **марғзор** ниғаҳбонӣ кунад.

Вожаи **марғзор** хосияти услубӣ дорад ва дар нутқи мутантану навиштаи удабо дар мавриди ба тасвир кашидани манзараи табиат ва нишонгир ба қалам додани аҳдофи адиб истифода мешаваду бас.

Ба ин тарик:

а). Вожаҳои **роғ** ва **марғ**, ҳарчанд ки таърихи қадима доранд, дар топонимии Тоҷикистон то ба имрӯз бе тағйироти зиёди овозӣ нигоҳбонӣ шудаанд.

б). Луғатҳои **роғ** ва **марғ** дар ибтидо ба ҳайси исми ом зухур карда, баъд вобаста ба муҳити табиӣ мавзеъ чун топоасос дар манотиқи алоҳида мавқеъ пайдо намуданд.

в). Раванди ба топоасос табдил ёфтани **роғ** ва **марғ** дар як вақт ва баробар ба амал наомадааст. Дар ин бобат воҳиди луғавии **роғ** муқаддам менамояд, зеро ҳанӯз пеш аз тавлиди модари Ошур Зардушт моҳияти ойконимӣ пайдо кардани он дар «Авесто» зикр гардидааст.

г). Формантҳои гуногун қабул намудани ин ду вожа ва дар қолаби ибораҳо ҷо гирифтани онҳо дар таркиби топонимҳо ҳодисаи баъдист.

д). Вожаҳои **роғ** ва **марғ**, бо вучуди он ки бунёди авестой доранд, дар «Фарҳанги вожаҳои Авесто» маънӣ нашудаанд.

е). Ҳатти интишори **роғ** ва **марғ** дар топонимии Тоҷикистон муқаррар аст: бештар самти ҷанубиву ҷануби шарқии кишвар- Рашт, Вилояти Бадахшон, минтақаи Хатлон ва сарғаҳи Зарафшон.

Адабиёт:

1. Баҳромӣ И. Фарҳанги вожаҳои Авесто, ҷ.1,2,3. - Техрон, 1369, 1146 с.
2. Баҳромӣ И. Фарҳанги вожаҳои Авесто, ҷ.3.-Техрон, 1369, 1663 с.
3. Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Асетии. - АДД. - М., 1971.
4. Соколова В. С. Рушанские и Хуфские тексты и словарь. – М.- Л., 1959.
5. Розенфельд А.З. Топонимика Нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории // Изв.АН Тадж. ССР, № 10-11, 1956. - С. 85-94.
6. Матвеев А.К. Этимологизация субстратных топонимов и аппелятивные заимствования. – Этимология, 1969. - М., 1971.
7. Литвинский Б.А. Древние кочевники «Криша мира». - М., 1971, 269 с.
8. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. 1. М., 1969, 951 с.
9. Фарҳанги забони тоҷикӣ, ҷ. 2. М., 1969, 949 с.
10. Фиёс-ул-луғот (таҳияи А. Нуров), ҷ.1. Душанбе, 1987, 480 с.
11. Фиёс-ул-луғот (таҳияи А. Нуров), ҷ.2. Душанбе, 1988, 416 с.
12. Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микропонимии Таджикистана, вып.1. Душанбе, 1975, 85 с.
13. Kent R. Oid Persian. Grammar, texts, lexicon. New Hawen, 1950.

СУБСТРАТЫ В ТОПОНИМИИ ТАДЖИКИСТАНА

Современная топонимия Таджикистана представляет собой исторически сложившееся образование, состоящее из пластов разной степени древности и различного языкового происхождения. В данной статье говорится об основных территориях распространения авестийских терминов «рог» и «марг» в топонимии Таджикистана, их этимологии, семантики и грамматических структурах.

Ключевые слова: топоним, микро-топоним, топооснов, топонимический термин, географический термин.

SUBSTRATES IN TAJIK TOPONYMY

Contemporary toponymy in Tajikistan represents as a historically deroloped formation consisting of various ancient strata and language origination. The article deals ... the issue on territorial expansion of Avesto terminologies «rog» and «marg» in Tajik toponymy, their etimology, semanties and grammer structures.

Keywords: toponym, micro-toponim, oikonym, toponymic term, geographical term.

Сведения об авторе: Исмоилов Шамсулло, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой таджикского языка и теории языкознания Таджикского государственного института языков имени С. Улугзода, e-mail: mseddiq@mail.ru

About author: Ismoilov Shamsullo, Doctor of Philology, Professor, head of chair of Tajik language and linguistics theory, Tajik State Institute of Languages named after S. Ulugzoda, e-mail: mseddiq@mail.ru

ТАСВИРИ НАВРӢЗ ДАР ШЕЪРИ МУОСИРИ ТОЧИКӢ

Салимӣ Н. Ю., Солеҳов Ш. А.

*Донишгоҳи давлатии омӯзгорӣи Тоҷикистон ба номи С. Айни
Китобхонаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон*

Наврӯз дар тамаддуни ақвоми эронитабор аз падидаҳоест, ки мисли меҳан, оин ва забон дар байни мардум аз маҳбубияту азамати хосе бархурдор аст. Ин падида як ҷузъи муҳими маънавияти мардум аст, ки он реша ба дарозии таърих дорад. Ба назари мо, сабаби дар адвори таърихӣ шукӯху ҷалолӣ бештар касб кардани Наврӯзро аз решаҳо ва заминаю пуштвонаҳои миллию таърихӣ он ҷустуҷӯ кард. Аксари муҳаққиқон бар ин назаранд, ки таърихи зуҳур ва таҷлили Наврӯз фаротар аз он марзҳои таърихӣест, ки мо тасаввур мекунем. Донишманди борикназар ва ҷӯянда Меҳрдои Баҳор куҳантарин нишонаҳои Наврӯзро аз замони салтанати хонадони Ур, дар ҳазораи сеюми пеш аз мавлуди Масеҳ меҷӯяд. Ба андешаҳои ӯ, шинохти бештаре аз Наврӯз дар аҳди Бобулиҳо сураи гирифт, ки он воқеан нуқтаи муҳими бархӯрди тамаддуноҳои қадимаи Осиёи Ғарбӣ ва Осиёи Сағир буд [3, с. 229].

Ин ишора танҳо ба он хотир буд, ки мо бояд ба падидаҳои муҳими фарҳангӣ мисли Наврӯз назари фарогиру имрӯзӣ дошта бошем.

Чунон ки ишора гардид, Наврӯз воқеан барои ақвоми эронитабор фаротар аз як ҷашн ё суннат буда, онро мо бояд ба ҳайси падидаи маънавии ҳамаи халқҳои қаламрави Наврӯз баррасӣ намоем. Бозтоби фаровони Наврӯз ва оинҳои наврӯзӣ дар шеъри форсӣ-тоҷикӣ далели дигари гуфтаҳои болост. Дар адабиёти форсии тоҷикӣ, ба истиснои асарҳои таърихӣю фалсафӣ, шоирон ҳамеша ва дар ҳамаи давру замонҳо аз Рӯдакию Фирдавсӣ, Манучехрию Унсурӣ сар карда то шоирони муосири мо дар ситоиши Наврӯз ва шинохти адабию ҳунарии он шеърҳо гуфтанд, ки агар ҳамаи онҳоро маҷмӯъ созем, чанд ҷилд мешавад.

Дар ин фишурда мехоҳем таваҷҷуҳи аҳли назарро ба Наврӯз ҳамчун мавзӯи адабиёт ва хоса шеъри муосири тоҷикӣ ҷалб созем. Масоили марбути суннатҳои наврӯзӣ ва таҷлили он ба ҳайси як ҷашни миллии ҳанӯз аз огози шеъри нави тоҷикӣ, ки поягузори он устодон С. Айни ва А. Лоҳутӣ ҳастанд, таваҷҷуҳи шоирони тоҷикиро ба худ ҷалб намуда буд. Ин кӯшишҳо дар замоне буд, ки таҷлили Наврӯз ҳамчун ҷашни миллии сабаби ба миллатгароӣ маҳкум шудани кас мегардид. Устод С. Айни дар «Луғати нимтафсирии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик», ки дар солҳои сиюми садаи ХХ навиштааст, вожаи *наврӯз*-ро чунин шарҳ медиҳад: «рӯзи якуми моҳи ҳамал (22 март). Наврӯзи Аҷам номи навое дар «Шашмақом» [2, с. 250]. Аз ҳамин шарҳ мухтасару эҳтиёткорона кас ба хубӣ эҳсос менамояд, ки онро устод дар ҷи гуна шароит ва муҳити сиёсӣю фарҳангӣ навиштаанд.

Илова бар ин, устод С. Айни дар мақолаҳо ва навиштаҳои дигарашон ҳам бо як назокати хос ба мавҷудияти чунин ҷашни мардумӣ ишора менамоянд. Ӯ мақолаи «Соле, ки нақӯст аз баҳораш пайдост», ки 9-майи соли 1947 дар рӯзномаи «Тоҷикистони сурх» ба нашр расидааст, баъди ситоиши Ғалабаи халқи шӯравӣ дар ҷанг ва барқароркунии хоҷагии халқ менависад: «...бинобар ин халқи советӣ дар ин рӯзҳо ҳақ дорад бигӯяд, ки «Дишаб ид буд, имрӯз – Наврӯз» [1, с. 235]. Ин гуна ишораҳо ба ҷашни миллии ва мардумӣ будани Наврӯзро метавон аз навиштаҳои бисёре аз муосирони С. Айни иқтибос намуд. Вале гап сари он аст, ки Наврӯз ҳам мисли бисёре аз суннатҳои волои миллии дар солҳои пуршиддат будани таассуби сиёсӣ дар замони шӯравӣ ба маҳдудият дучор гардида буд. Ба ҳамин хотир шоирони он солҳо, аз ҷумла С. Айни, А. Лоҳутӣ, М. Турсунзода, А. Деҳотӣ, М. Миршакар ва дигарон дар шеър ба ҷойи Наврӯз ифодаҳои *гули сурх*, *омадани баҳор*, *фасли кишту кор*, *иди деҳқонон*, *ҷуфтбаророн* ва ғайраро истифода мекарданд. Аз шоирони ин давра М. Раҳимӣ, Б. Раҳимзода ва чанд нафари дигар шеърҳои алоҳида ба васфи Наврӯз ҳамчун ҷашни баҳору киштукор ва зинда шудани табиат бахшидаанд, ки онҳо шояд баъди эҳё гардидани Наврӯз ба ҷоп расида бошанд.

Ба ҳар ҳол дар нимаи дуҷоми садаи ХХ, ки замони эҳёи суннатҳои миллии ва дар маҷмӯъ марҳилаи муҳими болоравии худогоҳию худшиносӣ дар шеъри тоҷикӣ буд, Наврӯз ва шиноҳти фалсафаю суннатҳои он ба мавзӯи ҳамешагии шеъри муосир табдил ёфт. Шоирони дар он солҳо ҷавони тоҷик М. Қаноат, А. Сафар, Л. Шералӣ, Қ. Киrom, Ғ. Мирзо, А. Шукӯҳӣ, Ш. Ёдгорӣ, У. Раҷаб, М. Шералӣ, Б. Собир, Гулрухсор, Гулназар ва дигарон дар ашъори худ Наврӯзро ҳамчун падидаи таърихии фарҳанги миллии ба қалам доданд. Дар ин давра мавзӯи Наврӯз ҳамчун як асли миллию маънавии ҳалқи тоҷик, ки дорои суннат ва оину русуми хос мебошад дар адабиёт ва хоса дар шеъри муосир тасвир мешавад. Шоирони мо ба он аз дидгоҳҳои гуногун назар андохта, зеботарин ва муҳимтарин ҷиҳатҳои фалсафаи Наврӯзро, ки реша ба офаринишу эҳёи одаму олам дорад, ба тасвир гирифтаанд. Устод Л. Шералӣ дар шеъри «Наврӯзӣ» таърихи қадима доштани онро таъкид менамояд:

Наврӯз навҷавон аст,
Наврӯз ҷовидон аст.
Аз рӯзгори дерин,
Зеботарин нишон аст [4, с. 38].

Дар шеъри «Дидори офтоб»-и устод Л. Шералӣ сахнаи Наврӯзгоҳи Сугдиён, ки ҳар субҳ баромадани офтобро ҳамчун ҷашни Наврӯз бо рақсу суруд ва шеърҳои истиқбол мекарданд, тасвир мешавад, ки он ҳам ба яке аз рукҳои муҳими худшиносии таърихии ҳалқи тоҷик будани ин ҷашни аҷдодӣ ишорат менамояд. Шиноҳти ҷанбаҳои таърихии Наврӯз дар ашъори устод М. Қаноат, махсусан дар шеърҳои ба васфи баҳору оғози сол бахшидаи эшон пурҷило таҷассум ёфтааст:

Кардам сафари ҳазорсола,
То дайри муғону сайри лола.
Аз нағмаи хусравона дидам,
Гаҳ шодиву гаҳ навои нола [4, с. 49].

Ин байтҳо аз шеъри «Наврӯзии Панҷруд» мебошад, ки шоир бо ифтихор аз гузаштаи ҳалқи худ ёд мекунад ва ба наслҳои имрӯза «Умри ғазалу дави ғизола» - ро таманно менамояд. Маърифати бадеии Наврӯз ва шиноҳти аслҳои таърихии он дар ашъори Гулрухсор бо як ифтихори хоси меросбарӣ аз фарҳанги Наврӯз тасвир шудааст. Шоира дар шеърҳои «Ёдгори ориён», «Шаҳи Наврӯз», «Муборак бод» ва ғайра таваҷҷуҳи хонандаро ба бунёди ориёӣ ва ҷамшедӣ доштани ин ҷашни миллии ақвоми ориёӣ ишора менамояд:

Наврӯз зи шуҳрати Каён меояд,
Пирест, ки ҳамвора ба ҷавон меояд,
Бо Ҷоми Ҷаму ратли гарон меояд,
Аз базми шукӯҳи Ориён меояд [4, с. 57].

Бояд гуфт, ки ба Ҷамшед ва тамаддуни Ориёӣ иртибот доштани Наврӯз дар сарчашмаҳои таърихӣ ва илмию адабӣ низ зикр шудааст.

Аз ҷумла Фирдавсӣ дар баёни подшоҳии Ҷамшед меорад:

Ба Ҷамшед-бар гавҳар афшонданд,
Мар он рӯзро рӯзи нав хонданд.
Сари соли нав Хурмузи фарвадин
Баросуда аз ранҷ тан, дил зи кин [6, с. 64].

Ин маънӣ дар «Наврӯзнама»-и Хайём, «Ал-фехрист»-и Ибни Нодим, «Осор-ул-боқия»-и Берунӣ барин сарчашмаҳои муътабар зикр гардидааст ва ин осорро метавон ба ҳайси манбаи илҳоми шоирони муосири тоҷик, ки Наврӯзро тасвир намуданд, ба шумор овард.

Дидгоҳи дигаре, ки дар ашъори наврӯзии бештари шоирон ба мушоҳида мерасад, асли тақвимӣ, оғози соли нав ва баҳору эҳёи табиат будани Наврӯз аст. Дар ин замина метавон аз шеърҳои «Рӯзгорони баланд»-и М. Қаноат, «Эй гунҷаи хандида, Наврӯз муборак», «Дар гирди хони наврӯзӣ» - и Л. Шералӣ, «Баҳор омад», «Баҳори Файзобод»-и Б. Собир, «Наврӯзи дил», «Ҷақомаи Наврӯз»-и Гулназар, «Шаҳри Наврӯз», «Муборак бод»-и Гулрухсор, «Ҷадия Наврӯз»-и А. Ҳоким, «Таронаи наврӯзӣ»-и С. Маъмур, «Ба Наврӯз омадем...»-и А. Сафар, «Пайғоми Наврӯз»-и М. Шералӣ, «Наврӯз»-и Р. Назрӣ, «Наврӯзи Тоҷикистон»-и М. Ғоиб, «Нози баҳор», «Фарвардин» -и Фарзона, «Атри наврӯзона» - и Н. Яздон, «Наврӯзӣ» - и С. Хатлонӣ ва дигарон ном бурд, ки дар аксари онҳо зебӣ ва нерӯи зебоибахшии Наврӯз ба табиат тасвир шудааст.

Дар гузашта ҳам суннате бо номи наврӯзхонӣ дар байни мардум маъруф будааст, ки онҳо тибқи ишораи донишманди тоҷик М. Ҳазраткулов «бо хондани ашъор ва садои дилнишину орифона аз омадани баҳор хабар медоданд»⁸. Ба ҳамин хотир дар ашъори номбурда аксари шоирони тоҷик ба зарбу оҳанги сухан, зебоии калом ва лаҳни таронавии шеър таваҷҷуҳи махсус зоҳир кардаанд. Қои таъкид аст, ки аксари ин қабил шеърҳо аз тарафи оҳангсозону ҳофизон ба мусикӣ дароварда ва суруда шудаанд. Ин қабил ашъор дар баробари чанбаи васфӣ, оҳанги даъват ва пайғомрасонӣ ҳам доранд. Устод А. Ҳаким дар шеъри «Аввалу охири дунё – Наврӯз» ҳангоми расидани Наврӯз аз хона бадар меравад ва ба ҳамсоҷаҳо муждаи омадани Наврӯзро мерасонад:

Рафтам аз хона бадар
Чун насиме, ки равад аз бари дарё берун,
То кунад ҷумла ҷаҳонро як субҳ
Аз гулу сабза хабар.
Кӯфтам ман дари ҳамсоҷаи дуру наздик,
Ки биё, дар бикӯшо, шод бибошу мамнун.
Бас нишастан ҳама дар хонаи сарду торик,
Ки туро олами пурнур бихонад акнун [5, с. 197].

Нуктаи дигаре, ки дар ағлаби ашъори наврӯзии шоирон таъкид ва тараннум мешавад ин задани зангӯлаи омадани баҳору Наврӯзи оламафрӯз, муждаи оғози фасли покию зебой ва эҳғарию сабзидан аст. Чунон ки Б. Собир дар шеъри «Баҳор омад» мегӯяд:

Баҳор омад:
Бояд бо дарахтон буд,
Бояд бо дарахтон аз замин рӯид,
Бо лолазорон дар замин сурхид,
Ва бо парвонаҳо буд,
Ки чун гулбарг мерезонду мерезонд,
Ва бо рангинкамон буд,
Ки аз он рангҳо чорист [5, с. 192].

Муждаи омадани Наврӯзу оғози баҳор дар шеърҳои «Дар барги гул навис дигар нома баҳри ёр», «Ту монанди баҳорон омадӣ, эй гул» - и Н. Қосим, «Фарвандин» - и Фарзона, «Атри наврӯзӣ» - и Н. Яздон, «Баҳор омад» - и А. Муродӣ, «Накхати Наврӯз» - и Р. Мубориз, «Баҳор ҳам расиданист» - и Р. Холмирозо ва дигарон бо тарзу шеваҳои гуногун тараннум мегардад. Вале муҳим он аст, ки дар ағлаби ашъори номбурда, ки чанбаи васфӣ доранд, назокатҳои хоси Наврӯз ва оғози фасли баҳор таҷаллӣ ёфтааст.

Масоили дигаре, ки дар робита ба чанбаи навсозию тозақориҳои Наврӯзи Аҷам дар ашъори шоирони муосири мо тасвир мешаванд, хусусияти таҳқиқию маърифатӣ доранд. Муаллифони ин қабил ашъор дар сари масоили бунёдии фалсафаи Наврӯз андеша мекунанд. Зеро Наврӯз тибқи ахбори сарчашмаҳои илмию таърихӣ ҳангомest, ки ба қавли Ризо Шаъбонӣ «рӯзгори куҳан зиндагиро аз сар мегирад ва замона ва он чӣ дар ўст, нав мешавад. Мавҷудоти гетӣ ҳаёти ҷадид меёбанд ва соли ҳақиқӣ даврае аз адвори хешро ба поён расонида вориди марҳилаи тоза мегардад» [8, с. 29].

Инчунин мебояд ба чанбаҳои инсонӣ ва хайрандешию некбинӣ, ки бунёди фалсафаи Наврӯз аз онҳо сиришта шудааст, ишора намуд. Зеро яке аз илалӣ асосии мавзӯи адабиёт ва хоса шеъри форсии тоҷикӣ будани он низ аз ҳамин аслҳои инсонгароӣ бармеояд. Зеро қудамо Наврӯзи Бузургро «Рӯзи умед» номидаанд. Умед бар галабаи некӣ бар бадӣ, равшанӣ бар торикӣ, зиндагӣ бар марг аст. Ва ин чанбаҳои муҳими Наврӯз ҳамчун падидаи маънавӣ таваҷҷуҳи шоирони тоҷикро ба худ ҷалб кардааст. Дар ашъори М. Қаноат, Л. Шералӣ, Гулрухсор, Гулназар, З. Абдулло, З. Атоӣ, Фарзона, Р. Ваҳҳоб, Озарахш, Озар, Исфандиёр, Н.Нурзод, Адиба ва дигарон ба аслҳои башардӯстона ва инсонпарваронаи ин ҷашни миллии қавмҳои ориёӣ ишораҳои ҷолиби шоирона шудааст. Суханварони мазкур бо тасвири рамзҳои Наврӯз таваҷҷуҳи муосиронро ба чанбаҳои дигари фалсафаи он ҷалб менамоянд. Аз ҷумла Р. Назрӣ дар шеъри «Наврӯз» мегӯяд:

Эй ҷашни обу оташу хоку ҳаво, зихӣ!
Оини сабзи сабзаву оинаи умед!
Шогунӣ поки пок ба некӯтарин шугун
Дар навдаи кабудӣ шукуфои сафед! [5, с. 207].

Шоир аз рисолати равшаниоварӣ, баробарсозии рӯзу шаб, пирӯзгардонии фурӯғ ва фархундапайии Наврӯз ёд карда онро зодномаи фарҳанги Бохтар ва зодрӯзи хумоюни тоҷикон медонад. Нуралии Нурзод бошад дар шеъри «Меҳроби шукуфаҳо» ба «то куллаи нур қад кашидани сафедори шафоат» -ро васф карда аз сафои фасли сабзидан ба «зиндагии шодиҳо» имон меоварад. Ин гуна андешаҳои ҷолиби шоиронаро дар ашъори Шаҳрия, Меҳринисо, П. Ҳабиб, Г. Сафар, Суруш, Эмом–Алӣ, Б. Қодирдухт, Х. Раҳмон ва дигарон мушоҳида кардан мумкин аст.

Сабаби дигари ба Наврӯз таваҷҷуҳи махсус доштани шоирони гузаштаву муосири халқҳои форсизабон, аз ҷумла тоҷикон дар он аст, ки Наврӯз ҷашни аҷдодии мост ва он ҳамчун падидаи фарҳангӣ ва тамаддуни башарӣ аз сарзамини ақвоми ориёӣ сар кашидааст. Аз ин рӯ вай ба обу хок, марзу бум, рӯху равон ва зиндагии иҷтимоии ин халқҳо иртиботи бевосита дорад. Ба ҳамин хотир беш аз панҷ ҳазор сол аст, ки ниёғони мо онро ҳамчун як рукни побарҷои таъриху фарҳанги худ арҷ мегузоранд ва таҷлил менамояд. Ҳар гоҳ, ки мо ёди Наврӯз мекунем, таърихи пурнусрат ва пурбори он пеши назар меояд ва мо дар оинаи Наврӯз ниёкони хешро мебинему мешиносем.

Агар мо ба осори гузаштагонанон бо тааммуқ таваҷҷуҳ кунем, ба хубӣ дарк менамоем, ки дар ин падидаи зебои таърихӣ фарҳангӣ кулли аносирӣ рӯзгори иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва маънавии ниёкони он дар қолаб ва доираи маросиму сунани он таҷассум ёфтаанд. Наврӯз дорои ҷанбаи ҳоси ахлоқист, ки он ҳам аз асли инсонпарварона ва фалсафаи башардӯстонаи он сарчашма мегирад.

Бояд гуфт, ки доираи мавзӯ ва масоили марбути Наврӯз ва аслу суннатҳои он, ки дар эҷодиёти шоирони муосири тоҷик ба тасвир омадаанд, хеле фарох ва гуногунпаҳлӯст. Дар баробари ин адибонамон ҳам дар шинохту маърифати моҳият, асл ва бунёди фарҳангӣ маънавий ва миллию башарии Наврӯз ва тасвиру баёни шоиронаи онҳо дар як поя нестанд. Аммо муҳим он аст, ки аксари онҳое, ки дар васфи Наврӯз шеър гуфтанд, онро ҳамчун асли миллий ва омили муҳими худогоҳиву худшиносии миллии мардумони эронитабор, аз ҷумла тоҷикон дарку маърифат намуданд ва ин маъниро ба хонандагон ҳам талқин менамоянд.

Чунон ки ба мушоҳида мерасад, сол то сол ва махсусан баъди мақоми ҷаҳонӣ касб намудани Наврӯз таҳқиқи бадеии моҳияти умумибашарии он дар шеъри муосири тоҷикӣ ривож гирифта истодааст, ки он, бешубҳа, адабиёти имрӯзаи мо ва махсусан наврӯзнамаи муосири тоҷиконро пурчилою рангоранг ва ҷолибу хонданӣ мегардонад ва нуфузи шеъри муосири тоҷикиро дар қаламрави тасаллути фарҳанги Наврӯз меафзояд.

Адабиёт:

1. Айнӣ С. Акнун навбати қалам аст (осори баргузида дар ду ҷилд), ҷ.1. – Душанбе: Ирфон, 1977.
2. Айнӣ С. Куллиёт, ҷ. 12. – Душанбе: Ирфон, 1976.
3. Баҳор М. Ҷусторе чанд дар фарҳанги Эрон. – Техрон: Интишороти фикри рӯз, 1374.
4. Наврӯзи ҷаҳонафрӯз. – Душанбе: Адиб, 2012.
5. Пайки наврӯзӣ: гулчини мақолот ва ашъори наврӯзӣ. - Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ, 2012.
6. Фирдавсӣ. Шоҳнома, ҷ.1. – Душанбе: Адиб, 1987.
7. Ҳазратқулов М. Наврӯзи оламафрӯз ва дигар идҳои суннати сол. – Душанбе: Эр-граф, 1992.
8. Шаъбонӣ Р. Одоб ва русуми Наврӯз. - Душанбе: Пайванд, 2008.

ПРАЗДНОВАНИЕ НАВРУЗА В СОВРЕМЕННОЙ ТАДЖИКСКОЙ ПОЭЗИИ

Начиная с шестидесятых годов XX столетия в таджикской литературе празднование Навруза стало актуальной темой. Таджикские поэты того времени в своих поэтических сочинениях воспевали Навруз как народный праздника, праздник весны и возрождения природы и человека. Впоследствии в таджикской литературе Навруз стал символом национального самосознания и фактором возрождения исторических традиций таджикского народа.

Ключевые слова: таджикская литература, Навруз, таджикская поэзия, праздник весны, национальное самосознание, исторические традиции.

THE DISCUSSIONS OF NAVRUZ IN MODERN TAJIK POETS

In the beginning of the sixteenth years of the XX century in Tajik literature Navruz became topical theme. The Tajik poets of those days shared Navruz in their literal poetries as the national holiday, spring's holiday, rebirth of nature and human. The period after that year in Tajik literature became the symbol of national consciousness historical factor of traditional improvement of Tajik people.

Keywords: Tajik literature, Navruz, Tajik poetry, the spring's holiday, national consciousness, historical tradition.

Сведения об авторах: Салими Носирджон Юсуфзода, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, ректор Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, e-mail: tgpu2004@mail.ru

Салихов Шамсидин Аслидинович, доктор филологических наук, начальник Центра таджикского языка и обучения иностранных языков Национальной библиотеки РТ, e-mail: soleh59@mail.ru

About authors: Salimi Nosirjon Yusufzoda, Doctor of Philological Sciences, professor, academician of Academy of science of the Republic of Tajikistan, rector of the Tajik State Pedagogical University named after Sadriiddin Aini, e-mail: tgpu2004@mail.ru

Salikhov Shamsiddin Aslidinovich, Doctor of Philological Sciences, Chief of Tajik language and Foreign languages Centre, the National Library of the Republic of Tajikistan, e-mail: soleh59@mail.ru

БОЗТОБИ СИМОИ БАДЕИИ МУАЛЛИФ ДАР АШЪОРИ ТУҒРАЛ

Салимӣ Н. Ю., Солеҳов Ш. А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Китобхонаи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон

Маърифат ё шинохти шахсияти муаллиф ва инъикоси он дар фазои андешаи адабию бадеии адиб, ки поя бар масоили марбути иртиботи муаллиф ва хонанда дар матни адабӣ дорад, аз масъалаҳост, ки дар адабиётшиносии муосир тадриҷан мубрам ва муҳим мегардад. Бояд гуфт, ки проблемаи иртиботи муаллиф ва хонанда ҳамчун омили созмондиҳандаи сохтори осори адабӣ ҳанӯз дар нимаи авали садаи ХХ аз тарафи донишманди шинохта М. Бахтин ба таври кулӣ ба миён гузошта шуда буд [1, с. 7]. Назарияи мазкурро баъдан Н. Тиньянов дар заминаи баррасихоии сохторшиносонаи ашъори шоири бузурги рус А. Блок идома дода, собит намуд, ки сарчашма ва манбаи муътамади шинохти шахсияти воқеӣ ва адабии А. Блок ашъори худи ӯ мебошад [4, с. 118]. Зеро дар таълифоти шоир шахсияти А. Блок барои А. Блоки шоир мавзӯи хос ва қобили тавачҷуҳ будааст.

Ин шеваи таҳқиқ дар адабиётшиносии муосир барои боз ҳам амиқтару равшантар кушодани розу рамзҳои осори адабӣ ва даст ёфтани ба ҷанбаҳои равшаншинохтии раванди ҳаллоқияти асарҳои адабию хунарӣ роҳ мекушояд. Агар мо аз дидгоҳи мазкур ба масъалаи бозтоби чехраи шоир дар ашъори Н. Туғрал тавачҷуҳ кунем, манзараи аҷибе пеши назар меояд. Ҳамчунин ҷои таъкид аст, ки Туғрал дар таърихи шеърҳои адабӣ форсии тоҷикӣ аз ҷумлаи шоирони худвижа аст. Ин ба он маъност, ки мо аз тариқи ашъори шоир дар байни шахсияти воқеӣ ва шахсияти адабии ӯ таносуби комило ба мушоҳида мегирем. Сарчашмаи қобили эътимод дар мавриди шинохти чехраи воқеиву иҷтимоии шоир ин ёддоштҳо, хотираҳо ва ишораҳои ҳампешагон, дӯстон ва ҳаводорони ашъораш мебошанд. Дар тазкираҳо ва сарчашмаҳои дигари адабӣ бештари муаллифон, аз ҷумла устод С. Айни ба хусну кубхи ашъори шоир, равияи эҷодӣ ва мақому мартабаи суҳанварии Туғрал тавачҷуҳ намудаанд. Аммо дар баробари ин мо таълифоти зиёдеро низ дар даст дорем, ки дар бораи шахсият, хислату характер, мақоми иҷтимоӣ ва симои воқеии шоир маълумоти муҳим ва арзишманд медиҳанд. Аз

рӯи навиштаҳои мазкур ва нақлу ривоятҳои дар байни ҳамдиёрони шоир боқимонда маълум мегардад, ки Н. Туғрал шахси хеле одию мардумӣ, ҳақпарасту ростқавл, адолатпарвар ва дар баробари ин назарбаланду пурифтихоре будааст.

Дар навиштаҳои зикргардида ва нақлу ривоятҳои мавҷуда андешаҳои зидду нақиз ҳам кам нестанд. Вале бо вучуди ин маводи мазкур аз ҷумлаи сарчашмаҳои муҳими омӯхтани аҳволу осори шоир маҳсуб мегарданд. Ба ҳамин хотир, дар ин фишурда мехоҳем таваҷҷуҳи аҳли назарро ба навиштаҳои яке аз ҳаводорон ва дӯсти дар он солҳо хеле ҷавони шоир, донишманди маъруфи тоҷик Т. Зехнӣ ҷалб намоем. Зеро ӯ аз байни онҳое, ки дар бораи Туғрал навиштаанд, ягона касе ҳаст, ки симои зоҳирӣ, портрети воқеии шоирро муфассал тасвир намудааст. Мусанниф ҳангоми тасвири маҳфилҳои адабие, ки дар Самарқанд, дар хавлии шоир ва дӯсти наздики Туғрал Абдулқайюми Қурбӣ доир мегардид, сухан ронда, менигорад: «Овозаи ин соҳибистеъдод (манзур Нақибхон Туғрал) Самарқанд ва атрофи онро фаро гирифта буд. Ҳамаи шоирон, хаваскорон, шеърхонон, махсусан ҳофизон ӯро мадҳу сано мегуфтанд. Дар ҳар маҳфил, дар сари дӯконҳои раставу бозор, меҳмонхона ва ғайра аз шеъри ӯ порчаҳо мехонданд. Аз ин рӯ, ҳамеша ҳаваси дидани ӯ меафзуд ва шавқи суҳбати ӯ дар дилам зиёд мегашт» [2, с. 263]. Ниҳоят, ин иттифоқ соли 1914 меафтад ва Зехнӣ ба дидори шоири дӯстдоштааш мушарраф мегардад. Ин ҳодисаи муҳим дар хонаи шоир Қурбӣ рух медиҳад ва Зехнӣ таасуроти худро аз дидор бо Туғрал чунин тасвир мекунад: «Туғрал шаклан қоқинатан, муътадилқомат ва гандумрангу рӯйборик буда, дар по мӯза, ба сар саллаи шоҳӣ ва аз рӯи пӯстии беқасабабраи пӯсти рӯбоҳ мепӯшиду дар ҷашм айнаки сабз ҳам дошт. Ӯ хушсуҳбат, ҷақҷакӣ, ҳозирҷавоб, вале бовиқору ботамкин буда, аксар суҳбати ӯ аз бадеҳаҳои шоирони гузашта иборат буд; шеърҳои саромадони суханро бо оҳанги махсус ба худ кашида – кашида, вале каме аз димоғ мехонд» [2, с. 264].

Дар идомаи навиштаи худ Зехнӣ аз забони дигарон дар ҷавонӣ «бисёр мағрур, мутақаббир, олуфта ва ринди лоубол» будани шоирро ҳам таъкид менамояд. Аммо худаш дар вохуриҳояш ин сифатҳои шахсияти Туғралро эҳсос намекунад, зеро дар ин давра синни шоир аз панҷоҳ гузашта ва ӯ марди солору ботамкин ва аз таҷрибаи рӯзгор ибратгирифтае буд. Аз рӯи мушоҳидаи Зехнӣ дар ин давра Туғрал баръакс «хеле одами боодоб, ботамкин ва солор буда, бо ҳамнишинони худ бо эҳтироми тамом рафтор мекард» [2, с. 265].

Аз ин ишораҳои Зехнӣ, ки ҳамагӣ қобили эътимод ва боварибахшанд, метавонем чехраи воқеӣ ва иҷтимоии шоирро ба пуррагӣ тасаввур намоем, ки он як тарафи масъалаи мавриди назар мебошад. Тарафи дигари масъала он аст, ки ҳамин гуна чехраи равшан ва таъсиргузори шоир дар ашъори худӣ ӯ чӣ гуна таҷаллий намудааст. Дар ин маврид мо бояд ба чанд нуктаи муҳим таваҷҷуҳ намоем. Нуктаи аввал ва асосӣ, ба назари мо, ин шеваҳо ва омилҳои ба тасвир омадани образи муаллиф ё ба истилоҳи Н. Тынянов «қаҳрамони лирикӣ» дар ашъори Туғрал мебошад. Ҷои таъкид аст, ки дар ашъори Туғрал тасвири аксари сифатҳои волои инсоният шоирии ӯ, ки дӯстону ҳаводоронаш дар навиштаҳояшон ишора намудаанд, ба мушоҳида мегирем:

Дар сар шарори ишқаму оҳам забона аст,
Оинадори дардаму ҳайрат баҳона аст.

Туғрал, гузаштаам зи таманнои қасру чоҳ,
Боми фалак, ки бар сари ман сақфи хона аст [6, с. 31].

Дар ҷои дигар:

Гиёҳи ташнаам сар барзада дар водии ҳасрат,
Зи навмедӣ самар оварда нахли кулфатэҷодам.

Тилисми унсурам дур аст аз обу гилу оташ,

Надорад киштии ман мавҷро лангар ба ҷуз бодам [6, с. 32].

Чунон ки мебинем, қаҳрамони лирики шоир як фарди азиятдидаву қаноатпеша буда, ӯ парвои «қасру чоҳ» надорад ва ба боми фалак, ки сақфи хонааш аст, қаноат мекунад. Ҳар чанд масъалаи қаноатпешагӣ аз мазӯъҳои суннатии шеъри форсист, вале

он ба ҳайси сифати образи муаллиф дар тасвири Туғрал бо ниёзҳои замони зиндагиаш, ки вазъи умумии онро мо аз таълифоти ҳамзамонони шоир мешиносем, ҳамоҳангии комил дорад. Бо вучуди ин ҳама, чунон ки бисёре аз ҳамзамононаш ҳам ишора кардаанд, Туғрал дар воқеъ марди хоксору фақирпарвар буда, заррае фахру хавобаландӣ надоштааст, хирси молу пул барои ӯ бегона будааст:

Чунон сомони домон кардам кунчи қаноатро,

Ки андар дил намебошад таманнои зуру симам [5, с. 13].

Дар ҷои дигар боз ҳам дақиқтар ин ҳолати образи шоир ба тасвир омадааст:

Хоксорӣ нест кам аз дастгоҳи эътибор,

Бӯриёи фақр ҳамчун тахти Ҷам дорем мо [5, с. 13].

Воқеан, Нақибхони Туғрал шахси дорои хислатҳои аҷоибу ғароиб будааст, ки маҳз ба ҳамин хотир аз рафтору кирдорҳои шоиставу омӯзандаи ӯ нақлу ривоятҳои зиёде дар байни мардум паҳн шудааст. Агар мо муҳтавои ривоятҳои мардумиро бо баъзе ишораҳои дар шеърҳои рафта қиёс намоем, чехраи ӯ ба ҳайси як фарди таъсиргузори маърифатпарвару илмдӯст, хушсухану маҳфилоро ва покизакору покизарафтор бозтоб мегардад.

Бо вучуди ин, мо дар ашъори Туғрал як шахсияти бадеии фаротар аз андешаҳои замонию воқеиро тасаввур мекунем, ки он дар таълифоти вай тадричан ташаккул ёфта, ба як «Ман»-и мустақил, ба як ҷаҳони пурсарусо ва пуршӯр табдил меёбад. Ӯ бо даъвоҳои шоирона, руҳи пурталотуми инқилобӣ ва бо андешаҳои созанда дар фазои бадеии ашъораш зухур менамояд:

Чанд рӯзе дар ҷаҳон, эй умр, меҳмонӣ бас аст,

Аз хусуси муддао оҳу пушаймонӣ бас аст.

Орзуи ҷоҳ дорӣ гар зи нақши эътибор,

Ёди таъмири ҳаёлат хонавайронӣ бас аст [5, с. 73].

Дар ҷои дигар:

Фурсати тамҳиди ҳастӣ нест дар боғи ҷаҳон,

Чун шарар яксон шумар оғози анҷоми маро [5, с. 53].

Шоир дар ин қабил ашъор симои воқеии худро аз дохили матни адабӣ ба ҷилва меорад, ки он аз муҳимтарин қонуниятҳои зуҳури образи муаллиф дар калом бадеист.

Масъалаи ҷолиб ба назари мо он аст, ки дар ашъори шоир симои аслии ӯ, ҳатто дар фахрияҳои равшану воқеӣ ба қалам омадааст. Зеро, дар замони зиндагии Туғрал баландтарин меъёр ё маҳаки хунар дар адабиёт шеъри Абулмаонӣ Бедилӣ Дехлавӣ буд ва ҷуръат карда дар суҳан бо Бедилӣ сабақат карданаш далели истеъдоди баланд ва дониши амиқи адабии Туғрал мебошад:

Манам имрӯз Ҳассони маонӣ,

Ба фанни хеш з-Афлотун фузунам! [5, с. 194].

Ва ё дар ҷои дигар мегӯяд:

То зи файзи оғаҳӣ, Туғрал, суҳан сар кардаам,

Баъди ман шоир касе дигар намебинад ба хоб [5, с. 69].

Дар ҳамин радиф шоири маъруф ва ҳамзамони Туғрал Тамҳид мегӯяд:

Пас аз Бедилӣ нарӯидаст чун ӯ,

Ба мулки шеър шоҳи ботачаммул [3, с. 16].

Абдулғании Ҷавдат ба хунари шоирию нависандагӣ ва олимии Туғрал ишора намуда менигорад:

Дар назму насру ашъор яктои асри мо буд,

Қоил шуда ба илмаш ҳар олиму мударрис [7, с. 120].

Қариб ҳамаи онҳое, ки ба шахсияти воқеӣ ва адабии Туғрал ишораҳо кардаанд, тақрибан дар мавриди шинохти ӯ ҳамназар ҳастанд. Аз ин рӯ бояд таъкид кард, ки тасвири образи Туғрале воқеӣ дар ашъори Туғрале шоир ҷолиби диққат аст. Ин ҷо табиист, ки масъалаи бозтоби «Ман»-и шоир дар шеър пеш меояд, ки онро чунон ки ишора шуд дар мавриди ашъори А. Блок Н. Тынянов «қаҳрамони лирикӣ» номида буд [4, с. 120]. Дар ин маврид муаллиф воқеан улғӯ (модел) тасвири симои бадеии

қаҳрамони лирикӣ мебошад. Муаллиф инсони воқеии дорои симои зоҳирӣ, сарнавишт, хислату характери хос аст, вале муаллиф – қаҳрамон (қаҳрамони лирикӣ) падидаи воқеияти дигар, падидаи воқеияти адабию ҳунари мебошад. Ба ҳамин хотир, вақте ки мо шеърӣ Туғралро мехонем, бояд ин ду паҳлуи шахсияти ӯро, ки дар ашъораш бозтоб мешавад фарқ кунем.

Туғрал дар бозтоби симои лирикиаш ва махсусан дар суҳанони ифтихоромезаш ба зарфиятҳои адабию ҳунарии ҳудаш ишора мекунад, як навъ суннати фаҳриясароии шуарои пешинро дар вақту фазои дигари адабию ҳунари идома медиҳад. Вале дар баробари ин, бисёре аз қолабҳои маъмулии баёни шоирони гузаштаре, ки дар бисёр маврид хешро ҳақиру резачини хони суҳан ва маонии дигарон медонистанд, мешиканад. Ин падида аслан аз мақому мартабаи баланди адабию шоирӣ, ки Туғрал дар замони зиндагиаш ба он расида буд, башорат медиҳад:

Имрӯз шикаста байти Туғрал,
Бозори наботу нархи шаккар [5, с. 124].

Ё дар ҷои дигар мегӯяд:

Мебарам ман дар суҳан имрӯз гӯй аз ҳамдамон,
Дар саманди фикр чун маънӣ саворам кардаанд [5, с. 126].

Шоир танҳо дар мавриди баҳо додан ба шеър ва мақоми шоирӣ Бедил худро ҷоқару «гуломи мисраи Бедил» меҳисобад. Иродати Туғрал ба Бедил то ба дараҷаест, ки вай мисраи Бедилро бо ҷаҳоне иваз намекунад. Ин тасвир ва зуҳури симои шоиронаи муаллиф аст, ки он дар ашъори Туғрал дар аксари ғазалҳои аз қудрати суҳанварӣ ва аҳдофи шоиронааш суҳан ба миён меорад ва нерӯю қудрати суҳанофариниашро дар мизону маҳаки суҳанварии замонаш месанҷад:

Туғрал, аз назмам саропо, бин, ки мерезад шакар,
Бас ки бинмудам зи сар то пой таҳрири туро [5, с. 30].

Дар ҷои дигар:

Туғрал, осон кай бувад ғаввоси баҳри суҳан,
Сар ба ҷайби фикр аз баҳри гуҳар дорем мо [5, с. 50].

Симои шоирӣ, ки дар ашъори Туғрал тасвир мешавад дорои сифатҳои «ғаввоси баҳри суҳан», «саррофи суҳан», «анқошикор», «ширинсуҳан», «соҳибқирони мулки маонӣ», «султони авранги суҳан», «дар ҳавои мӯшикофӣ пар задан» ва ғайра мебошад. Бояд гуфт, ки сифатҳои волеи шоирӣю суҳанварии Туғрал, ки дар навиштаҳои ҳамсафону ҳамзамонаш низ ишора шудаанд бо тавсифҳои дар ашъори ҳуди шоир зикргардида комилан мувофиқат мекунад. Аз ҷумла, Аҳмади Равнақ мегӯяд:

Хатм аст фикри мавзун бо ӯ зи баъди Бедил,
Чун тӯти аст доим шаккар ба коми Туғрал [7, с. 8].

Ғайр аз ин Тамҳид ӯро «ба шеър устози комил», Қурбӣ «каломаш офтоби аҳли маънӣ», Хайрӣ «Азизи Мисри маониву лафз», Ахтар «дорои табъи гавҳарафшон», Султонхоҷаи Бухорӣ «шамъи дониш ба ҳар анҷуман», Муштарӣ «булбули гулистони маонӣ», Ҷавдати Самарқандӣ «дар назму насру ашъор яктои асри мо», Ҳайрат «парфишони ҳавои сайди маънӣ», Т. Зехнӣ «дурчи гуҳар» номидаанд, ки ҳамаи ин бо сифатҳои, ки дар ашъори ҳуди шоир ва фаҳрияҳои ӯ омадаанд, шабеҳу монандӣ доранд. Аз ин тасвиру тавсифҳои образи шоир дар ашъори ҳудаш ва дар шеърҳои ба ӯ бахшидаи шоирони ҳамзамонаш метавон ба натиҷае расид, ки воқеан Туғрал аз шоирони тавоно, маъруф ва шинохтаю эътирофшудаи аҳди хеш будааст. Ин ҳулоса моро водор месозад, ки аз баҳри баъзе эродҳо ва нуқтагирӣҳо, ки дар ҳар замон нисбати шахсият ва осори ин шоирӣ ширинсуҳан ба миён омада буданд, бигзарем ва ҷеҳраи воқеии иҷтимоӣ ва адабии Нақибхони Туғралро дуруст ва ба пуррагӣ тасаввур намоем.

Адабиёт:

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусства, 1979.
2. Зехнӣ Т. Ман бо Туғрал ҳамсуҳбат будам // Туғрал. Мунтахаби ашъор. – Душанбе: Ирфон, 1964.
3. Китобномаи Нақибхон Туғрали Аҳрорӣ. – Душанбе: Бухоро, 2015.

4. Тынянов Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.
5. Туғрал. Гиёҳи меҳр. – Душанбе: Ирфон, 1986.
6. Туғрал. Мунтахаби ашъор. – Душанбе: Ирфон, 1964.
7. Шаҳбози мулки маънӣ. – Душанбе: Бухоро, 2015.

ОБРАЗ АВТОРА В ПОЭЗИИ ТУГРАЛА

Накибхон Туғрал является одним из ярких представителей таджикской поэзии конца 19 и начала 20 вв. В социальном плане он был известной личностью в политических, научных и литературных кругах Самарканда и Бухары. Человеческие и поэтические качества Туғрала ярко выражены в его поэзии, особенно в газелях и юмористических сочинениях.

Ключевые слова: Накибхон Туғрал, образ автора, таджикская поэзия, литературные круги, поэтические качества, газели.

THE VIEW OF AUTHOR IN TUQRAL'S POETRIES

Naqibkhon Tuqral is one of the famous Tajik representative poet of the ends of IX century and first of the XX century. He is well-known in social plans with his characteristics, politics, scientific and literal sphere in Samarqand and Bukhara. His human and political qualities pronounced in his poetry, especially in *gazels* (romantics' poems) and humorous writings of poet.

Keywords: Naqibkhon Tuqral, the view of author, Tajik poetry, literal sphere, politic's quality, *gazel* (romantic poems).

Сведения об авторах: Салими Носирджон Юсуфзода, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, ректор Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, e-mail: tgpu2004@mail.ru

Салихов Шамсидин Аслидинович, доктор филологических наук, начальник Центра таджикского языка и обучения иностранных языков Национальной библиотеки РТ, e-mail: soleh59@mail.ru

About authors: Salimi Nosirjon Yusufzoda, Doctor of Philological Sciences, professor, academician of Academy of science of the Republic of Tajikistan, rector of the Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Aini, e-mail: tgpu2004@mail.ru

Salikhov Shamsiddin Aslidinovich, Doctor of Philological Sciences, Chief of Tajik language and Foreign languages Centre, the National Library of the Republic of Tajikistan, e-mail: soleh59@mail.ru

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИЕ МОТИВЫ В АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ ИСЛАМА

Зоҳидов Н.

Министерство иностранных дел Республики Таджикистан

Исследование арабской поэзии Обновления (У111-1X века) показывает, что "новое" в ней «проявляется прежде всего в жанрах, слабее связанных с исламской традицией или вовсе не знакомых древним арабам» [3, с. 295]. Это наблюдение находит свое подтверждение и в творчестве арабоязычных авторов. Персидско-таджикские мотивы значительно чаще встречаются в их газелях и хамрийат, т.е. в жанрах, менее связанных с доисламской традицией, чем в их касыдах, которые сильно связаны с доисламской поэзией как с точки зрения их структуры, так и их содержания. Однако даже в такой консервативный жанр, каким является арабский панегирик, арабоязычные поэты вводят мотивы, навеянные персидско-таджикской традицией. Разумеется, чаще всего это явление встречается в панегириках поэтов-шуубитов. Так, например, упомянутый поэт-шуубит Исмаил ибн Ясар в панегирике, посвященном ал-Гамру ибн Язиду, брату омейядского халифа Валида II (743-744), сравнивает его с Хосровом, а людей его окружения с иранскими витязями:

على الغمرِ الا وهو في الناس غامر
كما خُشَّت يوماً لكسرى الأساورُ

فما مرّ من يوم على الدهر واحد
تراهم خشوعاً حين يبدو مهابةً

Не проходит ни одного дня в жизни ал-Гамра, когда бы он не был окружен многочисленными людьми.

Ты видишь их в смиренни, испытывающими почтительный страх перед ним, как некогда смирились перед Хосровом его витязи [8, с. 424].

Примечательной особенностью использованного Исмаилом ибн Ясаром мотива заключается в том, что при Омейядах арабы всячески подчеркивали свое исключительное положение в Халифате по сравнению с другими завоеванными народами и отвергали какую-либо попытку поэтов уподобить их в стихах правителям или героям домусульманского Ирана и других завоеванных стран. Так, например, омейядский халиф Абд ал-Малик (685-705) упрекнул поэта Ибн Кайса ар-Рукаййата только за то, что тот в своем мадхе приписал ему корону - атрибут иранских царей. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани сообщает, что когда читавший свой панегирик Ибн Кайс ар-Рукаййат дошел до следующего бейта:

يعتدل التاج فوق مفرقه
على جبين كأنه الذهب

Красит его пробор корона, сверкающая как золото

халиф остановил поэта и сказал ему осуждающе: "О, Ибн Кайс, меня ли ты восхваляешь короной, как будто я аджамийский /царь/?!" [8, с. 79].

Естественно, что в условиях такого отношения к персидско-таджикским традициям сравнение мамдуха и людей его окружения с Хосровом и иранскими витязями в стихах Исмаила ибн Ясара могло звучать как отрицание притязания арабов на исключительное положение в Халифате.

Иную картину мы видим в панегириках аббасидского периода. Арабоязычные поэты этого периода часто вводят в свои панегирики образы иранских царей, легендарных героев домусульманского Ирана и сравнивают их со своими мамдухами без боязни быть осужденными за это. Так, Алланааш-Шууби в своем панегирике в честь могущественного представителя династии Тахиридов - Абдаллаха ибн Тахира сравнивает его с героем домусульманского Ирана Рустамом:

رستمى فى ذرى شرف
زانه تاج و اكليل

Из рода Рустама он, достигший вершины славы. Его украшают корона и венец.

Ему из-за его величия подобает быть скромным, бесконечно щедрым и принимать прославления [17, с. 195].

Рустаму и легендарному мудрецу Бузургмихру уподобляет своего мамдуха и Ибн ар-Руми, поэт-шуубит, гордившийся в стихах своим византийско-иранским происхождением (Отец поэта был византийцем, а мать – иранкой):

بزرجمهر بنى العباس رستمهم
جلمود خطين ما صكوا به رضحا
كباش الكتابة كبش الحرب ان
ماضى الاداتين من سيف و قلم

نطحا

(Он) - Бузургмихр рода Аббасидов, их Рустам. (Тверд он) как скала Хиттина, которую не смогли раздробить.

Он обладает двумя острыми оружиями - мечом и пером, орудием письма и оружием войны, которые он объединил [16, с. 154].

Эти стихи Ибн ар-Руми, где образ Бузургмихра символизирует мамдуха, показывают, что в творчестве поэтов шуубитской ориентации древнеарабские добродетели постепенно уступают место доисламским персидско-таджикским идеалам. Среди древних арабов умение "владеть пером" не входило в номенклатуру традиционных добродетелей. В этом отношении примечателен тот факт, что омейядский поэт Зу-р-Румма (ум. 735 г.), хотя и был грамотен, скрывал это, говоря: "Среди нас это дело считается постыдным" [6, с. 112]. Похвальным же качеством мамдуха Ибн ар-Руми является его умение одинаково владеть "пером и мечом".

Критерием для определения величия и могущества мамдуха для Башшара ибн Бурда служат величие и могущество доисламских иранских царей. Если мамдух в вышеприведенных стихах Исмаила ибн Ясара, Алланааш-Шууби и Ибн ар-Руми своим величием равняется с иранскими царями и героями, то мамдух Башшара обнаруживает свое могущество тем, что он превосходит их:

كلُّ امرئٍ رهْنٌ بما يؤدِّي
كأل كسرى وكأل برد
وربُّ ذى تاج كريم المجد
فصلته عن ماله والولد
أنكب جاف عن طريق الرشد
يا بنت أفضى من بنى العرند

Каждый человек - заложник того, что он совершает, и если даже обладающий венцом, знатный и благородный, -

Как члены династии Хосровов или как члены рода Бурда, если он, дерзкий, сходит с истинного пути,

То ты лишишь его имущества и потомства. (Знай же это), о дочь Афсы из рода Урунда! [14, с. 169].

В касиде, которую Башшар сложил в честь Ибрахима ибн Абдаллаха ибн Хасана, главы Алидов, поднявшего восстание против халифа ал-Мансура (754-775), поэт размышляет над изменчивостью судьбы и в назидание своему мамдуху поведает о судьбе Сасанидского государства и иранских царей Хосровов:

ولا سألَمَ قَلِيلَ بِسَالِمٍ
و يَصْرَعُهُ فِي الْمَأْرَقِ الْمَتْلَاحِمِ
عَظِيمٍ وَلَمْ تَسْمَعْ بِفَتْكَ الْأَعَاجِمِ

أَيَا جَعْفَرَ مَا طَوَّلَ عَيْشَ بَدَائِمِ
عَلَى الْمَلِكِ الْجَبَّارِ يَفْتَحُمُ الرَّدَى
كَأَنَّكَ لَمْ تَسْمَعْ بِقَتْلِ مُتَوَجِّ
تَقَسَّمَ كَسْرَى رَهْطَهُ بِسَيُوفِهِمْ

Абу Джаъфар, жизнь не длится вечно, и тот, кто здоров и невредим, через краткий миг не будет здоров.

И могучего царя постигает гибель, и поражает его на узком тупике.

Ты как будто не слышал, как убили носящего венец, великого (иранского царя). Будто не слышал о том, как были уничтожены аджамцы,

И как род Хосрова был рассеян мечами... [14, с. 190-191].

Аналогичную иллюстрацию идеи бренности земного существования мы находим и в другом стихотворении Башшара:

أَفْنَى قَبَادًا وَأَوْهَى مَلِكِ بَشْتَأَسَ

رَوَى مَشَاشِي فَإِنَّ الدَّهْرَ ذُو عَبْرٍ

Напои меня вином бодрящим, ведь эта полная назиданий судьба погубила Кубада и уничтожила царство Гуштаспа [15, с. 173].

Персидско-таджикские образы вводил в свои панегирики даже Абу Таммам (788-845), который был известен своей приверженностью к традициям джахилийской поэзии, к традиционным древнеарабским образам. Абу Таммам в панегирике в честь полководца Афшина, под началом которого войска халифа ал-Му'тасима (833-842) подавили восстание хуррамитов, уподобляет Афшина легендарному иранскому царю Фариду, а предводителя хуррамитов Бабака - Заххаку:

بِالْعَالَمِينَ وَأَنْتَ أَفْرِيدُونَ

بَلْ كَانَ كَالضَّحَاكِ فِي سَطَوَاتِهِ

Он в притеснении людей был подобен Заххаку, а ты (в твоей справедливости) – Фариду [15, с. 16].

О распространенности персидско-таджикских образов в панегирической поэзии VIII-IX вв. свидетельствует и встречающееся в одном из панегириков выдающегося арабского поэта и литератора Ибн ал-Му'тазза сравнение мамдуха с основоположником Сасанидского государства Ардаширом (224-242). В большом панегирике в честь своего двоюродного брата, аббасидского халифа ал-Му'тадида (892-902), Ибн ал-Му'тазз рассказывает о беспорядках и притеснениях, имевших место, по мнению поэта, в халифате до прихода к власти ал-Му'тадида. Воцарение же ал-Му'тадида, считает поэт, покончило со смутой и беспорядками, вернуло халифату порядок и справедливость. Развивая эту тему, поэт сравнивает своего мамдуха с Ардаширом:

أَزْجِدُ فِي تَجْدِيدِ مَلِكِ دَارِسَ

كَانَ لَنَا كَأَرْدَشِيرِ فَارِسَ

В наших глазах он был подобен Ардаширу (царю) Ирана, когда проявил усердие в восстановлении исчезающего государства [6, с. 404].

Приведенные примеры свидетельствуют об определенной трансформации литературных традиций в панегирической поэзии. Едва ли можно сомневаться в том, что этот процесс происходил под влиянием персидско-таджикского элемента, отодвинувшего в первое столетие правления Аббасидов древнеарабские идеалы на второй план. Если омейядского поэта, как мы отметили выше, укоряли только за то, что он приписал своему мамдуху атрибут иранских царей, то аббасидского поэта Абу Таммама, наоборот, упрекнули за то, что тот сравнил халифа ал-Му'тасима со знаменитыми древнеарабскими героями в следующем бейте:

فِي حِلْمِ أَحْنَفِ فِي ذِكَاةِ إِيَّاسَ

أَقْدَامَ عَمْرٍو فِي سَاحَةِ حَاتِمِ

Он соединил в себе смелость Амра с щедростью Хатима, и доброту Ахнафа с проницательностью Ияса.

Абу Таммаму было сказано: "С этими ли бедуинами-варварами сравниваешь ты эмира правоверных?!" [7, с. 14-15].

Проникновение персидско-таджикской традиции в арабоязычную поэзию панегирического содержания можно видеть и в проявлении влияния этикета сасанидского двора и номенклатуры деловых и нравственных норм домусульманского

Ирана в сложении образа "идеального мамдуха" в арабоязычной поэзии рассматриваемого периода.

Известно, что к первому столетию правления Аббасидов относится перевод многочисленных памятников сасанидской этико-дидактической и исторической литературы [2, с. 1-40]. Памятники эти содержали описания церемониала, этикета, правил, предписаний и рекомендаций сасанидского двора. Хотя и многие из этих переводов не дошли до нас, но отрывки из них сохранились в арабоязычных памятниках литературы "адаба". Сохранившиеся отрывки свидетельствуют, что сасанидский этикет предусматривал номенклатуру определенных деловых и нравственных качеств, которыми должен был обладать то или иное должностное лицо. Без сомнения, в непосредственной связи с этой сасанидской традицией стоят сочинения арабоязычных авторов, в которых перечисляются науки, овладение которыми обязательно для вазира или катиба или носителя других профессий, приводится список качеств, необходимых тому, кто призван исполнять эти обязанности.

Как правило, в этих сочинениях часто цитируются литературные памятники сасанидской эпохи. Так, например, ал-Маварди в своем "Адаб ал-вазир" приводит слова Шапура сына Ардашира, адресованные его сыну, о достоинствах вазира: "Вазиру следует быть таким, чтобы его велению повиновались, его слова принимали на веру, чтобы его положение у тебя обязывало его не подчиняться никому, кроме тебя, а его преданность тебе побуждала его давать советы тебе. Я предостерегаю тебя от назначения на эту должность того, кто не достоин служить тебе. Ты должен быть уверен в нем в следующих случаях: что он не упрекнет тебя без причины, что он не позарится на твое богатство, не предав тебя, что он не даст возможности укрепиться твоему врагу" [16, с. 157]. Ал-Маварди цитирует также слова Хосрова Ануширвана о качествах, необходимых вазиру: "Должность вазира никак нельзя доверять тому, кто не достоин этой должности, потому что вазир по отношению к царю - его уши, его глаза, его язык и его сердце. Так как царь сидит за закрытыми дверями и скрыт от глаз, то вазиру следует оберегать его богатства, скрывать изъяны в его действиях. Тому, кто занимает эту должность, следует быть надежным и осмотрительным" [16, с. 147-148].

Согласно сасанидской традиции, государственные чиновники - секретари также должны были обладать целым рядом деловых и нравственных качеств. Ибн Кутайба в своем "Уюн ал-ахбар", говоря об этой сасанидской традиции, пишет следующее: "Иранцы считают: тот, кто не сведущ в правилах орошения, в рытье водостоков и заполнении пропастей, в долготе светового дня и его уменьшении, в лунном затмении и определении величин, в рисовании треугольника и четырехугольника с разными углами, в строительстве мостов и плотин, в установке оросительных колес над водой, в инструментах ремесленников и тонкостях исчислений, тот не совершенен в секретарстве" [16, с. 157]. Предписания сасанидского этикета секретарям дополняют слова Джахшияри о том, что сасаниды требовали от секретарей, кроме знания различных наук и культур, еще такие качества, как верность и нравственная чистота. Идеальный катиб также должен был обладать красивой внешностью, опрятно одеваться, быть пронизательным и сообразительным [11, с. 11].

В мадхахаарабоязычных поэтов рассматриваемого периода мамдух, - а им, как правило, были, кроме халифа, вазиры и катибы,- наделялся традиционными, известными с доисламской поэзии достоинствами, как мужество, отвага, благородство, а также щедрость — достоинство, которое в силу зависимости аббасидского поэта от мамдуха стало преобладающим и главным качеством восхваляемого лица. Наряду с этим, в номенклатуру традиционных достоинств мамдуха проникали и новые достоинства, навеянные вышеуказанной сасанидской традицией. Рассмотрим, например, панегирическую часть касыды, которую поэт ал-Хурайми посвятил вазиру халифа Мамуна - Фазлу ибн Сахлу:

شك وأخرى صحت معاذرها
مون نجديها وغائرها
ومقلة ما يكل ناظرها

واحمدو منك سيرة جلت الـ
واستجمعت طاعة برفقك لمأ
وأنت سمع له في العالمين له

Вознесли (люди) хвалу одним твоим деяниям, (правильность) которых не вызывала сомнения, и другим, которые были оправданы.

Объединились покоряясь твоей доброте, вокруг Мамуна живущие на плоскогорье и населяющие долину (т.е. все люди без исключения).

Ты - его уши, (которые слышат) его подданных, и его зоркие глаза, не знающие усталости [12, с. 36].

Ал-Хурайми, как видно из этого отрывка, главные достоинства своего мамдуха - вазира - усматривает прежде всего в его верности и преданности правителю - халифу Мамуну. Доброта мамдуха, его справедливость, его деяния направлены прежде всего на служение правителю, чего требовала от вазира сасанидская традиция. Примечательно, что последний бейт в приведенном отрывке почти буквально повторяет вышеприведенные слова Хосрова Ануширвана о качествах вазира.

Такое же совпадение похвальных качеств мамдуха с нравственными нормами домусульманского Ирана обнаруживает и отрывок из мадха Абу Нуваса в честь вазира Харун ар-Рашида - Фадла ибн ар-Раби:

وأنت في سن الصغير واكتيبت من القـ رج والغريزة والضمير ة فاصطفاك على بصير	ما زلت في عقل الكبير حتى تعصرت الشيبية عف المداخل والمخا والله خص بك الخليفة
---	---

Стар ты был умом, хотя и был молод годами.

Когда же молодость прошла, то приобрел ты в старости

Нравственную чистоту, внешнюю красоту, целомудренные чувства и помыслы.

Аллах особо выделил халифа, связав тебя с ним и выбрав тебя в качестве его проницательных глаз [9, с. 324].

Одним из достоинств мамдуха в арабоязычной поэзии VIII-IX вв. является его красота. В панегирике в честь Фадла Бармакида - вазира Харун ар-Рашида Абу Нувас описывает красоту мамдуха, сравнивает белизну и нежность его лица с блеском и нежностью персидского шелка сорта "сабури":

ترى العتق فيها جارياً متيناً	اغر له ديباجة سابرية
------------------------------	----------------------

(У него) - красивое белое лицо, словно на нем (персидский) шелк "сабури", в котором ты увидишь красоту струящейся (как прозрачная нежная вода) и ясно выраженной [10, с. 652].

Наиболее полно нравственные и деловые нормы сасанидского этикета отразились в касыде - самовосхвалении Абана ал-Лахики. Касыду эту ал-Лахики преподнес Джаъфару Бармакиду в качестве своей "визитной карточки":

من كنوز الأمير ذو أرباح ناصر زائد على النصاح شمة مما يكون تحت الجناح س بشعر مخير الإيضاح لي فيه قلادة بوشاح ليسوى أمر سيدي ذي السماح م ولا بالمجدر التحداح وإتقاد كشعلة المصباح وبصير بحاليات ملاح في غدو خرجت أم في رواح ل وبالخرود الجسان الملاح ه على أنني ظريف المزاح	أنا من بعية الأمير وكنز كاتيب حاسب خطيب بليغ شاعر مفلح أخف من الري ثم أروي من ابن هرمة للنبا لي في النحو فطنة ونفاذ ما أنا واهن ولا مستكين أست بالضحيم يا أمير ولا الفد لحية سبطة ووجه جميل وظريف الحديث من كل لون أيمن الناس طائراً يوم صبيد أبصر الناس بالجوارح والخبي كل هذا جمعت والحمد لله
--	--

Я тот, кого желает эмир, я - одно из сокровищ эмира, из которого он извлекает выгоду.

Я - катиб и счетовод, и оратор красноречивый, я - советчик, превосходящий всех советующих.

Я - поэт выдающийся, (с языком) острее птичьего пера, что бывает под крыльями.

Я - также и равий, передаю людям со слов Ибн Харма стихи, разукрашенные разьяснениями.

В грамматике я понятлив и проницателен, в ней я опоясан ожерельями.

Не слаб и не покорен я никому, кроме моего господина великодушного.

Не верзила я, о эмир, и не глуп, и не коротышка я приземистый.

У меня гладкая борода и красивое лицо, и сверкаю я как пламя светильника.

Я рассказываю разные остроумные рассказы, я знаю также и текущие остроумия.

Я удачливее всех людей на птиц в день охоты, независимо от того, выхожу я (на охоту) утром или вечером.

Я лучше всех людей понимаю в хищных птицах, лошадях и красивых статных девственницах.

Все эти (качества) я вобрал в себе. Слава Аллаху за то, что к тому же я - шутник остроумный [13, с. 4-5].

Как видно, Абан в своем фахре - самовосхвалении приписывает себе почти все необходимые идеальному сасанидскому катибу качества. Знание различных наук, верность и преданность правителю, внешняя красота, остроумие - эти и другие качества, которыми восхваляется Абан, не являются отражением древнеарабских бедуинских представлений, а связаны с предписаниями сасанидского этикета.

Некоторые панегирики представляют интерес еще одной особенностью, которую есть основания связать с традициями персидско-таджикской доисламской этико-дидактической литературы. Эта особенность - дидактико-назидательная окраска некоторых мадхов. Традиционный панегирик VIII-IX вв., как правило, имеет строгое предназначение - прославление мамдуха: поэты всячески расхваливают "достоинства" своих мамдухов, изображают их идеальными и совершенными. Но нередко в панегириках прославление мамдуха сочетается с его наставлением. В этом отношении примечательны мадхи Абу Якуба ал-Хурайми, который, по меткому замечанию В.А.Эбермана, "умеет даже мадих настроить нравственно" [4, с. 441]. Ал-Хурайми, восхваляя достоинства своего мамдуха, подчеркивает нравственный характер его поступков. Прославление щедрости, из которого логически вытекает просьба о вознаграждении, казалось бы, трудно совместить с нравственными мотивами, однако поэт оказался в состоянии сделать это в нижеследующем отрывке из мадха в честь Мухаммада ибн Мансура - катиба Бармакидов:

زاد معروفك عندي عظيماً
إنه عندك مستور حقيراً
وتناساها كأن لم تناساها
وهو عند الناس مشهور خطير

Твои благодеяния увеличены в моих глазах и тем, что ты (считаешь) их невидимыми, ничтожными,

Стараешься забыть их, как будто ты и не совершал их, но они людям известны и огромны [12, с. 125].

Такой же мотив содержит и следующий бейт:

لا ينجي في الندى إلا الندى
وإذا هم به لا يستشير

В щедрости он советуется только с щедростью, и если собирается оказать милость, то не афиширует это [12, с. 25].

Но наиболее отчетливо дидактико-назидательная окраска мадха проявляется в касыде ал-Хурайми в честь вазира Фадла ибн Сахла. Эта касыда в истории арабоязычной поэзии известна в основном, как касыда, описывающая бедственное положение Багдада во время войны 813 года между Амином и его братом Мамуном за халифский престол. Действительно, описание Багдада занимает три четверти всей касыды (108 бейтов из 135). Однако, как нам кажется, описание Багдада - не самоцель для поэта, оно лишь вспомогательное звено для достижения основной цели, которая заключается в прославлении - назидании мамдуха. Собственно прославление мамдуха занимает всего три бейта, которые мы приводили выше. Далее поэт переходит к назиданию мамдуха:

فاشكر لدى العرش فضل نعمته
واحذر فداء لك الرعية والد
لا تردن غمرة بنفسك لا
عليك ضحاضاحها فلا تلج الغمر
والقصد أن الطريق ذو شعب
أصبحت في أمة أوائلها
و أنت سرسورها و سائسها
أوجب فضل المزيد شاكرها
أجناد مأمورها وأمورها
يصدر عنها بالرأى صادرها
ة ملتجة زواجرها
أشأمها و عثها و جأرها
قد فارقت هديها أو آخرها
فهل على الحق أنت قاسرها

Будь благодарен обладателю трона за его милости, ведь благодарность обязывает к увеличению милостей.

Будь осторожен, да будут твоим выкупом подданные и войска, подчиненные и повелевающие.

Не ввергай себя в пучину бедствий, ввергнутый в которую не спасется.

(Достаточно) тебе мелкого дна, не стремись к пучине бурлящей.

Дорога имеет (разные) ветви, злополучной окажется та, которая труднопроходима и отклоняется (от основной дороги).

Ты стал предводителем у народа, нынешнее поколение которого лишилось благоразумия предков.

Ты тот, кому вверены их дела, ты их правитель. Справедливо ли, если ты будешь их тираном?! [12, с. 36].

Поэт открыто призывает своего мамдуха к справедливости, советует ему творить добрые дела:

تسد منهم بها مفارها	و امدود الى الناس كف مرحمة
و وافقت مده مقادها	امتك العدل اذ هممت به
و ملكت امة اخاريرها	و ابصر الناس تصد وجههم

Протягивай людям руку милости. Ею покрываются их нужды.

Тебе возможно быть справедливым, когда ты хочешь этого, ведь возможности (твоей руки) соответствуют ее протягиванию.

Люди познаются по их намерению. Добрые намерения завоёвывают (доверие) народа [12, с. 37].

Такой же дидактико-назидательный тон обнаруживает и панегирик Башшара ибн Бурда в честь Ибрахима ибн Абдаллаха ибн Хасана, восставшего против халифа ал-Мансура:

برأى نصيح أو نصيحة حازم	اذا بلغ الرأي المشورة فاستعن
فإن الخوا في قوة للقوادم	ولا تجعل الشورى عليك غضاضة
وما خير سيف لم يؤيد بقائم	وما خير كف أمسك الغل أختها
نؤوما فإن الحرّم ليس بنائم	وخلّ الهويّن للضعيف ولا تكن
شبا الحرب خير من قبول المظالم	وحارب اذا لم تعط الا ظلاما

Если мнение может стать советом, то прибегни к мнению того, кто искренне советует, или к совету решительного.

Не считай такой совет умалением для себя, ведь мелкие перышки крыльев дают силу маховым перьям.

Какая польза от руки, когда вторую руку связали оковы? Какая польза от меча, если его не поддерживает рукоять?

Оставь же промедление слабому и не будь сонным, ведь решимость не спит!

Сражайся, если получаешь только обиды, ведь острия битвы лучше принятия обид! [14, с. 193-194].

Проникновение элемента назидания и дидактики в мадх, свидетельством которого являются вышеприведенные отрывки из панегирической поэзии ал-Хурайми и Башшара, в значительной степени является своеобразным отражением сильнейшего влияния этико-дидактической литературы доисламского Ирана на арабоязычную литературу VIII-IX веков, а также того фактора, который Ф.Габриэлиопределил как "присущий иранцам дар к повествовательности и дидактичности" [1, с. 27].

Литература:

1. Габриэли Ф. Основные тенденции развития и литературах ислама // Арабская средневековая культура и литература. – М.: Наука, 1978.
2. Иностранцев К.А. Сасанидские этюды. - СПб., 1909.
3. Фильштинский И.М. История арабской литературы. V- начало X века.- М.: Наука, 1985.
4. Эберман В.А. Ал-Хурейми, арабский поэт из Согда // ЗКВ, т.У.- Л.: Изд-во АН СССР, 1930.
5. Daudpota U.M. The influence of arabic poetry on the development of person poetry. Bombay, 1934.
6. Goldgiher A. Mohammedanischestudien Bd.1-2. Halle, 1889-1890.
7. ابن خلكان. وفيات الأعيان و انتهاء ابناء الزمان. حققه الدكتور احسان عباس. ج.1-8. دار الصادر للطباعة و النشر، بيروت، 1972. ج.2.
8. أبو الفرج الاصفهاني. كتاب الأغاني. ج.20-1. مصور عن طبعة دار الكتب. المؤسسة المصرية العامة للتأليف و الترجمة و الطباعة و النشر.- القاهرة. ج.4.
9. أبو نواس. ديوان. دار صادر للطباعة و النشر. بيروت، 1382-1963م
10. أبو نواس. ديوان. حققه و ضبطه و شرحه أحمد عبد المجيد الغزالي.- القاهرة، 1952
11. الجهشياري. كتاب الوزرا و الكتاب. بتحقيق مصطفى السقاء القاهرة. 1938
12. الخريمي. ديوان. جمعه و حققه علي جواد الطاهر و محمد جبار المعيد. دار الكتاب الجديد. بيروت، 1971
13. الصولي، ابو بكر. اخبار الشعراء المحدثين من كتاب الاوراق لاسى بكر الصولي. عنى بنشره خ. هيورت دن، دار المسيرة. بيروت، 1982

14. بشار بن برد. ديوان. جمع و تحقيق و شرح محمد الطاهر بن عاشور. نشر الشركة التونسية للتوزيع و الشركة الوطنية و التوزيع الجزائر (د.ت.ج. 2).
15. ثعالبي، ابو منصور. شاهنامه شعلي در شرح احوال سلاطين ايران. ترجمه محمود هدايت. تهران 1369
16. موافى عثمان، التيارات الاجنبية في الشعر العربي منذ العصر العباسى حتى نهاية القرن الثالث الهجرى. مؤسسه الثقافة الجامعية. 1973
17. ياقوت الحموى. معجم الادباء. الطبعة الثانية في عشرين جزءا، مطبوعات دار المأمون، القاهرة، 1938-1936. ج 12.

ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИЕ МОТИВЫ В АРАБОЯЗЫЧНОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВЫХ ВЕКОВ ИСЛАМА

В статье рассматриваются вопросы отражения персидско-таджикских доисламских мотивов в панегириках арабоязычной поэзии первых веков ислама. На основе стихотворных свидетельств автор устанавливает такие проявления доисламских персидско-таджикских традиций в панегирической поэзии указанного периода, как образы доисламских царей, визирей, мудрецов, легендарных и исторических героев Аджамы, элементы этикета сасанидского двора и номенклатуры деловых и нравственных норм домусульманского Ирана, а также дидактико-назидательная окраска некоторых мадхов. Автор приходит к выводу, что влияние персидско-таджикских традиций способствовало определенной трансформации номенклатуры традиционных достоинств мамдуха в арабоязычном панегирике VIII-IX вв.

Ключевые слова: персидско-таджикская доисламская литературная традиция, арабская литература, панегирическая поэзия, арабо-иранский литературный синтез, поэтические мотивы.

PERSIAN-TAJIK MOTIFS IN THE ARABIC PANEGYRIC POETRY OF THE FIRST CENTURIES OF ISLAM

The article deals with the reflection of the Persian-Tajik pre-Islamic motifs in the panegyrics of Arabic poetry of the first centuries of Islam. On the basis of poetic evidences, the author determines such manifestation of pre-Islamic Persian-Tajik traditions in panegyric poetry of this period, as the images of the pre-Islamic kings, viziers, sages, legendary and historical characters of Ajam, elements of etiquette of the Sasanian Court and the range of business and ethical standards of pre-Islamic Iran, as well as the didactic-instructive tinges of some Madhs (Odes). The author concludes that the influence of the Persian-Tajik traditions has contributed to the transformation of the nomenclature of certain traditional virtues of Mamdouh (one who is glorified) in the Arabic panegyric of 8-9 centuries.

Keywords: Persian-Tajik pre-Islamic literary tradition, Arabic literature, panegyric poetry, the Arab-Persian literature synthesis, poetic motifs.

Сведения об авторе: Зоҳидов Низомиддин, доктор филологических наук, профессор, первый заместитель министра иностранных дел Республики Таджикистан, e-mail: znsh_57@mail.ru

About author: Zohidov Nizomiddin, Doctor of Philology, Professor, the First Deputy Minister of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan, e-mail: znsh_57@mail.ru

СИМОИ АХМАДИ ДОНИШ ДАР «ЁДДОШТҲО»-И САДРИДДИН АЙНӢ

Муллоев А.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айнӣ

«Ёддоштҳо» дар адабиёти шӯравии тоҷик нахустин асарест, ки воқеаҳои муҳимтарини муборизаи синфӣ ва ҷиҳатҳои гуногуни ҳаёти маънавии нимаи дуюми асри XIX-ро таҷассум намудааст. Дар он ҳодисаву воқеаҳои гуногун тавассути симоҳои зиёд хусусиятҳои муҳими шуури иҷтимоии халқ ва моҳияти замонро ифода менамоянд. Амалиёти персонажҳои гуногун имконият медиҳад, ки таҳаввули ғоявию эстетикаи ҳаёти халқ ҳаматарафа инъикос ёбад. Маҳз, ин хусусиятро ба назар гирифта, «Ёддоштҳо»-ро «энциклопедияи ҳаёти Бухорои асри XIX» меноманд.

«Ёддоштҳо» асари чамъбасти ва комил буда, хусусияти ёддоштию тарҷумаиҳолӣ дорад. Устод Айнӣ дар ин асар як давраи муҳими ҳаёти халқро басо фароҳу доманадор бо лавҳаю манзараҳои бадеӣ ва муносибати шахсиятҳои таърихӣ ба тасвир гирифтааст. Ин аст, ки бунёдкирии халқро дар симои одитарин ва зеботарин одамони нишон дода, манзараҳои ҳудоғӯҳӣ ва бедорӣ иҷтимоиро таҷассум намудааст. Аксар симоҳои дар «Ёддоштҳо» тасвиршуда бо фазлу камолоти инсонӣ мазмуну моҳияти афкори замонро

ифода менамоянд. Чехраи Аҳмади Дониш дар тасвири устод Айнӣ аз намунаи чунин симоҳои таърихӣ мебошад.

Бо эҷод шудани «Ёддоштҳо» дар адабиёти муосири тоҷик дар боби бештар падида омадани фардияти шахсони бузурги эҷодкори таърихӣ, аз ҷумла донишшиносӣ қадами устуворона гузошта, ба насри муосири тоҷик тамоюли тозаии адабӣ ворид гардид. Дар насри таърихӣ шоиру нависандагон, арбобони намоёни илму фарҳанг мавқеи хоса пайдо намуд. Тадқиқи бадеии саҳифаҳои ҳаёти дурахшони халқ, вобаста ба сарнавишти фардҳои барӯманди он ифодагари робита ва идомати наслҳо буда, ёрӣ мерасонад, ки шахс қаробати худро ба халқ, ба таърих ва орзую умеди он эҳсос бикунад ва ормонҳои маънавию асосии ҳар гуна ҷаҳоншиносии илмӣ қарор диҳад. Ин имконият медиҳад, ки ҳасти маънавии халқ, рисолати бузург ва дорои илмиву фарҳангии вай дуруст таҷассум ёбад.

Ба тасвири авзои иҷтимоию фарҳангии замони зиндагии Аҳмади Дониш ва шахсони машҳури он тавачҷуҳ зоҳир намудани Айнӣ бесабаб нест. Дар навбати аввал ин давра тезутинд ва пуризиҷиб буда, барои ҳаёти халқ сарнавиштсоз буд. Нимаи дууми асри XIX дар ҳаёти мардуми аморати Бухоро, пеш аз ҳама, бо авҷи муносибатҳои пуршиддати замони феодалии, муборизаҳои сиёсӣ иҷтимоӣ ва бедории илмӣ фарҳангӣ аҳамиятнок мебошад. Дар ҳамаи давра афкори адабии Дониш ҷиҳатҳои асосии рӯҳияи замон ва инкишофи таърихӣ онро дар бар гирифта, «Наводир-ул-вақоъ»-и ӯ барои равшанфикрон ва аҳли илм таассуроти бузург гузоштааст. Тамоми ҷаҳоншиносии Дониш ба васфи адолат, масъалаҳои тарбиявӣ, танқиди ҳаёти феодалии, мазамамати зулму истибод ва мубориза ба муқобили он нигаронида шудааст. Ин буд, ки гоҷҳои пешқадами вай ба насли минбаъда, махсусан, ба намоёндагони зиёӣ эҷодкор таъсири намоён гузошт ва минбаъд ҳамчун манбаи асосӣ барои шинохти шахсияти ӯ хизмат намуд. Дар ин ҳусус С. Айнӣ ишора карда чунин менависад:

«...вақте ки ман он аҳволи фалокатиштимолро дар мундариҷоти «Наводирулвақоъ» бо тасвири реалӣ- бо тасвире, ки худ дар зиндагӣ дида будам, дидам, ба ман ҳолати дигар рӯй дод. Дар дили худ гуфтам: Ин аҳволро ислоҳ кардан лозим аст. Инкилоби фикрӣ, кам ҳам бошад, дар ман ана ҳамон вақт рӯй дод» [2, с. 446].

Устод Айнӣ дар «Ёддоштҳо» тавассути симои Дониш, пеш аз ҳама, моҳияти гоҷию эстетикӣ эҷодӣ ва ақидаҳои Аҳмади Донишро хотирнишон намуда, рӯҳияи замони зиндагӣ ва шароити таърихиро таҷассум менамояд. Вай дар баробари он ки лаҳзаҳои муҳими «Наводир-ул-вақоъ»-ро мухтасар нақл мекунад, дар зимни ин характер ва ҳислатҳои Донишро низ ба вучуд меорад.

Тасвири беадолатии замон, аҳволи пурмашаққати бечорагон, зулму истибодии ҳокимон ва нафрат доштан ба даврони пӯсидаи феодалии, ки аз мутолиаи «Наводир-ул-вақоъ» барои Айнӣ пайдо шуда буд, дар ҳақиқат инкилоби фикрие буд. Нигориши ҳақиқатнигоронаи Аҳмади Дониш ба Айнӣ тавассути нусхабардорӣ ва шиносии «Наводир-ул-вақоъ» таъсири калон гузошт. Дар ин ҳусус, худи ӯ чунин менависад:

«Шиносии ман бо «Наводир-ул-вақоъ» дар ман танҳо инкилоби фикрӣ бедор карда намонд, балки ба сарам савдои насрнависиро ҳам андохт. Дар ҳамон вақтҳо ман орзу мекардам, ки бояд кас насрнавис шавад ва агар ин мақсад ба даст дарояд, монанди Аҳмад-маҳдум насрнавис шавад, ки воқеаҳо дар пеши хонанда бо забони сода муҷассам кунонида тавонад» [2, с. 464].

Таҳаввули симои Дониш дар «Ёддоштҳо» дар асоси зикри суханони ҳамфикр, ҳаммаслак ва ҳамзамонони ӯ, аз қабиле Садрӣ Сарир, Қозӣ Абдулвоҳид, Ҳомидбеки Ҳомид, Шарифҷон Маҳдуми Садрӣ Зиё, Мулло Амон, Файзибой, Мулло Муҳиддин ва монанди инҳо хеле мукаммалу пурғунҷоии зухур ёфтааст.

Дар «Ёддоштҳо» симои Аҳмади Дониш асосан дар ду боб: «Одами аҷиб» ва «Оби ганда ба хандак» ба таври бадеӣ тасвир шудааст. Махсусан, дар боби «Одами аҷиб» таҳлили амиқи вазъияту ҳолат, вусъатнокии тасвир, зиддиятҳои дохилӣ, шиддати эҳсосот ва фикру андешаҳо дар асоси пурра мувофиқат намудани воқеияти ҳаёти ва тахайюлотии бадеии санъаткор ифода ёфтааст. Мушоҳидаҳои эҷодкор аз тасвири симои зоҳирӣ қаҳрамон, муносибати ӯ бо атрофиён, дар лаҳзаҳои даст ба пеши бар гирифта таъзим кардани амалдорон, дар қатори уламо ба ӯ чомаи банорас пӯшондан, таъҷоҳи русҳо будан ва ба подшоҳи онҳо ҳамсӯхбат шудан, дар даст асои русӣ гирифта гаштан, бо лакнати забонӣ андешамандона сухан гуфтан, ҳамчун мунаҷҷим эътироф шудан, дар деворҳои хона нигоҳ доштани харитаи замин, қурраҳои мусаттаҳи замин ва асбобҳои

гуногуни мусиқӣ, нифоқ ва мунофиқро бад дидан, хоксор, хушмуомила ва донишмандона рафтор намудан иборат буда, аз хотираҳои ҳамзамонон ва тавзеҳоти мундариҷаи осори Дониш бунёд ёфтаанд. Дар натиҷа, ҳақиқати комили воқеияти таърихӣ на ин ки аз пурра рӯбардор кардани лавҳаҳои сарчашмаву маъхазҳо, балки дар асоси ба ҳаёлот бадеии санъаткор ворид шудан, аз он гизо гирифта ба мақсади ғоявӣ тобеъ шудан идрок шудааст.

Дар тасвири симои Дониш устод Айнӣ ба мақсади боварибахш ва амиқ нишон додани симои комили саҳеҳи мутафаккир, пеш аз ҳама, аз дидгоҳи воқеъбинонаи худ ва таассуроти амиқ бардоштан аз осори Аҳмади Дониш ва пас аз он аз хотирот ва маълумоти ҳаммаслакони ҳамзамононаш истифода бурдааст. Ба ин мақсад, дар навбати аввал устод Айнӣ симои зоҳирии Донишро, ки ҳақиқатан ба назари ӯ одами аҷиб ва фавқулода менамуд, ба қалам дода, дар бораи қаду қомат, ҷусса, андом, феълӣ атвор ва мизочи ӯ маълумоти дақиқ ва пурарзиш медиҳад.

«Ин одам, - менависад устод Айнӣ, - қомати баланде дошт, баландии қоматаш ба дараҷае, ки ҷомаи банораси подшоҳии дар тан доштааш баробари зоняш буд... Тани ин одам ба тарзе пурра буд, ки баландии қоматаш ҳис карда намешуд ва ба назар миёнқад менамуд. Гуё дарзии табиат қаду бари ин касро ба як андозаи бисёр муносиб бурида дӯхта буд. Гардани ин кас ҳам мувофиқи қадаш дароз ва муносиби баданаш пурра буд. Аммо сари ин одам аз одат берун калон буд... Рӯи ин шахс сабзина ва пурра буд... ба рӯяш он қадар чинҳои ҳискардашаванда наменамуд. Риши ӯ миёна ва кулӯта /лӯнда/ буда, торҳои сафедаш аз сиёҳиаш бештар менамуд. Ин кас дар даст асои русӣ /палка/ дошт...» [2, с. 263].

Дар баробари ин, дар бораи муҷассамаи ақлу хирад, фавқулодагию ғайриодӣ будани қувваи истеъдоду қобилият, қудрати илму пояи маҳорат ва симои ботинии Аҳмади Дониш осори нодиру гаронмояи худи ӯ, хотироту ёддошти дӯстону муосирони мутафаккир ва нақлу сеҳбатҳои рӯҳониёни ҳамзамонаш ба сифати манбаи боэътимоди эҷоди бадеӣ хизмат намудааст. Махсусан, дар тасвири Айнӣ симои бузурги Дониш дар муносибат бо рӯҳониёни ҷаҳолатпеша ва мутаассибони хурофотпараст хотирнишин мебошад. Ин маънӣ дар лаҳзаҳои таъзимкунон ба ӯ салом додани муллоҳои саройнишин ва ба тарафи онҳо нигоҳ накардани вай, ҳангоми шикоят, ғайбат ва бадгӯиҳои ғаразноку бемантиқи муллоёни ҷоҳилу нодон ифода меёбад.

Яке мегуфт: «Ин кас боз омад, ки имшаб дар хучра бо чинҳояш, бо деу парихояш ва бо шайтонҳояш сеҳбат кунад ва фардо гуфтаҳои онҳоро ба шогирдонаш нақл намуда, онҳоро ҳам монанди худ гумроҳ намояд».

Дигаре мегуфт: «Вай мегуфтааст, ки кадом вақт гирифтани офтоб ва кадом соат гирифтани моҳро ман медонам ва метавонам, ки пешакӣ хабар диҳам... Ғайбдон-ку фақат худо буд, ин бедин аз ғайб хабар доданро даъво карда, худашро ба худо шарик сохта баромадааст».

Чунин шикояту ғайбат ва рашку ҳасади муллоҳо нисбат ба дониши бузурги Дониш бо мақсади инъикос намудани муҳити тираву тор ва зулму бедодгарии мансабдорони аморати Бухоро нигаронида шудааст.

Ин аст, ки муллоёну рӯҳониёни мутаассиб Донишро «аҳли бидъат ва беҳудо», «фаҳрии нолоик», «бедину худобехабар», «кофир», «гумроҳ», «шогирду дӯсти шайтон», «ҷодугар», «сеҳрбоз» ва ғайраҳо ном мебардаанд.

Дониш дар байни чунин шахсон ба таъкиби ноҳақ дучор мегардид. Дар баробари ин, аз ҳаҷви тезу тунд на ақлу хиради баркамолу ӯ атрофиён ва ҳамзамононаш дар ҳарос буданд.

Дониш ба қувва ва истеъдоди худ ҳамеша боварии комил дошт ва дар ҳама вазъияту ҳолат истодагарӣ менамуд. Ин аст, ки ӯро Айнӣ, аз тарафи дигар, ҳамчун «доҳии модарзод», «одами аҷиб», «фавқулода», «ғайриодӣ», «зоти бузург», «як гавҳари ноёб», «бузурғтарин донишманди замон», «алломаи давр», «ситораи тобони уфуқи тираи Бухоро» ва монанди инҳо номида, нерӯи заковатманд, симои мутафаккирона, соҳиби ақлу хирад ва иродаи қавӣ доштани вайро эътироф менамояд. Албатта, ин бесабаб нест.

«Дар тасвири Айнӣ, - қайд менамояд М.Шукуров, - фавқулодагии Аҳмади Дониш на танҳо дар ҷуссаи азим ва бадани маҳками ӯст, балки ӯ муҷассамаи ақлу хирад, қатъият ва азму ирода аст» [4, с. 108].

Дар байни ин ду устоди каломӣ бадеъ ҳамоҳангӣ ва наздикшавии рӯҳияи эҷодӣ ҳис карда мешавад. Гуманизми олий, фалсафаи ҳаётдӯстӣ, ақидаҳои маорифпарвариро

чадидӣ, маърифатхоӣ, андешаҳои амиқ ба муқобили ҷаҳолату нодонӣ шахсияти ҳар ду эҷодкорро барҷаста ва ба ҳамдигар ҳамовоз гардондааст. Чунин алоқамандии ғоявӣ дар афкори адабии онҳо низ мушоҳида мешавад.

Дар ҳамин асос яке аз сарчашмаҳои боварибахши тасвири симои Дониш дар «Ёддоштҳо» мероси адабии ӯ аст. Айнӣ дар «Ёддоштҳо» барои нишон додани шахсияти бузургворонаи Дониш манзараҳои вусъатноки ҳаёти ҷамъиятии садаи XIX-ро дар заминаи тадқиқ қарор додаст. Сухбату мунозираи равшанфиикрон, тарзи зисту зиндагонии мардуми заҳматкаши Бухоро, саргузашт ва рӯйдодҳои, ки шахсан муаллиф шоҳиди он будааст, барои таҷассуми муҳити зист, давр ва симои Аҳмади Дониш кӯмаки беандоза расонидаанд.

Дар «Ёддоштҳо» аксар бобҳои, ки ба Аҳмади Дониш бахшида шудаанд, як навъ хусусияти илмию бадеӣ ё публицистӣ дошта, шарҳи ҳол, фаъолияти адабӣ ва нақли мазмуни баъзе аз бахшҳои осори адабии ӯро дар бар мегирад. Бо вучуди ин, симои Дониш дар асар тавассути тасвири ҳодиса ва воқеоти иҷтимоӣ ва рӯзгору мероси адабии ҳамзамонии ӯ хеле барҷаста ва воқеӣ таҷассум ёфтааст.

Дар баъзе ҳолатҳо аз эҷодиёти ҳуди Дониш мисолҳо оварда, онҳоро ташреҳ додан ва ба баъзе ҳикояҳои ӯ нақиза навиштан /дар мисоли ҳикоя дар бораи як баққоли ҳасис/ ба устод Айнӣ имконият додааст, ки хислату характер, назари зиндагибин ва ҳақиқатнигоронаи Донишро пеши назари хонанда мукаммалу боварибахш таҷассум намоянд. Ба ин хотир, лаҳзаҳои ҳаёту фаъолияти Дониш, ки дар «Ёддоштҳо» тасвир шудаанд, минбаъд ҳамчун сарчашмаи бозғайимод барои дарки ҳамаҷонибаи шахсияти ӯ пазируфта шудаанд.

Бузургии Аҳмади Дониш пеш аз ҳама байни халқи одӣ эътироф шудан буд. Зеро вай дар роҳи бахту саодати мардум ва ҳимояи ҳуқуқи манфиати онҳо ҳамеша мубориза мебард. Бинобар ин дар тасвири Айнӣ шахсияти баркамолӣ ӯ аз ҷониби мардуми одӣ, дар мисоли баҳои Файзибойи ҳалвогар чунин таъкид шудааст:

«-Аҳмади маҳдум одами бисёр бузург буд, бузургии ӯ на аз ҷиҳати муллоиаш, на аз ҷиҳати синну солаш ва на аз ҷиҳати ҷуссааш буд, балки бузургии ӯ дар ин буд, ки ҳар бинанда дар зери салобат ва маҳобати ӯ мемонд ва дар айни замон ӯро бо муҳаббати тамом /на аз тарс/ хурмат мекард. Ӯ бо ин ҳама бузургӣ ва маҳобат ва салобат ба ҳар кас, ҳарчанд хурд бошад ҳам, бародарвор муомила мекард» [2, с. 463].

Ба ҳамин тариқ, дар «Ёддоштҳо» чехраи Аҳмади Дониш боварибахш ва бо роҳҳои гуногун тасвир шудааст. Ин имконият дод, ки минбаъд симои ин донишманди бузург дар муҳити аҳли адаб ҳамчун падари ҷараёни маорифпарварии тоҷик шинохта шавад. Асарҳои ӯ тасвири ҳақиқии ҳаёти воқеӣ, тартиботи нафратовари иҷтимоии Бухорои асри XIX, нуқсонҳои мадраса ва беадолатии замонро дар бар мегирифтанд. Махсусан, дар фаъолияти эҷодии Дониш иртиботи иқтисодиву сиёсии Бухоро ва Русия, муносибат ва мубодилаи ӯ бо намояндагони халқи рус нақши намоён гузоштааст. Ин марҳилаи ҳаёти Дониш танҳо баъди солҳои панҷоҳум мавриди тадқиқи илмию бадеӣ қарор гирифт.

Аз ҳамин сабаб, ҳанӯз дар «Ёддоштҳо» тасвири амиқи характер, рӯҳияву равон, шахсият, афкори адабию эстетикӣ ва маорифпарварии Дониш ба таври васеъ сурат нагирифтааст. Нияти эҷодии устод Айнӣ аз ин иборат буд, ки оид ба фаъолияти эҷодӣ, ҷамъиятӣ, ақидаҳои иҷтимоию сиёсӣ, маорифпарварӣ ва нақши Дониш дар ташаккули минбаъдаи ҳаёти адабӣ асаре эҷод кунад.

Мутаассифона, амалӣ гардонидани ин мақсад бо сабабҳои гуногун ба устод Айнӣ мушарраф нагашт. Новобаста аз ин, хотира ва ёддоштҳои ӯ дар бораи Дониш ҳамчун сарчашмаи муҳими илмӣ ва таърихӣ шинохта шуда, барои нависандагони минбаъда мактаби маҳорати эҷодӣ гардид.

Садриддин Айнӣ дар натиҷаи ҷустуҷӯ ва омӯзиши асарҳои Аҳмади Дониш роҳи муборизаи ӯро аз худ намуда, мактаб ва ташаббус ва муборизаеро, ки Дониш барои ба ҳаёт наздик кардани адабиёт, содагии забон, ба зидди муғлақбаёнӣҳо шуруъ намуд, анҷом дод.

Адабиёт:

1. Айнӣ С. Таърихи инқилоби Бухоро. - Душанбе: Адиб, 1987.
2. Айнӣ С. Куллийет, ҷилди 6- 7. - Душанбе: Нашрдавтоҷ, 1962.
3. Абдусамеди Мулло. Шахсияти эҷодӣ ва чехранигории ҳунари. - Душанбе: Шучоён, 2010.
4. Шуқуров М. Хусувиҷҳои ғоявию бадеии «Ёддоштҳо»-и С. Айнӣ. - Душанбе, 1966.
5. Шуқуров М. Насри реалистӣ ва таҳаввули шуури эстетикӣ. - Душанбе: Ирфон, 1982.

ОБРАЗ АХМАДА ДОНИША В «ВОСПОМИНАНИЯ» САДРИДДИНА АЙНИ

В данной статье описывается образ таджикского мыслителя Ахмада Дониша в автобиографическом произведении Садриддина Айни «Воспоминания». Автор подчеркивает, что эволюция образа Дониша в «Воспоминаниях» совершенно показан на основе слов его современников, из числа Садри Сарир, Кози Абдулвохид, Хомидбеки Хомид, Шарифджон Махдум Садри Зиё, Мулло Амон, Файзибой, Мулло Мухиддин и другие. Беседа и дискуссия интеллигентов, образ жизни трудящиеся Бухары, происшествие и случаи, которые автор был его свидетелем, оказали огромную помощь для воплощения окружающей среды, эпохи и образа А. Дониша. Образ Дониша в произведении заметно и реально представлен путем описания событий и социальной явлений и литературного наследия его современников.

Ключевые слова: Ахмад Дониш, «Воспоминания», Садриддин Айни, Бухара, таджикская литература, лик искусства, реалистическая проза.

AHMAD DONISH'S IMAGE IN THE SADRIDDIN AINI'S "MEMORIES"

This article describes the image of Tajik thinker Ahmad Donish in his autobiographical work Aini "Memoirs". The author underlines that the evolution of the image Donish in "Memoirs" is shown completely on the basis of the words of his contemporaries, from among Sadri Sarir, Kozi Abdolvohid, Homidbeki Homid, Sharifdzhon Makh dum Sadri Ziyo, Mullo Amon, Fayziboy, Mullo Muhiddin and others. Conversation and discussion of intellectuals, lifestyle Bukhara workers, accidents and incidents, which the author was his witness, had a tremendous help for the realization of the environment, and the era of the image A. Donish. Donish's image in the product significantly and realistically presented through descriptions of events and social phenomena and literary heritage of his contemporaries.

Keywords: Ahmad Donish, "Memories", Sadrid din Ayni, Bukhara, Tajik literature, face art, realistic prose.

Сведения об авторе: Муллоев Абдусамад, доктор филологических наук, проректор по научной работе Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: sinojon_2014@mail.ru

About author: Mulloev Abdusamad, Doctor of Philological sciences, vice-rector on scientific works of the Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: sinojon_2014@mail.ru

СААДИ В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПУШКИНА

Ходжаева М. Ю.

Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова

Осмысливая творчество Пушкина, мы наблюдаем постоянный интерес к Востоку, творческое освоение им мира идей и образов Востока, стремление воплотить внутренний мир представителей народов Востока.

В годы учебы Пушкина в лицее в российских журналах публиковалось много произведений Фирдоуси, Саади, Хафиза, Джами и других восточных поэтов.

Как отмечают литературоведы, уже в XVII веке в России были известны первые переводы Саади, о которых наряду с другими книгами восточных авторов упоминает А. Пыпин в «Очерках литературной истории старинных повестей и русских сказок» (1857). Пыпиным здесь называется рукопись, в которую включен и «Бустон» («Персицкий деревенный сад») и «Гулистан» («Персицкий крынный дол») Саади. Сообщаются также сведения о других переводах Саади.

В XVIII веке осуществлен русский перевод «Гулистана» с латинского языка И. Ильинским (1795). Целый ряд переводов из Саади публикуется и в русских журналах «Трудолюбивый муравей» (1771), «Утренний свет» (1778), «Приятное и полезное препровождение времени» (1798) [2, с. 11-12].

В Европе имя Саади было известно уже в XVII веке, когда появился первый анонимный перевод «Бустана» на немецкий язык в «Книге путешествий в Московию и Персию Адама Олеария». Тогда же появились переводы Саади на другие европейские языки.

Косвенным подтверждением того, что Пушкину уже в юности хорошо было знакомо имя Саади, является факт упоминания имени Задига в его письме, адресованном Жуковскому 27-30 декабря 1816 года [1, XVI, с. 429]. В письме имя не

взято в кавычки и упоминается в таком контексте, который подчеркивает, что адресату оно хорошо знакомо. Пушкин, называя это имя, вероятно, имеет в виду самого Жуковского. Это свидетельствует о том, что ему была известна повесть Вольтера «Задиг, или Судьба», в которой французский писатель изобразил самого себя в образе поэта Саади.

Итак, весной 1822 года поэт духовно уже был готов к творческому освоению восточной темы. Этому способствовали и прочитанные книги, и новые жизненные впечатления с друзьями о Востоке, о его людях, их нравах и характерах.

Когда поэма «Бахчисарайский фонтан» в 1824 году, в марте появилась в печати, издатель «Дамского журнала» князь Шаликов мгновенно откликнулся на это событие восторженной рецензией: «Это фонтан, бьющий розовою водою, которая разливает благоухание в чистейшей атмосфере прелестного Востока». Он именовал Пушкина «нашим юным Саади».

Литератор В.Н. Олин называет поэму Пушкина «прелестным феноменом в нашей литературе», «свежим, прелестным и благоухающим цветком русского Парнаса».

Белинский, говоря о стихах поэмы, отмечает, что в ней «поэзия роскошнее, благоуханнее», чем в поэме «Кавказский пленник».

Почему же Пушкин был назван «нашим юным Саади»? Что имелось в виду: восточная тема, к которой обратился поэт, или же автор изречения, взятого Пушкиным в качестве эпиграфа к поэме? На наш взгляд, оба эти фактора сыграли решающую роль в момент, когда князя Шаликова озарила вдохновенная мысль назвать Пушкина «нашим юным Саади».

Ведь именно с Пушкина началось истинное творческое освоение культуры и литературы Востока. Именно Пушкин своими пленительными стихами, в которых каждое слово имеет точное смысловое содержание, впервые в русской литературе показал, как нужно писать о Востоке. Новаторство и традиции Пушкина были подхвачены его современниками и развиты поэтами последующих поколений.

Именно в этой поэме мы встречаемся впервые с героями, характеры которых пусть не в полной мере, но все-таки воплощают тип человека Востока со свойственными ему восприятием жизни и присущим ему мышлением, явившимся результатом многовековых традиций Востока.

Почти всех исследователей привлекал вопрос об эпиграфе к «Бахчисарайскому фонтану». В обширной литературе о поэме утверждается, что Пушкин взял его из «Бустона» Саади. Однако сравнительно недавно, в 1986 году была опубликована статья В.Е. Ветловской «Иных уж нет, а те далече...» исследователь сомневается в том, что эпиграфом к поэме Пушкина послужили стихи из «Бустона» Саади: «Предпочтение скупых строк, будто бы заимствованных из Саади, целой поэме звучит загадочно, если не предположить в них скрытого подвоха и принадлежащего самому Пушкину, как он выражался, «изобретения» [3, с. 104]. В.Е. Ветловская считает, что на самом деле Пушкин взял эпиграф из Цицерона, но вынужден был скрыть это из-за цензурных соображений. В отношении вышеизложенных выводов мы разделяем точку зрения М.Л. Нольмана, назвавшего статью В.Е. Ветловской явным диссонансом на фоне достижений пушкиноведения по проблеме западно-восточного синтеза. Мы также считаем, что автор статьи мог, воспользовавшись своими наблюдениями, прийти к выводу о том, что «обнаруженная Пушкиным перековка Саади и Цицерона была одним из проявлений западно-восточного синтеза в его художественном мышлении» [4, с. 226].

Известно, что сам Пушкин дорожил своим эпиграфом, хотя уже в четвертом издании - в 1835 году ему пришлось снять его. Ради эпиграфа он изменил даже первоначальное название поэмы «Гарем».

В письме он писал: «Эпиграф к нему прелесть» [1, XIII, с. 70]. А в статье 1830 года «Опровержение на критики» с присущей ему скромностью в оценке своего творчества замечал: «...меланхолический эпиграф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» [1, XI, с. 159].

В 1820 году Пушкин, осматривая дворец Бахчисарая, видел фонтан и мавзолей и обратил внимание на надписи, сделанные на фонтане на арабском и татарском языках.

Несомненно, что надписи не могли оставить Пушкина равнодушным. Сильное впечатление должен был произвести на поэта и сам фонтан. «Это не был сноп струй, устремленный ввысь и рассыпающийся брызгами над широким бассейном. Приземистое и грузное сооружение, напоминающее камин, было вделано в стену

полутемного крутого дворика, как небольшая молельня или усыпальница. Оно было сложено из простого камня и окрашено в темную краску. Но спереди этот странный монумент включал в свой мраморный фасад целую систему миниатюрных консолей, под которыми из-под каменной розы тонкими струйками стекла вода на низлежащие выступы, образуя бесконечную водяную вязь и вызывая образ вечного плача. Символ неиссякаемой любви возвещал своим кристалльным узором о безысходности человеческой тоски по утраченному любимому существу. Таков был этот мавзолей, носивший попеременно несколько наименований: Сельсебель, или райский источник, фонтан слез и водомет Марии Потоцкой» [5, с. 76] - так описывает его Л.И. Гроссман.

Итак, мы представляем себе, что фонтан был необычным. Он рождал в душе целую гамму чувств: тоску, печаль, раздумья о бренности человеческой жизни, о ее быстротечности. Созерцание его вместе с осмыслением надписей вызывало в памяти и слова Саади, в которых поэтически сконцентрирована эта мысль.

Пушкинисты не раз отмечали, что эпиграфом к поэме явились стихи Саади из «Бустона» («Плодового сада»). С ними Пушкин мог познакомиться по стихотворным повестям Томаса Мура под названием «Лалла-Рук». Он внимательно читал их и не раз высказывал о них свое мнение. В прозаической части перед повестью «Рай и пери» у Томаса Мура идут слова: «...фонтан, на котором некая рука грубо начертала хорошо известные слова из Сада Саади: «Многие, как я, созерцали этот фонтан, но они ушли, и глаза их закрыты навеки».

Б.В. Томашевский и И.С. Брагинский считают, что Пушкин ознакомился с произведением Томаса Мура во французском переводе А. Пишо, изданном в 1820 году в Париже.

Известный пушкинист А.Ф. Онегин, передавший свою уникальную библиотеку о Пушкине Институту русской литературы, на книге «Бустан», вышедшей на фарси в 1874-1875 годах, упоминая эпиграф Пушкина, дает почти адекватный перевод стихов, которые послужили для него основой:

1. Я слышал, что Джемшед счастливый
2. Над фонтаном на камне написал:
3. У этого источника, подобно нам, многие отдыхали
4. Исчезли (они) подобно морганию глаза...
5. Они покорили мир мужеством и силою.

Но не унесли (его) с собою в могилу [6, с. 122].

Один из авторов гипотезы о том, что цитата Пушкина взята из поэмы «Бустон» Саади, переводчик Саади К.И. Чайкин также с максимальной точностью перевел в 1935 году цитату из «Бустона»: «Я услышал, что благородный Джемшид над некоторым источником написал на одном камне: «Над этим источником отдыхало много людей, подобных нам. Ушли, как будто мигнули очами, т.е. в мгновение ока» [6, с. 122].

Оба перевода, сделанные спустя многие десятилетия после смерти Пушкина, бережно и точно передают слова восточного поэта и мыслителя. Они свидетельствуют и о прекрасном знании фарси и глубоком понимании смысла стихов Саади. В оригинале на фарси они звучат так:

Шунидам, ки Чамшеди фаррухсиришт,
Ба сарчашмае бар санге навишт;
Бар ин чашма чун мо базе дам заданд,
Бирафтанд, чун чашм бархам заданд,
Гирифтанд олам ба мардию зӯр,
Валекин набурданд бо худ ба гӯр.

Приведенные переводы нам представляются весьма точными - ведь Саади хотел подчеркнуть скоротечность времени и человеческой жизни, которая приходит в мгновения ока, едва успеет человек моргнуть глазами. И переводчикам удалось передать эту мысль.

Пушкин мог познакомиться со стихами Саади также и по другим источникам, поскольку, как выше упоминалось, «Бустан» был известен в пору работы поэта над поэмой в переводах на языках, которыми он владел свободно, - на родном ему русском и на французском языке. Толчком для рождения ассоциации между словами Саади об источнике - фонтане и Бахчисарайском фонтане могло послужить созерцание Пушкиным самого фонтана.

Описывая посещение Бахчисарайского дворца (известно, что это было 7 сентября 1820 года), Пушкин в «Отрывке из письма к Д.», написанном в конце 1824 начала 1825 годов, вспоминает: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя фонтаном слез. Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода, я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевает, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище... Но не тем. В то время сердце полно было: лихорадка меня мучила» [1, VIII, с. 238].

Итак, в момент посещения Бахчисарая Пушкин, хотя внешне и казался не слишком взволнованным, поскольку был болен, на самом деле не остался равнодушным. Немногочисленные письма той поры говорят о том, что увиденное не прошло для него бесследно. В марте 1821 года он пишет Дельвигу: «... еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я прерываю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые...» [1, XIII, с. 26].

Итак, с весны 1824 года идет работа над «Бахчисарайским фонтаном», в котором Пушкин делает попытки раскрыть характеры восточных людей.

И характерно, что уже здесь вполне проявляется непостижимый дар Пушкина воображать, проникаться самому, испытывать и заставлять испытывать своих читателей те чувства и переживания, которые чувствуют изображаемые им люди.

Осмысление дальнейших этапов творчества Пушкина, наблюдения над тем, как он творчески осваивал реальную жизнь и культуру Востока, постигал характеры людей, позволяют сделать вывод о том, что воздействие некоторых мыслей и традиций, связанных с восточной литературой, стало на протяжении всей его жизни весьма значительным.

Отмечая это, мы имеем в виду, в первую очередь, эпитафию, который он предпослал «Бахчисарайскому фонтану». Слова Саади оказались для современных поэту читателей очень важными, в них был вложен глубокий подтекст. В какой-то степени они стали символизировать и судьбу декабристов. Как уже упоминалось, в четвертом издании поэмы Пушкин эпитафию снял.

Тем не менее, мысленно он не раз обращался к нему. В черновой редакции стихотворения «На холмах Грузии» (1829) поэт пишет:

Прошли за днями дни – сокрылось много лет,
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья [1, III, с. 723].

Мудрое и пронизанное печалью изречение Саади помогает раскрыть состояние души лирического героя, который с грустью вспоминает «бесценные создания», среди которых и те, кто по воле судьбы далеко от него, и те, кто навсегда покинул этот мир.

Обращение Пушкина к изречению Саади, которое стало восприниматься русской общественностью как свобододолюбивая формула, можно назвать актом истинного гражданского мужества. Благодаря Пушкину, после выхода в свет «Бахчисарайского фонтана» стихи Саади стали широко известными.

В третий раз он упоминает слова Саади в 1830 году, в пору болдинской осени. Строфа, в которую Пушкин включил слова Саади, не только завершает VIII главу, но и весь роман «Евгений Онегин». Прочитав эту заключительную строфу, нельзя не ощутить неизбывной грусти, которую испытывал поэт, не почувствовать трагического одиночества Пушкина, скорбящего от разлуки с дорогими ему людьми, которые много лет назад слушали из уст юного поэта главы романа... Именно слова Саади помогают почувствовать, как тяжело было на его душе от мысли о том, что иные из друзей навсегда покинули сей мир, другие же очень далеко:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал,
Иных уж нет, а те – далече,
Как Саади некогда сказал [1, VI, с. 190].

На протяжении последующих лет после создания «Бахчисарайского фонтана» Пушкин не раз обращался в своих произведениях к восточной тематике. В них он широко использовал ранее обретенные достижения и продолжал поиски новых форм отражения действительности, связанной с Востоком.

Стихотворения «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Виноград», «О дева-роза», «Талисман» и другие имели много общего в своей поэтике, своеобразии поэтических образов. Идейно они были связаны и с поэмой «Бахчисарайский фонтан». Их характеризует новаторство, печать оригинальности, они свидетельствуют об упорном труде поэта на сложном пути поисков и совершенствования «восточного слога».

Как отмечается в пушкиноведении, стихотворения «О дева-роза», «Виноград», «Фонтану Бахчисарайского дворца» создавались в пору работы Пушкина над южными поэмами и «Подражаниям Корану».

В стихотворении «О дева-роза», датированном октябрём 1824 года, Пушкин обращается к традиционным восточным образам соловья, розы и возлюбленной. Не случайно третья строка его в черновике звучала иначе.

Вместо стиха: «И соловей в кустах лавровых» – Пушкин писал: «Бюль-бюль в кустах лавровых».

Главной темой стихотворения является тема безграничной любви, от которой нет спасения. «Я в оковах», – признается поэт, уподобляя свою судьбу судьбе соловья, в сладостной неволе нежно поющего песни.

Однако изучение черновиков говорит о том, что сперва лирический ход, движение в стихотворении было иным.

Первоначально стихотворение начиналось:

Я царь – (но) я в твоих оковах,

(Я) не стыжусь (твоих) оков,

И соловей в кустах лавровых

Пернатый царь лесных певцов [1, II, с. 865].

Четвертый же стих читался:

в первом варианте: Как я – царь певцов

во втором варианте: начало стиха: Как я – поэт.

Отсюда следует, что идея стихотворения сначала была совершенно другой – речь должна была идти о силе поэтического слова, о власти поэта над людьми: «как я – царь...». Эта тема несколько позднее нашла блестящее воплощение в первом «Подражании Корану», датированном сентябрём – ноябрём 1824 года. Не раз предметом исследования было и стихотворение Пушкина «Виноград» [7].

Интересно, что уже первый исследователь стихотворения С. Бобров, как отметил Д. Белкин, предложил геометрический чертеж, который должен был помочь читателю глубже почувствовать мелодию стиха, его звучание.

Характерно, что востоковед И.С. Брагинский, подробно анализируя поэтику этого стихотворения, считает, что в нем используются многие поэтические приемы восточного стиха. Дает он и подробный разбор размера стиха, определяет также жанр стихотворения как кыт'а, одновременно приводя определение термина: кыт'а – это обычно плод раздумья, философский поэтический фрагмент, где мысль выражена аллегорически, иносказательно (маджазан) [8].

Мы разделяем мнение ученого о том, что проводимое в стихотворении Пушкина сопоставление весны и осени перекликается с «противопоставленным друг другу основными произведениями Саади «Гулистан» – «Цветник» весенних роз и «Бустан» – это сад созревших осенью плодов и виноградных лоз» и с его выводом о том, что пушкинское неожиданное осмысление «различия» между «Гулистаном» и «Бустаном» Саади несомненно.

Таким образом, в стихотворении «Виноград» мы наблюдаем творческое использование традиционных восточных образов и – что особенно важно – восточной поэтики.

Ставший уже крылатым прославленный образ «Гулистана» – цветника роз, созданный Саади, получает новое развитие в русской поэзии. Если в черновике стихотворения поэт еще вопрошает:

Зачем жалеть о вешних розах –

Или же еще в одном варианте:

К чему жалеть о ранних розах,

Увявших с легкою весной? [1, II, с. 871],

то в окончательном варианте уверенно звучит:

Не стану я жалеть о розах,

Увявших с легкою весною...

В апреле – мае 1825 года Пушкин, как уже отмечалось, завершил перекомпоновку цикла, «Подражания Корану», а в июле его мыслями и воображением вновь завладел Восток. В черновиках постоянно повторяется эпитет «восточный», который по мере развития лирического хода стихотворения приобретает особый смысл. В первоначальном варианте читаем:

При шуме фонтанов

В ...

Поэт ханов

Восточной песнью оглашал [1, III, с. 674].

Последняя строка была изменена на вариант:

Восточной песнью утешал

В следующей строфе было также:

Низал он хитрою рукой

Хвалы восточной ожерелья [1, III, с. 675].

Еще один вариант ее был такой:

Восточной лести ожерелья

И четки мудрости благой [1, III, с. 676].

Итак, все четыре строфы посвящаются изображению восточного поэта, стихи которого были так желанны ханам.

Несомненно, что эти поэтические образы видением жизни, художественной манерой были близки восточной поэзии.

В одном варианте читаем:

Порой персидской краснобай

Читал

И посетил Бахчисарай [1, III, с. 676].

Первоначально, возможно, у Пушкина была мысль показать любовь Саади к Крыму, к Бахчисараю. Тщательный анализ имеющейся о Саади литературы не подтверждает факта его пребывания в Крыму, хотя, как известно десятилетия своей жизни Саади посвятил путешествиям и исходил многие страны. Но здесь, как верно отмечает М.Л. Нольман, имеется в виду, что стихи Саади были в Крыму широко известны (17). У Пушкина же, и на наш взгляд, Крым, Бахчисарай после работы над «Бахчисарайским фонтаном» постоянно ассоциируются с именем Саади, так же, как у читателей, прочитавших поэму. В черновике читаем:

Крым любил Саади

Порой персидской краснобай

Сюда свои тетради

И навещал Бахчисарай.

В следующем варианте, верный исторической правде, Пушкин уже пишет не о самом Саади, но и о его сынах:

Любили Крым сыны Саади

Порой Татарский краснобай

Свои Таврические (?) тетради

Переносил в Бахчисарай [1, III, с. 676].

Был здесь и вариант «птенцы Саади» вместо «сынов Саади».

Однако, начиная с V-й строфы, в стихотворении начинается противопоставление, и работа над черновиками убедительно свидетельствуют, что в них имеется в виду поэт какой-то «чуждой стороны», хотя и имеющий много общего с «сынами Саади»:

Но ни один поэт восточный

Ни цареградской краснобай

Не вымышлял...

Дальше было много других вариантов и характерно, что все они начинались с союза «но», показывающего, что здесь было задумано противопоставление.

Второй вариант:

Но ни поэт Ширази (?) милый

Третий:

Но ни один рассказчик милый,

Ни Тегеранской краснобай.

Исследуя это стихотворение, пушкинисты немало внимания уделяли вопросу о том, кому оно посвящено.

В обширной статье Н.В. Измайлова [9] о стихотворении содержится целый ряд глубоких наблюдений. Центральное место в ней, как показывает уже само название, занимает вывод о том, что оно посвящено польскому поэту Адаму Мицкевичу. Этот вывод поддержали известные пушкинисты Д.Д. Благой [10], А. Л. Слонимский [11], Б.В. Томашевский [12], Т.Г. Цявловская [13].

Существуют, как известно, еще две версии о том, кому посвящено стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов». Одна из них – о посвящении стихотворения Шота Руставели, выдвинутая М.К. Азадовским [14], сторонников не нашла. Другая же – о посвящении стихотворения Саади, – была выдвинута известным таджикским поэтом Абулкасимом Лахути [15] в предисловии к сборнику переводов стихотворений Пушкина, и поддержана А.З. Розенфельд [16] и М.Л. Нольманом [17]. Данная гипотеза особенно глубоко аргументирована в вышеуказанных трудах М. Нольмана, который считает, что в этом стихотворении и «фонтаны, и Крым, и Бахчисарай, и Гирей – все ассоциировалось в творческом сознании поэта с «Бахчисарайским фонтаном» и эпиграфом к нему из Саади, т.е. с предшествующими произведениями самого Пушкина, а не с «Крымскими сонетами» Мицкевича.

Мы глубоко убеждены, что стихотворение посвящено Саади, о чем свидетельствуют все приведенные выше доводы.

Литература:

1. Пушкин А.С. Полное собр. Сочинений в 16-ти томах, Ленинград, 1937.
2. Гейзер А.Р. Первые встречи. Русская литература XVIII века и Восток. Источники. Посредники. Новые факты.– Берлин–Худжанд, 1998. – С. 11-12.
3. Ветловская В.Е. Иных уж нет, а те далече... // Пушкин. Исследования и материалы, т. XII.- Л.: Наука, 1986. - С. 104.
4. Нольман М.Л. Саади или Цицерон? //Творчество Пушкина и зарубежный Восток. – С. 226.
5. Гроссман Л. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Пушкин. Исследования и материалы, т. III. М.Л.: Изд АН СССР, 1960. – С.76.
6. Цит по кн.: Томашевский Б.В. Пушкин, т. II. С. 122.
7. Белкин Д.И. Пушкинские строки о Персии // Пушкин в странах зарубежного Востока. – с.168-169. Бобров С. Описание стихотворения Пушкина «Виноград» // Пушкин и его современники. Вып. XXIX-XXX, Пб, 1918; Брагинский И.С. Проблема западно-восточного синтеза (стихотворение «Виноград») // Проблемы востоковедения - М.: Наука, 1974. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики.– М., 1965.
8. Брагинский И.С. Брагинский И.С. Проблема западно-восточного синтеза (стихотворение «Виноград») // Проблемы востоковедения - М.: Наука, 1974. – С. 328.
9. Измайлов Н.В. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов») // Измайлов Н.В. Очерки творчества Пушкина.- Л.: Наука, 1976.
10. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830) -М., 1967.
11. Слонимский А.Л. Мастерство Пушкина. М.: 1963..
12. Томашевский Б.В. Работы разных лет. –М.: Книга, 1990.
13. Азадовский М.К. Руставели в стихах Пушкина // Звезда. 1938.– №1.
14. Лахути А. Собр. соч. в 6 томах, т IV.–Душанбе, 1963.
15. Розенфельд А.З. А.С. Пушкин в персидских переводах // Вестник ЛГУ. –1949.–№6.
16. Нольман М.Л. Пушкин и Саади // Русская литература, 1965, №1: Нольман М.Л. Гипотеза Лахути // Памир.–1979.–№4.
17. Нольман М.Л. Гипотеза Лахути. Современные выводы из давней дискуссии // Памир, 1979-№4.–С.54.

СААДИ В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПУШКИНА

Статья посвящена творческому освоению темы Востока Пушкиным и в частности влиянию поэзии Саади на его лирику и поэмы. В ней освещается проникновение восточной тематики в Россию XV111-X1X веков, интерес Пушкина к Востоку. Особо уделяется внимание использованию поэтом в поэме «Бахчисарайский фонтан» эпиграфа из Саади «Иных уж нет, а те далече». Анализируются работы пушкиноведов и их полемика относительно источников ряда восточных стихов Пушкина, в том числе «Фонтану Бахчисарайского дворца», «Виноград», «О дева-роза», «Талисман», «Подражание Корану», «В прохладе сладостной фонтанов».

Останавливаясь на источниках и черновиках Пушкина, автор высказывает свои доводы вокруг последнего стихотворения, укрепляя их вескими аргументами.

Ключевые слова: Восток, восточные поэмы, Саади, пушкинисты, перевод, черновики, источники, полемика, «Бахчисарайский фонтан», эпиграф.

SADI IS IN ON THE FOCUS OF THE CREATIVE LABORATORY OF PUSHKIN

The article speaks about Pushkin's creative exploitation of the East, in general and the influence of Sadi on his lyrics and poems, in particular. The article highlights the penetration of eastern poetry into Russia in the XVIII-XIX centuries and Pushkin's interest in the East. The main focus is given on the use of Sadi's epigraph ("Some are far distant, some are dead") by Pushkin in his poem "Bakhchasaray fountain". There analyzed the works of the pushkinists and their polemics concerning the resources of some of Pushkin's eastern poems such as "Fountain of the Bakhchasaray Palace", "Grapes", "Oh Maiden Rose", "Talisman", "Imitation of Koran", "In the coolness of sweet fountains". Based on the sources and rough copies of Pushkin's works, the author gives his point of view about the last poem confirming it with sound arguments.

Keywords: the East, eastern poems, Sadi, pushkinists, translation, rough copies/drafts, sources, controversy, "Bakhchasaray Fountain", epigraph.

Сведения об авторе: Ходжаева Матлюба Юнусовна, профессор, проректор по науке Худжандского государственного университета имени ак. Б. Гафурова, e-mail: matluba.khojaeva@gmail.com

About author: Khojaeva Matluba Yunusovna, professor, vice-rector on science f the Khujand State University named after academician B.Gafurov, e-mail: matluba.khojaeva@gmail.com

УДК 8И
ББК 83.3 (2)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БАЙРАМ-ХАНА НА ФАРСИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ ФИГУРЫ ТАЛМЕХ

Гафарова З. А.

Худжандский государственный университет имени Б. Гафурова

Мухаммед Байрам-хан (1505-1561) является не только великим государственным деятелем и искуснейшим полководцем империи Тимуридов Индии, но также принадлежит к числу поэтов, оставивший заметный след в мировой истории и культуре. Поэтическое наследие Байрам-хана весьма разнообразно и обладает несомненными художественными достоинствами.

Авторы многочисленных литературно-исторических источников, в том числе тазкире (антологии) периода жизни Байрам-хана, а также более поздних источников и научной литературы подтверждают, что он обладал большим поэтическим талантом как на тюрки, так и на персидском языках [См.: 1, с. 53; 2, с. 190; 6, с. 101; 9, с.49-50; 10, с. 183-184; 11, с. 461-464; 12, с. 124; 14, с. 102; 15, с. 469-471; 16, с. 471-472; 17, с. 263-269; 18, с. 96; 19, с. 72-73; 20, с. 353; 21, с. 46-47].

Сам Байрам-хан восхваляя своё поэтическое мастерство на нахождение редких мыслей и необычайных смыслов пишет:

Ба Байрам назар кун, ки дар мулки маънӣ,

Чу ӯ ошиқи нуктадоне надорӣ [18, с. 92].

Взгляни на Байрама, ведь в стране смыслов (поэтических)

Не встретишь такого тонко разбирающегося в мыслях влюбленного.

Из литературного наследия Байрам-хана до нас дошли два сборника стихотворений – «Персидский диван» и «Туркменский диван», написанные, соответственно, на персидском и туркменском языках. Как сообщает автор «Маасир-е-Рахими» Абдулбаки Нихаванди, при составлении своего труда, где проиллюстрировано 836 строк из творчества Байрам-хана, он использовал рукопись его дивана (1014/1605) из дворцовой библиотеки Великих Моголов [1, с. 60], содержавшей 4 тысячи строк на языках фарси и тюрки.

Однако, поэтическое наследие Байрам-хана сохранилось до наших дней не в полном объёме. Издание персидского и туркменского диванов поэта, подготовленное

вместе Денисоном Россом (Калькутта, 1910) состоит из 1950 строк, что не составляет и половину его творческого наследия. Английский ученый при подготовке дивана Байрам-хана к печати использовал 2 рукописи: 1. Список, переписанный в 1014/1605 году в Джаланпуре для библиотеки Абдурахима Ханиханана; 2. Сборник стихов разных авторов на фарси и тюрки, переписанный в 1554 году ещё при жизни самого Байрам-хана, который содержал все туркменские стихи поэта [22, с.17].

Диван Байрам-хана на персидском и тюрки, подготовленный и изданный пакистанскими учеными Сайид Хисамудином Рошиди, Мухаммад Сабиром и Махмудул Хасаном Сидики (Карачи, 1971), состоит из 2048 строк (1024-х бейтов). Однако, некоторые стихи, включенные и в издание Денисона Росса и в диван, подготовленный пакистанскими учеными, не принадлежат перу Байрам-хана. В том числе, по той или иной причине, вкрались в оба издания дивана Байрам-хана стихи Хумаюна падишаха. Например, поэма - месневи «Фатх-наме» (28 строк), приведенная в конце персидского дивана поэта (4, 38-39), относится перу Хумаюна, который написав его экспромтом, послал Байрам-хану после захвата им Кандагара (См.: 8, 210). Об этом свидетельствуют такие источники, как «Мунтахаб-ут-таварих», «Акбар-наме» и «Тарих-е Ферриште», где автором месневи признаётся Хумаюн. Байрам-хану приписываются также две рубаи на персидском языке, которые обнаружены в диване Хумаюна, которые были адресованы Хумаюном Байрам-хану вместе с месневи «Фатх-наме» [8, с. 210]. Если не учитывать эти 36 строк (28 строк из «Фатхнаме» и две рубаи – 8 строк), ошибочно приписанных издателем Байрам-хану, диван, изданный пакистанскими учеными в 1971 году (Карачи) состоит из 2012 строк.

Г. Алиев в результате исследования выявил некоторое количество новых стихов Байрам-хана, не вошедших в издание Денисона Росса и не включенных Абдулбаки Нихаванди в «Маасир-е Рахими». В том числе, 4 строк четверостишия, приведенные в «Маасир-е Рахими», не содержатся в других источниках. Также, не содержатся в других источниках и 14 строк (10 строк китъа, один фард – 2 строки и начальный бейт касыды поэта, которая полностью ещё не обнаружена) из 48, проиллюстрированных Абдулкадыром Бадауни в «Мунтахаб-ут-таварих» и 4 строк четверостишия (хронограммы), процитированные в «Тарих-е Ферриште» [3, с. 56-57].

В персидский диван Байрам-хана (Карачи, 1971) включены 7 касыд (572 строк), 39 газелей (556 строк), 20 фардов – отдельных двустиший (40 строк), 7 исторических китъа (60 строк), 19 рубаи (76 строк) и месневи «Фатх-наме» (24 строк), которые составляют 1328 строк, из которых, как было упомянуто выше, 36 строки принадлежат Хумаюну. Если исключить эти строки из общего числа творческого наследия Байрам-хана на персидском языке, то количество строк в издании 1971 года составит 1292 строк (646 бейтов).

Учитывая 22 строки, выявленные Г.Алиевым, общий объём поэтического наследия Байрам-хана на персидском языке, дошедшее до нас, складывается из 1314 строк (657 бейтов).

Следует отметить, что при подготовке персидского дивана Байрам-хана С.Х.Рошиди использовал не только издание Денисона Росса (Калькутта, 1910) и рукопись его дивана, хранящегося в Британском Национальном музее (№7510), но и такие источники, как «Маасир-е-Рахими» Абдулбаки Нихаванди (Калькутта, 1925), «Равзат-ус-салотин» Фахри Хирави (Хайдарабад, 1968), «Мунтахаб-ул-лубоб» Хофихона (Калькутта, 1860), «Маасир-ул-умаро» Шахнавазхана (Калькутта, 1888), «Махзан-ул-гараиб» Хошими Синдилави (Лахор, 1968), «Акбар-наме» Абулфазла Аллами, (Калькутта, 1873-1887), «Маколот-уш-шуаро» Мир Алишера Коне'а Татави (Карачи, 1957).

Персидские стихи Байрам-хана посвящены самым различным темам. В своих произведениях он затрагивает социально-политические и философские аспекты современного ему общества. Социальные воззрения Байрам-хана выражаются различными путями и способами. В них мы находим много биографических сведений, мысли воспитательно-морального характера, религиозные мотивы, проповедь гуманистических идей, критику некоторых представителей духовенства, осуждение насилия, лицемерия, изображение природы, жалобы на превратности судьбы, жизненные невзгоды и скитания, воспевание радостей жизни.

Тема любви, которая отражена в основном, в его газелях, занимает ведущее место в творчестве Байрам-хана. Он воспекает реальную любовь, страдает от разлуки с

любимой и т.п. Нужно отметить, что лирические газели Байрам-хана написаны преимущественно в традиционном стиле, однако они воспринимаются как искренние переживания поэта, волнующие читателя своей естественностью. В своей лирике Байрам-хан выступает как певец настоящей земной любви, восхваляет чистоту, искренность в любви, верность, хотя у поэта есть и суфийские стихи, посвященные мистической любви.

В данной статье мы считаем целесообразным рассмотреть некоторые художественные особенности персидского творчества Байрам-хана, которое ещё не изучено так полно, как хотелось бы. Все это и делает актуальной тему исследования.

Следует отметить, что персидская классическая поэзия отличается своими поэтическими фигурами [5] и, не вникнув в художественные приёмы, невозможно правильно истолковать её смысл, а истинное произведение искусства невозможно представить вне художественных средств изображения. Так и Байрам-хан в целях создания поэтических образов, неповторимых словесных эффектов использует всевозможные художественные средства изображений. Он обладал большим талантом в применении поэтических фигур и более всего использовал эпитет (тавсиф), сравнение (ташбех), метафору (истиора), аллегория (киноя), иносказание (маджоз), гиперболу (муболига), каламбур, игру слов (таджнис), аллюзию (талмех). Эмоциональное воздействие художественных произведений поэта непосредственно было связано с тем, насколько мастерски автор использует эти средства, как для самовыражения, так и передачи душевного состояния, надежд и чаяний, мировосприятия.

В творчестве Байрам-хана широко использована стилистическая фигура аллюзия – талмех. Это в художественном произведении намек на реальный политический, исторический, или литературный факт, на действия или состояние какого-либо литературного героя, который должен быть общеизвестным, на содержание пословицы. Особую значимость в творчестве Байрам-хана приобретает система классических талмехов, связанная с героями известных на Востоке классических произведений, таких как Лейли, Меджнун, Хизр, Юсеф, Ферхад, Ширин, и др. Например, посредством аллюзий поэт намерен в своем лице воплотить образ истинного влюбленного и уподобляет себя Меджнуну – олицетворению преданности в любви и безграничной верности:

*Мафтунни лаби лаъли шакарҳои ту бошам,
Мачнунни сари зулфи сумансои ту гардам [4, с. 30].
Очарован твоими алыми сладкими устами,
Буду Меджнунуом твоих благоухающих кудрей.
(подстрочный перевод)*

Для изложения темы любви поэт упоминает не только Лейли и Меджнуна, но и другую пару знаменитых образов влюбленных персидско-таджикской и арабской литератур - Ширин и Фархада. Фархад (здесь упоминается как «кухкан» - каменотёс, безответно и жертвенно полюбивший прекрасную царицу Ширин, по ее просьбе пробил для неё среди неприступных гор оросительный канал и вытесал на скале огромный рельеф. Но Ширин всегда оставалась недостижимой для него и Фархад погибает в огне любви. Поэт намекает на преданность Лейли, которая ценит любовь Меджнуна и Ширин, которая не оценила труд Фархада, и всегда любила Хусрава:

*Пеши Лайли набувад меҳнати Мачнун мачҳул,
Назди Ширин алами кухканаи маълум аст [4, с. 19].
Для Лейли труд Меджнуна не останется неизвестным,
Ширин известны страдания каменотеса (Фархада).
(подстрочный перевод)*

Теме неразделённой любви посвящены многие газели Байрам-хана. В газели с радифом «вновь» (боз) поэт воспеваёт неудачную любовь и тоскует по возлюбленной. Ради любимой поэт переносит трудности, мучения и страдания. В этой газели поэт мастерски опять же использует аллюзию и использует образ Меджнуна, который придаёт его стихотворению большей образности, художественности и эмоциональности. Он сравнивает себя с Меджнунуом, который стал одержимым от тоски любви к прекрасной возлюбленной. Тем самым Байрам-хан выражает степень силы своей любви:

*Байрам, сару сомон маталаб аз мани Мачнун,
К-аз ишки буте бесару сомон шудаам боз [4, с. 21].*

*Байрам, ты не требуй разума от меня - Меджнуна,
Ибо от любви к прекрасной лишен разума вновь.*
(подстрочный перевод)

В творчестве Байрам-хана наблюдается способ использования нескольких видов талмехов. В том числе он широко использовал коранические темы, исторические мотивы и образы, тем самым, усиливая мощь созданных своих образов и доведя до совершенства свое красноречие. Поэт часто обращается к образу Юсуфа [4, с. 10, 18, 26, 28]. Многочисленные стихотворные примеры с указанием на имена пророков, таких как Сулейман [4, с. 4], Адам [4, с. 4], Яхйя [4, с. 4], Муса [4, с. 4], Нух [4, с. 4, 10], Масех [4, с. 4, 5], Джабраиль [4, с. 4, 5, 15], Иса [4, с. 10], Мустафа [4, с. 70], религиозных личностей, таких как Пири Ансор [4, с. 35], Убейда Накшбанди [4, с. 36], на имена царей, таких как Фараон [4, с. 6], Фаридун [4, с. 10], Искандер [4, с. 10], Хумаюн [4, с. 8] Акбар [4, с. 13] и др., соотносённость литературных и религиозных образов с жизненными ситуациями и реалиями окружающей Байрам-хана действительности давали ему возможность по-новому интерпретировать объект художественного изображения, подтверждает роль и значение данной поэтической фигуры в создании новых поэтических образов и мыслей, приобретении глубоких смыслов.

Прямые ссылки в различных формах к хадисам, аятам и сурам Священной книги ислама также выявляют степень мастерства, уровень образованности и мировоззрения Байрам-хана, свидетельствует о знании священного Корана, аятов и комментариев.

Например, Байрам-хан порицая ханжество представителей духовенства и критикуя богачей, обирающих бедняков, в особенности вдов и сирот, приводит хадис «азза ман канаъ», что обозначает «возвеличен тот, кто воздержан»:

*Эй хоча, ки аз пайи чоҳу чалоли хеи,
Бар моли беваҳову ятимон кунӣ тамаъ,
То «азза ман канаъ» шуда нақши нигин туро,
Доранд аҳли фақр зи дасти ту сад чазавъ.
Иzzi ту чун зи хории аҳли қаноат аст,
Он беҳ, ки набвадат ба нигин «азза ман қанаъ» [4, с. 34].*

*Эй хаджа! Ты ради своего величия и славы
Заришься на имущество вдов и сирот.
Ведь на твоём перстне начертано: «Возвеличен тот, кто воздержан»,
А обездоленным причиняешь сотни печалей.
Коль твоё величие покоится на несчастьи бедняков,
Так лучше бы не было начертано на твоём перстне:
«Возвеличен тот, кто воздержан».*

Таким образом, из анализа использования поэтической фигуры талмех Байрам-ханом, вытекает, что он в своих стихах творчески применял выработанные уже его предшественниками данный художественный приём и весь комплекс традиционных средств поэтического изображения. Поэт и сам создавал оригинальные сравнения, метафоры. Он был художником слова и обладал умением искусно употребив поэтические фигуры представить читателям и слушателям новые смыслы в наилучшем и красивом одеянии. Байрам-хан проявляет мастерство в использовании талмех.

Создавая высокохудожественные произведения с глубоким идейным содержанием, Байрам-хан, бесспорно, внёс свой достойный вклад в жанрово-стилевом и идейно-эстетическом обновлении персоязычной литературы Индии XVI века и открыл в ней ещё одну яркую страницу. Его мастерство в использовании художественных средств, образно видеть и отражать окружающую действительность подтверждает ценность творчества поэта как важного источника для изучения поэтики, риторики, средневековой персидской литературы.

Литература:

1. Абдулбаки Нихаванди, Маосири Рахими / Составитель текста Мухаммад Хидоят Хусайн. – Т.1-3. Н. Абдулбаки. - Калькутта, 1924-1931. (на фарси)
2. Абдулкадир Бадауни, Мунтахаб-ут-таворих. – Т.3. / А. Бадауни. – Калькутта, 1869. (на фарси).
3. Алиев, Г.Ю. Байрам-хан, туркменский поэт. Г. Ю. Алиев. – Ашхабад, 1969.

4. Байрам-хан, Ханиханан. Диван на фарси / Составители текста Саййид Хусамуддин Рошиди, Мухаммад Сабир и Махмудул Хасан Сидики. - Карачи. / Байрамхан. - 1971. (на фарси)
5. Зехни, Туракул. Искусство слова (Санъати сухан). / Т. Зехни. – Душанбе, 2007. – (на таджикском).
6. Конев Татави, Мир Алишер. Маколот-уш-шуаро / Составитель текста, автор предисловия и примечаний Саййид Хусамуддин Рошиди. / К. Татави. - Карачи, 1957. (на фарси)
7. Кудратуллох Гупомуи, Мухаммад. Натоидж-ул-афкор. / К. Гупомуи– Бомбай, 1336. (на фарси)
8. Наби Хади, Историческое значение дивана Хумаюна и Камрана. – Наби Ходи. Сборник статей. / Н. Хади– Хайдарабад, 1956. - С. 205-213. (на фарси)
9. Озар, Бекдили. Лутфалибек. Оташкада / Составитель текста Саид Джафар Шахида. / О. Бекдили - Тегеран: Китооб, 1337. (на фарси)
10. Рахмонали, Тазкираи уламои Хинд. / Рахмонали - Лакхнав, 1914. (на фарси)
11. Розы, Амин Ахмад. Хафт иклим / Составитель текста Джаввод Фозил. / А. А. Розы. - Т.1. – Тегеран (в 3-х томах). (на фарси)
12. Рой, Лакхнави. Офтоб. Ряз-ул-орифин / Составитель текста, автор предисловия Саййид Хусамуддин Рошиди. /– Т.1. Р. Лакхнави - Исламабад, 1977. - 524 с. (на фарси)
13. Саид, Нафиси. История поэзии и прозы в Иране на фарси до конца десятого века на хиджри. В 2-х томах. – Т1. / С.Нафиси - Тегеран, 1363. (на фарси)
14. Саид, Нафиси. Жизненная среда, биография и творчество Рудаки. / С.Нафиси. - Душанбе: Пайванд, 2008. (на таджикском)
15. Сафо, Забехулло. История литературы в Иране. / С. Забехулло.– Тегеран, 1373.- Т.5/1. – С.1-635. (на фарси)
16. Фаришта, Мухаммадкасим. Таърихи Фаришта.– Т.1. / М. Фаришта.– Лакхнав: Нувал Кишор, 1905. – 376 с. (на фарси)
17. Фаришта, Мухаммадкасим. Таърихи Фаришта. - Т.2. / М. Фаришта. – Лакхнав: Нувал Кишор, 1905. – 420 с. (на фарси)
18. Фахри Хирави. Равзат-ус-салотин / Составитель текста Саййид Хусамуддин Рошиди. / Ф. Хирави. – Хайдарабад, 1968. (на фарси)
19. Хасанхон, Саид Али. Субхи гулшан. / Х. А.Саид. - Бхопал, 1295. (на фарси)
20. Хошими Синдилави, Шайх Ахмад Алихон. Махзан-ул-гаройиб / Составитель текста Мухаммад Бокир. Т.1. / С. Хошими, Ш. А. Алихон. - Лахор, 1968 (на фарси).
21. Шафик, Лачхми Нарайин. Шоми гарибон / Составитель текста Мухаммад Акбариддин Шафики. / Л. Н. Шафик.– Карачи, 1977. (на фарси)
22. Mahmudul Hasan Siddiqi. Introduction. – Divan of Bayram Khan edityd by S.Husamuddin Rashdi, Muhammad Sabir. / М.Н. Siddiqi. – Karachi, 1971. - P.1-19.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БАЙРАМ-ХАНА НА ФАРСИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИМ ФИГУРЫ «ТАЛМЕХ»

Мухаммед Байрам-хан (1505-1561) является не только великим государственным деятелем и искуснейшим полководцем империи Тимуридов Индии, но также принадлежит к числу поэтов, оставивший заметный след в мировой истории и культуре. Он обладал большим поэтическим талантом как на тюрки, так и на персидском языках. Поэтическое наследие Байрам-хана весьма разнообразно и обладает несомненными художественными достоинствами.

В статье отмечается, что персидские стихи Байрам-хана посвящены самым различным темам. Тема любви занимает ведущее место в творчестве Байрам-хана. В своих произведениях он затрагивает также социально-политические и философские аспекты современного ему общества. Социальные воззрения Байрам-хана выражаются различными путями и способами.

В творчестве Байрам-хана широко использована стилистическая фигура аллюзия – талмех. Особую значимость в творчестве Байрам-хана приобретает система классических талмехов, связанная с героями известных на Востоке классических произведений, таких как Лейли, еджнун, Хизр, Юсеф, Ферхад, Ширин, и др. В творчестве Байрам-хана наблюдается способ использования нескольких видов талмехов. В том числе он широко использовал коранические темы, исторические мотивы и образы. Прямые ссылки в различных формах к хадисам, айатам и сурам Корана также выявляют степень мастерства, уровень образованности и мировоззрения Байрам-хана, свидетельствует о знании Корана, аятов и комментариев.

Ключевые слова: Мухаммед Байрам-хан, Тимуриды Индии, персоязычная литература Индии, XVI век, поэтическая фигура “талмех”.

CREATIVE HERITAGE OF BAYRAM-KHAN IN FARSI AND USE THEM POETIC FIGURE "TALMEH"

Mohammad Bairam-khan (1505-1561) was not only a great statesman (politician) and skillful commander of the Timurid Empire in India, but also belongs to the poetry, who left a trace on global history and culture. He had a great poetic talent as in Turki (chaghatai) and Persian languages. Poetic legacy Bairam-khan is very various and has an undoubted artistic merit.

The article notes that Persian poetry Bairam-khan devoted to various topics. The theme of love is a main in the work of Bairam-khan. In his works, it affects the socio-political and philosophical aspects of contemporary for him society. Social attitudes of Bairam-khan expressed in different ways and means.

Stylistic figure allusion - talmeh is widely used in the work of Bairam-khan. Of particular importance in the work of Bairam-khan takes on classic talmehov system due to the heroes of the East known classical works, such as Leyla, Majnun, Khizr, Youssef, Farhad, Shirin, and others. In the work of Bairam-khan, there is a method of using several types of talmehov. In particular, it is widely used Quranic themes, historical motifs and figures. Direct links in various forms to the Hadith, ayat and suras of the Holy Book of Islam also reveal the degree of skill, education and world view of Bairam Khan, shows knowledge of the Holy Quran, verses and comments.

Keywords: Mohammad Bairam-khan, Timurid Empire in India, Persian literature of India, XVI c., poetic figure «talmeh».

Сведения об авторе: Гаффорова Замира Абдуллоевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом восточной культуры Института гуманитарных наук Худжандского государственного университета имени академика Б.Г.Гафурова, E-mail: zamira_g6767@mail.ru

About the author: Gafforova Zamira Abdulloevna, doctor of philological sciences, professor, the head of eastern culture department at the Institute of Humanities, Khujand State University named after academician B.G.Gafurov, E-mail: zamira_g6767@mail.ru

УДК 8И(03)
ББК 83,3(0)3

БЕДИЛШИНОЌ ДАР ТОЧИКИСТОН

Гаффорова У. А.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б.Гафуров

БедилшиноЌ дар Тоҷикистон ба замоне пайванд мегирад, ки мактаби пайравони Бедил дар ҳавзаи Фароруд ба миён омада, дар шаҳрҳои калонтарини ин ҳавза - Самарқанду Бухоро ва Хучанду Фарғона маҳфилҳои бедилҳои ба зухур расидаанд. Бештари мардум дар ҷойхонаҳо, ҷойҳои муайян, хонаҳои аҳли илму адаб ҷамъ омада, бедилҳои мекарданд ва ҳамзамон ба шарҳу басти ашъори Бедил машғул мешуданд.

Адабиётшиноси тоҷик Н. Нурзод моҳияти ин маҳфилҳоро ҳамчун ҷараёни маҳсули бедилшиноЌ баррасӣ намуда, менависад, ки "Бехтарин намунаҳои ин ҷараёнро дар таълифоти шоирону нависандагони дасти аввали мактаби пайравони Бедил - Зуфархон Ҷавҳарӣ, Нақибхон Туғрал, Аҳмади Дониш ва дигарон метавон бозҷӯй кард. Дар қанори истиқболи шеваҳои хоси сабки Бедил ин шуаро ва адибон дар тавзеҳи ашъори Бедил қадамҳои собит бардоштанд ва гуфтан мумкин аст, ки ба шурӯҳи мактуби осори Бедил асос гузоштанд. Аҳмади Дониш аз нахустин қасонест, ки дар тафсир ва шарҳи чанд байти Бедил ҳиммат ғумоштааст. Зуфархон Ҷавҳарӣ бошад бар ду байти Бедил шарҳ навишта, ки аз он яке ба назм нигошта шудааст» [7, с. 98-99].

Ба қавли устод С. Айни, ки чунин маҳфилҳо то солҳои наздик дар шаҳрҳои бузурги Фароруд аз ҷумла Хучанд, идома доштанд [1, с. 110].

Баъдан, дар асри XX ҳам шиноҳти Бедил дар Тоҷикистон бо шеваи дигаргуна давом кард, ки метавон аз нахустин қӯшишҳои устод Садриддин Айни, бунёдгузори адабиёти муосири тоҷик дар ҷодаи бедилпажӯҳӣ ёдовар шуд. Аввалин мақолаи ӯ оид ба эҷодиёти Бедил дар маҷаллаи «Шарқи сурх» ба таърифи расид [3]. Мавсуф рисолае бо номи «Мирзо Абдулқодири Бедил»-ро ба қалам овард, ки дар миёнаҳои асри мазкур ба дасти ҷоп расида, нахустин тадқиқоти муфассал дар адабиётшиносии тоҷик роҷеъ ба замони зиндагӣ, рӯзгору осор ва арзишҳои ҳунариву маъноии ашъори Бедил маҳсуб мешавад.

Устод С.Айнӣ дар ин асар чараёни зиндагии Бедилро дар асоси осори худӣ ва дигар маъхазҳои адабию таърихӣ фароҳам овардааш барқарор намуда, осор ва афкори ӯро дар алоқамандӣ бо замон, ҳаёти сиёсӣ иқтисодӣ ва ақоиди иҷтимоии замонаш тадқиқ менамояд. Дар охири асар С.Айнӣ аз осори Бедил намунаҳои зиёде оварда, ҷойҳои мушкилфаҳми онҳоро тавзеҳ додааст [1].

Сабаби асосии ба омӯзишу тадқиқи ҳаёт, эҷодиёт ва сабки нигориши Бедил ба таври ҷиддӣ машғул шудани С.Айнӣ, агар аз як тараф, ба мароқи махсус зоҳир намудани ӯ ба афкори нисбатан пешқадами иҷтимоӣ, ахлоқию фалсафӣ, бадеию эстетикӣ ва санъати олии назми шоири тавоно алоқаманд бошад, аз тарафи дигар, ба шӯҳрати ниҳоят зиёд ёфтани осори ӯ дар миёни мардуми Осиёи Миёна ва пайрави услуби вай гардидани қариб ҳамаи адибони тоҷик (аз нимаи асри XVIII то ибтидои асри XX) саҳт вобаста мебошад. Ба ибораи дигар, матлаби С.Айнӣ аз таълифи ин асар ҳал намудани яке аз масъалаҳои хеле муҳими адабиётшиносии тоҷик – баён кардани хусусиятҳои асосии мероси адабӣ ва сабки Бедил, ҳамчунин муайян кардани доираи адабӣ ва сабабҳои нуфузу интишори осору услуби ӯ дар адабиёти тоҷик будааст.

Сониян, таҳқиқоте мухталифе аз ҷониби пажӯҳишгароне дигар дар шакли мақолаву нигоштаҳои мухталиф ба қалам омаданд. Ҳамзамон, дар Тоҷикистон муҳаққиқоне чун Холида Айнӣ, Кароматулло Олимов, Бобобек Раҳимӣ, Бахтиёр Ҳамдамов, Мирзо Одина, Нуралӣ Нурзод, Насиба Содикова ва ғайра рисолаҳои ҷудогона дар риштаи бедилпажӯхӣ интишор намуданд. Аз ҷумла, ин ҷо метавон аз китоби «Шарҳи шаст ғазали Бедил»-и Бобобек Раҳимӣ ёдовар шуд, ки тавзеҳи маъонии шаст ғазали Абулмаъониро фаро мегирад [9]. Ҳамзамон, китоби дигари ин донишманди тоҷик бо номи «Ошноӣ бо Бедил» дар соли 2009 ба ҷоп расид, ки маҷмӯаи мақолаҳои муаллифро роҷеъ ба масоили мухталифи шинохти рӯзгор, осор ва вежагиҳои ашъори ин суҳанвари мумтоз дар бар мегирад [9].

Китоби Мирзо Одина бошад, шарҳи 20 ғазали Бедилро бо назардошти тавзеҳи калимаву ибораҳои мустаъмал дар ашъори шоир фаро мегирад. Рисолаи Бахтиёр Ҳамдамов «Савмаи маърифат» дар бораи таъсири андешаҳои ирфонии Бедил ва зумрае аз шоирони нимаи дувуми асри нӯздаҳи Мовароуннаҳр баҳс менамояд. Таълифоти Кароматулло Олимов ва Насиба Содикова бештар дидгоҳҳои фалсафии Бедилро ифода кардаанд. Нигоштаҳои илмии Кароматулло Олимов дар ҷанд мақола ифода ёфтаанд, ки дар китоби маҷмӯаи мақолаҳои эшон «Баррасиҳо дар тасаввуф» ҷой гирифтаанд. Рисолаи доктории Насиба Содикова бошад, таҳти унвони «Афкори фалсафии Бедил» бо забони русӣ нашр шудааст. Мақолаи профессор Замира Ғаффорова таҳти унвони «Бедил дар сафинаи Хушгӯ» дар фаслномаи «Қанди порсӣ» дар Ҳинд ба нашр расидааст, ки ҷойгоҳи ин шоири бузургро дар ин таъкираи маъруфи сарзамини Ҳинд фаро мегирад.

Ба қалами Нуралӣ Нурзод ду китоб ва бештар аз 50 мақолоти илмӣ мутааллиқ ҳастанд, ки талошҳои ҷандинсолаи муаллифро дар мавриди шинохти Бедил, андешаву афкор, сабку салиқа ва масоили дигар ифода карда, дар ин росто бедилпажӯхӣи кишвари Тоҷикистонро бо диду шеваи нав муаррифӣ менамояд. Рисолаи илмӣ муаллифи мазкур таҳти унвони «Фурӯғи фитрати маънӣ» ду маротиба, аввал соли 2002 ва баъдан соли 2008 бо таҷдиди назар ва илҳоқи ҷанд пажӯҳиши дигар ба нашр расидааст. Ин рисола пеш аз ҳама масоили назарии маърифати ашъори Бедил ва таърихчаи шарҳнависиро ба осори ин суҳанвари бузург фаро мегирад. Ҳамзамон дар нашри ҷадиди китоб масъалаҳои марбут ба пайванди Бедил бо пешиниён ва таъсири ӯ ба шуарои баъд аз хеш ҷой гирифтаанд. Як идда мақолоти марбут ба бедилшиносии Н. Нурзод масоили сабку забон, ҳунари шоирӣ ва ҷилваҳои андешаҳои ирфонӣ, вижагиҳои забонии ашъори шоирро фаро гирифтаанд, ки дар маҷмӯаҳои мақолаҳои илмӣ ва маҷаллаҳои илмӣ кишварҳои Тоҷикистону Эрон, Русия, Бангола, Қазоқистон рӯи ҷоп омадаанд. Роҷеъ ба масоили назарӣ ва амалии шарҳнависӣ бар ашъори Бедил муҳаққиқ китоби тозае ба унвони «Шарҳи мушкилоти Девони Бедил» низ таълиф намудааст, ки бахше аз он дар маҷаллаи илмӣ Донишгоҳи давлатии Хучанд «Номаи донишгоҳ» ва ҳамзамон дар нашри дувуми китоби «Фурӯғи фитрати маънӣ» ба унвони «То фарози қуллаи маърифат» ва ҷанд маҷмӯаи илмӣ дигар ба унвони мақолоти ҷудогона ба дасти ҷоп расидааст [7, с. 181-196]. Ҳамчунин дар фаслномаи «Рӯдакӣ»-и Ройзании фарҳангии Сафорати Ҷумҳурии Ислонии Эрон дар Тоҷикистон мақолаи дигари муаллиф ба унвони «Аз мактаби Саъдӣ то мактаби пайравони Бедил» рӯи ҷоп омадааст. Самти дигари пажӯҳишҳои анҷомдодаи муҳаққиқро мабоҳисе дар робита ба таъсири Бедил аз

рӯзгори хеш то замони мо ба вучуд овараданд. Қисмате аз нигоштаҳои дар ин чода ба поёнбурда дар чандин маҷмӯаҳои илмии донишгоҳӣ ва маҷаллаҳои кишвар ба дасти чоп расидаанд. Силсилаи тадқиқоти марбут ба таъсири Бедил ба шеърӣ муосири тоҷик анҷомдодаи Н. Нурзод дар маҷмӯаи мақолаҳои илмии ӯ бо номи “Парниёни сабзи андеша” ҷой гирифтааст, ки дар онҳо масоили асари афкор ва ашъори Абулмаонӣ ба суҳанвароне чун Садриддин Айни, Қутбӣ Киром, Фарзона, Суруш, Гулноз ва дигарон баррасӣ гардидаанд.

Ёдовар бояд шуд, ки Нуралӣ Нурзод дар кунгураҳои дувум (2006) ва сеवуми байналмилалии «Урси Бедил», ки дар Техрон (2008)-и бо эҳтимоми Конуни адабиёти Эрон ва бунёди байналмилалии Бедил баргузор гардидаанд, ширкат варзида, дар мавзӯи «Мақтаби пайравони Бедил ва таҳаввули сабки ҳиндӣ дар адабиёти форсии Фароруд» суҳанронӣ кардааст. Дар ин мақола масъалаи таъсири Бедил ба андеша ва сабку салиқаи шоирони форсигӯи Фарорудони баъд аз Бедил, ба андешаву шеваи баёни ин шоири бузург ба ашъори шоирони муосири тоҷик, аз ҷумла Фарзона, Суруш, Гулноз, Озарахш, Шаҳноз ва дигарон баррасӣ гардидааст.

Дар канори ин, гурӯҳи дигари тадқиқот дар заминаи китобу мақола ва рисолаҳои роҷеъ ба Бедил анҷом ёфтаанд, ки дар осори марбут ба сабки ҳиндӣ ва таърихи адабиёти тоҷик ҷой доранд. Аз ҷумла, дар китоби «Таърихи адабиёти тоҷик дар асрҳои XVI-XIX», ки ба қалами гурӯҳи муаллифон бо роҳбарии адабиётшиноси фақид Расул Ҳодизода ва дигарон тааллуқ дорад, дар робита ба нақши Бедил дар густариши сабки ҳиндӣ мулоҳизаҳо иброз шудаанд. Ҳамчунин ин муаллиф дар рисолаи илмии хеш таҳти унвони «Аҳмади Дониш» баҳши ҷудонаеро ба унвони «Аҳмади Дониш ва Бедил» ихтисос дода, дар мавриди таъсири андеша ва афкори Бедил ва шеваи нигоҳи ӯ дар осори мансур ба сабки таълифоти Аҳмади Дониш ва ҳам ашъори вай андешаҳои худро баён доштааст. Баробари ин, дар кишвари Тоҷикистон силсилаи китобҳои таҳқиқотӣ аз ҷониби адабиётшиносон Усмон Каримов, Мирзо Муллоаҳмадов, Зоҳир Аҳрорӣ, Абдулманнон Насриддинов, Носирҷон Салимов, Замира Ғаффорова ва дигарон ба қалам омадаанд, ки ҳарчанд дар онҳо баҳси асосӣ тадқиқи мероси Бедил нест, вале ин муҳаққиқон дар заминаи ибрази андешаҳои ӯ дар бораи сабки ҳиндӣ, адабиёти форсу тоҷик дар замони Бедил, тазкираҳои дар ин давра ба қаламомада ва ғайра ба андеша, афкор, сабки таълиф ва мероси адабии Бедил ишорат намудаанд.

Баҳши дигари бедилшиносӣ дар Тоҷикистон ба нашри осори Бедил марбут аст, ки ҳам нахуст ба ибтикори устод Айни бо ҳуруфи сириллик дар кишвари Тоҷикистон шурӯъ гардид. Дар ҳошияи ҳамон рисолаи эшон намунаҳои муҳталифе аз анвои осори Абулмаонӣ ҷой дошт. Дар канори ин, баъдтар рубоиёти Бедил аз ҷониби Б. Раҳимӣ таҳия гардид [9]. Девони ғазалиёти шоир бо эҳтимоми шоири фақиди тоҷик Қутбӣ Киром дар се ҷилд нашр гардид. Девони ғазалиёти Бедил дар як муҷаллад ва дар як ҷилди дигар маснавиҳои Бедил аз ҷониби бедилпажӯҳи тоҷик Бобобек Раҳимӣ таҳия ва нашр гардид. Рубоиёти Бедил ҳам басурати китоби ҷудогона бо эҳтимоми ин пажӯҳишгари тоҷик интишор ёфтааст. Аммо ёдоварӣ бамаврид аст, ки имрӯз бо он ки қисмати асосии осори Бедил дар Тоҷикистон ба нашр расидааст, аммо ниёзе ба нашри ҷадиди девони шоир мавҷуд аст, чун ҳанӯз он нашрҳои мавҷуда ниёзҳои хонандагони тоҷикро ба анҷом расонида наметавонанд. Боварии комил дорем, ки дар ин самт низ минбаъд корҳои муайяне ба сомон хоҳанд расид.

Адабиёт:

1. Айни С. Мирзо Абдулқодири Бедил / С. Айни.- Сталинобод: Нашр.дав.тоҷ., 1957.-340 с.
2. Айни С. Мирзо Абдулқодири Бедил ва эҷодиёти ӯ / С. Айни // Шарқи сурх. – 1946. - №7. – С. 26-38.
3. Айни С. Мирзо Абдулқодири Бедил ва эҷодиёти ӯ / С. Айни // Шарқи сурх. -1947. - №1. – С. 35-40.
4. Айни С. Мирзо Абдулқодири Бедил ва эҷодиёти ӯ / С. Айни // Шарқи сурх. - № 2 – 3. С. 27-33.
5. Аз рубоиёти Мирзо Абдулқодири Бедил. Ба чоп тайёркунанда М. Раҳимӣ // Шарқи сурх. 1958.-№8. –С. 137-144.
6. Нурзод Н. Парниёни сабзи андеша / Н. Нурзод.-Хучанд: Меъроҷ, 2014. - 308 с.
7. Нуров Н. Фуруғи фитрати маънӣ / Н. Нуров. –Хучанд: Нури маърифат, 2008.
8. Маҷ. Шарқи сурх. – 1947.- №1; 1948, №7.
9. Раҳимӣ Бобобек. Ошноӣ бо Бедил.- Душанбе: Деваштич, 2009.- 568с.

БЕДИЛОВЕДЕНИЕ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Статья посвящена истории изучения жизни и творчества Мирзы Абдулкадира Бедил в Таджикистане. В ней рассматриваются исследования таджикских литературоведов и философов, таких как Садриддин Айни, Холида Айни, Кароматулло Олимов, Бобобек Рахимов, Мирзо Одина, Замира Гафарова, Нурали Нуров, Насиба Содикова, Бахтиер Хамдамов и т.д. Автор анализирует следы влияния индийского стиля и поэзии Бедил на поэзию представителей таджикской классической и современной литературы, таких как Фарзона, Гулноз, Озарахш, Суруш, Шахноз. Автор также упоминает об изданиях литературного наследия Бедил в Таджикистане.

Ключевые слова: Бедил, персидско-таджикская поэзия, бедиловедение, комментарии, язык, индийский стиль, современная таджикская литература, поэтическое мастерство, последователи.

THE BEDILIANQ IN THE TAJIKISTAN

The article is devoted to the history of the study of life and work of Mirza Abdulkadir Bedil in Tajikistan. It deals with the study of the Tajik literary critics and philosophers such as Sadriddin Ayni, Kholida Ayni, Karomatullo Olimov, Bobobek Rahimov, Mirzo Odina, Zamira Gafarova, Nurali Nurov, Nasiba Sodikova, Bakhtiyor Hamdamov, etc. The author analyzes the traces of the influence of Indian style and poetry of Bedil on poetry of representatives of the Tajik classical and modern literature such as Farzona, Gulnoz, Ozarakhsh, Surush, Shanoz. The author also notes about the publications of the literary heritage of Bedil in Tajikistan.

Keywords: Bedil, Tajik- Persian poetry, Bediliana, comments, Language, Indian style, modern tajik literature, poetic skill, follows.

Сведения об авторе: Гафорова Умеда Абдуллоевна, доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук Худжандского государственного университета имени академика Б.Гафурова, e-mail: umedagafari1@mail.ru

About the author: Gafforova Umeda Abdulloevna, doctor of philological sciences, professor, the director of Institute of humanities at Khujand State University named after academician B. Gafurov, e-mail: umedagafari1@mail.ru

ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. ТОЛСТОГО НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК В 50-60-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Рустамова Г. Р.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Исследования переводов произведений Л. Толстого на таджикский язык, вопросов плодотворного влияния его опыта на таджикскую прозу представляет большую научно-теоретическую и практическую значимость. Л. Толстой по выражению Джалола Икрами, «Старейшина мастеров слова» продолжает оставаться вершиной художественной культуры всего человечества. За последние годы культура и мастерство перевода с русского на таджикский язык поднялись на более высокую ступень. Многочисленная литература о Толстом, создана, в основном, литературоведами и историками в конце XIX - начале XX веков. В литературных и просветительских связях таджикского и русского народов произведения Льва Николаевича Толстого являются дидактическими произведениями и педагогической деятельностью в их отношении к назидательным традициям персидско-таджикской литературы. Достаточно обратиться в этой связи к ряду примеров из «Русских книг для чтения» в 4-х частях, из «Мудрых слов на каждый день» или «Азбуки» Л. Толстого, а в последующем творческого переложения частей. Из них Абдукадыр Шакури использовал для своего учебника «Джомеъ-ул-хикоёт» («Собрание рассказов») в начале XX века. Знакомство таджикского народа с именем и творениями Толстого берет начало с конца 50-х годов XIX века. Знакомство творчества писателя проходило посредством других языков, т.е. переводами на персидский и турецкий языки, которые издавались в Иране, Турции, на Кавказе. Книга для чтения Р. Афандизода «Басират-ул-атфол», Саид Ширвани «Хазоин –ул-атфол», М. Наримонова «Насихат-ул-атфол», «Новый персидский метод» (Усули

чадиди форсӣ) С. Валибоева и «Гулшани адабиёт» Абдулло Шаик, которые издавались в 1882, 1896, 1902, 1907, 1910 годы в Тегеране, Истанбул, Тифлисе, Ереван и Баку, охватывали свыше 80 малых рассказов Толстого в переводе на персидский и турецкий языки [4, 214-216]. Изучение произведения Толстого в советское время началось в конце 20-х годов, когда отмечалось 100 – летия со дня рождения писателя. Тошматов Р. в статье «Любимый писатель Таджикистана» отмечает, «народы Средней Азии, в том числе таджикский народ с произведениями великого русского писателя Л. Толстого впервые познакомился лишь после Великого Октября. Но имя гениального писателя было известно у нас задолго до этого» [5, с. 3]. Исследователи творчества Толстого Рахим Хошим, А. Маниёзов, Шокир Мухторов, Вали Самад в основном изучали историю переводов произведения писателя на таджикском языке. Надо подчеркнуть, что, если Рахим Хошим изучает перевод произведений Толстого до 50-х годов XX века, то Шокир Мухторов до 80-х годов прошлого столетия, а Х. Шодиккулов приводит короткие объяснения переводу произведений Толстого на таджикском языке. Рахим Хошим как критик и переводчик произведений Толстого с уважением относился творчеству писателя. В творчестве Рахима Хошима иногда нелегко определить, что же является превалирующим – создание оригинальных произведений или переводческая деятельность. Он из языка в язык приносит перевод добро, ведет к рукопожатию, отвечает взаимному стремлению народов познать друг друга [1, с. 71]. Он родился и вырос в семье просвещенного человека, страстного любителя литературы. Любовь к книге, к духовному богатству народа внушил отец своему сыну, будущему ученику новометодной школы в городе Самарканде, где учительствовал Садриддин Айни. Первым его учителем была классика, другим был Садриддин Айни. Он переводил с русского на таджикский язык произведения, отвечающие интересам таджикского читателя и выражавшие просветительские идеи таджикского народа, которые нужны были нашим читателям, деятелям литературы и культуры. Рахим Хошим в переводах и распространении произведений Толстого раскрывает его новаторство, как художника слова. После ознакомления с творчеством Толстого и переводов малых рассказов писателя, в 1960 году он приступает переводу романа «Анны Каренины». Рахим Хошим после М. Шукурова в деле пропаганды творчества Толстого, считался активным критиком произведений писателя. Он в 1959 году в статье «Назаре ба саргахи тамаддуни нави тоҷик» и в 1960 году в статье «Яке аз тарҷумонҳои аввалини адабиёти рус ва китоби ӯ» передал сведения о жизни и творчестве Толстого [6]. В 1960 году в честь 50-летия смерти Толстого публикуется другая статья Рахима Хошима «Адибе, ки таровишҳои қаламаш ҳукми оби ҳаётро дорад». («Писатель, плоды пера которого напоминают источник жизни»). В статье, по словам переводчика, говорится, что «от азербайджанский перевода «Кавказского пленника», который он прочитал 40 лет тому назад, до перевода романа «Анны Каренины», которое ему было суждено переводить, его притягивали к себе сила мощности творчества Толстого» [7]. Для Р. Хошима перевод рассказов Толстого это возрожденная ценность, художественный дар и сокровищница литературы. Он совершенно исключает подстрочник и всегда переводит с оригинала – с русского, узбекского, турецкого, азербайджанского, т.е. тех языков, которыми он отлично владел. Пример Р. Хошима - исследователя, переводчика, неоднократно возвращающегося к работе над старыми переводами, должен быть поучительным для многих переводчиков, так как исправление и устранение недостатков является обязательным требованием в практике художественного перевода [1, с. 231, 73].

В XX в. произведения Л.Толстого переводили и редактировали С.Айни, С.Ализода, А. Лахути, Х.Карим, С. Улугзода, Х. Ахрори, Р. Хошим, Дж. Икрами, М.Миршакар. К лучшим переводам Толстого на таджикский язык относится перевод Х. Ахрори «Война и мир», над которым переводчик работал много лет. Роман выходил последовательно, том за томом в период с 1953 года. Все издания в четырех томах были завершены в 1962 году. Садриддин Айни, считался одним из основных редакторов таджикских переводов произведений Толстого, им было отредактировано первый перевод повести «Хаджи Мурат». Что касается Садриддина Айни, то он редактированием сыграл заметную роль для развития и улучшения стили, языка перевода и качества таджикского издания произведений Толстого. Его указания по поводу «Кавказского пленника», «Хаджи Мурата», «Войны и мира», «Анны Каренины», свидетельствуют о том, что Айни во время художественного редактирования получил удовольствие от произведения Толстого, художника слова. В редактировании участвовали и такие

известные прозаики, как Сотим Улугзода, Джалол Икрами, Абдушукур Пирмухаммедзаде. Переводы Толстого осуществлялись и в последующие годы. Тридцать пять раз книги Толстого выходили на таджикском языке отдельным изданием, многократно продолжают печататься на страницах газет и журналов, вошли в учебники для школ, вузов. Большим событием в литературной жизни таджикского народа было издание романа – эпопеи Л. Толстого «Война и мир» в переводе Хабиба Ахрори - том 1, 1953, 479 с.; т.2, 1957, 483 с.; том 3, 1961, 472 с.; т.4, 1962, 429 с., и «Севастопольские рассказы» (Нашрдавточик, Душанбе, 1963, 173 с.) перевод Э. Муллокандова.

Современный этап обращения к наследию Л. Толстого отмечен переизданиями и новыми переводами отдельных произведений, привлечением к переводу монументальных полотен Льва Николаевича маститых переводчиков и крупнейших прозаиков. Так, по сведениям Х. Шодикулова, в его статье «Переводы «Кавказского пленника» [«Маориф ва маданият», 1978, 9 сентября] переводом этой повести на таджикский язык были заняты с начала века до 50-х годов четыре переводчика. Нужно отметить, что после 50-х годов XX-го столетия Р. Хошим снова обращается к произведениям Толстого. Он переводит и печатает роман «Анна Каренина». Одинаев Н. отмечает, что «если Р. Хошим в 1937-1951 годах не был бы за решеткой, то переводы произведений Толстого начались бы раньше. С 1928 года до начала 60-х годов Р. Хошим не занимался переводческой работой, но по некоторым наблюдениям видно, что до 1960 года, т.е. до начала перевода романа «Анны Карениной» продолжался этап подготовки к переводам произведений писателя. Начиная с двадцатых до шестидесятых годов можно считать периодом подготовки полного перевода романа «Анны Карениной» Рахимом Хошимом»[2]. Хотя переводы произведений Толстого на таджикский язык в прошедшем столетии были исполнены, но стиль перевода не всех произведений можно считать удачным. Например, в переводе Рахима Хошима романа «Анны Каренины» (1960), использовано такие слова, у которых смысл не подходит к цели или наоборот, слова использовались без каких-либо обзоров. Данный перевод и оригинальный роман «Анны Карениной» издавался в 1947 году в издательстве Художественной литературы. По словам Вали Самада Рахим Хошим перевёл «Анну Каренину» с иранской версии перевода. Дело в том, что язык таджикского перевода «Анны Карениной» - это таджикский, который использовался в 60-х годов. Но, несмотря на все перевод «Анны Карениной» внес свой вклад на развитие таджикской реалистической прозы.

Другой переводчик произведений писателя - Хабиб Ахрори, который переводил «Войну и мир» исполняет свой долг и переводит очень ярко и художественно. Хабиб Ахрори при переводе отметил французские тексты как оригинал и в виде сноски переводит на таджикский язык. Такой труд переводчика в очень сложном и философском рассуждении можно считать превосходной заботой о труде Толстого. Перевод произведения на таджикский язык считается один из самых благополучных переводов прошедшего века. Хабиб Ахрори использует термины в оригинальном виде, а в конце каждой книги в странице даётся обзор и объяснение смысла слов. Такую особенность перевода огромного литературного наследия можно считать героизмом переводчика. Хабиб Ахрори для читателя на странице обзора комментирует исторические имена и географические места. Например, в странице 19: «Тамоми дахшати ин даччол Ба рости ман якин дорам, ки вай даччол аст. Хабиб Ахрори выясняет слово «даччол» и в скобке пишет русский вариант слова - Антихрист. Или, не найдя таджикский вариант, использует переносное значение слова.

Таджикская периодическая печать поместила на своих страницах большое количество рецензий и статей, эссе и публицистических очерков, в которых вопросы перевода и история обращения к опыту Толстого рассмотрены с различных граней. В этом плане в целом интересны и значительны по своей структуре и анализу критические разработки таджикских литературоведов С. Маноззаде, М. Шукурова, Р. Хашима, В. Самада, Х. Шодикулова, высказывания С. Улугзода и Дж. Икрами о творчестве Л. Толстого [3, с. 11].

Глубокие понимания исторических происхождений XX века и большая практика смогли достигать успехов, не только самого писателя, но и историю переводов таджикской литературы. Лучшие переводы вошли в таджикской литературе и обогатили ее новыми методами и мыслями, способствовали в пропаганде

человеколюбия и дружбы между людьми независимо от их рас и нации. Усвоив методы Толстого, таджикские прозаики стали изображать реальную историю человека в прошлой и современной жизни. Следует отметить, что диалог культур - диалог цивилизаций - неотъемлемая часть общечеловеческого прогресса, в связи, с чем перевод и стремление к взаимообмену эстетическим опытом вновь набирает былые обороты. Налаживанию дел в этом аспекте способствует продолжение работ по синхронному исследованию проблемы на примере выдающихся творческих личностей, художественный опыт которых оставил заметный след в формировании и развитии реалистического искусства.

Литература:

1. Муллоджонова З. Поэт перевода и поиска // Памир. №11,1979. С.69-73.
2. Одинаев Н. Место Рахима Хашима в истории таджикских литературных связей. АКД, Душанбе, 1999.
3. Розенфельд А.З. Л.Н. Толстой в изданиях на персидском языке // Народы Азии и Африки, М., 1962, №5. - С.165-169.
4. Самад В. Толстой Лев Николаевич. В кн. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик» в 3-х тт. т. 3. Душанбе: Ирфон, 1998, с. 214-216.
5. Тошматов Р. Л. Толстой. Ленинабадская правда, 20 ноября 1960.
6. Хошим Р. Солҳо дар саҳифаҳо: Мақолаҳо ва ёддоштҳо. Д., Адиб, 1988.
7. Хошим Р. Адибе, ки таровишҳои қаламаш ҳукми оби ҳаётро дорад // Шарқи сурх, 1960. № 4.

ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК В 50-60 ГОДЫ XX ВЕКА

Исследование переводов произведений Л. Толстого на таджикский язык, представляет большую практическую значимость. В статье говорится о переводе произведений русского писателя известными переводчиками, из числа Рахима Хошима и Хабиб Ахрори, чьи работы считаются одним из самых благополучных переводов прошедшего века. Лучшие переводы вошли в таджикской литературе и обогатили ее новыми методами и мыслями. Автором отмечено, что Садриддин Айни и другие писатели редактированием сыграли заметную роль для развития и улучшения стили, языка перевода и качества таджикского издания произведений Толстого.

Ключевые слова: опыт, перевод, исследование, история перевода, обзор, объяснение, издание, стиль, редактирование.

TRANSLATION OF PRODUCTS LEV TOLSTOY ON THE TAJIK LANGUAGE AT 50-60 YEARS XX OF CENTURY

Research of translations of products Lev Tolstoy on the Tajik language represents the large practical importance. In clause is spoken about translation of products of the Russian writer by the known interpreters, from number Rachim Hoshim and Habib Ahrori, whose works are considered as one of the most safe translations of past century. The best translations have come in the Tajik literature and To enrich by its (her) new methods and ideas. By the author is marked, that Sadriddin Ayni and other writers by editing have played an appreciable role for development and improvement styles, language of translation and quality of the Tajik edition of products Tolstoy.

Keywords: experience, translation, research, history of translation, review, explanation, edition, style, editing.

Сведения об авторе: Рустамова Гуландом Рустамовна, кандидат филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры русского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: princes0871@mail.ru

About author: Rustamova Gulandom Rustamovna, candidate of philological sciences, dotcent of Universitywide Department of Russian Language of Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni, e-mail: princes0871@mail.ru

ОИНИ ДАВЛАТДОРӢ ДАР ОСОРИ МИР САӢИД АЛИИ ӲАМАДОНӢ

МаӲмадҷонов О. О.

ДонишгоӲи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Мир Сайид Алии ӲамадонӢ бо вучуди сафарӲои пайдарпаи тӯлонӢ боз имконият ёфтааст, ки як силсила асарӲои илмию бадеи офарад, ки то имрӯз аӲамияти бузурги таърихи ро моликанд. Ӳ ба ворисони худ асарӲои зиёде боқӣ гузоштааст, ки бештари онӲо аз боби фалсафа, ахлоқ, адабиёт таъриху Ӳамъиятшиносӣ, фикху илоӲиёт баӲ мекунад. Назар ба қавли олими маъруфи Эрон АзизуллоӲи Аторудӣ шумораи асарӲои Сайид Алии Ӳамадони зиёдтар аз 90 номгӯӣ мебошад. Ӳамчунин илова кардан зарур аст, ки аксари асарӲои ба забони арабӣ таълиф намудаи Сайид Алии ӲамадонӢ ба муӲакқикони осори ӯ то имрӯз маълум нестанд.

Сайид Алии ӲамадонӢ асосан ба асарӲои насрии худ аз қабилӣ “Захират-ул-мулук”, “Анвор-ул-азҳор”, “Вучудия”, “Кашф-ул-Ӳақоӣқ”, “Мақорим-ул-ахлоқ”, “Одоб-ул-машоӣх”, “МинӲоч-ул-орифин”, “Ӳафт водӣ” “Мақтуботи амирия”, “Рисолаи кудусия”, “Маърифати нафс” ва амсоли инӲо дар инкишофи тасаввуф саӲми босазо гузоштааст. Баробари ин асарӲои манзумӣ ӯ низ дар жанрӲои ғазал, китъа, рубоӣ, дубайтӣ ва маснавӣ иншо шудаанд, ки то замони мо расидаанд.

АсарӲои Сайид Алии ӲамадонӢ дар китобхонаӲои машӲури Эрон, Покистон, Ӳиндустон, Тошканд ва як қатор шаӲрӲои Аврупо маӲфузанд. Дар ганҷинаи дастхатӲои ПажӯӲишгоӲи забон, адабиёт, шаӲқшиносӣ ва мероси хатти АИ Тоҷикистон 52 адад асарӲои ӯ гирд оварда, нигоҳдорӣ мешаванд.

АсарӲои Сайид Алии ӲамадонӢ, аслан, афкори тасаввуфӣ, фалсафавӣ ва панду ахлоқиро дар бар мегирад, вале дар ривочи мавзӯӲои тасаввуфӣ ва ахлоқӣ пояӲои баландтареро ишғол менамоянд. Ӳоса каломи мавзунаш хеле содаю равон, дилҷаспу оммафаҳманд. МулоӲиза фармоед ба ин чанд мисраи ғазали ӯ:

Ӳар кӣ моро ёд кард, Эзид мар ӯро ёр бод,
Ӳар кӣ моро хор кард, аз умр бархурдор бод.
Ӳар кӣ андар роӲи мо хоре фиканд аз душманӣ,
Ӳар гуле к-аз боғи васлаш бишқуфад, беҳор бод.
Дар ду олам нест моро бо касе гарду ғубор,
Ӳар кӣ моро ранча дорад, роӲаташ бисёр бод.

Дар мисраӲои боло фурутанию самимият, муӲаббати безаволи ӯ ба насли башар бо фасоӲату дилбастагии том ифода ёфтааст. Ин ғазал Ӳарчанд ки тахминан 600 сол муқаддам иншо шудааст, аммо ягон калимаю ибораи он барои форсизабонони имрӯза хусусан, тоҷикон номафҳум нест.

Мутаассифона, Ӳараёни зиндагӣ, фаъолияти адабӣ, осори сершумори ин шахсияти маъруф Ӳанӯз Ӳам барои аӲли илм чандон равшан нест. Дуруст аст, ки Ӳангоми равшан сохтани паӲлуӲои Ӳудоғонаи тасаввуф ва намояндагони барҷастаи он номи Сайид Алии Ӳамадониро ёдовар мешаванд, аммо маӲсули эҷодии ӯ аз назари муӲакқикон дур мондааст. Мо аминем, ки дар равиши таҷлили зодрӯзи ин олими маъруфи ШаӲқ саӲифаӲои тозаи осораш бо кумаки мусташрикон манзури ихлосмандонаш ӲоӲад гашт. Барои муайян кардани мавқеи Сайид Алии ӲамадонӢ дар таърихи афкори Ӳамъиятии Ӳалқи тоҷику форс, пеш аз Ӳама, ба эҷодиёти ӯ ва шогирдони Ӳамасраш муроҷиат бояд кард.

ӲушбаӲтона, яке аз муридони содиқаш Мавлоно Нуриддин Ӳаъфари Бадахшӣ, ки солиёни зиёд бо ин марди шариф Ӳамсафар буд, оид ба шахсият ва шаӲқи Ӳоли ӯ «Ӳулосат-ул-манокӣб» ном асаре офарид ва яке аз сарчашмаӲои нахустин ва боэътимод ба шумор меравад. МуӲакқикони баъдина Ӳангоми рӯ овардан ба эҷодиёти Сайид Алии ӲамадонӢ асосан Ӳамон асари номбурдаро муттақои ақидаи Ӳеш қарор додаанд. АлӲол дар Ӳиндустону Покистон ва Эрон доир ба аӲвол ва фаъолияти илмию адабии Сайид Алии ӲамадонӢ асарӲои зиёде ба табъ расидаанд, ки мутаассифона, дастраси мо нашуданд. Ба гуфти олимон АӲмад Ӳасани Донӣ, АӲмад Ӳасани Обидӣ, АбдулаӲмади Ӳовид, Анвари Деҳлавӣ, МуӲаммад Осимӣ, МоӲирӲуча Султонов дар Покистон ассосиатсияи байналӲалқии ШоӲи ӲамадонӢ амал мекунад, ки ба омӯзиш ва таӲқиқи осори Сайиди Алии ӲамадонӢ равона карда шудааст.

Мутаассифона, дар Осиёи Миёна ва хоса дар Тоҷикистон, муҳаққиқон ва адабиётшиносон ба омӯзиши осори ӯ ба таври бояду шояд тавачҷух нанамудаанд. Танҳо файласуфи шодравон Мохирхуча Султонов тахминан 16 сол муқаддам китобчае бо номи «Ҳақиқат дар бораи мазори Ҳазрати Амирчон» нашр намуд. Бояд иқрор намуд, ки аввалин шиносии оммаи васеи хонандагон бо шарҳи ҳол ва осори Сайид Алии Ҳамадонӣ тавассути ҳамин китоб амалӣ шуд. Дар «Оромгоҳи Ҳазрати Амирчон» (1991) ном раҳнамои М. Азизов ва Р. Асоев баъзе маълумоти нисбатан тоза, ки дар солҳои охир гирд оварда шудаанд, ба хонандагон дастрас гардид.

Дуруст аст, ки дар шароити мавҷуда таҳқиқи эҷодиёти Сайид Алии Ҳамадонӣ, хусусан барои муҳаққиқони тоҷик мушкил аст, чунки аз ин олим барои мо танҳо як асараш «Захират - ул - мулук», дар фонди эҳтиётии осорхонаи таъриху кишваромӯзии шаҳри Кӯлоби вилояти Хатлон маҳфуз аст ва истифодаи васеи хонандагон аз он то андозае ғайриимкон аст [2, с. 9-22].

Шиносой бо мероси илмии ин файласуф аз он шаҳодат медиҳад, ки ӯ яке аз бузургтарин чеҳраи илму фарҳанги замони худ буда, дар таълимоташ ба масоили гуногуни фалсафӣ: ахлоқ, сиёсат, назарияи маърифат, мантик, диалектика ва ғайраҳо тавачҷухи хосса зоҳир кардааст. Хусусан, дар боби сиёсат, оини давлатдорӣ, усулҳои идоракунии давлат ва муносибат ба раияту зердастонаш андешаҳои ҷолиби диққате дорад, ки имрӯз ҳам моҳияти худро гум накардаанд.

Қобили тазаккур аст, ки Алии Ҳамадонӣ ҳам ба мисли мутафакирони дигар, ки бештари умрашонро дар мусофират сипарӣ мешуд, марди ғариб буд.

Бояд гуфт, ки ақидаҳои иҷтимоӣ сиёсии Алии Ҳамадонӣ ҷиҳатҳои хоси худро доранд. Ӯ ҳамчун донандаи бузурги фалсафаи ислом ақоиди худро дар боби сиёсат маҳз дар пайвастагӣ бо таълимоти ислом ва пайрави аз усулҳои ҳокимиятдорӣ уламои расмӣ онзамона ва дигар сиёсатмадорони давр созмон додааст. Аз ҷиҳати дигар ақидаҳои иҷтимоӣ сиёсии Алии Ҳамадонӣ ҷанбаи динӣ- ахлоқӣ доранд, яъне ӯ ҳалли ҳамагуна масоили сиёсиро аз мавқеи дин ва ахлоқ баррасӣ менамояд. Маҳз дар ҳамаин замина ва талаботи мазкур файласуфи бузург аз подшоҳон ва ҳокимони зинаҳои гуногун иҷроиши шартҳои талаб мекунад, ки дар риштаи сиёсату салтанат заруранд ва бидуни риояи онҳо подшоҳ аз ҳукуқи ҳукмронӣ ба раияи маҳрум аст ва гирифтори азоби охират хоҳад гашт.

Шарти аввал он аст, ки подшоҳ хангоми руҳ додани ҳодиса ва ҳалли он ҳамеша аз мавқеи адлу инсоф даҳолат кунад. Барои ин подшоҳ худро дар ҷои раият ва раиятро дар ҷои худ тасаввур кунад ва он гоҳ чи ҳукме барорад аз рӯи адолат хоҳад буд. Ва дар ҳамин сурат ҳар он ҳукме ба худ раво намебинад, мисли он аз худ ба дигаре раво надорад ва ҳар чӣ ба худ намеписандад ба ҳеч кас написандад.

Бояд зикр намуд, ки дар шарҳи тафсири масъалаи мазкур миёни Сайиди Алии Ҳамадонӣ ва файласуфи варзидаи чинӣ Конфутсий мувофиқати андеша ба амал омадааст. Чунончи хангоми суҳбат шогирде аз Конфутсий суол мекунад, ки адолат чист? Ҳақими Чин посух медиҳад, ки: “Ҳар чи ба худ намеписандӣ ба дигарон ҳам написанд” лекин тафовут дар он аст, ки Сайид алии Ҳамадонӣ бар хилофи Конфутсий чунин шакли адлу инсофро танҳо нисбат ба мусулмонон раво мебинад.

Аз нигоҳи мутафаккир ёрмандӣ ба мардум ва ҳоҷати онро баровардан барои ҳоким аз тоату ибодат афзалтар ва болотар аст, зеро ки: “шод кардани дили муъмин баробар аст ба тоати ҳамаи парӣён ва одамиён”. Ин шарти дуҷуми файласуф мебошад, ки иҷро намудани онро зарур мешуморад ва таъкид мекунад, ки ҳар як подшоҳи мусулмон то даме, ки ҳоҷати шахси муҳтоҷро қафолат накунад, набояд, ки ба ибодат машғул шавад. Ғайр аз ин, ӯ ба подшоҳон тавсия меод, ки ҳатто дар ҳӯрдану пӯшидан ба хулафои рошидин пайравӣ кунанд ва ба истеъмоли таомҳои болаззату пӯшидани либосҳои зебо одат накунанд. Зеро чизҳои номбурда ва умуман, ҳамагуна шукӯҳу шаҳомат боиси дуршавӣ ва раият ва зуҳури беадолатиҳо мегардад.

Сайид Алии Ҳамадонӣ ба одоби сухан ва ботаҳаммулу баандеша будани подшоҳон диққат дода, ҳамеша таъкид мекунад, ки ҳоким бояд: “дар ҳукм сухан ба мадуро гӯяд ва бемувҷиб дурушӣ накунад ва аз шунидани ҳуҷҷати бисёр малул нашавад. Аз сухан гуфтан ба заифон ва мискинон нанг надорад”. Хангоми мутолиаҳои осори мутафаккир чунин хулоса бар меояд, ки ҳоким, давлатдор набояд ба дурӯягӣ фиребгарӣ ва сусткорию саҳлангорӣ мусоидат кунад ва аз барои хушнуд сохтани касе набояд каси дигарро озор диҳад. Зеро ки табиати ҳукуматдорӣ ва давлатдорӣ чунин офарида шудааст, ки пайваста нимаи халқ аз ҳоким хушнуд бошад, пас нисфи дигараш

хатман норозӣ мешаванд, зеро ду хасм ба ҳақ хушнуд натавон кард ва подшоҳи одил низ натавонад ризоияти тамоми мардумро ҳосил кунад.

Шарти дигар он бошад, ки ҳар он чи дар кишвар сураат мегирад ҳоким бояд воқиф бошад ва аз хавфу хатари ҳукумат ғофил набошад. Зеро ба гуфтаи файласуф давлатдорӣ ва мансаб ин воситае мебошад, ки инсон метавонад аз тариқи он саодату некномӣ ба даст биёрад ва баракс метавонад гирифтори мусибату бадномии абадӣ гардад.

Ҳамин тариқ Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ дар идоракунии давлат ба хирад ва илму маърифат баҳои баланд дода, аз подшоҳон тақозо менамояд, ки зимни салтанати худ ба ин зумра одамон, яъне ба аҳли илму фарҳанг, донишмандону хирадмандон така намояд. Аз рӯи суханон ва таълимоти Алии Ҳамадонӣ давлатдор ва соҳибмулк, пеш аз ҳама, баҳри он бикӯшад, ки бо адлу эҳсон ва раҳму шафқати хеш дар дили раият ҷой бигирад ва маҳбуби онҳо бигардад ва ҳар чи метавонад аз такаббурӣ худдорӣ намояд ва дурӣ бичӯяд. Зеро фармудаанд, ки: “беҳтарин подшоҳони шумо он касонеанд, ки шуморо дӯст медоранд ва шумо эшонро дӯст медоред ва бадтарин ҳокимони шумо он касонеанд, ки шуморо душман медоранд ва шумо ҳам эшонро душман медоред”. Ба ақидаи файласуф бояд миёни подшоҳу раият риштаи мустаҳкамаи дӯстӣ ва муҳаббат пойдор бошад, ки бунёди онро адлу инсоф ва эҳсон ҳокимон, давлатдорон дар муносибат ба заифону бечорагон ташкил диҳад.

Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ ҳокимонро вазифадор месозад, ки раиятро ба зери ҳимояи худ бигиранд, аз ҳақку ҳуқуқи онҳо пайваста пуштибонӣ намоянд ва нагузоранд, ки золимон ба ҷосусию хиёнат дар байни мардум бошанд ва ба мазлумон бедодгарӣ ва зулму таҳқиқро раво бинанд. Ва агар чунин ҳолат рух диҳад, подшоҳ набояд ба сустию мусолиҳат роҳ диҳад. Ва арбоби давлатро ба насихат ва сиёсат муаъзаб гардонад.

Шарти охирин ва муҳиме, ки файласуф дар назди подшоҳ мегузорад, ин соҳиби раҳму фаросат будани онҳо мебошад. Ӯ таъкид мекунад, ки подшоҳ ба ҷараёни ҳодисот, ки дар кишвар зуҳур мекунад бояд ба назари тез ва амиқ нигоҳ кунад ва қабл аз иҷрои ҳукм ҳақиқатро мушаххас гардонад то дар сиёсат саҳве рух надихад.

Чи тавре ки дар боло зикр карда шуд, таълимоти Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ дар соҳаи сиёсат аслан ҷанбаи ахлоқӣ дошта, дар он тамоми сифатҳои гирд оварда шудаанд, ки бояд ҳар як подшоҳи одил онро иҷро намояд.

Тазаққур бояд дод, ки файласуф дар хусусияти сохтори давлатдорӣ, усулҳои мушаххаси идоракунии ва низоми он ишорае накардааст. Ва он шартҳои, ки ӯ дар назди ҳокимон мегузорад, василае мебошад барои бунёди ҷомеае, ки дар он танҳо адлу инсоф салтанат меронад.

Алии Ҳамадонӣ оид ба адл ва инсофи ҷомеа сухан ронда, дар он ҳуқуқи раиятро низ баррасӣ ва муайян намудааст. Дар таълимоти ӯ ҳуқуқи раият ба ду навъ чудо карда шудааст ва раият низ ба гурӯҳҳо табақбандӣ шудааст, ки миёни онҳо аз ҷиҳати ҳуқуқи муҳолифат вучуд дорад ва зимни ин табақбандӣ раияти мусалмон бар қуфор афзалият пайдо кардааст. Файласуф дар назди подшоҳону ҳокимон шартҳои мегузорад, ки зимни муошират ва наздики бо мардум риоя мешуданд ва онҳо тахминан бисте мебошанд:

- риоя намудани фурутани ва хоксорӣ, дур намудани кибру ғурур зимни суҳбат бо мусулмонон;

- аз сухани фосиқон ва соҳибғаразон, ки оқибаташ фитнаю надомат аст, ҳазар кунад ва ҳар он чи мардум дар ҳаққи якдигар бигуянд нашавад;

- гуноҳи мусалмон бибахшад;

- қулли мардумро аз адлу инсофи худ бархурдор созад ва дар ин кор миёни аҳлу ноаҳл тафовут нагузорад;

- ба манзили мусалмон аз рӯи ғуруру ҳавобаландӣ нигоҳ накунад ва бе иҷозат ба он ворид нашавад;

- дар муносибат ба мардум ба ҳар кас аз рӯи дараҷаю мартабаи ӯ муомила кунад, аз ҷоҳилону авбошон гуфтори нек интизор шавад ва аз рӯ ба рӯ шудан бо афроди мухталиф парҳез накунад;

- ҳурмати пиронро дар маҷлис ба ҷо биёрад ва ба кӯдакон ба ҷашми шафқат нигарад;

- ба мусулмоне дурӯғ нагӯяд ва ҳар он чи ваъда кард иҷро намояд. Яъне аз мунофиқидурӣ бичуяд;

- ба мардум сухани хуш бигӯяд ва аз бадзабонӣ худдорӣ кунад ва хусусан бо зиёфтон бо мулоимӣ муомила кунад;

- дар муносибат ба мардум инсоф ва шафқаторо риоя кунад;
 - кӯшиш кунад баҳри нобуд сохтани хусумати байни мусулмонон ва раво набинад таваккуфро дар ошти намудани онҳо;
 - дар чустучӯи гуноҳи мусулмонон набошад ва айбҳои мардумро пушида дорад ва баҳри нафъи онҳо бикӯшад;
 - аз корҳои номашрӯъ худдорӣ намояд то раият аз думболаш ба чунин аъмол даст назананд. Чунки мардум дар салоҳ ва фасод, яъне дар некию бадӣ пайрави подшоҳанд. Агар бинанд, ки подшоҳ ба неки майл дорад раият низ ба неки мегарояд, “Ва агар аз ӯ фасод мушоҳида кунанд, яъне он подшоҳ ва ҳоким фосиқ бошад, ҳама мардумон дар фиску фасод кӯшанд”.

- ҳукуку манфиатҳои мардуми заифро аз ашхоси тавоно ва мискину камбағалро аз ашрофон ғимоя кунад ва бештари вақти худро дар суҳбати фуқаро аз аҳли илм сарф кунад ва ғ.

Чи хеле ки дидем, файласуф барои идоракунии кишвар шартҳои гузоштааст, ки дар он ҳукуку манфиатҳои шахрвандон ба зери ғимоя гирифта шудааст ва файласуф иҷро намудани ин шартҳоро боиси пайдории давлату осудагии раият ва иҷро нашудани онро боиси фаноии давлат ва мусибати раият мешуморад.

Умуман, дар таълимоти ин орифи бузург паҳлуҳои гуногуни давлату ҳокимиятронӣ бо ҷиҳатҳои ахлоқию тарбиявӣ инъикос ёфтаанд. Ба ақидаи ӯ “.. ҳокими оқил бояд, ки аз хатари ҳукумат ғофил набошад” [3, с. 222-231].

Ин гуна андешаҳои инсонгароёна, ки дар осори Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ ташреҳи муфассал ёфтаанд, ниҳоят зиёданд ва ӯ дар ҳама вазъият мизони ақлу хирадро дар ҷои аввал гузошта, дар нақуши маърифати азаливу халлоқонаи инсон тариқи дарвешонаву сӯфиёнаро пеша намудааст.

Амири Кабир инсонро танҳо барои азбарнамоии маърифати маънавӣ даъват менамояд ва дар ҳамаи панду андарзҳои аз сиришти поки инсон, аз зебоии ботини вай ситоиш мекунад. Дар осори Амири Ҳамадонӣ сухан хоҳ аз дину оин ва хоҳ аз фалсафаву ҳикмат равад, дар доманаи тасвири андешаҳои ирфониву инсонгароӣ мебошад.

Алиӣ Ҳамадонӣ дар осори хеш бар он ақида устувор аст, ки шахсият аз одоби маърифат аз ҷумла, шахси ҳоким дар ҳама шоҳаҳои зиндагӣ фаъолият, баҳусус салтанатронӣ ва роҳбарии зинаҳои гуногун аз олами ғиммат боҳабар бошад.

Амири Ҳамадонӣ зери таъсири равандҳои пешқадами замони худ ғимматпешагиро арзандатарин ҳислати мардони некроӣ ва давлатдор шуморида, ба ҳама роҳи ростиро иршод намудааст. Дар ҳақиқат андешаҳои инсонгароӣ на фақат дар адабиёт, балки дар тамоми фарҳанги гузашта эҳсос мешавад ва Амири Ҳамадонӣ низ аз зумраи он алломаҳоест, ки дар тамоми осораш онро истиқбол намудааст ва беҳтарин паҳлуҳои ҳикмати инсониро кашф кардааст.

Адабиёт:

1. Мир Сайид Алиӣ Ҳамадонӣ. Ашъори ирфонӣ ва «Минҳоч-ул-орифин». - Душанбе: Ирфон, 2015. - 60 с.
2. Одинашои Сайидмурод. Шаммае аз рӯзгору осор ва пирони Мир Сайид Алиӣ Ҳамадонӣ. - Душанбе, 2013. – 60 с.
3. Аз Авесто то Ҳамадонӣ // маҷмӯаи илмӣ - Кӯлоб: Сада.-1994. - 233 с.
4. Мир Сайид Алиӣ Ҳамадонӣ. Рисолаи футувват-Душанбе, 1995. - 20 с.
5. Муҳаммад Ғоиб. Шоҳи Ҳамадон. - Кӯлоб, 1994.- 78 с.
6. Сайид Алиӣ Ҳамадонӣ. Шаммае аз «Захират – ул-мулук».- Кӯлоб, 1991.- 84 с.

ТРАДИЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МИР САЙИДА АЛИ ХАМАДОНИ

В статье рассматриваются взгляды выдающегося таджикско-персидского мыслителя Мир Сайида Али Хамадони о проблеме государственного управления. Автор опираясь на содержание его работ, высказывают свое мнение о государственной структуре и методах государственного управления в его эпоху.

Ключевые слова: правитель, власть, государство, госуправление, структура госуправления, справедливость, разум, владения.

TRADITIONS OF GOVERNANCE IN CREATIVE WORK OF MIR SAID ALI HAMADONI

This article is devoted to the issues of governance in the works of prominent Tajik-Persian thinker Said Ali Hamadoni, and basing on the content of his works, the author express their opinion on the state structure, the methods of governance in the epoch of writer's creative work.

Keywords: ruler, power, state governance, the structure of public administration, justice, intelligence, dominion.

Сведения об авторе: Махмаджонов О. О., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики языкознания Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: m.olim@rambler.ru

About author: Mahmadjonov O. O., doctor of philological Sciences, Professor of the Chair of Theory and Practice of Linguistics, Tajik State Pedagogical University named after Sadridin Aini, e-mail: m.olim@rambler.ru

ПЕРЕВОД РАССКАЗА Л. ТОЛСТОГО «ПОЛИКУШКА» Н. БЕКТОШЕМ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Рустамова Г. Р.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Историко-типологическое сопоставление культур охватывает бесчисленные проблемы, начиная от общности мифов и кончая различными новейшими жанрами письменной литературы. Раскрытие роли перевода и его влияния на формирование новых жанров и форм в той или иной литературе, выработка новых стилей. Начиная со второй половины 30-х годов прошлого века, таджикская литература начинает делать определенные достижения в области художественного перевода. На съездах писателей страны в основных докладах или специальных выступлениях делегатов съезда звучали одобрительные замечания о состоянии художественного перевода и популяризации литератур, благодаря которым сокровищница таджикской литературы обогатилась новыми художественными произведениями, что соответствует действительности. Надо отметить, что источником изучения рассказов Толстого на таджикский язык являются статьи Рахима Хошима, которому принадлежит немало переводов сочинений писателя. Вали Самад вспоминает Р. Хошима, как первого толстоведа и одного из лучших переводчиков произведений Толстого. Перевод - это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», в действительности же в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Для переводчика чрезвычайно важное значение имеет, прежде всего, языковой аспект. Дело в том, что тему, разработку образов, композиции, сюжета, фабулы он получает как бы в готовом виде. Для того, чтобы верно воспроизвести литературно-художественный и идейный уровни художественного текста переводчику необходимо предельно внимательно отнестись и каждому слову, каждой строчке, строю фразы, изобразительным средствам. При передаче их на свой родной язык переводчики встречаются со многими трудностями. Практически все произведения русских писателей, с самого начала этого плодотворного процесса до сегодняшних дней переводились на таджикский язык прямо с оригинала. Достаточно часто прямой перевод невозможен в силу отсутствия специалистов, владеющих языком оригинала. В таких случаях используется непрямой (вторичный) перевод с языка - посредника, известного носителю регионального языка. Подобную ситуацию мы наблюдаем в случае перевода произведений русских писателей на таджикский язык.

Естественно, что при вторичном переводе возникают различные неточности и ненамеренное искажение смысла. Иногда изменения вносятся умышленно, так как второй проблемой, стоявшей перед переводчиками всегда был менталитет их публики.

Наглядным примером, служит перевод рассказа «Поликушка», который трудно передавать по-таджикски индивидуальные особенности писательского стиля Л.Н. Толстого, авторские неологизмы, окказионализмы и вкрапления диалектной и

просторечной лексики. Сам по себе индивидуальный стиль писателя трудно бывает сохранить в переводе. Чтобы убедиться в сказанном обратимся к переводу на таджикский язык «Поликушки», выполненного в 1935 и в 1959 (повторно) известным таджикским ученым Н. Бектошем.

Рассказ «Поликушка», написанный Толстым в 1861 — 1862 гг., замыкает цикл его ранних произведений, посвященных русской крепостной деревне. Трагическая судьба крестьянина Поликея, доведенного крепостными условиями жизни до полного разорения и обнищания, а затем и до самоубийства, символизирует страшную судьбу русского крестьянства накануне так называемой «реформы». Рассказ рисует события крепостного времени. В нем показана трагическая судьба крестьянина, погибшего из-за каприза взбалмошной, глупой барыни, хотевшей казаться "доброй". Хитрый, изворотливый приказчик решил отдать бедного Поликея в солдаты, спасая от рекрутчины сына богатого мужика Дутлова. А у Поликея пятеро детей — один другого меньше. Барыня "пожалела" его, не согласилась "забрить лоб" несчастному Поликушке, но дала ему такое поручение, которое его погубило. Потеряв деньги барыни, Поликей решил, что ему ничего не остается делать, кроме как надеть петлю на шею. Рассказ о горькой жизни и бессмысленной гибели Поликушки написан с такой суровой правдой, что читателя, как говорил Тургенев, "до холода в спинной кости пробирает".

Рассказ «Поликушка» был напечатан в 1863 г. в журнале «Русский вестник». Как уже было отмечено выше, мы имеем два перевода рассказа «Поликушка» - точнее два варианта одного перевода, опубликованного с интервалом в двадцать четыре года. Они принадлежат Н. Бектошу.

Сопоставляя разные переводы одного и того же художественного произведения, обычно руководствуются прежде всего степенью отраженности в них художественной целостности и специфики оригинала. Неотъемлема и оценка функциональности этих текстов как самостоятельных явлений таджикской переводной литературы, сигнализирующих однако таджикскоязычному читателю о художественном явлении русской литературы. Иными словами, мы оставляем несколько в стороне коммуникативный аспект перевода, сосредотачиваясь на рецептивной стороне поэтики оригинала (принципы прочтения произведений Л.Н.Толстого переводчиками разных поколений и литературных эпох) и художественной самостоятельности каждого перевода как самостоятельно существующего и складывающейся литературной традиции восприятия таджикской литературы в многонациональном культурном контексте. В этом плане судьба «Поликушки» по-своему завидна, ибо это единственное произведение Л.Н. Толстого в таджикской переводной школе, переведенное дважды одним и тем же автором-переводчиком.

Наши наблюдения над структурой «Поликушки», в частности, подтверждают наше убеждение, что типологически - с известной долей относительности, конечно - этот рассказ принадлежит к числу текстов, где индивидуальное выражается не столько в области содержания, а в артистизме формы. Это замечание в первую очередь относится к композиции произведения. Текст «зашифрован» для инокультурного читателя и должен был перекодироваться переводчиком Н. Бектошем, по крайней мере, на трех уровнях.

Первый «уровень» (обозначим его не столько по значимости, сколько для удобства рассмотрения) - уровень реалии.

Условно второй уровень - это мелодико и ритмическая структура текста, которая сохраняется на протяжении всего повествования в подлиннике.

Третий уровень, непосредственно связанный с композицией, заставляет всерьез говорить о проблемах переводимости применительно к «Поликушке» Л.Н.Толстого. Попытаемся дать оценку перевода «Поликушки» Л.Н.Толстого выполненного А. Бектошем исходя из этих условно обозначенных нами уровней.

Текст «Поликушки» многосложен, в нем часто, в зависимости от психологических эпизодов, монологов и диалогов героев, меняется ритм повествования, весьма своеобразна и сама лексика автора, в силу чего переводчику приходилось сознательно «сглаживать» острые углы, чтобы не допустить никаких неправильностей в переводе. Дело в том, что литературная норма таджикского языка в годы работы переводчика над переложением текста оригинала на таджикский язык уже находилась на стадии высокого развития и любое отклонение от нее могло быть расценено как незнание переводчиком этой нормы. Поэтому стиль языка Л.Н. Толстого при всей его

многосложности не должен был быть переведен «неправильно» по - таджикски. Понимая это Н. изначально поставил перед собой цель не скатываться на стилизацию под просторечие. Вот как переведены текст этого удивительного по своей силе рассказа Бектошем на таджикский язык:

Оригинал:

«- Как изволите приказать, сударыня! Только Дутловых жалко. Все один к одному, ребята хорошие; а коли хоть одного дворового не поставит, не миновать ихнему идти, - говорил приказчик, - и то теперь все на них указывают. Впрочем, воля ваша.

И он переложил правую руку на левую, держа обе перед животом, перегнул голову на другую сторону, втянул в себя, чуть не чмокнув, тонкие губы, позакатил глаза и замолчал с видимым намерением молчать долго и слушать без возражений весь тот вздор, который должна была сказать ему на это барыня. Это был приказчик из дворовых, бритый, в длинном сюртуке (особого приказчицкого покроя), который вечером, осенью, стоял с докладом перед своею барыней. Доклад, по понятиям барыни, состоял в том, чтобы выслушивать отчеты о прошедших хозяйственных делах и делать распоряжения о будущих. По понятиям приказчика, Егора Михайловича, доклад был обряд ровного стояния на обеих вывернутых ногах, в углу, с лицом, обращенным к дивану, выслушивания всякой не идущей к делу болтовни и доведения барыни различными средствами до того, чтоб она скоро и нетерпеливо заговорила: "хорошо, хорошо" на все предложения Егора Михайловича» [2, с. 27].

Перевод Н.Бектоша:

«-Фармон, фармони шумост, хонум! Фақат ба Дутловҳо дили кас месӯзад. Ҳамаашон ҷавонони аз якдигар хубтаранд; агар ҳеҷ набошад яке аз мулозимони дарборро ба ҷояшон надихем, онҳоро халос карда мондан мумкин нест, - мегуфт гумошта,- бе ин ҳам акнун мардум ба онҳо чашм дӯхтаанд. Боз ихтиёр ба худи шумост.

Ва дасти росташро бар дасти чапаш ниҳода ҳар дуяшро ба болои шикамаш нигоҳ дошта сарашро ба тарафи дигар гардонид, лабҳои тунукашро қариб фуру кашида сиёҳии чашмонашро боло бардошта ва лаб фуру баст, то ҳамаи сафсатаҳоеро ки хоним дар ҷавоби ӯ мегуфт, дуру дароз сокит истода гӯш кунад.

Ин гумоштае буд аз мулозимони дарбор, ришояш тарошида, яктаки дароз (дӯхти махсуси гумоштагони дарбор) пӯшида дар яке аз бегоҳирӯзии тирамоҳ дар назди хоним худаш маъруза мекард. Маъруза ба фаҳмиши хоним иборат аз шунидани ҳисобот дар бораи корҳои хоҷагии шудагузашта ва фармон додан барои корҳои оянда буд» [3, с. 4].

Из анализа этого отрывка можно убедиться, что переводчик Бектош, в целом справился с задачей и смог сохранить стилистику повествования Л.Н.Толстого, передать содержание оригинала, сохранить сцепленность каждой фразы с последующей, но также надо признать, что в этом небольшом отрывке избыточными реалиями переводчик был вынужден придумывать эквиваленты в своем языке. Так слова *приказчик*, *сюртук*, переведены им путем комментирования, что сюртук - это особая одежда, а приказчик особая должность при дворе. Что интересно, Н. Бектош оставил этот текст в таком же переводе и в повторном возвращении к нему в 1959 году.

Другой трудностью с которой, как показал анализ перевода, столкнулся Н. Бектош была передача ярких диалогов, насыщенных особой этикетной речью, присущей для дворцовой знати и, нужно сказать, что в многих случаях ему не удалось сохранить как смысл, так и подтексты речи персонажей в диалоге. Обратимся к одному примеру, чтобы удостовериться в сказанном:

Оригинал:

« - Так Дутлова назначить прикажете?

Барыня всплеснула руками.

- Как ты не можешь меня понять? Разве я желаю несчастья Дутлова, разве я имею что-нибудь против него? Бог мне свидетель, как я все готова сделать для них. (Она взглянула на картину в углу, но вспомнила, что это не Бог: "Ну да все равно, не в том дело", - подумала она. Опять странно, что она не напала на мысль о трехстах рублях). Но что, же мне делать? Разве я знаю, как и что? Я не могу этого знать. Ну, я на тебя полагаюсь, ты знаешь, чего я хочу. Делай так, чтобы все были довольны, по закону. Что ж делать? Не им одним. Всем бывают тяжелые минуты. Только Поликея нельзя отдать. Ты пойми, что это было бы ужасно с моей стороны.

Она бы еще долее говорила, - она так одушевилась; но в это время в комнату вошла горничная девушка.

- Что ты, Дуняша?

- Мужик пришел, велел спросить у Егора Михальча, прикажут ли дожидаться сходке? - сказала Дуняша и сердито взглянула на Егора Михайловича ("Экой этот приказчик, - подумала она, - растревожил барыню; теперь опять не даст заснуть до второго часа!").

- Так, поди, Егор, - сказала барыня, - делай, как лучше.

- Слушаю-с. (Он уже ничего не сказал о Дутлове.) А за деньгами к садовнику кого прикажете послать?

- Петруша разве не приезжал из города?

- Никак нет-с.

- А Николай, не может ли съездить?

- Тятенька от поясницы лежит, - сказала Дуняша.

- Не прикажете ли мне самому завтра съездить? - спросил приказчик.

- Нет, ты здесь нужен, Егор. (Барыня задумалась). Сколько денег?

- Четыреста шестьдесят два рубля-с.

- Поликея пошли, - сказала барыня, решительно взглянув в лицо Егора Михайлова» [2, с. 32].

Перевод А.Бектоша:

« - Хуб, Дутловро барои таъйин кардан фармон медиҳед?

Хоним даст афшонд:

- Чаро ту гапи маро намефаҳмӣ-а? Магар ман бадбахтии Дутловро мехоҳам, магар ман ба ӯ гараз ва нияти бад дорам? Худо шоҳид аст, ки ман барои онҳо ба ҳар кор ҳозирам. Хоним ба сурати дар гӯшаи хона будагӣ нигоҳ кард ва дарҳол ба хотираш расид, ки он сурати худо нест: «Хайр, чӣ аҳамият дорад» гуфта фикр кард. Ҷои таачҷуб ин аст, ки боз ҳам масъалаи сесад сум ба хотираш нарасид. Охир ман чӣ кунам? Магар ман медонам? Ман доништа наметавонам, фақат ба ту эътимод мекунам, ту чӣ хостани маро медонӣ. Аз рӯи қонун коре кун, ки ҳама розӣ шаванд. Чӣ бояд кард? Танҳо ба сари онҳо наомадааст-ку! Дақиқаҳои сахтӣ ба сари ҳар ҳар кас ҳам меафтад. Аммо Поликейро додан мумкин нест. Ту худат бояд фаҳми, ки ин кор аз тарафи ман бисёр ноҳақшиносӣ мешавад.

Хоним боз хеле манаҳ мезад, акнун даҳонаш тафсида буд; аммо дар ҳамин асно бахона духтархона даромада монд.

- Чӣ гап Дуняша?

- Як мардак омад, аз Егор Михайлович пурсиданӣ мешуд, ки чамоа ба ӯ мунтазир шавад, ё не?- гуфт Дуняша ва ба Егор Михайлович газабнокона нигоҳ кард («Ин чӣ тавр гумошта буд! - фикр кард ӯ - хонимро нороҳат карда боз то соати ду хоб карданӣ наметавонад»).

- Гап ҳамин, Егор, бирав ҳар чӣ беҳтар бошад, ҳамон тавр кун.

- Фармонбардорам. (Акнун дар бораи Дутлов чизе намегуфт), барои аз боғбон пул овардан киро амр мекунад, ки фиристонам?

- магар Петруша аз шаҳр наомадааст?

- То ҳол наомадааст.

-Хуб, Николай чӣ, магар рафта наметавонад?

-Падарам дарди миён шуда хобидааст, - гуфт аз миёна Дуняша.

- Агар амр кунед, пагоҳ худам равам, -гуфт Егор Михайлович.

- Не, ту дар ин ҷо даркор мешавӣ, Егор (хоним ба фикр фуру рафт), Чи қадар пул?

- 462 сӯм.

-Поликейро фиристон, - гуфт хоним ба рӯи Егор Михайлович қатъӣ нигоҳ карда!»

[3, с. 34].

Из этого перевода мы пришли к такому выводу, что данные примеры наглядно показывают:

А) Трудности, связанные с незнанием тонкостей переводимого языка, при котором неизбежны неточности, а порой и полное искажение смысла.

Б) Трудности перевода на другой язык, в котором отсутствуют некоторые пласты лексики, имеющиеся в языке оригинала.

В) Проблемы передачи русских реалий на язык народа, плохо знакомого с русской культурой, народа долгое время находившегося в своеобразной культурной изоляции.

Таким образом, история переводов наследия Толстого на таджикский язык, их качество и влияние на вопросы необходимости творческого изучения его опыта и

принципиальных тем реализма, выделяются среди других примеров взаимодействия литератур. Произведения Толстого смогли сыграть огромную роль в становлении реализма в таджикской прозе. Рассматривая данный вопрос, необходимо отметить, что таджикско-русские литературные взаимосвязи, начавшиеся с XX века, укрепили духовное единство народов. Переводы, выполненные иранскими и тюркскими (азербайджанскими) просветителями в начале XX века были доступны таджикским читателям, и, пожалуй, с них берет начало история переводов произведений Толстого на таджикский язык [1, с. 67]. В начале XX века Толстого называли «учителем жизни и искусства» и в последующие десятилетия вплоть до наших дней наследие гениального художника продолжает поражать и жизненными, и творческими открытиями. Мудрость его постижения человека, эпохи, страны всего сущего приходит к нам в близких каждому переживаниях. Его любовь ко всему человечеству и универсализм привели его к мировой славе.

Литература:

1. Икрами Д. Проблемы перевода русской литературы в Иране. Душанбе: Дониш, 1988.
2. Толстой Л. Н. Поликушка / Л. Н. Толстой.- М.: Детская литература.- 1979.
3. Толстой Л. Н. Поликушка / Л. Н. Толстой.- Тарчумаи Н. Бектош. – Сталинобод: Нашрдавоҷ. -1959. -76 с.
4. Толстой Л. Н. Асарҳои мунтахаб дар 8 ҷил. / Л.Н.Толстой.- Душанбе: Ирфон.- 1978-1982.
5. Самад В. Адиби озарӣ- боғбони «ниҳоли тамаддунн тоҷик» / В. Самад. Книга: Аз қаъри Хазар то Зӯҳал. - Душанбе: Маориф, 1991.

ПЕРЕВОД РАССКАЗА Л. ТОЛСТОГО «ПОЛИКУШКА» Н. БЕКТОШЕМ НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК

Статья посвящена переводу рассказа «Поликушка» - точнее два варианта одного перевода, опубликованного с интервалом в двадцать четыре года Н. Бектошем. В ней говорится о переводе рассказа, который переводчик мог сохранить стилистику повествования Л. Толстого, передать содержание оригинала. В тексте даны сцепленность каждой фразы с последующей, передача ярких диалогов, насыщенных особой этикетной речью и избыточными реалиями - эквиваленты на таджикский язык.

Ключевые слова: перевод, рассказ, художник, литература, взаимосвязь, реалий, эквивалент, достижение.

TRANSLATION OF L. TOLSTOY'S STORY "POLIKUSHKA" BY N. BEKTOSH INTO TAJIK LANGUAGE

The article is devoted to the translation of the story "Polikushka" or more exactly two variants of one translation published at the interval of twenty-four years by N. Bektosh. It tells us about the translation of story that the translator in which could save the style of narration of Tolstoy and provide the content of the original. The coherence of the each phrase is given with further provision of bright dialogues through special etiquette speech and abundant culture-bound terms – equivalents into tajik language.

Keywords: translation, story, artist, literature, relationship, reality, equivalent achievement.

Сведения об авторе: Рустамова Гуландом Рустамовна, кандидат филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры русского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садрриддина Айни, e-mail: princes0871@mail.ru

About author: Rustamova Gulandom Rustamovna, candidate of philological sciences, dotcent of Universitywide Department of Russian Language of Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni, e-mail: princes0871@mail.ru

ИНЪИКОСИ ШАХСИЯТҲОИ ТАЪРИХӢ ДАР РОМАНҲОИ ТАЪРИХИИ ДАВРАИ ИСТИҚЛОЛ (ДАР МИСОЛИ РОМАНИ ТАЪРИХИИ А. ҲАМДАМ ВА Л. ЧИГРИН «ХАТОИ ТЕМУРИ ЛАНГ»)

Ўлмасова З.

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи Б. Гафуров

Романи таърихӣ Ато Ҳамдам ва Леонид Чигрин «Хатои Темури Ланг» («Ошибка Тамерлана») (2012), ки аз се китоб ва ифтитоҳу интихояш иборат аст, низ самараи ҷустуҷӯҳои эҷодии нависандагони таърихнигор мебошад ва танҳо ба шарофати истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва фаро расидани озодии сухан таълифи чунин асар имконпазир гардид.

Дар бораи Амир Темури (1336-1405) ҳамчун шахсияти таърихӣ дар Осӣ, Аврупо ва Амрико китобҳои бисёр навиштаанд, ки онҳо аз солнома, тадқиқоти илмӣ, асарҳои бадеӣ иборат мебошанд. Ҳамаи он асарҳо воқеаҳои қарни XIV-ибтидои асри XV-ро дар бар мегиранд, ки дар маркази онҳо ҷараёни зиндагӣ ва фаъолияти лашкаркашии ин хунхор қарор гирифтааст. Таълифи чунин асарҳо давом дорад. Роман – хроникаи нависандаи намоёни Ўзбекистон Евгений Березиков «Великий Темури» (1994) ва солномаҳои бадеии нависандаи мустафрик Гарольд Лемб «Тамерлан. Правитель и полководец» (2006) ва «Тамерлан. Потресатель вселенной» (2008) аз ҷумлаи ҳамин гуна асарҳо ба шумор меоянд. Евгений Березиков дар асоси санадҳои таърихӣ ва манзараҳои бадеӣ нишон медиҳад, ки «Темури дар давоми ҳафтад соли зиндагониаш сию шаш соли онро дар юришҳои ҳарбӣ гузаронид, ҳазорҳо набард карда пирӯзиҳо ба даст овард, вале ҷангро ягон маротиба ҳам бой надод. Темури 26 давлатро тасхир кард. Бинобар он ӯро бузург меноманд» [1, с. 5]

Асари Е. Березиков сар то по аз васфу ситоиши Темури золим ва бетараҳҳум иборат аст. Бесабоб нест, ки муаллифи сарсухани роман, таърихшиноси ўзбек, президенти созмони Амир Темури Бӯрибой Аҳмадов менависад, ки «Он (Темури – З. Ў.) знал, как сделать государство сильным а, народ счастливым» [1, с. 3]. Темури давлати худро ҳақиқатан ҳам мустаҳкам кард, вале халқро хушбахт карда натавонист, зеро ӯ на танҳомардумони мамлакатҳои тасхиркардашро аз дами тег мегузаронд, балки ба сари халқи ўзбек ҳам ғоҷаҳои ғӯшношунуда овард. Темури танҳо ба қабилҳои барлос, ки худ ба он мансубият дорад, аҳамият меод.

Шахсияти Темури ҳамчун амири Самарқанд ва сипас сарвари тамоми империяи бузург, ки аз Осӣи Миёна, Закавказия ва аз он ҷо то Чинро фаро мегирифт, дар тадқиқоти номбурдаи Гарольд Лемб, ки вижагиҳои бадеӣ доранд, нисбатан ҳолисона нишон дода шудаанд. Муаллиф Темуриро ҳамчун амири тавоно, сарлашқари бузург ва ҷаллоди бераҳму шафқате, ки аз сари одамони бегуноҳ манораҳо (пирамидаҳо) сохтааст, ба тасвир меорад. Ин гуна асарҳо дар бораи қору пайқори Темури дар забонҳои англисӣ, русӣ, ўзбекӣ ва дигар миллатҳо кам нестанд. Ҳатто дар тадқиқотҳои, ки мавзӯи гуногунро фаро гирифтаанд, ба муносибати исми Темури тазаккур ёбад, ӯро «хунрези маъруф» [2] меноманд. Аз ин рӯ чӣ зарурате буд, ки А. Ҳамдам ва Л. Чигрин ба ин мавзӯи зоҳиран обшуста муроҷиат намоянд? Муаллифҳо дар пешгуфтори романи сегонаи худ ба саволи мазкур чунин ҷавоб додаанд: «В своей книге мы не стремились подробно описать все завоевания грозного Тамерлана, это заняло бы слишком много страниц. Мы брали лишь те эпизоды из его битв, которые не освещались в полной мере и помогали исследовать динамику характера нашего героя» [4, с. 30].

Ҳарчанд муаллифони роман таъкид кардаанд, ки онҳо бештар ба тасвири дунёи ботинии ҳукуматдори Самарқанд шуғл варзидаанд, поинтар боз саҳеҳ мефармоянд, ки ӯ, яъне Темури ба замонаи худ мувофиқ буд, аммо бо нерӯи азим даврони зиндагонии худро ба кулӣ тағйир дода тавонист, ба симои олам дигаргунии бузург ворид намуд. Темури на танҳо бо воқеаҳои сиёсӣ иҷтимоӣ ва маънавию ахлоқии замони робитаи зич дошт, балки мазмуну мӯхтавои он рӯйдодҳои ҷиддиро муайян мекард.

Дар роман хоҳу ноҳоҳ вазъияти замони ва руҳи он инъикоси бадеии худро ёфтаанд. Шароити таърихӣ дар асри XIV ва ибтидои қарни XV хеле мураккаб буд. Пас аз ҳуҷум ва ғоратгарӣ, куштор ва сӯхтори хони Муғулистон Чингизхон муғулҳои бодиянишин дар Осӣи Марказӣ реша ронда, худро ҳокими мутлақ ба шумор меоварданд. Дар романи А. Ҳамдам ва Л. Чигрин бо образ ва манзараҳои бадеӣ тасвир шудааст, ки хонҳои муғул дар Мовароуннаҳр, ки улуси Чигатой, писари дуҷуми Чингиз, маҳсуб

мешуд, тадричан дини исломро пазируфт, дар гирду атрофи худ намояндагони уламо ва тоҷиронро чамъ мекарданд, сиёсати мутамаказонидани ҳокимияти хониро ривоч медоданд. Ин гуна рафтори онҳо эътирози сардорони қабилаҳои мугул ва туркро ба амал меовард. Аз ҳамин ҷост, ки дар нимаи якуми қарни XV Мовароуннаҳро муборизаи байни хонҳо ва пешвоёни қабилаҳои турк ва туркшуда фаро гирифт. Дар натиҷа сарварони қабилаҳои номбурда обрӯю эътибори зиёд ба даст оварданд ва ҳокимияти мугулҳо хеле заиф гардид. Дар ҳамин вазъият Темур ба зухур омад ва дар атрофи худ ҷавонони ҷасурро чамъ карда, ҳамчун сардори аскарони кироя ба ин ё он хон хизмат менамуд. Рафта –рафта амири Самарқанд гардид ва давлати бузургро ташкил кард, ки ин давлат дар натиҷаи лашкаркашӣ, ҷангҳо ва қатли оми бераҳмона забту тасхири кишварҳои дигар вусъат пайдо кард ва ба империяи бузург табдил ёфт. Дар романи «Темури Ланг» ҳамаи ин протсессҳои сиёсӣ иҷтимоӣ ҳаққонӣ ба тасвир омадаанд.

Нависандагон А. Ҳамдам ва Л. Чигрин дар офаридани асари худ аз сарчашмаҳои мӯътамади таърихӣ ва адабӣ истифода кардаанд. Шояд чунин китобҳо, амсоли «Тузукоти Темурӣ», ки онро муаррихон ба қалами худи Темур нисбат медиҳанд, «Зафарнома»-и Шарафуддин Алии Яздӣ (а. XV), таълифоти Мирхонд (1433 – 1498) ва Хондамир (1475-1535) «Равзат-ус-сафо» ва «Ҳумоюннома»-ро низ дар эҷоди роман қорбаст карда бошанд.

Ҳама дар ин нест, ки асарҳои номбурда аз қадом мавқеъ навишта шудаанд (нависандагони мо эҳтимол онҳоро бо нигоҳи танқидӣ омӯхта бошанд-З. Ҷ.) муҳим он аст, ки дар он сарчашмаҳо таърихи ҳаракатҳои ҷаҳонгирии Темур, номи мамлакатҳои забткардаи ӯ, исми одамон, ҳокимон, волиён, хонҳо, пир, дӯст, душманони ӯ ва ғайра тазакур ёфтаанд. Ин сарчашмаҳои таърихӣ барои нависандагон маводи фаровон медиҳанд ва онҳо метавонанд он материалҳоро ҷитавреки бихоҳанд, истифода баранд. Як сарчашмаи муҳими таърихӣ, ки то ҳол ягон нависанда аз он огоҳ набуд ва онро А. Ҳамдам ва Л. Чигрин аз китобхонаи давлатии Санкт-Петербург пайдо кардаанд, асари ёддошти таърихнавис Мирзо Яъқуби Хучандӣ «Ҳақиқати таърих» мебошад. Тибқи тасвири муаллифони роман ӯхамроҳи Амир Темур дар юришҳои ҳарбӣ ширкат варзида, он чиро, ки бо ҷашмони худ дида ва бо гӯшҳояшон шунидааст, дар таърихномаи худ рақам кардааст. Порчаҳои, ки аз асари мазкур дар романи А. Ҳамдам ва Л. Чигрин истифода шудаанд, далели ҳақиқатнигорӣ ва нигоҳи холисонаи муаллиф ба ҳаракатҳои ҷаҳонгирии Темур ба шумор меоянд. Аз ин рӯ «Ҳақиқати таърих», асари Мирзо Яъқуби Хучандӣ, аз бисёр ҷиҳатҳо дар роҳи муайян шудани самти тасвири таҳқиқ ва ҷамъбастиҳои бадеии фаъолияти давлатдорӣ ва юришҳои ҳарбии Темур мусоидат намудааст. Муаллифон дар ифтиҳои роман баъзе маълумотҳоро аз ёддошти сафири Испания дар давлати Темур Руи Ганзалес де Клавихо низ овардаанд, ки ӯ муҳимтарин воқеаҳои дар империяи ин ҳукуматдори ноинсоф, ҷобир ва хуношом руҳдорро батафсил навишта будааст.

Тадиқотҳои академик В.В. Бартольд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», И. П. Петрушевский «Народное движение в Самарканде 1365 года», «История сарбадиров в Хорасане», устод С. Айни «Қаҳрамони халқи тоҷик Темурмалик» (1944), «Алишер Навоӣ» (1948), Б. Ғафуров «Тоҷикон» (1998) ва дигарҳо, ки арафа, замони ҳукмронии Темур ва авлоди ӯро фаро гирифтаанд, ба А. Ҳамдам ва Л. Чигрин барои дарки моҳияти юришҳои ҳокими Самарқанд ва аҳволи халқ дар он замон кӯмаки зиёд расонидаанд. Бисёр дур нарафта боби панҷуми «Тоҷикон»-и Б. Ғафуров «Халқи тоҷик дар давлати Темур ва Темурӣ»-ро амиқ омӯзем, натиҷа хоҳем бардошт, ки концепсияи илмӣ муаррихи забардасти тоҷик дар роҳи муайян шудани концепсия бадеии муаллифони романи «Темури Ланг» нақши муҳим бозидааст.

Ба ҳамин тариқ, нависандагон мазмуну моҳияти даврони салтанат ва ҷангҳои Темурро барои ташкил кардани империяи бузург, ки дар вақташ Искандари Мақдунӣ ва Чингизхон ҳам дар ин ҷода мубориза бурдаанд, ҳамаҷониба дарк карда, романи шоистае офаридаанд, ки дар таърихи адабиёти тоҷик воқеаи тоза ба шумор меояд.

Китоби якуми роман «Восхождения» ном дорад. Вай аз фикру андешаҳои Чингизхон, ки пас аз вафоташ, кӣ сарвари империяи бузурги ӯ ташкилкарда хоҳад шуд, оғоз меёбад. Дар поёни умри ӯ қабилаи барлосҳои мугул ҳукумати худро бо сардории Тохучар дар Шаҳрисабз истехком мебахшидаанд. Сипас барлосҳо дар Қашқадарё реша ронда, исломро пазируфтанд, забонҳои тоҷикию туркӣ омӯхтанд. Яке аз хонҳои барлос

Тарағай бо духтари шайх Сайфиддини Бухороӣ Тегинамоҳ оиладор шуд ва аз ин издивоҷ Темур ба дунё омад.

Дар китоби аввал муборизаҳои хони Муғулистон Туғулук-Темур бо барлосҳои Қашқадарё ва Самарқанд тасвир ёфтааст, ки дар он ҷангу ҷидолҳои Темури ҷавон ба қавми худ хиёнат ва ба Туғулук – Темур хизмат кард. Дар хизмати ӯ Темур худро чун ҷанговар ва ташкилотчи моҳир нишон дода тавонист, ки ин ба ҳақиқати таърихӣ рост меояд. Дар муддати кӯтоҳ Мовароуннаҳр тобеи Туғулук-Темур гардид. Пас ӯ инро ба инобат гирифта Темурро ҳокими тамоми барлосҳои Қашқадарё таъин намуд. Вай бо ҷабру зулм ҳукмронӣ мекард ва бо ҳамроҳии дӯсти ҷавониаш Ҳусейн, ки ҳокими Балх буд, аҳд баста, ҳарду якҷоя алайҳи муғулҳо, қабл аз ҳама барлосҳо, мубориза мебуданд.

Дар асар тасвир шудааст, ки Темур ва Ҳусейн натавонанд зафар мекарданд, балки шикаст ҳам меҳӯрданд. Дар муҳорибае, ки дар соҳили дарёи Аму ба вуқӯъ пайваस्त ва он дар таърих бо номи «ҷанги гилӣ» маъмул аст, Темур ва Ҳусейн саҳт шикаст хӯрданд ва онҳо Самарқанду Кешро ба ҳоли худ гузошта рӯ ба фирор оварданд, худро ба соҳили дигари Аму гирифтанд. Онҳо дам мегирифтанду қувва ҷамъ мекарданд.

Дар китоби якуми роман муборизаи сарбадорон бо сардории Мавлонзода ва ду нафари дигар – Мавлоно Хурдак ва Абӯбакри наддоғ бар зидди муғулҳои ғоратгар, ки ба Самарқанд ҳамла оварданд, муфассал тасвир ёфтааст. Ҷавонони мазкур ва халқи Самарқанд дар ҳифзи шаҳр, шаъну шараф, нағму номус ва мубориза алайҳи муғулҳо, дар роҳи озодӣ қаҳрамонӣ карданд ва худро ҳамчун ватанхоҳони асил нишон доданд. Темур ва Ҳусейн аз корзору корномаи самарқандӣ огоҳ буданд.

Муаллифони роман метавон гуфт, ки ин қисмати романи худро қабл аз ҳама ба асари Б. Ғафуров «Тоҷикон» таъя карда навиштаанд. Академик Б. Ғафуров дар навбати худ сарчашмаҳои таърихиро ба таври фаровон истифода карда, муборизаи сарбадоронро бар зидди муғулҳо хеле муфассал тадқиқ намудааст. Ҳатто дар мавриди ҳамлаи дуҷуми муғулҳо ба Самарқанд дар байни душманон паҳн шудани маразии тоҷикон аспро низ таъкид кардааст, ки ин яке аз сабабҳои ақибнишинӣ ва гурехтани онҳо гирдида буд. Дар масъалаи ба Самарқанд ворид шудани Темур ва Ҳусейн чунин навишта шудааст:

«Вақте ки хабар аз муҳосираи Самарқанд даст нақашаида, ақибнишинӣ кардани муғулҳо ба гӯши Темур расид, ӯ феврал ба пеши амир Ҳусейн қосид фиристода, ҳақиқати воқеаро ба вай хабар дод. Амир Ҳусейн ва Темур ба зудӣ ҳамдигарро мулоқот намуда, дар ин бора маслиҳат карданд ва қарор доданд, ки дар ишғоли Самарқанд шитоб накунад. Зеро онҳо зоҳиран аз дучор шудан ба муқовимати саҳти мудофиакунандагони шаҳр метарсанд. Ин буд, ки онҳо ба муборизаи ошкорои зидди аҳолии Самарқанд ҷуръат накарда, тасмим гирифтанд, ки онро бо макру ҳила ба даст дароранд.

Онҳо барои ба ғайратгузоштани мудофиакунандагони Самарқанд ба унвони роҳбари мудофиаи шаҳр нома навишта, изҳор намуданд, ки идораи шаҳро ба ӯ воғузур кардаанд ва ҳеҷ яке аз соқинони он ҷазо дода нахоҳанд шуд. Онҳо ин ваъдаҳои онро бо қасамҳо тасдиқ намуда, номаро бо либосҳои фохира ва туҳфаҳои фиристоданд ва инчунин бо ҳамроҳии элчиҳои хушзабон намояндагони махсуси худро равона кардаанд, ки ба шаҳр дохил шуда, барои забт намудани Самарқанд замина ҳозир кунанд ва дар ин амр аз гуногунии ҳаёти сарбадорон истифода баранд» [3, с. 643-644].

Дар романи «Темури Ланг» ҳамаи ин воқеаҳо андешаҳо, нақшаҳо ва тадбирҳо бо манзара ва образҳои бадеӣ тасвир ёфтаанд.

Дар баъзе сарчашмаҳои таърихӣ аз он ҷумла навиштаҳои Мирхонд ва Хондамир муборизаи сарбадорон алайҳи муғулҳо баҳои мусбат гирифта бошад ҳам, ба баъзе гуруҳҳои сарбадорон «ошӯбгару ҷинояткори гузаро», «муртақабӣ ҳар гуна рафтори қабҳ» номида шудаанд. Гӯё онҳо пас аз мағлуб намудани муғулҳо «ба роҳи шарора ва фитна даромада, дастӣ ғорат ба моли раият задаанд».

Шарафуддин Алиӣ Яздӣ низ навишта будааст: «Ба сари як гуруҳ мардум бодӣ гуруҳ ва ифтихор вазид: онҳо ба берун аз ҳадди худ қадам гузоштан ҷасорат намуда, дастони хунрезии ситамвори худро ба ҳар тараф дароз карданд» [3, с. 642-643].

Б. Ғафуров баҳои муаррихони феодалии давраи Темурро нисбат ба ҳаракати сарбадорон «баҳои бӯхтономез» меномад, зеро сарбадорон, ки манфиатҳои пешварон ва табақаҳои поини аҳолии шаҳро ҳимоя мекарданд ва ин мавқеи онҳо муҳолифи

манфиатҳои аён ва ашрофи Самарқанд буданд. Хондамир, Мирхонд, Шарафуддин Алии Яздӣ бошанд бештар ҳаводори ҳамон аён ашроф буданд. Аз ҳамин ҷост, ки онҳоба фаъолияти сарбадорон баҳои яктарафа додаанд.

Дар романи таърихӣ ҳаракати ватанхоҳони сарбадорон муфассал ва реалистона, холисона ва ҳақиқатнигорона таҳлилу таҳқиқчамбаст шудааст. Нависандагон образҳои дурахшони роҳбарони ҳаракати халқии-сарбадорон Мавлонзода, Мавлоно Хурдаки Бухорӣ, Абӯбақари наддоф ва Равшани начорро хеле хуб офаридаанд. Онҳо, баҳусус Мавлонзода ва Равшан, ба мардуми Самарқанд аз рӯи адлу инсоф бо камоли ғамхорӣ роҳбарӣ карда, дар баробари ҳамин, баъзе гуруҳҳои майл ба ғоратгари намударо дар шӯрои халқии ҳукумати мардуми Самарқанд танбеҳ медиҳанд ва ба роҳи дурустхидоят менамоянд. Дар ин чода ба муаллифони романдастовардҳои таърихшиносони тоҷик ва хориҷӣ кӯмаки аввалиндараҷа расонидаанд.

Вобаста ба баррасию тасвири ҳаракати сарбадорон дар роман як парадокс, як муносибати синфӣ ба воқеаҳои таърихӣ ба иштирокдорони он мушоҳида гардид. Агар Хондамир, Мирхонд ва Шарафуддини Алии Яздӣ сарбадоронро чун ғоратгарон ва исёнгарон, душманони ҳукумати вақт маҳкум карда бошанд, нависандагон А. Ҳамдам ва Л. Чигрин бойҳо ва савдогаронро бо амалҳои зишт зерӣ маломат гирифтаанд. Дар роман муқобилгузори синфӣ дорои ранҷбар хеле рӯшан ба тасвир омадааст:

«Простые самаркандцы отдавали последние сбережения на покупку вооружения и продовольствия для защитников города; богачи купцы, ростовщики неспешили расстаться с нажитым. Гвардейцы молодого предводителя выявляли таких скупердяев. Их публично объявляли врагами народа, обыскивали роскошные жилища изымали всё ценное становившееся общим достоянием. Купец Рахимбой, пострадавший изза своей жадности одним из первых, распустил слух, что Мавлон-зода набрал себе золото и укрывает в подвале своего жилища...» [4, с. 162].

Аз ин гуна тасвир муносибати синфӣ ба таърих маълум мегардад, ҳол он ки яке аз принципҳои таърихнигорӣ дар давраи истиқлолияти миллии Тоҷикистон муносибати умумибашарӣ ба таърих мебошад. Тоҷир Раҳимбой ва ватандӯст Мавлонзода барин шахсоне, ки ҳислатҳои тазод доштанд, дар байни намояндагони синфи доро ҳам будан дар байни мардуми ҳунарманд ҳам, дар байни камбағалҳо ба ҷашм мерасиданд. Дар тавсифи онҳо нависандагон ба истифодаи ранҷҳои сиёҳу сафед роҳ доданд: бой, савдогар – одами бад, ҳунарманд, камбағал – одами хуб. Ин тарзи тасвири ашхос низ муносибати яктарафа ба воқеият мебошад.

Китоби дуҷуми роман «В зените славы» ном дорад. Дар ин қисм низ ҳаракати сарбадорон тасвир ёфтааст. Аммо нависандагон бештар ба тағйироте, ки дар он амалиёти эшон руҳ дода буд эътибор медиҳанд. Ин дигаргунӣ аз ҳамин иборат аст, ки як зумраи сарбадорон сарвати бойҳо, тоҷирон ва судхӯронро ба ғорат бурда, байни худ тақсим карда мегиранд. Вале сарварони сарбадорон он гуруҳҳоро аз ин иқдоми ношоиста манъ мекунанд. Тағйироти дигар дар муносибати байни Мавлонзода ва Абӯбақари наддоф ва Мавлоно Хурдаки Бухорӣ ба вуқӯъ меояд. Чун сарбадороназ итоати Мавлонзода баромаданд ӯ ба мадраса баргашта, боз ба омӯзишу пажӯҳиши масъалаҳои илмӣ машғул шуд ва роҳбарии ҳаракати сарбадорон ва идораи Самарқанд ба дӯши Равшани пешвар, дӯсти деринаи Темур гузошта шуд.

Дар асар тасвир шудааст, ки муносибати Темур ба Ҳусейн нисбати сарбадорон дигар - дигар буд. Ҳусейн онҳоро ба ғуломон табдил додан мехост. Аммо Темур сарбадоронро ҷонибдорӣ мекард. Дар ин замина муносибати Темурва Ҳусейн ҳамтағйир ёфта ва онҳо ба душмани ошкорои ҳамдигар мубаддал гардиданд. Ҳатто Ҳусейн Темурро бо дасти Туғайбеки чоҳпарастӣ ҷаллод куштани шуд. Темурро Равшан ҳимоя карда, худзаҳм бардошт. Темур Туғайбекро бо ваъдаҳои парасторӣ ба тарафи худ гардонд, Ҳусейн, ки ба ҷуз Мавлонзода ҳамаи роҳбарони сарбадоронро ба қатл расонида буд аз Темур тарсида ба Балх фирор кард. Ҳокимият дар Самарқанд ба дасти Темур монд.

Дахшати Темур ба сарбадорони ӯ, ки торафт миқдорашон меафзуд, тамоми амирони Моварроуннаҳро ба тарсу ваҳм меоварад. Ин аст, ки онҳо ба Темур тобеъ мешуданд. Ҳатто дар радифи амири Хатлон ҳокими Бадахшон шоҳ Маҳмуд ва амири Қундуз Ёлча Бурро низ ба ӯ сари итоат ҳам карданд. Дар роман тасвир шуда, ки шоҳи Ёрдаи Гилло Тӯхтамишхон низ сиёсати Темурро дастгирӣ карда дар сурати як нафар тоҷир ба назди ӯ омад ва ҳарду оиди дӯстӣ аҳду паймон карданд.

Ба даст овардани Балх Хоразм ва Ёрдаи Сафед кудрати лашкари Темурро ба исбот расонданд ва роҳ ба чахонгирӣ кушоданд.

Дигар аз масъалаҳое, ки дар китоби дуҷуми романи А. Ҳамдам ва Л. Чигрин инъикос ёфтааст, тамоман несту нобуд кардани сарбадорони Самарқанд мебошад. Мавлонзода ҳамагӣ як сол роҳбари Самарқанд нашуда бошад, ҳам ислохоти чашмрас ворид кард. Ҳамаи андозу хирочҳоро, ки тибқи шариат набошад, барҳам дод. Заминҳои сахмии заминдорони калонро ба камбағолон тақсим кард...

Темур аз ин кордориҳои Мавлонзода хавф бурд, ки ӯ бо ин роҳҳо ба дараҷаи арбоби бузурги давлатӣ расида метавонад. Бинобар ин ӯро ба дасти Туғайбек аз байн бурд. Шояд ин самарайи таҳайюли бадеии нависандагон бошад, ки бо мақсади золимию ҷаббории Темурва тобеони ӯро нишон додан Мавлонзодаро ҳам куштанд. Дар «Тоҷикон»-и Б.Ғафуров таъкид шудааст, ки амир Ҳусейн бо фанду фиреб роҳбарони сарбадоронро кушта бошад ҳам «аз ин миён фақат Мавлонзода бо хоҳиши Темур халосӣ ёфт» [3, с. 644].

Дар байни Темурва Равшан сардӣ афтада, онҳо душманони ҳамдигар будани худро ошкоро иброз меошанд. Равшан 500 нафар ҳамфикрони мусаллаҳи худ дар куҳҳо паноҳ бурда бар зидди аскарони даҳҳазораи Темур, ки онҳоро Туғайбек сарварӣ мекард, мубориза бурда, зафарҳо ёфта то ба соҳили Амударё расиданд. Аммо дар ҷанги тан ба тан бо Туғайбек ҳарду ба варта афтада ҳалок шуданд.

Ба ҳамин тариқ, Темур сарбадоронро пурра несту нобуд карда, давлати худро аз хавфу хатари онҳо наҷот дод.

А. Ҳамдам ва Л. Чигрин навиштаанд, ки Темур ҳар як кишварро бо куштору сӯхтор ба итоати худ даровард. Бехтарин меъморон, муҳандисон, бинокорон, наққошон, қошикорон, наҷворон ва умуман аҳли ҳунарро ба қаламрави худ маҳсус Самарқанду Кеш меовард, то ки зодгоҳ ва пойтахти худро обод кунад масҷиду мадраса, қаср ва дигар обидаҳои зебо бисозанд. Ин ҳам яке аз роҳҳои давлатдорӣ ба шӯҳратёр гардидани ӯ буд. Ин аст, ки китоби дуҷуми роман ба талаву тороҷ кардани Хоразм ба ҳок яқсон намудани пойтахти он Урганҷ, Самарқанду Кеш фиристодани аҳли ҳунар поён мепазирад. Бо ҳамин даҳ соли фаъолияти давлатдориро лашкаркашии ӯҷамъбаст мешавад.

Китоби сеҷуми романи онҳо ба фатҳи Эрон сар мешавад. Темур дар ин мамлақати калон ва шаҳрҳои он қатлу ғорат, куштору оммавӣ ва сӯхторро аз ҳад мегузаронад. Мирзо Яъқуби хучандӣ дар таърихномаи худ ҳаракати артиши Темурро «Тӯфон» ва худ амирро «Худои ҷанг Сулдэ» номидааст. Сулдэ Худои ҷанги муғулҳо буд, ки Чингизхон ба ӯ мӯътақид буд. Дар роман, аз як тараф тӯфонвор ба шаҳру вилоятҳои Эрон ҳучум овардани лашкари Темур тасвир ёфта бошад, аз тарафи дигар муборизаи қаҳрамононаи Эрониҳо алайҳи ин одамхӯрон ҳаққонӣ ба тасвир меояд. Мисоли дурахшони инқаҳрамонӣҳимояи шаҳри Исфаҳон мебошад. Исфаҳониҳо юзбошии лашкари Темур Барган Ҷилонро, ки аз хунрезии ӯ ба ҷон омада буданд пӯст канда часадашро рӯи ҳок партофтаанд ва ӯро сағҳо хӯрда тамом кардаанд. Дар натиҷа Темур тамоми лашкари худро ба Исфаҳон сафарбар кард. Исфаҳониҳо ҷунон диловарӣ нишон доданд, ки юзбошиҳои Темур, Баҳром, Ҷалоир, Мӯсо, Шер Баҳроми Хуттаянӣ ва дигарҳо ақибнишинӣ карданд. Темур ҷунин муқовимату муборизаи ватанхоҳонаи Исфаҳониҳоро дар ягон кишвар надида буд. Темур ба ғзаб омада худаш аспсавор бо лашкари бешумор ба шаҳр зада даромад. Ҷунон даргириҳои бераҳмона ба вуқӯъ пайваст, ки дар Исфаҳон ягон нафар эронӣ зинда намонд.

А. Ҳамдам ва Л. Чигрин ба риштаи тасвир кашидаанд, ки Темур барои забти Эрон понздаҳ сол ҷанг кард, то ҷое, ки тамоми мардони Эрон кушта шуданд, шаҳрҳо ба ҳокистар мубаддал гардиданд. Аз каллаи одамон манора сохт.

Дар романи Сорбон «Достони писари худо» тасвир ёфтааст, ки Искандар ҳар шаҳреро, ки месӯхт, ба ҷояш шаҳри нав месохт, то шӯҳраташ оламگیر гардад. А. Ҳамдам ва Л. Чигрин нишон медиҳанд, ки Темур хароб мекард, на обод. Вай сарват ва ғаниматҳои худро фақат дар роҳи эҳғарии Самарқанду Кеш харч мекард.

Боқадом сабабе дар романи Е. Березиков «Великий Тимур» лашкаркашии қаҳрамони асар ба давлати бузурги Эрон тасвир наёфтааст. Дар сурате, ки «Тузукоти Темур» юриши ӯро ба Гелон, Ҷурҷон, Мозандарон, Озарбойҷон, пойтахти Форс – шаҳри Шероз ва дигар шаҳрҳоро дар бар мегирад. Яъне дар романи Е. Березиков фаъолияти чахонгирии Темур нопурра ба тасвир омадааст.

Темур бисёр кишвархоро хароб кард ва мардумони зиёдеро аз дами тег гузаронд. Аммо ӯ дар Исфохон аз сари мактулон манора сохта, аҳолии дигар шаҳрхоро низ ба қатл расонида бошад ҳам, худи Эронро вайрон накард. Шояд ин аз он сабаб бошад, ки худи ӯ низ ҳашамату ҷалол ва шаъну шукӯҳи шоҳони эрониро мехост, худро ба тахти Эрон, монанди Искандари Мақдунӣ шоҳи муносиб ба шумор меовард.

Куштору сӯхтори шаҳрхоро кишварҳо, қавмҳоро халқҳо зинаҳои болоравии Темур буд. Ҳар қадар, ки ӯ дар поғундаи мансаб баланд мерафт, фочиа дар мамлакатҳои забткардаи ӯ зиёдтар рух меод. Ӯ аз болои мурдаҳои зиндаҳо қадам гузошта ба мартабаи амири расид. Вай орзу дошт, ки мисли Чингизхон ва Искандари Мақдунӣ ҷаҳонгир шавад. Аммо дар бедодию ҷабборӣ аз онҳо пеш гузашт.

Хулоса романи А. Ҳамдам ва Л. Чигрин доираи васеи воқеаҳои сиёсӣ иҷтимоӣ ва ахлоқӣ, инчунин ҷуғрофияи васеи мамлакатҳоро аз Самарқанд то Муғулистон ва аз тамоми Мовароуннаҳр то Эронро Ҳиндустон ва мамолики араб дар бар гирад ҳам, дар маркази онҳо қорзорҳои хуношомонаи Темур меистад. Вай зӯран кишвархоро ба худ тобеъ намуда бошад ҳам, ин иртиботи сунӣ буд ва пайванди ҳақиқии мустақам ба вучуд наомад. Бино бар он империяи ӯ пас аз ҷафаш пароканда шуд.

Адабиёт:

1. Березиков, Е. Великий Тимур: Роман – хроника. / Е. Березиков. – Ташкент: Укутувчи, 1994. – 220 с.
2. Гарольд Л. Великий Кир. Первый монарх / Л. Гарольд. – М.: Центрполиграф, 2005. – 442 с.
3. Гафуров, Б. Таджики: В 2 томах / Б. Гафуров – Душанбе: Ирфон, 1998. – т.1, т. 2.
4. Ҳамдам, А., Чигрин, Л. Ошибка Тамерлана / А. Ҳамдам, Л. Чигрин – Душанбе: Адиб, 2012. – 578 с.

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЧНОСТЕЙ В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ ЭПОХИ НЕЗАВИСИМОСТИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА АТО ХАМДАМА И ЛЕОНИДА ЧИГРИНА «ОШИБКА ТАМЕРЛАНА»)

Статья посвящена проблеме особенностей использования исторических источников в романе Ато Ҳамдама и Леонида Чигрина «Ошибка Тамерлана». Автор статьи на основе анализа богатого фактического материала выявляет следующие особенности романа Ато Ҳамдама и Леонида Чигрина «Ошибка Тамерлана», походы Амира Тимура и восстание сарбаторов против чужеземных захватчиков.

В статье приводятся правильные названия некоторых средневековых восточных исторических сочинений, зафиксированных в примечаниях романа с погрешностями.

Ключевые слова: современная таджикская проза, роман Ато Ҳамдама и Леонида Чигрина «Ошибка Тамерлана», восстание сарбаторов.

REFLECTION OF HISTORICAL CHARACTERS IN HISTORICAL NOVELS OF AGE OF INDEPENDENCE (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY ATO KHAMDAM AND LEONID CHIGRIN "THE MISTAKE OF TEMIRLAN")

The article is dedicated to the problem of features of historical resources usage in the novel by Ato Khamdam and Leonid Chigrin "The mistake of Temirlan". The author of the article based on rich actual material reveals the following features of the novel by Ato Khamdam and Leonid Chigrin "The mistake of Temirlan", Amir Timur's campaigns and insurrection of sarbators against foreign aggressors.

In the article there have been indicated the correct names of some medieval eastern historical works indicated in the novel notes with errors

Keywords: modern Tajik prose, the novel by Ato Khamdam and Leonid Chigrin "The mistake of Temirlan", insurrection of sarbators.

Сведения об авторе: Ульмасова Замира, кандидат филологических наук, доцент кафедры современной таджикской литературы Худжандского государственного университета имени Б. Гафурова, e-mail: zamira_ulmasova@mail.ru

About author: Ulmasova Zamira, PhD in Philology, docent of Chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after B. Gafurov, e-mail: zamira_ulmasova@mail.ru

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СААДИ «ГУЛИСТАН» В ЕВРОПЕ

Карахонов М. С., Мадиева У.

*Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни
Таджикский национальный университет*

Восприятие персидско-таджикской литературы в современном Западе началось в XVII – ом веке, а именно с переводом дидактического произведения Шейха Муслехиддина Саади из Шираза «Гулистан». Олеариус рассказывает в предисловии к читателю о том, что в его распоряжении находилось две рукописи «Гулистана». Оказываются обе рукописи потерялись, потому что в наследии Олеариуса не имеются рукописи «Гулистана» [6].

Так как у персов нет типографии в стране, и они должны обходиться написанными книгами, то и случается, что писари (переписчики) и копировщики оставляют не только некоторые слова, но и целые строки и параграфы. Порою переписывание (кроме Корана, с которым они обходятся очень бережно) произведений поэтов, в нашем случае в произведение Саади они добавляют от себя-то одно, то другое или же могут, оставить некоторые слова или строки. Трудность заключается еще в том, что если сравнить 10 переписанных произведений – то невозможно найти, хотя бы два одинаковых произведения, которые совпадали бы во всех пунктах. Посредством таких действий мысли автора могут быть затемнены или искажены. Я сравниваю некоторые слова одного экземпляра с другими и нахожу, что в одном экземпляре слова могут быть только названы, а в другом - они объяснены несколькими другими словами.

В королевской библиотеке Копенгагена имеется одна рукопись, которая по персидскому замечанию переписчика на последней странице написано «1639 in der Festung zu Gottorp für den König» - 1639 год в крепости Готторп для короля – а именно «sine dubito a Persa Haggwirdi» [2, Cod. Pers. Nr. LXXXIV]. – без сомнения перс Хаквирди. Эта рукопись и должна быть оригиналом, которым пользовался Олеариус. Она имела латинские примечания на полях и, возможно, принадлежало Олеариусу.¹ Некоторые признаки указывают на правильность этих данных. На одном месте в рукописи Хаквирди исправлено персидское слово, как неправильное чтение (толкование текста). Именно к этому слову Олеариус пишет замечание: «Мое высказывание в предисловии, что из 10 экземпляров персидской долины роз невозможно найти два, в которых все совпадало и здесь находит свое подтверждение. В моем экземпляре имеются следующие слова: «Ке бимирад чироии пиразане». Но в другом экземпляре читаем «Ке бимирад дар чароу парвона», оказывается не совпадает с мнением автора».

Эта рукопись имеет очень много недостатков. В ней отсутствуют не только предложения и стихи, а так же и целые истории [2].

В нашей работе мы опирались на «Саади. Гулистан. Критический текст, перевод, предисловие и примечания Р.М. Алиева», «Карл Хайнрих Граф Mosliheddin Sadi's Rosengarten....», «MVSLADINI SADI ROSARIVM POLITICVM – произведение Гентиуса» и конечно же «Persianischer Rosenthal – Персидская долина роз» Адама Олеариуса.

До «Персидской долины роз» существовало уже три перевода «Гулистана» на европейские языки, в том числе и одна немецкая. Как исходит из предисловия Олеариуса, он знал эти переводы. Принимая во внимание поздние исследования, важно знать, как он оценивал работы своих предшественников, и почему он считал необходимым новый перевод «Гулистана». Чтобы выяснить это и заодно передать общее впечатление от методов данных переводчиков, приводим несколько соображений.

Первый перевод «Гулистана» был на французском языке от Андре ду Рие «GVLISTAN ov l'Empire des Roses Composé par SADI, Prince des Poètes Turcs & Persans» (Paris 1634). В подзаголовке книги имеются данные о личности переводчика. Ду Рие [3] (1580-1660) являлся членом высокого дворянского рода и был государственным деятелем с важной функцией. Он был также послом французского двора в Египте до 1630 года. Оттуда отправляется он в Константинополь. Султан Мурад IV отправляет его во французский королевский двор с секретным посланием в июле 1632 году. Как посол он вследствие многочисленных путешествий познакомился с Востоком и его

¹ По информации королевской библиотеки Копенгагена от 19 декабря 1966 года.

важными языками. Ду Риe говорил на тюркском, арабском и персидском языках. Наряду с дипломатической деятельностью, он на досуге занимался литературой страны пребывания и Кораном, который он перевел на французский язык. С рукописью «Гулистана» он познакомился в библиотеках Каира и Константинополя.

В «l'Empire des Roses» замечаем отсутствие почти половины историй «Гулистана». Ду Риe не ставит в известность своих читателей о том, что в его произведении речь идет о неполноценном переводе персидского текста «Гулистан». Только в конце своего вежливого предисловного посвящения Хотманну¹ имеется примечание, которое дает понять, что французский сад необходимо осветить некоторыми цветами и кустарниками: «Octroyez donc ie vous supplie, Monsieur, vostre protection á cét estranger & trouuez bon que le Gulistan se fasse voir en France sous vostre nom; il ne dira rien de sa Religion qui puisse offencer les plus scrupuleux ny qui soit indigne de vostre azile».

Как следует из варианта ду Риe, уже в 1636 году появился первый немецкий перевод «GVLISTAN. Das ist, Königlicher Rosengart: Des persischen Poeten SADI. Durch Johan Friedrich Ochssenbach, aus Dem Französischen in Das Teutsche gebracht».² Йохан Фридрих Оксенбах перевел «Гулистан» с французского на немецкий язык. Он посвятил свой перевод Христофору Безолдо, Юрису Конзулто и Деро венгерскому и бохаймскому королевскому величеству.

Оксенбах в своем переводе «Rosengart» сильно опирается на французский перевод и имеет похожие недостатки как ду Риe.

15 лет спустя опубликуют третий перевод «Гулистана» на латинском языке: «MVSLADINI SADI ROSARIVM POLITICVM, Sive amoenvm sortis hvmanae theatrvm, De Persico in Latinum versum, necessariisque NOTIS illustratum A GEORGIO GENTIO» - этот перевод осуществил Георгиус Гентиус в 1651 году в Амстердаме.

Георгиус Гентиус родился в 1618 году в городе Даме у северного моря. В 1635 году после своей учебы в городе Галле был управляющим имением (гофмейстером) в городе Шлезвиг. В дальнейшем он посвящает себя изучению восточных языков. Одним из многих ученых, у которого Гентиус изучал восточные языки, был Даниэль Хайнсиус. Приобретенные знания иностранных языков позволили ему в 1641 году поехать с турецким послом в Турцию. Ему повезло больше всех тем, что ему разрешили посещать турецкие библиотеки и списывать для себя редкие произведения. После семилетнего пребывания в Константинополе он возвращается в Амстердам в 1659 году. Между тем он ездил один раз и в Персию. От саксонского курфюрста Йохана Георга II го, которому потом посвящает свой «Гулистан» получал он годовое жалованье. Несмотря на то, что у Гентиуса было огромное желание путешествовать по Востоку, должность советника, которую он получил по прибытию из Турции, не позволяли ему сделать этого. Здесь необходимо упомянуть и то, что он был секретарем во время переговоров кайзера Леопольда с турками во Франкфурте. В Вене он обнаруживает, что у турков плохие намерения на счет кайзера и ему грозит опасность. Спокойная жизнь Гентиуса, которую он вел в городе Галле, нарушается тем, что во дворе кайзера начинается борьба за наследство. В конце концов, он становится душевно больным, впадает в бешенство и умирает в возрасте 70 лет во Фрейбурге.

Гентиус осуществил свой перевод «Гулистана» на двух языках персидском и латинском. Его «Rosarium Politikum» является дословным переводом и отличается от французского перевода «l'Empire des Roses». Своим переводом Гентиус упростил понимание текста оригинала и облегчил изучение персидского языка. Многозначные слова (непонятные ему слова) он приводил в скобках, давая возможность читателю самому выбрать подходящее по смыслу слово. «Rosarium Politikum» является единственным его переводом из персидского языка. Он пишет в своем предисловии, что если его перевод «Гулистана» понравится читателям, то он переведет произведение Саади в короткий срок на немецкий и французские языки. К сожалению, его мечте не суждено было сбыться. Второе издание его латинского перевода появляется в 1673 году в маленьком формате и без персидского текста.

После этих трех переводов появляется «Персидская долина роз» Олеариуса: „Persianischer Rosenthal“ In welchem viel lustige Historien/ scharfsinnige Reden und

¹ „A Monsievr Monsievr HOTMAN, Seignevr de Morfontaine, Abbé de S.Mard, Conseiller du Roy en sa Cour de Parlement“.

² Kupfertitel.

nützliche Regeln. Vor 400. Jahren von einem Sinnreichen Poeten SCHICH SAADI in Persischer Sprach beschrieben. Jetzo aber von ADAMO OLEARIO, Mit zuziehung eines alten Persianers Namens HAKWIRDI übersetzt/ in Hochdeutscher Sprache heraus gegeben/ und mit vielen Kupfferstücken gezieret“ (Schleswig 1654). «Персидская долина роз» - с весёлыми историями, остроумными речами и полезными правилами. Написано 400 лет назад остроумным поэтом Шейхом Саади на персидском языке. Переведен на литературный немецкий язык, издан и украшен многочисленными медными штукаами Адамом Олеариусом с вовлечением персидского старца Хаквирди.

Почти третья часть его перевода осуществлена в прозе. Это непоследовательность скрывается от читателя, так как он не намекает на то, в каких местах текста оригинала истории приведены в прозе. Перевод Олеариуса является более точным, чем все предыдущие переводы.

Литература:

1. Алиев Р.М. Саади. Гулистан. Критический текст, перевод, предисловие и примечания. М., 1959.
2. Codices orientales Bibl. Reg. Hafn., III, Hafniae 1857.
1. Graf S.197 (Jedes Geheimnis)-199 (wohl vertragen), Olearius Nr.13-17, S.430 (von to kor)
2. Karl Heinrich Graf. Moslicheddin Sadi's Lustgarten. Jena. 1850.
3. Nouvelle Biographie Générale, Paris 1856.
4. Olearius Adam. Orientalische Reise - Beschreibungen. Schleswig. 1669.
5. Jan Rypka. Iranische Literaturgeschichte. Leipzig. 1959.
6. Wilhelm Pertsch. Verzeichnis der Persischen Handschriften, Berlin 1888 (Handschrift Verzeichnis der Königlichen Bibliothek zu Berlin. Bd. 4, Nr. 165, 6, 7, 447, 816)

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЯ СААДИ «ГУЛИСТАН» В ЕВРОПЕ

Проблема перевода и изучения персидско-таджикских произведений всегда была интересной для европейских ориенталистов. В статье дается краткая информация о переводах произведения Саади «Гулистан» в Европе. Материалом для исследования послужили многочисленные переводы «Гулистана» на европейские языки.

Ключевые слова: рукопись, перевод, язык оригинала, европейские языки, экземпляр, история, рассказ, посол, примечание, публикация, путешествие, советник, секретарь.

THE HISTORY OF TRANSLATION OF SAADI'S WORK "GULISTAN" IN EUROPE

The problem of translation and study of Tajik-Persian works was always interesting for European orientalists. In the article is given short information about Saadi's work "Gulistan" in Europe. The material of the research served numerous translations of "Gulistan" in European languages.

Keywords: manuscript, translation, source language, european language, copy, story, narrative, ambassador, comment, publication, travel, adviser, secretary.

Сведения об авторах: Карахонов Махмадрасул Сарахонович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: muhammad1967@mail.ru

Мадиева Умеда ассистент кафедры иностранных языков Таджикского национального университета, e-mail: niss.vostotschnaya@mail.ru

About authors: Karakhonov Mahmadrasul Sarakhonovich, PhD in Philology, Associate Professor of the chair of German language and methods of its teaching, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: muhammad1967@mail.ru

Madieva Umeda, assistant of the chair of Foreign Languages, Tajik National University, e-mail: niss.vostotschnaya@mail.ru

РАХИМ ХОШИМ КРИТИК И ПЕРЕВОДЧИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»)

Муллов А., Рустамова Г.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Историко-типологическое сопоставление культур охватывает бесчисленные проблемы, начиная от общности мифов и кончая различными новейшими жанрами письменной литературы. Раскрытие роли перевода и его влияния на формирование новых жанров и форм в той или иной литературе, выработка новых стилей в ходе сложнейших переплетений проблем – дело нелегкое. Художественный перевод считается мостом культурного общения и создает основу для взаимовлияния литератур. Характеризуя художественный перевод «как самое сердцевинное звено» взаимодействия литератур, «как непосредственную зону контакта», М. Новикова справедливо отметила, что «литературы народов СССР все еще осмысляются как явления скорее параллельные, нежели взаимодействующие. А тем временем пересекаются жанры и сюжеты, перекрещиваются ракурсы освоения жизненного материала и закономерности характерологии, - все они энергично напрашиваются на сравнение. Непредвиденные «сближения» – генетические, типологические – будят интерес, притом не только исследователей, но и читательской публики» [3, с. 27-31].

В 19 и начале 20 века русская литература достигла высокой степени развития. Влияние культуры, русской литературы и Европы другим народам привело к успехам. Развитие таджикской литературы осуществилось посредством литературной и исторической связи. Таджикская литература начала XX века, воспринимая лучшие духовные традиции мировой литературы, в том числе и русской, в то же время осваивала демократические тенденции других сравнительно развитых восточных литератур. Как известно, к концу XIX века развитие просветительной мысли в ряде государств Востока было тесно связано с возникновением и расцветом новой литературы. Это в свою очередь выдвинуло проблему обновления содержания литературы, которая приобретает все более критическую направленность. Наконец, эти важные процессы повлекли за собой необходимость создания новых форм и стилевых направлений. В литературах, имевших богатые классические традиции, происходит активное развитие реалистических тенденций с достаточно сильным критическим уклоном. В центре внимания прогрессивно мыслящих писателей находятся вопросы бедственного положения народа, проблемы социального и политического характера. Примером может служить творчество таких крупных художников слова, как Рабиндранат Тагор в Индии, Лу Синь в Китае и Тахо Хуссейн в Египте.

Начиная со второй половины 30-х годов прошлого века, таджикская литература начинает делать определенные достижения в области художественного перевода. На съездах писателей страны в основных докладах или специальных выступлениях делегатов съезда звучали одобрительные замечания о состоянии художественного перевода и популяризации литератур, благодаря которым сокровищница таджикской литературы обогатилась новыми художественными произведениями, что соответствует действительности.

Современный этап обращения к наследию Л. Толстого отмечен переизданиями и новыми переводами отдельных произведений, привлечением к переводу монументальных полотен Льва Николаевича маститых переводчиков и крупнейших прозаиков. Во второй половине XIX века произведения Толстого начали переводить на языки народов Кавказа и Средней Азии. Таджикский исследователь Вали Самад в беседе с С. Улугзода отмечает, что в 70-х годах XIX века таджикский народ уже был знаком с произведениями Толстого. Первым знакомством с Л. Толстым на родном языке жители Туркестана обязаны и печатным СМИ на таджикском языке. Но, прежде чем остановиться на проработке и последующих переводах толстовских произведений на таджикский язык, необходимо назвать другие источники, ставшие предпосылкой обращения национальных писателей-просветителей к Толстому. Еще раньше произведения Л. Толстого узнали в русско-туземных школах, где наряду с русскими обучались таджики, узбеки и другие народы Туркестана. В период 1885-1909 годов в Петербурге и Ташкенте неоднократно была издана «Книга для чтения» директора народных училищ Сырдарьинской области, преподавателя С. Граменицкого, в которую

вошли такие рассказы и публицистические очерки Л. Толстого, как «Много ли человеку земли нужно?», «Хозяин и работник», «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей», «Легенда китайской царицы Силинчи», «Петр и мужик», «Лев и мышь», «Старый дед и внучек».

Рахим Хошим как критик и переводчик произведений Толстого с уважением относился творчеству писателя. В творчестве Рахима Хошима иногда нелегко определить, что же является превалирующим – создание оригинальных произведений или переводческая деятельность. Он из языка в язык приносит перевод добро, ведет к рукопожатию, отвечает взаимному стремлению народов познать друг друга [1, с. 71]. Он родился и вырос в семье просвещенного человека, страстного любителя литературы. Любовь к книге, к духовному богатству народа внушил отец своему сыну, будущему ученику новометодной школы в городе Самарканде, где учительствовал Садриддин Айни. Первым его учителем была классика, другим был Садриддин Айни. Он переводил с русского на таджикский язык произведения, отвечающие интересам таджикского читателя и выражавшие просветительские идеи таджикского народа, которые нужны были нашим читателям, деятелям литературы и культуры. Рахим Хошим в переводах и распространении произведений Толстого раскрывает его новаторство, как художника слова. После ознакомления с творчеством Толстого и переводов малых рассказов писателя, в 1960 году он приступает к переводу романа «Анны Каренины». Рахим Хошим после М. Шукурова в деле пропаганды творчества Толстого, считался активным критиком произведений писателя. Он в 1959 году в статье «Назаре ба саргахи тамаддуни нави точик» [Один из истоков к новой таджикской цивилизации] и в 1960 году в статье «Яке аз тарчумонҳои аввалини адабиёти рус ва китоби ӯ» передал сведения о жизни и творчестве Толстого [10]. В 1960 году в честь 50-летия смерти Толстого публикуется другая статья Рахима Хошима «Адибе, ки таровишҳои қаламаш ҳукми оби ҳаётро дорад». («Писатель, плоды пера которого напоминают источник жизни»). В статье, по словам переводчика, говорится, что «от азербайджанского перевода «Кавказского пленника», который он прочитал 40 лет тому назад, до перевода романа «Анны Каренины», которое ему было суждено переводить, его притягивали к себе сила мощности творчества Толстого». Для Рахима Хошима перевод рассказов Толстого это возрожденная ценность, художественный дар и сокровищница литературы. Он совершенно исключает подстрочник и всегда переводит с оригинала – с русского, узбекского, турецкого, азербайджанского, т.е. тех языков, которыми он отлично владел. Пример Р. Хошима - исследователя, переводчика, неоднократно возвращающегося к работе над старыми переводами, должен быть поучительным для многих переводчиков, так как исправление и устранение недостатков является обязательным требованием в практике художественного перевода [2, с. 231;73].

Рахим Хошим после полного ознакомления с творчеством и переводов малых рассказов Толстого в 1960 году приступил к переводу романа «Анна Каренина». До 1960 года он перевел и опубликовал несколько частей романа. Во время перевода, он использовал переводы турецкого, азербайджанского и даже узбекского языка. Хотя были переводы романа на турецком, азербайджанском, татарском языке, Рахим Хошим из оригинала в течение три года (1957-1959) перевел «Анну Каренину» на таджикский язык. По некоторым источникам Рахим Хошим с творчеством Толстого знакомится в 11 лет через печати турецкого языка и литературы. В эти годы азербайджанцы и турки раньше и больше переводили русскую литературу, поэтому произведения русских писателей при посредстве турецкого языка были доступны таджикскому народу. Об этом пишет критик: «В общей библиотеке, которая была образована перед Революцией таджикскими просветителями в 1914 году в Самарканде, было много книги Турецкого издания. Я был страстным читателем турецких и персидских книг, но в фонде библиотеки из произведения Толстого ничего не было» [1, с. 3]. Далее отмечает, что в журнале «Фузуят», который издавался в Баку, в двух номерах была опубликована статья Алибек Хусейнзод о мысли и творчестве Толстого. И эта статья была первым источником о чарующем писателе. Воспоминание, которое рассказывает Рахим Хошим о статье Алибека Хусейнзод, относится к двадцатым годам прошлого века. Литературовед Н. Одинаев предполагает, что это рассказ «Единое на потребу», который читал будущий переводчик и пробудился желание перевести произведения Толстого [4, с. 133]. Для определения качества перевода романа мы брали для сопоставления некоторые отрывки романа. Хотя переводы произведений Толстого на

таджикском языке в прошедшем столетии в целом были выполнены удачно, тем не менее, некоторые из них грешат стилистическими и смысловыми неточностями. Например, автор перевода романа «Анна Каренина» не всегда удачно использует таджикские эквиваленты русских слов, как в следующем примере:

«Он шаб шодуну хиромон аз театр баргашта барои тақдим ба занаш як ноки калоне ҳам оварда буд» («Анна Каренина», Сталинабод, 1960 г.).

Здесь слово «хиромон» обозначает «плавно, грациозно, легко ступающий (идуший, выступающий)», и это слово употребляется по отношению к женскому полу. Другой пример:

«Чашмони Степан Аркаевич шодмандона дурахшиданд».

Слово «шодмандона» в таджикском языке не используется, правильный вариант – слово «хурсандона». В следующем предложении переводчик использовал оригинальное слово «мужики»:

«Шарму ҳаёе, ки **мужик**хо дар пеши хӯчайни худ ҳис мекарданд, кайҳо боз рафъ шуда буданд» [7, с. 34].

Слово «мужикхо» можно было заменить таджикским словом «мардхо». Аналогично в предложении «Дар болои стол аст...» вместо слова «стол» лучше использовать таджикский эквивалент «миз».

В романе «Анна Каренина» переводчик пояснил в скобках некоторые переведенные на таджикский язык слова их русскими эквивалентами из оригинала:

«Дарави тамоми марғзори бузурге, ки дар вақти бигор (барщина) бо дос дар ду рӯз даравида мешуд, акнун тамом шуда буд» [7, с. 43].

Надо отметить, что перевод Рахима Хошима является во многих случаях нестрогим. Рахим Хошим также при переводе произведения не старался достичь высокой художественности. По версии Вали Самада, Рахим Хошим перевёл его с иранского варианта перевода. Возможно, с этим связаны неточности, допущенные автором при переводе. Сопоставим некоторые отрывки из перевода и подлинника романа:

«Степан Аркадич был человек правдивый в отношении к себе самому. Он не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке» [8, с. 7].

Перевод Р. Хошима:

«Степан Аркадич нисбат ба шахси худ марди росткор ва ҳаққоние буд. Ӯ худашро фиреб дода бовар кунонида наметавонист, ки аз рафтори кардааш пушаймон шудааст» [7, с. 7].

Данный перевод можно назвать дословным. Рахим Хошим должен был найти подходящий вариант этого смысла. Словосочетание «нисбат ба шахси худ марди росткор» лексически и грамматически неверно. Нужно было использовать «дар муносибат ба худ» или «нисбат ба худ», так как слова «шахс» и «худ» с точки зрения лексикологии однозначны.

Другой пример:

«Он не мог раскаиваться в том, что он, тридцатичетырехлетний, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его» [8, с. 7].

Таджикский вариант перевода:

«Ӯ, ки як марди сию чорсолаи зебо ва ошиқмизоҷе буд, акнун барои ошиқ нашуданаш ба зани худ, ба модари панҷ фарзанди зинда ва ду фарзанди мурда, ба зане, ки аз худаш фақат як сол чавонтар буд, дар худ пушаймонӣ ҳис карда наметавонист» [7, с. 7]. Данный отрывок также с точки зрения структуры синтаксиса не смог передать смысл русского текста. В предложении «дар худ пушаймонӣ ҳис карда наметавонист» перевод осуществлен грубовато.

Это же относится и к следующему примеру:

«Он раскаивался только в том, что не умел лучше скрыть от жены. Но он чувствовал всю тяжесть своего положения и жалел жену, детей и себя. Может быть, он сумел бы лучше скрыть свои грехи от жены, если б ожидал, что это известие так на нее подействует» [8, с. 8].

Таджикский перевод:

«Ӯ фақат ба ин пушаймон буд, ки кори кардаи худро аз занаш ба хубӣ пинҳон дошта натавонистааст. Аммо тамоми сахтии вазъияти худро ҳис мекард ва дилаш ба холи зан, фарзандон ва худаш месӯхт. Агар ба занаш ин қадар таъсир бахшидани ин

хабарро аз аввал пай мебурд, шояд ки ин сирро аз вай беҳтар пинҳон карда метавонист» [6, с. 8]. Наиболее подходящий вариант слова «раскаиваться» в данном примере - «афсус хӯрдан» или «таассуф намудан», а не «пушаймон шудан». Здесь и в других случаях Р. Хошим не смог передать высокую художественность писателя:

«...Приехав утренним поездом в Москву, Левин остановился у своего старшего брата по матери Кознышева...» [8, с. 26].

Таджикский перевод:

«Левин бо поезди пагоҳонӣ ба Москва омада, дар хонаи бародари калонии падарӯгаи худ Кознишев фурумад...» [7, с. 36].

Словосочетание «бародари калонии падарӯгаи худ Кознишев» переведено буквально и очень длинно звучит на таджикском языке. Переводчику следовало использовать его более емкий таджикский вариант. Кроме того, слово «пагоҳонӣ» считается диалектным. Возможно, переводчик сам в своей речи использовал это слово. В таджикском языке оно является широкоупотребительным. Другой пример:

«Анна все утро провела с Долли и с детьми» [8, с. 75].

Таджикский перевод:

«Анна тамоми пагоҳонӣ он рӯзро бо Долли ва бачагони вай гузаронд» [7, с. 101].

В данном случае вместо словосочетания «пагоҳонӣ он рӯз» лучше использовать «пагоҳии он рӯз», поскольку суффикс -он в таджикском языке используется во множественном числе одушевленных существительных.

Слова «парешонхотирона», «мутаққабир», «дилтангкунанда» хотя и верно подобраны по смыслу, но являются составными и трудны для восприятия. Поэтому переводчику следовало бы использовать вместо слова «мутаққабир» - «мағрур», а вместо «дилтангкунанда» - «озурда», «ранчида».

В переводе Рахима Хошима романа «Анна Каренина» встречаются такие слова, как «ифоданопазир» (с. 19), «паридаранг» (с. 18), «мулоимрафторӣ» (с. 18), «начобат» (с. 20), «эҳтирос», «дилтанговар» (с. 75), «қахрганда» (с. 75), «комилтифона» (с. 75), «муҳофизаандӯх» (с. 95), «зуд» (с. 107), «ба воситаи завқи табиӣ» (с. 135), которые неверно передают, искажают смысл предложения.

Можно догадаться, что Р. Хошим во время перевода столкнулся с определенными трудностями. Однако мы не можем осуждать Рахима Хошима. Его перевод является отражением языка и стиля того времени, в котором он жил. Несмотря на все недостатки, перевод «Анны Карениной» внес свой вклад в развитие таджикской реалистической прозы. Следует отметить, что с 1928 года и до начала 1960-х годов Рахим Хошим не занимался переводческой деятельностью, но по некоторым наблюдениям видно, что до 1960 года, т. е. до начала перевода романа «Анна Каренина», продолжался этап подготовки к переводам произведений Л. Толстого, которые интересовали Р. Хошима всю жизнь. 1920-1960-е годы можно считать периодом предварительной работы Р. Хошима перед полным переводом «Анны Карениной» [4, с. 23]. Н. Одинаев отмечает, что «если Рахим Хошим в 1937-1951 годах не был бы в тюрьме, то переводы произведений Толстого начались бы раньше».

Таким образом, глубокое понимание исторических и литературных процессов в XX веке и большая практика помогли таджикским литераторам достичь больших успехов в деле обогащения таджикской литературы переводами зарубежных, в том числе русских, писателей. Лучшие переводы вошли в таджикскую литературу и стали неотъемлемой частью этой литературы, обогатили ее новыми методами и мыслями, способствовали пропаганде человеколюбия и дружбы между людьми, независимо от их рас и наций. Усвоив идеи и взгляды Л. Толстого, таджикские прозаики стали изображать реальную историю человека в прошлой и современной жизни. Следует отметить, что и многие выдающиеся государственные и политические деятели вовремя поняли, что диалог культур, диалог цивилизаций – неотъемлемая часть общечеловеческого прогресса, в связи с чем переводческая деятельность и стремление к взаимнообмену эстетическим опытом стали довольно активно набирать обороты. После небольшого спада научной деятельности в Таджикистане в 1990-е годы в настоящее время возобновились работы по синхронному исследованию проблем литературоведения на примерах выдающихся творческих личностей, таких как Толстой, художественный опыт которых оставил заметный след в формировании и развитии реалистического искусства.

Литература:

1. Зеркало любви (Беседа с первым переводчиком и критиком произведения Толстого Р. Хошимом ведущий Самад В.) // Культура Таджикистана. 1983, 9 сентября.
2. Муллоджонова З. Поэт перевода и поиска. // Памир. №11,1979. С.69-73.
3. Набоков В. Хрестоматикаи адабиёти рус. [Хрестоматия русской литературы]. / В. Набоков. – Техрон, 1371.-263с.
4. Одинаев Н. Место Рахима Хошима в истории таджикских литературных связей. АКД, Душанбе, 1999.
5. Самад В. Толстой Лев Николаевич. В кн. Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик» [Энциклопедия таджикской литературы и искусства] в 3-х тт. т. 3. Душанбе: Ирфон, 1998, с.214-216.
6. Тошматов Р. Л. Толстой. Ленинабадская правда, 20 ноября 1960г. С. 3
7. Толстой Л. Н. Анна Каренина / Л. Н. Толстой. Ч.1-4. Перевод Хошим Р.–Сталинобод.- 1960. - 472 с.
8. Толстой Л. Н. Анна Каренина / Л.Н. Толстой. Ч. I-IV. (на тадж. языке). – Душанбе: Ирфон.- 1982.
9. Хошим Р. Адибе, ки таровишҳои қаламаш ҳукми оби ҳаётро дорад. [Писатель, плоды пера которого напоминают источник жизни] // Шарқи сурх, 1960. №4.
10. Хошим Р. Солҳо дар саҳифаҳо: Мақолаҳо ва ёддоштҳо. [Годы в страницах: Статьи и воспоминания]. / Д.: Адиб, 1988.

РАХИМ ХОШИМ - КРИТИК И ПЕРЕВОДЧИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»)

Статья посвящена переводческой деятельности Рахима Хошима и переводу романа «Анна Каренина» Льва Толстого на таджикский язык. В статье приводится история перевода рассказов писателя таджикскими переводчиками во второй половине прошлого века. Одним из первых переводчиков произведений Льва Толстого на таджикский язык являлся Рахим Хошим. В качестве примера приведены смысловые неточности, допущенные автором при переводе, сопоставлены некоторые отрывки из перевода и подлинника романа «Анна Каренина».

Ключевые слова: литература, роман, перевод, таджикская литература, Рахим Хошим, Лев Толстой, «Анна Каренина».

RAHIM HOSHIM - CRITIC AND TRANSLATOR OF LEO TOLSTOY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "ANNA KARENINA")

Article is devoted to translation activity of Rakhim Hoshim and the translation of the novel Anna Karenina of Lev Tolstoy into Tajik. In article it is considered history of the translations of stories of the writer by the Tajik translators in the second half of the last century. By the pioneer in the translation of works of Tolstoy into Tajik it is shown Rakhim Hoshim's activity. As an example it is given the semantic inaccuracies allowed by the author when translating, compared some fragments from the translation and the original of the novel "Anna Karenina".

Keywords: literature, novel, translation, Tajik literature, Rahim Hoshim, Leo Tolstoy, "Anna Karenina".

Сведения об авторах: Муллоев Абдусамад, доктор филологических наук, проректор по научной работе Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: sinojon_2014@mail.ru

Рустамова Гуландом Рустамовна, кандидат филологических наук, доцент общеуниверситетской кафедры русского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садрриддина Айни, e-mail: princes0871@mail.ru

About authors: Mulloev Abdusamad, Doctor of Philological sciences, vice-rector on scientific works of the Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: sinojon_2014@mail.ru

Rustamova Gulandom Rustamovna, candidate of philological sciences, dotcent of Universitywide Department of Russian Language of Tajik State Pedagogical University named after Sadriddin Ayni, e-mail: princes0871@mail.ru

ЎРУН КЎҲЗОД – УСТОДИ НАСРИ АНДЕША

Шарипова Г.

Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи Б. Гафуров

Ўрун Кӯҳзод аз ҷумлаи нависандагонест, ки дар насри тоҷикӣ як равияи нав, равияро, ки «наси таҳлилӣ» ва «наси андеша» номида шудааст, такмил ва таҳаввул бахшид. Вале ин равия дар ҷои ҳолӣ ба вучуд наомадааст. Баъзе хусусиятҳои насри андешаро мо дар осори Фазлиддин Муҳаммадиев, аз ҷумла «Одамони кӯҳна» ва «Дар он дунё» мушоҳида карда будем, ки дар аввалин романи нависанда «Палатаи кунҷакӣ» ташаккул ва таҳаввул ёфта буд. Ин асарҳо бар фикри андеша ва муҳокимаю мунозира бунёд ёфта, дар ин замина метавон аз романи Ҷалол Иқромӣ «Ман гунаҳкорам» низ ёд кард, ки хусусиятҳои ин гуна насрро каму беш фаро мегирад.

Таҷрибаи нависандагии Ўрун Кӯҳзод маънии истилоҳии насри андешаро саҳеҳ дар худ ғунҷонидааст. Маънии истилоҳии онро осори нависанда амиқтару саҳеҳтар тавзеҳ медиҳад. Ин осор худ пойгоҳи андеша буда, ифодагари андеша ва омили адиб аст.

Ин ҷо суҳан аз он меравад, ки ба арсаи насри муосир қаҳрамонони типи нав омаданд, онҳое омаданд, ки бар хилофи афроди пешини бадеӣ, на фақат иродаи ҷомеаро, балки афкори эҳсоси худиро низ баён мекунанд, ба воқеиятҳои гузашта ва ҳозира баҳо медиҳанд. Масъалаҳои мавриди андешаи онҳо бошанд, аз ҷумлаи он масъалаҳои куллии вучуданд, ки ниёзманди андешаи солим ва таамуқписанданд [7, с. 104].

Нависандагони ҳунарманд аксаран дар осори худ аз баёни сареҳи дарунмояҳои осорашон парҳез мекунанд ва шеваҳои дигарро барои тасвир ва ташреҳи онҳо интиҳоб мекунанд. Масалан, дарунмояҳоро дар афкор ва авотиф ва таҳайюлотӣ шахсиятҳои асар мегунҷонанд ва хонанда аз тариқи тафсири ин афкор ва таҳайюлот ва таъбири мавзӯи асар ба дарунмояи дoston пай мебарад, зеро ҳар ҷи дарунмоя зарифтар ироа шавад, таъсираш зиёдтар мешавад. Аз ин рӯ набояд интизор шуд, ки ҳар дарунмояе ҳукме ахлоқиро инъикос кунад ва дуруст нест, ки хонанда ҳамеша дар асар ба дунболи панд ва андарз баргардад ва агар онро пайдо накунад, асарро беаҳамият шуморад.

Аз ин назар, ҷунонки баъзеҳо пиндоштаанд, меъёрҳои ахлоқиро набояд барои санҷиши мазмунҳои асар ба кор бурд, чун меъёрҳои ахлоқӣ, меъёрҳои қотеву собит ва ҳамешагӣ нестанд. Амре, ки ба назари мо тибқи усули ахлоқӣ аст, мумкин аст дар назари дигарон ҷунин набошад: «Андешаи асли дар дили як осор, ба сурати паёми он, зиндагӣ мекунад. Бо ин ҳол, ин паём набояд урён ва пандомез буда, ё ба сурати дарси ахлоқ дар байни шахсиятҳо раду бадал шавад. паём барои худ ҳаёти мустақиле надорад» [3, с. 115].

Ҳамҷунон ки мунаққиди рус Анатолий Бочаров мегӯяд, «Нерӯ ва нафосати хирад ҳамчун мушоҳидакорӣ ва ё тавоноии тасвири пластикӣ ҳаҷи Худованд аст. Илова ба ин, мо нисбат ба инъоми ногаҳонӣ бештар аз мушоҳидакорӣ ва инкишофи тунди андешаҳои ӯ мутаассир ҳастем» [2, с. 278]. Аз ин мавқеъ, дар атрофи ҷунин навъи наср, ки дар мисоли эҷодиёти Ўрун Кӯҳзод суҳан меронем, дар мавриди истилоҳи қотеву назари ягона вучуд надорад. Дар ин боб пешниҳодҳои адабиётшиносии замони шӯравӣ, ки назарҳои умумиро матраҳ мекард, дар муҳити адабии дигар ҷумҳурии шӯравии собиқ, аз ҷумла Тоҷикистон низ пазируфта мешуд. Бори аввал М.Шукуров (М.Шакурӣ) дар заминаи андешаи мунаққиди қазоқ М.Қаратоев, ки баъзе асарҳо, аз ҷумла романи нависандаи қазоқ Тақим Олимқулов «Аспи сафед»-ро романи андеша номида буд, истилоҳи «наси андеша», «наси таҳлилӣ»-ро истифода кард ва дар ин замина баъзе асарҳои Ўрун Кӯҳзодро низ ба ҳамин навъи жанр мансуб дониста, арзёбӣ намуд. Ҳамин тариқ, аз ибтидои солҳои ҳаштод сар карда, баъзе ҷустуҷӯҳои нависандагони тоҷик ҳамчун «наси андеша» таъбир ва тафсир шудааст.

Дар адабиётшиносии руси он солҳо дар нисбати ҷустуҷӯҳои ҳаммонанди нависандагони рус, гурҷӣ, белорус ва дигар халқҳо истилоҳоти «интеллектуальная проза» ва «повести нравственного эксперимента» истифода шудааст [2, с. 283; 248]

Дар ҳамаи замонҳо ва дар ҳамаи навъҳои санъат осори ҳиссиву равонӣ ва зеҳниву андешамандона вучуд дошт. Ҳатто шеър бештар ба ифодаи маънӣ ва андеша майл дошт, ки дар замонҳои гуногун онро ба ислоҳоти шеъри андеша, фалсафӣ ва зеҳнӣ ном бурдаанд. Вале дар ҳамаи ин намудҳо кӯшиши аз маҳдудии ҳис берун омадан равшан ба

назар мерасад. Ба ифодаи саҳеҳтар, ҳеч намуди адабии асил, ки ҳамчун осори бадеӣ эътироф шудааст, аз андеша ҳолӣ нест.

Таҷрибаи нависандагии Ёрун Кӯҳзод гувоҳ аст, ки вай чунин равияи солихро дар насри тоҷикӣ ташаккул ва таҳаввул бахшидааст.

Нависанда дар осораш воқеияти зиндагӣ, сарнавишт ва амалу кирдори одамонро ба андеша гирифта, таҳлилу таҳқиқ намудааст. Аз ин ҷиҳат осори ӯ усулан дар иртибот бо зиндагӣ оғоз шуда, дарунмоияи он низ аз масъалаҳои гуногун, ки марбут ба ҳастии маънавии инсон аст, ҳимоят мекунад. Ҳамин ҳимоят аз ҳастии маънавии инсон гоҳо меъёри санҷиши вақоеъ қарор гирифта, дар асар сабабгори низоъ ва ихтилоф мегардад. Масалан, чунин равишро мо дар баъзе ҳикояҳои нависанда аз ҷумла «Достони муаллим», «Арафаи наврӯз», «Ҳосили умр» мушоҳида мекунем. Дар повести «Кини Хумор» он тамоюли ҳунари такмил ёфта, олами фикру андешаҳои қаҳрамон муаллифро бештар гирифтдор доштааст. Ихтилофи ақида ва афкор меъёр ва моҳияти андешаи муаллифро дар ин повест муайян мекунад.

Дарунмоияи повести «Кини Хумор» аз тафсир ва таъбири гуфтор ва афкори шахсиятҳои аслии асар (Исфандиёр ва Вера) дар бархӯрд бо шахсиятҳои дигар ошкор мешавад. Ақсуламали нирӯҳои фардӣ дар баробари нирӯҳои иҷтимоӣ, яке аз роҳҳои ба вучуд омадани насри андеша аст, ки дар ин повест моҳирона корбаст шудааст.

Ба баёни дигар, бархӯрди ду андеша ва ҷаҳонбинӣ аст ва ҳамин бархӯрд ва ихтилофи шахсиятҳо аст, ки мӯҷиби густариш ва такомули дарунмоияи асар шудаанд.

Ёрун Кӯҳзод ҳамчун нависандаи андешаманд дар повести «Кини Хумор» ва асарҳои дигараш ба мулоҳизаҳои ахлоқӣ, маънавӣ, дарунӣ ва фикрӣ, ки барои инсонҳо пурмаъност, таваҷҷуҳи хос дошта ва қиссаи зикршуда дар ҳукми намоде аст барои намоиши чунин ихтилофҳо, ки ба пешрафти ҷомеа монев мешаванд.

Осори Ёрун Кӯҳзод дар бештарин ҳол бар асоси андешаҳои созанда бино ёфтаанд. Андешаҳои як ҷавони равшанбин ва некхоҳ дар боби ислоҳи равиши таълиму тарбия ҷаззобияти худро новобаста ба замону макон ҳифз хоҳад кард.

Андеша дар осори нависанда бархӯрди хубихо бо бадихост. Шахсиятҳо ва инсонҳои хубу нексирӣ бо шахсиятҳои манфӣ ва одамони бадкору шарир ба воситаи андешаву орояшон меҷанганд ва мавзӯву масоили осори нависандаро ба вучуд меоранд. Дарунмоияи созанда, ки мутаассир аз тафаккури ахлоқист, моия аслии осори нависанда аст.

Ҳадафи ҳикояҳову қиссаҳо ва романҳои Ёрун Кӯҳзод бедор кардани ҳисси кунҷковӣ ва саргарм кардани хонанда нест. Балки дарунмоия ва зербинои фикрӣ ва иҷтимоии ин осор таблиғи усули инсонӣ, бародарӣ, баробарӣ ва адолати иҷтимоӣ аст. Қаҳрамонони андешаманди нависанда дар банди савдои хусусӣ ва шахсӣ нестанд ва ағлаб даргири мубориза бо палидиҳо, беадолатиҳо, ситамгариҳо ва ноҷӯриҳои муҳити иҷтимоӣ ҳастанд.

М.Шукуров (М.Шакурӣ) хусусияти асосии насри андешаро дар он дидааст, ки дар ин гуна осор нависандагон рӯйдодҳои муҳими зиндагиро аз дидгоҳи идеалҳои олий ба андеша гирифта, ҳамаҷониба аз ҷиҳати таҳлил мегузаронанд [8, с. 42].

Ёрун Кӯҳзод аз ҷумлаи он нависандагонест, ки аз оғози фаъолияташ дар ташаккул ва таҳаввули ин равияи насри тоҷикӣ саҳми арзанда гузоштааст.

Ин равиш аз ҳикояҳои аввалини ҳаҷвии нависанда оғоз ёфта, тадричан дар осори дигараш вусъат ва тақвият пайдо кард. Ҳикояҳои ҳаҷвиаш андешаҳои интиқодии ўро фаро гирифта, ҳадафшон ислоҳи муҳити ахлоқии ҷомеа буд. Дар ин қабил ҳикояҳо андешаҳои ҳаётдӯстона ва созанда ҷойгоҳи хос доранд.

Бунёди ҳикояҳои ҳаҷвии «Абрҳои осмони соф», «Маърака», «Пули ларзон», «Хеши дур», «Дар ҷустуҷӯи бахти ман», «Хомтамаъ», «Зиёфат», «Одат мекунанд», «Аҳли рикоб», «Оҷаи бачаҳо», «Тахти равон ва тахтбардорон» ва ғайра, ба ифодаи А.Набавӣ андеша ва рӯҳиянигорӣ буда, ҷанбаи таҳлилии онҳо қавӣ мебошад ва ин равиш минбаъд дар осори хурду бузурги баъдии ӯ тақвият пайдо кардааст. Нависанда дар ҳикояҳои ҳаҷвиаш сари ҳислатҳои бади инсон, ки боиси хориӣ ӯ ва ноободии ҷомеа мешаванд, андеша меронад. Дар ин ҳикояҳо ӯ тангназариву худхоӣ, бадахлоқӣ, кӯҳнапарастии беҳадар, гирифтори расму оини зарарноки кӯҳна шудан, беандешагӣ дурӯӣ ва ҳар чизи вайронгарро ба боди ҳаҷви тезу тунд ва танкиди созанда мегирад. Тафаккури андешаписанд нависандаро вомедорад, ки меҳр ва дилсӯзияшро ба инсон бо зарофати хосу кинояомез баён кунад.

Манзараҳои мазҳакаомези зиндагӣ, амалу кирдори хандаовари одамон аз оғоз дар андешаи нависанда ҳодисаи оддӣ ё тасодуфию гузарон набуданд, балки решаи асосҳо ва заминаҳои амиқи маънавию иҷтимоӣ доштанд. Бинобар ин нависанда аз оғоз дар ҳикояҳои ҳаҷвиаш бо юмори нозуки фараҳомез ҳар чизи нописанд ва бо пешрафти ҷомеа зиёноварро танқиду мазаммат намудааст.

Аз ин ҷиҳат чунин ҳикояҳо андешаи солими иҷтимоӣ ва ахлоқии нависандаро инъикос мекунад ва арзиши фаровони таълимиву ислохотҳои доранд.

Хусусияти асосии насри андешаи Ёрун Кӯҳзод фикр ва андешаи мусалсал мебошад, ки аз вежагии осори хунарӣ низ ҳаст.

Образи бадеӣ ё худ асари бадеӣ вобаста ба масоили дарбаргирифта, таъсири ҳиссӣ, доираи андешаи мусалсал, зеҳн ва андешаи хонандаро гирифта мебарорад. Образ мафҳуми вусъатнок аст, ки хусусияти хунарро камранг намесозад, балки гунҷоиши онро меафзояд.

Насри андеша бо хусусияти мусалсалиаш он маъниро, ки дар умқи сюжет ҷойгир аст, назарнамо мекунад. Барои ҳамин ҳам матни ин гуна осор хонандаро ба андеша ва ҷустуҷӯ вомедорад. Воқеан ҳам дар матни бадеии осори Ёрун Кӯҳзод даъвати хонанда барои фуру рафтани умқи тасвир ва андешаи нависанда нуҳуфтааст. Дар ин замина метавон хулоса кард, ки аксари ҳикояҳои повестҳо ва романҳои нависанда хонандаро на фақат ба ҳаяҷон меоваранд, балки дар як вақт дар сари масъалаҳои иҷтимоие, ки нависанда ба миён гузоштааст, ба андеша вомедоранд. Тасвирҳои бадеӣ, рамзу киноя, шахсиятҳои асарҳо дар осори ӯ амалу кирдори нерӯҳои иҷтимоӣ ва пешрафту таҳаввулотро инъикос мекунад.

Ҳамин хусусияти насри андеша дар ҳикояҳои ҳаҷвии Ёрун Кӯҳзод низ ба мушоҳида мерасад. Ҳикояҳои ҳаҷвии ӯ бо драматизм ва мутоибии сермаъно хонандаро ба андеша водор месозад. Тасвир дар ин гуна осори нависанда хусусияти ҷамъбасти гирифта, моҳияти андеша ва орои ӯро ифода мекунад. Дар ин гуна ҳикояҳо нависанда амалу кирдори нописанд, ҷаҳолат, беҳунарӣ, хурофотпарастӣ барин – ҳислатҳои бади инсонро мазаммат мекунад.

Ёрун Кӯҳзод боре гуфта буд, ки «танз, яъне ҳаҷв, намаки сӯҳбат аст. Сӯҳбате, ки унсури танз надорад, ба мисли ғизои бенамак аст. Баъд, ба мушоҳидаи ман, дар адабиёт аз жанри ҳаҷв ростгӯитар жанре нест» [1, с. 93]. Кӯҳзод аз ҳамин хусусияти ростгӯии ҳаҷв истифода карда, дар боби муҳимтарин масъалаҳои зиндагӣ, муҳити маънавӣ ва ахлоқии шахс ва ҷомеа меандешад. Диди танқидии андешаманд диққати ӯро ба хулқу ҳӯи ашхосе мутамарказ месозад, ки сазовори нақӯиш ва масҳара ҳастанд.

Ҳикояи «Ҳеши дур» яке аз аввалин ҳикояҳои ҳаҷвии нависанда аст, ки дар вақташ аз ҷониби нақди адабӣ баҳои мусбат ҳам гирифта буд [6, с. 97-98; 4, с. 119]. Вале «кайфияти хӯрдагирӣ ва саросар инкоркунӣ»-и нависанда на барои ҳама писанд буд.

Аз ин назар, ковишҳо, ҷустуҷӯҳо ва андешамандии нависанда дар боби ахлоқи фардиву иҷтимоӣ гоҳо нодуруст дарк карда мешуд ва монעי пешрафти нависанда низ мегардид. Нависанда дар ҳикояи зикршуда ва дигар ҳикояҳои ҳаҷвиаш, аз ҷумла «Меҳи девор», «Пагоҳ-фардо», «Саломии ҳамсоя», «Хомтамаъ», «Зиёрат» ва ғайра сари хилқати инсон меандешад ва хонандаро низ ба андеша вомедорад. Дар ин Ҳикояҳо нависанда сари ҳислатҳои нописанд монанди камиродагӣ, шӯҳратталабӣ, ҷоҳилӣ ва ғайра ба андеша меравад.

Дар ҳикояҳои ҳаҷвии Ёрун Кӯҳзод, ҳамчунон ки А.Набавӣ хулоса кардааст, «образи таҳиягари закиабъ, яъне образи ҳуди нависанда дар шакли нозуке амал мекунад, ки бар ҳамаи ин шахсон, камбудии онҳо, «часорати мавсимашон» меҳандад. Табассуми нависанда дар ин мавридҳо заҳрханди қаҳрамони мусбӣ мебошад, ки одамони зоҳиран ҳақгӯ, вале «мавқеъшинос»-у бепринсипро саҳт мазаммат кардааст» [4, с. 120]. Заминаи «кайфияти хӯрдагирӣ ва саросар инкоркунӣ»-и нависанда низ аз ҳамин ҷо маншаъ гирифта, ҳикояҳои маҷмӯаи нахустинашро аз юмори нозук ва интиқоди саҳти пичингомез саршор намудааст.

Фақат тарзи тасвири қаҳрамон ва ҳолати ӯ хусусияти насри андешаро муайян намекунад. Нависанда дар ин тарз озодии амал дорад ва аз беруни асар метавонад ботини қаҳрамонашро «ковад» ва афқору эҳсосоти ӯро барои хонанда тасвир кунад.

Ҳамчунин метавонад дар қолаби шахсияти асар равад ва афқору эҳсосоти ӯро нисбат ба шахсиятҳои дигари асар тавзеҳ диҳад. Гоҳо агар салоҳ бинад, дар миёни матни асар нисбат ба масъалаҳои мавриди назараш изҳори назар кунад. Дар иҷрои ин кор зовияи дид, аз ҷумлаи зовияи диди дарунӣ (аз номи шахсияти аслии асар сухан

гуфтан) ва зовияи диди берунӣ (афкор, аъмол ва вижагиҳои шахсиятҳо аз беруни асар ташреҳ мешавад), ба нависанда ёрӣ мерасонад. Ҳамчунин метавон асарҳоро низ дар насри андеша ном бурд, ки муаллиф ба тариқи тақдирӣ дарунӣ андешаи худ ё шахсиятҳои асарашро баён мекунад. Дар ин шеваи нигориш асос бар мафҳумҳои аст, ки маънӣ ва андешаро амиқ ва равшан ифода мекунад. Дар ин гуна ҳикояву повестҳо хонанда ба таври ғайримустақим дар чараёни афкор ва андешаи шахсияти асар ва воқунишҳои ӯ нисбат ба муҳити атрофаш масъалаҳои иҷтимоиву фарҳангӣ ва ғайраҳо қарор мегирад ва сайри андешаҳои ӯро дунбол мекунад.

Повестҳои «Кини Хумор» ва «Як рӯзи дароз, рӯзи бисёр дароз» натиҷаи ҳустуҷӯҳои самаровари Кӯҳзод дар тасвири андешамандонаи иҷтимоиву равшанинохтии инсон буда, қовишҳои маънавию дар насри муосири тоҷик амиқ бурданд. Романҳои «Бандии озод» ва «Ҳайчо» дар ин замина таҳаввулотӣ тозаеро дар эҷодиёти нависанда ва насри навини тоҷик дар пай доштанд.

Дар романи «Бандии озод» нависанда ба гузашта аз мавқеи имрӯз баҳо медиҳад. Дар боби сарнавишти инсон дар давраҳои мураккаби таърихӣ, ки ҳам созандаву ҳам сӯзанда будааст, меандешад. Нависанда бо нигоҳи созанда дар боби иллатҳои ҷомеаи тоҷикон меандешад. Шахсият ва ҷойгоҳи ду тип одамон мавриди қазоват ва арзёбии ӯст. Гурӯҳе худпарасту манфиатхоҳ, гурӯҳи дигар фидоиву ранҷбар.

Ин ду романи охир шеваи тозаи насри андешаи ӯрун Кӯҳзоданд. Нависанда андешаашро бар сарнавишти онҳое марказият додааст, ки худашонро дар таҳайюли хонанда новобаста ба маҳлудайи замонию маконӣ ҳастӣ мебахшанд.

Албатта, дар эҷоди асар таҷрибаи зиндагӣ ва мушоҳидаҳои нависанда бетаъсир нестанд. Вале ин маъноӣ онро надорад, ки вай аксардори воқеияти зиндагӣ ва амалу кирдори шахсиятҳост. Ба ифодаи дигар, мантиқи зиндагии қаҳрамононаш бофтаву сохта нестанд. Аз ин нуқтаи назар ҳар ду романи охир дар ҳустуҷӯҳои эҷодии нависанда мавқеи муҳим доранд.

Дар романи «Бандии озод» нависанда дар сари масъалаи пайванди наслҳо ва замонҳо меандешад. Хати андеша имрӯзро бо дирӯз мепайвандад. Рӯҷӯҳои таърихӣ ин асарро ҳамчун намунаи насри андеша ҷилва медиҳад. Ҳар чизе, ки Баҳром Ҳолиқзода меандешад мутталлиқ ба дирӯзу имрӯз ва оянда аст. Ҳофизаи таърихӣ дар ин роман тақондиҳанда ва истеҳкомбахши андеша буда, то ҷое хусусияти шеваи нигориши нависандаро дар ин навъи наср шакл медиҳад ва романи «Ҳайчо» идомабахш ва дар тақмили ҳамин ривоят аст.

ӯрун Кӯҳзод романи «Ҳайчо»-ро «фоҷиаи ақлу тамиз ва фаҳму фаросат ва донишу биниш ва ғайрату ҳиммат, фоҷиаи як миллати соҳибкитобу мактабдор ва як марзу буми фароҳу обод, ки имрӯз аз ҳама чиз бенасиб ва бебаҳра мондааст» [1, с. 97] унвон кардааст.

Қодири Рустам бар ин назар аст, ки «Ҳайчо» хонандаро ба андешидан водор мекунад [5, с. 163]. Андеша дар сари гумкардаҳои миллат, ки дар зимнаш даъват низ дорад. «Даъват аз аҳли қаламу қоғаз, аз аҳли бозуву шамшер, аз аҳли сиёсату вазорат, ки гузаштаву имрӯзаи маърифат ва ҳислати миллатро, боре берӯву риё ва беталаботи айнулвақт ва белофу газоф, софдилона, холисона ва сирф ҳақиқатнигорона мавриди таҳқиқ ва таҳлил, тарғиб ва ташвиқ бидонанд ва бикунанд» [1, с. 97].

Аз ин назар, романи «Ҳайчо» дар эҷодиёти ӯрун Кӯҳзод як қадам ба гузашта аст, ки дар матни он имрӯз ва ояндаро метавон дид. Ин ҷо сухан дар бораи таносуби ғояи созанда ва воқеият, бераҳмӣ ва заҷри қонуниятӣ таърихӣ ва бесамарии кӯшиши бо нерӯ ба таърих таъсиргузори меравад, ки ҷанбаи андешаҳои отифӣ онро таъсиргузор кардааст. Нависанда дар роман муваффақ шудааст, ки омилҳои меросии бадбахтиҳои миллатро ошкор карда, сарчашмаҳои ахлоқии ҳодисаҳои хавфноки ҳаёти ҷомеаро дар матни воқеияти таърихӣ нишон диҳад, ки имрӯз аз худ равшантар дарак додааст.

Вуруди нависанда ба умқи воқеият ва нерӯи идроки бадеии ӯ ба ҳаддест, ки барои дарки он ҷӣ аз сар гузашта, ҳаводиси имрӯз ва оянда ва пайванди онҳо роман маводи беҳисоб медиҳад ва хонанда омилҳои фоҷиаҳои дирӯзу имрӯзро бо киёс амиқ дарк мекунад.

Усули нигориш, даҳолати ҳушёронаи нависанда ба воқеоти таърихӣ ӯро чун шоҳиди зинда ба назар менамоёнад ва хонанда аз тасвири нависанда шабоҳатҳои зиёду тақрори сарнавишти мардуми тоҷикро равшан мебинад, ки низ моҳияти созандагӣ дорад.

Адабиёт:

1. Андеша ва гуфтугӯ. Мусохибаи нависанда ва пажӯҳишгар Мирзо Шукурзода бо Нависандаи Халқии Тоҷикистон устод Ӯрун Кӯҳзод // Садои Шарқ, 2013. № 4. С. 92-103.
2. Бочаров А. Бесконечность поиска. Художественные поиски современной советской прозы. – М.: Советский писатель, 1982. – 421 с.
3. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи.-М.: Русский язык, 1982. – 198 с.
4. Набавӣ А. Зиндагӣ сар ба сар савдост // Қуллапаймои сухан. Душанбе, 2009. - С. 114-122.
5. Рустам Қ. Китобе, ки бояд ҳама хонад, вале... // Қуллапаймои сухан. - Душанбе, 2009.
6. Саъдизода С. Савдои зиндагӣ // Қуллапаймои сухан. Душанбе, 2009. С. 97-100.
7. Турсунов А. Насри муосир: сухан аз таҳаввули қаҳрамони адабӣ // Садои Шарқ, 1982, №11. - С.92-104.
8. Шукуров М. Садоқат ба идеалҳои олий // Муҳаммадҷон Шукуров. Мактаби одамият.- Душанбе: Адиб, 1991.- С. 29-52
9. Ideas and dialogue. Interview of the writer and researcher Mirzo Shukurzoda with writer Urun Kuhzod. // Sadoi Sharq, 2013, N 4, 92-103
10. Bocharov A. Infinity search. Artistic search of modern Soviet prose -Moscow: Soviet writer, 1982.-421p.
11. Vasiliev A.N. Newspaper - journalistic style of speech. - Moscow: "Russian language". 1982-162c.
12. Nabavi A. Life is a complete commerce// Headway of speech Dushanbe 2009. P.114-122.
13. Rustam Q. A book that everyone should read, but...Headway of speech Dushanbe 2009.
14. Saidzoda S. Business of Life// Headway of speech Dushanbe 2009.p. 97-100.
15. Tursunov A. Modern prose: from the evolution of the literary hero. SadoiSharq. 1982, №11. - p.92-104.
16. Shukurov M. Loyalty to the highest ideals// Muhamadjon Shukurov. Mankind School.- Dushanbe: Adib, 1991.p.29-52

УРУН КУХЗОД – МАСТЕР ПРОЗЫ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Статья посвящена анализу творчества одного из наиболее известных современных таджикских писателей Уруна Кухзода, в прозе которого доминирует нравственно-этическое начало. Отмечается особое место писателя в новом направлении прозы – прозы размышлений, берущее начало с творчества Джалола Икромии и Пулата Толиса. Автор высказывает свою точку зрения не только о термине, обозначающем это направление, но и о ярких образцах этой прозы, концентрируя внимание на рассказах, повестях и романах Уруна Кухзода. Внутренний мир героев, динамика сюжета, соотношение формы и содержания произведений, стержневые проблемы «интеллектуальной прозы», основанные на борьбе двух начал – добра и зла составляют вопросы, размышление над которыми выявляют особенности данного направления прозы. Особое место уделено критическим социально-философским и нравственным размышлениям писателя.

Ключевые слова: новое направление прозы, отличительная проза, аналитическая проза, духовный поиск, соотношение формы и содержания, роман.

URUN KUHZOD-THE MASTER OF DISTINCTIVE PROSE

The article is dedicated to the analysis of the works of one of the most famous contemporary Tajik writers, Urun Kuhzod. In his prose moral-ethical principles dominate. The writer's special place in the new direction of prose originated from the works of Jalol Ikromi and Pulat Tolis is highlighted. The author gives his point of view not only towards the term indicating the given direction but also towards the outstanding patterns of this prose focusing on the stories, narratives and novels of Urun Kuhzoda. The main peculiarities of the given direction of prose are revealed by describing the inner world of the heroes, by the dynamics of plot, correlation of form and content, backbone challenges of the "intellectual prose" based on the struggle between right and wrong. The main focus is given on the writer's critical socio-philosophical and moral reasoning.

Keywords: new direction of prose, distinctive prose, analytical prose, spiritual quest, correlation of form and content, novel.

Сведения об авторе: Шарифова Гулпарӣ, соискатель кафедры таджикской современной литературы Худжандского государственного университета имени ак. Б. Гафурова

About author: Sharifova Gulpari, a competitor of the Chair of the Modern Tajik Literature, Khujand State University named after academician B. Gafurov

ОБРАЗЫ ПРАВИТЕЛЕЙ В НАРОДНОМ РОМАНЕ “ИСКАНДАР-НАМЕ

Восиева Р. К.

Таджикский государственный институт языков имени С. Улугзода

В персоязычной литературе образ Александра на протяжении столетий оставался одним из значимых и изучаемых - свидетельством тому являются многочисленные произведения, воспевающие и восхваляющие его величие и божественность, описывающие его многочисленные героические походы. Сказания об Александре Македонском в персоязычной средневековой прозе считались народным эпосом - традиционно называя Александра – Искандаром, представляли его своим национальным героем. Ранним прозаическим романом об Искандаре считается «Искандар-наме», известная как «Древнейшее Искандар-наме» («Искандар-намае кадим»), которую ещё называют персидской версией «Псевдокаллисфена». В 1964 году (1343г.х.) текст данного произведения был подготовлен и издан в Тегеране иранским исследователем Иражем Афшаром» [1].

В данной статье рассматриваются образы правителей в раннем прозаическом романе «Искандар-наме». Прежде всего следует отметить, что сказители народной прозы, в том числе и создатель “Искандар-наме”, не могли представить общество без правления царя, и как совершенно справедливо отмечает. К. Чиллаев, они “не знали другого политического строя и других социальных отношений” [6, с. 8].

В мировоззрении народных сказителей важное место занимала идея почитания монарха, что ярко выражено и в “Искандар-наме”. В произведении царь считается “представителем и посланником бога” [1, с. 48а] и должен играть решающую роль. В “Искандар-наме” идея почитания царя отражается в различных формах. Так, например, только присутствие его глубоко вдохновляет воинов, а в отсутствие его войска терпят поражение [1, с. 102 а], если царь находится в плену, то везир не решается на сражение и т.д. Культ царя ощущается в некоторых высказываниях персонажей. Например, в одном эпизоде Аристотель говорит: “Если повредится хоть один волосок с головы царя, пролитая кровь двухсот мужчин будет приравнена двум зёрнам” [1, с. 24б]. Здесь ярко выражена идея верховенства монарха, как ставленника высших сил, широко пропагандируемая аристократической средой средневековья во главе с духовенством. Однако, важной особенностью народного романа “Искандар-наме” является то, что в нем эта идея не доминирует, а в некоторых случаях вовсе теряет свой смысл и чувствуется какой-то отход от неё. В народном романе “Искандар-наме”, как традиционно во многих произведениях персидско-таджикской средневековой литературы, высоко возносятся и восхваляются справедливость, забота, сочувственное отношение, личное мужество и смелость правителей, также традиционно предаются жестокой критике, осуждению несправедливость, жестокость, деспотизм и тирания, насилие со стороны царей. В данном романе автор идет дальше осуждения и критики, он допускает даже пролитие крови несправедливого, жестокого правителя [1, с. 16а]. В произведениях народной литературы, как и в творчестве прогрессивных персидско-таджикских писателей, образы царей и везиров, с одной стороны, созданы для раскрытия их негативных качеств, а с другой стороны, они отражают эстетический идеал правителя, сложившийся в сознании народных масс.

В романе “Искандар-наме” описываются образы шестнадцати правителей, завоеванных Искандаром стран: Дараб-царь Ирана [1, с. 2б], Касандр-царь Аммана [1, с. 4б], Фур-царь Сарандиба [1, с. 6а], Озодбахт-царь Кашмира [1, с. 9а], Фаррухбахт-брат Озодбахта, по указу Искандара назначен правителем Кашмира [1, с.19а], Кайд-царь Индии [1, с. 21б], Илёс ибни Мунзир-правитель Мекки [1,с.23а] Мунзир-царь Йемена [1,28б], Мулкун Насут-царь Египта [1,47а], Тахточ- царь Ямана [1, с. 62а], Кайзофа- царица Андалузии [1, с. 67б], Тураншах-царь Сиёвушгирда [1, с. 84а], Хакан-правитель Китая [1, с. 86б], Шахмалик- царь страны Тагмоч [1, с. 108б], Ирокит- царица обителя перий [1, с. 120б], Арсланшах-брат Шахмалика, который назначен царем вместо него [1, с. 211а].

Интересным является факт, как описано в данном произведении, что Искандар, прежде, чем прибыть в ту или иную страну, направляет послов с письмами о том, что во время пребывания его на их земле, они должны встретить его с великими почестями и

обеспечить войско провизией и всем необходимым. В противном случае, непокоренных царей ждут всевозможные наказания.

В народном романе “Искандар-наме” образы царей и везиров традиционно делятся на положительных и отрицательных. Таджикский исследователь Ю.Салимов считает, что “в лице положительного образа царей в произведении выражена идея справедливого царя” [4, с. 143], мы присоединяемся к его мнению. Особенности характера справедливого правителя автор романа показывает путём изображения поступков таких героев, как Искандар, Кайди Хинду, Тахтадж и т.д.

В художественной концепции автора народного романа “Искандар-наме” справедливый царь – это прежде всего правитель, который не допускает по отношению к народу жестокости, угнетения, является защитником бедных и беспомощных. Основными средствами создания образа справедливого правителя в художественном мире “Искандар-наме” является изображение его поступков и подчеркивание позитивных качеств через восприятие другими персонажами. Так, например, во время паломничества и посещения священной Каабы Искандаром, правитель Мекки - Ильёс ибн Мунзир и его сподвижники встречают его с большими почестями. Так как Искандар обладал способностями ясновидения, среди присутствующих его внимание привлек Наср ибн Кабита, принадлежавший почитаемому роду Исраила. Искандар увидел на его лице божье сияние. И решил, что именно Наср ибн Кабита достоин высокого поста правителя Мекки и, одарив его деньгами и имуществом, назначил правителем Священной Мекки [1, с. 36а].

Справедливый царь в народном романе “Искандар-наме” – это, прежде всего, Искандар, он восстанавливает в побежденных городах справедливость, принимает меры для спокойствия людей, наказывает лиц, причиняющих бедствия народу и т.п. [1, с. 172б]. Эти особенности характера справедливого правителя автор показывает в различных эпизодах романа, путем изображения его благородных действий и поступков. При этом, в большинстве случаев, его действия изображаются подробно и с учётом некоторых конкретных деталей.

Автор рыцарского романа “Искандар-наме” противопоставляет гуманизм справедливого царя жестокости, деспотизму несправедливых царей, таких, как Озодбахт, Мунзир, Шахмалик, Фур. Заметное различие в действиях справедливого и несправедливого царя особенно ярко выражено в эпизоде с Озодбахт, когда он с помощью Нахид – жены Искандара, хочет отравить и убить его. Искандар узнав об этом, приглашает Озодбахта и говорит : “О, правитель Кашмира, являясь царём, ответь мне достойно, что ты думаешь о царе, который тайно является ночью к чужой жене и склоняет её к неверности? Какая участь ждёт его?” В смятении и страхе, поняв, что его намерения раскрыты, униженный Озодбахт ответил – должен быть либо сожжён, либо должен ответить за содеянное по заслугам. На что царь сказал: “ О, безбожник, помимо того, что ты вероломно пришёл в мой дом, ты ещё хотел и отравить меня...? И приказал связать Озодбахта и бросить в темницу” [1, с. 16б].

Человеколюбие справедливых правителей выражено также в их стремлении к предотвращению кровопролитий и войн. Например, Искандар постоянно, перед началом войны, предлагает противнику решить возникшее недоразумение, противоречие мирным путём: в письме Дарабу он пишет так: “Я пришёл на эту землю не для того, чтобы свергнуть тебя... Мы взаимосвязаны, и мне не хотелось, чтобы между нами возникла вражда, способствующая дальнейшим распрям, от которых будут страдать страны и народы, и это окажется на нашей с тобой совести. Я мечтаю объездить весь мир и оставить после себя добрый след, увековечить доброе имя, не причиняя боли и страданий своим подопечным» [1, с. 2 а].

Здесь выражена глубоко народная идея – мечта народа о мире. Народный сказитель, описывая стремление справедливого правителя к предотвращению войны, подчеркивает ценность человеческой жизни.

В то же время, справедливые правители не прилагают больших усилий к пресечению кровопролитий. Их стремление ограничивается лишь предложением о прекращении войны, чтобы избежать гибели тысяч людей. Нам, кажется, что в данном случае имеет большое значение сама постановка вопроса – необходимость в первую очередь решения социальных конфликтов мирным путём. Искандар, как идеальный герой, ведёт войну во имя восстановления справедливости. Сколько бы на словах он не предлагал не начинать войну, сам же воюет во имя справедливости, т.е.

пытается восстановить её путем кровопролития, не ища других путей. Войны и завоевания и их конечный результат, в художественном мире рыцарского романа “Искандар-наме”, также как, например, в “Шарафнаме” Низами, использованы народным сказителем, выражаясь словами М.М. Мелетинского, “в основном как материал для изображения идеального справедливого монарха [3, с. 193].

В представлении народа победа Добра над Злом, Справедливости над Несправедливостью неизбежны. Справедливые цари борются за торжество Добра над Злом, за победу справедливости. Борьбу на полях битв в основном ведут богатыри, но решающее слово остаётся за Искандаром. Сила и мужество справедливого царя постоянно находятся в центре внимания сказителей. Большая физическая сила, мужество и бесстрашие в бою считаются важнейшими чертами справедливого царя, и это подчеркивается сказителем неоднократно.

Однако, следует подчеркнуть, что сила и мужество, мощь, воинские доблести положительного царя (а также отрицательных царей и многих образов богатырей), как было уже нами неоднократно отмечено, часто живописуются гиперболизированно. Это является характерной чертой как персидско-таджикской народной литературы, так и письменной классической литературы в целом. Таковую же картину мы видим, согласно исследованиям Д.С. Лихачёва, в древнерусской литературе XII-XIII вв., при создании образа положительного народного героя [2, с. 74] “Этот герой, - пишет Д.С. Лихачёв, - гиперболизируется в своей силе и мужестве, он как бы вырастает в размерах, его не могут одолеть враги. Однако понятие гиперболы может быть здесь применено с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается, тем, что на этого героя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод Буй Тур в “Слове о полку Игореве” прышет на врагов, стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными, а шлемы аварские “поскепаны” его калеными саблями: у самого Всеволода мог быть только один меч или саблями.

Само собой разумеется, что Всеволод Буй Тур прышет на врагов стрелами своей дружины, сражается её мечами и её саблями: у самого Всеволода мог быть только один меч или сабля” [2, с. 74-75].

В народном романе “Искандар-наме” герой также, в сценах боевых сражений, действительно, “гиперболизируется в своей силе и мужестве”, но в отличие от древнерусской литературы, на него не переносятся подвиги его войска. Он сражается один, иногда один против многочисленных воинов противника и его действия описываются в единственном числе. Искандар и в силе и мужестве противопоставляется силе и мужеству тысяча простых воинов. Такая гиперболизация была распространена ещё в древней персидской литературе. С этим мы неоднократно встречаемся и в романе “Искандар-наме”: “Держа в руках железное копьё, Искандар мог одним ударом сразить сразу сто всадников” [1, с. 276].

Как было отмечено, в произведениях народной литературы изображение и воспевание образа положительного царя – это, прежде всего, выражение народного идеала о справедливом правителе. Создание образов отрицательных царей в народных романах, изложение их несправедливостей и жестокостей – это метод осуждения и критики негативных качеств правителей феодального общества. Как верно отмечает Л.И. Тимофеев, “герои литературного произведения либо являются носителями идеала писателя, либо подвергаются осуждению в свете этого идеала” [5, с. 74-75]. Эти слова Л.И.Тимофеева полностью относятся и к героям романа “Искандар-наме”. В образах Арсланшаха, Шахмалика, Фура, Озодбахта, Мулкон Носуца сказитель стремился воплотить характернейшие отрицательные черты правителей и аристократической верхушки.

В образах Шахмалика, Арсланшаха внимание сказителя больше всего направлено на изображение их легкомысленности, их стремления унижить и уничтожить других. В результате внезапных поворотов судьбы или в результате предательства, коварства, хитрости некоторых персонажей, иногда положительные герои попадают в их руки. Так случилось с Ирокит –женой Искандара, она попадает в руки Арсланшаха, который зная, что Ирокит принадлежит другому, “влюбляется” в неё и прилагает все усилия, чтобы любым путём достигнуть взаимности. Арсланшах, Шахмалик, Фур-это цари с огромными физическими силами, которые показывают мужество в сражениях ради достижения своих грязных целей. Однако, они внутренне нечисты. У них нет гармонии

между физической силой, красотой и духовным миром. Отсюда, несмотря на все богатырские качества и царские величия, их постоянно сопровождают неудача и позор.

Озодбахт и Арсланшах и другие отрицательные цари, в художественном мире произведения, характеризуются, как “неразумные влюбленные и несправедливые цари” [1, с. 45б]. Изображение их бессилия перед справедливыми правителями, их постоянный страх можно считать одной из форм их осуждения. Автор произведения неоднократно критикует их поступки и аморальность поведения через восприятие других персонажей романа. По нашему мнению, это делается для большей действенности слова и в целях остановить их от подлых поступков, заставить свернуть с неверного пути [1, с. 81а].

Несправедливые цари изображены, как грабители народа и убийцы невинных людей. Это качество отрицательного царя систематически подчеркивается сказителем. Так, например, сказителем отмечается, что “едва вступил Арсланшах в Китай, как принялся за разбой и набеги- и пошел и пошел грабить и жечь” [1, с. 66а].

При исследовании романа “Искандар-наме” мы обратили внимание ещё на одну отрицательную черту в образах отрицательных царей, как Озодбахт-царь Кашмира. Они не имеют ни малейшего уважения к своим дочерям. Можно сказать, что они бессовестно, в целях обеспечения собственной безопасности, предлагают своих дочерей Искандару в жены [1, с. 12а]. Например, Кайди Хинду не думает о том, согласна или нет Мутарсиф быть женой Искандара, не спрашивая её, обещает отдать её Искандару [1, с. 23а]. Такую отрицательную черту царей сказитель рыцарского романа неоднократно осуждает. Приведем в качестве примера диалог Кайда и Искандара: Кайд сказал: “Я хочу породниться с тобой. У меня есть семь незамужних дочерей, ты вправе выбрать любую из них” [1, с. 24а].

Отрицательный образ царя в народном романе “Искандар-наме” – это несправедливый правитель, которого народ не любит и не уважает. Его поступки и действия вызывают у людей гнев. В данном романе отрицательные цари, придворные и богатыри своей хитростью и коварством достигают больших успехов. Однако, в большинстве случаев их хитрые поступки и интриги сталкиваются с серьёзным сопротивлением противоположной стороны, и в конце концов их постигает неудача.

Как было отмечено нами, среди образов отрицательных царей образы Озодбахта, Арсланшаха и Шахмалика выделяются особенно. Наряду с негативными качествами, они наделены и некоторыми положительными чертами. Так, например, Озодбахт умеет здраво мыслить, иногда думает, прежде чем принять решения. Особенно в начале произведения он выглядит как дальновидный и разумный правитель. Например, “Узнав о прибытии Искандара на их землю, Озодбахт отправил своих послов и сказал: “Всё, что пожелает царь приобрести на нашей земле, мы готовы даровать ему, так как всё сказанное им, для нас превыше всего. Мы готовы пойти на все его условия, лишь бы не было кровопролития” [1, с. 9а].

В романе отражены и религиозные противостояния и противоречия. Искандар, верный приверженец ислама и монотеизма, во всех побежденных им странах насаждает эту религию, отдавая предпочтение принявшим её. В свете этого контекста, казнь отрицательного царя Индии –Фура произошла и по некоторым религиозным мотивам. Для Фура характерны такие черты, как чрезвычайное самолюбие, высокомерие, упрямство, которые раскрываются в процессе развития событий. Его характеру не свойственно просить прощение, поэтому он не преклоняется перед Искандаром и не принимает ислам, поэтому он был казнен: “Так, на следующий день царь Искандар приказал привести Фура. Его привели к царю. Царь во второй раз хотел склонить Фура к почитанию единобожия, но он ослушался его. Царь сказал: “Если ты примешь это, будешь дальше править Индией. На что Фур ответил: “Я лучше выберу смерть, чем покорюсь тебе и буду в твоей власти”. Услышав это, озлобленный Искандар приказал его казнить” [1, с. 8а].

По-другому решает сказитель дальнейшую судьбу таких отрицательных царей, как Фаррухбахт, Туроншах. Эти образы, испытав целый ряд приключений, наконец, подчиняются Искандару. Они внешне как бы “эволюционируют” и превращаются в положительные образы. По всей вероятности, к такому решению судьбы этих царей составителя романа привело представление о справедливом правителе, который должен править всем миром путем подчинения себе несправедливых царей и привлечения их к справедливости. Переход и подчинение отрицательных царей Искандару происходит под влиянием следующих факторов: они не могут равняться с Искандаром в знании дел,

ловкости, находчивости, уме, они ощущают полное бессилие и беспомощность перед ним, в сражениях с войском Искандара, в конечном счете, они терпят поражение.

Несмотря на то, что в романе происходит превращение отрицательных образов царей в положительные, как бы подготовленные указанными факторами, здесь чувствуется больше воля сказителя. Мы не находим у составителя романа изображения внутренних, психологических, нравственных предпосылок в образах отрицательных царей, которые способствовали бы такому превращению. Отрицательные образы царей, созданные сказителем народного романа “Искандар-наме”, имеют большое социальное значение.

Таким образом, исследуя ранний роман об Искандаре можно прийти к выводу, что в художественном мире народного романа “Искандар-наме” интересны образы правителей и представителей правящих классов - царей, царевичей, везиров, прежде всего заслуживающих внимания тем, что в их лице отражены различные качества верхних слоёв общества, сквозь многогранное восприятия представителей низших слоёв, т.е. народных сказителей, которым были очень знакомы и близки взгляды простых людей. Именно в этом заключается, в частности, социальное значение народного романа “Искандар-наме”.

Литература:

1. Искандар-наме. Персидский вариант Псевдо-Каллисфена. Составитель Ирадж Афшар.- Тегеран, 1343.-795 с. (на перс.яз.).
2. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е.- Л.: Наука, 1967.- 370с.
3. Мелетинский Е. М. Средневековый роман: Происхождение и классификация формы. М.: Наука, 1983. - 304 с.
4. Салимов Ю. Персидско-таджикская повествовательная проза. - Душанбе: Дониш, 1971. - 157с. (на тадж. яз.)
5. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М.: Просвещение, 1976. – 548 с.
6. Чиллаев К. Народный роман «Абумуслимнаме» / Опыт историко-филологической характеристики рукописного памятника. - Душанбе, 1985. - 195 с.

ОБРАЗЫ ПРАВИТЕЛЕЙ В НАРОДНОМ РОМАНЕ “ИСКАНДАР-НАМЕ

В персоязычной литературе образ Александра на протяжении столетий оставался одним из значимых и изучаемых - свидетельством тому являются многочисленные произведения, воспевающие и восхваляющие его величие и божественность, описывающие его многочисленные героические походы. В данной статье автором рассматриваются образы правителей в раннем прозаическом народном романе «Искандар-наме» (Роман об Александре, которое относится XI в.

Ключевые слова: Александр, литература, произведение, правители, образ, рукопись, предание, персоязычная литература.

THE IMAGE OF GOVERNORS IN THE ROMANCE OF “ISKANDARNAME”

The image of Alexander in the Persian literature remained as the important and studied one – evidence of that are many works singing and praising its greatness and divinity, describing his many heroic invasions. In this article the image of governors in the ancient epos “Iskandarname” (an epos about Alexander the Great, which is dated XI century) is considered by the author.

Keywords: Alexander, literature, work, governor, image, manuscript, tale, Persian literature.

Сведения об авторе: Восиева Рухшона Курбоновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Таджикского государственного института языков имени Сотима Улугзода, e-mail: v.rukhshona@mail.ru

About author: Vosieva Rulhshona Kurbonovna, PhD in Philology, Associate Professor of Chair of Theory and History of Tajik Literature, Tajik State Institute of Languages named after Sotim Ulughzoda, e-mail: v.rukhshona@mail.ru

НЕМЕЦКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЕ СААДИ «ГУЛИСТАН»

Карахонов М. С.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Шейх Муслихиддин Саади Шерози (умер в 1292) относится к выдающимся поэтам персидско-таджикской литературы. Он был суфием, исламским мистиком, который на суфийском пути как свидетельствует его звание «Шейх» стал мастером одного из орденов дервишей.

Саади родился в образованной семье [7, с. 241-245]. Его учеба началась еще в школе изучением священного Корана в родном городе Ширазе, столице провинции Фарс, которая воспитала многих именитых поэтов. Из-за походов Хоразмшаха и монгольского нашествия Саади был изгнан в Багдад. Монголы, начавшие свое наступление в 1219 году побеждали за короткое время местные династии, которые в истории таджиков и персов ознаменованы резней и непрекращающимися войнами, причем миллионы персов и таджиков были убиты и была угроза уничтожения целой культуры.

В Багдаде, тогда в одном из духовных центров Ислама продолжил Саади свою учебу в знаменитом Низамия-Медрессе. Его наставником был Шейх-Суфи Умар Сухраварди, основатель большого суфийского ордена.

По окончании времени своей учебы отправился Саади на долгие десятилетние путешествия, которые вели его через Месопотамию, Малую Азию в Мекку якобы даже в Индию.

Немецкие литературоведы серьезно изучали произведения Саади. Во введении к его в 1256/7 после возвращения в Шираз сочиненном первом крупном произведении «Бустан» приведено:

In ferne Länder war ich hingezogen,
Bei aller Welt war mir die Zeit verflogen;
Ich fand Genuß und Frucht an jedem Ort,
Von jeder Tenne trug ich Ähren fort.
Doch Demuthssinn wie unter Schiras' Reinen [5, S.9 f].
По дальним странам мира я скитался,
Со многими людьми я повстречался...
Но не встречал нигде мужей, подобных
Ширазцам,— благородных и беззлых [1, с. 19].

Через год после выхода «Бустан», которая принесла Саади славу поэта, появилась его вторая крупная произведения «Гулистан» (Rosengarten). Шейх Саади посвятил это произведение принцу Саъд бинни Абубакр бинни Саъд, имя которого он выбрал как свое поэтическое прозвище.

Из его полного собрания сочинений необходимо упомянуть короткие стихотворения нравоучительно-назидательные виды и некоторые трактаты. Как показывают эти трактаты, Саади, после своего возвращения в город Шираз вел за пределами города в уединении жизнь суфия. В эти годы своего наставничества наряду с поэтической деятельностью, он занимался также дополнением суфийско-теологических вопросов и нравоучением народа и великих мужей того времени.

«Гулистан» является самым популярным произведением классической персидско-таджикской литературы. Это популярность, которая выпала на его долю даже спустя шестьсот лет он обязан своему разнообразию содержания «Гулистана», которая позволяет ему обращаться к людям разных слоев населения, разного уровня образования и любой степени религиозного сознания. Его популярность заключается так же и в большей степени на его эстетически-поэтической ценности, не в последнюю очередь также на занимательный момент, которая выдвигается на передний план в «Гулистане», чем в его в большей степени теоретизирующей подобии «Бустан».

«Гулистан» состоит из введения, восемь книг и заключения. Введение начинается с большого восхваления Бога, которая включает в себя восхваления пророка Мухаммеда и властвующего правителя Атабека Абубекра ибни Саад Занги (1223-1258).

Название своей работы «Гулистан» автор связывает с этим. После описания красоты природы и потом сада, в котором он провел ночь со своим другом, рассказывает: «Am Morgen, als die Lust zurückzukehren über den Wunsch da zu bleiben den

Sieg davontrug, sah ich, daß er einen Kleidersaum voll Rosen und Basilien und Huacinthen und Amaranthen zusammenpflückte, und sich zur Rückkehr in die Stadt anschickte. Auf den Bestand der Rosen des Gartens, sprach ich, kann man, wie du weißt, nicht vertrauen, und auf die Verheißungen des Rosengartens nicht bauen; du kennst aber den Ausspruch der Weisen: Wo wir keinen festen Grund finden, sollen wir unser Herz nicht binden. Was ist den zu thun? Fragte er. Ich antwortete: Zur Erlustigung der Beachtenden und zur Erheiterung der Betrachtenden kann ich ein Buch des Rosengartens verfassen, dessen Blätter der Wind des Spätjahrs nicht mit gewaltthätiger Hand zereißt, und an dessen Frühlingslust der Wechsel der Zeit nicht durch den Flattersinn des Herbstes seine Unbeständigkeit beweist.

Nach fünf, sechs Tagen mußt du die Rosen welken sehn,
Die Schönheit meines Gartens wird immerfort bestehn» [4, с. 20].

Утром, когда желание вернуться домой одержало верх над отрадой пребывания в саду, вижу я, что и друг мой собрался в путь, полу свою наполнив розами и гиацинтами, настурциями и цветами базилика. И я промолвил: Тебе ведь известно, что недолговечны розы в садах и не всегда кусты роз в цветах, мудрецы же говорят «Что непостоянно, то любви недостойно!» Что же тогда мне делать? – воскликнул он. Я сказал: Для развлечения читателей и отрады всех желающих я могу написать книгу «Розовый сад» - от жестокого дыхания осеннего ветра лепестки этого сада не облетят, его радостную весну круговращение времен не обратит в унылую осень:

Дней пять иль шесть – и розы цвет поблек,
А «Саду роз» назначен вечный срок [2].

В первых своих 7 книгах «Гулистан» изображает сборник анекдотно-остроумных рассказов из большой истории как из будней Востока. Нормы поведения, нравоучение и стилизованные жалования на высказывания знаменитых личностях выражают сущность соответствующей истории. VIII книга отличается от других тем, что она состоит из почти только изречений без иллюстрированных примеров. Мудрые предложения и нормы поведения жизни «Гулистана», которые составляют почти половину произведения, сформулированы, сжато, точно, общепонятно и легко запоминающимися. Они стали в большей части пословицами на таджикском и персидском языках.

«Гулистан» является своеобразным и нерегулярным произведением. Большая часть рассказов являются средней длины. Рядом с ними имеются анекдоты, состоящие из нескольких предложений и распространенных дидактических историй. Иногда одна история связывается с другой, которая выступает как аналогия или образец. Рассказы как будто подобраны на различные темы: легкий, с тонким чутьем шутка, серьезный и простой комик часто находятся рядом друг с другом. Внутри отдельных книг некоторые истории свободно следуют друг за другом и связаны только через их отношение с названием книги отмеченным основным темой. Однако в каждой книге имеются истории, которые почти не связаны с обсуждаемой темой.

Введение и заключение создают такие рамки, которые заканчиваются одиночными рассказами. Рассказчик рамок, который постоянно держался на заднем плане и порой виднелся, как рассказывающая фигура представляется для читателей как руководитель, который помогает им, если не всеведением то через собственный опыт и мудростью к познанию, к осмыслению рассказанных ситуаций. При всем их разнообразии эти ситуации ссылаются на одну единственную точку: посередине всего порядка мира стоит Бог. Рассказчик подразумевается только как посланник и посредник. Будут ли его учения поняты и приняты во внимание – уже не зависят от него. Так он рассказывает в конце введения: «*Unser Ziel war guter Rat, und den haben wir ausgesprochen. \ Darauf haben wir uns Gott befohlen und sind gegangen*» [4, с. 16]. *Нашей целью было дать хороший совет, и мы это сделали. Этому велел нам Бог, и мы это выполнили.*¹ Он еще больше дистанцируется в заключении: Намекая на строки Корана V, 92 – «*Gehorchet Gott und dem Gesandten und nehmet euch in acht! Wenn ihr euch abwendet, müßt ihr wissen, daß unser Gesandter nur die Botschaft deutlich auszurichten hat*» [3]. *Слушайте Бога и пророка и примите во внимание! И если вы отвернетесь, то должны знать, что наш пророк только ясно передает послание.* – он заканчивает свое произведение двустихием:

¹ Здесь и далее перевод автора статьи

«Wir haben nach Gebühr den Rath zu geben
Verwendet manchen Tag von unserm Leben;
Sollt' er nicht zu geneigten Ohren dringen:
Des Boten Pflicht ist Botschaft nur zu bringen» [4, с. 225].
Мы дали назиданье, что ум наш занимало,
И дней на сочиненье затратили немало.
Не захотят быт может, полезной книгу счесть –
Но долг посланца ясен: вручить он должен весть [2].

Но из чего состоит послание, которое дает советчик Саади своим читателям – в произведении, в котором тенденции (направлении) поучительной книги, обоснованной суфийским учениям странным образом также обнаруживается как зеркало правителя и краткий курс мировой смысленности?

На этот вопрос из имеющегося на немецком языке литературы на сегодняшний день про Саади невозможно найти удовлетворяющего ответа. Некоторые данные ограничиваются общими определениями, что «Golestan» sei ein moralisch-didaktisches Werk, das Anweisungen gebe zum rechten Verhalten des Menschen in der Welt“ - «Гулистан» является морально-дидактическим произведением, которое дает указания правильному поведению человека в мире. – или «Sa'di hat sich nicht wie die anderen von der Welt abgekehrt. Die Stimme der Natur vermag bei ihm rege Gefühle hervorzurufen. Weniger Lob verdient seine in Theorie und Praxis allzu schmiegsame Anpassungsfähigkeit» [7, с. 245]. - Саади не отвернулся от мира как другие. Голос природы добьется у него возникновения волнующих чувств. Мало похвали заслуживает его в теории и практике чересчур гибкое умение приспособливаться к реальным условиям. Эти определения могут быть правильными, но на поставленный вопрос и цели, которые преследует Саади в «Гулистане» не отвечают. Что снова и снова выдвигается на передний план размышления, является вопрос о причине популярности Саади, причем психологические и исторические попытки охарактеризовать Саади как человека вступают в игру. Неподобающим образом как мне кажется, стараются немецкие любители таджикско-персидской литературы приравнивать суфи-шейха Саади с Саади дидактиком.

В заключении необходимо упомянуть уже обозначенный эзотерический аспект «Гулистана». Знаменитая поговорка гласит: Каждое выражение Саади имеет семьдесят два значения - «Ein jeder Ausdruck Saadis besitzt zweiundsiebzig Bedeutungen». Для этого исследования не учитываются эзотерические возможности интерпретации на которые ссылается Идрис Шах. В некоторых аллегорических (иносказательных) или в форме сравнений убедительных рассказов мы должны будем заниматься особенностями многозначности этих текстов. Саади как и принято у поэтов-суфиев многократно использует многозначность следующих выражений: «(Hof-) Diener» - дворня (одновременно: Gottesmann) – отец божий, «Freund» – друг (одновременно: Gott - бог, Sufi - суфи, Ordensbruder - брат по ордену) «Geliebter» - (Gott), «Wanderer» (Verlieber) – путник, - влюбленный.

Литература:

1. Державин В. Саади. Бустан. – Душанбе: Ирфон, 1968.
2. Старостин А. Саади. Гулистан. Амир Кабир. М., 2011. - 360 с.
3. Der Koran, Übersetzung von Rudi Paret. Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz, 1962.
4. Graf S.10 f./ Saadi S.20 f./ Olearius S.LXXII.
5. Karl Heinrich Graf: Moslichehddin Sadi's Lustgarten (Bostan). Jena, 1850.
6. Mensch, Welt und Gott in den Geschichten des Fariduddin Attar. Leiden, 1955.
7. Jan Rypka. Iranische Literaturgeschichte. Leipzig, 1959.

НЕМЕЦКИЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЕ СААДИ «ГУЛИСТАН»

Проблема перевода и изучения персидско-таджикских произведений всегда была интересной для европейских ориенталистов. В статье дается краткая информация о переводах и высказываниях немецких литературоведов про произведения Саади «Гулистан». Материалом для исследования послужили многочисленные переводы «Гулистана» на немецкий язык.

Ключевые слова: проза, стихотворение, перевод, немецкий язык, история, рассказ, суфий, литература, анекдот, поведение, нравоучение.

THE GERMAN EXPERT IN LITERATURE AND SAADI'S WORK "GULISTAN"

The problem of translation and study of Tajik-Persian works was always interesting for European orientalists. In the article is given short information about Saadi's work "Gulistan" on the part of German experts in literature. The material of the research served numerous translations of "Gulistan" in German language.

Keywords: prose, poem, translation, German language, story, narrative, Sufi, literature, anecdote, behavior, moral.

Сведения об авторе: Карахонов Махмадрасул Сарахонович, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: muhammad1967@mail.ru

About author: Karakhonov Mahmadrasul Sarakhonovich, PhD in Philology, Associate Professor of the chair of German language and methods of its teaching, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: muhammad1967@mail.ru

ТАРЧУМА ВА ТАЪСИРИ АДИБОНИ КЛАССИКИ ФАРОНСА БА АДАБИЁТИ ТОЧИК (В. ГЮГО, ОНОРЕ ДУ БАЛЗАК)

Одилова З. О.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Тарҷума яке аз воситаҳои асосии ба ҳам наздик шудани адабиёт ва халқҳо буда, дар давраҳои гуногун вазифаҳои мухталифро ба субут расонидааст. Тарҷума таъсири байниҳамдигарии адабиётҳоро ба амал овардааст. Тарҷума воситаи асосие гардид, ки дар илму адаб роҷеъ ба ягонагии адабиёти байнимиллӣ, образҳои бадеии адабиёти умумичаҳонӣ ва аз як адабиёт ба дигар адабиёт овардани андешаҳои тоза сухан меравад. Тарҷумон кӯшиш мекунад, ки асари тарҷума кардааш ба завқ ва талаби замони ӯ мувофиқ ояд [1, с. 16-17].

Тарҷума яке аз қадимтарин навъи фаъолияти инсонии мебошад. Аз ин рӯ баъзе тарҷумонҳо кӯшиш намудаанд, ки ҳуқуқи тарҷумон нисбат ба матни асл озод бошад, яъне у ҳуқуқ дорад, ки озодона ба фаҳмиши худ тарҷума намояд, шарт нест, ки шеър ё ҳикояро харф ба харф тарҷума намояд, у метавонад мазмуни нусхаи аслро ба вучуд орад. Бояд тарҷумонон ба принципҳои мухтавои матни тарҷумашаванда, доништани забони матни асл ва матни тарҷума, аз майли калима ба калима тарҷума кардандаст қашида, дар тарҷума қор фармудани шаклҳои умумиистеъмолии нутқ, интиҳоб ва ҷобачогузории дурусти калима ва ба вучуд овардани таасуроти умумие, ки дар хондани матни асл пайдо мешавад.

Яке аз тарҷумонони немис Август Шмигел мегӯяд: «Ҳар як тарҷума ба ман имкон медиҳад, ки барои ҳалли вазифаи иҷронашуда кӯшише намоям, зеро ҳар як тарҷумон ногузир қурбони яке аз ду ҳолат мегардад: ё аз ҳад зиёд матни аслро аз ҳисоби таъбу завқ ва забони мардуми худ дастгирӣ мекунад ва ё хусусиятҳои халқи худро аз ҳисоби матни асл» [5, с. 6].

Тарҷумаро санъат меноманд, зеро тарҷумон низ офарандааст. Тарҷума ду ҳел мешавад: шифоӣ ва ҳаттӣ. Дар дохили тарҷумаи ҳаттӣ навъҳои жанрии тарҷума, тарҷумаи адабиёти илмӣ-техникӣ ва махсус, тарҷумаи адабиёти публицистӣ, ҷамъиятӣ ва сиёсӣ ва тарҷумаи адабиёти бадеӣ (назм, наср, драматургия) истифода мешавад.

Тарҷума аз замонҳои қадим вучуд дошт ва дорад, лекин тарҷумонӣ дар асрҳои миёна чун як шоҳаи алоҳида дар адабиёти бадеӣ дохил шудааст. Чи хеле, ки маълум аст, дар асрҳои миёна илм назар ба адабиёти бадеӣ пешқадам ва нисбатан обрӯи ӯ баландтар буд, баъдан тарҷумонҳо низ ба тарҷумаи асарҳои илмӣ сар карданд. Тарҷумашиноси фаронсавӣ Эдмон Карӣ дар асари машҳураш «Тарҷумонҳои бузурги франсавӣ» (Женева, 1963, ба забони фаронсавӣ) гуфтааст, ки калимаҳои «тарҷума», «тарҷума қардан» ва «тарҷумон» аввалин маротиба аз тарафи Этьен Доле (1509-1546) дар замони Эҳёи адабиёти фаронсавӣ ба миён омадааст.

Таърихи тарҷума дар адабиёти ҷаҳонӣ нишон медиҳад, ки аз як забон ба забони дигар бештар шохкорӣ баргардонда мешаванд, ки соҳиби афкори баланд буда

ахамияти зиёди эстетикӣ доранд. Ва ин табиист, чунки бузургии адабиёти ин ё он халқро сараввал аз болои шоҳкориҳо таъйин мекунад [2, с. 165].

Адабиёти Фаронса муҳимтарин ва машҳуртарин қисми адабиёти ҷаҳонӣ ба шумор меравад. Таъсири он на танҳо ба адабиёти Ғарб, балки ба адабиёти мамолики дигар хуб эҳсос мегардад [4, с. 3]. Намояндагони адабиёти Фаронса Виктор Гюго, Стендал, Оноре де Балзак, Александр Дюма, Густав Флобер, Ги Дӯ Мопассан ин адибон дар байни мардум тавассути осори худ шуҳрат ёфтаанд. Имрӯз осори адибони Фаронсаро хонандагони мо ҳам дар асл ва ҳам дар тарҷума хонда метавонанд. Хеле дер вақт аст, ки эҷодиёти адибони фаронсавӣ дар сарзамини мо шуҳрат пайдо намудааст. Мақсади мо таҳлили таърихи тарҷумаҳои асарҳои адибони нимаи якуми асри нуздаҳи Фаронса дар Тоҷикистон ва қорҳои навиштаи муаллифони тоҷик оид ба зиндагии шоиру нависандагон мебошад. Махсусан дар бораи ҳаёт ва фаъолияти ду адиби бузурги Фаронса Виктор Гюго ва Оноре дӯ Балзак ибрози назар намудем. Яке аз машҳуртарин романтикони Фаронса Виктор Гюгоро хонандаи тоҷик дер боз мешиносад. Инчунин оид ба зиндагӣ ва фаъолияти эҷодии Гюго дар Тоҷикистон мақолаҳои зиёде навишта шуда, пешкаши хонандагони тоҷик гардидааст.

Виктор Гюго тараннумкунандаи сулҳ, дӯсти ва баробарӣ буд. Бинобар он, В. Хабур суханҳои худ Гюгоро овардааст, ки бешубҳа ҷиҳати прогрессивии фаъолияти нависандаи Франсавиро ошкор мекунад: «Ман на танҳо мегӯям, ки сулҳро дар тамоми ҷаҳон ба даст овардан мумкин аст, балки тасдиқ ҳам менамоям, ки он зарур аст. Идеи сулҳ дар тамоми ҷаҳон сарвати ҳамаи миллатҳост ва онҳо сулҳро ҳамчун неъматӣ олай талаб менамоянд» [1, с. 100]. Яке аз бузургтарин шоири асри нуздаҳи Фаронса Мари-Виктор Гюго мебошад, ки 26-феврари соли 1802 дар Безаксан таваллуд шудааст. Падараш Леополд Гюго афсари ҳарбӣ дар Испания буд ва модараш Софӣ мебошад. Виктор дар айёми ҷавонияш ба шаҳрҳои Италия ва Испания (Ҷазираи Элб, Корс, Флоренсия, Рим ва Неапол) сафар намуд. Баъдан ба ватан баргашта, бо маслиҳати модараш ба омӯзиши адабиёт, хусусан ба омӯзиши шеъри фаронсавӣ машғул мешавад. Ба Виктор бисёртар Шатобрион маъқул мешавад.

Готӣ ин осори Гюгоро «Хамоса дар наср» номидааст. Вале мисли пештара чун шоир зистан мегирад: «Баргҳои тирамоҳӣ» (1831) тавлид мешаванд, ки қисми зиёди шеърҳо то соли 1830 бунёд шуда буданд. Дар сини 39-солаги ӯ аъзои Академияи улуми Фаронса мешавад (7-январии соли 1841) [4, с. 77]. Гюго барои эҷоди романи машҳураш «Мардудҳо» солҳои дароз андеша намудааст. Ин романаширо ӯ байни 26.04.1860-30.06.1961 навишта, ба анҷом мерасонад. Маҷмуаи шеърҳои романҳои ӯ «Танбехҳо» (1853), «Мушоҳидаҳо» (1856) «Афсонаи асрҳо», «Заҳматкашони баҳр» (1866), «Одаме, ки механдад» (1869), «Соли даҳшатнок» (1872), «Наваду саввум» (1874) ва ғайра мебошанд. Виктор Гюго 22-маи соли 1885 дар сини 83-солагӣ вафот мекунад. Ӯро дар Пантеон-оромгоҳи бузургтарини Фаронса мегӯронанд. Гюго аввалин адиби фаронсавиест, ки ба воситаи тарҷумаи тоҷикии романаши «Наваду саввум» ба адабиёти мо дохил шудааст. Соли 1934 асари машҳури ӯ «Наваду саввум» аз ҷониби М. Юсуфӣ тарҷума шуда, зеро таҳрири устод С. Айнӣ бо се сарсухани А. Виноградов пешкаши хонандагони тоҷик намуданд. Ин романи машҳури Гюгоро нашриёти давлатии Тоҷикистон дар Сталинобод-(Самарканд) бо ҳарфҳои лотинӣ ҷоп намуд, ки аз 3000 нусха иборат мебошад. Пас аз се сол романи «Мардудҳо» аз ҷониби мутарҷими шинохта Ҳабиб Аҳрорӣ тарҷума шуда аз ҷоп баромад.

Дар Тоҷикистон на танҳо асарҳои насрии Гюго, балки баъзе шеърҳои низ ба тоҷикӣ гардонидани шудаанд [1, с. 106]. Аввалин шеъри тарҷумашудаи Гюго “Сангари хунин” мебошад, ки аз тарафи устод А. Лохутӣ баргардон шудааст. Мисраҳои аввалини шеър дар тарҷумаи озоди А. Лохутӣ чунин шаклро гирифтааст:

Размоварони сангари хунин шуданд асир.

Ба кӯдаке далер,

Ба синни дувоздаҳ,

-Он ҷо буди ту ҳам?

-Бале, бо ин диловарон 1, с. 106].

Аввалин мутарҷими шеъри Гюго дар Тоҷикистон устод А. Лохутӣ мебошад. Дуввумин шоире, ки ба тарҷумаи шеъри ӯ даст задааст устод Лоик Шералӣ мебошад. Инчунин ду шеъри дигари Гюго бо номи «Фирдавсӣ» ва «Шоҳи форс» дар тарҷумаи ӯ аст, ки соли 1969 дар маҷаллаи «Садои шарқ» (шумораи 2, саҳ. 97-98) пешкаши хонандаи тоҷик гардидааст.

Виктор Гюго барои хонандаи тоҷик ба адиби худӣ табдил ёфтааст. Охир, худи ӯ ҳам дилбастаи шеърӣ Ачам буд [4, с. 7]... Хуго ба адабиёти кишвараш ҳамчун шоир ворид гашт, чун драматург машҳур шуд, баъдан романнигор шуҳрати оламгир пайдо кард [4:60]. Гюгоро дар ватанаш бисёртар ҳамчун шоир эътироф мекунад, на чун романнигор ва на чун драматург. Гюго дар ҷаҳон ҳамчун адиби бузурги инсонпарвару адолатҷӯ боқӣ хоҳад монд. Асарҳои зиёди нависанда ва шоири фаронсаӣ Виктор Гюго ба забони тоҷикӣ баргардон шудаанд. Асарҳову шеърҳои ӯро шахсони гуногун ба монанди шоирону нависандагон, тарҷумонҳои касбӣ ва адабиётшиносон тарҷума карданд.

Ҳамзамонаш, баҳусус ҳамқаламонаш ӯро сидқан ҳамчун суҳанвари волотафаққуру ояндабин эътироф карда буданд. Бехуда нест, ки ҳамдаври ӯ адиби дигари номдори замон Оноре дӯ Балзак вақте аз нияти Гюго ба узвияти Академияи улум боҳабар гардид ҳуччатҳояшро бозпас гирифт... Агар Гюго сарвари ҷараёни романтикӣ гардида бошад, пас Оноре дӯ Балзакро (1799-1850) мо бояд ҳамчун пешоҳанги раванди реализми танқиди дар адабиёти нимаи аввали садаи нуздаҳ донем [4:66]. Бузургтарин намояндаи адабиёти реалистии Фаронса Оноре дӯ Балзак мебошад, ки 20-майи соли 1799 дар шаҳри Тур таваллуд шудааст. Номи падараш Бернар Франсуа Балса мебошад, ки ӯ аз оилаи деҳқон буд. Ӯ “Балса”-ро ба “Балзак” мубаддал гардонда, ҳиссаҳои “дӯ”-ро илова намуд, ки ин нишонаи аз оилаи аристократ буданро дошт. Модараш бошад духтари савдогар буда, маълумоти ибтидоияшро дар омӯзишгоҳи Вандон ва мактаби хусусии Порис гирифтааст. Солҳои 1816-1819 дар мактаби ҳуқуқ таҳсил намуда, баъдан бо хоҳиши падару модараш ба адабиёт рӯ меорад. Солҳои 1820-1825 ӯ чанд асареро эҷод менамояд, ки ба гуфти ҳудаш ин корро ба хоҳири пул мекардааст. Балзак мехост, ки ҳамавақт шахси пулдор бошад, лекин ҳамеша қарздор буд. 1-майи соли 1826 қарзҳои ӯ зиёд мешаванд, яъне ба даҳ ҳазор франк мерасад ва ӯ барои аз қарзҳои худ халос шудан типографии хусуси мекушояд, лекин ин ҳам ба ӯ ёри дода наметавонад. Ин корхонаро маҳкам мекунад, қарзҳояш бошад боз зиёдтар мешаванд ба шаст ҳазор франк мерасад. Балзаки бечораро падару модараш, хешовандон ва хонум дӯ Берни дасти мадад мерасонанд, агар онҳо намебуданд ӯро ҳабс мекарданд.

Балзак тавассути романи машҳураш “Шуанҳо” (1829) ба ҷустуҷӯи зани давлатманде меравад. Хушбахтона, баъд аз навиштани романи “Зани сисола” (1831) ӯ аз шаҳри Одесса мактубе мегирад. Дӯстдоштаи Оноре ҳамсари шоҳзодаи Лахатистон хонум Эвелин Ганская мебошад. Аввалин маротиба онҳо дар шаҳрчаи Невшател (Шветсария) охири моҳи сентябри соли 1833 вохӯрданд. Баъд аз даҳ сол (1843), пас аз марги граф Гански Балзак ба Руссия рафта бо хонум Эвелина дар Петербург во меҳӯрад. Нависанда қариб, ки ҳар рӯз ба ӯ мактуб менавишт. Мактубҳои Балзакро ҳисоб карданд, ки ба навад адад мерасад. Соли 1848 Балзак ба бемори гирифтдор мешавад ва бо хонум Эвелин дар шаҳри Бердечевои Украина аҳди никоҳ мебандад. Нахустин романи Балзак “Гопсек” бо унвони “Судхӯр” соли 1830 чоп мешавад.

Солҳои 1831-1835 Балзак асарҳои машҳураш “Пӯсти андӯҳовар” (1831), “Зани сисола” (1831), “Полковник Шабер” (1832), “Табиби деҳотӣ” (1833) ва ғайраро эҷод мекунад. Дар “Пӯсти андӯҳовар” образи Рафаэл офарида шудааст. Рафаэли донишҷӯ ниҳоят шефтаи молу мулк мешавад. Зиддияти падару духтарон мавзӯи асосии романи “Падар Горио” аст. Иллати марги оила на падар Горио, балки духтарони дороипарастӣ ӯ мебошанд [4:146]. Балзак мехост, ки яксаду чилу се асар эҷод намояд, вале ӯ баъди эҷоди китоби наваду панҷум 18-августии соли 1850 аз бемории сактаи дил вафот мекунад ва ӯро дар қабристони машҳури Порис Пер-Лашез дафн намуданд. Ҳақиқатан Балзакро ситораи дурахшони адабиёти нимаи якуми асри 19-и Фаронса гуфтан мумкин аст. Балзак ба воситаи “Мазҳакаи инсонӣ”, ки дорои қариб 95-асар аст, адабиёти Фаронсаро дар микёси олам номдортар ва нерӯманд гардонид. Т. Чабборӣ дар рӯзномаи “Тоҷикистони сурх” аввалин мақолаеро, ки оид ба Оноре дӯ Балзак, ба 90-солагии рӯзи вафоти ӯ бахшида шуда буд чоп намуд.

Муаллифи тоҷик Оноре де Балзакро нависандаи бузург, боистеъдод, мутафаккири забардаст хонда қайд кардааст, ки дар соҳаи реалистона тасвир намудани замона нависандаи франсаӣ дар қатори даҳҳо адабиёти дунёи В. Шекспир, Гёте ва Л. Толстой меистад [1, с. 109].

Чунон ки далелҳои болои собит мекунад, хонандаи тоҷик ҳам бо осори шоиру нависандагони нимаи якуми садаи нуздаҳи Франса ба ҳуби ошно ҳастанд. Роҷеъ ба ҳаёт

ва фаъолияти намояндагони ҷудогонаи ин давраи адабиёти франсавӣ ҳарчанд рисолаҳои ҷудогона таълиф наёфта бошанд, ҳам вале мақолаҳои сершумор навишта шудаанд, ки хонандаро бо замон ва эҷодиёти шоиру нависандагон ба қадри имкон шинос карда метавонанд. Асарҳои машҳури адабиёти нимаи якуми садаи нуздаҳи Франсари мо ба забони тоҷикӣ, пурра набошад ҳам, дар шакли пораҳо мутолиа мекунем. Барҷастатарин асарҳои Гюго, Балзак, Беранже, Стендал, Мериме ба забони тоҷикӣ гардонида шудаанд ва онҳо ба фонди тиллоии адабиёти тарҷумавии тоҷик роҳат гирифтаанд.

Адабиёт:

1. Мухтор Шокир. Замон ва тарҷумон.- Душанбе: Адиб, 1989.- 308 с.
2. Мухтор Шокир. Мақолот.- Душанбе: Матбуот, 2001.- 244 с.
3. Мухтор Шокир. Ситораҳои бурчи Эйфел. -Душанбе: Ирфон, 1982.- 143 с.
4. Мухтор Шокир. Баргузидаи насри Фаронсаи асрҳои XIV-XX.- Душанбе: Истеъдод, 2011.- 560 с.
5. Мухтор Шокир. Адабиёти тоҷик дар Франция. -Душанбе: Ирфон, 1985.-157 с.
6. Нағзибекова М. Назарияи тарҷума.- Душанбе, 2005.-76 с.

ПЕРЕВОД И ВЛИЯНИЕ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКИХ КЛАССИКОВ В ТАДЖИКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной статье рассматривается перевод и влияние поэтов и писателей французских классиков в таджикской литературе. Таджикский читатель также хорошо ознаком с трудами поэтов и писателей первой половины 19-века Франции. О творчестве и жизни отдельных представителей французской литературы этого периода не написаны отдельные монографии но печатаны много статьи и они могут ознакомит читателя с творчеством и периодом французских писателей и поэтов. Большие и популярные книги Гюго, Бальзак, Беранже, Стендал, Мериме были переведены на таджикском языке и они включены в золотой фонд литературы таджикского перевода.

Ключевые слова: перевод, принципы перевода, поэты и их произведение, литературный язык, таджикский язык.

TRANSLATION AND INFLUENCE OF POETS AND WRITERS OF FRENCH CLASSICS IN TAJIK LITERATURE

In this article is looking translation and influence of poets and writers of French classics in tajik literature. Tajik reader is also good to acquaint themselves with the works of poets and writers of the first half of the 19th century. About the life and work of some representatives of the French literature of this period are not written but a separate monograph is printed many articles and the period of French writers and poets. Large and popular books of Hugo, Balzac, Beranger, Standal, Merime were translated into tajik language and they one included in the golden fund of tajik literature translation.

Keywords: translation, the principle of translation, poets and they works, the literary language, the Tajik language.

Сведения об авторе: Одилова Зайнура Обидовна, докторант отделения французского языка Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: fransugenka89@mail.ru

About author: Odilova Zaynura Obidovna, doctoral student (PhD) of French language departement of Tajik State Pedagogical University named after named Sadriddin Aini, e-mail: fransugenka89@mail.ru

ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ)

ПОМИР – МАСКАНГОҲИ ҚАДИМАИ ҚАБОИЛИ ОРИЁИТАБОР

Пирумшоев Ҳ.

Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни

Яке аз масъалаҳое, ки диққати олимонро бештар ба худ ҷалб кардаву то ба имрӯз мавриди омӯзиш қарор ёфтааст, иртиботи бевоситаи мардуми бумии паҳнои Помиру Бадахшон ба қабоили ориёнасл ҳисоб меёбад. Бояд қайд кард, ки мутахассисони соҳа доир ба ин масъала голибан ҳамфикрӣ зоҳир намуда, дар таълифоти худ бо тақия ба далелҳои эътимодбахши антропологӣ ва лингвистӣ борҳо ин ҳақиқатро тасдиқ кардаанд.

Назари аксари таҳқиқгарон бар он аст, тоҷикони Помиру Бадахшон аз қабилаҳои ҳамин минтақа, ки ҳанӯз дар асрҳои сангу (мезолит (асри санги миёна) – 12- 8 ҳазор сол пеш аз милод; неолит - (асри санги нав) – 8-4 ё аз рӯи дигар нишондиҳандаҳо – 6-2 ҳазор сол пеш аз милод) [8, с. 56]; биринч (ҳазорсолаи III – I пеш аз милод) зиндагӣ ба сар мебуданд, ташаққул ёфтаанд. Дар ин раванд аз воқеияти ба минтақа ворид гардидани сақоҳои ва бо аҳолии маҳаллӣ омезиш ёфтани онҳо низ набояд сарфи назар кард.

Ташхиси антропологӣ нишон медиҳад, ки сокинони ин диёри баландкӯҳ мисли тоҷикони дигари ба намуди аврупоии Осиёи Миёна тааллуқ дошта, фақат бо он фарқ мекунад, ки пурра аз нишонаҳои наҷоди муғулӣ оғӣ мебошанд [4, с. 314].

Таҳқиқоти антропологии мутахассисони соҳа Л.В.Ошанин [15, с. 267; 14, Ч.I, с. 94; Ч.II, с. 60-63], Ю.Г.Ричков [20, с. 222; 21, с. 86-106], В.В.Гинзбург [6, с. 83-96; 5, с. 29-39], Т.П.Кияткина [9, с. 117-194; 10, с. 135-144] ва дигарон ба хулосае овардааст, ки сокинони Помири қадим ба аз ҷиҳати нишондиҳандаҳои наҷодӣ ба аврупоидӣ наздикӣ доштаанд. Ҳанӯз дар давраи неолит (асри санги нав) дар ҳудуди Осиёи Миёна, яқинан бошандагони Помир чун шоҳаи аврупоинаҷод муайян шудаанд.

Дар минтақа, ҳосатан дар Помир наҷоди аврупоӣ аз рӯи таҳқиқоти бостоншиносон дар ду қиёфа мушоҳида шудааст: а) шимолӣ –протоаврупоӣ; б) ҷанубӣ – протобаҳримёназаминӣ. Аҳолии Помири Ғарбӣ аз ҷиҳати генетикӣ ба аҳолии Помири Шарқӣ дар асри биринч умумият дошта, як конгломерати қабилаҳо ҳисоб меёфтанд. Дар асоси бозёфтҳои бостоншиносӣ (археологӣ) хулосае бармеояд, ки ҳамаи аҳолии Помири қадим решаи умумӣ ва пайдоишу ташаққули бумӣ (автохтонӣ) доштаанд [10, 140]. Аз рӯи хулосаи дақиқсанҷиҳои илмӣ то имрӯз нигоҳ доштани ин хусусияти наҷодиро дар минтақа ҷӣ олимони шӯравӣ ва ҷӣ мутахассисони хориҷӣ борҳо тасдиқ намудаанд [1, с. 247; 4, с. 159-164].

Бояд тазаққур дод, ки то кунун доир ба муайян намудани нахустватани қабоили ҳиндуэронӣ ё ориёӣ дар байни олимони ақидаи мухталиф ҷой дорад. Аз ҷумла зумрае онро дар даштҳои ҷанубируссиягӣ, иддае дар минтақаи шарқии Баҳри Миёназамин ва ғайра муайян намудаанд. Вале таҳқиқоти қисми зиёди олимони ба омӯзиши қабилаҳои ориёинаҷод иртибот дошта, хулосаеро пеш овардаанд, ки бошишгоҳи қадимаи онҳо қисмати асосии паҳнои Осиёи Миёна, аз ҷумла Помиро фаро мегирифт.

Аз ин ҷост, ки масъалаи муайян намудани таърихи этникии Осиёи Миёна дар маҷмӯъ ва бахусус Помиру Бадахшон, бевосита ба пайдоиш ва ташаққули халқиятҳои ба қабилаҳои ҳиндуэронӣ ё ориёӣ иртибот дошта дар байни олимони ҳадафи баҳси тӯлонист. Дар ин раванд муайян намудани паҳнои “Арианаи ваеҷаҳ” (airyanem vaejah), ки ибораи авестой буда мафҳуми “Паҳнои авестой”-ро ифода мекунад ё ибораи форсии миёна – Эронвеч (Eran-vez) – “паҳнои Эрон”) воситаи воқеан эҳтимолии кушода шудани масъалаи ориёӣ ҳисоб меёбад. Ин ибора дар “Авесто” – ёдгории қадимтарини ҳаттӣ, ки давраи пайдоиши баъзе қисмҳои он ба ҳазорсолаи II то милод мерасад, ишора ёфтааст.

Дар Ром яшт – бандҳои 15-17 “Авесто” Чамшед дар тахти заррини болои кӯхи Харо ёд мешавад, ки ба ақидаи авестошиноси тоҷик Юсуфшоҳи Ёқубшоҳ ба қуллаҳои Помиру Ҳимолой рост меояд [26, с. 383-384].

Муаллифи номбурда далелҳои зиёде пеш оварда, амиқан ба ҳулосае омадааст, ки ватани Зардушт дар минтақаи Помиру Бадахшон ҷой доштааст. Албатта, гарчи ҳулосаи ӯро чун ҳақиқати бебаҳс қабул кардан роиҷ набошад ҳам, аз ақидаи олим наметавон пурра сарфи назар намуд. Муҳаққиқ бо боварии том чунин менигорад: “Таҳлили сарчашмаҳои авестой, забони авестой ва топонимии Бохтари Шарқӣ моро ба ҳулосае овард, ки ватани пайғамбар (Зардушт – Ҳ.П.) на Хоразму Озарбойҷон (Шиз), на Фаластин, на Сиистон, ва Суғду соҳили Сирдарё ва на Балх, балки Бадахшон мебошад. Падари ӯ зодаи деҳаи Дурочи ноҳияи Куфаи Дарвози Бадахшон ва модараш аз ноҳияи Роғи ҳамсои Куфа Дар Бадахшон – Афғонистони кунунӣ буданд. Ин ақида нисбат ба фарзияҳои мавҷуда бо бурҳону далели бештар ва боваринок исбот шудааст” [26, с. 489]. Дар ин ҷо зарурати овардани ақидаи ин муаллифро доир ба давраи зиндагии Зардушт низ бамаврид аст. “Дар масъалаи замони пайғамбар (Зардушт – Ҳ.П.), – менависад ӯ, – мо фикри олимони зиёди авестошиносро таҳлил намуда, онро бо бозёфтҳои бостонӣ ва сарчашмаҳои ҳаттӣ, аз ҷумла авестой муқоиса карда, ба ҳулосае омадем, ки агар давлати Каёниён дар ҳазораи дуҷуми пеш аз милод арзи вучуд карда бошад, Зардушт тахминан дар асрҳои XVII-XVI умр ба сар бурдааст” [26, с. 490]. Ин диди тахминии олим, дар қатори дигар фарзияҳои дар таълифоти таҳқиқгарони зиёди тай ин ду асри охир фаъолият дошта, ҳулосаеро тақвият мебахшад, ки Помиру Бадахшон макони мардуми ориёинаҷод будааст.

Аз мақоми наҷодӣ ва забонии халқҳои ҳиндуаврупоӣ дар таърих ёдовар шуда, табиист, ки нафақат суоли ба кадом давра мансубият доштани ташаккули онҳо, инчунин аз кадом давра оғоз ёфтани зарурати таҳқиқи илмӣ масъала пеш меояд. Аз рӯи маълумоти мавҷуда, шавқи ҳалли ин масъала дар Аврупо аз нимаи дуҷуми асри XVIII, вақти ба марраи пурраи таҳқиқоти илмӣ расидани донишҳои таърихӣ сурат гирифта, оғозу идома ёфтааст.

“Ҳанӯз дар охири асри XVIII, – менависад А.М.Манделштам, – далели бо ҳам наздик будани санскрит бо чанде аз забонҳои аврупоӣ, сабаби пайдо шудани фарзияи аз як манбаъ гизо гирифтани онҳо гардид. Таҳқиқоти ибтидои асри XIX ба ин доира ворид намудани забони авестой ва боз чандин забонҳои аврупоиро муайян намуда, ҳулосаи як реша доштани онҳоро боз қавитар гардонд. Натиҷаи мантиқии фарзияи шинохти умумияти пайдоиши халқҳои забони ҳиндуаврупоӣ дошта, зарурати муайян намудани нахустватани онҳоро пеш овард” [11, с. 68].

Ба муайян намудани нахустватани ҳиндуаврупоӣ олимони Аврупо (бахусус олмониён) дар ибтидои асри XIX бештар марок зоҳир намуданд. Масалан, И Роде соли 1820 назари олимонро, ки мулки офаридаи Аҳурамаздо - “Арианам ваеҷаҳ”-ро дар варои Қафқоз (Закавказие) нишон дода буданд, зери шубҳа гирифта, зарурати таҳқиқи онро дар Осиёи Миёна пешниҳод намуд. Ӯ ба матни Авесто тақия карда ватани эронӣ - Арианам ваеҷаҳро дар мавзеи кӯҳии дар шафати шимол ва шарқии Суғд муайян кардааст [27, с. 687]. Ин ақидаи ӯро Риттер, Потт, Шлегел, Лассен [28, XXI; 29, с. 19; 30, с. 444; 31, с. 512-527] ва дигар муҳаққиқон ҷонибдорӣ карда, амиқтар тақвият бахшиданд.

Ҳамин тариқ, дар солҳои 30-ми асри XIX, гарчанде ибрази ақидаҳо доир ба муайян намудани нахустватани ҳиндуаврупоӣ дар Осиёи Миёна гуногун бошад ҳам, фарзияе қавӣ гардид, ки онро дар ҳудуди кӯхистони болооби Амударёю Сир ва наздикии Белуртоғ, бо ибораи дигар дар вилоятҳои Помиру наздипомир бояд муайян кард [11, с. 69].

Дар миёнаи асри XIX аз олимоне, ки бевосита ба омӯзиши ин масъала марок зоҳир намудааст, муаррих-ҷуғрофиёшиноси олмонӣ К.Риттер ҳисоб меёбад. Ӯ дар асоси таҳлили забоншиносии матни Занд-Авесто ва раванди муҳоҷирати қabilaҳои замони қадим ба ҳулосае омадааст, ки гаҳвораи наҷоди эронӣ ё ориёиро дар занҷираи кӯҳии Қафқози Ҳинд (бо ин ибора олим системаи кӯҳии Помиру Ҳиндукушро дар назар дорад) муайян кардан асоси воқеӣ дорад [19, с. 24]. Ин ақидаро дар охири асри XIX олими англис М.Миллер тақвият бахшида, бо қатъият Помиро ватани ориёӣ намешуморад. Аз рӯи ақидаи ӯ ориёӣ сараввал дар суфақӯҳҳои Помир зиндагӣ ба сар

бурда, сипас дар асри XV то милод муҳочирати онҳо сурат гирифтааст. Аз рӯи фарзияи барояш боварибахши ӯ қабоили ориёӣ ба ду гурӯҳчудо шуда, як қисм ба Ҳиндустон ва қисми дигар ба самти Аврупо роҳ паймудаанд. Дар асри XIV то милод бошад, як гурӯҳи ориёӣёни ин минтақа ба Эрон муҳочират намуданд [19, с. 44-45]. Бояд қайд кард, ки ин ақида аз тарафи олими тоҷик А. Шохуморов дар ососи далелҳои иловагии ба маърази таҳлил кашида, ҷонибдорӣ шудааст [25, с. 18-27].

Дар ҳудуди системаи кӯҳии Помиру Ҳиндукуш ҷой доштани “Арианам ваеҷаҳ”-ро чанде аз олимони Аврупои ғарбӣ нимаи дуҷуми асри XX тасдиқ намудаанд. Аз ҷумла олими намоёни италиявӣ Ж.Ньоли дар ососи омӯзиши матни “Авесто” ва дигар маъхазҳои паҳлавӣ хулосае пеш овардааст, ки тибқи он “Арианам ваеҷаҳ” дар минтақаи кӯҳӣ, ба гумони комил дар ҳудуди Ҳиндукуш будааст [32, с. 42]. Ақидаи ин олимро ҷонибдорӣ карда, таҳқиқотчиҳои олмонӣ Х.Хумбах бо дарёи Ваҳвидат иртиботи ҷуғрофӣ доштани “Арианам ваеҷаҳ”-ро нишон медиҳад, ки ба Амударё мутобиқат мекунад [33, с. 37]. Таҳқиқгари франсавӣ Ф. Грене “Арианам ваеҷаҳ”-ро дар ҳудуди кунунии Бадахшони Афғонистон муайян намудааст [34, с. 208].

Албатта, ҳастанд муҳаққиқоне, ки ҷуғрофиёи онро дар дигар минтақа тахмин кардаанд. Масалан, чанде аз олимони аврупоӣ, аз ҷумла Й. Маркварт, Ф. Андреас, Х.Бейли, Э.Бенвенист, А. Кристенсен, М.Моле, Ж.Дюшен-Гийемен, ҳамчунин тадқиқотчиҳои шӯравӣ И.Н.Хлопин ва дигарон бар ақидаанд, ки “Арианам ваеҷаҳ” дар ҳудуди Хоразм ҷой дошт.

Дар ин замина бояд қайд кард, ки ханӯз дар охири асри XIX А.Чексон нахустватани ориёӣён “Арианам ваеҷаҳ” – дар ҳудуди Бохтария муайян кардааст. Ин ақидаи ӯро олимони шинохтаи шӯравӣ М.М.Дяконов, Б.Ғ.Ғафуров, И.В. Пянков ва дигарон тасдиқ кардаанд. Аз ҷумла И.В.Пянков бо итминон тасдиқ намудааст, ки вилояти бузурги “Арианам ваеҷаҳ” ба Бохтария баъдӣ мувофиқат карда, ҳарду тарафи хавзаи Амударёи болоиро дар бар мегирифт [17, с. 203; 18, с. 66-67; 16, с. 334-348].

Дар ҳудуди Осиёи Миёна, хосатан Помиру Бадахшон ҷойгир будани “Арианам ваеҷаҳ”-ро аксари олимони ҷонибдорӣ намудаанд [8, с. 124-141]. Ба ҳамин асос муаррихи муосири Бадахшони Афғонистон Соҳибназар Муродӣ Бадахшонро бахше аз ҷуғрофиёи “Арианам ваеҷаҳ” шумурдааст [12, с. 90-102].

Доир ба масъалаи иртиботи бевоситаи ҷуғрофиёи Помир ба кӯҳу дарёҳо ва дигар мавзеоти табиӣ дар “Авесто” омада, аз тарафи мутахассисон мулоҳизоти ҷолиб пешниҳод шудааст. Аз ҷумла доир ба кӯҳҳои Хараберезаити ё Хараити, ки бо ин ном дар “Авесто” чанд бор ба такрор омадааст, гарчи ақидаҳо ниҳоят ихтилофомезанд [24, с. 190-191], вале иддае аз олимони, аз ҷумла В.И.Бушков, Ж.Муше, Э. Башири, Н.Ҷ.Хоҷаева [2, 60-69; 35, с. 83; 36, с. 15; 24, с. 191-193] ва дигарон дар Помир будани он шубҳае надоранд.

Таҳлили муқоисавии маъхазҳо, маводи бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ ҳудуди Вилояти мухтори Кӯҳистони Бадахшон дар ҳамбастагӣ бо расму таомулҳои замони авестиӣ дар ин минтақа боқимонда, Н.Ҷ. Хоҷаевро ба хулосае меорад, ки нуқтаи назари айният додани ҷойҳои кӯҳҳои Хараберезаити авестӣ дар Помир ба ҳақиқат рост меояд [24, с. 205]. Барои тақвият бахшидани ин назари худ, муаллиф чунин илова мекунад, ки дар Эрон бостон системаи кӯҳии Тянь-шан – Помир – Ҳиндукушро Хараберезаитӣ меномиданд [24, с. 212].

Дар қатори масоили муҳими таърихи бостонии Помиру Бадахшон, шинохти ин минтақаи кӯҳӣ чун яке аз марказҳои паҳншавии қабоили ҳиндуэронӣ ё ҳиндуаврупоӣ ҳисоб меёбад. Имрӯз дар илм касе аз ҳақиқати дар Осиёи миёна, аз ҷумла Помир ташаккул ёфтани қабоили ориёитабор ё аҷдодони тоифаҳои ҳиндуэронӣ ва ҳиндуаврупоӣ ва муҳочирати онҳо ба дигар кишварҳо сарфи назар карда наметавонад [3, с. 45-46, 51-53]. Аз ҷумла ақидаи олимони ва хулосаи худро дар хусуси муҳочирати қабिलाҳои ориёитабор Б.Ғафуров, муҳаққиқи асри XX Эрон Абдулазим Ризоӣ хеле возеҳ нишон додаанд [3, с. 45-46, 51-53; 13, с. 351-352].

Муҳаққиқи саршиноси Эрон Саид Нафисӣ ақидаи худро доир ба эътирофи ватани ориёӣён будани Помир ва сабаби аз инҷо паҳн шудани онҳоро ба дигар манотиқ ин тавр шарҳ додааст: “Ҳангоме, ки дигар обу ҳавои Помир барои ориёӣён созгор набудааст, банои муҳочиратро ба сӯи ҷануб гузоштаанд ва дар доманаи ҷануби Помир ба ду даста тақсим шудаанд: дастае рӯ ба шарқ раҳсипор шуданд ва аз роҳи дараи

Синду Панчоб ба Ҳиндустон рафтаанд, ки ҳамон ориёиёни ҳиндӣ бошанд,, дастаи дигар рӯ ба мағриб оварданд ва аз роҳи Осиёи Марказӣ ба саҳрои Қароқуми имрӯза ва дашти Ховарони собиқ вориди Эрони имрӯз шудаанд ва тавоифи мухталифе, ки дар Эрон сукунат доштанд, дар худ мустахлик сохтанд” [22, с. 40].

Табиист, ки паҳншавии қabilaҳои ориёинажод ба сарзамини Эрону Ҳинд маҳдуд нашуда, масоҳати ниҳоят фарохеро дар Осиё ишғол намудаанд. Доир ба паҳншавии онҳо дар манотиқи Осиёи Хурду Осиёи Қанубу Ғарбӣ Муҳаққиқи тоҷик Муҳаммадқул Ҳазратқулов чунин изҳори ақида намудааст:

“Баъди мустақар шудани ориёиҳо дар сарзамини Осиёи Марказӣ, нуфузашон ба дигар кишварҳои ҳамсоя таъсири муассире расонид ва бачуз Осиёи Миёнаву Эрону ва Ҳинд онҳо ба тамаддунҳои нисбатан дури ҳавзаи мадания баҳри Миёназамин робитаи мустақим пайдо карданд. Ин густаришу интишори нуфуз, пеш аз ҳама, дар Осиёи Хурд ва Осиёи Қанубу Ғарбӣ ба хубӣ эҳсос мегардид” [22, с. 63].

Бояд қайд кард, ки Ориёиёни дар ватани аслии худ, аз ҷумла дар Помир идомаи ҳаёти муқимӣ дошта, нишондиҳандаҳои ирқии худро дар тамоми зинаҳои таърихӣ ҳифз намудаву то замони муосир расондаанд. Доир ба иртиботи беолоиши ирқии худро нигоҳ доштани сокинони қадимаву табиӣ Помиру Бадахшон олимони борҳо изҳори ақида намудаанд. Аз ҷумла А.Бобоев назардошти худро доир ба ин масъала чунин иброз доштааст:

“Ин хусусият дар тамоман ба назар нарасидани нишонаҳои қиёфаи муғулӣ зоҳир мегардад. Чунин далел муҳим аст, ки маводи антропологияи краниологияи (таҳқиқи косахонаи сар. – Х.П) асри биринҷ, замони сақоӣ, қушониён ва қарнҳои аввали ибтидои асримиёнагӣ нишонаҳои зиёдеро дар худ нигоҳ доштаанд, ки аз дар ин минтақа зиндагӣ ба сар бурдани намояндагони як намуди наҷодӣ гувоҳӣ медиҳанд” [1, с. 247]. Чунин фарқияти этногенетикиро ин муаллиф дар мисолҳои зиёде аз таҳқиқоти забоншиносони мавриди таҳлил қарор дода, тақвият бахшидааст [1, с. 247-254]. Ин диди олим, ба нуқтаи назари ховаршиносони ба ин масъала бевосита иртибот дошта, мувофиқат мекунад.

Далелҳои дар боло ишорашуда, ба ҳулосае меоранд, ки Помир аз тарафи мутахассисони варзидаи сатҳи ҷаҳонӣ, чун яке аз бошишгоҳҳои ниҳоят қавии қabilaҳои ориёинажод – ватани аҷдодии тоҷикон ва аз инчо сурат гирифтани муҳочирати онҳо ба дигар манотик, аз ҷиҳати илмӣ асоснок карда шудааст.

Адабиёт:

1. Бабаев А.Д. Древние земледельцы “Крыши мира”. – Худжанд: Нури маърифат, 2006.
2. Бушков В.И. К проблеме топонимии авестийских гимнов // Этнографическое обозрение. – 1998. - № 1. – С. 60-69;
3. Фафуров Б.Ф. Тоҷикон. Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. Китоби якум. – Душанбе: Ирфон, 1983.
4. Гинзбург В.В. Антропологи-ческий состав населения Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Этнографические очерки. - М.: Наука, 1960. – С.159-164.
5. Гинзбург В.В. Антропологическая характеристика саков Южного Памира // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – М.-Л.: Наука, 1960. – Вып.80. – С.29-39;
6. Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. – М., 1950. – Вып. II. – С.83-96;
7. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: «Наука», 1972.
8. История Горно-Бадахшанской автономной области. Том. I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: “Пайванд”. 2005.
9. Кияткина Т.П. Антропологические материалы бронзы и сакского времени с Восточного Памира // Памяти Александра Александровича Семенова. – Душанбе: «Дониш», 1980. – С.117-194.
10. Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. – 1984.. - № 1. –С.135-144.
11. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. – Сталинабад: Изд-во АН ТаджССР, 1957.
12. Муродӣ С. Бадахшон дар таърих. Ҷилди аввал. – Кобул, 1388 ҳиҷрӣ.

13. Ориёнома (Чугрофиё, таърих ва фарҳанги мардуми ориёӣ дар интишорот). – Ҷ.И. – Душанбе: ҚММ “Рафи Граф”, 2006.
14. Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. - Ч.1. – Ереван, 1957; Ч.2. – 1959.
15. Ошанин Л.В. Иранские племена Западного Памира: Сравнительно-антропологические исследования // Труды Узб. института экспериментальной медицины. – Т.1. - Ташкент, 1937.
16. Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию академика Б.А.Литвинского (Москва, 14-16 октября 1998 г.). – М., 2001. – С.334-348.
17. Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. – М., 1979. – Вып. 3.
18. Пьянков И.В. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия –Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М.,1983.
19. Риттер К. Иран. Перевод и дополн Н.В.Ханыкова. – Ч.1. – СПб., 1874.
20. Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяции : (Древние изоляты Памира). – М.: Изд-во МГУ,1969.
21. Рычков Ю.Г. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья // Науч. труды Ташкентского госуниверситета, 1964. – Вып.235.-- С.86-106;
22. Ҳазраткулов М. Ориёиҳо ва тамаддуни ориёӣ. – Душанбе: Дониш, 2006.
23. Ходжаева Н.Д. Индоиранцы и локализация “Арианам-Вайджа» // История Горно-Бадахшанская автономная область. Том I. С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе: Пайванд, 2005. – С.124-141
24. Ходжаева Н.Д. Памир в географических представлениях древних иранцев // Вопросы памироведения, - Вып. 7. – Душанбе,2013.
25. Шохуморов А. Памир – страна Ариев. – Душанбе, 1997.
26. Юсуфшоҳи Ёқубшоҳ. Давлати Каёниён. – Душанбе: “ЭР-граф”, 2012.
27. Rhode J.G. Die heilige Sage und das gesamte Religionsystem der alten Bakrer, Meder und Perser oder des Zendvolkes, Frankfurt, 1920.
28. Pott A. Etymologische Forshungen auf dem Gebiet der Indogermanischen Sprachen. Bd. 1. – Lemgo, 1830.
29. Pott A. он же. Indogermanischer Sprachstamm. Allgemeine Encyclopedie (Ersch und Gruber). Bd. 11, 1840.
30. Schlegel A. De l'origine des Hindous, Transactions of the Royal Society of Literature, Vol. II. – London, 1834.
31. Lassen Ch. Indische Alterthumskunde. Bd. 1. – Bonn, 1847.
32. Gnoli G. The Idea of Iran. – Roma, 1989.
33. Humbach H. The Gathas of Zarathushtrata and the Other Old Avestan Texts. – Heidelberg, 1991. – Part I.
34. Grenet F. Zoroastre au Badakhan // Studia Iranica. – 2002. – Т.31, fascicule 2.
35. Mouchei J. La Vallee du Wakhan // Afghanistan, 1972. – Vol. XXV. - № 1.
36. Bashiri I. Firdowsi's Shah-Name: 1000 years after. – Dushanbe: Supreme Soviet of Tajikistan, 1994.

ПАМИР – ДРЕВНЕЕ ОБИТАЛИЩЕ АРИЙСКИХ ПЛЕМЕН

Одной из проблем находящейся в поле зрения исследователей разных поколений в последние двести лет, является научно обоснованное определение непосредственной причастности древних аборигенов Памира и Бадахшана, как и других предков таджиков к арийской и индоевропейской расе.

В статье, основываясь на мнения обширного круга видных отечественных, а также зарубежных исследователей, автор определяет степень изученности проблемы, выделяет заслуги ученых в научной разработке вопроса, аргументировано показывает их почти единодушное мнение об автохтонности населения этого горного края и их арийском происхождении.

Ключевые слова: Памир, Бадахшан, арийцы, индоевропейцы, европеоидная раса, индоиранцы, антропология, мезолит, неолит (новокаменный век), бронзовый век, Арианам-Вайджа, Заратуштра, Авеста, Каяниды.

THE PAMIRS IS THE ANCIENT ABODE OF ARYAN TRIBES

Scientifically grounded identification of direct involvement of ancient aborigines of the Pamirs and Badakhshan and other ancestors of the Tajiks to Aryan and Indo-European race is one of the problems studied by scholars of different generation for the last two hundred years.

Based on the opinion of many scholars of our and foreign countries the author of this article defines the degree of study of the problem. He singles out the contribution of scholars in the scientific development of the issue, argues their almost unanimous opinion about the autochthony of the population of this mountain region and their Aryan origin.

Keywords: the Pamirs, Badakhshan, arylans, Indo-Europeans, Caucasian race, Indo-Iranians, anthropology, Mesolithic, Neolithic, Bronze Age, Arianam-Vaija, Zarathustra, Avesta, Kayanids.

Сведения об авторе: Пирумшоев Хайдаршо, доктор исторических наук, заведующий отделом древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и новой истории им. А. Дониша АН РТ, профессор кафедры истории таджикского народа ТГПУ имени С.Айни, e-mail: pirumshoev.44@mail.ru

About author: Pirumshoev Haidarsho, doctor of historical sciences, Head of Department of ancient, medieval and modern history of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Professor of the chair of history of Tajik people of the Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: pirumshoev.44@mail.ru

ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Убайдуллоев Н. К.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Освещение истории вопроса присоединения Среднеазиатского региона к России в дореволюционной и советской историографии во многом зависело, прежде всего, от господствующей государственной идеологии, а также от позиции и отношения самого исследователя-историка к этой идеологии. В дореволюционной российской историографии вопроса чаще всего определяющими являлись государственная идеология и характер внешней политики царизма. Советская историография так же не могла выходить за те партийные идеологические рамки, которые были установлены в то время. Поэтому в зависимости от часто меняющегося отношения партийной идеологии к дореволюционной культуре и науке изменялась и интерпретация вопроса присоединения Средней Азии к России. Например, один из основателей марксистско-ленинской советской исторической школы М.Н. Покровский указывал на сугубо отрицательную роль буржуазно-дворянской историографии в оценке событий, связанных с процессом и результатами присоединения к России нерусских народов [3, с. 4-8]. В дальнейшем, особенно в годы ВОВ (1941-1945 гг.), эта позиция несколько изменилась. В 50-е годы чаще говорили о «цивилизаторской роли революционной России», а после распада СССР, наоборот, русских «обвиняют в геноциде, колониальном захвате, уничтожении самобытности народов Туркестана» [3, с. 4-8].

Очевидно то что, сам процесс присоединения Средней Азии к России произошел завоевательным путем, и политика России по отношению к Средней Азии была колониальной. Главная ее отличительная черта в среднеазиатском регионе проявлялась в полном игнорировании прав населения завоеванных земель - «полудиких народов, стоящих в стороне от цивилизации» [7, с. 542]. По мнению Х. Пирумшоева, «ни по каким меркам нельзя оправдать колониальную политику царизма в отношении Средней Азии. Она была подчинена воле военно-политических, экономических интересов царского правительства, помещиков и набиравшей силы русской буржуазии» [16, с. 145]. Другими словами, политика России в отношении Средней Азии являлась колониальной, и она «была направлена, прежде всего, на удовлетворение колониальных интересов царизма и русской буржуазии» [16, с. 550].

Согласно мнению большинства советских историков, народное образование в общей системе колониальной политики царизма в Средней Азии занимало особое место. В этом направлении царское правительство уже имело опыт. До завоевания Средней Азии во власти царских колонизаторов находились просторные степи современного Казахстана, Алтайский край, Западная и Восточная Сибирь и Дальний Восток. Одновременно с русскими войсками в эти места пришли и русские миссионеры, которые организовали здесь русские школы и миссионерские просветительные учреждения. Так, в 1789 г. в г. Омске была основана так называемая «азиатская школа для детей казахской знати» [8, с. 289], а в 1850 г. в Оренбурге была открыта школа с семилетним обучением для казахского населения [8, с. 289]. С этого времени начинается процесс открытия ряда школ непосредственно на границах Средней Азии, который активно включилось русское духовенство. Это и понятно. Часть казахских кочевых племен еще являлись язычниками, и поэтому православная церковь и миссионеры, используя школы, стремились христианизировать степных жителей. Согласно данным С.Н. Граменицкого, в 1858 г. главой Оренбургской духовной консистории был отдан приказ об учреждении в форте №1 школы для детей, которая открылась в том же году, а в январе 1859 г. такая школа была организована и в форте Перовском. В следующем году по инициативе Оренбургского и Уфимского епархиального епископа Антония открыли другую школу на границе со Средней Азией [4, с. 3].

В тематических исследованиях дореволюционных авторов и обобщающих трудах советских исследователей особое значение придавалось деятельности первого генерал-губернатора края. Как известно, основателем колонизаторской политики в Средней Азии являлся устроитель и первый генерал-губернатор Туркестанского края генерал фон К.П. Кауфман. Он как тонкий политик знал, что в отличие от других колоний в Средней Азии господствовала единая религия – ислам, причем ее суннитского направления, и поспешное проведение русификаторской политики в школах может оказаться во вред колониальным планам России. Обстоятельства требовали исходить из реальной обстановки и не давать лишний повод для возможного проявления недовольства местного населения, что было чревато непредсказуемой опасностью. К тому же завоевание Средней Азии царским правительством в первые годы вызвало чрезмерную напряженность в международном масштабе. Особенно в этом направлении усердствовали англичане, которые прекрасно понимали, что приближение России к границам Индии сулило опасность ее главной колонии.

Учитывая интересы России в регионе, Кауфман сразу после назначения его генерал-губернатором Туркестанского края (1867г.) разработал оригинальную систему отношений с местным населением, его образованием [9, с. 262] и бытом. В одном из своих программных высказываний о школьной политике он предлагал: «Для устройства народного образования в Туркестанском крае необходимо воспитывать детей русских и туземцев вместе и для устранения вредного в экономическом и политическом отношениях обособления школ мусульманских от русских принять в основу воспитания не религиозные различия, а одни и те же правила, при помощи которых можно как православных, так и мусульман сделать одинаково полезными гражданами России» [19].

Политика царских властей по подчинению системы народного образования своим интересам также выпукло отражена в письме Кауфмана от 16 января 1869 г. председателю общества миссионеров. Более подробно излагая свой взгляд на постановку «инородческого» образования в Туркестанском крае, он отмечает его своеобразные особенности. При этом Кауфман пытается доказать, что миссионерство, практиковавшееся в других местах, неприемлемо в условиях Средней Азии. В том виде оно не только не принесет пользу государственной политике, а может навредить ей. «Народонаселение Туркестанского края, - пишет он, - нельзя смешивать с теми народами, среди которых приходилось действовать русским миссионерам в Алтайской, Забайкальской и Иркутской миссиях». Далее он отмечает: «Проповедование христианской религии в настоящее время не даст хороших последствий, оно принесет положительный вред, ибо отделит от нас туземцев и может лишь породить затруднения, с которыми трудно будет справиться. В настоящее время мы можем лишь стараться об удобрении почвы путем народного образования; предоставив религиозные верования народа самим себе, не касаясь их, распространять посредством школ мысли, более сообразные со святым учением Христа» [19]. Судя по содержанию данного почти

официального документа, это было не только письмо, а программа к действию, рассчитанная на долгие годы, и вместе с тем, удар по монопольному авторитету мусульманского духовенства.

М. А. Терентьев, будучи хорошо знаком с политикой генерал-губернатора, отмечал, что Кауфман «отклонил все попытки организовать здесь (в Туркестанском крае – Н.У.) прочные мусульманские учреждения. А существующие до этого просветительские учреждения оставил самих собою, не рассчитывая на поддержку со стороны государства» [21, с. 271]. Кауфман не только придерживался политики игнорирования, но даже отклонил попытку представителей российских мусульман воспользоваться успехами военных и подчинить себе единоверцев Средней Азии [1, с. 297].

Принцип невмешательства не только был направлен на религиозные дела и учреждения. Учебные заведения – мактабы и медресе, которые функционировали в Туркестанском крае, так же оставались вне внимания государства. Это недвусмысленно отмечается в работах русских исследователей. К примеру, В. Масальский и Ф. Керенский утверждают, что первому устройству края действительно казалось, что мусульманская школа без государственного покровительства со временем утратит свое значение [13, с. 338; 11, с. 25]. Это подтверждается и ответственным чиновником по делам народного образования края Н.П. Остроумовым. В частности, он указал, что генерал-губернатор «решил на первых порах игнорировать упомянутые туземные школы в предположении, что эти школы, как остаток давней мусульманской старины, не жизнеспособны и потому сами собою замрут, не имея в себе необходимых элементов для дальнейшего развития» [15, с. 139].

Но независимо от отсутствия государственной поддержки мактабы создавались, как и прежде, на средства пожертвований населения того квартала (махали), где они возникали, а учителя содержались на подношения своих учеников.

Для проведения твердой политики в отношении народного образования в Туркестанском крае и определения типов школ, отвечающих интересам царизма, в 1870г. была организована специальная комиссия под председательством делопроизводителя Особого отделения канцелярии генерал-губернатора М.И. Бродовского, получившая известность как «Комиссия Бродовского». Следует отметить, что в ее состав не входил ни один педагог или специалист по народному образованию. Перед комиссией были поставлены задачи, вытекающие из предписаний К.П. Кауфмана.

Проработав в 1870-1871 гг., комиссия представила туркестанскому генерал-губернатору свои выводы под названием «Основные положения по народному образованию в Туркестане» [21]. Согласно этому документу, в Туркестанском крае предлагалось открыть следующие виды школ: мужскую гимназию в г.Ташкенте на общих началах (основаниях), где разрешалось также учиться и местным детям; учительскую семинарию с трехлетним курсом обучения и с правом преподавания в школах; образцовую школу при семинарии с 50-ю вакансиями для частных пансионеров (20 для русских и 30 для местных), где семинаристы могли применить свои теоретические знания на практике. В уездных городах края открывались народные школы с четырехлетним сроком обучения, при каждой такой школе должны были быть ремесленные классы с учетом нужности (экономической) того или иного ремесла в данной местности [1, с. 299]. В таком аспекте предложения комиссии Бродовского были утверждены в канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства. Для узаконения принятый документ был представлен на высочайшее утверждение. Он был утвержден спустя два года 29 мая 1875 г. Согласно данному документу, право надзора над туземными школами было возложено на инспекторов народных училищ, но этот пункт не был осуществлен. Что касается должности инспектора, то она была введена только после 1884 г. одновременно с началом функционирования русско-туземных школ.

Согласно Положению, в 1875 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве было учреждено особое управление по учебной части при непосредственном подчинении Министерству народного просвещения России. Во главе данного заведения стоял Главный инспектор народных училищ.

Данное положение не могло остаться незамеченным советскими исследователями. К примеру, В.Т. Кочаров, довольно убедительно показывает практическое воплощение его в Туркестанском генерал-губернаторстве.

Первоначально в распоряжении главного инспектора находились главный бухгалтер и его два помощника. В обязанности главного инспектора входило: один раз в два года объездить для обозрения все учебные заведения и дать заключение об их деятельности, ежегодно составлять отчет о состоянии учебного дела в Туркестанском крае для Министерства народного просвещения России. Т.е. прежде чем представить отчет министру Главный инспектор знакомил генерал-губернатора с его текстом. Главный бухгалтер занимался ревизией и инспектированием учебных заведений [12, с. 33-34]. В дальнейшем по мере развития школьной сети несколько расширился штат особого управления по учебной части. В 1877 г. была учреждена первая должность инспектора народных училищ, в 1878 г. вторая такая же должность, для училищ Ферганской области и Зеравшанского округа, в 1889 г. была открыта должность 3-го инспектора. Все эти должности составляли штат аппарата особого управления по учебной части Туркестанского края. В последующие годы состав инспекторов народных училищ несколько расширился. Например, Ферганская область была разделена на три района в отношении школьных учреждений, и в каждом районе во главе этих учреждений назначены были инспектора народных училищ [22].

Следует отметить, что эти школы открывались еще до утверждения Закона о народных училищах в Туркестанском крае и в них уже шли занятия. Так, в 1870г. в Самарканде была открыта русская школа, где в 1874 г. обучались 36 мальчиков. А в Ташкенте такая же школа была открыта в 1871 г. с трехлетним курсом обучения и с ремесленными классами. Народные школы в Туркестанском крае стали функционировать с момента организации и начала работы комиссии Бродовского.

Очевидно, что, открывая школы, колониальная администрация Туркестанского края стремилась не только к распространению европейской культуры, прежде всего русской, среди местного населения, исходя из интересов русского царизма. «Развитие народного образования в крае, - указывал К.П. Кауфман, - должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической жизни населения, его гражданственности и солидарности, его слиянии с основами русской государственной жизни» [9, с. 64]. Он, согласно мнению К.Е. Бендрикова, фактически исполнял инструкцию Министерства народного просвещения Российской империи, суть которой была заявлена в 1870 г. и согласно которой «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [2, с. 63].

Разумеется, такую политику не поддерживали демократически настроенные представители науки и передовой части интеллигенции. Впоследствии выдающийся русский востоковед А.А.Семенов указывая на колониальные замыслы русских чиновников в этом направлении, писал, что они «приучали русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называя их официально инородцами» [17, с. 3].

Как дореволюционные, так и советские исследователи едины во мнении о том, что в новых учебных заведениях разрешалось изучать закон божий, а что касается Корана и мусульманского правопорядка, то их освоение считалось делом семейным. В частности, рассматривая это отступление от устоявшихся традиций в местных школах, В.В. Бартольд писал: «Последний принцип (т.е. предоставление только родителям права наставления по правилам исповедания мусульманской веры – Н.У.) находится в совершенном противоречии с традициями мусульманских стран, где обучение религии всегда признавалось делом школы» [1, с. 302]. Поэтому распространялись слухи о том, что тот, кто посещает русскую школу, отходит от мусульманства и принимает христианство.

Политика проведения занятий на русском языке в школах и невмешательства в дела традиционных мусульманских мактабов не дала того эффекта, которого ожидали К. П. Кауфман и местные колониальные власти. Причину этой неудачи русские исследователи объясняли по-разному. К примеру, С.М. Граменицкий пишет, что это была «попытка распространения образования в массе туземного населения, которое оказалось совершенно к этому не подготовленным» [5, с. 8].

По мнению Н. П. Остроумова, кроме неподготовленности населения [14, с. 8], к причинам неудачи можно отнести и отсутствие четкого плана по организации инородческого образования в крае и тех ответственных людей, которые бы занимались организацией этого дела. Прежде всего, он имел в виду тогдашнего главного

инспектора училищ А.Л.Куна, «прибывшего на службу в Туркестанский край, который сам отчетливо и основательно не представлял порученного ему учебного дела в новом крае» и «ограничился только усвоением случайного решения генерал-губернатора относительно организации русских школ для детей киргизов» [15, с. 141-142].

Конечно, такое утверждение имело под собою почву, но главный вопрос был в другом. Если во время открытия русских школ в Туркестане действительно местное население не было подготовленным к кардинальным новшествам в народном образовании, то после их открытия число учащихся должно было не сокращаться, а увеличиваться, но получилось наоборот. Огрехи надо было искать внутри самой системы народного образования колониального периода. Для этого надо было глубже изучать местные условия, хорошо знать обычаи и потребности коренного населения. Позже это начали понимать и колониальные власти, отказываясь «от принципа, что мусульманское вероучение не может быть предметом преподавания в государственной школе» [1, с. 303]. Очевидец и непосредственный участник тех событий, впоследствии известная личность Т.Н.Кары-Ниязов пишет, что «среди местного населения ходил слух, распространенный реакционным духовенством о том, что якобы окончивших русско-туземные школы «будут брать в солдаты» и что их заставляют креститься. Лица, верившие в подобного рода слухи, с некоторой опаской относились к этим школам» [10, с. 57].

Исследователи одну из главных причин малой посещаемости новых школ детьми из местного населения видели в отсутствии занятий по предметам религии. Следовательно, недоверие детей и их родителей к русским школам заключалось не в «неподготовленности местного населения», а в той политике, которую проводили устроители школ. Иначе как объяснить тот факт, что в новых школах число учащихся сокращалось ежегодно? Например, согласно подсчетам В.В.Бартольда, в ташкентских женских и мужских гимназиях число учащихся к первому январю 1883 г. составляло всего 286 учеников, на долю местных мальчиков приходилось 20 человек, из 333 девочек местных было лишь 10, что, соответственно, составляло 7% и 3%. На 1896 г. из 327 учеников 10 человек были местными (3%) и из 377 девочек 8 являлись местными (2%). В последующие годы положение не менялось, а если и менялось то к худшему. Так, в 1909 г. наблюдается следующая картина: в мужской гимназии Ташкента учились всего 2 местных подростка, а в женской – 1 девочка. Такое происходило не только в центре Туркестанского края. Прилив воспитанников-туземцев в гимназии, организованные впоследствии в Ферганской и Самаркандской областях, почти не отличался от ситуации в Ташкентской гимназии. К первому январю 1905 г. в Новом Маргилане (г. Фергана) в мужской гимназии учились всего 209 ребят и в их числе 6 местных (3%), а в женской, соответственно, 229 и 1 (менее 0,5%) [1, с. 300].

Администрация края, видя все это, предпринимала ряд мер по исправлению создавшегося положения. Первого января 1879 г. при прогимназиях Ташкента и Верного были организованы особые инородческие ученические квартиры за счет государства на 25 мест. Из них 10 мест для русских и 15 для местных детей. Задача этих квартир (своего рода интернатов - Н.У.) заключалась в том, чтобы подготовить «квартирантов» для поступления в прогимназии. Однако и это мероприятие не оправдало себя, и ташкентская инородческая ученическая квартира впоследствии была перенесена в семинарию и вскоре ликвидирована как отдельное учреждение [1, с. 300]. По некоторым сведениям, приведенным А.И. Добросмысловым, эта квартира существовала до 1895 г. [6, с. 224]. Семинария, которая также была организована с целью сближения местных ребят с русскими, не оправдала себя. За 25 лет (1879-1904гг.) ее закончили всего 25 детей местной национальности. Основная цель учительской семинарии, по определению главного инспектора училищ края А.Л. Куна, заключалась в доставке «подготовленных учителей для всех низших училищ, чтобы они могли достойно служить инородческому образованию» [18].

Как видим, эти цифры являлись неутешительными, а факты ясно показывают, что и семинарии не дали того, что хотелось русской колониальной администрации. Тем не менее, она искала возможность достигнуть поставленной перед собой цели. Предлагалось открывать такие виды учебных заведений, которые могли бы не только привлечь местных детей к знаниям, но и научить их русскому языку. Школы переносились из кишлаков и отдаленных городских окраин в городские центры. По задумке, в городских центрах русское население живет компактно и число их намного

больше, чем в кишлаках и окраинах, и дети – местные и русские – могли общаться помимо школы и на улицах. Так, в некоторых отдельных центральных городах края появились городские училища и пансионаты. На них возлагались большие надежды. Отдельные представители народного образования, даже не дожидаясь годовых итогов, представили преждевременные заключения. В том числе и Н.Остроумов тогда рапортовал, что именно эти заведения станут местом освоения русского языка и сближения русских и местных детей [14, с. 109]. Таким образом, представители народного образования возлагали большие надежды на пансионаты [1, с. 301].

Однако провал политики из-за не введения в школьную программу изучения языка и религии местного населения заставил колониальную администрацию пересмотреть свой принцип и реформировать школьную политику. Появился ряд предложений. Сама жизнь показывала, каким должно быть обучение в школах. В результате появляется новая форма образовательного учреждения – так называемая русско-местная, или русско-туземная школа.

Литература:

1. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963
2. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865-1924 гг.). М., 1960.
3. Брежнева С.Н. Историография: проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX – начало XXI вв.: автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 2005.
4. Граменицкий С.Н. Развитие народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896.
5. Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае // СМССОДО. Т.У. Отд. I. 1896.
6. Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и в настоящем. Ташкент, 1912.
7. История таджикского народа. Т. IV. Душанбе, 2010.
8. История Казахской ССР. Изд. 3-е. Алма-Ата, 1952.
9. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент: Изд. АН УзССР, 1947.
10. Кары-Ниязов Т.Н. Размышления о пройденном пути. М., 1970.
11. Керенский Ф. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 4. Отд. 4.
12. Кочаров В.Т. Из истории организации и развития народного образования в дореволюционном Узбекистане (1865-1917 гг.). Ташкент, 1966.
13. Масальский В.И. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. / под ред. В.П. Семена-Тяньшанского. Т. 19. Туркестанский край. СПб, 1913.
14. Остроумов Н. Константин Петрович Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877-1882 гг.) (к истории народного образования в Туркестанском крае). Ташкент, 1899.
15. Остроумов Н. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (хронологическая справка) // Кауфманский сборник. М., 1910.
16. Пирумшоев Х., М. Маликов. Россия-Таджикистан: история взаимоотношений. Душанбе, 2009.
17. Семенов А.А. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской Социалистической революции // Изв. отд. обществ. наук АН Тадж.ССР. Сталинабад, 1958. Вып. 2(17).
18. Туркестанские ведомости. 1879. 25 сент.
19. Туркестанские ведомости. 1900. №2. 6 янв.
20. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 3. СПб, 1906.
21. ЦГА. РУ. Ф.47. Оп.1. Л.7-9.
22. ЦГА РУ. Ф.47. Оп.1. Д.1248. Л.51.

ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Статья посвящена историографическому анализу политику русского царизма в области народного образования в Туркестанском крае и Северном Таджикистане во второй половине XIX в. Отмечается, что освещение истории вопроса присоединения Среднеазиатского региона к России в дореволюционной и советской историографии во многом зависело, прежде всего, от

господствующей государственной идеологии. Советская историография так же не могла выходить за те партийные идеологические рамки, которые были установлены в то время. Политика России в отношении Средней Азии являлась колониальной, и она была направлена, прежде всего, на удовлетворение колониальных интересов царизма и русской буржуазии. Согласно мнению большинства советских историков, народное образование в общей системе колониальной политики царизма в Средней Азии занимало особое место.

Ключевые слова: историография, Туркестанский край, Северный Таджикистан, народное образование, колониальная политика, школа, грамотность, реформа, традиционная система.

THE POLITICS OF THE RUSSIAN TSARISM IN THE FIELD OF THE PEOPLE EDUCATION OF THE NORTH TAJIKISTAN IN THE SECOND HALF OF XIX C (REGARDING THE HISTORIOGRAPHY PROBLEMS)

This article is dedicated to the historiographical analysis of the Russian tsarism in the field of national education of the North Tajikistan in the second half of XIX century. It is noted that the research of the history of the issue regarding the joining of the Central Asian region to the Russia in the before revolution and soviet historiography which a lot of depended of it, first of all, from ruling the state ideology. Soviet historiography as couldn't go out of that party ideological framework established at that time.

Keywords: historiography, Turkestan edge, North Tajikistan, people education, colonial politics, school, literacy, tradition system.

Сведения об авторе: Убайдуллоев Насрулло Каримович, доктор исторических наук, зав. кафедры истории таджикского народа исторического факультета Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, e-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

About author: Ubaidulloev Nasrullo Karimovich, Doctor of historical sciences, Head of the Chair of Tajik People, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: nasrullokarimovich@mail.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СЕФЕВИДСКОЙ ДИНАСТИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЖАХАНКУША-И ХАКАН»

Хамза Камол, Амир Теймури М. Ш.

*Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ*

Единственным источником, содержащим сведения о предках Сефевидов является трактат Таваккула ибн Исмаила ибн Баззаза «Саффат ас-сафа» («Чистота чистоты»), который был составлен во второй половине XIV в. Сочинение «Саффат ас-сафа», представляет типичное суфийское сочинение, изобилующее легендарными рассказами о чудесах и жизни шейха Сафиаддина Ардабили. Установлено исследователями, что редкие рукописи подвергались таким изменениям и фальсификациям, как это произошло со списками «Саффат ас-сафа».

Сведения о предках Исмаила Сефеви анонимный автор «Джаханкуша-и хакан» заимствовал из сочинения «Саффат ас-сафа» ибн Баззаза, и начиная от султана Фирузшаха Зарринкулаха, в порядке генеалогической последовательности «Джаханкуша-и хакан» вкратце содержит сведения о саиде Авазе ал-Хавасе, Мухаммаде Хафизе, саиде Салахиддине Рашиде, саиде Кутбиддине Табе, саиде Салахе, султанине Джабраиле, султанине Сарире Хидаяте, Сафиаддине Исхакке (1252 - умер 12 мухаррама 735 г.х. /12 сентября 1334 г.) [2,с.23], саиде Садриддине Муса (1305-1393 гг.), султанине Али Сияхпуше (умер 1429 г.) султанине Ибрахиме известного по имени Шейхшах (с 1429 по 1447 гг. был шейхом Ардабиля), султанине Джунайде (шейх Ардабиля с 1447 по 1460 гг.) и об отце Исмаила Сефеви - султанине Хайдаре (шейх Ардабиля с 1460 по 1488 гг.) [2,с.3-47].

Автор «Джаханкуша-и хакан» описал генеалогическое древо Исмаила Сефеви, согласно которому его генеалогическая таблица, через 25 колен присоединяется к седьмому имаму шиитов Муса ал Казиму (745-799 г.), т.е. аноним генеалогически связывает династию Сефевидов к потомкам пророка ислама Мухаммада – сейидам, т.е. к арабам таким образом: шах Исмаил ибн султан Хайдар ибн султан Джунайид ибн

султан Ибрахим ибн султан ал-Хавас ибн султан Садриддин Муса ибн шейх Сафиаддин Исхак ибн Амуниддин Сурайл ибн шейх Солех ибн Кутбиддин ибн Салахиддин Рашид ибн ал-Хафиз Аваз ибн ал-Хавас ибн Фирузшах ибн Шарафшах ибн Мухаммад ибн Хасан ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Джа'фар ибн Мухаммад ибн Мухаммад ибн Исмаил ибн Ахмад ал-А'раби ибн Абумухаммад ал-Касим ибн Абулкасим Хамд ибн ал Имам Муса ал-Казим [19, с. 4].

Одним из вопросов привлекавших внимание историков-востоковедов, был вопрос об этническом происхождении династии Сефевидов. Справедливо ради следует сказать, что вопрос о происхождении Сефевидов донныне является темой полемики. Некоторые ученые придерживаются мнения курдского, а некоторые тюркского происхождения Сефевидов.

Иранский ученый Ахмад Касрави, взявшийся за сравнительное изучение списков агиографическое сочинение «Саффат-ас-сафа» ибн Баззаза, содержащее сведения о предках Сефевидов, пришел к выводу о том, что предки Сефевидов вовсе не были сейидами, и их генеалогическое древо было выдуманно позднее сефевидскими историографами и вставлена в текст сочинения ибн Баззаза» [7, с. 35-37]. Доказав непричастность шейха Сафиаддина Ардабили к потомкам пророка ислама Мухаммада, А. Касрави не считает и его тюрком, высказываясь в пользу его курдского происхождения. Другие иранские ученые, такие как С.Рахимзаде [14, с. 26] и Н. Шейбани [19, с. 46-48], игнорируют сомнения А. Касрави и выдают гипотезу о курдском происхождении Сефевидов за бесспорную истину. Другой иранский историк М. Машкур пишет об Исмаиле Сефеве как об иранце, который в силу каких-то особых обстоятельств был вынужден говорить по-тюркски и писать стихи по-тюркски [9, с. 242-243].

Турецкий историк, Заки Валиди Тоган поддерживая гипотезу о курдском происхождении династии Сефевидов, пишет о прибытии в 416 г.х./1025 г. в Азербайджан войск курдов. Он предполагает, что предки шейха Захида Гелани, духовного наставника и теста Сафиаддина Ардабили, как и предки последнего прибыли в этой компании в Гелан и Ардабил и распространили ислам в области Мугана и Аррана. Однако до начала XVI в. потомки курдского шейха Сафиаддина Ардабили были полностью тюркизированы [21, с. 352-353]. «Нет никого сомнения в том,- пишет, З.Тоган, -что шах Исмаил и шах Тахмасп приложили все усилия, чтобы стереть с истории свое курдское происхождение, приписать курду Фируз-шаху качество потомка пророка и доказать, что шейх Сафи был тюркским шейхом шиитом, автором тюркских поэм» [21, с. 356].

Надо отметить, что по сообщению анонимного венецианского купца и современника Исмаила Сефеве, султан Халил - наместник города Хасанкайфа в области Диярибакре и зять (муж сестры, которой звали Холхун хатун [3, с. 391]) Исмаила Сефеве, по происхождению был курдом и являлся предводителем курдских эмиров этой области [3, с. 389-390]. Из этой информации можно заключить, что Исмаил Сефеве выдал свою сестру замуж за этнически близкого себе эмиру.

Карл Брокельман считает, что в венах людей династии Сефевидов течет арабская и греческая кровь [6, с. 229].

В советской историографии одними из первых, кто указал на тюркское происхождение Сефевидской династии и поддерживающих ее племен были знаменитые востоковеды В.В.Бартольд [4, с. 748; 5, с. 54] и А.Е. Крымский [8, с. 148]. В.В.Бартольд касаясь эпонима и родоначальника этой династии шейха Сафиаддина Ардабили (1252-1334) и его потомков, отмечал, что «эти Ардабильские шейхи, несомненно, не персидского, а тюркского происхождения» [4, с. 748]. Аналогичный взгляд был высказан И.П.Петрушевским: «Первые шейхи Сефевиды жили в Ардабиле, их родным языком был азербайджанский» [13, с. 205].

Ян Рипка подтверждает, что «Сефевиды не являются персидской этнически династией. Эта династия тюркская, равно как и ее предшественницы Кара-койюнулу и Ак-койюнулу» [15, с. 275].

Азербайджанские ученые - историк О.Эфендиев [20, с. 39-41] и литературовед М.Аббаслы [1, с. 40], ссылаясь на указания на этническую атрибуцию шейха Сафиаддина Ардабили в «Саффат ас-сафа» Ибн Баззаза, где автор пишет: «Эмир Абдуллах, имевший высокий сан и мужество которого было известно во всем Фарсе сказал: Это (шейх Сефииддин) тюркский святой» [16, л. 30а, 30б]; «мавлана Ахмад и

мавлана Ибрахим Тебризи Серави рассказывают, что (мы) прибили в Ардабил. В присутствии шейха...для нас принесли черный хлеб и воду. Вдруг вошли несколько тюрок. Для них принесли белый хлеб и мед» [16, л. 357], также поддерживают эту версию.

О. Эфендиев на 39 страницы своей монографии «Азербайджанское государство Сефевидов» ставит под сомнение достоверность сообщения «Саффат ас-сафа» [20, 39]. Однако для аргументации своей точки зрения о принадлежности Сефевидской династии к тюркам на странице 41 указанной монографии ссылаясь на сочинения «Саффат ас-сафа» пишет: «Аналогичное указания на принадлежность шейха Сефи к тюркам имеются во всех списках «Саффат ас-сафа». Нет никаких оснований к тому, чтобы считать, будто бы Сефевиды сознательно вели дело к фальсификации этнического происхождения своих далеких предков. Гипотеза об изначально курдском или иранском происхождении Сефевидской династии не опирается на надежные сведения источников. Между тем принадлежность шейха Сефи ад-Дина к тюркскому этносу вряд ли может вызвать сомнения» [20, с. 41].

Из страниц истории нам известно, что после завоевания Хорезма Махмудом Газневи здесь начинается правление тюркской династии Алтунташей. Древний хорезмийский язык, который входил в составе восточно-иранских языков, еще в XI-XII вв. широко употреблялся среди местного населения. Однако в связи с переселением огромного количества тюркоязычных народов в Хорезм в начале XIII века здесь доминирующим языком был тюркский. Другой пример, после захвата арабами в VII в. Египта коптская письменность утрачивала свое значение и была наконец вытеснена из официального употребления арабской вязью. Начиная с XI в. коптский язык был полностью вытеснен арабским языком и начинает вымирать. Однако до сих пор коптский язык сохранен в качестве языка богослужения и общения в коптских семьях, проживающих в отдаленных регионах Египта. Сегодня также некоторые коптские монахи используют коптский язык для общения между собой.

Может быть жизненное обстоятельство привело родного языка Сефевидов к такой участи, ибо в борьбе за власть и в создании Сефевидского государства решающая роль играла тюркской кочевой знати. В своем солидном труде, пока еще не превзойденном по обилию фактического материала, А.Мюллер пишет: «Исмаил начал вербовать себе приверженцев среди турецких племен, окружавших Ардабил, равно и в других местностях, с которыми имел сношения его дервишский орден» [11, с. 379]. Спрашивается, где же преимущественно вербовал себе приверженцев Исмаил: в Ардабилском округе или других местностях? Вот это обстоятельство, наверно начиная от Али Сияхпуша (умер в 1429 г.) вынудило Сефевидов перестать говорить на своем родном - курдском языке и общаться с мюридами тюрками на их родном языке. Почему с Али Сияхпуша начинается этот процесс? На этот вопрос мы найдем ответ из «Джахангушай хакан». Автор «Джахангушай хакан» при описании жизни и деятельности ходжи Али Сиёхпуша, сына Садриддина Мусы (1305-1393) и внука Сафиаддина Исхака Ардабили (1252-1334 г.), приводит рассказ, из содержания которого мы узнаем следующую информацию о некоторых деталях формирования первичного ядра кызылбашей – могущественной тюркской военной силы, всегда покровительствующей Сефевидам: «В течение того времени, когда ходжа Али Сиёхпуш исполнял должность настоятеля ханака (монастыря) Ардабили, он трижды встречался с эмиром Тимуром Гураконидом (Тамерланом). Поскольку шейху приписывалось чудотворство, и на самом деле он при каждой встрече творил чудеса, эмир Тимур очень благосклонно и с почтением отнесся к нему. Последняя встреча шейха с Тимуром состоялась после возвращения последнего с битвы с Османами (при Анкаре в 1401 году). Эмир Тимур из-за сильной привязанности и благоговения попросил ходжу Али Сиёхпуша загадать любое желание.

Насруллах Фалсафи – иранский ученый, верно пишет о шахе Исмаиле Сефеве и основанном им государстве: «После восшествия на трон он (Исмаил Сефеве) презирал иранское происхождение и язык – две главные основы нации. Коренное население Ирана он подчинил и сделал подвластным туркменским по происхождению кызылбашским племенам. В эпоху, когда сладостный персидский язык в Османской империи и Индии был языком политики и благовоспитанности, он (Исмаил Сефеве) сделал тюркский язык официальным языком иранского двора. Даже сам он сочинил стихи исключительно на тюркском языке, и этот чужой язык нашел такое

распространение при дворе Сефевидов, что до конца правления этой династии и даже после этого он оставался официальным языком двора. Поэтому бесспорно, что ниспровержением тюркских правительств и созданием единого государства шах Исмаил не ставил себе целью восстановление национального и политического единства Ирана» [17, «хе», «зе», «йе»]. Н.Фалсафи анализируя данного вопроса, далее отмечает: «После завоевания каждой области шах Исмаил распределял захваченные трофеи, пленных и земли между кызылбашскими полководцами. Таким образом, тюркские по происхождению и языку племена стали повсеместно господствовать в Иране над коренными персоязычными иранцами. В Иране появилось привилегированное и могущественное сословие, которое занимало все высшие военные и гражданские посты и должности правившем народом Ирана полновластно и могущественно. Поэтому, в период Сефевидов, несмотря на то, что шаха называли шаханшахом Ирана, страну Иран именовали Кызылбашским государством. Свое тюркское происхождение по благородству и знатности кызылбаша ставили выше коренного народа Ирана» [17, 169].

Сефевиды ради достижения цели, т.е. прихода к власти в Иране не только забыли о своей этнической принадлежности, и также стали приверженцами другого - шиитского мазхаба ислама.

Как выше отмечали в конце XIII и начале XIV в. в Ардабиле жил шейх Абуисхак Сафиаддин Ардабили – основатель династии Сефевидов, который как пишут поздние персидские историки происходит от седьмого имама шиитов Муса ал-Казима и называют его шиитом. Говоря о предыстории вероисповедания народа Западного Ирана, Хамдуллах Муставфи отмечает: «Большинство из них были поклонниками имама Шафе’-и и его мюрида Сафиаддина» [18, с. 92]. Надо отметить, что шафе’итский толк – мазхаб был из всех суннитских толков самым близким к шиитскому мазхабу шестого имама Джафара Садыка (ум. в 765/766). Низамулмулк говорит, что Алп Арслан Сельджукид (ум. в 1072) порицал шафе’итов и выражал сожаление, что его везир держится этого мазхаба [12, с. 103].

На самом деле Сафиаддин Ардабили был ли шиитом или не был, но во всяком случае он пользовался большим уважением не только у жителей Ардабиля, но и у монгольских ильханов – Газан-хана (1295-1304), Олджайту (1304-1316) и Абусаида (1316-1335). Слава о его святости и защите им местного населения от притеснений со стороны монгольских властей распространилась далеко за пределами Ардабиля среди кочевников Малой Азии и Сирии. Уважение, приобретенное им и унаследованное его потомками, не только выражалось знаками почитания этой семьи, но принимало и реальную форму в виде даров и пожертвований, приносимых почитателями. Мало-помалу за сто лет число приверженцев и почитателей увеличилось.

В «Тазкирату-л-мулук» говорится: «Течение Сефевидов, являясь продолжением учения шейха Сафиаддина Ардабили, сделало немало в просветительских делах, характерных для суннизма, однако шиизм значительно раньше, с эпохи правления султана Джунайда – деда шаха Исмаила, уже начал завоевывать умы людей и мышление определенной части населения» [10, с. 103]. «Со времен шейха Хайдара, -пишет автор «Джаханкуша-и хакан», - мюриды сефевия носили шапку» [2, с. 42] с 12 пурпурными полосками в честь 12 шиитский имамов. По утверждению нашего автора, султан Я’куб Ак-койюнулу приказал, что больше мюриды сефевия не носили пурпурную шапку [2, с. 43], с чего и начался их конфликт.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что нельзя однозначно говорить об этнической атрибуции династии Сефевидов, как чистых курдах или тюрках. В венах представителей этой династии текли курдская, греческая и тюркская кровь.

Литература:

1. Аббаслы М. К вопросу о происхождении Сефевидов // Изв. АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства, 1973. №2.
2. Анонимный автор. Джаханкуша-и хакан. Факсимильное издание. Предис. и комм. Аллахдетта Музтар. Исламабад: Персидский исследовательский центр Ирана и Пакистана, 1986.
3. Анонимный византийский купец. Путевые записки // Путевые записки венецианцев в Иран. Тегеран, 1381.
4. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963.

5. Бартольд В.В. Халаф и султан. Соч. Т. VI. М., 1966.
6. Брокельман К. История исламского государства и нации. Перевод Хади Джазаيري. – Тегеран, 1967.
7. Касрави А. Шайх Сафи ва табараш (Шейх Сефи и его династии), Тегеран, 1324 г.ш.
8. Крымский А.Е. История Персии, ее литературы и дервишской теософии. Т. III. М., 1914-1917.
9. Машкур Мухаммад Джавад. Назаре ба та'рихи Озарбойджон (Некоторые взгляды об истории Азербайджана). Тегеран, 1349 г.ш.
10. Мирза Саме'. Тазкирату-л-мулук. – Тегеран, 1368 г.ш.
11. Мюллер А. История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. под ред. Н.А.Медникова. Т. III, СПб., 1896.
12. Низам аль-Мульк. Сиасет-наме. Перевод Б.Н.Заходера. М., 1948.
13. Петрушевский И.П. Государства Азербайджана в XV в. // ССИА, Баку, 1949.
14. Рахимзадаи Сефеви. Шархи джангхо ва та'рихи зиндагани шах Исмаилии Сефеви Тегеран, 1341 г.ш.
15. Рипка Я. История персидской и таджикской литературы. Перевед с чешского. – М.: Прогресс, 1970.
16. Таваккул ибн Исмаил ибн Баззас. Саффат ас-сафа. ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Каталог Б.Дорна. №300.
17. Фалсафи Н. Зиндагии шох Аббоси I. Т. I. Тегеран, 1334 г.ш.
18. Хамдаллах Муствафи Казвини. Назхату-л-кулуб. – Тегеран, 1336г.ш.
19. Шейбани Н. Ташкили шаханшахии Сефевия (Образование Сефевидское шаханшахство)// Эҳёи вахдати мили, Тегеран, 1346 г.ш.
20. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку: Элм, 1981.
21. Togan Z.V. Sur l'origine des Safavides. Melanges L.Massignon, vol.III. Damas. 1957.

ЭТНИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ СЕФЕВИДСКОЙ ДИНАСТИИ ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЖАХАНКУША-И ХАКАН»

В данной статье рассматривается генеалогическое древо династии Сефевидов. Авторы изучили все точки зрения, рассматривающие предков этой династии. По этому вопросу трактат анонимного автора «Джаханкуша-и хакан» является важным источником. Проведя сравнительный анализ письменных источников, авторы статьи пришли к заключению, что Сефевиды имели курдские, греческие и тюркские корни.

Ключевые слова: «Джаханкуша-и хакан», Таваккул ибн Исмаил ибн Баззас, Фирузшах Зарринкулах, Сафиаддин Исхак Ардабили, генеалогическое древо, этническая атрибуция.

ETHNIC ATTRIBUTION OF SEFEVIDS DYNASTY ACCORDING TO THE “JAHANKUSHA-I KHAKAN”

The genealogy table of Sevefevids dynasty is considered in this article. The authors study all point of views concerning ancestors of this dynasty. The “Jahankusha-i khakan” is an important source on this issue. Making comparative research of written sources the authors of the article came to conclusion that the Sefevids had the Kurdish, Greek and Turkish origin.

Keywords: “Jahankusha-i khakan”, Tavakkul ibn Ismail ibn Bazzaz, Firuzshah Zarrinkulah, Safiaddin Ishak Ardabili, genealogy table, ethnic attribution.

Сведения об авторах: Хамза Камол (Камолов Хамзахон Шарифович), доктор исторических наук, профессор Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: hamza_kamol@mail.ru

Амир Теймури Мортеза Шахриар, соискатель Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан

About authors: Hamza Kamol (Kamolov Hamzakhon), doctor of historical science, Professor of the Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: hamza_kamol@mail.ru

Amir Teimuri Morteza Shahriyar, researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

СОСТАВ СЕФЕВИДСКИХ ВОЙСК ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЖАХАНКУША-И ХАКАН»

Саидов А., Амир Теймури М. Ш.

*Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ*

В современных исторических научных трудах, учебниках и учебных пособиях о составе сефевидских войск большею частью категорично и без ссылок на источники, говорится что государство Сефевидов было создано усилиями азербайджанских тюркоязычных племен. Укажем здесь лишь некоторые, наиболее известные работы. Решающая роль тюркской кочевой знати в создании Сефевидского государства была отмечена в первом сводном коллективном труде по истории Азербайджана подготовленном в 1941 г. [7] Это взгляд получил дальнейшее развитие в аналогичном издании 1946 г. [8] и в труде историка И.А.Гусейнова [4]. И.П.Петрушевский также указал ведущую, определяющую и политическую роль тюркского этнического элемента в создании и первом столетии истории государства Сефевидов и пишет: «Держава Сефевидов была создана усилиями тюркоязычных азербайджанских племен – кызылбашей» [13, с. 69]. М.С. Иванов утверждает: «В создании сефевидского государства весьма активное участие принимали тюркские, азербайджанские племена кызылбашей, которые составляли основную военную силу Исмаила» [5, с. 61]. Здесь М.С. Иванов только повторяет мысль И.П.Петрушевского. Наконец, в учебном пособии «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века» говорится: «В XV в. главной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена, говорившие на азербайджанском языке. Они были разного происхождения, большая часть их откочевала в Азербайджан и Иран из Малой Азии из вражды к османским султанам и их централистской политике» [14, с. 252].

Н.Д.Миклухо-Маклай отмечал, что Шейбаниды не признавали Сефевидов государями всего Ирана. Считая последних преемниками и наследниками династии Ак-Койюнлу, они признавали власть Сефевидов только над Азербайджаном и Западным Ираном. «Все сказанное, - писал он, - позволяет сделать вывод, что сложившееся в XVI в. в Средней Азии отношение к Сефевидскому государству, как преемнику власти Кара-Койюнлу и Ак-Койюнлу XV в., было не только проявлением определенной политической тенденции, проводимой Шейбанидами, но имело под собою реальные основания, иначе говоря, Сефевидское государство не было государством персидским и не рассматривалось как таково» [11, с. 16].

Подобные утверждения, в особенности мнение М.С. Иванова, И.А. Гусейнова, О. Эфендиева и других о том, что тюркские, азербайджанские племена кызылбашей составляли основную военную силу Исмаила Сефевидов, идут в разрез с данными источников интересующего нас периода. Установление, где именно Исмаил Сефевидов набирал войско в начале своего выступления, важно потому, что равносильно выяснению, где Исмаил Сефевидов получил реальную поддержку.

Наиболее достоверными источниками для истории прихода к власти Исмаила Сефевидов являются труды персидских историков Хондамира «Хабибу-с-сияр», анонимного автора «Джаханкуша-и хакан», Яхя Казвини (1481-1555) «Луббату-таварих» и Хасанбека Румлу (род. 1531/32г.) «Ахсану-таварих». Из них три первых были современниками Исмаила Сефевидов. Если не считать расхождения в мелочах, все эти авторы сошлись в едином мнении в вопросе о том, где Исмаил Сефевидов получил главную поддержку войском. Хондамир говорит, что, не находя возможным вследствие многочисленности враждебного войска остаться в Ардабиле, Исмаил Сефевидов на совещании с эмирами высказался за движение на Грузию, но эмиры нашли это неблагоприятным, так как его войско не превышало 300 человек, и сочли нужным послать гонцов в Ирак и Азербайджан, чтобы известить мюридов [17, с. 24-27]. Некоторое время спустя посланные эмиссары приняли в разных местах меры к созыву приверженцев, и явилось полторы тысяч человек. Два месяца спустя Исмаил Сефевидов выступил в Эрзинджан и здесь было собрано большое войско.

«Джаханкуша-и хакан» написана, как выше отмечали, современником Хондамира. Самая оригинальная часть анонимной истории – та, в которой говорится о ранних годах жизни Исмаила Сефевидов. По словам анонимного историка, Исмаил Сефевидов вышел

из Лахиджана с семьей суфиями: Хасан-бек Лала, Абдол Али-бек Дада, Хадим-бек Халифа, Рустам-беки Караманлу, Бахрам-беки Караманлу, Иляс-бек Анносугли и Карапари-бек Каджар [2, с. 89]. Во время движения в Тарум на каждой остановке к нему присоединялись суфии из племен Рума и Шама. В Таруме он сделал смотр войску, оказалось 1500 человек [2, с. 90]. Исмаил вошел в Ардабиль, но, опасаясь врагов, остаться в нем не рискнул. На совещании все эмиры сказали, что так как с остановки до этого посланы с гонцами письма в Турцию и Сирию о созыве преданных суфиев, то лучше будет пойти в Эрзинджан, вблизи которого находятся благожелатели Исмаила Сефевидов [2, с. 91-92].

Автор «Лубб ат-таварих» Яхя Казвини был не только современником Исмаила Сефевидов, но и участником его походов. Его сообщения сжаты, но точны. Яхя Казвини пишет, что Исмаил Сефевидов весной пошел из Арджевана (Астаринской области) в Ардабиль и шесть месяцев спустя отправился в Эрзинджан, где вокруг него собрались старинные суфии в числе около семи тысяч человек из устаджлу, шамлу, текелю, варсак, румлу, зулькадр, афшар, качар, суфии Караджа-дага и прочие. [18, л. 155].

Хасан-бек Румлу в своем труде «Ахсан ат-таварих» отмечает, что уйдя из Лахиджана, Исмаил Сефевидов провел в Таруме осмотр своего войска. Оказалось, что 1500 суфиев из Рума и Шама присоединились к нему. Переходя с места на место, Исмаил Сефевидов пришел в Эрзинджан, где вокруг него собралось семь тысяч приверженцев и суфиев: устаджлу, шамлу, румлу, текелю, зуль-кадр, афшар, каджар, варсак и суфии Караджа-дага [16, с. 41].

Приведенных выдержек достаточно, чтобы опровергнуть укоренившийся взгляд, будто Исмаил Сефевидов опирался на войско, сформированное из кочевников Азербайджана. Мы уже видели, что после смерти Али, старшего брата Исмаила в 1493 г., ему пришлось укрываться сначала в Ардабилье, потом в Лахиджане. По сведениям «Джаханкуша-и хакан», он ушел из Лахиджана с семьей преданными ему суфиями; во время движения в Ардабиль к нему постепенно присоединялись суфии из Малой Азии (Турции) и Сирии, и в Таруме их оказалось уже 1500 человек. На сборном пункте в Эрзинджане (т.е. в Турции) прибавилось еще семь тысяч турецких и сирийских туркмен. Исмаил Сефевидов с этими силами выступил на борьбу за Азербайджан, а потом и за престол в Иране.

Возвращаясь к вопросу о шиитстве Сефевидов, надо отметить, что в это время большинство населения Азербайджана было суннитами и лишь на каспийском побережье, в частности в Гилане и Талише, среди жителей было много шиитов крайнего направления как «гали-гулат». Также здесь отличилось и движение нуктавиюв, религиозная доктрина, которая шла вразрез с учением о божественном предопределении, со строгим монотеизмом шиизма, с его основной догмой, гласящей: «Нет божества, кроме Бога, и Мухаммад – посланник Божий, а Али – друг божий». Движение нуктавиюв зародилось в горной области Северо-Западного Ирана – в Гелане, известного в средневековье очага мощных социальных потрясений. С конца XIV в., т.е. с самого начала своего существования оно приняло религиозную окраску и направлялось сектой, основоположник и идейный руководитель которой Махмуд Пасихияни Гелани выступил против господствовавших тогда в Гелане догматов шиитского толка ислама. «В основе нуктавизма лежало учение о переселении души. Душа праведника после его смерти переселяется на небо, а душа нечестивца возрождается в телах различных животных – таков смысл одного из основных положений нуктавизма» [10, с. 70]. Отрицая догматику шиизма, нуктавиюв по сути дела отрицали власть и авторитет высшего духовенства и феодальной аристократии и впоследствии они выступили против Сефевидского государства, господствующей религией и идеологией которого был шиизм.

Исходя и реалии того времени советники Исмаила Сефевидов говорили ему: «Из трехсоттысячного населения Тебриза двести тысяч являются суннитами... Мы опасаемся, что они могут заявить о нежелании быть в подчинении под властью шиитов» [9, с. 68]. Поэтому последовавшие события показали, что симпатией Исмаил Сефевидов пользовался у населения Западного Ирана, в том числе Азербайджана, в большинстве не шиитского, а суннитского. Оно сопротивлялось новому претенденту, и за это при взятии городов их жители одинаково как богатые, так и бедные подвергались поголовному уничтожению, ибо Исмаил Сефевидов приказал каждого, кто окажет

сопротивление, «нужно казнить» [1, с. 6]. Поэтому считаем неверно утверждение о мнимой симпатии к Исмаилу Сефевии «шиитского» населения Азербайджана.

Хотя у Джунайда, деда Исаила Сефевии и были приверженцы среди местного населения Ардабиля и прилегающих к нему районов, однако этих людей было мало для ведения военных действий.

Зато в Малой Азии к северу и югу от Эрзерума и в северной части Сирии среди кочевников-туркмен шиизм был распространен еще со времен Сельджуков, отличавшихся вообще веротерпимостью [3, с. 205]. Поэтому как Джунайд, так впоследствии и его сын Хайдар набирали добровольцев из туркменских племен Малой Азии и Сирии.

Справедливости ради, отметим еще, что турецкий султан Салим (1512-1520), перед походом против Исмаила Сефевии вырезавший сорок тысяч шиитов Малой Азии, после Чалдеранского сражения в 1514 г. занял Тебриз, но не подверг репрессиям местное «шиитское» население, ибо знал хорошо, какими способами Исмаил Сефевии сделал своих новых подданных шиитами.

Таким образом, главной военной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена Малой Азии, где шиизм был формой оппозиции кочевников Османскому государству. Сначала было семь племен: шамлу, румлу, устаджлу, текелю, афшар, кадждар, зулкадар. Все эти племена имели разное происхождение. Например, племена румлу и шамлу, согласно преданию, происходили от пленников Малой Азии (Рум-Анатолия, румлу, происходящий из Анатолии) и Сирии (Шам-Сирия, шамлу происходящий из Сирии), как выше упомянули угнанных Тамерланом после битвы под Анкарой в 804 г.х./1401-1402 г. и переданных им сефевидскому шейху Ходже Али Сияхпушу, и которые были освобождены и поселены в Азербайджане Ирана [16, с. 55], и в знак благодарности они самоотверженно служили в свите султан Джунайда и султан Хайдара – предков Исмаила Сефевии [6, с. 15-16].

Племя текелю – ветвь туркменского племени теккэ, откочевавшая в Азербайджан (Иран), согласно преданию, племя устаджлу кочевало в Армении, в районе Карса. Туркменское племя зулкадар (араб. слово зу ал-кадар – имеющий силу) сначала кочевало в южной Армении и в районе Дийарбакра, позже владело округом Албистан к западу от Евфрата. А огузские племена афшар и кадждар пришли из Средней Азии в Иран вместе с монголами [9, с. 69-70].

В Азербайджане эти племена расселились при Тамерлане и его сыне – Мираншахе. Искандар Мунши в 1038 г.х./1628-29 упоминает кызылбашей в следующей последовательности: шамлу, устаджлу, зулкадар, кадждар, афшар, туркмен, асирлу, румлу, карадаглу, баят, талыш, алпаут, джагирлу, казахлу, байбурдлу. Только племена шамлу и румлу находились в полной зависимости от Сефевидов, а остальные – в вассальных отношениях с ними.

Влияние воинственных тюркских племен изменило характер ордена Сефевия. Если первые сефевидские шейхи были мирными мистиками, то при шейхах Джунайде (убит в 1460 г.) и Хайдаре (убит в 1488г.) суфийская мистика была отодвинута на задний план, вернее, ее придерживались только по традиции. Воинствующий шиизм и «священная война с неверными» стали теперь главным содержанием идеологии ордена [9, с. 69].

Кызылбаши пользовались в этом государстве исключительными правами и привилегиями. В их руках находились высшие посты при дворе, областные наместничества и военное дело, тогда как роль персидских аристократов в государственных делах была ограничена финансами, канцелярией и частично судопроизводством.

Таким образом, нельзя абсолютизировать роль тюрков Азербайджана в борьбе Сефевидов за власть в Иране, потому что главной военной опорой Сефевидов стали тюркские кочевые племена Малой Азии. Связи Сефевидов с племенами Малой Азии и Северной Сирии укрепились во второй половине XV в. при шейхах Джунайде и Хайдаре. Согласно «Джаханкуша-и хакан» шейх Джунайд вытесненный из Ардабиля Джахан-шахом Кара-койюнлу, в 1449 г., ушел в Малую Азию в Караман. Здесь в Киликии он развил энергичную деятельность среди тюркоязычного племени варсак. После изгнания его местными правителями, Джунайд перебрался в самую северную часть Сирии, районы Мараша, Антаки и Килиса, подвластному султану Египта. В этом регионе в среде племени зулкадр он вел шиитскую пропаганду. Сына Джунайда, Хайдара вначале поддерживали жители Рума, Талиша и Караджатага. Во время его

последнего похода в Дагестан весной 1488 г. в составе его войска упоминается племя шамлу. В числе соратников султана Али, старшего сына Хайдара упоминается племена каджар, шамлу и караманлу.

Литература:

1. Аламараи Сафави (Сефевидское мироукрашение). Сост. Ядуллох Шукри. 2-е изд. Тегеран: Чопи муассисаи иттилоот, 1363 г.х.
2. Анонимный автор. Джаханкуша-и хахан. Факсимильное издание. Пред. и комм. Аллахдетта Музтар. Исламабад: Персидский исследовательский центр Ирана и Пакистана, 1986.
3. Гордлевский В.А. Сельджуки Малой Азии. Избранные сочинения. Т.1. М., 1960.
4. Гусейнов И.А. Исмаил Сефеви (азербайджанский полководец XV-XVI вв.), Баку, 1943.
5. Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952.
6. Искандербек Мунши. Та'рих-и аламараи Аббаси. Тегеран. 1334 г.ш.
7. История Азербайджана (краткий очерк). Изд-во АЗФАН, Баку, 1941.
8. История Азербайджана, Баку, 1946.
9. Камол Х. История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан. Душанбе: Дониш, 2012.
10. Куция К.К. Из истории социальных движений в городах Сефевидского государства // Народы Азии и Африки, 1966. №2.
11. Миклухо-Маклай Н.Д. К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в. // КСИВ, IV, 1952.
12. Минорский В. Persia in A.D. 1478-1490. An Abridged Translation of Fadlullah b.Ruzbihan Khunji's Tarikhi Alam-Ara-yi by Minorsky. London, 1957.
13. Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV1 – начале XIX в. М., 1949.
14. Пигулевская Н.В., Якубовский А.Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А.М. Истрия Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958.
15. Тазкират ал-мулук. Gibb Memorial Series, XVI, London, 1957.
16. Хасанбек Румлу. Ахсану-т-таварих. Т.1. Тегеран, 1384 г.ш.
17. Хондамир. Хабиб ас-сияр. Т.III, ч. IV. Тегеран, 1384 г.ш.
18. Яхя Казвини. Лубб ат-таварих. Рукопись Института народов Азии.

СОСТАВ СЕФЕВИДСКИХ ВОЙСК ПО МАТЕРИАЛАМ «ДЖАХАНКУША-И ХАКАН»

В данной статье рассматривается состав Сефевидских войск в начале XVI в. Согласно трактату анонимного автора «Джаханкуша-и хахан» войско Исмаила Сефеви было сформировано из кочевников Малой Азии, где шиизм был одной из форм оппозиционного течения кочевникам Османского государства. В связи с этим большинство ученых считает, что Сефевидское государство не было персидским.

Ключевые слова: Сефевиды, государство, Шейбаниды, Исмаил Сефеви, Ардабил, Хондамир, Гелан, Азербайджан, Иран, Рум.

STRUCTURE OF SEFEVIDS TROOPS ACCORDING TO THE “JAHANKUSHA-I KHAKAN”

The structure of Sefevids troops is considered in this article. The troops of Ismaila Sefevi were formed from the nomads of Asia Minor where Shiism was as a form of opposition to the nomads of Osman state. Most scholars think that the Sefevids state was not Persian.

Keywords: Sefevids, state, Sheibanidy, Ismail Sefevi, Ardabil, Hondamir, Gelan, Azerbaijan, Iran, Rum.

Сведения об авторах: Саидов Абдукахор, доктор исторических наук, профессор

Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни, e-mail: boymurod@inbox.ru

Амир Теймури Мортеза Шахриар, соискатель Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан

About authors: Saidov Abdukahor, doctor of historical science, Professor of the Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: boymurod@inbox.ru

Amir Teimuri Morteza Shahriyar, researcher of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

ПАМИР В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

*Пирумшоев М. Х.**Российско-Таджикский (славянский) университет*

Изучение древнейших и древних археологических памятников имеет большую научную значимость в освещении древнейшего периода истории Памира и Бадахшана. Исторические и географические сочинения античных авторов и историко-географические сведения древнего периода данного горного края, в известной степени, смогут пролить свет на прошлое местного народа.

В греческих источниках имеются самые древние сведения о Средней Азии в целом и Памира в частности, входивших в Ахеменидскую империю, территория которой охватывала и этот обширный край. Впервые, хотя и несколько расплывчато, приводит сведения о южных припамирских областях Геродот. Они связаны с полученными им сведениями о местности вблизи Пактики, расположенной на северной окраине Индии. Согласно его описаниям этой местности, разумеется, основанным на информации не из первых уст, указывается, что там «обитают большие муравьи, размером больше лисицы, которые выбрасывают из своих нор кучи золотоносного песка, а жители Пактики отправляясь в эту пустыню с большой осторожностью, чтобы не стать жертвой этих муравьев, увозят пески на быстроходных верблюдах, чтобы уплачивать дань персам» [2, с. 102-105].

Мегасфен, несколько дополняя сведения Геродота, указывает, что «эта местность находится в подножье большого горного плато в стране Дардов» [5, с. 108]. Его сведения являются более правдоподобными, поскольку ему приходилось слышать этот рассказ в период посещения им Индии. Что касается локализации страны Дардов, то согласно более поздним сведениям, она совпадает с Гильгитом.

Такие же отрывочные и несколько смутные сведения имеются и у Аристотеля. Он, в частности указывает на горные массивы в Средней Азии и перечень рек, которые берут начало в Парнасе. По мнению исследователей, Аристотель имел в виду горы Гиндукуша с ближайшей части Памира и Гималаев.

Сведения о Средней Азии, в том числе Памира, существенно пополнились в период похода Александра Македонского. Однако они дошли до нас только фрагментарно или в пересказе более поздних авторов. Это существенно затрудняет точно установить как процесс накопления сведений в хронологическом порядке, так и локализацию упомянутых географических и топографических объектов. «По-видимому, - пишет А.М. Мандельштам, - во время похода Александра были собраны какие-то сведения и о горных системах, лежащих севернее и восточнее Гиндукуша, и, в частности, о территории Памира и припамирских областей. Однако выделить их в имеющихся в нашем распоряжении источниках невозможно» [3, с. 29].

Согласно сохранившимся сведениям, накопленный материал, прежде всего, географического характера во время похода Александра Македонского, который, по-видимому, имел описательный характер, был собран и обработан одним из общепризнанных, как при жизни, так и в последствии, географов античности – Дикеархом в конце IV в. до н.э. Но, к сожалению, его труд не сохранился. Поэтому исследователи довольствуются лишь теми сведениями, которые изложены в сочинениях последующих авторов. Здесь уместно отметить также об аналогичной судьбе сочинения другого известного географа – Мегасфена, отрывки из сочинения которого также дошли до нас благодаря последующим античным авторам. Мегасфен, прибыв в качестве посла Селевка Никатора ко двору Чандрагупты, имел возможность получить более подробные географические сведения об Индии и Средней Азии.

Сведения Дикеарха, Мегасфена, а также последующих географов и историков IV – начала III вв. до н.э. были использованы при составлении «Географии» основоположником античной научной географии Эратосфеном (прибл. 275-195 гг. до н.э.). Эратосфен, указывая на горную систему севера Индии, приводит названия Паропамиз, Эмод и Имай. А.М. Мандельштам с уверенностью утверждает, что под Паропамизом «подразумевается Гиндукуш и, главным образом, его западная часть; что касается Эмода, то он, вероятно, соответствует восточной части Гиндукуша и Памиру, а Имай – Гималаям» [3, с. 31]. В этой связи интерес представляет и заключение А.М.

Мандельштама, основанного на сведениях, связанных с походом Александра Македонского в Среднюю Азию. «Весьма важным наблюдением, – пишет он, – сделанным, несомненно, уже участниками похода, было выявление ряда горных хребтов, тянущихся от Малой Азии до самой Индии. Наиболее полные сведения были собраны о Гиндукуше, который был назван приближенным Александра Кавказом. Страбон подчеркивает, что это наименование было дано ему только из желания польстить самолюбию Александра. Местное название Гиндукуша – Паропамиз, несомненно, ставшее известным грекам во время похода, вошло в географическую литературу лишь несколько позднее, но впоследствии вытеснило фиктивный Кавказ» [3, с. 29].

Хотя, предположительно, географические сведения об Азии, в частности Памира, существенно пополнялись в период существования Греко-Бактрийского царства (ок. 250-140 или 130 гг. до н.э.), но из-за отсутствия достоверных письменных источников трудно дать точные описания и определения местности. Во всяком случае, это не идет в никакое сравнение со сведениями, которые накопились в I в. до н.э. – I в. н.э. Этому способствовало налаживание устойчивой торговой связи Китая с Бактрией и Парфией, которые являлись промежуточными звеньями в знаменитом Шелковом пути, соединяющим Восток с Западом. Накопления географических знаний о Средней Азии, в частности Памира, продолжается в последующие периоды. Это достаточно последовательно прослеживается в работе А.М. Мандельштама «Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей» [3, с. 30-40].

А.М. Мандельштам, скрупулезно сопоставляя имеющиеся сведения, заложенные в основу «Географии» Птолемея, указывает на те неточности, которые он допускает в орографическом описании Восточной части Средней Азии. В частности, он пишет: «Если мы сопоставим данные Птолемея относительно орографии восточной части Средней Азии с реальной картой, то при всех несомненных неточностях этих данных мы все же увидим во многих соответствии их последней. Паропамиз соответствует, несомненно, лишь западной части Гиндукуша; Кавказ является восточной его частью, но не включает в себя крайний восточный отрезок, который входит уже в южную часть Имая. Существует предположение, что точкой разделения Кавказа и Имая является гора Тирич-мир, лежащая между Бадахшаном и Читралом. Южная часть Имая соответствует восточной оконечности Гиндукуша и северной части Каракурума: точку поворота его на северо-запад можно помещать где-то на стыке Западного Куэнь-Луня и Каракурума.

Средняя часть Имая, несомненно, соответствует горному массиву, отделяющему Памир от Восточного Туркестана, т.е. северной оконечности Западного Куэнь-луня, Кашгарскому и Сарыкольскому хребтам и горному узлу, лежащему северо-западнее Кашгара» [3, с. 37].

Разумеется, мы не вправе требовать от древних географов и историков точного географического описания, соответствующего нынешним достижениям этих наук. Их сведения, пережившие века и дошедшие до нас, являются бесценными источниками, олицетворяющими подвиг тех, кто стоял у истоков этих знаний и заложил прочный источниковый фундамент для будущих поколений ученых.

Вслед за античными источниками в изучении древности Памира и Бадахшана особую ценность занимают китайские источники.

Согласно сохранившимся данным, первые достоверные сведения о Средней Азии в Китае связаны с посольством Чжан Цяня, организованным императором Уди (140 - 86 гг. до н.э.) в 139 г. до н.э. для ведения переговоров с большими юечжами с целью склонения их в союз против гуннов. По воле случая он оказался в плену у последних. Только через несколько лет ему удалось бежать из плена, но снова попал к гуннам, и на этот раз судьба была благосклонна к нему. Через год он сумел бежать в Китай. Во время длительного пребывания ему удалось собрать сведения о некоторых областях Средней Азии, однако среди них отсутствуют какие-либо сведения о Памире. Это свидетельствует о том, что он не мог посетить край, так как в то время дорога пролегалa через Давань (Фергану).

Непосредственное ознакомление китайских географов с Памиром берет начало с середины I в. до н.э., лишь после того, как Китай нанес несколько решающих поражений гуннам и распространил свою власть на территорию Восточного Туркестана. В тексте Цяньханьшу, составленном Бань Гу (умер в 92 г. н.э.), имеются

сведения о географическом положении Сиюя – Восточного Туркестана, где указывается, что это пространство с запада, севера и юга окружено горами. Западное, согласно его данным, именуется Цунлин. По описанию автора, «через Сиюй протекает река, имеющая два истока: один из них берет начало в Цунлине, а второй около Юйтяни – Хотана, лежащего у подножья Южных гор» [1, с. 169-170]. Под Цунлином Бань Гу имеет в виду Памир. Следует отметить, что название Цунлин, под которым подразумевается Памир и примыкающие к нему горные цепи, после сведений, приведенных этим автором, прочно заняло свое место в китайской географической литературе.

Важные географические сведения, в частности пути, связывающие Китай со странами Средней Азии и Переднего Востока, пролежавшие через Памир II в. н.э., содержатся в составленной книге Фан Е (умер в 445 г.) Хоуханьшу. Она основана на ряде первоисточников, восходящих ко времени Мл. Хань, в частности, сведения из отчета известного китайского полководца Бань Чао, составленные в 125 г. Данные, приведенные Фань Е, фактически совпадают с содержанием Цяньханьшу [4, с. 57-65]. То же самое следует упомянуть о Бейши, «данные которой восходят к первоисточнику первой половины V в. н.э. В данном источнике, как и в двух предыдущих, также фигурируют местоположения пяти хихэу (владения) подвластных юечжеям, имеющие отношения к памирским и припамирским областям.

Несмотря на различные толкования локализации этих хихэу со стороны последующих специалистов, в той или иной мере имеющих отношение к исторической географии края» [4, с. 45-66], в целом проливают свет на особую значимость Памира, как важнейшее связующее звено в торгово-политических взаимоотношениях древних государственных образований в Центральной Азии. Указывая на историю сложения пути, пролежавшего через Памир, А.М. Мандельштам выдвигает следующее предположения:

«Первоначально путь, связывавший Китай со странами Средней Азии Переднего Востока, по-видимому, проходил через Фергану; более короткий путь через Памир был «открыт» лишь позднее – в I в. до н. э. Причины этого можно только предполагать; вероятно, значительную роль в данном случае играла неблагоприятная политическая обстановка в южной части восточного Туркестана.

«Открытие» более короткого пути в Бактрию и далее в Парфию через Памир связано с крупными политическими событиями, обеспечившими Китаю власть над Восточным Туркестаном. Пределы владений юечжей к этому времени уже распространялись до Вахана включительно, что создавало весьма благоприятные условия для установления регулярных связей через Сарыколи Восточный Памир» [4, с. 66].

Вышеприведенное свидетельствует о неоценимом вкладе, который внес известный ученый А.М. Мандельштам в историографическое изучение географической истории Памира.

Литература:

1. Бичурин Н. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. – Т. II. – М., 1950.
2. Геродот. История. III. – С. 102-105.
3. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. С древнейших времен до X в. н.э. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж.ССР, 1947.
4. Мандельштам А.М. К историко-географическому обзору Памира и припамирских областей // Труды АН Таджикской АССР, т. LIII. - Сталинабад, 1957. – С. 57-65.
5. Страбон. География. – XV, I, 44.

ПАМИР В ДРЕВНЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В данной статье приводятся историко-географические сведения античных авторов о древнейшем периоде истории Памира и Бадахшана. Эти сведения могут в той или иной степени открыть завесу тайны жизни местного населения того периода.

Ключевые слова: исторические, географические, сочинения, античность, источники, Гиндукуш, Памир, Дикеарх, Мегасфен.

PAMIR IN AN ANCIENT HISTORIOGRAPHY

In the article there the historical and geographical data of antique authors on the most ancient period of history of Pamir and Badakhshan are mentioned. These data can in varying degree open a veil of secrets of life of that period.

Keywords: historical, geographical, compositions, antiquity, sources, Hindu Kush, Pamir, Dikearkh, Megasfen.

Сведения об авторе: Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Российско-Таджикского (славянского) университета, e-mail: munir.85@mail.ru

About author: Pirumshoev Munir Haydarshoevich, PhD of historical science, senior lecturer in the Faculty of Domestic History, Russian-Tajik (Slavonic) University, e-mail: munir.85@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Одинаев А. Н.

Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ

Степень состоятельности крестьянских хозяйств определялась количеством земли, бывшей в их владении. Исходя из этого, нам кажется, представляет собой определенный интерес выяснение формы землепользования, которое показывает социальную структуру феодального землеустройства верховьев Зеравшана. По вопросу о земельных формах в Средней Азии учеными и специалистами написан ряд работ, но до сих пор среди них нет еще единого господствующего мнения. Узкие рамки данной работы не позволяют нам более подробно остановиться на этих вопросах. Мы попытаемся на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов, в общих чертах показать формы землепользования верховьев Зеравшана. Прежде всего, нужно отметить, что при ознакомлении с местными письменными источниками и архивными материалами, мы встречались со всеми терминами, которыми пользуются ученые при характеристике земельных форм в других районах Средней Азии: такие, как *замини амлок*, *замини мири*, *замини хироджи*, *вакф*, *мулки хури холис*, *мулки мероси* и др. Наличие этих терминов дает возможность предполагать, что в верховья Зеравшана существовали в основном в тех формы землепользования, которые были характерны для других районов Средней Азии. Однако наличие терминов еще не позволяет утверждать о полном тождестве форм землепользования Кухистана с другими районами Средней Азии.

В одном месте своей работы автор «Рузномай сафари Искандаркул» Абдурахман ибн Мухаммед Латифа Мустаджира упоминает следующее: «В Зосуне также как и в Сангистане, имеются земли *мулки хур*, владельцы которых ничего не платят беку. Кроме того, в Сангистане имеются земли амлоковые, которые обрабатываются бедняками.

Одну треть собираемого урожая сдают в казну падишаху, а остальная часть остается в пользу тех, кто обрабатывает эти земли.

Тот же автор сообщает, что амлоковые земли имеются в кишлаках Джик, Саратог, Макшеват, Пасруд и Такфон (Фанского бекства – О. А.). Ведением хозяйства в этих землях занимался амлокдор, который назначался правителем области, арендатором с орошаемого участка $\frac{1}{5}$ часть собираемого урожая, а с богарных земель $\frac{1}{10}$ часть сдавали в казну [1, с. 145а].

Однако термин «амлоковая земля» у самих жителей Кухистана употребляется очень редко, популярным термином относительно землепользования той же формы является так называемый «*замини мири*» или «*ангори мири*», доходы от которых поступали в пользу бека.

В Кухистане, как и в других районах Средней Азии, широкое распространение имела другая форма землепользования вакф. В отличие от других места вакфы долина Зеравшана были небольших размеров. Кроме вакфных земель, приписанных мечетям, мазарам, в Кухистане были вакфи в пользу дорог и арыков. Определить количество вакфных земель невозможно, но наличие вакфных земель бесспорный факт. Так,

например, А. Гребенкин указывает, что в четырех бекствах верховьев Зеравшана (Фальгар, Матча, Ягноб и Фан) было 161 мечеть, каждая из которых имела свой вакф [3, с.74].

Вакфавладельцами были также мазары. Например, в Урмитане мазар Шайх Абдулкосими Гургони имел свой вакф, доходы от которого расходовались на содержание муттавалия, хатиба, имама, суфи и на ремонт мазара [2; 1. с. 15].

Как писал автор «Дневника», дорога, выходящая выше Похута, была посвящена вакфу для поддержания ее неравности. Эта дорога находилась на расстоянии 1000 газв* от уровня реки Зеравшана и проходила по горной опасной тропинке [1; 2. с. 28].

В вакф могли посвящать свои земли, как частные лица, так и глава бекства. Например, в 1836 году магианский бек Алоер назначил (вернее, утвердил старый документ вакфовладения) потомкам святого Порсо в Магиан вакфные земли, доходы которых должны были поступать в пользу магианской ходжей. Проверка при царской власти выяснила, что общее количество этих земель равнялось 25 десятинам, и они находились в пользовании жителей кишлака [4, с. 46-47].

Как было сказано выше, амлоковые и вакфные земли арендовались местными крестьянами и вносили определенную часть собираемого урожая в казну бека. Причем, право арендования их было закреплено за определенными хозяйствами, которые в течение продолжительного времени обрабатывали эти земли. Доходы распределялись различно, в зависимости от характера исполняемой работы. Арендатор получал от одной питой до одной третьей части собираемого урожая.

Следующей формой землепользования в Кухистане были мулки, делившиеся на хури холис и хераджные. Первая категория земель, видимо, не имела широкого распространения в Кухистане, потому что автор «Дневника», посветивший весь свой труд Кухистану, только один раз упоминает о наличии *хури холиссских* земель в кишлаках Сангистон и Зосун Фальгарского бекства [1; 2 с. 45].

Согласно другим источникам, подобные земли были еще в кишлаке Мазори Шариф Кштутского бекства [5, с. 131].

Относительно хераджных земель, у нас имеется еще более отрывочные сведения. Один из участников Искандеркульской экспедиции Л.Н.Соболев, затрачивавший вопрос о формах землепользования таджиков верховьев Зеравшана, писал, что «херадж, собираемый с мулки хераджной земли, бывает двух родов: *херадж* - *мувозеф* определенный и постоянный и *херадж* - *мекосимо* соразмеряемый с урожаем и пропорциональный ему [6, с. 216].

По утверждению дореволюционных русских исследователей, в том числе и Л. Н. Соболева, как отмечали выше, вся подать с обрабатываемых земель Кухистана измерялась только в виде хераджа.

Следовательно, все частновладельческие земли на территории Кухистана, кроме *хури холиссских*, облагались хераджной податью, и эти земли по форме должны были быть хераджные. Однако термин замини хераджи в местных письменных документах не имел столь широкого употребления, что бы его распространить на все виды частновладельческих земель.

Дальнейшее разъяснение относительно хераджных земель можно обнаружить в работе Мухаммеда Латифа Мустаджира «Дневника», где он, говоря о поливном и богарном земледелии в Кухистане в нескольких местах своей работы, отмечает, что население должно было платить с орошаемых участков подать, а с богарных земель ушр, т.е. десятину [1, с. 421]. Из вышесказанного можно заключить, что к категории хераджной земли в Кухистане относились все поливные участки. Таких земель в трех садах Матчи было приблизительно 7900 манов и 3500 ман, на верхнем саде Фальгара. Общее количество богарных земель с верхними садами Матчи, равнялось приблизительно 400 батман*. Богарные земли были и в других бекствах Кухистана, с которых также поступал ушр [1, с.423-424].

Таким образом, если квалифицировать частновладельческие земли по характеру уплачиваемой подати, то таковых в Кухистане можно разделить на три категории: *мулки хури холис*, *хераджи* и *ушри*.

* Газ - мера длины, равная приблизительно одному метру. Фальгарский газ был равен шест и пять.

* Матчинский батман был равен Бухарскому (8 пудов) см. Хорошкин А.П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края.— СПб., 1876. С. 159.

Резюмируя вышесказанное относительно землепользования в Кухистане, можно говорить о трех его формах: амлоковые или чаще именуемые здесь *мировские, вакфные* и *мулковные, хури холисские, хераджные* и *уирные*.

Феодальная иерархия накладывала свой отпечаток не только на формы пользования землей и отсталой техникой производства, она отражалась также и на характере распределения средства производства среди различных социальных групп. С развитием товарных отношений различие еще более возрастало. В нашем распоряжении отсутствуют такие сведения, которые могли бы показать количество пригодных земельных участков, находящихся в постоянном пользовании отдельных социальных классов. Русские исследователи, касавшиеся в той или иной степени истории верховьев Зеравшана, отмечают бедность населения этого края. Правда, указывая на бедность населения, они связывают его с малоземельем, но не пытаются искать причину бедности в социальных условиях, порождавших голод и нищету.

По этому поводу несколько конкретно выражает свои мысли А. П. Федченко, который посетил Магианское бекство перед его присоединением к России. Он пишет: «Беднейшая часть населения вынуждена в течение зимы кормиться корнем тетина, к употреблению которого в плохие годы прибегает большая часть населения» [7, с. 49-52].

Недостаток своего хлеба заставлял горцев привозить его из других соседних районов. Так, автор известного нам «Дневника» Мухаммад Латиф Мустаджир говоря о бедности трудящихся масс Кухистана в целом и Фанского бекства, в частности, пишет: «Своего хлеба у них не хватает, привозят его из Самарканда, Ура-Тюбе, и Гиссара. Жители, продавая карбос, квасцы, нашатырь, шерсть своих баранов, взамен приобретали хлеб» [1, с. 112. 8, с. 328].

Экономическая жизнь Кухистана настолько тесно переплеталась с экономической жизнью Самарканда, Пенджикента, Ура-Тюбе, Гиссара, Каратегина, что невозможно было представить его жизнь вне этой связи. Эти районы были своего рода экономической базой для Кухистана, откуда трудовое население привозило хлеб, приобретало всю необходимую домашнюю утварь, сельскохозяйственные орудия и другие товары, орудия потребления. По перечислению А. Гребенкина, главными предметами вывоза были: сушеные фрукты, орех, миндаль, фисташки, овчины, пух, шерсть, масло, овца, козы, баязь и шерстяные изделия. Ввозились в Кухистан: ячмень, рис, просо и просянка, горох джугара, мак, загыр, кунжут, меш, нахут, махсар, индау, зеленый табак, белый, хлопок, лекарства и т. д. [9, с. 163].

Усиливавшиеся торговые связи Кухистана с соседними районами приводили к появлению торговых посредников.

По словам Мустаджира ежегодно два раза — весной и осенью в Кухистан приезжали торговцы из Ура-Тюбе и Пенджикент. Они привозили с собой тик (сорт плотной хлопчатобумажной ткани), чит (ситец) и другие, находившийся здесь большой спрос товары, обменивали на коз, баранов и крупный рогатый скот. Если не привозили товар, то покупали за деньги. Беки с этих торговцев взымали пошлины [1, 150б].

Наряду с этим постепенно появляются безземельные и малоземельные слои, которые вынуждены были переключиться на другие работы или же отправляться в города Самарканд, Ура-Тюбе, Ходжент, Пенджикент, где одни промышляли нищенством, другие занимались различными кустарными промыслами и мелкой торговлей. Автор «Дневника» в некоторых местах своей работы упоминает о бедных жителях Кухистана, занимавшихся мелкой торговлей. «Те, которые — пишет он, не имеют ни клочка земли, ни баранов, собирают с гор дрова и палки и сбывают на ближайших базарах. Другие отправляются в Ура-Тюбе, занимаются кустарным маслodelием или же приготовлением халвы» [1, с. 187а].

Кроме того, обращаясь на работы А. П. Федченко, где он также указывает, что малоземельные и безземельные крестьяне Кштута занимались порубкой и сплавом леса [10, с. 57].

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, которое в какой-то степени указывает на наличие элементов товарно-денежных отношений в экономике верховьев Зеравшана. В рассматриваемое время имели место различные сделки по купле и продаже земли. Сейчас трудно судить о роли и значении таких сделок в истории тогдашнего Кухистанского общества. Нас интересует этот вопрос с другой стороны, а именно то, что подавляющее большинство подобных сделок совершалось не на основе

менового обмена, как это имело место в других высокогорных районах Таджикистана, а путем денежного вознаграждения полной стоимости продаваемого участка земли.

Из десятка подобных документов, находящихся в нашем распоряжении, ни один не упоминает о меновой купле и продаже земли, что свидетельствует об известном росте товарно-денежных отношений верховьев Зеравшана. Этим мы отнюдь не склонны преувеличивать роль товарно-денежных отношений в экономике долины Зеравшан. Конечно, в соотношении с общей экономической жизнью, их роль была ничтожна, тем не менее, это свидетельствует о том, что элементы разложения феодального способа производства были налицо.

Земледелие Зеравшана, так же, как и в других районах Средней Азии, было связано с системой орошения, рост и увеличение которого во многом зависело от орошения. Наличие множества горных ручейков и родников намного облегчало водопользование в Кухистане. Здесь каждое хозяйство могло брать нужное ему количество воды из кишлачных арыков, за исключением некоторых больших кишлаков, где в летний период устанавливали очередь при пользовании водой. Трудность водоснабжения в Кухистане имела иной характер. Она заключалась в том, что для проведения в дома источника, в нужную сторону необходимо было прорыть арык через горные склоны и обрывы, а в водопроницаемых местах установить специальные желоба. Прорытие таких арыков, а также поддержание их исправности, требовали большой затраты труда. Поэтому для устройства и ежегодного общения в весенний период обычно собиралось все трудовое население того или иного кишлака, и такие работы носили общественный характер.

В летние периоды назначались специальные люди, которых содержали односельчане. В тех кишлаках, где чувствовался недостаток воды, сами жители за свой счет выбирали мирабов для урегулирования водоснабжения. Содержание мираба устанавливалось согласно обоюдному соглашению в размере нимчоряк и чоряк* хлеба.

В рассматриваемый период, усилиями трудового народа было проведено несколько арыков и восстановлены ряд заброшенных ирригационных сооружений. Однако в условиях постоянных феодальных неурядиц рассчитывать на сколько-нибудь продолжительную работу было невозможно, и все они один за другим были заброшены. Так, в 1816 году население Урмитана, страдающее от недостатка пахотной земли, восстановило когда-то заброшенный Кштутский арык, орошавший 1500 танабов земли между кишлаками Якдарахта и Дашти Кази, и занималось устройством на водопроницаемых местах деревянных желобов (нов). Население пользовалось арыком недолго; бурные распри между Урметанским и Пенджикентским правителями в 1822 году послужила концу существования арыка [11].

В начале 20 годов XIX столетия крупный феодал священник Халифа Хасан* Пенджикента, получавший от бухарского эмира материальную помощь и землю в *мулка хури холис*, организовал из жителей Фальгара и Кштута особую компанию, которая восстановила заброшенные арыки Дашти Гусар. Они подняли воду р. Кштута коризом на протяжении одной версты. На орошаемом месте фальгарцы и кштутцы организовали кишлак Тагоби Халак, но независимый магиано-кштутский бек Алоер Инок, поддерживая ходатайство кочевников - узбеков - оставить Дашти Кази для пастьбы скота - запретил заниматься там земледелием, в результате арык был заброшен и жители ушли [12, с. 163].

В конце 40 годов XIX века был проведен арык напротив Урметана, по левому берегу Зеравшана в местности Дашти Айн, орошавший площадь, равную 120 танабам земли арыком пользовались 15 лет. Затем он был заброшен [13, с. 141].

Г. А. Арандаренко заброшенность арыка связывает со смертью Мулло Ортика, который был инициатором проведения этого арыка. Можно предполагать, что все эти земли были собственностью Мулло Ортика и его приближенных.

Не лучшим была судьба другого арыка, прорытого в начале XIX века в Дашти Варзе, перед Варзиманором, который орошал 900 танабов земли. Были также заброшены 10 небольших каналов в верхнем Фальгара и Матче [12, с. 268].

* Чоряк — мера веса, равная 2 кг. Нимчоряк, т. е. половина чоряка, равнялся 1 кг.

* См. подробно. Халифа Хасан. Биографический очерк. / Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874-1879. - СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1889. С.154-165.

Всего по подсчетам Г. А. Арандаренко в рассматриваемый период в нагорных тюменях (Пенджикента, Ургута, Ёри и Кухистана) было заброшено 42370 танабов (10592 десятины) орошаемой земли, которые при обработке приносили 22800 рублей дохода [12, с. 268-267].

Таким образом, эта краткая характеристика показывает, что трудящиеся массы Кухистана в рассматриваемый период неустанно боролись за благоустройство и расцвет своего края, однако, как видно, в условиях господства феодализма, при отсутствии сильного централизованного государства и междоусобной вражды отдельными беками, рассчитывать на сколько-нибудь устойчивое развитие этого горного края было невозможным. При таких условиях каждый новый бек главным образом заботился о доходе своей казны и о захвате новых территорий. Предпринятые ими с этой целью походы, приводили лишь к ограблению народных масс и к разрушению арыков, мостов, дорог, что крайне отрицательно влияло на положение трудящихся масс.

Не лучше обстояло дело и с другими видами народного хозяйства. После земледелия важное место занимала скотоводство. Важность этой отрасли не исчерпывалась тем, что давало ряд продуктов питания, и обеспечивало сырьем местные кустарные промыслы.

Помимо этого, скотоводство являлось предметом вывоза Кухистана. Но и здесь имело место, занимаемое различие социальными группами, оно было далеко не одинаково. Если бедняцкие хозяйства только в силу необходимости вынуждены были продавать часть своих продуктов, то богатые вели торговлю исключительно с целью наживы и приобретения разных драгоценных вещей. А. Гребенкин отмечает что, богатые ведут торговлю овцами и козами с Гиссаром, Ура-Тюбе и Пенджикентом [3, с. 73]. Не только в торговле овцами, но и относительно владения или положение различными социальными группами было различно. Тот же А. Гребенкин указывает, что в то время, как баи имеют свыше 1000 баранов и коз, не считая крупного рогатого скота, бедняцкие хозяйства в среднем владели не более 15 голов скота [3, с.74]. Были и такие хозяйства, которые ничего не имели.

Важное, экономическое значение в жизни горцев верховьев Зеравшана имело садоводство. Значение садоводства заключалось в том, что в условиях постоянной нехватки хлеба, оно значительно покрывало недостаток в хлебе и его продукции, служило главным предметом торговой связи Кухистана с другими районами. Муstadжир в своем «Дневнике» при описании кишлаков верховьев Зеравшана подчеркивает, что жители его, собирая и высушивая плоды урюка и тутовника в большом количестве, сбывают на базарах Самарканда, Пенджикента, Джизака, Ходжента и Ура-Тюбе и взамен приобретают хлеб, хлопок, мыло, соль, табак и другие нужные им товары [1, с. 147].

Другой необходимой отраслью народного хозяйства Кухистана было ремесло. При незначительности размеров земельных угодий у основной массы населения, оно вынуждено было для поддержания своего существования заниматься различными промыслами. Среди других ремесел заметное место занимали гончарное и ткацкое производство. Первый вид ремесла особенно был развит среди ягнобских женщин, которые часть своих изделий сбывали в другие районы Кухистана, но местное гончарное производство далеко не полностью удовлетворяло, внутренние потребности и поэтому часть гончарных изделий привозилась из Самарканда и Ура-Тюбе [1, с. 178].

По словам автора «Дневника», в кишлаках Варзиминор, Урмитан, Пиниён (Фанское бекство – О. А.) имелась хумдон (гончарная печь), где приезжающие из Самарканда, Пенджикента и Ура-Тюбе гончары приготавливали кувшины, чашки и другие гончарные изделия и продавали местному населению [2, с. 45-47].

Кроме того, столовая утварь горцев значительно пополнялась еще деревянными блюдами, вырезанными местными плотниками (табактарош). Они из дерева выделывали разно размерные блюда, ложки и половники. Такие специалисты были во многих кишлаках Кухистана.

Что касается ткачества, оно было значительно развито в Кухистане, почти в каждом кишлаке были специалисты по выделке различных хлопчатобумажных материй. Нужное сырье получали из шерсти своих баранов и хлопка, который привозили из Самарканда и Ура-Тюбе. Приготовленные местными ткачами чекмени, штаны, кошмы и др. изделия, кроме удовлетворения внутренней потребности,

сбывались на соседних базарах. В зимнее время во всех почти кишлаках этих земель (Марианских) жители занимаются приготовлением маты (грубая, бумажная ткань), которую поставляют на базары Пенджикента и Ургута [15, с. 47]. Особенно широкое развитие получило ткачество в Матче, где даже часть хераджа сдавалась матой [3, с. 73].

Исключительно бедное население Кухистана занималось промывкой золота на реке Зеравшана. Бедняки, организуя артель из четырех-пяти человек, в свободное от сельскохозяйственных работ время, промывали золото. Такая работа по своему характеру была исключительно трудной и малопродуктивной. Счастливой считала себя та артель, которая в течение своего дневного труда намывала 1 тилло (золота) (4 рубля). Эти скудные заработки бедняков не остались в стороне от бекских поборов. Каждая артель должна была платить беку определенную пошлину [14, с. 138].

Большое экономическое значение имело разработка различных минеральных богатств. Широко было распространено добывание квасцов, серы и нашатыря среди жителей некоторых кишлаков чешского бекства. Как упоминает А. П. Федченко, места, где добывались нашатырь веру, составляли правительственную регалию. Здесь со времени бухарского владычества назначались кондон, которые наблюдали за неприкосновенностью этих мест. Но жителям окрестных кишлаков предоставлялось право за определенную плату заниматься добыванием нашатыря и серы. Сера, осаждавшаяся на горе Канта, расположенной против вельния Работ, делалась по трещинам горы и собиралась в твердом виде на камнях. Она добывалась и в других местах Фана и Фалыгара.

Земля, пропитанная серой, привозилась жителям и употреблялась для приготовления квасцов. Осадки особенно увеличивались в зимние периоды. В продолжение трёх зимних месяцев, партия из 5 человек добывала до 50 пудов квасцов, которые продавались на месте скупщиками по цене от 3р. 20к. до 4р. за пуд или же вывозились на Пенджикентский базар [6, с. 203].

Известное место среди разработок минеральных богатств занимало добывание нашатыря. По сведениям А. Гребенкина ежегодное приготовление его в Фане равнялось 2000 пудам, что составляло около 10000 рублей [3, с.73-74]. За разработки этих минералов население должно было ежегодно вносить в казну свыше 500 рублей.

Среди других промыслов следует отметить лесной промысел, который был широко распространен среди малоземельных и безземельных крестьян Кштута, Магиана и Фалыгара. К этому промыслу относится продажа дров, приготовление рукояток для сельскохозяйственных инструментов, выжигание угля из можжевельника и т. д. Выжигание угля было настолько развито, что жители этих районов обеспечивали не только кузнечные мастерские Ургута, Пенджикента и Самарканда, но в большом количестве сбывали его в Бухаре. Также в некоторых кишлаках в большом количестве, изготовляли особого рода деревянные гвозди, которые шли на подбивку местной обуви, и сбывали их в Бухаре, где они считались основными поставщиками этих гвоздей [7, с. 48].

Кроме перечисленных, в Кухистане несомненно были еще другие виды ремесел, но скудность сведений не позволяет специально остановиться на них.

Из всего, что было упомянуто, можно сделать вывод, что в Кухистане были распространены такие промыслы, которыми занимались исключительно бедные слои населения, а продукцию своих изделий продавали главным образом за его пределами.

Таким образом, несмотря на многоотраслевой характер ремесла в Кухистане, его недостаточно чтобы удовлетворить внутренние потребности. Поэтому часть необходимых предметов привозили из соседних районов, с которыми существовала прочная торговая связь. Мустанджир в нескольких местах своего «Дневника» упоминает, что население верховьев Зеравшана разные чугунные и гончарные изделия привозит из Самарканда и Ура-Тюбе [1 с. 148].

Теперь, следует кратко характеризовать налоговую политику и систему сборов податей времен последних беков Кухистана. Согласно утверждению Л. Н. Соболева, херадж с обрабатываемых земель верховьев Зеравшана взимался двух видов: *хирадж* – *мекосимо* соразмеряемой с урожаем и *хирадж* – *мекосимо* определенная и постоянная [6, с. 216-217]. Последний вид сбора был преобладающим. Как правило, хирадж взимался в размере одной пятой части урожая. Одако в пределах Кухистана, херадж взимался на совершенно другой основе, чем других районах Средней Азии.

Трудовое население Фальгарского и нижнее Матчи херадж платило по 1 тенге с каждого батмана поливного участка. По сведениям, Мустаджира общая сумма хераджа с верхние сады Фальгара равнялась 3500 теньгам и 2000 теньгам с нижние сады Матчи. Со всех кишлаков верхние Матчи (от кишлака Хайрабада выше – О. А.) херадж взимался матой. Население указанных кишлаков платило 3900 газ карбаса (хлопчатобумажной ткани) [1, с. 107]. С каждого батмана поливной земли. Трудовое население платило по 2 тенге, Кштута - по 8 тенге херадж со всего Ягноба поступал в размере 2000 тенге [1, с. 207]. Кроме хераджа с населения Кухистана взимали еще ушр т.е. десятину. Как при сборе хераджа, так и при сборе ушра не обращалось никакого внимания на положение народа, на размер сева, урожайность и не обрабатываемость земельных участков.

Другим видом сбора был закят, который согласно мусульманскому законодательству, взимался с таким расчетом: с 40 голов мелкого скота один баран или козу в закят, с 101 - два, с 201 - три и т.д. Поэтому чем больше было хозяйство, тем оно меньше платило закят и наоборот [16, с. 284-295].

По подсчетам А. Гребенкина сумма хераджного сбора по четырем бекствам верховьев Зеравшана (Фан, Ягноб, Матча и Фальгар) равнялась 3р. 60к., а коза — 2р. 50к., но беки предпочитали устанавливать, одинаковую цену для баранов. То же самое при сборе закята один баран приравнивался 3 р. 60к., а коза - 2р. 50к., но беки предпочитали устанавливать, одинакова цену для баранов и для коз[3, с. 74].

В Магиане в Фаробе иногда херадж взимался натурой. Оба эти бекства по сведениям, собранным А. П. Федченко от Шадибека, в переводе на деньги платили 3865 рублей хераджного сбора. В Кштуте в большинстве кишлаков существовал не хераджный сбор с *коштули*. Кошом (33 танаб) в Кштуте называлось количество земли, которое в состоянии было обрабатывать одно середняцкое хозяйство, имеющее пару волов. Каждый кош платил по 4 рубля, всего коштули в Кштуте равнялся 1025 рублей. Кроме того, имеющие пару волов должны были платить по 4 тенге [1, с. 235].

Закят всех трех бекств (Фароб, Магиан и Кштут) достигал 3200 рублей [7, с. 50].

Перечисленные сборы, конечно, далеко не полностью охватывают многочисленное повинности населения. Нет также сведений о системе сборов и взяточничества бекских чиновников. Поэтому многие вопросы пока остаются нераскрытыми.

Таким образом, из всего сказанного можно заключить, что верховье Зеравшана до присоединения к России (т. е. 1870 г.) было раздроблено в политическом отношении на несколько бекств и никогда не было прочно объединено в один центр. В начале XVIII столетия все бекства Кухистана были почти самостоятельными. Затем, в конце этого же века они попали в зависимое положение от Ургутского, Гиссарского и Ура-тюбинского бекство.

В начале XIX века вся, долина Зеравшана, было присоединена к Бухарскому ханству, однако этого обстоятельство ничуть не изменило политической раздробленности страны, которая была до присоединения к России и оставалась таковой. Господство одного бека – завоевателя, заменялось другим.

Такое шаткое политическое положение крайние отрицательно влияло на состояние народного хозяйства, препятствовало росту производства края. Об этом, в частности, свидетельствует заброшенность ряда ирригационных сооружений в первой половине XIX века, орошавших 42370 танабов участков земли.

Литература:

1. Мустаджир А. Дневник Искандеркульской экспедиции (рукопись) / Мустаджир. А. // Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения РАН. – Док. 133–134. – 711 с.
2. Мустаджир А. Рӯзномаи сафари Искандаркӯл. // М. Абдурахмон [Подг. к изданию: Аълохон Афсаҳзод и Мирзо Муллоаҳмадов]. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 176 с.
3. Гребенкин А. Д. Заметки о Кухистане / А. Д. Гребенкин // Материалы для статистики Туркестанского края / Ежегодник. – СПб. Вып. 2. 1873. С. 71–83.
4. Магианская, Фарабский и Кштутский владения. / Материалы для статистики Тур. карая. / Ежегодник, вып. 2. СПб. 1873. С. 46-47.
5. Шишов, А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Ч. 1. Этнография. – Ташкент, 1910. – 324 с.

6. Соболев Л. Н. Географическая и статическая сведения о Зеравшанском округе с приложением списка наследнике мести округа по статистике, т. IV /Л. Н. Соболева. – Санкт-Петербург: Императорской Академии Наук, 1874. – 561с.
7. Федченко, А. П. Заметка о верхнем Зеравшане /Федченко А. П. //Материалы для статистики Тур. карая/ Ежегодник, вып. 2. СПб. 1873. С. 49-52.
8. Эшонкулов, У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе, 2007, – 849 с.
9. Хорошкин, А. П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края.– СПб., 1876. – 531 с.
10. Арандареко Г. А. Заметки об ирригации в нагорных тюменях Зеравшанского округа/ Арандаренко Г. А.// Туркестанский ведомости. -1876.- № 54.
11. Федченко А.П. Заметки о Магианском бекстве / А. П. Федченко // мат. для стат. Тур. края. вып. 2. – СПб., 1873 С. 53-67.
12. Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане 1874-1879/Г. А. Арандаренко. - СПб.: М. М. Стасюлевича, 1889. – 666 с.
13. Федченко А. П. Карис. / А. П. Федченко /Материалы для статистики Тур. карая./ Ежегодник, вып. 2. СПб. 1873. С.141-143
14. Мишенков, Д. К. Геологические заметки из дневника по экспедиции в верховья Зеравшана/Д. К. Мишенков // Материалы для статистики Туркестанского края /Ежегодник. – СПб. Вып. 2. 1873. –С.133–139.
15. Федченко, А. П. Магианские, Фарабские и Киштутские владения / А. П. Федченко // Мат. для стат. тур. края. вып. 2. – СПб., 1873
16. Хорошкин, А. П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края.– СПб., 1876. – 531 с.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЕРХОВЬЕВ ЗЕРАВШАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

В данной статье автором рассмотрены проблемы жизни и занятости населения верховьев Зеравшана в «Дневнике Искандеркульской экспедиции» Абдурахмана Мустаджира и другие источники. В «Дневника» наряду с пробными отражении цель и задачи данной экспедиции. Автор особое внимание уделяет жизни, традициям и социально-экономическому положению населения верховья Зеравшана в «Дневника». По этому «Дневника» А. Мустаджир является важными историческими источником для изучения социально-экономического положения Зеравшанского кухистана, второй половины XIX века.

Ключевые слова: Кухистан, Верховьев Зеравшана, зякот, Хирадж, Замини амлок, Замини мири, Замини хироджи, вакф, Мулки хурияи холис, мулки мероси, мировские земли, мулконные, хури холиские, херадж, ушр.

SOCIO-ECONOMIC STATUS HORSE ZARAFSHAN IN THE SECOND HALF OF XIX-EARLY XX CENTURIES

This article is devoted to the analysis of the reflective problems of life and employment in the upper reaches of the Zarafshan «Diary Iskanderkul's expedition» Abdurahman MustadzHIRa. In «The diary of ...» along with the trial reflected the purpose and objectives of this expedition author pays special stapling life, traditions and socio-economic status and the population of the upper Zarafshan this «The diary of...». On this «Diary ...» A. MustadzHIR is an important historical source for the study of the socio-economic situation Zaravshan's Kuhistan in the second half of the XIX century.

Keywords: Mountainous places, Zarafshans top district, zyakat (religious term), khiraj, the Lands of amlak, the Lands of mir, khiraji, vakf.

Сведения об авторе: Одинаев Абдумавлон Назирович, аспирант Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан, e-mail: abdumavlon1987@gmail.com

About author: Odinaev Abdumavlon Nazirovich, post-graduate student of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, e-mail: abdumavlon1987@gmail.com

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХОРОГСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ПАМИРА

Исмоилов Ё., Мирзоаширафов П.

*Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни
Хорогский государственный университет имени М. Назаршоева*

Энергетический отрасли Республики Таджикистана в основном формировалось и набирало темп развития в период советской власти. В связи с этим, если учитывать значение строительства Хорогской ГЭС имени В. И. Ленина для Памира, то здесь нужно отметить несколько факторов.

Согласно общим планам АН СССР летом 1930г. на территории Таджикистана вела работу Таджикская экспедиция Академии наук. В мае 1930 г. в связи с решением АН СССР о направлении на Памир новой экспедиции было проведено заседание подготовительной комиссии при Совнаркомом Таджикской ССР. Комиссия одобрила организацию экспедиции АН СССР в Таджикистане для обследования ресурсов его горных районов. Основные задачи этой экспедиции вытекали из работ Таджикской Памирской советско-германской экспедиции 1928г. и фактически являлись ее продолжением. Работа экспедиции тесно увязывалась с разведочными работами горно-химического треста на сурьму и ртуть, а также со специальной геохимической экспедицией Академии наук для изучения пегматитов щелочных и кислых пород Туркестанского и Алайского хребтов. Цель экспедиции сводилась, прежде всего, к изучению ртутных месторождений Хайдаркана, Бирксу, Сымап, а также к изучению щелочного массива и его контактной зоны у истоков в Джилису. В качестве вспомогательных работ, необходимых для осуществления этих заданий, было намечено определение шести астрорадиопунктов в верховьях. Для практической реализации и развитие промышленности республики, особенно в ее горной части остро не хватало гидроэнергетика.

Во-вторых политическая ситуация того времени требовало дальнейшего усиления советской власти на Памире и укрепления государственных границ. Здесь проходила граница СССР с двумя крупными государствами, такие как Афганистан и Китай. В обеих странах работали английские и немецкие агентуры, которые изучали слабые стороны границы СССР в особенности на Памире. Поэтому для дальнейшего укрепления этого региона и увеличение рабочего класса города Хорога было принято приоритетное решение о строительстве Хорогской ГЭС имени Ленина.

В-третьих строительства Хорогской ГЭС имени Ленина имело экономическое значение. С экономической точки зрения развития энергетики могла дать толчок развитию других отраслей Горного Бадахшана. Трудное географическое положение, недоступность и изоляция Памира стали причиной того, что здесь в отличие от других областей Таджикистана была очень слабо развита отрасль промышленности. До 1935 года на Памире отсутствовала всякая форма промышленного производства, и причиной этому было отсутствие дороги и инфраструктуры в этом регионе. Сюда не поступали товары, сырьё, средства производства и даже производимые здесь товары невозможно было вывезти за пределы области в больших производственных масштабах.

Но для освоение Памира и развитие отраслей промышленного производства требовалось начало ввода в эксплуатацию трёх самых важных объектов Горно-Бадахшанской автономной области. Прежде всего, это ввод двух важнейших трасс – Ош Хорог, Душанбе – Хорог и строительство Хорогской ГЭС. Финансовый фактором строительства Хорогской ГЭС является дальнейшее увеличение доходной части бюджета области с целью уменьшения дотации из республиканского бюджета.

В-четвертых, строительства Хорогской ГЭС имени Ленина имело социальное значение. Сдача в эксплуатацию этого объекта имело огромное значение для жителей Памира. Только в 1938 году на стройке ГЭС Хорог участвовали 1000 человек. Даже подростки 15-16 лет приходили на этот участок и учились работе у русских специалистов. Именно так началась путь одного из лучших энергетиков Памира Ватаншо Каландарова. В возрасте 15-16 лет Ватаншо, Мирзо и Алигул наблюдали за работой русских специалистов на строительстве ГЭС Хорог. Тогда русские специалисты предложили им работать бесплатно как ученики при электромонтеров на стройке. В последствие Ватаншо показал себя хорошим специалистом и 25 лет работал

электромонтером. Первым директором Хорогской ГЭС был Н. Гвоздев. Также на ГЭС имени Ленина работали В. Н. Грозин, Г. Э. Глухов, П. И. Романовский, Поздняков В.П., Ахмедгараев Х., Норенко Л. и другие русские специалисты, которые обучали местные кадры этому новому виду работы. Для подготовки местных кадров была открыта школа электромонтеров при ГЭС имени В. И. Ленина [5]. В 1960 году после ухода на пенсию Гвоздева П.Г. Ватаншо Каландаров стал директором ГЭС имени Ленина [6].

Также повысился уровень жизни, как работников строительства, так и тех отраслей которые зависели от энергетики. Так для нужд работников ГЭС построены такие важные социальные объекты как столовая, ларек, Красный уголок, жилые дома, также повысился уровень деятельности тех отраслей которые зависели от энергетики.

Строительства Хорогской ГЭС имело также научный и экологический значение для этого горного края. Прежде всего было частично приостановлено вырубка лесов и приостановлено дальнейшего опустынивания лесных участков Памира. Здесь, прежде всего, нужно отметить тот факт, что, несмотря на трудные условия Памира, большой вклад в решения экологических вопросов и последствий вырубки лесных участков для топки домов внесли ученые страны. Именно благодаря научному подходу к этим вопросам был вызван строительства ГЭС в городе Хороге.

В 1941 году на Памире уже работало 9 метеорологических станций, которые передавали сообщения об уровне вод, о сходах лавин, движении ледников, безопасности озёр, погоде для авиации и другие сообщения. Две станции работали на леднике Федченко и на Сарезском озере. Всё необходимое оборудование и питание доставляли на эти станции караванами, которые ходили только в летнее время. В зимний период связь со станциями держали только по рации [7, с. 28].

В 1941 году учёный Российской Академии наук С. И. Клуников составил рукописную сводку по полезным ископаемым Юго-Западного Памира. В 1941-ом году Клуников С. И. находился в составе комиссии по строительству ГЭС, давая свои заключения по использованию воды с канала ГЭС для орошения земель в городе Хороге [3, л. 21]. В 1943 году он составил свою схему тектонического районирования Памира [3, л. 102]. В ходе составления тектонической карты Памира учёный Губин И. С. впервые разделил Памир на Центральный и Юго- Восточный Памир [4, с. 7]. Именно благодаря этим исследованиям в дальнейшем были составлены карты рек Памира и уровень их энергетического потенциала.

В марте 1941-го года Указом Президиума Верховного Совета СССР станции было присвоено имени В.И. Ленина. К концу 1945 года, сразу после войны Хорогский ГЭС работал по полной проектной мощности и обеспечивал жителей города Хорога электроэнергией для обогрева и освещения домов. Жители использовали плитки электропечи другие приборы для домашнего пользования. В этот период ещё не все хозяйства были обеспечены счётчиками, и поэтому Абонентный отдел Хорогской гидроэлектростанции имени Ленина установил проверку мощностей бытовых токоприемников на 30 января 1949 - го года по следующим показателям: электроплитки-1000 ватт, кипятильник-1200, утюг-410 ватт и электропечка-3000 ватт [1, л. 65]. Но мощности данной станции не отвечали требованиям растущего с каждым годом экономики и народного хозяйства Горно-Бадахшанской автономной области. Поэтому Хорогская Гидроэлектростанция имени Ленина в конце 40-х годов, активно работала над обновлением и увеличением своих производственных мощностей. С этой целью Министерством Коммунального хозяйства Таджикской ССР во главе Юсуповым К. А., по предложению Директора Хорогской гидроэлектростанции имени Ленина Солдатов А. был оформлен заказ в завод «Электросила» города Ленинграда, на изготовление 30 секций статических обмоток для генераторов типа С 148-8, которые были доставлены в город Хорог в ноябре 1949 года [1, л. 65].

В последующие годы ГЭС Хорог продолжала реализацию своей продукции. Только в январе 1949 года реализации электроэнергии составило 83 300 рублей. Выработка электроэнергии при плане 5420 тысяча кВт часов составила 5 582 тысяча кВт часов электроэнергии выполнение, которого составила 103%. Себестоимость электроэнергии составила 27 копеек за 1 кВт часов [2, л. 54]. План затрат составил 134 тысяч рублей но при отчетах выяснилось что затраты повысились на 22 тысяча рублей. Именно поэтому были повышены тарифные цены на 2,8 копеек. Перерасход был достигнут за счет расхода на материалов и расхода на топливо что способствовало

повышению цен на электроэнергию [2, л. 59]. Горно-Бадахшанские сети обслуживали более 10 259 абонентов на территории ГБАО [2, л. 59].

План затрат составил 134 тысяч рублей но при отчетах выяснилось что затраты повысились на 22 тысяча рублей. Именно поэтому были повышены тарифные цены на 2,8 копейки. Перерасход был достигнут за счет расхода на материалов и расхода на топливо что способствовало повышению цен на электроэнергию [2, л. 59]. Горно-Бадахшанские сети обслуживали более 10 259 абонентов на территории ГБАО. Из них 6289 абонентов составляли частные лица, 2750 абонентов организации, 220 абонентов колхозы и 1000 абонентов прочие пользователи электроэнергии [2, л. 59]. Но не все потребители своевременно оплачивали электроэнергию, о чем свидетельствует обращение Дирекции станции к местным органам власти. Так 31 сентября 1949 года Директор Хорогской ГЭС имени Ленина Солдатов обратился с письмом к Председателю Облисполкома ГБАО Додхудоеву Назаршо, с просьбой принять меры по запрещению выезда граждан из города Хорога в связи не выплатой ими дебиторской задолженности по оплате за электроэнергию. В связи с тем, что много граждан выезжает и прибывает, то увеличилось сумма задолженности потребителей перед Хорогской ГЭС имени Ленина [1, л. 65].

Таким образом, эксплуатации Хорогской гидроэлектростанции в научное изучение природы, создание научно - исследовательских учреждений, социально-экономические развития ГБАО в советском периоде была очень велика.

Литература:

1. Государственный архив Горно-Бадахшанской автономной области (далее ГА ГБАО). – Фонд 1. – Описание 10. – Дело. 127.
2. ГА ГБАО. – Фонд 26. – Описание 2. – Дело 53.
3. ГА ГБАО Фонд 96. – Описание 1. – Дело 20.
4. Губин И. Е. Тектоника Памира и Тянь - шаня. – М., 1964.
5. Информлисток Pamirenergy. – Нур дар Бадахшон. – № 12. – Декабрь, 2009 г.
6. К дню энергетиков. - Нур дар Боми Чахон.- № 24.- декабрь 2011.
7. Юсуфбеков Х. Памир. – Душанбе, 1973.

НАУЧНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ХОРОГСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ПАМИРА

В данной статье авторы исследуют научно-историческое значение строительства Хорогской гидроэлектростанции для дальнейшего развития народного хозяйства ГБАО. В статье в основном рассматриваются результаты меры принятые руководства страны по улучшению условий жизни горного края, научного изучения природных ресурсов, и охране окружающей среды на Памире.

Ключевые слова: наука, историческое значение, энергетика, Памир, экология.

SCIENTIFIC AND HISTORICAL VALUE OF CONSTRUCTION OF HOROGSKY HYDROELECTRIC POWER STATION IN DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY OF PAMIR

In this article authors investigate scientific and historical value of construction Khorog's hydroelectric for further development of a national economy of GBAO. In article generally is considered results the measures taken the country leaders on improvement living conditions of the mountain region, scientific studying of natural resources, and environmental protection in the Pamir

Keywords: science, historical value, power, Pamir, ecology.

Сведения об авторах: Исмоилов Ёдгор, старший преподаватель, кафедры методики преподавания истории и права Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни, e-mail: ismoilov66@list.ru

Мирзоашрафов Пайрав, старший преподаватель кафедры истории таджикского народа Хорогского государственного университета им. М. Назаршоева, e-mail: pairavjon84@mail.ru

About authors: Ismoilov Yodgor, is the senior teacher of chair methods of teaching history and the law of the Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, e-mail: ismoilov66@list.ru

Mirzoashrafov Pairav, Senior teacher of the Chair of History of Tajik people History Faculty, Khorog State University named after M. Nazarshoev, e-mail: pairavjon84@mail.ru

РАЗВИТИЕ ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В 2000-2010 ГГ.

Хусайнов А. К.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Современная научная отраслевая литература по энергетическому комплексу Республики Таджикистан ориентирована на последовательное осуществление научно-обоснованных мер развития всех ее отраслей. Поскольку электроэнергетика, по своим темпам развития, пока не может обеспечить потребность народного хозяйства энергией, существует необходимость соблюдать принцип сохранения сбалансированности и взаимообусловленности производства угля, нефти, газа и других носителей топливной энергии.

До периода 2000-2010 гг. в Таджикистане были известны и, по мере возможности, изучены 36 месторождений и углепроявлений, потенциальные запасы, которых определены в 5 млрд. т. угля. В том числе, имеющие промышленное значение, бурые угли порядка 144,5 млн. т, коксующие – 904,9, каменные угли – 2292,7 и антрацит – 254,8 млн. т. [5, с. 19].

Известно, что в стратегическом плане уголь имеет большое значение не только в качестве топлива, но и является высокотехнологическим сырьем, способствующим ослаблению зависимости страны от импорта газа и нефтепродуктов. В годы советской власти в Таджикистане ежегодно добывалось более 900 тыс. т угля, а его годовое потребление в народном хозяйстве достигло 1,5 млн. т, поэтому недостающая часть угля доставлялась из других республик. Сразу же после распада СССР доставка угля извне прекратилась. К тому же Таджикистан погрузился в трагический водоворот политических событий и до 2001 г. наблюдалось резкое снижение добычи угля. Из всех шахт только шахты «Фон-Ягноб» и «Шураб» добывали в год 26 тыс.т. угля [1, с. 47]. После того как стало нормализоваться политическое положение в республике потребность народного хозяйства и населения в этом виде топлива резко увеличилась. Так в 2007- 2010 гг. она поднялась с 100 840,0 до 399 672,3 тонны, т.е. [4, с. 80] почти в четыре раза. Что же касается нефтегазовой отрасли, то в годы Советской власти эта отрасль, как отрасль промышленности, добывающая энергию для производства и быта людей, еще не сформировалась. В этот период в республике в этой области осуществлялись лишь геологоразведочные работы.

Исходя из этого, Правительство Республики Таджикистан в принятых мерах по развитию большой гидроэнергетики стало обращать внимание и на восстановление производства угля, и на перспективное развитие угледобывающей промышленности, организацию разведочных работ по выявлению месторождений малой гидроэнергетики, нефти и газа, и на использование нетрадиционных источников энергии. Все это, определено в основополагающем документе «Концепция развития топливно-энергетических отраслей Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов». Затем с целью развития и регулирования государством развития перечисленных и других отраслей энергетики были приняты соответствующие документы, такие как «Целенаправленная программа на 2005-2010 годы», «Концепция развития отраслей топливно-энергетического Комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов»; Закон Республики Таджикистан «О даче разрешения некоторым видам деятельности»; Постановление Правительства РТ от 15 августа 2009 г. №400 «Об утверждении правил проведения конкурса на право использования подземных богатств Республики Таджикистан» [4, с. 81]. Правительством были разработаны для соответствующих госучреждений Правила разработки залежей угля и недр земли, Правила обеспечения технической безопасности в процессах производства и проведения геологических исследований. Для обеспечения нормированного и упорядоченного осуществления этих мер было принято множество законов и разработаны законодательно-правовые нормы [4, с. 81].

В эти же годы осуществлялись целенаправленные меры по увеличению добычи угля, нефти и газа. В добыче угля с 2001 г. применялся метод выемки залежей и до 2010 г. число таких предприятия увеличилось до 12, а число общих действующих предприятий достигло 16, из которых 10 являлись частными [1, с. 47].

В эти годы поочередно внедрялся метод открытой разработки: в 2001 г. на залежах Раштского района, в местности Шикор-Хона «Назар-Айлока», в Тевилдаре – на залежах «Миенаду», в Варзобе – в восточной и западной частях залежей «Зидди», в Вахдате на залежах «Сайёд», в 2002 г. на залежах «Шурабад». В 2003 г. разработки открытого типа начались на залежах Шахринав, Хакими, Чашмаи-Санг, в 2004 г. в Турсунзаде, в 2005 г. в Пенджикенте на месторождении «Магян» [4, с. 81].

Из-за отставания модернизации шахтного фонда для создания новых эффективных мощностей по добыче угля, частично обрабатывались запасы, которые в мировой практике были отнесены к некондиционным по качеству угля. Отработка таких запасов экономически была нерентабельна, но осуществлялась по необходимости. К ним относились месторождения Хакими, Тошкутан, Чашмаи-Санг, Равнов, Шурабад и др.

Производственно-техническая база угольной промышленности в основном была невысокой. Значительное отставание наблюдалось в подземной добыче угля. Требовало улучшения состояние карьерного фонда, обеспечивающего 70% общей добычи угля. Производственные мощности использовались лишь на 40-50%. Учитывая трудности, Правительство РТ для развития добычи угля в соответствии с Концепцией развития отраслей Энергетического Комплекса РТ на 2003-2015 гг. за 2003-2010 гг. выделило угледобывающим предприятиям финансовую поддержку в размере 5,133 млн. сомони и 1, 220 млн. сомони для проведения геологоразведочных работ [1, с. 47-48].

Это значительно подняло способность предприятий увеличить добычу угля. В 2007 г. его добыча увеличилась до 164,7 тыс. т, или более чем в 8 раз, по сравнению с 2000 г. На выделенные Правительством деньги предприятиями было приобретено 178 наименований карьерной техники.

В эти годы в угольной промышленности республики увеличилось привлечение инвестиций ряда иностранных компаний. Проявили серьезные интересы специализированные фирмы России, Казахстана, Англии, Америки, Индии, Южной Кореи, Китая и других стран. Они финансировали более 10 млн. долларов США в разработку месторождений Зидди, «Назар-Айлок» и Миенаду. Китайская фирма «SMES» разрабатывает техническую документацию строительства ТЭЦ мощностью до 300 МВт на базе углей Шурабского месторождения, с целью последующего возведения объекта. На базе месторождения Сайёд планировалось сооружение завода по разработке угля – 275,0 тыс. т в год, с целью получения искусственных жидких и газообразных видов топлива, а также создания на этой базе ТЭЦ мощностью 45 МВт. Также были начаты работы по возведению ТЭЦ «Душанбе-2» мощностью 270 МВт на базе углей Зиддинского месторождения [5, с. 21].

Правительство республики развернуло работу по повышению заинтересованности частных инвесторов внутри страны и зарубежных инвесторов в деле разработки угольных месторождений и строительстве новых тепловых электростанций в непосредственной близости от этих месторождений, а также в реконструкции существующих ТЭЦ для перехода на угольное топливо. По результатам были получены письма выражающие заинтересованность от более чем 10-ти известных фирм.

На этой основе МЭП республики организовало конференцию заинтересованных инвесторов, двусторонних доноров и международных финансовых организаций 29 мая 2007 г. в городе Душанбе, где были приняты конкретные договоренности по планам и возможностям инвесторов, двусторонних доноров и международных финансовых организаций.

Сразу же Агентство США по торговле и развитию в июле 2009 г. начало финансирование разработки «Технико-экономического обоснования по компоненту добычи угля для предлагаемого проекта угольной электростанции «Фон-Ягноб» в Таджикистане» на базе Фон-Ягнобского угольного месторождения. Все эти и другие работы по привлечению иностранных инвесторов дали желательные результаты в проектах 2010-2015 годов.

Согласно сведениям отчетов МЭП РТ, в 2007 г. добыча угля составила 164 603 т., что являлось на 59 тыс.739 т., или 60,0 % больше чем в 2006 г. [2, с. 7].

А в 2010 г. ее темп вырос на 129,2% [3, с. 11]. Однако потенциал и производство угольной промышленности не удовлетворяло потребности народного хозяйства республики. Поэтому Таджикистан покрывал дефицит угля за счет его импорта. Было куплено по валютной цене в 2005 г. - 3130,0 т., в 2006г.-2082,0, в 2007 г. - около 6000,0, в 2008 г.-1 800,0, в 2009 г.-3 690,0 и в 21010 г. – 6 700,0 тонн [6, с. 431].

Значительные успехи были достигнуты и в нефтегазовой отрасли. Уже в 2006 г. на карте республики обозначались 25 открытых нефтегазовых месторождений, промышленные запасы которых по прогнозам составляли: по нефти -37,59 млн. т.; начальные извлекаемые запасы – 10,00 млн. т., добыто на 1 января 2006 г. 7,47 млн.т. и остаточные извлекаемые на эту дату составляют – 2,526 млн.т. По газу: начальные балансовые запасы – 16,4 млрд. куб. м; начальные извлекаемые запасы – 10,96 млрд. куб. м., добыто на 1 января 2006 г. 7,4 млрд. куб. м. и остаточные извлекаемые на эту дату составляют - 3,56 млрд. куб. м. [5, с. 30]. Эти сведения, можно сказать, являются утверждающим фактом формирования нефтегазовой отрасли в Энергетическом Комплексе Таджикистана.

Чтобы обеспечить устойчивое развитие нефтегазовой промышленности в «Концепции развития отраслей топливно-энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015 годов» предусматривалось гораздо большее финансирование этой отрасли, но конечно же с привлечением собственных и зарубежных инвесторов. Задачи являлись более приоритетными в случае восстановления нефтепромыслов Юга и Севера республики, создания нефтегазоперерабатывающих мощностей, проведения геологоразведочных работ на перспективных площадях Ренган, Ялгызкак, Саргазон, Каракум, Восточный Супетау и т.д.

Для выполнения этих задач были привлечены ОАО «Газпром» РФ, Международная ассоциация «Куляб Петролеум Лимитед», Индийская ассоциация «Марвис ПТЕ ЛТД», Таджикско-Швейцарская ассоциация «Сомон Ойл», Таджикско-Австрийская ассоциация «Петролеум-Согд».

Так, из бюджета ассоциации «Куляб Петролеум Лимитед», на основе Соглашения по распределению продукции, с 13 июня 2008 г. начались бурения скважин №9, на площадке Восточный Алимтай, где шли изыскательные работы. Глубина бурения до 15 августа 2011 г. достигла 3 765 м. Одновременно со стороны названной ассоциации велись сейсмологические работы в юго-западной части республики.

На площадке Саргазон и Сарикамыш работы по бурению скважин глубиной до 6 300 м. за счет фонда ОАО «Газпром» РФ начались в декабре 2010 г. Ассоциация «Сомон Ойл» вела сейсмологические работы на площадках «Овчи Калачи», «Навобад» и других местах Согдийской области.

Сингапурская ассоциация «Марвис» совместно с ассоциацией «ЭДГО» завершили сейсмологические работы по изучению мелных пластов на площади Кызылтумшук. Здесь запасы газа определены до 5 млрд. куб. м. [4, с.65-66].

По необходимости были сданы в аренду большие нефтяные месторождения «Кичикбел», «Акашадыр», Восточный «Кум» обществу «Салоса» и месторождение «Шоамбари» - обществу «Азиз». В результате добыча нефти на трех первых месторождениях увеличилась с 3-4 до 25-27 т. в сутки, а на Шоамбаринском месторождении составила 4-5 т.

В этом направлении действовали также отечественные организации «Нафтугаз ва ангишт», фирмы «Сугднафтугаз», «Пармакунии чануби», общества «Салоса», «Азиз», «Шохон» и «Хасан ва К».

В целом, этими организациями и обществами были проведены следующие комплексные работы: определенные геологические и геофизические обследования, бурения и т.д. почти на всех старых и новых скважинах, местах залежей и нефтегазовых площадях, как на Севере, так и на Юге республики.

Применение этих и других мер способствовало тому, что к 2001 г. удалось остановить тенденцию падения добычи нефти и даже добиться ее увеличения. Примером чего, является рост добычи этого важного для экономики страны сырья с 16 200 т. в 2001 г. до 27 200 в 2010 г. Только на готовых к добыче залежах нефти, ее добыча увеличилась на 11 тыс. тонн [4, с. 66]. Динамика роста добычи нефти, вместе с газовым конденсатом на 25 залежей, имеет следующие показатели: в 2005 г. – 21,7 тыс.т, в 2005 г.- 23,7, в 2007 г. – 25,9, в 2008 г. – 25,8, в 2009 г. – 26,2 и в 2010 г. 27 тыс. тонн [7, с. 92; 4, с. 69].

В отчетах руководителей МЭП этот процесс освещается так: « Добыча нефти в 2006 г. составила 22 383 т., в 2007 г. - 26 051 т. Из 26 061 т. добытой в 2007 г. нефти 14 747,1 т. предприятием Общество «Нафтугаз ва ангишт» были переработаны на отечественных заводах и из этой нефти было получено продукции (бензин, дизельное топливо, мазут и

битум) на 7 460,7 т. больше чем в 2006 г. К тому же, названное общество завезло в республику в 2006 г. 3 761 т. и в 2007 г. -3 470 т. нефтяной продукции. В 2007 г. производилось топлива на 683 тыс.Гкал или на 40% больше чем в 2006 г. [2, с. 7].

За 9 месяцев 2009 г. добыча нефти увеличилась на 900 т., с ее переработки на отечественных заводах было получено мазута - 2 271,8 т., дизельного топлива – 769,3 т., бензина - 110,2 т.

За этот же период 2010 г. темп развития топливной отрасли поднялся на 127,1% . В том числе добыча нефти увеличивалось на 111,2%, а ее переработка - на 154,7% [3, с. 11].

Следовательно, в 2000-2010 гг. наступила полоса устойчивого подъема топливной энергетики. Увеличилась добыча угля и нефти, с переработкой их на отечественных заводах. Однако, в последние годы названного периода уже наблюдается начало тенденции спада добычи нефти и газа. Это является следствием закономерного уменьшения запасов нефти, газового конденсата и неготовности к добыче новых обследованных залежей.

Литература:

1. Абдурахимов Б.А., Охунов Р.В. Угольная промышленность Таджикистана: сырьевая база, состояние и перспективы развития. – Душанбе: «Недра», 2011.
2. Журнал. «Неру». – 2008. - № 1.
3. Журнал. «Неру». – 2010. - № 10.
4. Самараи истиклол. – Душанбе, 2011.
5. Современное состояние и перспективы энергетики Таджикистана. – Душанбе, 2010.
6. Таджикистан: 20 лет государственной независимости. Статсборник. – Душанбе, 2011.
7. Тоҷикистон дар рақамҳо (Таджикистан в цифрах). – Душанбе, 2011.

РАЗВИТИЕ ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В 2000-2010 ГГ.

В данной статье вкратце освещается деятельность Правительства Республики Таджикистан по развитию топливной промышленности и формированию в ней нефтегазовой отрасли в 2000-2010 гг. Особое внимание Правительство уделяет развитию угольной промышленности, т.к. уголь имеет большое значение не только в качестве топлива, но и является высокотехнологическим сырьем, способствующим ослаблению зависимости страны от импорта газа и нефтепродуктов. Были привлечены как собственные, так и зарубежные инвесторы. В результате принятых мер в 2000-2010 гг. наступила полоса устойчивого подъема топливной энергетики, но к концу этого периода наблюдается тенденция спада добычи нефти и газа.

Ключевые слова: экономика, топливно-энергетический комплекс, электричество, природные запасы, уголь, промышленность.

DEVELOPMENT OF FUEL INDUSTRY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN 2000-2010 YEARS

This article is dealt with the activity of the government of the Republic of Tajikistan on the development of fuel industry and formation of oil and gas branch in 2000-2010 years. The government pays a great attention to coal industry, i.e. coal has enough meaning not as a fuel but also is a high technology raw promoting the independence of the country from import of gas and oil products. Domestic as well as foreign investors were involved. In the result of taken actions in 2000-2010 years, a stable height of fuel energy has started but it is observed the tendency of the fall of oil and gas production.

Keywords: economy, a fuel and energy complex, an electricity, natural supplies, coal, industry.

Сведения об авторе: Хусайнов Ахмаджон Курбонович, кандидат политических наук, доцент кафедры всеобщей истории Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: hus.ahmad12@yandex.ru

About author: Husainov Ahmadjon Kurbonovich, PhD of Political Sciences, Associate Professor of the Department of General History, Tajik State Pedagogical University named after S. Aini, e-mail: hus.ahmad12@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ АРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПАМИРЦЕВ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ***Пирумшоев М. Х.**Российско-Таджикский (славянский) университет*

Одной из наиболее сложных проблем в историографии является выявление степени причастности населения Памира и Бадахшана к арийской расе. Особый интерес к данному вопросу проявляли русские исследователи.

Почти все русские исследователи, дипломаты, представители военных кругов, посетивших Среднюю Азию как до, так и после присоединения края к России, высказали единодушное мнение о том, что таджики как древнейшие аборигены данного региона, относятся к арийцам и индоевропейской расе.

Эту расово-антропологическую особенность таджиков заметили первые русские посетители Средней Азии, проявлявшие интерес к истории, жизни и быту местного населения еще задолго до присоединения края к России.

Е.К. Мейендорф, побывав в составе российской посольской миссии в Бухарском эмирате в 1820-1821 гг., с большой симпатией отзываясь о таджиках, пишет: «Бухарский народ разделяется на две основные группы: одна – победившая и господствующая, другая – побежденная и подчиненная. Первую составляют узбеки, вторую – таджики. Последние рассматривают себя как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы... Лицо таджика всегда выражает самые совершенные кротость и безмятежность... населения» [14, с. 103-105]. Такой характеристики таджиков в русской научной литературе ранее не встречалось. Что касается мнения автора о том, что только древние согдийцы являлись предками таджиков, то это исходит от его недостаточной исторической информированности о древних бактрийцах, харазмийцах, ферганцах, саков и других, из которых впоследствии сложился таджикский народ. Тем не менее, визуальное наблюдение привело его к заключению об антропологической неидентичности таджиков и персов. Он также пытался определить численный состав народностей и этнических групп в Бухарском эмирате. Согласно его приблизительным подсчетам (в Бухаре, как и в других странах средневекового мусульманского Востока, перепись населения, как противоречащая канонам шариата, не проводилась), по количеству населения первое место занимали узбеки, насчитывающие 1,5 млн., на втором месте таджики - 650 тыс. Этот показатель приведен без учета владений Восточной Бухары, еще не присоединенных к эмирату, где подавляющее большинство населения составляли таджики. Ценность информации Е.К. Мейендорфа заключается в том, что он, по сути, впервые ознакомил западноевропейских и русских читателей с таджиками.

«Вообще таджики, - пишет он, - хорошо сложены, их отличают густые черные бороды; по характеру - это веселые, остроумные деятельные люди, но легкомысленны, любят роскошь и торжественность обрядов». Г-н Перти относит персов к арийско-океанической расе, представителям которой, по его мнению, присущи следующие основные особенности: «Овальной формы головы, открытый лоб, выступающий нос; скулы на щеках либо небольшие, либо едва заметны. Глаза продолговатого разреза, часто голубые, волосы светлые, каштановые и черные, бороды густые, кожа более или менее светлая, на щеках румянец» [18, с. 70].

Ценные сведения о таджиках приводит член российского посольства К.Ф. Бутенева в Бухаре, посетивший эмират в 1840-1841 гг., Н.В. Ханьков.

Хотя членами посольства был собран «обширный и разнообразный материал для характеристики, как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения», но среди них особое место принадлежит труду Н.В. Ханькова «Описание Бухарского ханства и материалы, собранные А. Леманом по флоре и фауне ханства». Труд Н.В. Ханькова не потерял своего значения и по сей день, благодаря общему содержанию материала, объективности заключения и выводов автора по всем многообразным проблемам, вовлеченным в орбиту своего исследования.

Все это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. в русской историографии появляются более конкретные сведения о таджиках. Другими словами, к началу присоединения Средней Азии к России в востоковедческих кругах России уже появляется более четкое представление о таджиках. В этом плане немало сведений о таджиках проникало через работы западноевропейских путешественников, представителей дипломатических и разведывательных кругов.

Среди сведений, оставленных западноевропейскими путешественниками в середине XIX в. о таджиках, особый интерес вызывают сведения, приведенные А. Вамбери в своей книге «Очерки Средней Азии».

«Таджики, - пишет он, - которых называют остатками первоначального населения Средней Азии, теперь встречаются в наибольшем числе в Бухарском ханстве и Бедахшане. Кроме того, их много еще в городах Коканда, Хивы, Китайской Татарии и Афганистана...» [2, с. 315-316]. Далее А. Вамбери говорит о древности истории таджиков, их состоянии подчиненности узбекам и особо отмечает, что они стоят выше турок по своим духовным преимуществам.

«Таджики, первоначальные обитатели всех городов Средней Азии, встречаются здесь (имеет в виду в Бухаре – М.П.) в самом большом числе и потому Бухара единственное место, где таджик гордится своей национальностью. Он держится еще границ своего прежнего отечества, древнего Хорасана: на восток – Хотена (в Китае), на запад – Каспийского моря; на север – Ходшента, на юг – Индии». Далее, как бы указывая на трагическую историческую судьбу таджиков, он пишет: «Жаль, что народ этот, несмотря на всю свою древность и прежнее величие, дошел до высшей степени порочности и низости, и если принимать его за представителя Средней Азии, этой колыбели рода человеческого, то приходится иметь о ней весьма жалкое понятие» [3, с. 306].

До присоединения Средней Азии к России те разбросанные сведения, появившиеся в печати, в основном носили фрагментарные антропологические характеристики о таджиках. Присоединение края к России, несмотря на колониционную политику царизма, открыло широкий простор для исследователей в историческом и, в особенности, в этнографическом плане.

Одним из первых посетителей Средней Азии после присоединения был известный путешественник-естествоиспытатель А.П. Федченко. Свои впечатления, полученные от знакомства с таджиками, в том числе и горными, он передает следующими словами:

«Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор еще хорошо сохранили свой тип... Жители долин, напротив, смешались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом» [16, с. 39-40].

Ценные этнографические сведения о горных таджиках содержатся в работе востоковеда-индолога И. Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи» [15, с. 190]. В отличие от многих авторов, которые, посетив эту горную местность, в основном опираются на свои наблюдения, И. Минаев предпочитал основываться на сведения предыдущих авторов. Указывая на внешность бадахшанцев, он пишет: «Раса это очень красива; большая часть таджиков, если не все, говорят по-персидски и отличаются общительностью» [16, с. 190].

Среди авторов, оставивших довольно интересные сведения этнографического характера о горных таджиках второй половины XIX в., заметное место принадлежит Д.Л. Иванову. В своем довольно обширном докладе «Путешествие на Памир» [6, с. 205-256], прочитанном по частям на общем собрании Императорского Русского Географического общества 11, 20 апреля, 2 мая 1884 г., наряду с географическими, орографическими и другими проблемами, стоявшими в целях поездки этого естествоиспытателя на Памир в 1884 г., приводится немало подробностей и этнографического характера. После информации о памирских киргизах Д.Л. Иванов переходит к этнографическому освещению населения Западного Памира, главным образом жителей Дарваза, Рушана, Шугнана и отчасти Каратегина. Свои впечатления от наблюдения за таджиками указанных местностей он передает следующим образом:

«Взглянешь на таджика горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя» [6, с. 240].

Этнографические сведения касательно горных таджиков Памира, приводятся капитаном П. Кузнецовым. В своей довольно обширной статье «Памиры» [9, с. 1-21], давая подробности географического расположения местности, маршрутов, климатических условий, вкратце упоминает об этнической особенности памирцев. В частности, он указывает: «Жители западных Памиров таджики – народ арийского происхождения» [9, с. 13].

Население города Бухары, которое в основном составляли таджики, на Е. Маркова произвело такое впечатление:

«Народ в Бухаре – эта картина на каждом шагу; куда ни оглянешься – красавец на красавце, уж особенно дети и молодые мальчики. Сверкающие, как фарфор, и огнем горящие черные глаза среди матовой белизны слегка смуглого полного лица, с очень правильными чертами оттененные черной порослей молодых усов и молодой бороды, чувственные румяные губы сразу выдают вам прекрасный иранский тип таджика, коренного обитателя древней Трансоксаны или, так называемого в средние века, Мавар-ель-нагара», то есть «Заречья» [11, с. 394-395].

Наблюдая за таджиками Худжанда, автор свои впечатления выражает следующими словами: «Тип здешнего населения гораздо красивее, чем в Ташкенте и в других городах. Здесь все больше таджики или сарты, переродившиеся из таджиков... Благородный иранский тип своей белой кожей, своими мягкими прекрасными чертами лица, - сразу выделяются среди звероподобных физиономий монгольской крови, косоглазых, плосконосых, скуластых. Особенно красивы тут дети, девочки преимущественно. Они гораздо больше похожи на европейцев, чем эти злые коричневые старики в седых лохматых бородах, - очевидно, сарты киргизской крови, - что осаждают в эту минуту двери мечети. Женщин тут не меньше, чем мужчин; эти мнимые восточные «затворницы» без усталости снуют взад и вперед по базарам и улицам города, все укутанные в синие широкие плащи, закрытые совсем с глазами черными завесами» [11, с. 32-33].

Что касается его определения «племени славянского типа», то он пишет: «К ним нужно отнести часть населения северного Каратегина и Дарваза и часть горцев Вахана, в Южных Памирах. Говорят, в Вахиа-Боло, одной из областей Дарваза, тоже есть целые поселки горцев этого типа, но нам не пришлось быть там лично. Горцы эти отличаются светло-русскими, довольно часто рыжеватыми, волосами, голубыми и серыми глазами, и телосложением в высокой степени напоминают наших крестьян-великорусов» [12, с. 24].

Русский исследователь А.Н. Самойлович в своей работе «Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества» [17, с. 145], выражая уверенность в принадлежности таджиков к арийцам, писал: «Насколько мы можем проследить историю Средней Азии, оседлое население ее всегда принадлежало к арийскому племени, именно к иранской группе арийских народов. Была ли она колыбелью арийских племен, или арийцы пришли сюда из какой-нибудь другой страны, этот вопрос до сих пор остается еще спорным» [17, с. 34].

Особое место в этнографическом изучении таджиков занимает работа А. Шишова «Таджики» [20, с. 325]. Говоря о значении слова «таджик», он, также поддерживая мнение Н. Ханькова, пишет, что оно «происходит от персидского существительного тадж, корона и означает «коронован», «увенчанный» [20, с. 77].

Что касается происхождения таджиков, он, с уверенностью связывая их происхождение непосредственно от арийцев, пишет: «Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийские и иранские религиозно-этнические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось отсюда в разные стороны.

Одна из ветвей арийцев, состоявшая из последователей Зороастра, заняла Согдиану (страну между реками Аму и Сир), Маргиану (Мерв), Бактриану (Афганский Туркестан), Ариану (Иран) и все иранское плоскогорье, весь Иран, а также Ховарезм (Хиву). Арийцы, сохранившиеся в Туркестанском крае, известные в древности под именем таджиков, составляют коренное оседлое население бассейнов Аму и Сир-Дарьи, также как и Тарима в Восточном Туркестане» [20, с. 81]. Общую цифру таджикского населения в Центральной Азии он определяет в 1 890 000 [20, с. 91]. Последовательно приводя мнения предыдущих авторов, он пытается обрисовать

«наружные признаки таджиков». В целом, он дает те же описания, или отличительные их признаки в сравнении с кочевыми тюркскими племенами, которые давали русские и европейские исследователи, посетившие до него Среднюю Азию [20, с. 92-98].

Анализ наличия имевшегося археологического материала, накопленного в ходе раскопок, проведенных на Памире под руководствами А.Н. Бернштама (1946-1948, 1952 и 1956 гг.), В.А. Ранова (1956-1958, 1960, 1972 гг.), Б.А. Литвинского (1958-1961 гг.), А.Н. Зеленского (в 1957-1958 и 1962 гг.), А.Д. Бабаева (1958, 1960-1967, 1969-1975 гг.), М.А. Бубновой (1960, 1962-1966, 1970-1976, 1978-1984 и последующие годы до начала нового столетия) и В.А. Жукова (1972, 1974-1977, 1980 гг.) [7, с. 27-37], полностью подтверждает мнения исследователей о принадлежности таджиков Памира к индоевропейской расе.

Упомянув об истории утверждения мнения о происхождении индоевропейской расы, следует отметить его тесную связь со сложением на более научной основе языкознания в начале XIX в. Более пристальное изучение истории европейских языков в конце XVIII в. привело специалистов к убеждению о наличии сходства этих языков с санскритом. Это и стало толчком к утверждению мнения о едином истоке этих языков. В дальнейшем при выявлении сходных признаков групп европейских языков с авестийским, более убедительно подкрепила гипотезу о едином их происхождении. При этом, основываясь на сравнительно древнейшем происхождении санскрита и его месте сложения, была выдвинута идея об общности происхождения народов и местонахождения их прародины. Поэтому, исходя из той гипотезы, что в основе европейских языков лежал санскрит, первоначальные места обитания предков индоевропейских народов ученые стали искать в Индии.

В этом плане определяющим стало мнение видного немецкого ученого И. Роде. Согласно мнению А.М. Мандельштама, он (И. Роде – М.П.) в 820 г. впервые «доказал необоснованность господствовавшего до тех пор мнения, что первая область, сотворенная Ахурамаздой – Айрьянем Веджьо, находилась в Закавказье, и обосновал необходимость искать ее в Средней Азии. Основываясь на данных текста о холодном климате и последовательности перечисления областей, Роде помещал родину иранцев – Айрьянем Вэджьо в горной области, лежащей севернее и восточнее Согдианы».

Следует отметить, что мнение Роде было подхвачено и развито такими последующими исследователями как Риттер, Потт, Шлегель, Лассен [25, с. 436] и др. Это привело к сложению гипотезы «о среднеазиатской прародине индоевропейцев, которая стала общепризнанной уже в 30-х годах XIX в. Территория прародины определялась разными авторами несколько различно, но все сходились на необходимости искать ее, прежде всего, в пределах горной области у верховий Аму и Сыр-Дарьи и около Белур-тага, т.е. на Памире и в припамирских областях» [24, с. 670].

Разумеется, были и ученые, которые сомневались в безупречности данной гипотезы. Например, спустя несколько лет, в 1856 г. высказал свое сомнение Г. Киперт, а в 1859 г. А. Пикте выдвинул идею о том, что прародиной индоевропейцев следует признать Бактрию и прилегающие к ней области. Как видно, вопрос об определении прародины арийцев все же не выходил за пределы Средней Азии. По мнению А.М. Мандельштама, исследования, проведенные в 60–начале 70-х годов, «заставили сторонников «среднеазиатской» гипотезы внести в нее весьма существенную поправку... Мифическая «предыстория» Памира, прочно занимавшая весьма солидное место в истории не только Средней Азии, но и вообще всего человечества, была отвергнута наукой, как искусственное построение, не имеющее под собой оснований» [10, с. 70-71].

Следует отметить, что А.М. Мандельштам, судя по приведенным им данным, скрупулезно подвергает изучение наиболее известных западно-европейских ученых XIX в., так или иначе проявлявших интерес к выявлению прародины арийцев, несколько неопределенно всё же не скрывает своей склонности брать под сомнение мнение тех, которые в определении прародины арийцев отдавали приоритет Памиру. В этом он, опираясь на мнение Ф. Шпигеля, пишет: «Естественно-географические условия на Памире оказались полностью противоречащими возможности помещать здесь прародину значительной части человечества» [10, с. 71]. При этом он в качестве аргумента приводит факт об ограниченности данных касательно населения Памира в периодах палеолита, неолита и эпохи бронзы. Разумеется, он исходил из наличия археологических данных к середине 50-х годов XX в. Но, как известно, в дальнейшем

археологические работы, проведенные на Памире Б.А. Литвинским, А.Н. Зеленским, А.Д. Бабаевым, М.А. Бубновой, если еще не окончательно, то всё же показывают прямую причастность памирцев к арийской или индоевропейской расе.

На наш взгляд, нельзя ставить вопрос о Памире как о главном, единственно определяющем очагом, положившем начало сложению всех народов, причастных к индоевропейцам. Определение истоков сложения арийцев само по себе является архисложным вопросом, на который дать однозначный ответ фактически невозможно. Также невозможно однозначно опровергнуть мнения ученых, которые выдвигались в качестве гипотезы, исходя из наличия множества археологических памятников на Памире. Поэтому считаем уместным привести взгляды ученых, придерживающихся этой позиции.

Известный археолог-антрополог В.В. Гинзбург, анализируя серии черепов из могильников Западного Памира, указывает, что древние племена обитавших этой местности относились к европеоидной расе. К данному типу относятся и современные памирцы [5, с. 159-164].

Т.П. Кияткина на основе обнаруженных ею при раскопе могильников Южбока на Западном и Кызыл-рабате на Восточном Памире черепов, указывает, что расовый тип населения оставившего могильника Южбок, в антропологическом отношении не отличается от тех, которые оставили свои могильники в I тысячелетии до н.э. на плато Восточного Памира. Это дает основание полагать об общности происхождения всего населения Памира и его автохтонность [8, с. 140].

Таджикский археолог А.Д. Бабаев, долго проводивший раскопки на Памире, опираясь на мнение В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой [4, с. 314] и свой материал, относительно антропологической характеристики таджиков Западного Памира пишет: «Таджики Западного Памира произошли от племен, обитавших здесь в эпоху камня, бронзы, раннего средневековья. В антропологическом отношении племена эти очень однородны и относятся к тому же короткоголовому европейскому типу Среднеазиатского междуречья, что и таджики, в особенности горные, но характеризуются полным отсутствием монголоидных черт» [1, с.228]. Далее он, как бы более четко определяя свое заключение в этом плане, указывает: «Уже в эпоху неолита на территории Средней Азии, очевидно и на Памире, бытовало население, характеризовавшееся древними европеоидными расами. Европеоидная раса представлена двумя типами: северным (протоевропейский) и южным (протосредиземноморский). Восточная ветвь средиземноморской расы является наиболее древним типом на территории Средней Азии. К этому же типу можно отнести и серии черепов из Западного Памира» [1, с. 241]. Также данный автор, основываясь на краниологический материал эпохи бронзы, сакского времени, кушан и первых веков раннего средневековья указывает на «много общих характерных признаков, которые свидетельствуют о проживании здесь одного расового типа» [1, с. 247], т.е. к европеоидной средиземноморской расе.

Литература:

1. Бабаев А.Д. Древние земледельцы «Крыши мира». – Худжанд: «Нури маърифат», 2006.
2. Вамбери А. Очерки Средней Азии. – М., 1868.
3. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 1867.
4. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии // АН СССР. Институт Этнографии. – М.: Наука, 1972..
5. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. Народы мира. Этнографический очерк. - М.: Наука, 1962. – Т.1. – С.159-164.
6. Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С. 209-252.
7. История Горно-Бадахшанской Автономной области. – Т.1. (С древнейших времен до новейшего периода). – Душанбе: Пайванд, 2005 (общ.объем - 494 с.).
8. Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. Сб.статей АН Тадж.ССР. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып.1. – С.140.
9. Кузнецов П. Памиры // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып.LVI. – СПб., 1894. – С.1-21.
10. Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад: Изд.-во АН Тадж.ССР, 1957.

11. Марков Е. Очерки путешествия. Т. II. – СПб., 1901.
12. Масловский С. Гальча. (Первобытное население Туркестана). – М., 1901 (отд. отт. из РАЖ, 1901, № 2, стр. 17–32).
13. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Издательство Наука, 1975. – 183 с.
14. Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879. – 270 с. (с картой).
15. Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1869.
16. Самойлович А.Н. Западный Туркестан со времени завоевания арабами до монгольского владычества. Историко-географический очерк. – СПб., 1903. – 145 с.
17. Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977.
18. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.
19. Шишов А. Таджики. Этнографическое и антропологическое исследование. – Ташкент, 1910. – 325 с.
20. Pott A. Etymologische Forschungen auf dem Gebitt der Indogermanischen Sprachen. – Bd. I. – Lemgo, 1830.
21. Rhode J. G. Die heilige Sage und das gesamte Relionsystem der alten Bakrer, Meder und Perser der des Zendvolkes. – Frankfurt, 1820.

ПРОБЛЕМЫ АРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПАМИРЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматривается причастность населения Памира и Бадахшана к арийской расе. На основе многочисленных исследований ученых, исходящих из наличия множества археологических памятников на Памире, выдвигаются много различных гипотез об арийской принадлежности его населения.

Ключевые слова: арийская раса, Памир, Бадахшан, исследователи, антропология, этнография, таджик.

PROBLEMS OF AN ARYAN ORIGIN OF PAMIR CITIZENS IN THE DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

In article there the participation of the population of Pamir and Badakhshan to Aryan race is considered. On the basis of numerous opinions of scientists which were given as a hypothesis, setting out of numerous archaeological monuments proceeding from Pamir.

Keywords: Aryan race, Pamir, Badakhshan, researchers, anthropology, ethnography, Tajik.

Сведения об авторе: Пирумшоев Мунир Хайдаршоевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Российско-Таджикского (славянского) университета, e-mail: munir.85@mail.ru

About author: Pirumshoev Munir Haydarshoevich, PhD of historical science, senior lecturer in the Faculty of Domestic History, Russian-Tajik (Slavonic) University, e-mail: munir.85@mail.ru

РАЗВИТИЕ МАЛОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ГОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ТАДЖИКИСТАНА (1991-2015 ГГ.)

Абдуназарова М. Н.

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни

Обстоятельно проанализировав состояния работы топливно-энергетического хозяйства республики, новое правительство суверенного Таджикистана, с целью избежать кризис в сфере производства и потребления электричества ввело в республике чрезвычайное положение в электропотреблении и разработало новую национальную программу дальнейшего развития большой и малой энергетики. В программе малой энергетики были предусмотрены следующие конкретные меры: в начале необходимо было разработать новую схему возобновления работы уже имеющихся малых электростанций в Матчинском, Гармском и Джиргитальском районах, а это до 30 малых ГЭС, в 1995 г. последовала разработка обширной программы «Использование гидроэнергетических ресурсов малых и средних водотоков ГБАО, средствами малой гидроэнергетики», предусматривающая строительство МГЭС, в первую очередь, в

горных, отдаленных районах республики, где отсутствовало централизованное электроснабжение. С целью обеспечения электроэнергией отдаленных районов страны Правительством Таджикистана была утверждена Программа развития малых ГЭС на период 2007-2020 гг. В рамках этой программы намечалось строительство в республике, в основном в горных районах 189 малых гидроэлектростанций, составление и обоснование проектно-сметной документации, которых осуществлял новый проектный институт «Нурофар» [1, с 34].

Президент республики Эмомали Рахмон в своем послании Мажлиси Милли также говорил о том, что уже построены и функционируют 150 малых ГЭС, а до конца года будет построено ещё 50 ГЭС. Сейчас из 150 построенных малых и средних ГЭС круглогодично функционируют 96 и сезонно - 5%. Здесь следует сказать о том, что все 150 малых и средних ГЭС страны в 2008 г. выработали свыше 39089 тыс. кВт.ч. электроэнергии [2]. Это во многом способствовало бесперебойному электроснабжению многих горных населенных пунктов республики.

Конечно, эта программа весьма масштабна, в ней предусматривается строительство около 250 малых и средних электростанций, что требует больших материальных и денежных затрат. С учетом этого были разработаны и приняты необходимые законодательно - правовые акты, нормативно - технические обоснования. В 1992 г. в Таджикистане был принят Закон «Об иностранных инвестициях в Республике Таджикистан» в 1996 и 1997 гг, в него были внесены соответствующие изменения и дополнения. В 1997 г. Правительство приняло Постановление «О развитии малой энергетики Республики Таджикистан»; в 2002 г. Закон «Об энергоснабжении» и Концепция развития отраслей топливно - энергетического комплекса Республики Таджикистан на период 2003-2015гг. Эти законодательные акты должны были укрепить инвестиционную политику, Таджикистана. Результатом стало участие в строительстве малых и средних электростанций на территории Горно - Бадахшанской автономной области Фонда Ага-хана. К реализации программы подключился и Исламский банк развития и тд. За счёт же государственных ассигнований и средств холдинговой компании «Барки Точик» в 1994-2002 гг. было построено более 8 малых и средних электростанций с общей мощностью от 250 до 630 кВт. В эти же годы на территории ГБАО за счёт фонда Ага-хана было построено ещё 12 станций мощностью от 30 до 100 кВт [3, с. 78].

В 2002 г. в республике было сформулировано «Технико - экономическое обоснование строительства гидроэлектростанций в сельской местности Таджикистана». Этот документ был подготовлен на основе глубокого изучения водных ресурсов малых рек и водотоков горных районов республики, в нем были обоснованы реальные возможности строительства многочисленных малых и средних ГЭС для электрификации горных районов республики. Благодаря такому обоснованию к реализации программы строительства малых и средних ГЭС подключился Исламский банк развития. «В целом же к строительству малых и средних электростанций республики были привлечены финансовые вклады таких международных банков, как Азиатский банк развития; Международный фонд спасения Арала; Фонд «Новая - энергия» - Россия; Программа развития ООН; Агро - Акции Германии; Холдинговая компания «Барки Точик» и др.

Согласно Постановлению Правительства республики (от 2 февраля 2009 года за № 73) «О перспективной программе строительства малых и средних электростанций на период 2009-2020 г.», общая программа строительства малых и средних электростанций до 2020 г. разделена на три этапа. Первый этап – 2009-2011г. В этот период должны быть построены 66, ГЭС общей мощностью 13530 кВт, в большинстве своем это небольшие и маломощные электростанции. Эта цель достигнута в основном в горных районах, сооружено около 200 средних и малых гидроэлектростанций, мощность которых в основном используется на освещение жилищ, оздоровительных и образовательных учреждений, культурно-бытовых учреждений.

Второй этап - 2012-2015 гг. В эти годы в сельских районах республики должны быть построены ещё 70 малых и средних электростанций с общей мощностью 32850 кВт, тоже в основном имеющие культурно-бытовое назначение.

Третий этап - 2016-2020 гг. На этом этапе намечается построить более 53 малых и средних сельских электростанций общей мощностью 26801 кВт.

В схеме указан строительство малых и средних электростанций на горных реках республики [1, с. 57]:

Название реки	Число строящихся ГЭС	Мощность МВт
Оби -хингоу	5	712
Сурхоб	4	1077
Кофарнихон	5	411
Варзоб	3	100
Зеравшан	6	640
Фандарья	4	510
Матча	5	500
Гунт	13	356
Бартанг	5	485,9

На притоках названных рек предполагается сооружение ещё 90 малых ГЭС с общей мощностью более 3000 кВт.

Строительство малых сельских ГЭС по программе Исламского банка

	Объект МГЭС	Расход м/с	Напор расчетный, м	Расчетная мощность, кВт
1	Марзич, Айнинский р-он	3,0	-	2750
2	Шаш-Боло, Нурабадский р-он	42,0	29	100
3	Сангикар, Раштский р-он	6,0	16	667
4	Фатхобод, Таджикабадский р-он	1,2	60	500
5	Питавкуль, Джиргатальский р-он	3,5	21	600+875
6	Гультепа, Файзабадский р-он	4,0	21	70
7	Хорма, Бальджуанский р-он	96,0	48	360

Строительство маломощных станций, финансируемых компанией «Барки точик»

Название ГЭС	Мощность, кВт	Название ГЭС	Мощность, кВт
Дошманд	30 кВт.	Артур	530
Кумрог	10	Табуш-5	5
Сафедоб	10	Дичик	530
Хисорак	10	Лангар	260
Ел	40	Харангониболо	80
Нурофар	100	Мехнатобод	210
Рог	14	Куляб	225
Бардара	120	Кизил-тумшук	1000
Ярм-2	40	Такоб	500
Табушн -7	15	Ширкент	576
Вадиф -2	5	Хорма	360
Вадиф-1	80	Марзич	4300
Табуш—8	60	Фатхобод	282
Сабак-5	37	Шашболай	183
Гукат	10	Точ	304
Ширг	1260	Сангикар	100
Дусти	10	Питовкул	1104

Как следует из данных вышеприведенных таблиц, география сооружения малых ГЭС охватывает почти всю республику, и при полной реализации задач этой программы мощность сельских электростанций республики достигнет 184, 5 млрд. кВт.ч. [2, с. 19].

Стоит заметить, что в высокогорных районах и кишлаках Горно—Бадахшанской автономной области за годы советской власти было построено лишь несколько небольших электростанций, за годы же суверенитета свыше 20 малых электростанций.

Название э/станции	Место расположения, Район	Год сдачи в Эксплуатацию	Мощность, кВт
Шпад	Рушанский	1997	30
Вамд	Рушанский	1998	60
Дех	Рушанский	1998	30
Бардара	Рушанский	1998	50
Равмед	Рушанский	1997	30
Япшора	Рушанский	1998	30
Басид	Рушанский	1999	75
Пасор	Рушанский	1999	100
Барчадев	Рушанский	1999	45
Адчирх	Рушанский	1999	20

Значение этих мелких и маломощных электростанций, построенных в годы независимости, неопределимо. С одной стороны, эти электростанции ликвидировали круглогодичный дефицит в электроснабжении отдалённых кишлаков и целых районов республики, а с другой, они способствовали строительству в кишлаках новых промышленных предприятий - по переработке фруктов и овощей, молочных фабрик, фабрик по переработке шерсти и льна, строительство малых ткацких и вязальных цехов и др. Например, 2009 г. В кишлаке Ширч Калаихумбского района была сдана в эксплуатацию средняя ГЭС мощностью 1260 кВт, которая сейчас круглогодично обеспечивает электроэнергией все кишлаки и райцентр Калаихумбского района. В районе дополнительно планируется построить ещё несколько новых мини заводов и фабрик по переработке овощей и фруктов, на которых будут созданы рабочие места, и некоторая часть населения будет обеспечена работой. Кроме того, почти 40% выработанной на мини - и малых электростанциях электроэнергии используется на коммунально-бытовые нужды сельского населения, и этот потенциал является постоянным.

Большой отряд изыскателей и проектировщиков проектного института «Нурофар», дополнительно обстоятельно изучили возможности использования потенциала малых рек, пришли к выводу, что строительство на них небольших ГЭС и их использование даёт республике более 30 млн. кВт. с годовой выработкой электроэнергии до 100 млрд. кВт.ч. Это одно из перспективных направлений развития энергетики в Таджикистане. Предварительные обследования института «Нурофар» также показывают, что на притоках рек, в горных регионах республики технически возможно и экономически весьма целесообразно строительство ещё более 100 малых гидроэлектростанций мощностью от 10 до 3000 кВт. В Центральном и Южном Таджикистане также имеются весьма перспективные для развития малой гидроэнергетики, возможности, т. е. сооружение ещё более 100 малых и мини ГЭС. При этом технико-экономические расчёты для 14 перспективных малых ГЭС показывают, что среднегодовая выработка электроэнергии на них может составить 348 млн. кВт.ч., при общих капиталовложениях 44 млн. долларов США [3, с. 67]. Эти станции покроют значительный дефицит в электроэнергии в горных районах республики.

Возможности строительства мини и средних ГЭС имеются и на реке Зеравшан, но ресурсные объёмы для сооружения таких электростанций ещё до конца не определены и т.д.

Таким образом, в годы суверенитета был обстоятельно изучен и определены потенциал почти всех больших и малых рек республики и их притоков (25 000), уточнена география их расположения, а также определены примерные объёмы мощности, возможные объёмы выработки электроэнергии на малых и средних ГЭС.

Литература:

1. Амонов С. Вазъи робитаҳои иқтисодии байналмилалӣ дар шароити имрузаи бухрони молиявӣ ҷаҳони // Энергетика ва саноат.- 2009.- № 4. - С. 6-7.
2. Гидроэнергетика Таджикистана: ресурсы и перспективы. – Душанбе, 2005.
3. Маликов М. Энергетическая независимость Таджикистана: история, проблемы и перспективы. - Душанбе, 2013.- 278 с.

РАЗВИТИЕ МАЛОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ГОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА ТАДЖИКИСТАНА (1991-2015 ГГ.)

В этой статье автор рассмотрит освоению гидроэнергетические запасы и все возможности и названия ГЭС Республики Таджикистана на основе достоверных источников. И так о роль и решении эффективная экономическая политика государства, в использовании внутренних и внешних ресурсов отводится первостепенное значение. Анализ истории ряда развитых стран свидетельствует, что основу их ускоренного экономического развития составило именно широкое использование энергоносителей, и не только в трудоемких процессах промышленности, но и в быту, культуре, связи, на транспорте и др.

Ключевые слова: программа, малой энергетики, энергетические ресурсы, энергетический рынок, эксплуатация, мощность, нефтепоисковых работ.

THE DEVELOPMENT OF SMALL-SCALE POWER DURING THE 1991-2015 TAJIK STATE SOVEREIGNTY

In this article the author to consider the development of hydropower reserves and the names of all the features and hydroelectric Republic of Tajikistan on the basis of reliable sources. And so the decision on the role and effective economic policy of the State in the use of internal and external resources is given prime importance. An analysis of the history of a number of developed countries shows that the basis of its rapid economic growth has made it the widespread use of energy, not just in labor-intensive process industries, but also in everyday life, culture, communications, transport and others.

Keywords: program, small power, energy resources, energy market, operation, power, oil exploration.

Сведение об авторе: Абдуназарова Мастура Нигматжоновна, аспирант кафедры истории таджикского народа Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни, e-mail: masturabonu85@gmail.com

About author: Abdunazarova Mastura Nigmatdzhonovna, post-graduate student of Tajik Nation History Chair of the Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, e-mail: masturabonu85@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСЛАМСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ В РАННЕМ ХАЛИФАТЕ

Убайдуллоев Ф. К.

Финансово-экономический институт Таджикистана

Прежде, чем приступить к изложению темы, хочу дать немного комментарий таким терминам, как мазхаб, муджтахид, фикх, факех (мусульманский правовед). Так как, по причине неизвестности и не использования в нашей стране, об этих терминах известно только узкому кругу ученых – богословов.

Известно, что наш великий соотечественник Имам Абу Ханифа являлся основателем и эпонимом самой крупной богословско-религиозной школы в исламе – ханафизме. Обычно, говоря про ханафизм, первым делом употребляют термин мазхаб. Мазхабом называется путь, школа, комплекс научных знаний, добытых в результате колоссального труда ученого – муджтахида.

В суннитском направлении мазхабы делятся на две группы:

1. Мазхабы по исповеданию – религиозно-правовые школы. В таких школах определено способ ежедневного поклонения и решения правовых вопросов по иджитхаду предводителей этих школ. Все вопросы, относящие к шариату, т.е. к исламскому праву, в том числе намаз и другие обязательства человека перед Творцом, товарообмен между мусульманами, формы взаимоотношений с окружающим миром и т.п. собраны в рамках этих мазхабов. Сегодня сунниты разделены на четыре мазхаба. В этих четырех религиозно-правовых школах сохранены все знания, собранные мазхабами во времена собеседников пророка и последующих за ним поколений. Разность в подходе к богослужению различает этих мазхабов. В то же время,

последователи любого из этих четырех мазхабов могут свободно перемещаться внутри школ. Эти четыре мазхабы таковы:

- ханафиты – основатель и предводитель этого мазхаба является Имам Абу Ханифа Ну'ман ибн Сабит. 80% последователей суннитского толка являются сторонниками этой школы.

- маликиты – основан Моликом ибн Анасом. Имам Молик родился в 93 г.х. – 711 н.э. в городе Медине и умер в 179 г.х. – 795 г.н.э. там же. Несмотря на то, что маликизм появился в Медине, основные массы его сторонников находятся на западе мусульманских земель, а в самом городе Посланника (с) его последователи немногочисленны.

- шафеиты – основатель Имам Абу Абдуллах Мухаммад ибн Идрис Шафеи родился в 150 г.х.- 767 г.н.э. в г. Газзах. Наставником Имама Шафеи по фикху был Имам Мухаммад Шейбани – ученик Имама А'зама. Имам Шафеи умер в 204 г.х. – 820 г.н.э. в Египте.

- ханбалиты – его основатель Имам Абу Абдуллох Ахмад ибн Ханбал уроженец Багдада, который прожил там 77 отпущенных ему лет (164/780-241/855).

2. Мазхабы по вероубеждению:

Матуридизм – основателем первой школы по вероубеждению в суннитском направлении является Имам Абу Мансур Мухаммад ибн Мухаммад ибн Махмуд Матуриди Ханафи Самарканди, известный под псевдонимом Имам-ал-Худа родился 280/894 г. в селе Мотурид, и умер в 333/944г. в Самарканде. Имам Матуриди собрал все материалы оставшиеся от Имаме А'зама о вероубеждение в книге «Ат-тавхид», и подробно прокомментировал их. Это позволило ему основать первую школу по вероубеждению в рамках суннитского толка. Учение Имама Матуриди стал главным инструментом ханафитских ученых в деле предостережение от влияния и распространения таких оппозиционных сект, как му'тазила, каррами, джухами, муташабиха, зохидизм, ботинизм и др. Имам Матуриди избрал срединный путь между му'тазилизмом и аш'аризмом, и уделял свободу разума и рациональному доказательству больше внимания, чем Имам Аш'ари, но меньше чем му'тазилиты. Вопреки аш'аритам, которые считали действия Творца независимым от потребностей и целей рабов, Имам Матуриди основываясь на безграничную мудрость Творца, признавал его действия зависимым от этих потребностей, но вопреки му'тазилитам, не считал выполнения этих потребностей обязательным для Творца. В вопросе предопределения и свобода воли тоже Имам Матуриди выбрал срединный путь между аш'аритами и му'тазилитам [6, с. 433].

Матуриди не отрицает атрибуты Бога, но считает их тождественным самому Богу. Он считает слова и выражения Корана сотворенными, но считает саму основу Корана как атрибут Бога извечным.

Таким образом, на восточных территориях исламского государства, ханафитский мазхаб долгое время и без серьезных противостояний был доминирующим. Последователи-сунниты стали по вероубеждению последователями Имама Матуриди. Населения сегодняшнего Таджикистана тоже являются по мазхабу ханафитами и по вероубеждению матуридитами.

Аш'аризм - основатель этой школы – Имам Абулхасан Али ибн Исмаил ибн Аш'ари родился в 260(266)/874(879) году в Басре, и умер в 324(330)/935(941) году в Багдаде. Школа аш'аритов основан на учениях Имама Молика, Имама Шафеи и Имама Ханбала. Он обосновал науку калама на почве вероубеждений приверженцев сунны и хадиса, и с помощью рациональных умозаключений выбрал срединную позицию между му'тазилитами и людей хадиса, и выступал в подражание сахабам на защиту суннитского вероубеждения [6, с. 430].

Муджтахидом называют ученого, который достиг наивысшего степени в изучении исламских наук. Иджтихад – это деятельность муджтахидов, которые действуют в рамках правовых вопросов. Право на иджтихад имеется только у тех ученых, которые достигли этого уровня, а для этого требовалось соблюдение следующих условий:

- знание арабского языка в совершенстве;
- знание наизусть Корана. Умение комментировать суры и аяты, быть лучшим знатоком науки толкования (тафсира), знать время и повод ниспослание каждого аята;
- знание наизусть большого количества хадисов (до 3 тысяч) с поименной цепи передатчиков, давать им историческое и содержательное объяснение;

- быть сведущим в вопросах правовых разногласий среди исламских течений;
- знать принципов приема и внедрения правовых норм;
- уметь объективно оценить полученные суждения и результатам;
- обязательно иметь все наилучшие черты человеческого характера, быть образцом благочестия, богобоязненности, целомудрия и т.п. для мусульманского сообщества.

В этом смысле Имам А'зам был идеалом не только среди простых мусульман, но и среди ученых богословов, что подтверждается многочисленными свидетельствами исторических источников.

Наука «фикх» - объясняет необходимость поступить или не поступить каким-то образом, в пределах норм шариата. Ученый, занимающийся этим вопросом, называется правоведом (факехом). Правоведы как обычно относятся к муджтахидам высшей категории, и черпают свои знания непосредственно из Корана и сборников хадисов. При отсутствии нужного прецедента они обращаются к поступкам сахабов или иджме – коллективному решению исламских богословов. Если и здесь они не найдут необходимого решения, тогда они используют принцип сравнительной аналогии – кияс, или выбора наилучшего решения из имеющих – истехсан. В результате такой системы правотворчества, и иджма, и кияс, и истехсан в конечном итоге берут свое начало из Коранических высказываний и хадисы Пророка (с).

Согласно Абу Ханифе, нужные знания можно получить только из книг фикха. Мусульманин после освоения условий омовения и достаточного количества сур для выполнения суточных молитв, должен немедленно заниматься изучением фикха. Поскольку знание наизусть Корана не является общеобязательным делом, а требуется только от способных членов мусульманской общины, а получение необходимого правового знания для каждого мусульманина является обязательным – фарз айн. То есть, каждый мусульманин должен в обязательном порядке освоит эти знания. К примеру, в шариате существует около двухсот тысяч фетве по вопросам фикха, включающее дозволенного и запретного, многие из которых относятся к фарзи айну. Освоение этих вопросов по халал и харам важнее изучение наизусть полного текста Священного писания. По свидетельствам первоисточников, только со стороны Имама Абу Ханифы были анализированы более 83 тысяч таких вопросов, и по ним изданы однозначные суждения.

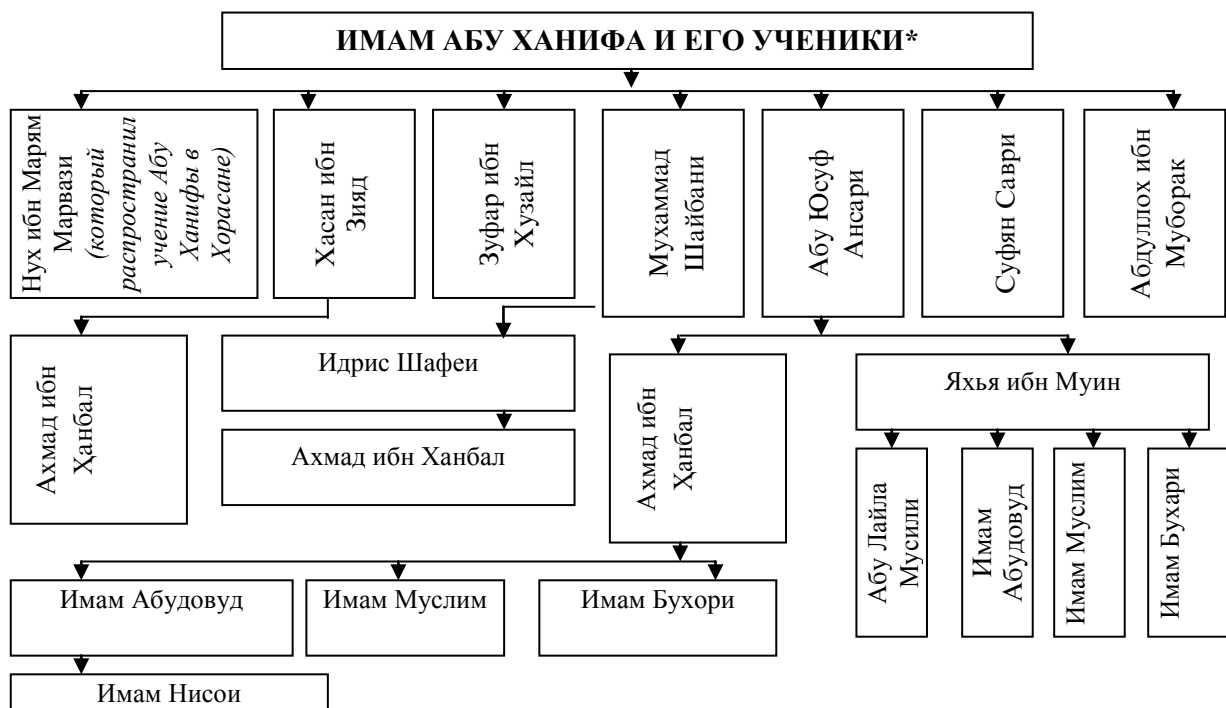

Схема 1. Цепочка учеников Абу Ханифы

*Разработан автором на основе данных исторических источников

Как следует из этой схемы, не только основатели суннитских мазхабов имамы Шафеи и Ахмад Ханбал, но и выдающиеся ученые мухаддисы (авторы известных сборников хадисов Пророка (с)), так или иначе, поучились в школе Абу Ханифы.

Труды по фикху Великого Имама как было отмечено выше, охватывали только фундаментальные вопросы его учение, подробности и элементы его школы описаны посредством творчества его учеников и последователей. В своем завещании ученикам Имам об этом говорит следующее: «Я приручил для вас фикха как приручают неосёдланного скакуна, и теперь вы можете его оседлать, когда захотите. Теперь я вас оставлю в таком положении, когда люди последуют за вами и идут за вами, они будут искать ваши слова и ваше высказывание. Я заставил людей склонять перед вами головы, и теперь они волей или неволей будут слушаться вас. Теперь каждый из вас может поступить на должность судьи» [5, с. 50]. Все знания, которые Имам передавал в устной форме, после его смерти было собрано и кодифицировано его учениками и упорядочено в форме слаженной систематизированной правовой доктрины. Ученики Имама Абу Ханифы создали на базе его учения философско-правовую школу, которая сегодня под именем ханафитского мазхаба больше всего распространена в исламском мире.

Прав Бокизода когда пишет: «Абу Ханифа и выдающиеся мыслители того времени – его ученики, действуя в форме крупнейшей научно-исследовательской академии и слаженного законодательного собрания, создали основы своего мазхаба коллективным образом» [1, с. 9]. Известные ученики Великого Имама, которые много старались для дальнейшего развития ханафитского мазхаба были следующие:

1. Абу Йусуф ибн Иброхим Куфи Ансари (113/731-182/796). Исполнял должность главного судьи (Судьи судей – кади ал-кудот) во времена первых Аббасидов. Он был первым ученым, достигшим такую должность, и он непосредственно сделал очень многое для распространения и развития ханафитской школы. Вдобавок, Абу Йусуф написал много трактатов об учении и принципов своего наставника. Как свидетельствует автор «Фехриста» [3, с. 286] он написал следующие труды:

- «Китаб-и закят» (О закяте), «Китаб-и сиём» (О посте), «Китаб-и фароиз» (Книга об обязательных для мусульманина действиях), «Китаб-и буюъ» (Книга о торговле), «Китаб-и худуд» (Книга о наказаний), «Китаб-и ваколат» (О полномочий), «Китоби васоё» (Завещания), «Китаб-и ал-Харадж» (О налогов) и т.п.;

2. Мухаммад ибн Хасан Шайбани (132/750-189/805). Родился в г. Васит, был учеником у имама, а после его кончины у его старшего ученика – Имама Абу Йусуфа. В свою очередь был учеником Имама Шафеи. После Абу Йусуфа достиг наивысшего ранга среди факихов Ирака. Его труды, включающие позиции и высказывания Великого Имама и Имама Абу Йусуфа вместе с позициями самого автора, составляют основу мазхаба.

Бокизода называет труды Имама Мухаммада основополагающими в мазхабе, а его самого - как официального писца. Вдобавок он считает, что книги Имама Мухаммада составляют основу всех кодифицированных книг всех четырех мазхабов суннитского толка [1, с. 15]. По-нашему, он не так уж и преувеличивает значение книг Имама Мухаммада Шайбани.

Сегодня ханафитская школа ортодоксального ислама, которой присуща свободомыслие и рационализм, занимает первое место среди исламских течений и сект по численности последователей. Основателем этой школы является Имам А'зам Абу Ханифа (80/699 – 150/767) – его полное имя Ну'ман ибн Сабит ибн Марзбан Куфи.

Слово «Ну'ман» - трактуется как а) кровь, б) тюльпан, в) благо [2]. Словосочетание «Абу Ханифа» который был принят Имамом в качестве фамилии (кунийя) буквально означает «Отец правильно верующих мусульман».

В силу того что, Абу Ханифа среди имамов других течений ортодоксального ислама был первым и считался наиболее авторитетным ученым, а его ученики Имам Абу Йусуф и Имам Мухаммад были наставниками таких великих имамов как Шафии и Ахмад бин Ханбал, чтобы как-то выделить статус Абу Ханифы его прозвали Имам А'замом (Великий Предстоятель).

Литература:

1. Бокизода А. Фикхи исломи (Исламское богословие). – Душанбе: «Сифат», 2006.
2. Васлии Самарканди. Ал-калом-ул-афхам фи манокби Имоми Аъзам (История Имама Азама). Душанбе : Изд-во «Кишоварз», 2001.
3. Ибн Надим. Ал-Фехрист (Каталог). – Каир: Изд-во «Рахмония», - С. 286
4. Ибн Обиддин. «Хошияи радд-ул-мухтор» [Электронный ресурс]. - <http://www.e-islam.ru/books/vera/muchl/pok/mas/>
5. Мачмуаи васоёи Имом Абуханифа (рх). – С. 50.
6. Мухаммад Реза Ноджи. Таърих ва тамаддуни исломи дар каламрави Сомониён (Исламская история и культура на территории Саманидов). – Тегеран : Изд-во Министерство культуры и исламской ориентации, 1999. – Тегеран: Изд-во Министерство культуры и исламского напутствия, 1378.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИСЛАМСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ В РАННЕМ ХАЛИФАТЕ

Данная статья посвящена вопросам методологического формирования ранних богословско-правоведческих школ, в частности, самой крупной из них – ханафитского мазхаба. Имам Абу Ханифа наряду с тем, что являлся великим кодификатором исламского права, сформулировал позиции своей школы по основным социально-экономическим вопросам своего времени, такими как государственные финансы, налоги и налогообложение, социальная справедливость и т.д.

Абу Ханифа вместе со своими учениками на базе ханафитской школы создали социально-экономическую доктрину, которая известна сегодня своей рациональностью, терпимостью и толерантностью. Сегодня идеи Абу Ханифа, позволившие мирно сосуществовать конгломерат народам более тысячи лет, представляют большой интерес для предотвращения радикализма и религиозного экстремизма в странах с преобладающим мусульманским населением.

Ключевые слова: мазхаб, фикх, муджтахид, ханафиты, маликиты, шафеиты, ханбалиты, матуридизм, аш'аризм, истехсан, иджма, кияс.

METHODOLOGICAL BACKGROUND OF ISLAMIC RESEARCH SCHOOL EARLY CALIPHATE

This article focuses on methodological issues of the formation of the early theological and jurisprudential schools, in particular the largest of them - the Hanafi. Imam Abu Hanifa, along with the fact that he was the great codifier of Islamic law, has formulated their school's position on the main socio-economic issues of his time, such as public finance, taxes and taxation, social justice, etc.

Abu Hanifah and his students on the basis of the Hanafi school have created a socio-economic doctrine, which is known today, his rationality, tolerance. Today, the idea of Abu Hanifa, allowed to coexist peacefully conglomerate of peoples over thousands of years, are of great interest for the prevention of radicalism and religious extremism in the country with a predominantly Muslim population.

Keywords: madhhab, fiqh, the mujtahid, Hanafi, Maliki, Shafei, Hanbali, Maturidi, Ash'arizm, istehsan, ijma, qiyas.

Сведения об авторе: Убайдуллоев Фаридулло Каримович, ст. преподаватель Финансово-экономического института Таджикистана, e-mail: faridullo72@mail.ru

About author: Ubaydulloev Faridullo Karimovich, senior teacher of Finance and Economics Institute of Tajikistan, e-mail: faridullo72@mail.ru

МУНДАРИЧА (СОДЕРЖАНИЕ)

ИЛМҶОИ ПЕДАГОГӢ (ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Абдуллаева Р. Х., Базарова С. Ш. Культурно-эстетическое воспитание как приобщение к творчеству и национальной культуре	3
Холбобоева Х. Б., Шарипова Д. Я. Анализ и методологическая характеристика оценки научной ценности системного подхода к проблеме оценочной деятельности учителя	10
Умарова Г. Оила ва мушкилоти он дар чомаи муосир	17
Шерматов Д. С., Мисокова Ф. С. Влияние средства воспитания на экологическому образованию бакалавров в условиях кредитной системы образования	21
Раджабова Ф. О. Роль игры в развитии творческих способностей младших школьников	25
Юҳой Дориюи Накши дилбастагӣ дар ташаккули хувияти навҷавонон	29
Рафиева Ф. Мактаби хунарии суннатӣ ва аҳамияти таълимиву тарбиявии он	34
Боронова С. Б. Педагогические условия эффективности практических занятий по орфографии в национальных группах	38
Рахматуллоева М. Н. Подготовка будущих учителей к анализу и синтезу педагогической информации и их использованию в организации практической деятельности	41
Сайфуллаев Х. Г., Сайфуллоева З. Педагогическая технология в обучении иностранным языкам с целью формирования у обучающихся черт вторичной языковой личности	46
Сайфуллоева З. Технология формирования межкультурной коммуникативной компетентности как способность обучающего к взаимодействию с обучаемыми для развития полилингвальной языковой личности	52

ЗАБОНШИНОСӢ (ЯЗЫКОЗНАНИЕ)

Хоркашев С., Юсупова С. Истилоҳоти марбут ба дарахтони мевадор дар шеваи чанубӣ ва чануби шарқии забони тоҷикӣ	57
Самадова Р. А. Системная семантическая дифференциация и интеграция предметно-признаковой информации в предложно-именных словосочетаниях таджикского и русского языков	61
Джурраев Г. Семантическое поле с понятием жилище в лексической системе южных говоров таджикского языка	69
Джурраев Г., Гафуров Н. Универсальный характер повтора как средство выразительности языка	75
Ваҳҳобов Т. Тамоюли табдили алифбои русӣ ба лотинӣ дар Русия	82
Назифова З. Структурно-грамматические особенности изафетных фразеологических единиц английского и таджикского языков	85
Расулов С. М. Субстантивные словосочетания, означающие взаимоотношение частного к общему и их признаков	90
Махадова Г. Х. Тематическая классификация новых слов в таджикском языке	95

Кудратова Г. Б.	
Концепт «труд» и орудий труда в таджикской и английской лингвокультурах	98
Бурханова С.	
Способы выражения идиоматики в лингвистике	102
Расулов С. М.	
Языковые особенности субстантивных словосочетаний в творчестве	
Накибхона Туграла	105
Назифова З.	
Морфологические особенности субстантивных фразеологических единиц	
в английском и русском языках	110
Махмудова М.	
Межязыковая компрессия сложноподчинённых предложений посредством причастия	
в современной таджикской художественной прозе	113
Бурханова С.	
Явления полисемии идиомы в английском языке	116
Азимова М. Н.	
Лексико-тематическая организация фе в сопоставляемых языках	119
Бобокалонова Р.	
Влияние предлогов на значение глагола в языке таджикской классической прозы	123
Саидхоҷаева М. Н.	
Чумлаҳои мураккаби фразеологии тоҷикӣ ва таҳвили онҳо ба забони русӣ	126
Маҳмадҷонов О. О., Муҳамедова З. Ш.	
Равандҳои нави глобализатсионӣ: забон ва гендер	132
Исмоилов Ш.	
Забони халқ – манбаи рушди истилоҳот	137
Исмоилов Ш.	
Топосубстратҳо дар топонимияи Тоҷикистон	141

АДАБИЁТШИНОСӢ (ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ)

Салимӣ Н. Ю., Солеҳов Ш. А.	
Тасвири Наврӯз дар шеъри муосири тоҷикӣ	145
Салимӣ Н. Ю., Солеҳов Ш. А.	
Бозтоби симои бадеии муаллиф дар ашъори Туграл	149
Зохидов Н.	
Персидско-таджикские мотивы в арабоязычной панегирической поэзии первых	
веков ислама	153
Муллоев А.	
Симои Аҳмади Дониш дар «Ёддоштҳо»-и Садриддин Айни	160
Ходжаева М. Ю.	
Саади в творческой лаборатории Пушкина	164
Ғафарова З. А.	
Творческое наследие Байрам-хана на фарси и использование им фигуры талмех	171
Ғаффарова У. А.	
Бедилшиносӣ дар Тоҷикистон	176
Рустамова Г. Р.	
Перевод произведений Л. Толстого на таджикский язык в 50-60 годы XX века	179
Маҳмадҷонов О. О.	
Оини давлатдорӣ дар осори Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ	183
Рустамова Г. Р.	
Перевод рассказа Л. Толстого «Поликушка» Н. Бектошем на таджикский язык	187
Ўлмасова З.	
Инъикоси шахсиятҳои таърихӣ дар романҳои таърихӣ давраи истиқлол (дар мисоли	
романи таърихӣ А. Ҳамдам ва Л. Чигрин «Хатои Темури Ланг»)	192
Карахонов М. С., Мадиева У.	
История перевода произведения Саади «Гулистан» в Европе	198

Муллоев А., Рустамова Г.	
Рахим Хошим – критик и переводчик произведений Льва Толстого (на примере романа «Анна Каренина»)	201
Шарипова Г.	
Ўрун Кӯҳзод – устои насри андеша	206
Восиева Р. К.	
Образы правителей в народном романе “Искандар-наме	211
Карахонов М. С.	
Немецкие литературоведы и произведение Саади «Гулистан»	216
Одилова З. О.	
Тарчума ва таъсири адибони классики Фаронса ба адабиёти тоҷик (В. Гюго, Оноре дӯ Балзак)	219

ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ)

Пирумшоев Ҳ.	
Помир - маскангоҳи қадимаи қабоили ориёитабор	223
Убайдуллоев Н. К.	
Политика русского царизма в области народного образования северного Таджикистана во второй половине XIX в. (к историографии проблемы)	228
Хамза Камол, Амир Теймури М. Ш.	
Этническая атрибуция Сефевидской династии по материалам «Джаханкуша-и хақан» ...	234
Саидов А., Амир Теймури М. Ш.	
Состав сефевидских войск по материалам «Джаханкуша-и хақан»	239
Пирумшоев М. Х.	
Памир в древней историографии	243
Одинаев А. Н.	
Социально-экономическое положение Верховьев Зеравшана во второй половине XIX-начале XX вв.	246
Исмоилов Ё., Мирзоаширафов П.	
Научно-историческое значение строительства Хорогской гидроэлектростанции в развитие народного хозяйства Памира	254
Хусайнов А. К.	
Развитие топливной промышленности Республики Таджикистан в 2000-2010 гг.	257
Пирумшоев М. Х.	
Проблемы арийского происхождения памирцев в отечественной и зарубежной историографии	261
Абдуназарова М. Н.	
Развитие малой энергетики в годы государственного суверенитета Таджикистана (1991-2015 гг.)	266
Убайдуллоев Ф. К.	
Методологические предпосылки возникновения исламских научных школ в раннем халифате	270

ТАРТИБИ ҚАБУЛ ВА НАШРИ МАҚОЛА

Маҷаллаи «Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ» тибқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи матбуот ва дигар воситаҳои ахбори омма» интишор мешавад.

Дар маҷалла натиҷаи корҳои илмӣ-тадқиқотии профессорону омӯзгорони Донишгоҳ ва олимони ватаниву хориҷӣ нашр карда мешавад.

Ҳайати таҳририя, ки ба он мутахассисони соҳаҳои мухталифи илм шомил мегарданд, бо фармони ректори Донишгоҳ тасдиқ карда мешавад.

Маҷалла мақолаҳои илмиро тибқи қарори кафедра ва шӯрои олимони факултет қабул менамояд. Мақолаҳои, ки ба суроғаи маҷаллаи «Паёми донишгоҳи омӯзгорӣ» ирсол мешаванд, бояд ба талаботи зерин ҷавобгӯ бошанд:

1. Дар мақолаҳои илмӣ ҳалли масъалаҳо аниқ ва равшан ифода гардад.
2. Ҳаҷми мақола яқоя бо расм, ҷадвал, диаграмма, графика ва матни аннотатсия аз 10 саҳифаи ҷопӣ зиёд набошад.
3. Дар ҳар як мақолаи илмӣ тибқи тартиб зикри мафҳумҳои калидӣ ва аннотатсия бо ду забон: русӣ ва англисӣ риоя шавад.
4. Мақолаҳо тибқи барномаи Winword дар дискета ё флешкарт бо шрифти Times New Roman Tj, ҳуруфи 14 қабул карда мешавад. Фосилаи байни сатрҳо 1, ҳошия аз тарафи чап 3 см, аз тарафи рост 1,5 см, аз боло 2 см, ва аз поён 2 см - ро бояд ташкил намояд, матни мақола аз тарафи рост рақамгузорӣ карда шавад.
5. Дар саҳифаи аввали мақола ному насаб, номи падар ва ва номи ҷойи кори муаллиф дарҷ гардад.
6. Дар мақолаҳои илмӣ истифодаи адабиёт ва тарзи гузоштани иқтибос тибқи қоидаҳои нашрия, дар асоси талаботи амалкунандаи ГОСТ риоя шавад.
7. Дар охири мақола маълумот оид ба ҷойи кор, вазифаю унвони илмӣ, суроға ва имзои муаллиф ҷой дода шавад. Ба муаллифоне, ки масъули асосии ҳифзи сирри давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошанд, нишон додани маълумотҳои мушаххас зарур намебошад.
8. Ҳайати таҳририя ҳуқуқ дорад, ки мақолаи илмиро ихтисор ва ислоҳ намояд.
9. Дастхати мақолаҳо баргاردонида намешавад.

ПОРЯДОК ПРИЁМА И ИЗДАНИЯ СТАТЬИ

«Вестник педагогического университета» издается в соответствии Законом Республики Таджикистан «О печати и других средств массовой информации».

В журнале публикуется основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата и доктора наук отечественных и зарубежных исследователей.

Редакционная коллегия утверждена по приказу ректора университета.

Статьи принимаются с протоколом кафедр, научного совета факультетов и с отзывами научных руководителей.

Статьи, которые отправляются в адрес университета, должны соответствовать следующим требованиям:

1. Основное содержание издания должно представлять собой оригинальные научные статьи.
2. Представленные статьи совместно с рисунками, диаграммами, графиками, аннотациями должны быть не менее десяти страниц.
3. Каждая научная статья в обязательном порядке принимается с ключевыми словами и с аннотациями на русском и английском языках.
4. Статьи принимаются в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman (Times New Roman), размер шрифта 14. Все поля обязательны для заполнения независимо от формы (бумажной или электронной) научного издания. Интервал между строками 1 см с левой стороны 3 см., с правой стороны 1, 5 см, сверху 2 см, снизу 2 см., текст статьи номеруется с правой стороны.
5. На первой странице статьи указывается фамилия имя отчество и место работы автора.
6. У всех публикуемых научных статей должны быть пристатейные библиографические списки, оформленные в соответствии с правилами издания, на основании требований, предусмотренных действующими ГОСТами.
7. В публикуемых материалах указывается информация об авторах, их месте работы и необходимые контактные данные. Авторы, имеющие допуск к государственной тайне Республики Таджикистан имеют право не указывать место работы и контактные данные.
8. Редакционная коллегия имеет право сократить и исправить научную статью.
9. Представленные научные статьи автору не возвращаются.